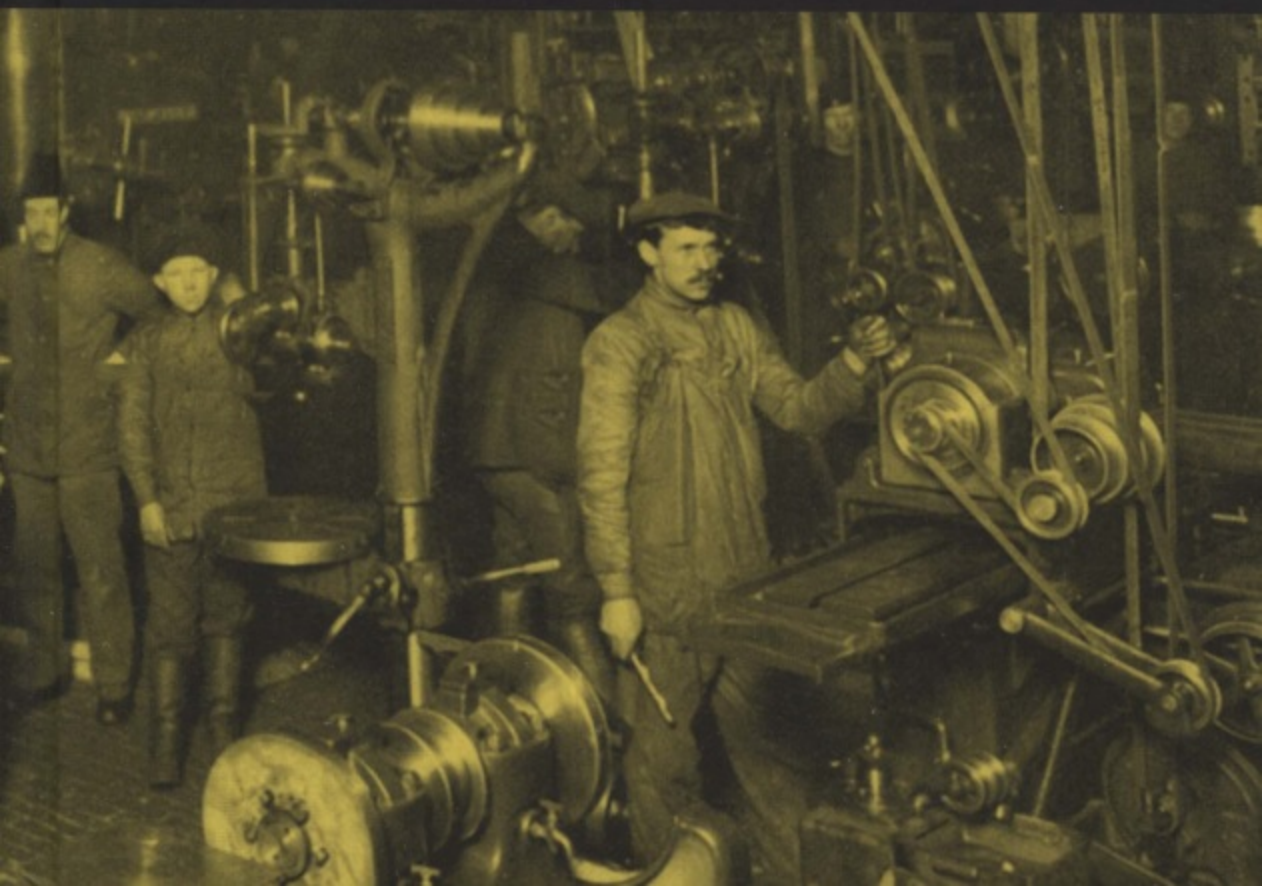

**АЛЕКСАНДР
ПЫЖИКОВ**

ВЗЛЁТ НАД ПРОПАСТЬЮ

1890–1917

Александр Пыжиков

ВЗЛЁТ НАД ПРОПАСТЬЮ

1890-1917 годы

Концептуал

Москва

2018

УДК 947.08
ББК 63.3(2)5
П94

Пыжиков А.В.

Взлёт над пропастью. 1890–1917 годы. — М.: Концептуал, 2018. — 552 с.

Настоящее издание посвящено последним трём десятилетиям Российской империи. На этом историческом отрезке сконцентрировалось всё: нерешённые вековые проблемы; попытки создать условия для нового индустриального рывка; яростная борьба не желавших сдавать позиции представителей старого мира — олигархов, купцов, паразитической аристократии; алчность и истинные намерения наших союзников по Антанте, для которых Россия — лишь лакомый кусок. Это было время выбора пути, когда медлить — смертельно опасно.

Ощущая сползание страны в экономическую пропасть, Николай II приводит к власти новую управленческую элиту с принципиально иным отношением к государству. Они разрабатывают и начинают претворять поистине великие реформы в важнейших сферах жизни: наконец-то намечен собственный путь развития, достойный великой державы. Кто стоял за прогрессивной модернизацией? Неужели у России был реальный шанс превратиться в настоящую «фабрику мира»? Это было время потрясающего взлёта над экономической пропастью. Подготовка к запуску новой экономической модели вызвала невиданную озабоченность у союзников по Антанте. Потом началась Первая мировая война, а затем и Февральская революция...

Прошло чуть более 100 лет — и перед нами та же острота вызовов и нерешённых проблем российского общества. На повестке дня — необходимая историческая легитимация государственного курса. Курса, возвращающего современную Россию в её собственный цивилизационный контекст. Надеемся, данная книга будет шагом в этом направлении.

В оформлении обложки использовано фото «Русский Рено» (Большой Сампсониевский пр., д. 69).
Источник: <https://humus.livejournal.com/3936438.html>

ISBN 978-5-906867-93-3

© Издательство «Концептуал», 2018

© Александр Пыжиков, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	4
<i>Глава первая</i>	
ЧТО СКРЫВАЕТ ФЕНОМЕН С.Ю. ВИТТЕ	8
<i>Глава вторая</i>	
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ДВИЖУЩАЯ СИЛА МОДЕРНИЗАЦИИ	54
<i>Глава третья</i>	
ПРИДВОРНЫЕ КРУГИ VS ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЮРОКРАТИЯ	92
<i>Глава четвёртая</i>	
ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ИМПЕРИИ	134
<i>Глава пятая</i>	
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ..	185
<i>Глава шестая</i>	
АГРАРНЫЕ ВАРИАЦИИ.	237
<i>Глава седьмая</i>	
НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ	303
<i>Глава восьмая</i>	
ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА.	347
<i>Глава девятая</i>	
«БАНКОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»	399
<i>Глава десятая</i>	
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С КРУПНЫМ БИЗНЕСОМ (на примере нефтяной отрасли)	451
<i>Глава одиннадцатая</i>	
НЕУДАВШИЙСЯ ШТУРМ МОСКВЫ.	501
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	542

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Отечественная и зарубежная историография всегда уделяли значительное внимание проблемам российской модернизации. Однако не будет преувеличением сказать, что в литературе наиболее раскрученными преобразованиями остаются так называемые Великие реформы царя-освободителя Александра II. Им посвящён обширный пласт исследовательских трудов, где модернизация 1860–70-х годов презентована в качестве некоего образца, по которому должно оцениваться любое реформаторство в России.

В данной же книге речь пойдёт о завершающем этапе существования империи — эпохе Николая II. На ней останавливают своё внимание различные исследователи, пытающиеся осмыслить судьбоносный период нашего прошлого. Тогда в России родилась в полном смысле публичная политика, сформировались партии, была учреждена Государственная дума и т.д. Неудивительно, что интерес к этому этапу не угасает. Поражает другое: столь востребованная эпоха во многом остаётся своего рода *terra incognita* исторического ландшафта.

Виной тому крайняя политизированность предреволюционного периода, ведь родословные нынешних политических игроков берут начало как раз в нём. Разумеется, рождение либерально-общественного бренда, черносотенного движения и того же большевизма с точки зрения их последователей обязано выглядеть выигрышно. Поэтому, как правило, мы по-прежнему сталкиваемся с различными научно-медийными проекциями, обслуживающими конкретные политические потребности, но весьма далёкими от реалий. И под этим оказалось погребено немало того, что способно в корне изменить традиционные представления о царской России в последний период её существования.

У автора это понимание наметилось в ходе подготовки книги «Питер — Москва: схватка за Россию» (2014). В ней рассматривалось противостояние купеческой элиты и петербургской бюрократии. Непосредственно о купечестве ко времени выхода той книги было сказано и написано более чем достаточно. Но хотелось выяснить подробнее, как же происходило его взаимодействие с реакционными, как убеждала историография, чиновничьими верхами, которые препятствовали развитию бизнеса, а значит, и прогрессу. Этот тезис десятилетиями воспроизводили все, кто так или иначе погружался в эпоху Николая II. Однако знакомство с новым кругом источников, существенно расширившимся в постсоветский период, определило новые исследовательские рубежи. Стало очевидно: главные будущие открытия связаны с полной переоценкой роли бюрократии в два предреволюционных десятилетия, начиная с качественных изменений её состава и заканчивая её расхождением с придворной средой как традиционным центром власти. Эти расхождения были связаны с разным видением того, каким путём должна развиваться страна. Собственно, именно они, эти расхождения, и составляли суть эпохи.

Приходится признать: противостояние правительства и купечества, которому посвящена книга «Питер — Москва: схватка за Россию» было далеко не определяющим. Долгие годы оно тлело подспудно, оставаясь на втором плане, а в острую фазу вступило в 1905 году, задним числом объявленным годом первой русской революции. Правда, и эти события вывели купечество на авансцену политической жизни совсем ненадолго. И лишь с лета 1915-го оно начинает играть весомую роль в борьбе с правительственными силами, выступив под либерально-западными знамёнами с большинством Государственной думы.

Подчеркнём: чрезмерное историографическое увлечение этим сюжетом как раз и мешает увидеть модернизационный проект, разработанный частью государственной элиты того времени. Отдельные его фрагменты кочуют по разным монографиям, где их приписывают кому угодно, но только не настоящим его авторам. Чтобы внести ясность, необходима расчистка исторического полотна, устранение всевозможных наслоений, серьёзно исказивших подлинные реалии. О реформах Николая II ещё недавно говорить было не принято: непонятным оставался сам предмет разгово-

ра. Как и либеральные, так и советские идеологические стандарты проявляли удивительное единодушие в оценке последнего царствования. Эпоха мракобесия, блокирования прогресса, вырождения верхов, или, иначе говоря, прелюдия к гибели империи. Преодоление этих стереотипов, укоренившихся в отечественной историографии, началось в постсоветские годы. Отправной точкой стало воспевание кадетской партии, по убеждению московской группы исследователей, располагавшей искомой программой развития, которую не дала осуществить реакционная бюрократическая клика. Презентация реформаторских потенций кадетов совпала с воспеванием фигуры С.Ю. Витте, чем занялся круг питерских учёных. Продолжилось всё П.А. Столыпиным, на рекламирование которого навалились уже всем миром, поскольку становилось очевидным, что кадетскими общественниками обойтись не получится.

Сами по себе отмеченные подвижки представляют значительный шаг вперёд, поскольку тема реформ в царствование Николая II наконец-то получила необходимое звучание. Однако историческая легитимация этого периода далека от завершения, а проводимая тогда модернизация страны ещё не выяснена с должной полнотой. Достигнутые рубежи могут считаться окончательными лишь теми, кто слабо знаком с корпусом многообразных источников и по каким-то причинам не утруждает себя их разработкой. Только в этом случае возможны такие перлы, как, например: если не «чудо Витте», то «мы говорили бы теперь об ином варианте развития Российской империи»¹. Сочетание «модернизация Витте — Столыпина», коим с лёгкостью оперируют в последнее время, вообще нельзя признать корректным по причине устойчивого неприятия, антагонизма в их отношениях. Так недолго обнаружить и «кадетско-столыпинский» вариант реформ, смешав заклятых оппонентов в одном «флаконе». Нельзя пройти мимо и ещё одного принципиального момента: если Витте относил к своим непосредственным заслугам любые преобразовательные усилия, то Столыпин позиционировал себя более скромно, никогда не претендуя на единоличное реформаторское авторство. Причисление же его к архитекторам модернизации, развернувшейся в начале XX века,

¹ Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте — Столыпина. СПб., 2016. С. 45.

является плохой услугой отечественному реформаторству, ограничивая его субъектность и вариативность.

Следующим шагом в изучении завершающего периода империи является «выведение в историографический свет» целого слоя управленцев, которые и являлись архитекторами экономического курса при Николае II. Преобразования начала XX столетия можно квалифицировать как наиболее масштабные за всю историю существования России. Разрекламированные Великие реформы Александра II явно уступают им по системности и глубине. В то же время адресовать модернизационные заслуги непосредственно Николаю II, к чему склоны нынешние ультрамонархические круги, значило бы находиться во власти воображаемого. Это, мягко говоря, не приближает к пониманию того, кем и как в действительности вырабатывался и осуществлялся реформаторский курс.

Большую помощь в подготовке настоящей книги оказали труды учёных, относящихся к так называемому новому направлению. Эта советская научная школа, полностью разгромленная в начале 1970-х годов брежневской челядью, внесла ощутимый вклад в осмысление России, как тогда говорили, периода империализма. А.Л. Сидоров, И.Ф. Гиндин, К.Н. Тарновский, П.В. Волобуев и др. подняли вопрос об отличиях буржуазного строительства в России от западной модели, основанной на свободном рынке. Именно благодаря им была разработана точка зрения на российский капитализм как результат в первую очередь целенаправленных усилий государства, а не конкурентных действий субъектов рынка. Другое дело, что постсоветские реалии не располагали к позитивному восприятию подобного. Однако сегодня очевидно, что именно идеи названных учёных должны служить отправной точкой для будущих исследований.

На повестке дня — не лёгкая корректировка сложившегося постсоветского исследовательского формата, а выход на новый уровень осмысления материала.

Глава первая

ЧТО СКРЫВАЕТ ФЕНОМЕН С.Ю. ВИТТЕ

На небосклоне последнего царствования сверкает звезда министра финансов Сергея Витте. Это стало настолько привычным, что, казалось бы, добавить к этому практически нечего. Его ослепительное сияние призвано подкрепить версию о вырождении верхов, проиллюстрировать их недееспособность. Нам упорно указывают: они не могли оценить гения российской модернизации, и потому его благие усилия в конечном счёте сошли на нет. Неудивительно, что фигура отвергнутого реформатора крайне привлекательна для тех постсоветских учёных, которые пытаются так или иначе оправдать историческое фиаско отечественных либералов. Кроме того, историографическая востребованность Витте объясняется, так сказать, техническими причинами: сведения о нём лежат на поверхности, исследователей ждут готовые оценки всего и вся, изложенные в собственных обширных мемуарах министра.

Но, пожалуй, главное, что там обнаруживается, — это самопрезентация Витте в качестве главного модернизатора России, окружённого отсталыми и косными людьми. Именно этого взгляда придерживаются многие, и даже серьёзные историки, как у нас, так и за рубежом. В советский период его наиболее последовательно проводил И.Ф. Гиндин: он рассматривал деятельность Витте как попытку продвигать буржуазные реформы, к которым верхи, в отличие от либералов 1860–70-х годов, оказались не готовы¹. А после крушения СССР российские учёные заговорили уже о целой

---

¹ Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. №4. С. 111.

реформаторской системе, разработанной Витте¹. Всё закончилось исследованиями, которые, несмотря на добротный уровень, являются по сути иллюстрацией к виттевским мемуарам². И потому одна из задач настоящей книги — оспорить эту тенденцию, расчислить наслоения, по-новому осмыслив последний, самый интересный этап существования Российской империи.

Сомнения в правдивости мемуаров Витте высказывались с момента их публикации за границей. По большому счёту они представляют собой не объективное изложение, а скорее напоминают покрывало, наброшенное в угоду личным амбициям на целый период нашей истории. Именно в таком ключе к ним отнеслись очевидцы царской поры. Последний царский министр путей сообщения, всю жизнь проработавший в железнодорожной отрасли, Э.Б. Кригер-Войновский указывал на присущее Витте бесцеремонное обращение с истиной, что особенно проявилось в его воспоминаниях³. Менее дипломатично выразился бывший директор департамента полиции А.А. Лопухин: «Как бы ни смягчать мнение о них [мемуарах], их нельзя рассматривать иначе, как свидетельство полной потери автором малейших признаков достоинства⁴. Злобным пасквилом назвал их и бывший чиновник МВД С.Н. Палеолог⁵. Об озлобленности и предвзятости повествования писал и хорошо знакомый с Витте В.И. Гурко, посвятивший разбору воспоминаний обширную статью⁶. Занимавший пост начальника канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолов, прочитав мемуары, решил в противовес виттевскому опусу поделиться сведениями, которые помогут составить более ясную картину о том же периоде⁷. А «владелец пера» Л.М. Кляч-

---

¹ *Ананьин Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 83–97.

² *Ильин С.В.* Витте. М., 2006.

³ *Кригер-Войновский В.Н.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. М., 1999. С. 81.

⁴ *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний. М-Пг., 1923. С. 4.

⁵ *Палеолог С.Н.* Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 207.

⁶ *Гурко В.И.* Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте // Русская летопись. Вып. 2. Париж, 1922. С. 58–154.

⁷ *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 27.

ко-Львов после знакомства с текстом посчитал нужным опросить оставшихся в стране представителей царской бюрократии, дабы хоть что-то противопоставить этим откровениям¹.

Начнём с интеллектуального багажа Витте, который выглядел, надо признать, более чем скромно: налёт славянофильства, привитый в юности родным дядей, получерносотенным Р.А. Фадеевым, будни на железной дороге, небольшие заметки в «Московских ведомостях» М.Н. Каткова и «Руси» И.С. Аксакова да пара брошюр. Одна посвящена специальной теме «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов» (1883) — предложенный в ней набор общеизвестных мер ни у кого не вызвал возражений. Хотя автор текста упорно использовал на Юго-Западных железных дорогах, где служил, тарифы с теми самыми недостатками, которые критиковал в своём же сочинении, и это не осталось незамеченным². Другая брошюра — «Национальная экономика и Фридрих Лист» (1889), приуроченная к вступлению Витте на государственное поприще в путейском ведомстве³. Интерес к Листу навеян не теоретическими познаниями, а славянофильской риторикой, поскольку немецкий учёный провозглашал примат национального в экономике и пользовался симпатиями в этой среде⁴. Правда, появление данного труда сопровождалось слухами, будто подлинный его автор — первый муж Матильды Лисаневич (вступившей во второй брак с Витте), который из-за болезни и последовавшей смерти просто не успел опубликовать свою работу. Как иронизировали в Петербурге, текст достался в качестве приданого⁵.

Подобный background разительно отличал Витте от коллег по правительству, многих сановников, причём независимо от политических предпочтений. Если Н.Х. Бунге, Д.А. Толстой, К.П. Победоносцев, Д.А. Милютин, К.Н. Посьет и др. считались (независимо от идейной принадлежности) признанными интеллектуалами, являлись завсегдатями книжных магазинов, заказывали книги в библио-

---

¹ Клячко-Львов Л.М. Памятная записка // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

² Изнар Н.Н. Заметки инженера // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 94.

³ Витте С.Ю. Национальная экономика и Фридрих Лист // Вопросы экономики. 1992. №2, 3.

⁴ Антонов Н.Р. Экономическое учение славянофилов. М., 2008. С. 185.

⁵ Хвостов И.С. Из старого времени // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. Л. 95.

теке¹, то о Витте этого сказать никак нельзя. Этим объясняется, что, став министром финансов, он пытался выселить знаменитую Императорскую публичную библиотеку из здания на Невском проспекте, где та располагалась, и приспособить помещения под фондовую биржу и Государственный банк. Такое безразличие к научно-просветительской цитадели царской России говорит само за себя. Лишь протесты общественных авторитетов того времени (И.И. Толстой, В.В. Стасов и др.) не дали осуществиться задуманному².

Разные люди, лично знавшие Витте, едины в одном: на роль интеллектуала-стратега тот никак не тянул. Например, довольно близкий к нему А.А. Половцов оставил такую характеристику: «человек очень умный, но лишённый и первоначальных, и всяких государственных сведений»³. Ему вторит государственный контролёр П.Х. Шванебах, работавший с Витте в правительстве: ему нет равных «в искусстве достигать ближайшие конкретные цели, будь то низвержение противника или заключение займа и даже договора; при этом он совершенно лишён способности к высшим государственным концепциям, совершенно не сведущ в истории и в условиях государственной жизни»⁴. Аналогичную оценку даёт и товарищ управделами Совета министров А.С. Путилов, много лет наблюдавший Витте: «В огромном большинстве случаев в образе его действий нельзя видеть того холодного расчёта, который обычно руководит действием государственных мужей. Он большей частью действует под влиянием минутного впечатления, только ум и наглость позволяют ему это скрыть и подыскать высокие государственные соображения, побудившие его на этот шаг»⁵. В том же духе высказался К. Головин: «Работоспособностью он отличался необычайной. Энергией превосходил значительно всех своих коллег... но едва ли

¹ *Либрович С.Ф.* На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Пг., 1916. С. 285–289, 297–298, 309–310, 315–317.

² *Каренин В.* Владимир Стасов: очерк жизни и деятельности. Ч. 2. Л., 1927. С. 609; *Куликов С.В.* Граф И.И. Толстой и реформа Императорской Академии художеств // Во главе Императорской Академии художеств. Граф И.И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898 годы. М., 2009. С. 54.

³ *Половцов А.А.* Дневник. 1893–1909 годы (22 ноября 1893 года). СПб., 2014. С. 64.

⁴ *Шванебах П.Х.* Витте и переворот (заметки очевидца) // Исторический архив. 2010. №5. С. 136.

⁵ *Путилов А.С.* Воспоминания и граф Витте // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 14.

желающие видеть в нём прежде всего преобразователя не ошибаются насчёт богатства его творчества»¹.

Та же тональность и в мемуарах Н.Е. Врангеля, знавшего Витте много лет: «Государственным человеком в европейском смысле его назвать нельзя, ибо ни установленного плана, ни цели у него не было. В общей политической обстановке он не разбирался... Он был не государственный муж, а временщик; очень умный, очень работоспособный и очень ловкий человек»². Бывший начальник департамента полиции А.А. Лопухин более резок: «Мне в моей жизни и деятельности пришлось видеть много людей самых разнообразных калибров, но я никогда не встречал человека, в котором степень образования, даже сумма практических сведений так не соответствовала его положению, как в Витте. Он окончил курс в университете на математическом факультете, но трудно думать, чтобы после этого он когда-либо что-либо читал»³. В завершение приведём мнение лояльного к Витте человека: «...В нём слышался недостаток государственного образования. Он очень слабо владел французским языком, совсем не знал немецкого и с европейским умственным миром был знаком только посредством нескольких переводных отрывков, а литература, кроме наук по его специальности, литература всего образованного мира и знание истории, всё было для него чуждое и очень малоизвестное»⁴. Познакомившись с этими оценками, нельзя не удивляться маститым современным учёным, с лёгкостью называющим Витте «ярким представителем русской экономической мысли»⁵.

Появление в Петербурге этого самородка, похожего на управляющего банкирской конторой из южного торгового города, стало целым событием⁶. На постах, связанных с железной дорогой,

---

¹ Головин К. Мои воспоминания. СПб., 1910. Т. 2. С. 252.

² Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 275–276.

³ Лопухин А.А. Обрывки воспоминаний. С. 68.

⁴ Глинский Б.Б. Период твёрдой власти (исторические очерки) // Исторический вестник. 1912. №7 (Т. 129). С. 686.

⁵ Абалкин Л.И. Экономические воззрения и государственная деятельность С.Ю. Витте // Витте С.Ю. Собрание сочинений и дополнительных материалов. М., 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 12.

⁶ Львов Н.Н. Граф С.Ю. Витте и П.А. Столыпин // Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 145.

он выглядел вполне органично, но не во главе финансового ведомства. Бросалось в глаза его слабое знакомство с модернизационными планами, намеченными ранее Бунге. К примеру, он в чисто славянофильском духе выступал страстным поборником общины, не видя в ней главной причины сельскохозяйственной отсталости: да, община стесняет некоторых исключительно предприимчивых лиц, но она «вовсе не предназначена служить ареной для инициативы и экспериментов людей исключительных» — за ней великая охранительная и дисциплинирующая сила¹. Ещё более примечательно отношение Витте к введению денежного обращения на основе золота: он не был сторонником золотой валюты и предпочитал использовать бумажную инфляцию, чтобы иметь под рукой материал для кредитования предприятий. В первые два года его управления Минфином задуманная предшественниками денежная реформа оказалась фактически свёрнута. В итоге обозначилась развилка: либо выпустить золото в обращение через открытие размена, либо оставить всякую мысль о реформе, обратившись к выпуску кредитных билетов².

Причём выбор этот имел не только финансовый смысл: фактически речь шла о том, какие предпринимательские группы станут опорными для экономического роста. Витте не скрывал симпатий к купеческой буржуазии — принципиальной противнице золотого обращения. Правительственные же финансово-экономические круги, продвигавшие денежную реформу, видели перспективу в широком привлечении в страну иностранных инвестиций, для чего и был необходим золотой стандарт. Развязка последовала только весной 1895 года, когда Витте всё-таки проникся идеями Бунге, в своё время начинавшего готовить денежную реформу. Тогда же министр меняет и точку зрения на общину, ратуя теперь за её ликвидацию. Спустя годы в ходе заседаний Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности Витте не без иронии указывали, с какой энергией осенью 1893 года он бился в Госсовете за закон «О неотчуждаемости крестьянских земельных наделов», фактически консервировавшего общинные

¹ Чернышев И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918. С. 248–250.

² Головин К. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898 годы. СПб., 1899. С. 40.

порядки¹. После такого напоминания Витте признавался, что переосмыслил свою приверженность к общине после консультаций с Бунге². То есть только пройдя ряд идейных метаморфоз, Витте утрачивает налёт славянофильства и решительно вживается в образ государственного деятеля иного типа.

Содержательную уязвимость Витте с лихвой компенсировал решимостью окунуться с головой в дела, а «его непосредственность и отсутствие царедворческих привычек» импонировало Александру III, который видел в этом «внешнее проявление прямоты и искренности»³. В деловой хватке чиновника государь смог воочию убедиться в ходе конфликта Минфина с Министерством путей сообщения по поводу строительства железнодорожной ветки Рязань — Казань. На совещание у императора глава финансового ведомства Вышнеградский взял Витте, который помог буквально «размазать» оппонентов⁴. Когда Александр III решил отставить главу МПС А.Я. Гюббенета, то после просмотра ряда кандидатов, изъявивших желание видеть на месте товарища министра именно Витте, он, ни с кем не посоветовавшись, сделал последнего управляющим Министерством путей сообщения⁵. Вышнеградский в душе остался этим крайне недоволен⁶. Кадровое решение императора стало неожиданным ещё и потому, что в МПС Витте ненавидели, а взаимные оскорбления едва не довели его и Гюббенета до дуэли, о чём судачил весь Петербург⁷. Однако это нисколько не помешало Александру III уже в конце 1892 года переместить своего протеже ещё выше — в кресло министра финансов. Причём Вышнеградский, из-за болезни вынужденный покинуть этот пост, уже прямо говорил императору

¹ Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 5 февраля 1905 года (выступление И.Л.Горемыкина) // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 19. Л. 9–10.

² Там же. Л. 14.

³ Ковалевский В.И. Из воспоминаний о графе С.Ю. Витте // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.

⁴ Изнар Н.Н. Заметки инженера // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 91–92.

⁵ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 54–55.

⁶ Богданович А.В. Три последних самодержца. М.-Л., 1924. С. 156 (запись от 6 марта 1892 года).

⁷ Propper S.M. Was nicht in die Zeitung kam. Erinnerungen des Chefredaktenes der «Birschewyja wedomosti». Frankfurt a. M. 1929. S. 393.

ру о нецелесообразности такого назначения. Он даже предлагал выделить из Минфина вопросы торговли, таможни, передав их в ведение МПС, т.е. под Витте, а финансы поручить кому-то более подготовленному, но Александр III остался непреклонен¹.

Принимая предложение возглавить ключевое ведомство правительства, Витте прекрасно понимал, какие трудности подстерегают его на этом поприще; должность, дававшая большую власть, могла обернуться полным фиаско. Поэтому он озаботился поиском союзников и прежде всего подумал о близком к Александру III министре двора графе И.И. Воронцове-Дашкове. Этого сановника связывала совместная служба с виттевским дядей Р.А. Фадеевым: когда-то оба начинали на Кавказе адъютантами князя А.И. Барятинского. Затем они не прерывали отношений, обменивались визитами, а Воронцов-Дашков помнил ещё юного фадеевского племянника, боготворившего своего славянофильски настроенного родственника². Витте не скрывал подчёркнутого почтения перед министром двора, часто повторял, что с детства был очарован его «рыцарской натурой»; портрет Воронцова-Дашкова даже украсил кабинет только что назначенного министра финансов на Мойке³. Однако надёжной опоры из представителя императорского окружения не получилось. Его активность к середине 1890-х годов резко понизилась, не менее шести месяцев в году он стал проводить в своём обширном тамбовском имении, занимаясь сельскохозяйственными экспериментами⁴. Конечно, граф сочувствовал Сергею Юльевичу, например, содействовал перемещению минфиновца А.С. Ермолова в кресло министра земледелия (для Витте, правда, это больше напоминало избавление от авторитетного сотрудника, нередко выступавшего с критикой)⁵. Но использование Воронцова-Дашкова в постоянном режиме оказалось проблематичным, тем более когда после назначения Кавказским наместником в 1897 году тот вообще отбыл из Петербурга⁶.

¹ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Т. 2. СПб., 1911. С. 221.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 36.

³ Кривенко В.С. В Министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 260.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 423.

⁶ Кстати, вернувшись во власть осенью 1905 года, Витте продемонстрировал крайне неуважительное отношение к тому, кого называл «рыцарем» и чей

Главная ставка Витте при Александре III была связана с преемником графа Д.А. Толстого на ключевом правительственном посту министра внутренних дел — И.Н. Дурново. Как подчёркивали современники, тот «пользуется полным доверием государя и каждый день получает более и более влияния»¹. Его благосклонность Витте завоевывает тем, что присоединяется к комбинации, имевшей целью сделать главой МПС директора хозяйственного департамента МВД А.К. Кривошеина. Получив назначение в Минфин, Витте «решительным образом» рекомендует своим преемником в путейское ведомство именно Кривошеина, поскольку очень «нуждался в поддержке Ивана Николаевича Дурново»². Эти старания были нелишними и ещё по одной причине. Переезд Витте в Петербург ознаменовался одной неприятной ситуацией, настроившей против него столичный свет. Дело в том, что в киевский период его поддерживал адмирал Н.М. Чихачёв, возглавлявший тогда Российское общество пароходства и торговли (РОПиТ), которому принадлежала Одесская железная дорога³; там начинал служить молодой Витте, и Чихачёв ему покровительствовал. Особенно сблизила их Тилигульская катастрофа 1875 года, когда обоих пытались привлечь к ответственности за халатность на линии, повлёкшую гибель людей⁴. Но всё обошлось, и на карьерах того и другого эта трагедия не отразилась. Более того, адмирал с 1888 года встал во главе Морского министерства, а Витте спустя год оказался в кресле начальника департамента Минфина. Чихачёв, довольный этим обстоятельством, даже сватает одну

портрет держал в кабинете. Он начал порочить Воронцова-Дашкова, требовать его удаления в связи со слабым здоровьем, предлагал вынести на правительство вопрос о разделе наместничества на три генерал-губернаторства. Все эти предложения Витте излагал императору до тех пор, пока тот не отверг планы по реорганизации наместничества, повелев оставить Воронцова-Дашкова на прежней должности. См.: Мемория Совета министров об изменении полномочий Наместника Кавказского. 2 января 1906 года // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 461. Л. 2–8 (резолуция Николая II).

¹ Полоцов А.А. Дневник государственного секретаря (запись от 5 декабря 1889 года). Т. 2. М., 2005. С. 259.

² Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. С. 511

³ Чихачёв Николай Матвеевич // Государственный совет Российской империи. 1906–1917 годы. Энциклопедия. М., 2008. С. 311–312

⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 99–105.

из своих дочерей, коих у него с полдюжины, за Витте. Однако тот женится на Матильде Лисаневич. Негодование адмирала и сочувствующего ему столичного бомонда не знает границ: на репутации оскорбившего почтенного человека, казалось, поставлено несмыслимое пятно¹. С императором вопрос о женитьбе как раз и помог утрясти новый союзник И.Н. Дурново². Но вот с петербургскими верхами, где Витте предстояло вращаться, дело обстояло гораздо сложнее. И здесь он сделал выбор, который в дальнейшем без преувеличения позволил ему состояться как государственному деятелю вопреки неблагоприятному настрою элиты.

В своих мемуарах об этом судьбоносном для себя моменте Витте упоминает сухо: «Я посоветовал государю назначить Сольского, бывшего государственного контролёра, который оставил пост отчасти потому, что с ним был удар, а отчасти потому, что он по политическому направлению подходил больше к направлению Александра II, т.е. был так называемого либерального направления»³. На наш взгляд, в этой фразе — ключ к пониманию виттевских успехов на государственной ниве. Речь идёт о должности руководителя департамента экономии Государственного совета — это серьёзная аппаратная позиция: там рассматривались и утверждались сметы всех ведомств. Понятно, что никакой министр финансов не мог полноценно функционировать, не имея поддержки руководителя этой ключевой структуры. У Витте перед глазами был пример Вышнеградского, чей авторитет во власти значительно уступал А.А. Абазе — в то время как раз руководителя департамента экономии Госсовета. Подчёркивая своё привилегированное положение, тот нередко действовал по своему разумению, не считаясь с министром и создавая ему значительные сложности. По свидетельству очевидцев, он из Вышнеградского просто «верёвки вил»⁴.

---

¹ Кольшико И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 118. В своих мемуарах Витте сполна «отплатил» Чихачёву, обвинив его в полном развале флота, что и стало одной из причин поражения в Русско-японской войне 1904–1905 годов, см.: Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 309

² Дневник Т.И. Филиппова (запись от 27 августа 1892 года) // РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 241.

⁴ Дневник Т.И. Филиппова (запись от 27 августа 1892 года) // РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

Витте же, не располагавший аппаратными ресурсами, тем более не смог бы противостоять столь мощной фигуре. Более того, отношения между ними стали натянутыми. Причиной послужил уход Гюббенета с должности министра путей сообщения: Абаза стремился, чтобы этот пост занял его протеже М.Н. Анненков, тоже известный в отрасли человек, которому с начала 1880-х годов прочили министерское кресло. Выбранный же Александром III вариант весьма опечалил бывалого аппаратного бойца; он счёл, что выскочка «похитил место», и намеревался «травить» его в высших учреждениях¹. Перемещение же Витте в Министерство финансов, которым в 1880–1881 годах руководил сам Абаза, не на шутку раздражило ветерана российской политики. Тот сразу начал вставлять палки в колёса новому главе финансового ведомства. Первый же пакет фискальных законопроектов, с которым Витте вышел через месяц после назначения, подвергся Госсоветом уничижительной критике как непроработанный, а введение некоторых налогов, например соляного, отменённого при Бунге, сочли вообще нецелесообразным². Ситуация для новоиспечённого министра финансов складывалась тревожная, и он приложил максимум усилий, чтобы на этом критически важном посту (главы департамента Государственного совета) оказался другой человек — Дмитрий Мартынович Сольский (1833–1910). Роль Сольского в российской государственной жизни второй половины XIX — начала XX столетия практически никто не считает ключевой, его имя известно лишь узкому кругу специалистов. Справедливости ради отметим: одним из немногих, кто выделил этого человека из бюрократической элиты, охарактеризовав его близким к Витте, стал советский историк И.Ф. Гиндин³. Однако сосредоточенный на кипучей деятельности самого Витте, Иосиф Фролович не развил своё наблюдение, из-за чего упустил немало существенного.

Окончив с золотой медалью Александровский лицей, Сольский попал во II отделение Е.И.В. канцелярии (кодификация законов), где прослужил с 1853 по 1867 год, пройдя путь до замести-

¹ Там же. С. 47–48.

² *Шванебах П.Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 38–41.

³ *Гиндин И.Ф.* Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. №10. С. 93.

теля руководителя этого учреждения в ранге товарища министра. Его продвижению способствовал главноуправляющий канцелярией М.А. Корф, высоко оценивший широту познаний и работоспособность молодого чиновника. Тогда говорили: «поднялась звезда Сольского, созданного бароном Корфом»¹. Последний, напомним, принадлежал к просвещённой бюрократии, был приверженцем идей М.М. Сперанского, и его даже называли «золотым пером» известного реформатора; а тот в свою очередь более других привечал Корфа². Именно последний привил либеральные взгляды вел. кн. Константину Николаевичу, у которого с 1847 года состоял преподавателем правоведения³. Будучи начальником департамента законов в Государственном совете, Корф поддерживал Сольского, который в ходе подготовки и принятия Положения о земствах уже завоевал авторитет у многих коллег⁴. Александр II познакомился с ним во время докладов по текущим делам II отделения Е.И.В. и по собственной инициативе назначил госсекретарём Государственного совета, хотя кандидатурами на это место были Д.Н. Набоков и С.М. Жуковский⁵. Председатель Госсвета вел. кн. Константин Николаевич, вскоре оценивший способности Сольского, не пожалел об этом высочайшем решении и просил императора пожаловать тому звание статс-секретаря с производством в тайные советники.

Однако двойное награждение не соответствовало общим правилам, и Александр II предложил Сольскому сделать выбор. Тот остановился на звании статс-секретаря, посчитав самой высокой наградой право всеподданнейшего доклада⁶. В Госсвете Сольский играл весомую роль, плотно занимаясь реформой городского самоуправления (1870): ему принадлежала идея создания губернских присутствий для рассмотрения конфликтов, пререканий между земством, городскими управами, правительственными ор-

---

¹ Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1. М., 2004. С. 85.

² Майков П.М. Второе отделение Его Императорского Высочества канцелярии. 1826–1882 годы. СПб., 1906. С. 404.

³ Там же. С. 401.

⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864 годы. М., 2003. С. 290.

⁵ Государственная канцелярия. 1810–1910 годы. СПб., 1911. С. 267.

⁶ Там же. С. 302–303.

ганами, чтобы тем самым разгрузить Сенат¹. Весом его вклад в законодательное обеспечение военной реформы (1874), в разработке которой поддерживал Военного министра Д.А. Милютину; Манифест о введении в России обязательной воинской повинности написан лично им². У него сложилась репутация человека, «всегда сочувствовавшего реформам»: неслучайно он находился в числе ближайших сотрудников М.Т. Лорис-Меликова, оставаясь с ним в дружеских отношениях вплоть до смерти последнего³.

С 1878 по 1889 год Сольский занимает должность государственного контролёра. В этот период наконец устанавливается надзор за строительством и эксплуатацией железных дорог, налаживается проверка их расчётов с правительством⁴. Рост значения госконтроля в общей системе власти происходил на фоне громких конфликтов с различными ведомствами, с акционерами частных обществ, не желавшими установления опеки над ними⁵. Александр III, критично относившийся к любимцам своего отца, не стал смещать Сольского с должности, так как крайне благосклонно относился к его профессиональной службе⁶. Император нашёл в нём «редкого охранителя государственного достоинства без угодливости лицам, как бы высоко они ни стояли, и без желания что-либо скрыть»⁷. В 1880-х годах в правительстве выделяется тандем Бунге (министр финансов) — Сольский (госконтролёр), противостоявший К.П. Победоносцеву (обер-прокурору Синода) и Д.А. Толстому (министру внутренних дел). Сольский полностью разделяет и поддерживает инициативы Бунге за отмену подушной подати, против введения института земских начальников и т.д.⁸. В 1888 году Витте впер-

¹ Записка помощника статс-секретаря Государственного совета С.К. Гогеля «Губернские присутствия смешанного состава как органы административной юстиции на местах». 14 мая 1905 года // РГИА. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 2. Л. 261–261об.

² Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879 годы. СПб., 2005. С. 347.

³ Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С. 300.

⁴ Общий обзор развития и деятельности государственного контроля в царствование государя императора Александра III. 1881–1894 годы. СПб., 1901. С. 25–30.

⁵ Там же. С. 40–45.

⁶ Дневник государственного секретаря Е.А. Перетца. 1880–1883 годы. М., 1927. С. 81.

⁷ Д.М. Сольский (некролог) // Русское слово. 1910. 30 ноября.

⁸ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 417, 429; Он же. Российское самодержавие в конце XIX века. М., 1970. С. 115.

вые увидел Сольского, возглавлявшего Особое совещание по учреждению департамента железнодорожных дел в составе Минфина и тарифного комитета при этом ведомстве¹. Через некоторое время он переводится в департамент законов Государственного совета, к неудовольствию министра внутренних дел И.Н. Дурново, справедливо считавшего, что тот «не твёрд в господствующих ныне убеждениях»². Карьеру прервала болезнь, от которой Сольский оправлялся больше года. Возвращение к деятельности произошло снова в Госсовете.

Однако 1893 год стараниями Витте начался для Сольского с перехода в департамент экономии. Интересно, что в своё время М.Т. Лорис-Меликов уже хотел назначить его на этот пост с оставлением в должности госконтролёра, что до сих пор не допускалось. Только отказ Сольского помешал осуществиться этому плану: он счёл невозможным занять обе должности, если это будет сделано ради него. К тому же, по его мнению, в департаменте экономии немало более заслуженных людей, и его назначение многих обидит³. Вот от такого-то человека Витте решил получить поддержку, очутившись в кресле министра финансов. Стремясь укрепить с ним личные отношения, он по собственной инициативе продвигает племянника сановника на руководящую позицию в Государственный банк в обход непосредственных начальников⁴. Способствует назначению Сольского на важный пост председателя комитета финансов, где рассматривались государственные займы⁵. Повторимся: до конца 1894 года (т.е. при Александре III) Витте делал основную ставку на главу МВД Дурново. Тот находился в явном фаворе, однако был далёк от финансовой сферы, потому-то новый

¹ *Vitte С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 207. В мемуарах эту реорганизацию Минфина Витте целиком и полностью приписывает себе, однако архивные документы этого не подтверждают. В деле о создании департамента и тарифных органов министерства никаких следов присутствия Витте в каком-либо качестве не обнаруживается // РГИА. Ф. 1152. Оп. 11 (1889). Д. 19.

² *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря (запись от 20 июня 1889 года). Т. 2. С. 226.

³ Дневник государственного секретаря Е.А. Перетца. 1880-1883 годы. С. 9–10.

⁴ *Propper S.M.* Was nicht in die Zeitung kam. Erinnerungen des Chefredaktenes der «Birschewyja wedomosti». Frakfurt a. M. 1929. S. 412.

⁵ Письмо С.Ю. Витте к Д.М. Сольскому. 13 января 1893 года // РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 503. Л. 84.

министр финансов и решил предусмотрительно прикрыться Сольским — полезной, но пока ещё вспомогательной для него фигурой.

Всё кардинально поменялось с воцарением Николая II. Будучи наследником, он смог воочию оценить Дмитрия Мартыновича в ходе работы комитета по проведению Сибирской железнодорожной магистрали. Будущий император возглавлял этот комитет с 1893 года (вице-председателем стал Бунге), но первенствующую роль в заседаниях играл Сольский. Именно ему доверялось ведение совещаний, где обсуждались сложные сметные вопросы, затрагивавшие различные интересы. Как откровенно признавались члены этого комитета, тот «вообще оказал благополучному исходу дела неоценимые услуги»¹. Весьма примечательно, что 6 декабря 1894 года молодой император удостоил Сольского высшей награды Российской империи — ордена Андрея Первозванного, показав, таким образом, на кого он собирается опираться². Если при жизни Александра III можно говорить, что в связке Витте — Сольский ведущим был министр финансов, то теперь всё изменилось с точностью до наоборот. Уже Витте оказывается в орбите влияния Сольского и Бунге, где и происходит идейная трансформация министра финансов.

Возглавляя департамент экономии Государственного совета, Сольский играл одну из ключевых ролей в выработке многих решений. Современники отзывались о нём не иначе как «о выдающемся по уму и государственному опыту сановнике... чьё мнение имело всегда большое влияние на окончательное решение дел»³. Именно Сольский пользовался наибольшим влиянием в верхах, «возражать против высказанного им мнения Министерство финансов не решалось»⁴. Он представлял собой «человека громадных познаний, был высококультурным и честным государственным деятелем», «все, кто только его знал, глубоко его почитали»⁵. Поки-

¹ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. С. 422.

² Формулярный список Д.М. Сольского // РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 503. Л. 69 об. Хотя это награждение не обошлось без Витте, старавшегося укрепить отношения с нужным ему руководителем Департамента экономии Государственного совета.

³ Менделеев П.П. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 109. Л. 1, 8-9.

⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 95.

⁵ Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 519.

дая пост и сдавая дела, военный министр А.Н. Куропаткин так напутствовал своего преемника А.Ф. Редигера: для упрочения позиций держаться ближе к Сольскому, доверяясь его разуму, опытности и просвещённому духу¹. Из выявленных характеристик Сольского, содержащихся в мемуарной литературе, негативных лишь две. Причём нелицеприятно о нём высказываются персонажи, которых можно отнести к обиженным, считавшим, что того незаслуженно предпочли. Так, князя Д.А. Оболенского, не получившего министерского поста при Александре II, откровенно раздражало, что Сольского назначили государственным контролёром. В другом случае госсекретарь Госсовета при Александре III А.А. Половцев хотел играть более серьёзную роль в политике, но все сложилось не в его пользу².

Разнообразные межведомственные разногласия, требовавшие немалых знаний, выдержки и такта, поручалось рассматривать именно Дмитрию Мартыновичу. Показательно свидетельство прошедшего большой аппаратный путь Н.Н. Покровского: «“Комиссия Сольского” — это было какое-то нарицательное слово: стоило возникнуть какому-нибудь более или менее сложному вопросу в области финансов, кредита, государственной экономии, а впоследствии — и государственного строительства вообще, — и тотчас для его рассмотрения образовывалась высшая комиссия или комитет из министров и других сановников под неперменным председательством графа Д.М. Сольского. К этим комиссиям относились с особым уважением ввиду авторитета их председателя, мнение которого имело обыкновенно решающее значение»³. Компетентность Сольского признавалась безоговорочно: он славился тем, что знал рассматриваемые дела до мельчайшей подробности, особенно сметы. Представители ведомств старались узнать его мнение до начала заседаний: благодаря этому упрощались спорные вопросы⁴. Многие в верхах повторяли не лишённый иро-

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания министра. М., 1999. Т. 1. С. 422.

² Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879 годы. С. 452; Половцев А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. М., 2005. С. 233, 448.

³ Покровский Н.Н. Последний в Маринском дворце: воспоминания министра иностранных дел. С. 54.

⁴ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М., 2011. С. 251–252.

нии его афоризм: в журналах важных совещаний «должно быть написано отнюдь не то, что говорилось, а то, что должно было говориться»¹. Но главное, Сольский пользовался высоким уважением Николая II, который обсуждал с ним ключевые назначения. Например, Сольский сыграл большую роль в судьбе Э.Д. Плеске, ставшего главой финансового ведомства после отставки Витте. Будучи смертельно болен, Плеске писал: «Всегда буду помнить, чем я обязан Вам в выпавшем на мою долю почёте»². Когда решался вопрос о его преемнике на пост министра финансов, то у кандидатуры Коковцова нашлось немало противников, однако перед императором все их перевесил один голос Сольского³. Сегодня считается, что наибольшим влиянием на Николая II пользовался К.П. Победоносцев. Едва ли это утверждение справедливо: например, разговаривая с кем-нибудь, император мог назвать «всемогущего» обер-прокурора Синода «старым болтуном»⁴. Кстати, Сольский явно недолголюбил Победоносцева и не упускал случая на заседаниях Госсовета поставить того в неудобное положение⁵.

Совершенно очевидно, какую мощную поддержку приобретал Витте. Но почему же сам Сольский пошёл на тесное сотрудничество с таким малоподготовленным деятелем? На наш взгляд, для него вариант с Витте во многом воспроизводил ситуацию конца 1870-х — начала 1880-х годов, когда ударной реформаторской силой для просвещённой бюрократии стал фаворит Александра II М.Т. Лорис-Меликов. Судя по свидетельствам, которыми мы располагаем сегодня, у двух этих деятелей было немало общего: отсутствие каких-либо государственных навыков, огромная энергия и доверие императора. В подкрепление этой версии скажем несколько слов о Лорисе. Как вспоминали близко наблюдавшие его люди, этот выпускник

¹ Путилов А.С. Воспоминания и граф Витте // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 93.

² Письмо Э.Д. Плеске к Д.М. Сольскому. 5 февраля 1904 года // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 204. Л. 2.

³ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. С. 252.

⁴ Об этом оставил воспоминание сын члена Госсовета А.А. Половцева, передавшего — со слов вел. кн. Владимира Александровича — разговор Николая II с вел. кн. Павлом Александровичем по поводу женитьбы последнего на разведённой особе. См.: Половцев А.А. (младший). Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 118. Л. 236–237.

⁵ Путилов А.С. Воспоминания и граф Витте // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 19.

Николаевского кавалерийского училища, чей отец не знал русского и едва подписывался по-армянски, не располагал необходимыми для большой карьеры образованием и эрудицией, но необыкновенно быстро впитывал всё новое¹. Кроме того, он прекрасно умел скрывать интеллектуальные изъяны: в ходе бесед больше молчал, «предоставляя говорить другим, а сам лишь зло усмехался, чтобы казалось, что в нём заключён целый мир познаний»².

Устойчивых политических убеждений у него просто не было: в зависимости от ситуации он мог быть и либералом, и славянофилом, и консерватором, и т.д.³ Но судьбе было угодно, чтобы два сильных человека — А.А. Абаза и Д.А. Милютин, — прошедших большой аппаратный путь и связанных родственными узами (Абаза был женат на сестре Милютина⁴), взяли его в свои руки, и Лорис-Меликов оказался лидером либеральной группировки в верхах⁵. Что касается самого Лориса-Меликова, то он всегда признавал своё недостаточное знакомство с государственным управлением и, по сути, начал учиться, уже сойдя с правительственной арены. Путаясь порой в понятиях и исторических событиях, он тем не менее мог с двух-трёх слов схватывать существо вопроса⁶. Схожесть с Витте бросается в глаза, однако надо отдать должное Лорису: он не пытался изображать из себя стратега, неизменно «считая себя умнее всех»⁷. Были и другие различия, и тоже не в пользу Витте. Сильная сторона Лориса — врождённая дипломатичность. Военный министр Д.А. Милютин считал его гибким человеком, знающим, в каком смысле с кем говорить, умеющим находить соответствующие слова и выражения⁸. Его называли «большим диплома-

¹ Нарышкина Е.А. Мои воспоминания под властью трёх царей. М., 2014. С. 278–279.

² Клеймихель М. Дворцовые интриги и политические авантюры. Российская аристократия при последних Романовых. М., 2013. С. 127.

³ Там же. С. 128, 131.

⁴ Скальковский К.А. Наши государственные и общественные деятели. С. 544.

⁵ Мамонов А.В. М.Т. Лорис-Меликов: к характеристике взглядов и государственной деятельности // Отечественная история. 2001. №5. С. 36, 42.

⁶ Кони А.Ф. Граф М.Т. Лорис-Меликов. Т. 5. С. 193 // Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1968.

⁷ Каннегисег И.С. Впечатления, заметки и встречи // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 245. Л. 33.

⁸ Милютин Д.А. Дневник. 1879–1881 годы. М., 2010. С. 159.

том», который легко налаживает отношения с разными людьми¹. К тому же Лорис-Меликову было присуще личное бескорыстие: близко наблюдавшие его придворные с удовлетворением отмечали, «что Лорис абсолютно честен и бескорыстен в денежном вопросе», и на сей счёт «даже злейшие враги не позволяли себе никаких выпадов»².

Ничем подобным Витте похвастать не мог. Кстати, по убеждению В.Н. Коковцова, как раз отсутствие дипломатичности в конечном итоге и стало для него роковым. Грубая назидательность попеременно с весьма вольными жестами производили на Николая II отталкивающее впечатление³. При этом изъяснялся Витте «оловянным» языком: он был напрочь лишён дара художественных характеристик, и это не могло не вызывать у государя отторжения, постепенно переросшего в антипатию⁴. Тем не менее в 1890-х годах (а тем более при Александре III) Витте представлялся вполне подходящим деятелем для продвижения реформаторского курса и несколько не уступавшим Лорис-Меликову в напористости. Этим, по нашему мнению, и объясняется решение Сольского сотрудничать с Витте, обеспечивая тому необходимую аппаратную устойчивость.

Их сотрудничество тут же начало приносить плоды. В первую очередь, это сказалось на судьбе пакета налоговых законопроектов, внесённых в Государственный совет. Как уже говорилось, минфиновскую инициативу разнесли в пух и прах, уведомив, что она нуждается в коренной доработке⁵. Витте поддержали только глава МВД И.Н. Дурново (с оговорками по поводу квартирного налога) и министр путей сообщения А.К. Кривошеин⁶. Однако после того, как департамент экономии Госсовета возгла-

---

¹ *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. М., 1934. С. 611.

² *Толстая А.А.* Записки фрейлины. Печальный эпизод из моей жизни при дворе. М., 1996. С. 40; *Пантелеев Л.Ф.* Из воспоминаний прошлого. С. 618.

³ Интересная находка (Протокол допроса В.Н.Коковцова Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в сентябре 1917 года) // Вопросы истории. 1964. №4. С. 101.

⁴ *Нольде Б.Э.* Далекое и близкое. Париж, 1930. С. 123.

⁵ Письмо государственного секретаря Н.В. Муравьева в Министерство финансов. 17 декабря 1892 года // РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 6а. Л. 292–292об.

⁶ РГИА. Ф. 1162. Оп. 1 (1892). Л. 910–911.

вил Сольский, отношение к законопроектам кардинально изменилось. Его опытная рука откорректировала все спорные моменты, сняв раздражение вокруг этого вопроса: в результате общее собрание твёрдым большинством (21 — за, 10 — против) приняла по ним положительное решение¹. Сотрудничество с Сольским сыграло для Витте важную роль при заключении российско-германского торгового договора 1894 года (ещё при жизни Александра III). Для министра финансов дело осложнялось московским купечеством, выступавшим резко против конвенции с немцами. К ним присоединились и влиятельные петербуржцы, жаждавшие насолить «высочке». Чтобы избежать прямого удара, Витте уговорил императора провести обсуждение договора в Госсовете. Как вспоминали очевидцы, накануне заседания ряд ключевых членов Госсовета собрались дома у Сольского, где и договорились о благоприятном характере предстоящих дебатов; в результате само заседание прошло спокойно². Авторитетный в чиновничьих кругах руководитель департамента экономии оказал министру явную поддержку. И это несмотря на то, что для Сольского эта «дружба» была чревата определёнными минусами. К примеру, видный представитель элиты А.А. Половцев, отдавая дань Сольскому, называл его «опасным и презренным покровителем всякой мерзости и пошлости»³.

Особенно ценной для Витте была поддержка Сольского, когда дело касалось великих князей, которые на правах царских родственников постоянно выступали с громкими проектами. Разумеется, к инициативам, исходящим из этого круга, приходилось относиться особенно внимательно. Вспомним эпопею с Главным управлением торгового мореплавания и портов, учреждённым стараниями вел. кн. Александра Михайловича. Этот «великокняжеский ублюдок»⁴, как именовал его Витте, минуя правительство, сумел создать и возглавить структуру на правах министерства, что означало серьёзное ущемление Минфина. Сольский факти-

¹ Журнал соединенных департаментов государственной экономии, законов, гражданских и духовных дел. 16, 18, 28 января; 4 февраля 1893 года // РГИА. Ф. 1152. Оп. 11 (1893). Д. 1346. Л. 428–435.

² Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 годы (запись от 22 февраля 1894 года). С. 82–83.

³ Там же. (19 ноября 1894 года). С. 102.

⁴ *Vumme* С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 67.

чески выступил посредником между ними в решении текущих дел и отрядил своего воспитанника С.В. Рухлова (впоследствии министра путей сообщения) в ближайшие сотрудники великого князя. По свидетельствам очевидцев, именно Рухлов заметно сглаживал авантюризм великокняжеского управления¹. Ещё один пример: проект дорогостоящей железной дороги вокруг столицы, который лоббировало окружение вел. кн. Николая Николаевича и Сергея Михайловича (вместе со своей пассией Ксешинской). Проект презентован императору, получил его благожелательное отношение: Витте начали досаждать на предмет правительственных гарантий для привлечения средств. В ответ министр направил прошения для тщательного рассмотрения в специальное совещание, возглавляемое Сольским. Состоялось несколько заседаний, дело под различными предложениями затягивалось и в итоге окончилось ничем, чем Витте остался очень доволен².

Аналогичным образом он поступал при выдаче так называемых неуставных ссуд из Госбанка, вокруг которых постоянно кипели лоббистские страсти. Известно, что Николай II крайне редко вникал в подобные вопросы, и вся ответственность естественным образом ложилась на Витте. Чтобы обезопасить себя при столкновении различных интересов, тот выдвинул идею создания постоянно действующего особого совещания Сольского, по решению которого и выдавались ссуды; все претензии адресовались именно туда. Кроме того, Витте добился, чтобы функции надзора над Госбанком, находившемся в структуре Минфина, ограничивались простой проверкой касс без права входить в существо банковских операций. Весь контроль извне сводился к обсуждению официального годового отчёта в департаменте экономии Госсовета, т.е. у Сольского. Государственный контролёр генерал П.Л. Лобко, недоброжелатель министра финансов, попытался было выступить с критикой предоставления неуставных ссуд Госбанком и поднять вопрос об их избирательной выдаче, но его атака захлебнулась в Госсовете. В апреле 1902 года заседание соединённых департа-

---

¹ *Ивановский А.В.* Воспоминания инженера // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 176.

² *Ганелин Р.Ш.* Николай II, С.Ю. Витте, И.Л. Горемыкин и проект петербургской круговой железной дороги // Проблемы социально-экономической истории России. Сб. статей. СПб., 1891. С. 218–219; *Половцов А.А.* Дневник. 1893–1909 годы (запись от 7 июня 1901 года). С. 301.

ментов экономии и промышленности, наук и торговли, проведённое Сольским, не поддержало доводы Лобко и отвергло предложения о тщательной проверке. Госсовет подчеркнул, что следует учитывать, насколько усложнились задачи, решаемые Госбанком, и ограничился заявлением: предоставленные Минфином объяснения достаточны, а замечания контрольного ведомства по большей части касаются того, что уже выяснено ранее¹.

Зато там, где это требовалось Витте, Сольский делал всё, чтобы его начинания получили «зелёный свет». Так было, например, с продвижением курса на привлечение зарубежных инвестиций. Разрешения об учреждении акционерных обществ с иностранным капиталом выдавал Комитет министров, где заседали противники Витте. Ещё в середине 1890-х годов такие разрешения выдавались крайне неохотно, но в конце концов Сольский, входивший в комитет по должности, сумел создать там прочное большинство для проведения нужной политики². В Государственном совете Витте тоже не любил появляться: его «выводила из себя необходимость вносить туда законопроекты»³. И вместо дебатов в Госсовете он предпочитал по всем существенным и основным вопросам сговариваться непосредственно с Сольским⁴. Более того, у Витте всегда имелся товарищ министра, специально подобранный Сольским для контактов с членами Госсовета. На первом этапе эту роль исполнял А.П. Иващенко — правая рука Сольского ещё по Госконтролю⁵. Затем с 1897 года его заменил ближайший сотрудник Сольского по Департаменту экономии В.Н. Коковцов — «полная противоположность Витте в смысле культуры и обходительности»⁶.

Правда, нельзя сказать, что, даже избавившись от обременительного присутствия в Госсовете, министр финансов «кипел»

---

¹ Журнал Соединенных департаментов экономии и промышленности, науки, торговли по рассмотрению отчетов Государственного банка за 1898–1899 годы. 4 апреля 1902 года // РГИА. Ф. 587. Оп. 52. Д. 123. Л. 136.

² Гиндин И.Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 78.

³ Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002. С. 236.

⁴ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 95.

⁵ Иващенко Анатолий Петрович // Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Энциклопедический справочник. СПб., 2007. С. 338–341.

⁶ Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания. С. 128.

на посту: причислить Витте к категории «горевших» на службе было бы ошибкой. Любопытно такое свидетельство: на светском рауте некая дама стала умиляться его работоспособностью, однако растроганный министр охладил её пыл. Перечислив основные направления ведомства, он заметил, что всё это многообразное хозяйство ведут его подчинённые. Сам же он лишь принимает доклады у директоров департаментов или их заместителей, на что уходит по полчаса на каждого, и в результате у него масса свободного времени. Как заметил служивший в системе Минфина и передавший этот разговор С.И. Шидловский, если в этом и имелась доля преувеличения, то небольшая¹. Заметим, виттевское признание выглядело нонсенсом для современников, прекрасно знавших о перегруженности работой высших должностных лиц начиная с начальников отделений, не говоря о министрах².

В бытность свою министром Витте не скрывал, насколько значима для него поддержка Сольского. В различных всеподданнейших докладах он не упускал возможности лишний раз упомянуть о руководителе департамента экономии Госсвета, олицетворявшего русскую финансовую школу со времён царствования Александра II³. На чествовании Сольского, за полувековую службу удостоенного в 1902 году графского титула, Витте сказал: «Без прямого и выдающегося участия Д.М. Сольского не разрешается ни один сколько-нибудь существенный вопрос в области государственного хозяйства и экономической жизни страны. В важнейших делах министр финансов и его ближайшие сотрудники постоянно обращаются к его просвещённым указаниям, черпая в умудрённой разносторонними государственными познаниями опытности его блажелательное руководство. Когда же убеждения Сольского не согласуются со взглядами финансового ведомства, они оберегают его от недостаточно взвешенных решений»⁴. Такие реверансы для Витте, мягко говоря, не характерны; очевидно, в этом случае на них действительно можно было не скупиться. К тому же со вто-

¹ Шидловский С.И. Воспоминания. Т. 1. Берлин, 1923. С. 80–81.

² Кн. Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания // Ф. 5881. Оп. 2. Д. 540. Л. 154.

³ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте «Об ограждении бюджетного равновесия». 1902 год // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 279. Л. 33.

⁴ Чествование графа Д.М. Сольского // Новое время. 1902. 3 января.

рой половины 1890-х и вплоть до мая 1906 года Сольский на правах начальника Департамента экономии фактически определяет работу Государственного совета: его председатель вел. кн. Михаил Николаевич из-за болезни не вникал в дела и нечасто появлялся на заседаниях¹. Однако Сольский вовсе не был беспрекословным выразителем воли министра финансов. Когда тот в 1898 году выдвинул идею созыва межведомственного совещания по крестьянскому делу, то Сольский не поддержал Витте². Объяснялось это тем, что как раз в это время руководители госканцелярии Госсювета В.К. Плеве и А.С. Стишинский приступили к обширным исследованиям в этой области, в которой являлись, в отличие от Сергея Юльевича, признанными специалистами³.

Любопытны перипетии отставки Витте, к коей косвенно оказался причастным Сольский. Роковым для модернизатора «всёя Руси» стал финляндский вопрос, обострившийся на рубеже конца XIX — начала XX века. К этому времени он стал настоящим полем соперничества придворных кругов и просвещённой бюрократии, концентрировавшейся вокруг государственной канцелярии — аппарата Госсювета. На острие борьбы этих двух сил находился, с одной стороны, Н.И. Бобриков, назначенный генерал-губернатором Финляндии, с другой — госсекретарь В.К. Плеве, ставший вдобавок статс-секретарём, министром по финляндским делам. Вот в эту-то схватку, куда были вовлечены все верхи, Витте явно не вписался, что наглядно продемонстрировало слабость его собственных аппаратных позиций. Разумеется, глава финансового ведомства не мог оставаться в стороне от развернувшихся дебатов, тем более что военный министр А.Н. Куропаткин настаивал на скорейшем включении финских гарнизонов в состав российской армии. Это требовало серьёзных бюджетных расходов: Минфин возражал против дополнительных запрашиваемых субсидий. Витте и в этом случае прибег к испытанному способу: предложил перенести вопрос под патронаж Сольского. Но тот, к удивлению

¹ Ярошевская Е.М. Состав Государственного совета в период реакции 80-х — начала 90-х годов XIX века (характеристика государственных деятелей) // Вестник московского университета. Серия 8. История. 1982. №5. С. 48–49.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 528.

³ Гронский О.Г. Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ аграрного курса на рубеже XIX–XX веков. М., 1999. С. 31.

Витте, надежд не оправдал. Объяснялось всё просто: авторитетные члены Государственного совета в этот момент поддерживали Плеве, явно играя на его стороне.

Это проявилось в начале 1901 года, когда дебатировался вопрос о воинской повинности применительно к Финляндии; в прениях министр финансов выглядел одиноким участником. Выступая против Куропаткина, он в то же время не мог солидаризоваться с Плеве, с которым уже находился в натянутых отношениях. На различных совещаниях, когда они сталкивались лицом к лицу, между ними часто вспыхивали перепалки¹. На «финляндском поле» солировал госсекретарь Плеве, чьи позиции усиливались не по дням, а по часам². Он сумел завоевать доверие Николая II в ходе начавшихся докладов императору, ставших постоянными после того, как он заполучил в свои руки финляндский вопрос. Вскоре энергичный Плеве стал министром внутренних дел, а Витте сразу начал проигрывать. Борьба между ними развернулась по двум направлениям — Дальний Восток и Крестьянский банк, находившийся в ведении Минфина и занимавшийся землевладением. В дальневосточной политике Плеве пошёл на союз с близкой к Николаю II группой во главе со статс-секретарём А.М. Безобразовым и адмиралом Е.И. Алексеевым, которого молва считала внебрачным сыном Александра II от одной армянки³. Вместе они начали дискредитировать виттевскую политику в регионе. Во внутренних делах Плеве обрушился на Крестьянский банк, содействуя учреждению межведомственных комиссий, рассматривавших деятельность этой финансовой структуры. Особенно преуспел на этом поприще начальник Земского отдела МВД В.И. Гурко, работавший ранее под началом Плеве в государственной канцелярии. Он обосновывал закрытие отделений Крестьянского банка в губерниях, где слишком быстро таяло дворянское землевладение⁴.

¹ Например, Протокол заседания Особого совещания по делам дворянства. 6 декабря 1897 года // РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 229. Л. 10–14; Протокол заседания Особого совещания по делам дворянства. 5 января 1898 года // Там же. Л. 57–58.

² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 124–126.

³ Сидоров А. В Киеве (из воспоминаний бывшего цензора) // Голос минувшего. 1918. №7–9. С. 134.

⁴ Мусин-Пушкин В.В. Воспоминания // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 53.

Вообще-то Плеве, входивший ещё в реформаторский круг М.Т. Лорис-Меликова, был гораздо ближе Сольскому, чем Витте. И никаких видимых усилий для нейтрализации атак нового главы МВД он не предпринимал. Борьба между тем принимала острые формы, что тревожило даже Николая II, пытавшегося при содействии наиболее авторитетной фигуры в верхах, т.е. Сольского, успокоить соперников¹. Но идея примирения не ободряла Витте, и в 1903 году он стал позволять себе небрежные высказывания о Сольском. Это отразил, например, дневник военного министра А.Н. Куропаткина, которому Витте предлагал найти общий язык, минуя Сольского; он даже заявлял, что знания Сольского о финансовом положении страны уже недостаточны для государя². С другой стороны, в журнале департамента Госсовета по росписи доходов и расходов на 1903 год, пожалуй, впервые содержались неприятные для министра финансов фразы, например: если у того не вызывает опасений ближайшее будущее, то следует предоставить дополнительные соображения, в том числе относительно быстрого роста государственных трат³. Лишившись проверенной опоры, Витте почувствовал шаткость своего положения.

По слухам, указ о его отставке был подписан уже к 1 января 1903 года, но мать Николая II (вдовствующая императрица Мария Фёдоровна) уговорила не обнародовать документ; это произошло лишь спустя восемь месяцев — в августе⁴. Когда А.Ф. Кони повстречал Витте в конце весны 1903 года, то «едва узнал в этом согнувшемся, мешковатом, с потухшим взором и тревожным лицом человеке» прежнего самоуверенного министра финансов⁵. Так как Витте был свергнут усилиями В.К. Плеве и А.П. Безобразова, в Петербурге иронизировали, «что тот ушёл “оплётанный” и “обезображенный”»⁶. При этом вокруг фигуры министра фи-

¹ Письмо Г.Б. Иллоса к М.М. Стасюлевичу. 13 ноября 1902 года // М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 5. С. 501.

² Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. С. 107, 112.

³ Журнал департамента государственной экономии о финансовых сметах министерств, главных управлений и о государственной росписи доходов и расходов на 1903 год. 30 декабря 1902 года // РГИА. Ф. 1152. Оп. 13. Д. 264. Л. 77.

⁴ Дневник генерала А.Н. Куропаткина. С. 157.

⁵ Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте. Обрывки воспоминаний. М., 1925. С. 27–28.

⁶ Крыжановский С.Е. В.К. Плеве // Новый журнал. 1975. №118. С. 137.

нансов ходили и зловещие слухи: мол, стоит какому-нибудь министру рассориться с Витте, как того настигает смерть от руки террористов, вновь активизировавшихся в начале XX столетия. У Витте испортились отношения с министром народного просвещения Боголеповым — и тот вскоре пал от руки студента Карповича. Незадолго до убийства в 1902 году министр внутренних дел Д. С. Сипягин тоже поссорился с Витте¹. Подогрело молву и убийство Плеве, находившегося в откровенных контрах с поверженным главой Минфина. Конечно, это не более чем совпадения, но весьма показательна сама общественная трактовка событий.

Тем не менее это был ещё не конец, и Витте представился шанс вернуться на политическую арену после гибели Плеве. Это произошло в судьбоносном для страны 1905 году, и именно Сольский сыграл здесь ключевую роль. Как известно, после отставки Витте оказался на гораздо менее значимой позиции председателя Комитета министров, выпав из высочайшего окружения. В марте 1905 года он признавался, что за это время всего шесть раз побывал у Николая II, а говорил с ним наедине лишь дважды². Ни для кого не было секретом, что император не жалуется своего бывшего фаворита. Начальник походной военной канцелярии Е. И. В. А. Ф. Гейден утверждал: «Государь Витте не любит»³. Лечивший императорскую семью известный врач Н. А. Вельяминов констатировал, что «к Витте у Государя доверия было мало, и тот отлично знал это»⁴. О том же писал в дневнике и близкий к министру финансов кн. А. Д. Оболенский: Витте чувствовал недоверие со стороны царя⁵. В этой ситуации отставленный сановник, не оставлявший надежды вернуться на активное государственное поприще, пытался использовать вдовствующую императрицу Марию Фёдоровну. Хорошо осознавая затруднительность своего положения, Витте через близкого к ней графа

¹ Киреев А. А. Дневник (запись от 27 апреля 1902 года) // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 135.

² Письмо С. Ю. Витте обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву. 25 марта 1905 года // Красный архив. 1928. №5 (30). С. 112.

³ Киреев А. А. Дневник. 1905–1910 годы. М., 2010. С. 19.

⁴ Воспоминания Н. А. Вельяминова о Д. С. Сипягине // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII–XX века. Т. 6. М., 1995. С. 382–383.

⁵ Из дневника кн. А. Д. Оболенского // Красный архив. 1925. №4–5 (10–11). С. 75.

С.Д. Шереметева — друга Александра III — просил её убедить Николая II поручить ему «временное» управление финансами, поскольку действующий глава Минфина Э.Д. Плеске серьёзно заболел. Витте апеллировал к серьёзности момента: началась Русско-японская война, и в такую минуту вопросы «личного» характера должны отступить на второй план. Его авторитет в заграничных финансовых кругах по-прежнему высок, и было бы разумным использовать это обстоятельство во благо России. Мария Фёдоровна полностью разделила эти мысли, пообещав переговорить с императором¹. Однако никакой реакции со стороны государя не последовало. Более того, когда из-за обострения болезни Плеске покинул кресло министра финансов, то последовало назначение В.Н. Коковцова — протезе Сольского. Конечно, ни о каком возвращении Витте на вершину власти говорить не приходилось.

Правда, определённые надежды сохранялись из-за революционного брожения и наметившихся политических реформ, но до возврата на первые роли было далеко. Даже заключённый его стараниями мир с Японией не переломил антипатии Николая II. В течение трёх дней после известия о договоре «Витте не получал от государя никакого уведомления, а затем получил довольно сухую телеграмму, за которой последовали телеграммы более приветливые»². За всем этим стоял не кто иной, как Сольский. Пока Витте через Европу возвращался в Петербург, тот убедил Николая II ввести его в комиссию по преобразованию политического строя России³. Согласие императора было получено 3 сентября 1905 года, о чём Сольский телеграфом информировал Витте⁴. А уже через десять дней Николай II открыто говорил во время приёмов (на аудиенции английскому журналисту В. Стэду. — *А.П.*) о предстоящем назначении того председателем Совета министров⁵. Прибыв в столицу утром 15 сентября 1905 года после трёхмесячного отсутствия по хлопотам россий-

¹ Дневниковые записи С.Д. Шереметева о С.Ю. Витте (запись от 2 февраля 1904 года) // Отечественная история. 1998. №2. С. 154.

² Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 годы (запись от 15 сентября 1905 года). С. 468.

³ Всеподданнейший доклад Д.М. Сольского. 31 августа 1905 года // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 11об.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 годы (запись от 14 сентября 1905 года). М., 2010. С. 87.

ско-японского договора, Витте поехал не в свой особняк на Каменноостровском проспекте, а кинулся в дом к Сольскому. На следующий день его ждала высочайшая аудиенция на яхте, где государь выразил ему доверие и отверг прошлые наветы¹. Один из придворных в мемуарах описал эту встречу, состоявшуюся на палубе. Поведение Витте отличало излишнее подобострастие: он буквально держал руки по швам, низко кланялся, отвечал «так точно» или «никак нет». Постоянно обращался к Николаю II, величая его только полным титулом, чего тот в неофициальной обстановке от высокопоставленных чинов не требовал и чем даже тяготился². Когда ему было объявлено о пожаловании графского титула, чуть не утратил дар речи и затем три раза старался поцеловать государю руку³. Таким образом, усилиями Сольского, сумевшего расположить Николая II к опальному сановнику, Витте в последний раз ненадолго блеснул на государственной арене.

В свете всего сказанного не может не удивлять тот факт, что в виттевских мемуарах о ключевом значении Сольского не говорится практически ничего. Человек, который в течение многих лет служил «главному модернизатору» незаменимой опорой, предстаёт перед читателем неким второстепенным персонажем. Образованным, культурным, но благодушным чиновником, закостенелым по духу, поскольку большую часть жизни просидел в Госсовете⁴. А самым влиятельным деятелем, обладающим большим здравым смыслом и практическим опытом, Витте называет А.А. Абазу⁵. Того самого Абазу, который как раз стараниями Витте покинул государственную арену, где он если что и олицетворял, то дух коммерции и дедачества. Кроме того, у столь выдающегося деятеля была репутация карточного игрока — эту страсть не смог обуздать в своё время даже Александр II⁶. При этом современники прекрасно знали, что

¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. С. 728

² *Фабрицкий С.С.* Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя императора Николая II. Берлин., 1926. С. 66–67.

³ Письмо Николая II к Марии Федоровне. 29 сентября 1905 года // Красный архив. 1927. №3. С. 161.

⁴ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 242; Т. 3. С. 300–301.

⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 216–217.

⁶ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб., 2005. С. 268.

Абза не имеет «ни того ума, ни тех сведений, ни той твёрдости, которая необходима для председателя департамента Госсовета. Всеми этими качествами обладает Дмитрий Мартынович Сольский»¹. Добавим: на страницах мемуаров Витте демонстрирует подобное отношение не только к Сольскому, но и практически ко всем, кто оказывал ему поддержку². Как метко заметил В.И. Гурко, если верить виттевским характеристикам, то «решительно все государственные деятели России... были сплошь не только круглыми бездарностями, но кроме того отчаянными честолюбцами, делу не преданными, родины не любившими и чуть ли не её врагами»³.

Зачем Витте задним числом намеренно искажает картину? Ответ прост: он стремится подчеркнуть свои таланты, всеобъемлющее знание, всесокрушающую волю, а главное — пытается выставить себя главой реформаторского направления. Конечно, на фоне «полных ничтожностей» сделать это гораздо легче. Из виттевских откровений следует, что штабом российского реформаторства являлось Министерство финансов под его руководством. Эта точка зрения традиционна и для литературы; точнее, Минфин стал штабом, поскольку его возглавил Витте. Автор мемуаров подкрепляет эту мысль своей причастностью к знаковым назначениям. Оказывается, ему обязан креслом товарища министра финансов Н.Х. Бунге, коего скромный начальник эксплуатации Юго-Западной железной дороги рекомендовал самому М.Т. Лорис-Меликову⁴. Из текста следует, что Бунге и все остальные (вплоть до Александра III) с нетерпением ожидали советов мудрого железнодорожника. Затем, войдя во вкус, Витте всех последующих глав финансового ведомства — Э.Д. Плеске, В.Н. Коковцова, П.Л. Барка — объявляет своими вос-

¹ Дневник государственного секретаря Е.А. Перетца. 1880–1883 годы. С. 9.

² Это касалось даже подчиненных Витте по министерству, которые тянули всю черновую работу. К примеру, он позабыл упомянуть об И.И. Кауфмане. Этот сотрудник Минфина, входивший в круг Бунге, — признанный знаток денежного обращения России и Европы, автор популярных трудов в этой области, был одним из идеологов денежной реформы 1897 года. Витте не стеснялся говорить, что учился у Кауфмана, который открыл перед ним «широкие, до того неведомые мне горизонты». Однако в виттевских мемуарах места для него не нашлось. См. Памяти И.И. Кауфмана // Биржа за неделю. 1916. №1–2. С. 7.

³ Гурко В.И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте // Русская летопись. Вып. 2. Париж, 1922. С. 147–148.

⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 170.

питанниками, «которых я, так сказать, вытащил»¹. Конечно, всё это имеет мало общего с действительностью. Костяк кадрового состава Минфина комплектовался по большей части Бунге и Вышнеградским. Назовём наиболее известных: В.И. Ковалевского, Д.Ф. Кобеко, Э.Д. Плеске, Н.Н. Кутлера, А.А. Рихтера, В.И. Тимирязева, С.И. Тимашева, П.Л. Барка и др. Одним из них стал и сам Витте, которого Вышнеградский неплохо знал по обществу Юго-Западных железных дорог. По его приглашению будущий «модернизатор вся Руси» и очутился начальником департамента. А со всеми вышеназванными чиновниками он познакомился уже в приёмной министра финансов². Впоследствии некоторых, как, например, Барка, весьма короболю, когда Витте с лёгкостью представлял того своим учеником³.

Пожалуй, из элиты Минфина статус виттевского ученика применим к его личным секретарям — И.П. Шипову и А.И. Путилову⁴; затем они поочерёдно возглавляли общую канцелярию ведомства. Став в октябре 1905 года первым председателем правительства, Витте именно им доверяет Министерство финансов: Шипов становится министром, а Путилов — его товарищем. Причём Путилов, впоследствии один из ведущих деятелей российского банковского мира, до самой смерти патрона сохранял с ним тесные контакты⁵. Был в Минфине также сотрудник, находившийся не только в служебных, но и в доверительных отношениях с министром. Речь о начальнике департамента железнодорожных дел В.В. Максимове, коего даже называли «оруженосцем Витте». В ходе громкого дела о крахе купца С.И. Мамонтова Максимов подозревался следствием в коррупции, и всемогущий тогда министр вывел того из-под удара, уволив со службы⁶. Однако в мемуарах сам Витте счёл нуж-

¹ Там же. С. 143.

² Глинский Б.Б. Период твердой власти (исторические очерки) // Исторический вестник. 1912. №7 (Т. 129). С. 686.

³ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 годы. Т. 1. М., 2017. С. 202.

⁴ Хвостов И.С. Из старого времени // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Он. 1. Д. 195. Л. 94.

⁵ Последний год жизни С.Ю. Витте (По дневникам наружного наблюдения 1914–1915 годы) // Вопросы истории. 2004. №3. С. 123–142; №4. С. 53–84; №5. С. 27–57.

⁶ Юшневский П.П. Воспоминания судебного следователя по особо важным делам // ОР РГБ. Ф. 261. К. 21. Ед. хр. 12. Л. 43.

ным дистанцироваться от своего бывшего любимца, указав, что тот «достался» ему от Бунге¹.

Тем не менее современные исследователи продолжают утверждать, что именно Витте привлёк в Министерство финансов «новую группу технически грамотных подчинённых»². Справедливости ради заметим, что тот действительно пополнил состав ведомства, правда этот кадровый вклад был весьма своеобразным. Прогрессивный министр усиленно продвигал главным образом знакомых по прежней службе в Киеве. С назначения начальником департамента Минфина и далее он делал ставку на бывших сослуживцев по Юго-Западной железной дороге, и некоторые из них оказались не очень хорошо знакомы с русской грамотой. По ведомству тогда ходил анекдот: кто-то из них адресовал прошение в «министерство финансов»³. Подчеркнём: среди назначений, инициированных непосредственно Витте, крайне мало удачных. Так, в мемуарах он списал свои первоначальные колебания в проведении денежной реформы на товарища министра А.Я. Антоновича, явно не соответствовавшего должности: «В деталях, конечно, он меня сбивал»⁴. Вице-директор департамента окладных сборов Н.А. Брежский, приглашённый из Киева, не смог найти общего языка с не доверявшими ему сотрудниками. В министерстве он был «как в загоне», и вскоре его забыли⁵. Пост вице-директора кредитной канцелярии Витте предоставил Мерингу, сыну крупного киевского домовладельца, за женитьбу на его дочери (приёмной) от первой жены⁶. Зато всем запомнился начальник этой самой кредитной канцелярии Б.Ф. Малишевский, за которым ещё в Киеве закрепилось прозвище Умалишевский. Это был математик-пессимист, «плохой администратор, вовсе не знавший России, относившийся предубеждённо ко всему русскому, но зато сочувствен-

---

¹ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 212.

² *Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми. М., 2006. С. 64.

³ *Изнар Н.Н.* Заметки инженера // *Вопросы истории.* 2004. №5. С. 89.

⁴ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 88–89.

⁵ *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. С. 99.

⁶ *Propper S.M.* Was nicht in die Zeitung kam. Erinnerungen des Chefredaktenes der «Birschewyja wedomosti». S. 411.

но ко всему польскому»¹. А однажды на глаза министру финансов попался директор Киевского ремесленного училища по фамилии Анопуло, и он забрал того в своё ведомство — заведовать отделом коммерческого образования².

Очевидно, что Витте никак не мог быть тем центром притяжения, вокруг которого группировались действительно реформаторски настроенные силы. К сожалению, упрощённый взгляд историков на бюрократическую элиту Николая II не стимулирует вдумчивого отношения к этому периоду. Применительно к началу царствования Александра II всё предельно ясно: вожаком просвещённой бюрократии был вел. кн. Константин Николаевич, руководивший Морским министерством — кузницей либеральных кадров. Этот царский родственник собрал плеяду сотрудников, которые затем заняли ключевые правительственные посты и проводили Великие реформы. А в правление Николая II, когда бюрократия «стремительно вырождалась», такого центра быть уже просто-напросто не могло. И эту функцию довелось осуществить таланту со стороны — возглавившему Минфин Витте. Если же уйти от этих почти столетних штампов, то придётся признать: кузница реформаторских кадров существовала и в начале XX века, но отнюдь не под началом Витте. Стоит только обратить внимание на истинную роль Сольского в верхах, как обнаружится и значение государственной канцелярии — аппарата Госсовета.

В литературе эту структуру считают чисто техническим органом. В середине XIX века во многом так оно и было, однако затем всё изменилось. С вступлением на престол Николая II деятельность госканцелярии значительно усложнилась; она превратилась в мозговой центр по подготовке законопроектов, её руководители и сотрудники определяли взаимоотношения ведомств, вносившие на рассмотрение в Госсовет сметы, проекты, прошения и т.д.³. Объём работ резко возрос, соответственно вырос и штат: с трёх-четырёх десятков служащих к концу XIX столетия он увеличился до 115 человек⁴. Но главное, здесь аккумулировались реформаторски настро-

¹ Ковалевский В.И. Воспоминания // Русское прошлое. 1991. №2. С. 79.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 254–255.

³ Государственная канцелярия. 1810–1910 годы. СПб., 1911. С. 393–394.

⁴ Там же. С. 416.

енные кадры. Начало этому было положено ещё в правление Александра III: приверженцы подобных взглядов намного комфортнее чувствовали себя в стенах Государственного совета, нежели в правительственных ведомствах. В результате председателями департаментов становились известные участники Великих реформ эпохи Александра II: Н.И. Стояновский, А.П. Николаи, А.А. Абаза, Э.В. Фриш, Д.М. Сольский¹. Они подбирали под стать себе статс-секретарей, помощников и вносили прогрессивный дух во многие законопроекты, в подготовке которых участвовали.

Новое назначение госканцелярии обеспечило приток туда действительно талантливых и работоспособных людей. Как отмечали знатоки, её сотрудники представляли собой круги самые культурные, самые дисциплинированные и самые европеизированные из всех, что существовали тогда в России², при этом они отличались особой работоспособностью и управленческими навыками³. Как следствие, значительно вырос престиж госканцелярии: «попасть в неё считалось большой удачей»⁴. «По широким горизонтам, по требовавшейся от служащих эрудиции, трудности школы, беспощадно провалившей отстававших и не успевавших, ни одно другое учреждение не способно было выдвигать персонал, более подходивший, в смысле бюрократической подготовки, к занятию высших государственных должностей»⁵. Отметим, что одним из таких «несправившихся» оказался В.Д. Набоков — будущий видный член кадетской партии. Его «попросили» оттуда за откровенное нежелание заниматься чем-либо серьёзно, а старания отца, бывшего министра юстиции, настаивавшего, чтобы сыну дали при увольнении похвальную характеристику, оставили без внимания⁶.

И этот случай не был единичным: фаворитизм здесь действительно сводился к минимуму, поскольку работа «требовала значительного умственного развития, большого навыка и немалого тру-

---

¹ Собко Е.М. Государственный совет в эпоху Александра III. М., 2007. С. 45–46.

² Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 31.

³ Любимов Д.Н. События и люди. Воспоминания 1902–1906 годов // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 15.

⁴ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 107.

⁵ Там же. С. 116.

⁶ Путилов А.С. Воспоминания и граф Витте // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 89.

да»¹. Приведём такой пример: в Госсовет было внесено разработанное Д.И. Менделеевым Положение о мерах и весах и переделано там практически заново. Учёный пришёл в ужас, однако, вникнув в исправления, «не только признал их правильными, но ещё счёл долгом выразить благодарность чинам канцелярии за их сложную, кропотливую, добросовестную работу»². В то время сотрудниками канцелярии становились крупные учёные — профессора Петербургского университета: Н.М. Коркунов, Н.Д. Сергиевский, известный юрист А.Л. Боровиковский. Современники говорили, что госканцелярия — это нечто вроде «гражданской гвардии»³. В её лице «служивый Петербург, как бы предчувствуя предстоящую ему преобразовательную работу, уже запасался людьми, стягивая к себе... свежие умственные силы»⁴. Даже в консервативных кругах канцелярия Госсовета рубежа XIX–XX веков пользовались серьёзной репутацией. Как впоследствии писал В.П. Мещерский, «хотя мы называли его главным очагом либерализма, но мы уважали это учреждение»⁵. Нельзя отрицать исторический факт: деятели и сотрудники старого Госсовета были люди государственные, порядочные, добросовестные; люди знания и большого опыта; люди, за немногими исключениями, самостоятельные⁶.

Назовём выходцев из госканцелярии, ставших министрами уже в новом политическом формате, после учреждения в 1906 году Государственной думы: В.Н. Коковцов, Н.Н. Покровский, С.В. Рухлов, П.А. Харитонов, А.Ф. Трепов, Д.А. Философов, А.С. Ситишинский, Д.П. Голицын, С.Г. Федосьев, П.М. Кауфман. Как шутили, это действительно была «подлинная академия министров»⁷. На служащих канцелярии как на «энциклопедистов по всем сферам правительственной деятельности» был огромный спрос в министерствах и ве-

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 111–112.

² Там же. С. 112.

³ Ивановский А.В. Воспоминания инженера // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 175; Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной думе. Дневники и воспоминания. 1906–1917 год. М., 2001. С. 42.

⁴ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 32.

⁵ Мещерский В.П. Дневники // Гражданин. 1913. №21. С. 17.

⁶ Там же.

⁷ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 116.

домствах¹. И безусловно, её значение в политико-экономической жизни гораздо выше по сравнению с Морским министерством — кузницей реформаторских кадров начала царствования Александра II. Канцелярия выполняла аналогичную функцию, но результаты оказались весомее, а кадровые возможности несоизмеримо шире. Это объясняется тем, что здесь уже действовала система, тогда как при вел. кн. Константине Николаевиче её фактически заменял его личный секретарь А.В. Головнин. Будучи доверенным лицом видного царского родственника, он рекомендовал патрону своих либерально настроенных знакомых и сослуживцев: с кем-то учился в лицее, кого-то встречал в салоне вел. кн. Елены Павловны и т.д.² В начале же XX столетия реформаторский кадровый пул концентрировался уже не вокруг какой-либо личности, а вокруг определённого центра, т.е. госканцелярии. Признанным авторитетом и лидером в ней был Д.М. Сольский. Его видели законным продолжателем российской реформаторской линии, идущей от М.М. Сперанского. Иными словами, Сольский с полным на то правом олицетворял эту преемственность.

С выяснением того, какую же линию олицетворял собой Витте, в действительности всё обстоит сложнее. Скорее, перед нами чисто технический деятель, призванный во власть подкрепить реформаторские наработки с организационной стороны. Однако тот воспринял свою миссию гораздо серьёзнее, обозначив претензии на модернизационное авторство, что подавляющим большинством финансово-экономической бюрократии того времени было воспринято, мягко говоря, неоднозначно. За что новоявленный модернизатор «всёя Руси» и оплатил ей сполна в своих знаменитых мемуарах, ставших, к сожалению, одним из главных ориентиров в общих оценках последнего царствования. У него мало для кого нашлись добрые слова, зато нет недостатка в уничижительных характеристиках. Как справедливо замечено, стать «выдающимся государственным деятелем ему мешает желание сводить личные счёты с изменившими ему сторонниками и неизменными врагами»³.

¹ Путилов А.С. Воспоминания и граф Витте // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 82.

² Шевырев А.П. Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин // Александр II: трагедия реформатора. Сб. статей. С. 53–54.

³ Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 400.

И вполне закономерен политический финал Витте, после весны 1906-го большую часть времени проводившего в своём особняке на Каменноостровском проспекте и распространявшего намерения о том, что никогда не расскажет о сделанных ему лестных предложениях из Берлина, поскольку долг перед родиной и царём для него превыше всего¹. В 1908 году он жаждал возглавить Комиссию по обследованию железнодорожной отрасли, учреждённую по инициативе Госдумы и правительства. Однако Столыпин безоговорочно отклонил эту идею, предпочтя другого члена Госсвета — генерала Н.П. Петрова, не менее заслуженного специалиста². Ещё Витте входил в комитет по сооружению памятника Александру III, о котором вспоминал с нескрываемой ностальгией, повторяя: «поживи Александр III, я был бы всё при нём»³. Вообще годы столыпинского премьерства оказались для него весьма непростыми: современники считали, что даже «более тяжёлыми, чем годы власти Плеве»⁴. Со Столыпиным они старались не сталкиваться, хотя однажды (16 декабря 1910 года) в кулуарах Государственного совета у них произошёл короткий разговор на тему покушения на Витте (в 1907 году); тогда в дымоходе его особняка на Каменноостровском проспекте нашли взрывающееся устройство. Беседа прошла в довольно резких тонах: бывший премьер бурно выражал неудовольствие тем, как медленно движется расследование⁵. Правда, в начале 1911 года произошло назначение Витте председателем Комитета финансов: место освободилось после смерти в ноябре 1910 года Д.М. Сольского, вследствие болезни уже несколько лет как отошедшего от активной деятельности⁶. Но это трудно назвать ожидаемым возвращением во власть: теперь этот пост не да-

¹ «Никогда еще он не говорил так откровенно со мною». Воспоминания М.М. Ковалевского о встречах с С.Ю. Витте накануне роспуска II Государственной думы // Исторический архив. 2010. №5. С. 127.

² *Савиг Н.В.* После исхода. Парижский дневник. 1921–1923 годы. М., 2008. С. 59–60 (запись от 16 апреля 1921 года).

³ «Никогда еще он не говорил так откровенно со мною». Воспоминания М.М. Ковалевского о встречах с С.Ю. Витте накануне роспуска II Государственной думы // Исторический архив. 2010. №5. С. 128.

⁴ *Кольшико И.И.* Великий распад. Воспоминания. С. 165.

⁵ *Львов Л. (Клячко Л.М.).* Переписка графа С.Ю. Витте и П.А. Столыпина // Русская мысль. 1915. №3. С. 151–152.

⁶ К назначению графа Витте // Финансовое обозрение. 1911. №18–19. С. 4.

вал права личного доклада императору, как это было ранее¹. Отсюда периодически возникавшие слухи о том, что он ликвидирует дела и отбывает на место жительства за границу².

На самом деле тот не прекращал попыток «рыхлить» почву для искомого возвращения. По данным департамента полиции, Витте изучал возможность участия в выборах в IV Госдуму по Петербургскому округу, для чего прощупывал оппозиционные круги через известного журналиста И.И. Кольшкко³. Но главную ставку опальный министр делал, конечно, не на депутатский мандат, а на завязавшиеся отношения с такой одиозной фигурой, как Григорий Распутин. После отставки Витте отличала повышенная религиозность: все последние годы он утверждал, что лишь «сибирский подвижник» понимает и способен спасти Россию⁴. А незадолго до Первой мировой войны заявил, что «Григорию Ефимовичу я бы поставил памятник, чтобы увековечить его заслугу перед Россией (речь шла об оттягивании войны с Германией. — *А.П.*)»⁵. Отверженный сановник чутко реагировал на слухи о растущем распутинском влиянии на царскую семью и, видимо, строил вокруг этого какие-то планы. С помощью епископа Варнавы, с коим дружил, он наладил постоянные контакты со «святым человеком»⁶. Знающие об их тесных связях даже рассматривали «всемогущего старца» в качестве орудия, с помощью которого Витте надеялся восстановить утраченные позиции⁷. Витте всё же весной 1913 года удалось попасть на аудиенцию к императору, однако это не принесло никаких осязаемых результатов⁸. Что же до виттевских политических взглядов последних лет, то сегодня

¹ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 годы. Т. 1. С. 355.

² Слухи о графе С.Ю. Витте // Русское слово. 1913. 1 октября.

³ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1910. Д. 339. С. 165об.

⁴ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича (1914–1917 годы). М., 2008. С. 184.

⁵ Татищев Б.А. Из записок // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 2. Оп. 1. Д. 72. Л. 6.

⁶ Мусин-Пушкин В.В. Воспоминания // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 32.

⁷ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 110 (запись от 24 февраля 1912 года).

⁸ Каннегиссерг И.С. Впечатления, заметки и встречи // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 245. Л. 30–31.

о них трудно сказать что-либо определённое. В недоумении находились и современники той поры. Речи бывшего министра финансов, с которыми тот регулярно выступал в Государственном совете, смущали многих. Член Госсовета, известный промышленник Н.С. Авдаков разводил руками: «Мы привыкли смотреть на него (Витте. — А.П.) как на человека, идущего во главе современного конституционного движения...»¹ Однако в исполнении этого «конституционалиста» с трибуны лились пассажи, более подходящие для махрового правого деятеля. У его коллеги по верхней палате Д.И. Пихно даже интересовались, как сами правые относятся к этим речам, на что тот неизменно отвечал: «Смеются, кто же ему поверит»².

Причём монархическая риторика теперь удивительным образом начала сочетаться у Витте с социалистическими пристрастиями, чего за ним ранее не наблюдалось. Редактор издания «Биржа за неделю» Н. Васильев поделился впечатлениями от беседы с Витте за год до его кончины. Тот фактически заклеил буржуазные нравы, ставил в пример французского писателя Э. Золя, который нещадно их бичевал. Прошёлся по разбогатевшим тёмными делами купцам из ярославских и тверских мужиков, а также одесским недоучкам, способным разве что на спекулятивные аферы. Все они «уже сами по себе сплошная грязь!» — восклицал Витте, вынося вердикт крупной буржуазии³. Ей он противопоставлял «кристальную духовную красоту В.Г. Короленко и Н.Ф. Анненского» — известных деятелей народнического движения. Пояснив: если наши левые сохраняют в себе это начало, то они сыграют благотворную роль в нашем отечестве и «явятся борцами против всего, что вносятся в общественную и частную жизнь наши современные буржуазные круги»⁴. В заключение редактор заметил: «Не был ли это крик души человека, в сущности, уже отчаявшегося в своих буржуазных идеалах и не находящего выхода...»⁵

¹ Выступление Н.С. Авдакова // Государственный совет. Стенографический отчёт. Сессия II. Заседание 15 от 2 июня 1907 года. Спб., 1907. Стб. 575.

² Сидоров А. В Киеве (из воспоминаний бывшего цензора) // Голос минувшего. 1918. №7–8. С. 138.

³ Васильев Н. Витте (к первой годовщине смерти графа С.Ю. Витте) // Биржа за неделю. 1916. №8–9. С. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 6.

Но просвещённая бюрократия явно не желала вникать в душевные переживания бывшего министра финансов. Отвернувшись от модернизатора «всёя Руси», который так и не стал для неё своим, она выступила надёжной опорой пришедшего во власть П.А. Столыпина. Его государственный путь начался в губернаторском корпусе, чему способствовал министр внутренних дел В.К. Плеве. Назначение последнего совпало с крестьянскими беспорядками весной 1902 года в западных губерниях. Здесь особенно проявил себя харьковский губернатор кн. И.М. Оболенский: на его жизнь покушались, но тот добился отмены смертной казни задержанному преступнику¹. Находясь под впечатлением от этого поступка губернатора, Плеве также оценил работу прокурора Харьковской судебной палаты А.А. Лопухина, переместив его в кресло начальника департамента полиции МВД. В свою очередь Лопухин стал рекомендовать министру предводителя ковенского губернского дворянства П.А. Столыпина, с которым учился и дружил ещё в орловской гимназии². Плеве остался доволен беседой со Столыпиным и, чтобы составить представление о способностях, попросил того высказать мнение по учреждению земства в Западном крае. Итогом стала записка и назначение автора на должность гродненского губернатора, а через семь месяцев — уже в крупную и трудную в административном отношении Саратовскую губернию, где Столыпину и довелось встретить первую русскую революцию. Так что его «крёстным» на государственном поприще стал Плеве, который ему покровительствовал. Кстати, сам Пётр Аркадьевич никогда не забывал об этом, считая именно его образцом государственного деятеля, любил вспоминать их встречи, подчёркивая, что тот был «ума палата»³.

О молодом перспективном губернаторе заговорил весь Петербург, когда он сумел решительно купировать разгоревшиеся беспорядки во вверенном ему регионе⁴. Весной 1905 года ему поступило весьма лестное предложение возглавить Крестьянский банк. Нахо-

¹ Любимов Д.Н. События и люди. Воспоминания 1902–1906 годов // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.

² Осоргин М.М. Воспоминания или что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920 годы. М., 2009. С. 578.

³ Крыжановский С.Е. В.К. Плеве // Новый журнал. 1975. № 118. С. 139.

⁴ Письмо П.А. Столыпина к О.В. Столыпиной. 4 марта 1905 года // Столыпин П.А. Переписка. М., 2007. С. 570.

дившееся в структуре Минфина, это учреждение слыло «хлебным местом» в чиновничьих кругах, где многие были бы не прочь послужить. Столыпин проходил соответствующие собеседования у министра В.Н. Коковцова, желавшего видеть того во главе Крестьянского банка¹. Но губернатор решил не покидать Саратовский регион сразу после прогремевших беспорядков: это могло быть воспринято как попытка устраниваться в непростой ситуации. Оценив благородный поступок, тогдашний министр внутренних дел А.Г. Булыгин счёл, что через год Пётр Аркадьевич может претендовать на любой департамент в МВД². Однако никто не предполагал, какое его ждёт будущее, чему он во многом обязан премьеру И.Л. Горемыкину, сменившему Витте накануне открытия Государственной думы. Этот умудрённый опытом сановник, увидевший потенциал молодого члена своего кабинета, настойчиво рекомендовал его Николаю II. В одном из писем императора к матери (вдовствующей императрице Марии Фёдоровне) содержится фраза: «старый Горемыкин дал мне добрый совет, указывая только на него! И за это спасибо ему»³.

К моменту карьерного взлёта у Столыпина собственной команды не было, как не могло её быть у человека, служившего в разных регионах. По его признанию, просматривая перечень имён вышших чинов Министерства внутренних дел, он нашёл только одного знакомого — А.В. Бельгарда, возглавлявшего Главное управление по печати (сестра Столыпина Марья Аркадьевна давно дружила с семьёй Бельгардов)⁴. Личной столыпинской креатурой может считаться разве что прокурор Саратовской судебной палаты А.А. Макаров: хороший исполнитель, но не имеющий государственного взгляда, был приглашён на должность товарища министра внутренних дел. За точность и аккуратность его за глаза звали «аптекарем», и в итоге Столыпин всё-таки был вынужден с ним расстаться⁵. Ничем не запомнившийся саратовский городской голова А.О. Неми-

¹ Там же. С. 571.

² *Мусин-Пушкин В.В.* Воспоминания // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 60–61.

³ Письмо Николая II к Марии Фёдоровне. 11 октября 1906 года // Красный архив. 1927. №3. С. 204.

⁴ *Бельгард А.В.* Воспоминания. М., 2009. С. 284.

⁵ *Кафафов К.Д.* Воспоминания о служебной деятельности и моих переживаниях // ГАРФ. 5881. Оп. 2. Д. 390. Л. 87, 108–109.

ровский тоже был назначен лично Столыпиным — заведовать городским отделом МВД¹. Других своих сподвижников премьер вербовал не по служебной, а по родственной линии. Значимую кадровую лепту внесла его супруга. Так, её родная сестра была женой кадрового дипломата С.Д. Сазонова, получившего с подачи премьера пост министра иностранных дел и вскоре оказавшегося под чрезмерным влиянием послов великих держав в Петербурге. Родной брат супруги Столыпина А.Б. Нейдгард стал членом Государственного совета, где сформировал группу, которую именовали «партией шурина». Эта фракция, состоявшая главным образом из лиц с немецкими фамилиями, в унисон премьеру провозгласила своей главной задачей защиту коренного населения. Над этой группой часто иронизировали, поскольку многие в ней с большим трудом изъяснялись на языке тех, чьи интересы они брались оберегать². Столыпинским «оком» в Государственной думе явился октябрист А.Ф. Мейендорф (двоюродный брат по матери), занимавший пост товарища председателя нижней палаты третьего состава³. Этот родственник пользовался авторитетом в Госдуме: он инициировал конфликт с депутатом Г.К. Шмидтом, осуждённым ранее за передачу военных сведений немцам и через 13 лет восстановленным в правах. Узнав об этом, Мейендорф посчитал невозможным для себя находиться в Думе с подобным лицом, и в результате тот был вынужден покинуть Таврический дворец⁴. Кстати, именно Мейендорф привлёк внимание премьера к незнакомому ему ранее бессарабскому помещику Л.А. Кассо, ставшему директором знаменитого Катковского лицея в Москве, а затем и министром народного просвещения⁵.

Находившийся в опале Витте прямо обвинял Столыпина в том, что тот всюду рассаживает своих родственников, ориентируется на их вкусы, а те в свою очередь не осмеливаются критиковать его⁶. Конечно, здесь немалая доля преувеличения, но всё-таки нельзя

¹ Палеолог С.Н. Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 39.

² Львов Л. (Клячко Л.М.) Звёздная палата // Минувшие дни. 1928. №3. С. 23.

³ Мейендорф Александр Феликсович // Государственная дума Российской империи. 1906-1917 годы. Энциклопедия. М., 2008 год. С. 366–367.

⁴ Мейендорф В.М. Мемуары фрейлины императрицы. М., 2012. С. 102–103.

⁵ Письмо П.А. Столыпина к А.Н. Шварцу. 25 декабря 1907 года; Письмо П.А. Столыпина к А.Ф. Мейендорфу. 25 июля 1910 года // Столыпин П.А. Переписка. М., 2007. С. 186, 620.

⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 199.

не признать, что личный кадровый потенциал премьера не отличался широтой. К тому же умение разбираться в людях оказалось слабой стороной Столыпина. Например, его преемник на посту гродненского губернатора М.М. Осоргин писал, что столыпинские аттестации местных чиновников оказались на редкость ошибочными¹. То же самое наблюдалось и в бытность его на должности премьера, в частности, при назначении ряда губернаторов². Так, неудачным стал выбор московским градоначальником А.А. Андрианова: по мысли премьера, бывший военный судья должен был расчистить завалы злоупотреблений своего предшественника Рейнбота. Однако Андрианов так и не освоился в новой для себя обстановке, «стремясь превратить приставов и околоточных в каких-то мировых судей», что в итоге негативно сказалось на их службе³. Но наиболее серьёзным кадровым промахом была рекомендация бывшего петербургского градоначальника В.А. Дедюлина на важный пост дворцового коменданта. Премьер посчитал, что генерал чужд политики и не склонен вести интриги, на деле же тот умело распорядился беспрепятственным доступом к императору и в результате превратился в одного из самых опасных противников Столыпина⁴. Дедюлин откровенно благоволил черносотенцам, выступал в роли ходатая, устраивал аудиенции деятелям Союза русского народа у государя.

Сильной же чертой Петра Аркадьевича являлись организаторские способности, умение вести дела, отсутствие чиновничьей чванливости. Эти качества дополнялись полной самоотдачей, присущей ему во всём, чем он занимался: премьер буквально не знал ни минуты отдыха. Кстати, его рабочий день начинался в два часа дня и продолжался до трёх ночи: не все министры выдерживали подобный график, как, например, 74-летний морской министр И.М. Диков, что и послужило причиной его отставки⁵. Широко известен и ораторский талант Столыпина, признаваемый всеми, кто слышал его вы-

---

¹ *Осоргин М.М.* Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920 годы. С. 578.

² *Шидловский С.И.* Воспоминания. Ч. 1. Берлин, 1923. С. 187.

³ *Харламов Н.П.* Записки бюрократа. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 261. К. 20. Ед. хр. 6. Л. 67об.

⁴ *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. М., 2004. Т. 2. С. 225.

⁵ *Крылов А.Н.* Воспоминания. Л., 1984. С. 168.

ступления. В этом смысле он выгодно выделялся на фоне чиновничьего Петербурга, где ораторское искусство никогда не было сильной стороной. Немногие сановники, высокопоставленные должностные лица были адаптированы к публичному формату, не умели произносить речи перед многочисленной аудиторией¹. Тот же Витте говорил страстно, но довольно своеобразным языком, с каким-то странным акцентом и необыкновенными ударениями, после чего его за глаза частенько передразнивали². Столыпин же буквально блистал на различных совещаниях, на трибуне Государственной думы, Государственного совета. Правда, своих выступлений он самостоятельно не готовил, его речи большей частью составлялись сотрудником МВД И.Я. Гурляндом. Этого профессора Демидовского юридического лицея в Ярославле привлёк в ведомство ещё В.Н. Штюрмер. Именно тому довелось стать автором многих текстов, включая изречения, сделавшиеся в устах премьера знаменитыми, как, например, фраза: «Вам нужны великие потрясения, а нам нужна Великая Россия»³. Добавим: Гурлянд искренне преклонялся перед Петром Аркадьевичем, работая для того «с особенным удовольствием и подъёмом»⁴.

Характеризуя Столыпина, следует подчеркнуть, что как государственный деятель он состоялся благодаря воспитанникам ключевых деятелей российской бюрократии Д.М. Сольского и И.Л. Горемыкина. Костяк его кабинета составили выходцы из госканцелярии В.Н. Коковцов, С.В. Рухлов, Н.Н. Покровский. Оттуда же вышли и руководители управления делами Совета министров. К примеру, правой рукой Столыпина по аппарату Совмина считался бывший сотрудник госканцелярии Н.В. Плеве (сын погибшего главы МВД В.К. Плеве), пользовавшийся полным и совершенно оправданным доверием премьера⁵. В управление делами перешли также сотрудники канцелярии И.Н. Лодыженский и А.С. Путилов; они прекрасно знали своих коллег, которые становились министрами и их товари-

---

¹ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 годы. Т. 1. С. 445, 448.

² Покровский Н.Н. Последний министр в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. С. 55, 61.

³ Менделеев П.П. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 109. Л. 88–89.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы. Кн. 1. М., 1992. С. 206.

щами, а потому могли обеспечивать между ними надлежащее взаимодействие. Эти кадры, прошедшие школу Сольского, были востребованы в новой обстановке. Патриарх российской просвещённой бюрократии напутствовал их римским афоризмом: «Твёрдо в деле, мягко в обращении: упорно добиваться цели, действуя мягко»¹. Возглавив правительство, Столыпин получил ещё целый ряд сильных членов кабинета. Его ближайший помощник по МВД С.Е. Крыжановский — специалист по избирательному законодательству, именно ему приписывают авторство Положения о выборах от 3 июня 1907 года, покончившего с думской вакханалией. Другой товарищ Столыпина по МВД, А.И. Лыкошин, являлся опытным юристом в аграрной области. Ключевым проводником реформы был А.В. Кривошеин, назначенный главой Управления земледелия и землеустройства. Опорой премьера в правовой сфере стал министр юстиции И.Г. Щегловитов. Мало кому известно, что эти опытные администраторы были воспитанниками или выдвиженцами И.Л. Горемыкина, которого относили к школе просвещённых государственных деятелей. Начиная в правительстве Горемыкина министром внутренних дел Столыпин полностью разделял его мнение, что «либеральные реформы должны быть проводимы руками консерваторов. Он был сторонником прогресса, но такого, который основывался на традициях...»²

Перечисленные выше руководители продолжали реформаторский курс и после гибели Столыпина. Особенное внимание надо обратить на связку Коковцов (министр финансов, премьер-министр) — Покровский (товарищ министра финансов, государственный контролёр, министр иностранных дел). Эти выходцы из Госканцелярии долгое время рука об руку служили в Минфине. Репутация Коковцова всегда стояла высоко, что признавали даже думские оппозиционеры, а его компетентность в финансово-бюджетных вопросах заметно превосходила познания лидеров кадетов и октябристов, которые всегда ему возражали, однако «выступали без всякой надежды на успех, лишь из принципа»³. Коковцов, обладавший «исключительной способностью координации мысли и слова», мог говорить

¹ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний: из моего детства и лицейской поры. С. 252.

² Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 годы. Т. 1. С. 445.

³ Кн. Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 288.

без запинки сколько угодно, «совершенно свободно снабжая свою речь обильным цифровым материалом»¹. После отставки в начале 1914 года последовало его назначение членом Государственного совета, где стал одним из лидеров верхней палаты.

Его ближайший сподвижник Покровский, известный меньше, наоборот, только начал выходить на первые роли. Уйдя вместе с премьером Коковцовым, он вскоре вернулся в состав правительства на должность государственного контролёра. Это назначение было встречено с редким по тем временам удовлетворением в общественных кругах: пробывшего на государственной службе свыше двадцати лет Покровского отличал не карьеризм, а знание своего дела². Ему отводилась центральная роль по устройству России в послевоенном мире, когда на первый план выдвигаются экономические вопросы. Неслучайно этот опытный финансист в конце 1916 года получил пост министра иностранных дел, и, вероятно, именно он рассматривался главным кандидатом на пост премьер-министра послевоенной России. Что касается последнего российского премьера Н.Д. Голицына, то это, конечно, переходная фигура, да он и сам старался ограничиться лишь председательствованием в Совете министров и докладами императору о рассмотренных там делах³. Причём именно Покровский умел находить общий язык с думской оппозицией⁴. Для него ораторы Госдумы, нещадно громившие в стенах нижней палаты последнее императорское правительство, делали исключение; его профессионализм не ставили под сомнение даже самые ярые оппозиционеры⁵. Он рассматривался в качестве антипода Штюмеру. Кстати, возглавив МИД, именно Покровский сумел добиться назначения недавно отставленного главы внешнеполитического ведомства С.Д. Сазонова английским послом⁶.

¹ Кн. Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 540. Л. 468.

² Новый государственный контролёр // Финансовая жизнь. 1916. №4. С. 67.

³ Путилов А.С. Период кн. Н.Д. Голицына. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 5.

⁴ Игнатьев Н.П. Из воспоминаний // Новый журнал. 1944. №9. С. 281–282.

⁵ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 146.

⁶ Татищев Б.А. Из записок // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 2. Оп. 1. Д. 72. Л. 45.

Глава вторая

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ДВИЖУЩАЯ СИЛА МОДЕРНИЗАЦИИ

В историографии СССР вопрос о том, кого в последние четверть века существования царской России можно признать носителем модернизации, не мог быть поставлен предельно прямо, то есть открыто. По идеологическим соображениям острые дискуссии на эту тему были обречены разворачиваться в свете актуальной для советской науки проблемы: освещении условий, сделавших возможной Октябрьскую революцию. Изучение истоков великой победы стало тем разрешённым исследовательским полем, где сталкивались различные мнения, «ломалось немало копий». Нужно сказать, что, несмотря на такие стеснённые рамки, отечественным специалистам удалось наработать значительный массив материала, благодаря чему понимание буржуазного развития на излёте Российской империи заметно продвинулось. Размышления о предпосылках Октябрьской революции напрямую были связаны с выяснением степени развитости капиталистических отношений. Согласно марксистско-ленинской логике, состояние капитализма накануне крушения старого мира обязано находиться на уровне, который можно рассматривать в качестве последней ступени перед наступлением новой эры.

Конечно, царская Россия не очень соответствовала данному краеугольному постулату. Сталин в своё время не решился использовать в «Кратком курсе истории ВКП(б)» тезис о высокой развитости отечественного капитализма, сочтя более приемлемой идеологическую схему о его отсталом, полуколониальном характере¹. Однако хрущёвская оттепель, заклеив сталинские теорети-

---

¹ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1946. С. 156.

ческие извращения, открыла дорогу для «вывода в свет» нашего капитализма. В русле восстановления марксистско-ленинских истин последний перестал восприниматься недоразвитым, о его подчинённости зарубежным хозяевам речи теперь не велось. Наоборот, исходя из ленинских характеристик российский бизнес, аналогично западному, стал рассматриваться достигшим монополистической стадии, подчинившим себе чиновничий аппарат с превращением его в послушное орудие для своих хищных целей. Программа КПСС образца 1961 года чётко фиксировала: «Монополии, сосредоточив в своих руках подавляющую часть общественного производства, господствуют над жизнью нации. Кучка миллиардеров и миллионеров бесконтрольно распоряжается всем богатством... Государство стало комитетом по управлению делами монополистической буржуазии»¹. Соответственно, советская наука настраивалась на отбор и восприятие материала, необходимого для иллюстрации утверждённой аксиомы. Труды целого ряда исследователей, где тон задавали В.И. Бовыкин, А.Н. Погребинский, В.Я. Лаверычев и др., обосновывали передовой характер, всемогущество отечественного капитализма. Поднятый обширный документальный пласт украшался соответствующими цитатами, надёжными преимущественно из ленинской публицистики. Эти теоретические новации имели важные последствия для изучения капитализма в целом. В то же время сквозь призму марксистской классики какие-либо особенности буржуазного генезиса расценивались как нечто второстепенное, что никак не в состоянии изменить главного, в своё время гениально указанного основоположниками учения. В подобном формате буржуазия выглядела двигателем развития, хотя, разумеется, весьма противоречивого, уродливого. Потому-то и грянула великая революция. Под руководством своего авангарда — партии — власть берёт пролетариат, который реализует модернизационные заботы уже в русле подлинного общественного блага.

Однако стремление вписать Россию в жёстко заданный канон не выдерживало проверки фактами. Многочисленные архивные и мемуарные источники, активно вводимые в научный оборот

---

¹ Программа КПСС // XXII съезд КПСС. Стенографический отчёт. Т. 3. М., 1962. С. 246.

с рубежа 1950–1960-х годов, свидетельствовали о довольно специфическом состоянии дореволюционного капитализма. Опираясь на них, некоторые учёные — А.Л. Сидоров, И.Ф. Гиндин, П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский и др. — стали поднимать вопрос об отличиях буржуазного строительства в России от западной модели, основанной на свободном рынке. Так, Гиндин в известном монографическом исследовании отмечал: «Изучение государственного вмешательства, искусственного ограничения конкуренции и создания правительством привилегированного положения для узких капиталистических групп приводит к выводу, что домонополистический капитализм в пореформенной России не принял до конца тех типичных для капитализма «свободной» конкуренции форм, в каких он сложился после промышленного переворота в странах, где капиталистический способ производства утвердился после буржуазных революций»¹. Такие условия не могли также не наложить своеобразного отпечатка и на отечественный бизнес последних двух десятилетий существования царизма. Поэтому на первый план выдвигались проблемы многоукладности, отсталости российской экономики, сохранения крепостнических, по сути патриархальных отношений, из которых произрастал капитализм. Подобные взгляды, объединившие группу вышеназванных историков, получили в литературе название «нового направления»².

Добавим: интерес к поднятым проблемам стимулировало начавшееся в конце 1950-х — начале 1960-х годов крушение мировой колониальной системы. Как известно, поиск освободившимися странами самостоятельных путей далеко не всегда вдохновлялся рыночным либерализмом в западном стиле. Особенно привлекательным для «новонаправленцев» стал пример Индии, избавившейся от английского владычества. Главным двигателем модернизации там выступило государство: его вмешательство в экономику выразилось, с одной стороны, в помощи частному бизнесу (займы, субсидии, заказы), в широком развитии казённого предпринима-

---

¹ Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М., 1960. С. 407–408.

² Подробно о «новом направлении» в советской историографии и его судьбе: Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. М. 2008. С. 11–117.

тельства — с другой¹. То есть насаждение капитализма сверху имело не менее важное значение, чем его формирование снизу. Сопоставление индийской постколониальной действительности с отечественными буржуазными отношениями со всей очевидностью давало исследовательские ориентиры для историков, изучавших дореволюционную Россию. Страны раннего капитализма не знали или почти не знали активного государственного вмешательства в хозяйство, нацеленного на форсированный рост определённых отраслей. Речь шла о поддержке развития общими мерами экономической политики: промышленном и торговом законодательстве, обеспечении свободы предпринимательства, завоевании внешних рынков и т.д. Однако позднее вступление на буржуазные рельсы опровергает универсальность этих процессов, что позволяет иначе оценить российские дореволюционные реалии². Опыт бывших колоний давал «новонаправленным» дополнительную аргументацию: в многоукладной экономике, не достигшей высокого уровня, социалистический выбор возможен через широкое объединение трудовых масс, что с успехом продемонстрировала наша Октябрьская революция. Эти наблюдения также подкреплялись подбором ленинских высказываний, благо их обилие давало такую возможность. Хотя это несколько не уберегло учёных от разгрома, устроенного брежневской челядью в начале 1970-х. Суждения о России, не располагавшей объективными (классическими) предпосылками для социалистического переустройства, пришлось не ко двору.

В постсоветской России «новое направление» тоже не получило признания. После попыток реабилитировать это научное течение, предпринятых отдельными историками на волне горбачёвской перестройки, о нём постепенно стали забывать. Конечно, труды «новонаправленцев» не пропали даром: благодаря им сохранился взгляд на формирование российского капитализма как на результат целенаправленных усилий государства, а не конкуренции субъектов рынка. Но в либеральном угаре 1990-х единственной силой, способной к модернизации, казался частный собственник. И оппоненты «нового направления», отбросив программу КПСС с по-

---

¹ Тарновский К.Н. О социологическом изучении капиталистического способа производства // Вопросы истории. 1964. № 1. С. 122.

² Там же. С. 127.

стулатами о монополиях как о последней стадии перед новой эрой и т.д., возвели российских капиталистов в ранг «лучших сынов родины», отведя роль двигателей прогресса купеческим тузам. Последние даже презентовали буржуазную программу модернизации страны, выдержанную в либеральных тонах и вдохновлённую западноевропейской практикой. Как выяснилось, реализовать её в своё время не удалось лишь по вине реакционной бюрократии, доведшей империю до краха. И до сих пор учёные мужи и околонаучная публика подают купеческо-кадетские замыслы в качестве фундамента для современной России.

«Новонаправленцы», раскрывая механизмы организации сверху целых отраслей индустрии и банковской системы, подрывали точку зрения о всеисии российского бизнеса и о подчинении ему правительственной политики. Они демонстрировали, что тяжёлая промышленность, железные дороги, банковская система и т.д. развивались через государственно-капиталистические, а не рыночные методы. Поэтому крупную индустрию нельзя считать порождением подлинного капиталистического развития; российский бизнес, в отличие от западного предпринимательского класса, не мог играть той прогрессивной роли, которую ему приписывали. Эти утверждения отчасти напоминают известную доктрину Троцкого¹, согласно которой промышленность в России насаждалась сверху². Но троцкисты не ограничивались этим утверждением: подлинным творцом российского капитализма они считали иностранные финансы, тогда как «новонаправленцы» это категорически отрицали. И если вопрос о том, кто обеспечивал прогресс, у троцкистов разрешался вполне определённо, то у «новонаправленцев» он повисал в воздухе. Они не видели в роли модернизатора ни отечественных буржуа, ни иностранных воротил, ни тем более царскую бюрократию, которая считалась носителем крепостнического духа и даже препятствием для экономического роста. Разорвать этот замкнутый круг — кто насаждает капитализм, тот одновременно и тормозит его развитие — могла лишь Октябрьская революция. Таким образом, закономерность эпохального события выводилась

---

¹ Бовыкин В.И. Введение // Рабочий класс в первой русской революции. М., 1981. С. 6–8.

² Троцкий Л.Д. История русской революции. М., 1997. Т. 1. С. 34–40.

не из развитости, а, наоборот, из отсталости российской экономики. Очевидно, что «новонаправленческая» мысль стала жертвой идеологической запрограммированности, свойственной советской науке в целом. И хотя они обосновывали свои исторические взгляды, пересматривая исходные факты¹, эффект это могло дать лишь в случае принципиального отказа от устоявшихся догм, с одной стороны, и обретения новых ориентиров — с другой.

Сегодня к утверждению новых подходов нас побуждает опыт постсоветских десятилетий и все прелести частнособственнического «прогресса». Поэтому следует вооружиться тезисом, который в начале XX столетия сформулировал В.К. Плеве, тогда — министр внутренних дел России: «У царского правительства, что ни говори, есть опытность, традиции, привычка управлять. Заметьте, что все наши самые полезные, самые либеральные реформы сделаны исключительно правительственной властью, по её почину, обычно даже при несочувствии общества...»² Конечно, у большинства сегодняшних историков, воспитанных на советских или либеральных клише, имя Плеве ассоциируется с махровой реакцией. Тем не менее его высказывание в сжатой форме описывает путь, по которому в своё время не пошло «новое направление» и который всё ещё остаётся непройденным. Нельзя сказать, что отечественные учёные абсолютно игнорировали дореволюционную бюрократию; мы располагаем серьёзными работами советского времени на эту тему, не утратившими значения и сейчас³. Хотя пробивались эти работы с трудностями, как, например, фундаментальная монография Л.Г. Захаровой о подготовке реформы по отмене крепостного права (1983). Автор сумела показать, что движущей силой грандиозного проекта выступила верховная власть и либеральная бюрократия. Эта новация сразу вызвала острые критические выпады: самодержавие не может быть инициатором каких-либо реформ, а имя Ленина следует упоминать никак

¹ Поликарпов В.В. Государственная власть и монополии в начале XX века // Поликарпов В.В. От Цусимы к Февралю. С. 50–51.

² Любимов Д.Н. События и люди. Воспоминания. 1902–1906 годы // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 72–73.

³ Например, Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964; Он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия: политическая реакция 80-х — начала 90-х годов. М., 1970.

не реже императора¹. После крушения СССР надобность в подобных ритуалах отпала, и тема созидательных потенций бюрократической элиты Российской империи стала привлекать больше внимания. Её роль в демонтаже крепостничества и проведении земской, судебной, военной реформ 1860-х — середины 1870-х годов уже не ставилась под сомнение². Получили новое освещение и попытки конституционных преобразований, инициированных в верхах либерально настроенными кругами; осуществление этих замыслов прервала трагическая гибель Александра II³. В этом смысле появившиеся труды сближали отечественную историографию с западной, которая всегда чутко реагировала на либеральные веяния, а потому более трезво относилась к практике российского реформаторства сверху⁴.

Однако и у нас, и за рубежом позитив практически полностью сходит на нет, когда разговор заходит о конце XIX начале XX столетия. Бюрократическая элита Николая II неизменно изображается крайне реакционной силой, мечтающей лишь о возврате крепостнических порядков; её фактическое вырождение во многом предопределило падение Российской империи⁵. Господствующие верхи образца последнего царствования считались малоперспективным, даже «неприличным» объектом для изучения. Авторы разнообразных постсоветских исследований этого периода выбирали своих героев в зависимости от собственных политических вкусов. В фаворитах — и либералы-кадеты, и когорта черносотенцев, и невятные общественники; носителями прогресса выставляются даже эмигрантские группки меньшевиков, по сути, не имеющие к России никакого отношения. В то же время высшая бюрократия

---

¹ Об обстоятельствах публикации работы см.: *Захарова Л.Г.* Путь к теме // *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011. С. 5–32.

² *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х годов). М., 2002.

³ Например, *Воронин В.Е.* Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х — начало 80-х годов). М., 2010.

⁴ *Большакова О.В.* Власть и политика в России XIX — начала XX века. Американская историография. М., 2008. С. 138–152.

⁵ *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 216–220.

представлена в подобных исследованиях лишь отдельными одиночными фигурами. Главным образом это С.Ю. Витте — как показано в предыдущей главе, приковывающий к себе неизменное внимание. Даже реабилитация П.А. Столыпина, которая произошла в начале текущего столетия, немного изменила: бюрократическая элита Николая II — это по-прежнему *terra incognita*, интересующая лишь отдельных энтузиастов¹. Поддерживая их усилия, мы считаем нужным вести разговор не просто о высшем чиновничестве, но конкретно о финансово-экономическом блоке. Это весьма важное уточнение, поскольку бюрократические верхи не представляли собой монолита и интересы отдельных групп разнились.

В целом высшее чиновничество всегда находилось в сильной зависимости от придворных кругов, которые, естественно, не были склонны к преобразовательным порывам либерального толка, кроме некоторых просветительских чаяний. Придворная и сплетённая с ней военно-земельная аристократия действительно испытывала тягу к консервации абсолютизма, точнее, подавляющее большинство в этой прослойке было настроено как минимум на поддержание политического статус-кво в самодержавном духе. Реформаторскую же стезю начали прокладывать те представители высшей бюрократии, которые были связаны с экономическим блоком. Именно здесь созревали планы модернизации в европейском формате, претворяясь затем в конкретную политику.

Само понятие «модернизация» в современном его значении осмыслено у нас только к середине XIX века. Как отмечают специалисты, в имперской России хозяйственные проблемы ещё не рассматривались в русле догоняющего развития, то есть никто не видел необходимости заимствовать экономические институты у более передовых держав. Даже само слово «реформы» появляется в русском языке в конце XVIII века, а словарями фиксируется впервые с 1806 года, причём лишь в смысле: «переформирование войск»². То есть тогда модернизация подразумевала по большей части преобразование в армии и связанной с ней военной про-

¹ Например, *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917 годы). Рязань, 2004; *Бородин А.П.* Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013.

² *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1994. С. 114.

мышленности — в этих сферах отставание традиционно воспринималось болезненно. Вопрос же об изменениях в структуре экономики, о создании новых отраслей не ставился¹. Для царствования Александра II свойственно понимание модернизации уже в широком контексте догоняющего развития, чему в немалой степени способствовали печальные итоги Крымской войны. Поражение послужило толчком не только к долгожданной крестьянской реформе, но и к созданию новой повестки, где прямо ставились задачи полноценного экономического роста.

Эта программа была сформулирована либеральным чиновничеством, группировавшимся вокруг вел. кн. Константина Николаевича — младшего брата императора. Руководимое им Морское министерство в начале 1860-х годов «оказалось самым либеральным и передовым при возбуждении всех новых вопросов», а вскоре превратилось в кузницу кадров, рассеявшихся во главе различных ведомств². Представители этой группировки в верхах «не допускали никакого контроля ни над кем и ни над чем; все должны быть свободны как птицы; правительство не должно быть ни хозяином, ни режиссёром, ни суфлёром, ни даже зрителем, выражающим одобрение или порицание, а должно удалиться с арены...»³. Образцом служил западный опыт, в соответствии с ним причины хозяйственных трудностей усматривались во всевластии государства и подавлении личной инициативы; только «дух предприимчивости» в состоянии обеспечить стране процветание. Один из лидеров этой когорты Н.А. Милютин восхищался устоями экономической жизни в США, «где отброшены все общественные отношения, стеснительные для индивидуального действия каждого лица», «где каждому открыто свободное, ничем не ограниченное поле к улучшению своего материального благосостояния»⁴. Весомую роль в группе играл министр финансов 1862–1878 годов М.Х. Рейтерн, незадолго до отмены крепостного права, будучи ещё

¹ Мау В.А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929 годы). М., 2013. С. 45–46.

² Качалов Н.А. Записки тайного советника. М., 2012. С. 193.

³ Плансон А.А. Былое и постоянное. СПб., 1905. С. 281.

⁴ Суворова Е.Ю. К вопросу о политико-экономических представлениях либеральной бюрократии эпохи реформ // Общественное сознание в кризисные и переходные эпохи. Сб. статей. М., 1996. С. 18.

чиновником Морского министерства, побывавший в трёхлетней командировке по странам Западной Европы и США для изучения финансового строя. Либерально-экономическая концепция классической школы становится главным ориентиром; её принципы излагались в обширной записке (70 страниц) Рейтерна, адресованной императору. Глава Минфина упомянул о ликвидации бюджетного дефицита, частном кредите, иностранном капитале, интенсивном железнодорожном строительстве и т.д.¹ Рекомендации Рейтерна, поддержанные Александром II, были признаны руководством к действию².

Таким образом, в 60–70-х годах XIX века часть бюрократической элиты получила возможность апробировать либеральные рецепты. Достигнутые результаты хорошо известны: удалось добиться некоторой стабилизации финансов, увеличилась собираемость налогов (в первой половине 1870-х бюджет, как правило, сводился с профицитом), повысился курс рубля. Но главное — наблюдался стремительный рост учредительства, появились частные банки, стали строиться железные дороги. Обычно историографы восхищаются этим стремительным продвижением страны по желанному маршруту. Однако при этом нечасто задаются далеко не праздными вопросами: во что обошёлся стране перевод экономики на капиталистические рельсы? какова стоимость преобразований, проведённых по либеральным предписаниям? Проиллюстрируем это на примере железнодорожного строительства, с которым связывались особые надежды по развитию частной инициативы. Здесь быстро обнаружилось множество негативных последствий, не учтённых на стадии теоретических рассуждений. Речь о небывалых злоупотреблениях, по сути, извративших предпринятые начинания. О масштабах бедствия мы имеем достаточное представление благодаря подробным воспоминаниям современников.

Парадоксально, но старт невиданной коррупционной вакханалии дал сам министр финансов. Увлечённый приобщением в железнодорожную отрасль энергичных частников, он предоставил свое-

¹ Судьбы России: доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX века). СПб., 1999. С. 107–159.

² Чернуха В.Г. Программная записка министра финансов М.Х. Рейтерна (сентябрь 1866 года) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 10. С. 278.

му старому знакомому Г. фон Дервизу концессию на Рязанско-Козловскую ветку, а для привлечения финансирования гарантировал созданному под неё обществу весь выпуск облигаций. Протекте Рейтерна незамедлительно начал проводить с ними операции на Берлинской бирже, после чего приступил к манипуляциям с акциями компании. В результате фон Дервиз стремительно превратился в мультимиллионера, что плачевно отразилось на его психическом здоровье¹. Пример такого обогащения произвёл в элитах эффект разорвавшейся бомбы. За право получить концессии на постройку линий разгорелась борьба, в которой участвовали члены правительства и аристократия, включая великих князей. Без стеснения они продвигали интересы учредителей обществ, состоящих, как правило, из сомнительных личностей, вызванных к жизни железнодорожной горячкой. Как следует из мемуаров чиновника Министерства путей сообщения Дельвига, каждый подрядчик имел тайного или явного высокопоставленного покровителя-акционера. Для братьев Башмаковых это министр внутренних дел П.А. Валуев, для Полякова — министр почт и телеграфов И.М. Толстой, для Губонина — министр двора А.В. Адлерберг, для Ефимовича — фаворитка государя княжна Е.Ю. Долгорукая и т.д. Зимний дворец напоминал в ту пору лавку, где велась едва прикрытая торговля концессиями и подрядами², кипели страсти, ломались карьеры. Так, всемогущий тогда начальник III отделения Е.И.В. канцелярии П.А. Шувалов утратил своё положение, восстановив против себя друзей-партнёров княжны Долгорукой, обуздывая, насколько возможно, их корыстные аппетиты³. Очевидцы свидетельствуют: «Сам император Александр Николаевич находил вполне естественным, что люди к нему близкие на его глазах обогащались с помощью разных концессий и т.д., — если не они, так другие, почему же не те, к кому он благоволил?»⁴

Конечно, протяжённость рельсовых путей в годы акционерного бума резко выросла: с 1866 по 1880 год было выдано 53 концессии и образовано 43 акционерных общества, а железнодорож-

---

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. I. М., 1960. С. 122–123.

² Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. М.-Л., 1930. Т. 2. С. 310–390.

³ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 годы // За кулисами политики. 1848–1914 годы. М., 2001. С. 196.

⁴ Там же.

ная сеть увеличилась с 3,8 тысячи до 22,9 тысячи вёрст¹. Однако производственные хлопоты не особенно занимали инициаторов строительства, которое рассматривалось ими как инструмент для грандиозных финансовых афер, суливших быстрое обогащение. Об этом свидетельствует тот факт, что никто не собирался выполнять предусмотренные договорами обязательства; тщательно проработанные проекты не требовались — их на скорую руку сочиняли в петербургских кабинетах². Зато в правило вошло значительное завышение стоимости предполагаемых работ — ведь от их объёма напрямую зависела величина облигационного капитала, запускаемого в биржевой оборот. К тому же концессии выдавались с так называемыми оптовыми контрактами, т.е. власти, определяя общую сумму затрат, разрешали привлекать к строительству подрядчиков. Поэтому сразу после утверждения сметы учредители искали такого подрядчика, который брался построить дешевле установленной цены: чем существеннее была разница, тем больше оседало в карманах концессионеров; причём к дележу приступали ещё до начала работ³. В результате практически все дороги сдавались безобразного качества, недостроенными и, как следствие, высокоаварийными. На некоторых ветках под откосами подолгу оставались необрушенными свалившиеся платформы, вагоны, локомотивы. На пассажиров это производило гнетущее впечатление, и они старалисьшний раз не пользоваться столь опасным видом транспорта⁴. На одном из докладов главы МПС Александр II наложил резолюцию: «Грустно, что почти дня не проходит без происшествий»⁵. Кульминацией в череде аварий стало страшное крушение на Одесской железной дороге в 1875 году, где сгорел воинский эшелон, погибли люди. А по словам тогдашнего военного министра Д.А. Милютина, больше половины российских путей находят-

---

¹ Степанов В.Л. Либерально-экономический «эксперимент» в России (вторая половина 1850-х — первая половина 1870-х годов) // Петр Андреевич Зайончковский. Сб. статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 498.

² Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. С. 394–395.

³ Ламанский Е.И. Воспоминания. 1840–1890 годы. Пенза, 1995. С. 116.

⁴ Плансон А.А. Былое и постоянное. С. 221–222.

⁵ Всеподданнейший доклад министра путей сообщения. 23 января 1870 года // РГИА. Ф. 446. Оп. 26. Д. 17. Л. 11.

ся в таком состоянии, что подобная катастрофа может повториться в любой день¹. При этом учредители железнодорожных частных компаний периодически домогались казённых субсидий якобы для поддержки частного бизнеса, а на самом деле — из банальной корысти. Так, общества Рязанско-Козловской и Московско-Рязанской дорог добились соответственно четырёх и трёх миллионов рублей для устранения неполадок, не желая расходовать на дело собственные средства². Но эти дополнительные бюджетные выплаты мало что меняли, и казне приходилось затрачивать большие суммы, чтобы фактически достраивать дороги. В результате убытки от эксплуатации низкокачественных активов целиком ложились на плечи государства³.

Иностранный же капитал, поступавший в отрасль, обслуживал главным образом финансовый спекулятивный оборот, а не строительные нужды. В руках железнодорожных королей зарубежные инвестиции превратились не в фактор мобилизации внутреннего денежного рынка, а в инструмент обогащения избранных, с одной стороны, и обирания казначейства — с другой. Ведь «благотворная» частная инициатива существовала за счёт государственных гарантий и приплат по ним. При этом лёгкие прибыли отнюдь не вкладывались в какой-либо российский бизнес, а, как правило, изымались из денежного оборота страны и выводились за границу⁴. Только за 1866–1875 годы на иностранных биржах (преимущественно берлинской) было реализовано облигаций железнодорожных обществ на 500 млн рублей⁵. От наблюдателей не ускользнул тот факт, что период железнодорожной вакханалии совпадает с укреплением ряда немецких банков и банкирских домов. Например, в 1870-х годах на тесном сотрудничестве с российской олигархией поднялся один из крупнейших в Германии Deutsche bank.

---

¹ Соловьёва А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX века. М., 1975. С. 113.

² Передовая // Русские ведомости. 1872. 26 сентября.

³ Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г. М.Х. Рейтерн: биографический очерк. СПб., 1910. С. 40.

⁴ Ляховский В.М. К вопросу о фиктивных компаниях в России // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 284.

⁵ Погребинский А.П. Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма // Исторические записки. М., 1954. Т. 47. С. 160

Конечно, подобное положение дел было свойственно не только России. Например, в США в это время (после окончания Гражданской войны) тоже развернулось мощное железнодорожное строительство. Хотя осуществлялось оно по либеральным стандартам («святость» частного почина, иностранный капитал и т.д.), государство сыграло в нём весомую роль: власти выделяли земельные участки, покупали акции компаний, давали налоговые льготы и т.д. И сопровождался американский железнодорожный бум теми же, что и в России, злоупотреблениями, за счёт которых вырос целый предпринимательский слой. Миллионы граждан, испытавших на себе его инициативность, дали этим представителям крупного бизнеса прозвище, оставшееся в истории, — «бароны-разбойники»¹. Однако выходили из этой непростой ситуации США и Россия по-разному. В Соединённых Штатах основным стал принцип: весь негатив — от недостатка либерализма, а не от его избытка. Преобразование здешнего железнодорожного хозяйства начинается снизу, с помощью рынка. К рубежу XIX–XX веков всей отраслью владеют семь предпринимательских групп. Теперь первостепенное внимание они обращают на повышение эффективности эксплуатации и снижение издержек. Из разрозненных кусков — вотчин многочисленных компаний — рельсовая сеть связывается в единое целое².

Иными словами, крупный бизнес сумел взять на себя и реализовать функцию движущей силы модернизации. И несмотря на предшествующий «разбойничий» период, либеральная классика оказалась востребованной здесь и далее. Нужно учитывать, что никто и никогда в американском обществе, имевшем англосаксонские корни, не ставил под сомнение частную собственность, свободу предпринимательства и т.д. Капиталистическое строительство начиналось здесь не с чистого листа — оно было органичным порождением европейской цивилизации³. В России же попросту не существовало устойчивых буржуазных традиций, и рыночные механизмы работали здесь не на рост и последующее процветание, а на последовательное разрушение всей экономики. Народив-

---

¹ Селигмен Б. Сильные мира сего: бизнес и бизнесмены в американской истории. М., 1976. С. 135–155.

² Согрин В.В. Исторический опыт США. М., 2010. С. 248–249.

³ Там же. С. 10–11.

шийся предпринимательский слой, закономерно объявленный локомотивом развития, на деле был настроен отнюдь не на созидание. Это подметил великий русский писатель Л.М. Леонов, вложивший в уста одного купца фразу: «Чего же её жалеть... думаете, и без меня не раскрадут её, Рассею-то?»¹

Тревожные перспективы привели в смятение даже архитектора «спасительного» курса Рейтерна. Уже в 1877 году перед отставкой (в знак несогласия с развязыванием военного конфликта с Турцией) он направил Александру II записку, где подвёл основные итоги своей деятельности. Начал многолетний глава финансового ведомства с оговорок: дескать, многое преувеличено, а весь негатив в конечном счёте произведёт очистительный эффект и т.д.² Но далее следовали потрясающие по степени откровенности рекомендации: приостановить строительство железных дорог, обходиться без иностранного капитала, не учреждать новые банки. Ещё более шокировало изменения его взглядов на частную инициативу. Если ранее Рейтерн видел в ней безусловное благо, то теперь призывал к осторожности и, ссылаясь на всё тот же заграничный опыт, предлагал отныне не делать ставку на частное учредительство, дабы избежать финансового краха. Разрешение на открытие новых акционерных обществ, писал он, должно выдаваться лишь после тщательного обследования состоятельности учредителей, включая их репутацию, и только там, где для этого имеется потребность. Банки же вообще следует открывать исключительно в торговых местностях и не более одного в каждой³.

Очевидно, реальность весьма отличалась от обещаний западной экономической теории. Достаточно сказать, что за железнодорожное строительство по либеральным рецептам государство расплачивалось все 1880–1890-е годы — списанные казной частные долги достигли почти 1,5 млрд рублей⁴. Эта гигантская сумма соизмерима с выкупными платежами крестьян за землю, полученную по ре-

¹ Леонов Л.М. Русский лес. Т. 9. С. 145 // Леонов Л.М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1984.

² Финансовое духовное завещание М.Х. Рейтерна (февраль 1877 года) // Судьбы России: доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX века). С. 161–162.

³ Там же. С. 171–172.

⁴ Погребинский А.П. Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма // Исторические записки. Т. 47. С. 175.

форме 1861 года: к началу XX столетия за неё было выплачено примерно столько же!¹ Неудивительно, что такие нерадостные результаты вызывали разочарование в обществе. И если в США расцветал либерализм, принявший форму социал-дарвинизма и проповедующий индивидуалистическую позицию, то в России 1880-х годов начались поиски совсем иных идеологических опор. В историографии укоренилось мнение, что отход от либеральных схем привёл к расцвету славянофильства, которое трансформировалось в устойчивый консерватизм. Эти взгляды приобрели в царствование Александра III полноценный государственный статус, определяя всю политическую практику. В литературе господствует образ «мужицкого царя», правящего под сенью идеологов-патриотов типа К.П. Победоносцева, В.П. Мещерского, М.Н. Каткова и И.С. Аксакова. Как писали в «Гражданине», «Русская партия — словно наш национальный сказочный богатырь, который, отсидев сиднем десятки лет, начал расти и крепнуть не по годам, а по дням...»²

В экономике национальные мотивы выразились в воспевании общины как самобытного явления, а также в поддержке «московского фабриканта, поволжского купца и дельного земца», лучше всех осознающих естественный путь России³. Примерка патриотических «одежд» — закономерная реакция на либеральный «прогресс» в космополитическом духе; при слабости капиталистических традиций это вполне естественный ход событий. Но могла ли экономическая программа славянофильствующих патриотов обслуживать модернизационные вызовы? В бюрократической элите той поры положительно отвечало на этот вопрос меньшинство. Большинство же считало, что кроме известной триады — православие, самодержавие, народность — у славянофилов, по существу, ничего нет, да и эти лозунги витают как бы в пустом пространстве⁴. Подтверждая такую оценку, В.В. Мусин-Пушкин, служивший в канцелярии МВД, а затем товарищем директора Крестьянского банка, указывал на известную семью Самариных. Их славя-

¹ Лосицкий А. Выкупная операция. СПб., 1906. С. 14.

² Нечто о «смутной» партии (передовая) // Гражданин. 1886. 27 апреля.

³ Фадеев Р.А. Письма о современном состоянии России (письмо XII) // СПб., 1882. С. 137.

⁴ Мусин-Пушкин В.В. Воспоминания // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 76.

нофильство в молодом поколении выродилось в постоянную боязнь расплескать славу знаменитого Юрия Фёдоровича Самарина, умершего в 1876 году¹. Подобной точки зрения придерживаются и современные исследователи, справедливо замечая, что для создателей красочных геополитических теорий проблемы реальной жизни «почти всегда оставались за рамками интереса». Консервация идей, обращённых в прошлое, мало годится для настоящего, для конкретной политической практики². В работах же, в которых авторы в выигрышном свете пытаются суммировать экономические воззрения славянофилов-патриотов, поражает изобилие общих фраз и ярких призывов при крайней бедности содержания³. Даже в серьёзных монографиях о русских националистах дореволюционного периода страницы, посвящённые их экономической программе, выглядят весьма бледно: там попросту не о чем говорить⁴.

К сожалению, и советская, и либеральная научные традиции пытаются записать всю правительственную элиту в черносотенцы, а это не позволяет проследить за интересными трансформациями 1880–1890-х годов, когда мыслящая публика обращается к немецкой исторической школе. Названное течение в конце XIX — начале XX столетия становится «законодателем мод» интеллектуальной жизни. В России прежде всего представители этой школы, а не славянофилы приходят на смену либеральным классикам. Часть бюрократической элиты именно здесь, а не в ура-патриотизме находили практическую альтернативу либеральному космополитизму. Лидеры этого направления — Густав Шмоллер, Адольф Вагнер, Людвиг Бертано и др. — пользовались в нашей образованной среде куда большей популярностью, чем хранители консерватизма в славянофильском духе. Поэтому утверждения учёных, претендующих ныне на передовые позиции в исторической науке, что «именно из славянофильских «кубиков» складывалась мифология власти» последнего царствования, вызывает недоуме-

---

¹ Там же.

² Боханов А.Н. Государство и власть // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 304.

³ Примером этому может служить: Антонов Н.Р. Экономическое учение славянофилов. М., 2008.

⁴ Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917 годы). М–СПб., 2013. С. 248–271.

ние¹. Управленческий слой ориентировался не на красочные лозунги, а на творчество названных учёных, которое помогало России «нащупывать» путь развития, не замыкаясь на себе, на собственной исключительности. Однако эта страница отечественной истории практически выпала из поля зрения исследователей. В советскую эпоху о немецкой исторической школе вообще не говорили; сведения о ней отсутствуют даже в обобщающих трудах, посвящённых германской экономике, науке и культуре². Современные пособия по экономической истории стали лишь пунктирно упоминать об этом течении. Некоторые сведения о знаменитых профессорах можно почерпнуть из переводов западных научных трудов, изданных в России³. Вопрос же о влиянии немецких интеллектуалов на просвещённые круги дореволюционной России абсолютно не освещён. Тогда как нам крайне важно прояснить, какими источниками после отказа от имитации либеральных образцов в англосаксонском духе подпитывалась отечественная модернизационная мысль.

Сначала скажем о самой немецкой исторической школе. Её костяк составили молодые профессора, чьё научное творчество оказалось несравненно более значимым, чем подготовка монографий по специальным вопросам. Они первыми открыто выступили за пересмотр экономической доктрины либерализма⁴. В 1870-х годах во всей Европе, включая Россию, господствовали так называемые «манчестерианцы», воспевавшие свободную конкуренцию и невмешательство государства в хозяйственную жизнь. Немецкие же учёные находили невозможным применение идей Адама Смита и Дэвида Рикардо; их систему взглядов они считали не политической, а скорее космополитической экономией. Последователи «манчестерианцев» проповедовали их аксиомы как единственно верные для всех стран, невзирая на уровень и особенности развития. Между тем жизнь шла вразрез с доктриной о всесии свободного рынка и естественно-правовом господстве индивидуума.

¹ Соловьев К. А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017. С. 8–9.

² Например: Германская история в новое и новейшее время. М., 1970. Т. 1. С. 392–402.

³ Например.: Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии. 1890–1933 годы. М., 2008. С. 175–186.

⁴ Ковалевский М. М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 104.

И «молодые» немецкие интеллектуалы возвели во главу угла принцип: выбор экономических инструментов определяется не столько теоретическими обобщениями, сколько серьёзным конкретно-историческим анализом. Объект анализа — не только намерения индивидов, но и уровень технического развития, качество существующих институтов, природные и прочие условия. На данной методологии немецкая историческая школа сформулировала теорию роста через преобразования, нацеленные на повышение материального уровня и правовую защиту широких слоёв населения. Причём главным субъектом модернизации признавался не рынок, а государство. Это объяснялось особым положением последнего: государство находится над различными социальными группами, что оптимально для согласования всего спектра общественных интересов. В рамках данного подхода отстаивался приоритет социума над действиями отдельных людей¹.

Полемику с А. Смитом по узловым точкам либеральной доктрины начал ещё предшественник немецкой школы Фридрих Лист, к которому с симпатией относились и в России. Популярностью пользовалось такое его сравнение: лечить недуги по рецептам космополитической экономии бессмысленно, как, например, устраивать какой-либо двигатель по формулам аналитической механики без учёта качества материалов и условий сопротивления². Поэтому новое поколение немецких учёных предприняло целый ряд конкретных исследований, посвящённых различным эпохам прусской экономической политики, истории промышленных предприятий, ремесленных корпораций и т.д. По их инициативе в октябре 1872 года в Айзенахе состоялся первый съезд профессоров-экономистов, учредивших Союз социальной политики. Так было положено начало новой школе, вскоре получившей у оппонентов название катедер-социализм (кафедральный социализм). Однако в данном случае обвинения в социалистических симпатиях были откровенным преувеличением. В отличие от марксизма, речь здесь шла о гармоничном сочетании частной инициативы и потребностей общества, то есть акцент делался на социальной стороне экономического раз-

¹ Шмоллер Г. Наука о народном хозяйстве, её предмет и метод. М., 1897.

² Витте С.Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист // Вопросы экономики. 1992. № 3. С. 143–144.

вития, чему «манчестерианцы» серьёзного внимания не уделяли¹. Незыблемость же самой частной собственности как общественной основы не подвергалась сомнению. Представители новоисторического направления резко и последовательно критиковали Маркса, чьи взгляды вдохновляют на насильственные действия. Не приемля коренной ломки жизненных устоев, они решительно отвергали коммунистическую нивелировку, а основоположника «единственно верного учения» именовали «талмудистски мыслящим социальным философом», «международным заговорщиком» и «фанатиком ненависти»². Маркс и Энгельс в долгу не оставались, так оценивая, например, труды Вагнера: «что ни слово, то галиматья»³, «благотупость»⁴ и т.п.

Магистральный путь развития индустриального общества лидеры исторической школы видели не в революции, «не в наступлении в ближайшем будущем золотого века коммунизма»⁵, а в целенаправленной рабочей политике, полноценная разработка которой, предпринятая впервые, стала их неоценимой заслугой. Как писал Вагнер, «история подтверждает, что своевременное и добросовестное исполнение справедливых требований низших классов зачастую являлось единственным средством предупредить кризисы, тяжело отзывающиеся на всех слоях общества...»⁶ Речь шла о государственном регулировании труда, страховании наёмных работников от болезни и несчастных случаев, пенсионном обеспечении, создании третейских судов для улаживания конфликтов между рабочим и нанимателем, расширении потребительской и жилищной кооперации. Немецкие интеллектуалы предупреждали: если власть не вмешается в обостряющиеся отношения между наёмными работниками и хозяевами, общественные катаклиз-

¹ *Бернацкий М.В.* Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб., 1911. С. 202.

² *Schmoller G.* Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Leipzig. 1923. Bd. II. S. 626.

³ *Маркс К.* Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономики» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 19. М., 1961. С. 375.

⁴ *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу // Там же. Т. 18. С. 256.

⁵ *Исаев А.* Смитианизм и марксизм перед судом профессора Шмоллера // Научное обозрение. 1898. № 4. С. 811.

⁶ *Вагнер А.* Социальный вопрос. СПб., 1906. С. 15.

мы неизбежны. Принцип полного невмешательства государства в хозяйственную жизнь не выдерживает критики, а потому «манчестерское направление» не может претендовать на научную неприкосновенность¹.

Разработка многогранной социальной системы подводила к представлению о среднем классе, и это действительно выглядело подлинным прорывом в политической мысли той эпохи. Так, Шмоллер доказывал необходимость выравнивания социальной структуры германского общества за счёт улучшения условий жизни, а также увеличения числа предприимчивых представителей низших классов. Причём понятие уровня жизни определялось не только экономическими (собственность, доходы), но и образовательно-культурными критериями². Шмоллер пришёл к выводу, что именно активная социальная политика обеспечит «моральный, интеллектуальный и технический прогресс населения», смягчит растущее неравенство, не допустит разделения общества на немногочисленных богатых и множество обездоленных. Только в этом случае сформируется «большая здоровая нация, опирающаяся на нравственные и моральные силы»³.

Подлинный расцвет немецкой исторической школы начинается после 1880 года, с кардинальных изменений политического курса Бисмарка. В этот период всемогущий канцлер окончательно разочаровался в либеральной доктрине, и немецкая государственная практика начинает ориентироваться на новоисторические идеи. После объединения Германии в 1870 году специалисты считают этот поворот своего рода «вторым основанием империи»⁴. В новых условиях Союз социальной политики из собрания интеллектуалов превращается в мозговой центр выработки правительственной политики. Высшее прусское чиновничество теперь за честь почитает состоять в правлении этой организации, многие охотно публикуются в издаваемых там научных сборниках.

---

¹ Бернацкий М.В. Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. С. 197.

² Schmoller G. Was verstehen wir unter dem Mittelstande? Hat er im XIX. Jahrhundert zu-oder abgenommen? Gottingen, 1897. S. 26.

³ Там же. С. 32–33.

⁴ Оболенская С.В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 1870-х годов. М., 1992. С. 114.

Кстати, за 37-летнее существование этот союз проделал колоссальный труд, воплотившийся в нескольких десятках томов исследований¹. Энгельс не преувеличивал, когда говорил о катедер-социалистах как о созданной Бисмарком «собственной лейб-профессуре»². Заметим, эти интеллектуалы сильно раздражали крупный немецкий бизнес, объединённый в Центральном союзе германских предпринимателей. Там приходили в бешенство от высказываний типа «миллионов не наживают без того, чтобы не прикоснутся рукавом к стене каторжной тюрьмы»³; социальные пожертвования Круппа и Тиссена унижают человека, так как имеют вид милости⁴ и т.д. В ответ член рейхстага, барон-заводчик Штумм утверждал, что Шмоллер, Вагнер, Brentano отнюдь не проповедают христианский мир, а развивают в массах жадность, натравливают их на собственность и капитал; он требовал от правительства прикрыть им рот⁵. Однако лидеры новоисторической школы по-прежнему пользовались расположением кайзера Вильгельма II. Так, Шмоллер стал членом Прусского государственного совета, а в 1897 году занял пост ректора Берлинского университета, удостоился золотой медали как первый экономист Германии. Не меньшим авторитетом во власти пользовался и Вагнер⁶. Прусский министр финансов Микель в унисон с ними открыто рассуждал о введении некоторых ограничений права собственности⁷. Министр просвещения Боссе с трибуны рейхстага призывал не забывать, что это научное направление возникло как протест против односторонности теоретической мысли; оно исходит из внимательного изучения практической жизни. Боссе говорил об интеллектуальном богатстве катедер-социализма, а потому разговоры о какой-то узкой монополии на профессорские кафедры в стране неправомерны⁸.

В конце XIX — начале XX века взгляды новой исторической школы завоёвывают популярность далеко за пределами Германии,

¹ Булгаков С. Н. История экономических и социальных учений. М., 2007. С. 380.

² Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 18. С. 256.

³ Иоллос Г. Б. Письма из Берлина. СПб., 1904. С. 273.

⁴ Там же. С. 388.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ Тотомианц В. Ф. Из моих воспоминаний. София, 1943. С. 25, 32.

⁷ Иоллос Г. Б. Письма из Берлина. С. 273.

⁸ Там же. С. 269–269.

например в Японии, где также актуализируется социальная проблематика. Правящие круги страны ратуют за легитимацию патерналистской, интервенционистской экономической и социальной политики. Её сторонниками выступает целый ряд интеллектуалов и просвещённых чиновников, прошедших подготовку в ведущих университетах Германии. Например, эти круги были вдохновлены немецким правовым творчеством: юридические определения, вошедшие в текст японской конституции, в большинстве случаев представляют собой отредактированный перевод с немецкого¹. В 1896 году в стране была основана Ассоциация социальной политики — явный аналог немецкого Союза социальной политики. Объединившиеся в ней японские профессора и бюрократы ратовали за социальное законодательство, защищали усиление роли государства в экономике. Особенно выделялись на этом поприще Канаи Нобуру и Кувато Кумазо из Токийского университета — кузницы высшего чиновничества, — прямо именовавшие себя учениками Шмоллера². А потому можно согласиться с мнением о японской элите той поры как об «энтузиастических имитаторах» германских наработок³. Немецкий социальный реформизм послужил важным катализатором бюрократического консерватизма эпохи Мэйдзи⁴.

Идеи немецкой исторической школы нашли отклик даже в США. Её приверженцами выступила группа учёных из Американской экономической ассоциации, учреждённой в 1885 году. Возглавивший её профессор Р. Эль декларировал: «Мы рассматриваем государство как институт, позитивная задача которого состоит в создании необходимых усилий для прогресса человечества... любая надежда на улучшение индустриальной и социальной жизни останется иллюзорной, если она не будет основываться на прочном фундаменте длительного государственного реформаторства»⁵. Подобные

¹ Фон Зибельд А. Эпоха великих реформ в Японии. СПб., 1905. С. 64.

² Grimmer-Solem E. German social science, Meiji conservatism and the Peculiarities of Japanese history // Journal of World History. 2005. Vol. 16. № 2. P. 207, 209.

³ Там же. P. 192.

⁴ Pale K. Meiji Conservatism // The Cambridge history of Japan. 1989. Vol. 5. P. 674–720.

⁵ Савельева И. М. Американское профсоюзное движение в отражении буржуазных реформистских концепций конца XIX — начала XX века // Формирование пролетариата: проблемы историографии и источниковедения. М., 1980. С. 173.

утверждения резко диссонировали с той обстановкой, которая господствовала в стране, и воспринимались как своего рода вызов либеральным концепциям, утвердившимся в американской элите. Разумеется, ей не по душе пришёлся акцент Р. Эля на морально-этических основах предпринимательства, что прямо напоминало взгляды Шмоллера с его критичным отношением к крупному бизнесу. Другой представитель Ассоциации, Дж. Коммонс, в своих трудах анализировал социальную политику, что для пропитанной духом индивидуализма американской практики выглядело непривычно. Как исследователь Коммонс тоже сформировался под воздействием немецкой исторической школы¹.

Именно её влиянием объясняется то, что эти учёные впервые в США обратились к изучению рабочего движения и подготовили многотомное издание «Документы индустриального общества», отразившее основные его вехи². Противостоя индивидуалистическим теориям, они выдвигали институциональный метод, при котором исторический процесс рассматривается не как конкуренция свободных индивидов, а как взаимодействие различных институтов: государственных, общественных, предпринимательских. Достижение разумного баланса между ними признавалось главным условием прогресса. Этот подход стал визитной карточкой направления в американской историографии, за которым закрепилось название «висконсинская школа», поскольку ряд видных её представителей в разные годы преподавали в университете этого штата. Фактически до начала Великой депрессии, то есть до начала 1930-х годов, они оставались на периферии научной жизни США. Положение изменилось с приходом на пост президента Ф. Рузвельта, провозгласившего социальную эру в американской истории. Представителей висконсинской школы стали привлекать в различные федеральные комиссии, поручать им разработку страхового законодательства для рабочих и т.д., и можно сказать, что они подготовили ту почву, на которой оформился «новый курс» Рузвельта. Их идея усиле-

---

¹ Мальков В. Л. Джон Коммонс и висконсинская школа // Историк и историки: историография всеобщей истории. Сб. статей. М., 1966. С. 249.

² Аскольдова С. М. Основные направления американской буржуазной историографии рабочего движения // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 41.

ния роли государства в социально-экономической жизни во многом предвосхитила кейнсианство.

В России конца XIX — начала XX столетия немецкую историческую школу как будто игнорировали; кажется, германский опыт абсолютно не затронул отечественную интеллектуальную жизнь. Хотя, как показывает знакомство с источниками, влияние немецкого новоисторического направления было, напротив, весьма сильным и значимым. Представители российского научного мира присутствовали уже на Эйзенахском съезде 1872 года. Речь о молодом ещё тогда М.М. Ковалевском, впоследствии видном участнике общественной и научной жизни. В своих воспоминаниях он воспроизвёл атмосферу того форума, передал энтузиазм, которым буквально горели собравшиеся¹. Большим поклонником немецкой исторической школы зарекомендовал себя и А.И. Чупров. Этот начинающий московский профессор в 1874 году одним из первых в России издал брошюру, содержащую развёрнутую характеристику нового течения в европейской мысли. Особенно он подчёркивал его противоположность космополитизму либералов и социалистов и примат в изучении конкретного социально-экономического развития². Чупров до конца жизни высоко оценивал научный вклад немецкой школы, что запечатлено в его неоднократно переиздававшемся труде по истории политической экономии³. Близкие взгляды к немецким профессорам разделял И.И. Янжул; его публикации о рабочем законодательстве в разных странах напрямую навеяны деятельностью Л. Brentano, которого тот высоко ценил. Кстати, именно Янжул был среди первых фабричных инспекторов в царской России⁴. Проводником идей катедер-социалистов в стране считался также и князь А.И. Васильчиков — известный популяризатор кооперативного движения среди городского и сельского населения⁵. Для издателя популярного в России «Вестника Евро-

¹ Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. С. 106–109.

² Чупров А.И. О современном значении и задачах политической экономии. М., 1874. С. 12–13.

³ Он же. История политической экономии. М., 1918. С. 208–223.

⁴ Аникин А.В. Путь испытаний. Социально-экономические пути в России до марксизма. М., 1990. С. 311.

⁵ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1881. № 11. С. 372.

пы» М.М. Стасюлевича лучшей рекомендацией для желающих сотрудничать с журналом являлось знание лекционных курсов Вагнера, Шмоллера и др.¹

В 1880–1890-х годах немецкая историческая школа буквально на ура принимается в России². В университеты Германии началось настоящее паломничество жаждущих ближе познакомиться с творчеством немецких учёных³. Вот как вспоминал атмосферу Берлинского университета той поры учившийся там русский экономист В.Ф. Тотомианц: «Передо мною, как сейчас, стоит на кафедре колоссальная фигура экономиста и финансиста Адольфа Вагнера. Громким голосом, не глядя в записи, он произносил свои лекции в большой аудитории, в которой вмещалось около 1000 человек. Тишина в этой аудитории была необычайная, никто даже из задних рядов не решался раньше времени уйти»⁴. На лекциях всегда присутствовало немало русских, внимавших речам этого «разумного консерватора», как называет его Тотомианц. Вагнер обосновывал вмешательство государства в экономику и высказывался за огосударствление многих отраслей хозяйства⁵. Кстати, ранее он преподавал в Дерптском университете и знал немного по-русски⁶. Кумиром молодёжи был и Шмоллер. В отличие от Вагнера он представлял собой «очень осторожного учёного», увлечённого преподавательской работой; Шмоллер любил подчёркивать культурность немцев⁷. В то же время лидеры исторической школы отнюдь не напоминали наших славянофилов, противопоставлявших себя европейскому миру; ни Вагнер, ни Шмоллер, ни Брентано этого не делали. Вот, например, как описывал Брентано один из российских почитателей этого учёного: «По духу и воспитанию солидный англичанин, по красноречию — бле-

¹ Письмо А.И. Маркова к М.М. Стасюлевичу. 30 октября 1887 года // М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 2. С. 340–341.

² Тотомианц В.Ф. Из истории русской экономической мысли. Мюнхен, 1956. С. 8.

³ Левин И.И. Дух российской экономической науки // Левин И.И. Акционерные коммерческие банки России. М., 2010. С. 430–431.

⁴ Тотомианц В.Ф. Из моих воспоминаний. С. 22–23.

⁵ Там же. С. 23–24.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Там же. С. 25.

стящий француз... дипломатичен как итальянец и в патриотизме не уступает древнему германцу»¹.

Целая плеяда отечественных общественно-политических деятелей воспитана на лекциях и семинарах немецких профессоров. И.И. Иванюкова, одного из ведущих публицистов популярного журнала «Русская мысль», привлекала в них как критика либеральных доктрин, так и антимарксистская риторика о невозможности заменить хозяйственный интерес полным отказом от частной собственности, рентных доходов². Другой научный деятель, сформировавшийся в русле немецкой исторической школы, В.А. Гольцев, свою диссертацию по экономике посвятил Вагнеру³. Современники отмечали, что Гольцев «внимательно прислушивался к проповеди катедер-социалистов», как и они, считал невозможным мириться с одной только формальной свободой и его не пугало вмешательство государства в сферу труда и капитала⁴. Будущий депутат Государственной думы кн. В.А. Оболенский перед поступлением на службу в Министерство земледелия также решил пополнить образование в Берлинском университете на лекциях тех же профессоров⁵.

Любопытно, что влияния немецкой исторической школы не избежал и известный политик А.И. Гучков. Будущий лидер октябристов не просто прослушал лекционный курс, но в 1890 году выступил на одном из шмоллеровских семинаров с докладом о кустарной промышленности в России и её значении для экономики в целом. Об этом малоизвестном факте рассказал П.Б. Струве в своём некрологе знаменитому учёному в 1917 году. Узнав о смерти профессора, Гучков поделился воспоминаниями о его личности, в которой «поражало и очаровывало необыкновенное обилие знаний и широта кругозора. Каждый доклад в семинарии Шмоллера давал ему повод выдвинуть тему доклада в широкую рамку сравнитель-

---

¹ Святловский Я. Людвиг Брентано. Его жизнь, воззрения и школа. М., 1896. С. 32.

² Иванюков И.И. Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений. М., 1891. С. 54–56.

³ Ветринский Ч.В. А. Гольцев // Памяти Виктора Александровича Гольцева. Статьи, воспоминания, письма. М., 1910. С. 9.

⁴ Ковалевский М.М. Из воспоминаний о В.А. Гольцеве // Там же. С. 117.

⁵ Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 540. Л. 135.

но-исторических сопоставлений, поднять обсуждение на высоту, с которой открывались неожиданные перспективы в самых различных направлениях»¹. Через увлечение немецкой исторической школой прошёл последний министр финансов России П.Л. Барк, в начале 1890-х годов стажировавшийся в Германии и посещавший курсы Шмоллера и Вагнера². Огромное идейное влияние оказали эти учёные на С.И. Тимашева — будущего главу Госбанка и министра торговли и промышленности: он в течение двух лет слушал их лекции в Берлинском университете³. Самым серьёзным образом изучал германский опыт в финансово-экономической сфере и урегулировании трудовых отношений профессор И.Х. Озеров, которого за приверженность к индустриальному развитию называли «трубадуром русской промышленности»⁴. Его диссертация, выполненная на немецком материале, называлась «Главнейшие течения в развитии прямого обложения в Германии»⁵. В эту картину вписывается и Витте. Расставание со славянофильским имиджем как раз проходило у него на фоне усиления интереса к немецкой исторической школе. Особенно «модернизатор всея Руси» выделял Вагнера, который пользовался в его глазах неоспоримым авторитетом в области финансов⁶. Доказывая Николаю II преимущества перехода на золотой рубль, Витте, не знавший немецкого языка, попросил составить ему всеподданнейший доклад с позитивными отзывами Вагнера о предстоящей русской денежной реформе⁷.

Но внедрять наработки новоисторического направления в управленческую практику России начал не кто иной, как глава российского Минфина 1880-х годов Н.Х. Бунге, сочетавший в себе качества учё-

---

¹ Струве П.Б. Густав Шмоллер. Некролог // Известия Российской Академии наук. 1917. Ноябрь. С. 1233–1234.

² Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 годы. Т. 1. С. 152.

³ С.И. Тимашев: жизнь и деятельность. Избранные сочинения. Тюмень, 2006. С. 11–12.

⁴ Озеров И.Х. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 4. Л. 15, 32.

⁵ Щетинина Г.И. Озеров И.Х. и его воспоминания // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1978. С. 234.

⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 170.

⁷ Всеподданнейший доклад С.Ю. Витте (конец 1896 года) // ГАРФ. Ф. 543. Он. 1. Д. 281. Л. 14–16.

ного и чиновника¹. Его идейной эволюции от увлечения либеральной классикой до прагматичного, а не доктринёрского её использования в значительной мере способствовали труды Вагнера, Шмоллера, Брантано и др., причём некоторые из них он лично переводил на русский язык². Влияние этих учёных прослеживается в государственной деятельности Бунге уже с момента его назначения товарищем министра финансов (1880)³. Для него было очевидно: с помощью свободного рынка и сопутствующих ему прелестей России много не достичь. В либеральных ценностях заинтересован лишь узкий слой, а бедное сельское население, на котором зиждется общее благосостояние государства, они никак не затрагивают⁴. Своё видение экономического развития страны он представил Александру II. В записке упоминается немецкий учёный Ф. Лист, избравший для своего главного труда эпиграф: «И отечество, и человечество», — справедливо отводя первое место отечеству, а потом человечеству⁵. Оценивая предыдущий опыт, Бунге предлагает перестать смотреть на государство «как на источник обогащения или покрытия частных потерь» и определить, где находится пределы требуемых от государства субсидий, приплат и гарантий⁶.

Бунге переработал выдвинутые немецкой исторической школой принципы применительно к российским реалиям, и в итоге они приобрели ярко выраженную социальную направленность. В первую очередь это касалось сельского хозяйства. Будучи убеждённым поклонником частной собственности, Бунге критиковал общинные порядки и возражал против их искусственной поддержки — община быстро распадётся, если предоставить дело есте-

---

¹ Будучи известным экономистом и ректором Киевского университета, Н.Х. Бунге на протяжении 1860–1870-х годов привлекался к работе различных правительственных комиссий, начиная с комитетов, готовивших отмену крепостного права, возглавлял Киевскую контору Государственного банка.

² Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905 годы. М., 2007. С. 242–243.

³ Степанов В.Л. Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 51.

⁴ Ковалевский В.И. Воспоминания // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 26–27.

⁵ Программная записка Н.Х. Бунге Александру II «О финансовом положении России». 20 сентября 1880 года // Судьбы России: доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX века). С. 200.

⁶ Там же. С. 182–183.

ственному течению¹. В то же время Бунге указывал на крайнюю обременительность выкупных платежей, подушной подати для крестьянства: любое стихийное бедствие (засуха, ливни и т.п.) делает неплатёжеспособными не только отдельные волости, уезды, но и целые губернии. Поэтому он ослабил податной пресс в деревне и внедрил в налоговую практику элементы подоходного обложения, что освободило крестьян более чем от четверти ежегодных платежей². Эти преобразования были высоко оценены специалистами: проведённая налоговая реформа «знаменовала собой окончательный поворот общей финансовой, в частности податной, политики России от старого крепостнического строя к новому, более соответствующему изменившимся условиям экономической жизни страны»³. Правда, советская наука предала эти оценки забвению, так как ориентировалась исключительно на высказывания Ленина, который относился к деятельности Бунге крайне негативно⁴.

Социальные приоритеты Бунге сказались также на фабричном законодательстве, при принятии которого был использован немецкий опыт. Кстати, этими же идеями навеяно решение рабочего вопроса с монархических позиций, известное в нашей истории как зубатовщина. Эту систему регулирования взаимоотношений разрабатывал и предлагал ещё Шмоллер⁵. В России её метко охарактеризовали социальной монархией⁶. Введение фабричного законодательства столкнулось у нас с огромным противодействием славного московского купечества. Отечественные предприниматели ни под каким предлогом не желали цивилизовать отношения между хозяевами и рабочими, то есть заключать договоры найма, где прописывались права и ответственность работника, определялся его заработок, фиксировались штрафы. Недовольство вызывало ограничение ночного труда, в особенности для подростков и жен-

¹ Картавцев Е.Э. Николай Христофорович Бунге // Вестник Европы. 1897. № 5. С. 17.

² Бунге Н.Х. Загробные заметки // Река времён. Кн. 1. М., 1995. С. 222–223.

³ Локоть Т.В. Бюджетная и податная политика России. М., 1908. С. 168.

⁴ Ленин В.И. Что такое «дружья народов» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 267–268.

⁵ Шмоллер Г. Борьба классов и классовое господство. М., 1906.

⁶ Герасимов А.Я. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 157.

щин, учреждение инспекции по надзору за предприятиями. Вдохновителя этих мер с лёгкой руки капиталистов Первопрестольной даже объявили социалистом, разорителем русской промышленности¹. Тем не менее именно тогда была намечена модернизационная альтернатива и либеральной классике, и славянофильству, ориентированная на новую социальную экономику.

В правительстве этот курс олицетворял тандем Н.Х. Бунге — Д.М. Сольский, опиравшийся на интеллектуальную среду, которая сложилась вокруг популярных тогда журналов «Вестник Европы» и «Русская мысль». М.М. Стасюлевич, К.К. Арсеньев, М.М. Ковалевский, В.А. Гольцев, И.И. Иванюков и др. выступали в этих изданиях с научной публицистикой, настойчиво пропагандируя новый социально-экономический вектор. Эти интеллектуалы ориентировались на Бунге и Сольского как в идейном плане, так и в плане человеческих отношений. Например, издателя «Вестника Европы» Стасюлевича давняя дружба связывала с Сольским, который даже был у него шафером на свадьбе в декабре 1958 года. С тех пор более пятидесяти лет они не прерывали тесного общения². Руководимый Стасюлевичем печатный орган ставил своей целью «заполнить пространство, которое существовало между “Московскими ведомостями” М.Н. Каткова и “Санкт-Петербургскими ведомостями” В.Ф. Корша»³. «Вестник Европы» последовательно поддерживал политику, проводимую Бунге, выступал за строгую регламентацию банковской деятельности и усиление в этой сфере надзорных функций. Использовалась такая аналогия: никто не протестует против контроля над движением поездов или пароходов, поскольку это вызвано очевидными мерами безопасности. Крушение банков представляет собой не меньшую проблему для общественного самочувствия, и меры предосторожности здесь столь же необходимы⁴. Безусловной поддержкой издания пользовалась идея общего устава для российских железнодорожных обществ. Част-

¹ Мартов Л. Развитие крупной промышленности и рабочего движения. Пг., 1923. С. 27.

² Письмо Д.М. Сольского к М.М. Стасюлевичу. 16 декабря 1897 года // М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 1. СПб., 1911. С. 342–343.

³ Арсеньев К.К. Взгляд в прошлое «Вестника Европы» // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 216.

⁴ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1883. № 10. С. 787.

ные компании хорошо поднаторели в искусстве лоббирования правил, которые на самом деле лишь узаконивают произвол, царящий в путевском хозяйстве¹. «Вестник Европы» горячо поддерживал деятельность Крестьянского банка, отражая постоянные выпады против «детища Бунге» со стороны катковских «Московских ведомостей»², противостоял непрекращающейся критике со стороны дворянских кругов, которая «теплится под пеплом, вспыхивая при первом удобном — или неудобном — случае в яркое пламя»³. Причём проведение этих мер квалифицировалось в качестве «одного целого, проникнутого одной мыслью, одним духом»⁴. О последовавшей отставке Бунге с поста министра финансов журнал писал с нескрываемым сожалением: «Все орудия, когда-либо действовавшие против него, соединяются в одну батарею; пальба производится не отдельными выстрелами, а залпами»⁵.

В содержательном плане «Вестник Европы» стремился «привести демаркационную линию со старым, окаменевшим либеральным доктринёрством западноевропейской буржуазии»⁶. По мнению редакции, эта линия проходит по вопросу о границах государственного вмешательства в экономическую жизнь. Либеральное доктринёрство разрешает его в узком смысле, возводя право собственности и свободы договора чуть ли не в степень Абсолюта, отвергая какое-либо покровительство трудовой массе⁷. Поэтому к общеевропейскому либерализму «Вестник...» призывал относиться как к «божку», существование которого ныне под большим сомнением. Свято почитавшийся в 1850–1870-х годах, он «уже понижен в звании, или, лучше сказать...», его нет «в том смысле, в каком можно было бы говорить применительно к эпохе общего увлечения французской конституционализмом или английским парламентаризмом»⁸. В России остались, «пожалуй, по-

¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1883. № 5. С. 355.

² Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1884. № 11. С. 384–385.

³ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. № 6. С. 778.

⁴ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1887. № 2. С. 828.

⁵ Там же. С. 822.

⁶ Арсеньев К. К. Новый обличитель русского либерализма // Вестник Европы. 1886. № 5. С. 358.

⁷ Там же.

⁸ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1884. № 11. С. 461.

следние могики, цепляющиеся за каждую йоту старой доктрины»¹. К таким могикам относился известный либерал Б.Н. Чичерин. В 1882–1883 годах он опубликовал двухтомную работу «Собственность и государство», где подверг резкой критике новые веяния в среде российских интеллектуалов, особенно их увлечение немецкой исторической школой. Чичерин доказывал несостоятельность воззрений Шмоллера, Вагнера и др., пытался поставить знак равенства между ними и основоположниками марксизма². И при этом продолжал петь осанну крупному капиталу, обуздание которого подрывёт главные источники развития, а в конечном счёте — общее благосостояние³. По его убеждению, социальная экономика, усиленно пропагандируемая в последнее время, приносит только вред. Иногда, превознося свободную конкуренцию, Чичерин терял чувство меры — как иначе расценить призывы не накладывать никаких ограничений на роскошь, ибо «без неё промышленное развитие народа всегда останется на низкой степени»⁴?

Либеральный мыслитель получил решительный отпор со страниц «Вестника Европы». Недопустимо отвергать освобождение беднейших классов от налогов, допуская льготы лишь отдельным лицам в виде благотворительности, то есть как милостыню нищим. А заявление о том, что лишение известной доли дохода для богатых чувствительнее, нежели для более бедных, вообще звучит аморально⁵. Чичеринские же обвинения в социализме, которые он адресовал немецкой исторической школе и её приверженцам, многие нашли безосновательными⁶. Катедер-социализм — это течение, вызванное потребностями общественного развития, порождённое не теорией, а жизнью. Если присмотреться к нему, то нетрудно заметить, что оно нацелено вовсе не на подавление

---

¹ Там же.

² Чичерин Б.Н. Собственность и государство. Ч. 1. М., 1882. С. 401–403; Ч. 2. М., 1883. С. 94–97.

³ Там же. Ч. 2. С. 104.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Литературное обозрение (Чичерин Б. Собственность и государство в 2 частях) // Вестник Европы. 1883. № 3. С. 760.

⁶ Письмо Г.Б. Иоллоса к М.М. Стасюлевичу. 14 октября 1899 года // М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 5. СПб., 1912. С. 501.

личности, не на порабощение её государством, а на ограждение слабых от сильных, массы — от меньшинства. Государство вмешивается ради смягчения, сглаживания неравенства. Отрицать или осуждать сам принцип вмешательства во имя примата экономической свободы значило бы повторять то, чего уже опровергнуто опытом¹. Нет большего неравенства, чем одинаковое отношение к неравенству, — этот принцип должен стать руководящим в политической практике².

Если выпады против социального реформаторства со стороны либеральных деятелей были вполне предсказуемы, то неприятие его патриотически настроенными кругами вызывало недоумение. Но факт остаётся фактом: лидеры славянофилов, группа Каткова и им подобные патриоты выступили против снижения налогового бремени, критиковали введение фабричного законодательства и т.п. В правительстве их позицию энергично отстаивал обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, чьё упорство в этом даже вызывало раздражение у Александра III³. Отвергая социальный вектор, национально ориентированные кадры продвигали концепцию русской самобытности в качестве краеугольного камня практической политики. «Вестник Европы» пытался вникнуть в содержание этого понятия: «Если разуместь под именем народной самобытности совокупность предопределённых свойств, навеки застывших взглядов и учреждений, то в такой самобытности следует отказать русскому народу, как и всякому другому»⁴. Кроме набора общих лозунгов — пойти домой, возвратиться к утраченному, приобщиться к народному духу — наши любители патриотических исканий дальше не идут⁵. Между тем русскому народу не нужна мистическая самобытность, непостижимая для ума и доступная только вере. Она не имеет ничего общего с настоящей самобытностью, составляющей не догмат, а в первую очередь результат своеобразных, естественных условий, при которых совершился вековой рост народа. Мистическая самобытность — это идеал, допуска-

¹ Из общественной хроники // Вестник Европы. 1887. № 1. С. 448.

² Слонимский Л. Социальный вопрос // Вестник Европы. 1894. № 1. С. 319.

³ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 368–369.

⁴ Хроника // Вестник Европы. 1882. № 4. С. 809.

⁵ Там же. С. 798.

ющий только поклонение, нечто данное раз и навсегда, не подлежащее изменениям. Реальная же самобытность — сложный и видоизменяющийся факт со своими сильными и слабыми сторонами¹.

Непонимание этого обстоятельства превратило цельное философское мировоззрение, каким являлось раннее славянофильство, в некий чувственный конгломерат, за последние двадцать лет становившийся все более сентиментальным и сводившийся к лирическим порывам, где форма стала преобладать над содержанием². Нельзя не согласиться с выводом, что статьи Каткова и записки Мещерского представляли собой «самый плохой из вариантов русского консерватизма — безответственный, демагогический, аляповатый и льстивый»³. Именно отсюда берёт начало непочтительное, а иногда даже пренебрежительное отношение к реформам Александра II, присущее нашим традиционалистам. «Вестник Европы» замечал: чтобы испортить механизм, не нужно ломать, «достаточно вынуть из него одни пружины, подменить другие, нарушить правильное соотношение между частями»⁴. Поэтому необходимо оберегать университетскую и судебную реформы, городское самоуправление и т.д., оберегать их от нападок, совершающихся под предлогом сохранения некой искомой самобытности⁵. Истинный консерватизм состоит не в решимости поддерживать прошлое во что бы то ни стало, а в готовности отсеивать всё, что перестало быть жизнеспособным. В свою очередь всякое движение вперёд, которое пропагандирует либерализм, требует не обращения в ничто всего существующего, а воздвижения новых надстроек, способных изменять государственно-общественную архитектуру, причём осторожно, дабы не опрокинуть ненароком всё здание⁶.

Новая проекция российского либерализма, формировавшаяся в 1880–1890-х годах, была нацелена на политическое реформирование, что в начале XX века воплотилось в создании Государственной

¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1884. № 11. С. 463–464.

² Из общественной хроники // Вестник Европы. 1885. № 3. С. 448.

³ Нольде Б. Э. Далекое и близкое. Париж, 1930. С. 38.

⁴ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1885. № 1. С. 365.

⁵ Там же. С. 363.

⁶ Ковалевский М. Вольные школы общественных наук // Страна. 1906. 14 марта (орган партии демократических реформ).

думы как законодательного органа. Однако первые две Думы в силу обстоятельств оказались кадетско-социалистическими. И хотя некоторые исследователи представляют кадетов в качестве «откорректированного эталона» либеральности¹, это представление — прямое следствие слабого знакомства с источниками. Ключевое слово в этой формулировке — «отредактированный»: оно отсекает целый пласт российского реформаторства, и в результате современная литература относит к периферийным те идейные течения, которые во многом отражали интеллектуальную жизнь того времени. Лидерами этих праволиберальных политических организаций и основными оппонентами кадетов стали люди, сформировавшиеся под влиянием немецкой исторической школы. Идеологи октябристов А.И. Гучков в Госдуме и проф. В.И. Герье в Госсовете, а также лидер Партии демократических реформ М.М. Ковалевский были убеждены: немедленное создание партийного правительства ухудшит управленческий потенциал, ускорит всеобщее разложение. Кадеты заблуждаются, думая, что Россия заживёт конституционной жизнью, «когда портфели министров будут распределяться в кулуарах Государственной думы...»² Простое подражание парламентским образцам и применение конституционных формул не соответствует существующим российским условиям³. К тому же кадетские притязания густо подкрашены социалистическими тонами, и это вызывает серьёзную тревогу. Неслучайно тогда подчёркивалось, что между либерализмом и социализмом у нас «никогда не было той китайской стены, какая разделяла и отчасти до сих пор разделяет их на Западе. Как только ослабело давление сверху, на свет и вольный воздух вышло многое, зародившееся и созревшее во мраке»⁴.

Сказанное вполне относится и к кадетам, которые, напомним, вели своё политическое происхождение от радикальных групп «Народная воля» и «Народное право», почитали Белинского с Чернышевским, а отнюдь не Вагнера со Шмоллером. А вот, к примеру, для профессора Ковалевского деятели типа Белинского, Добролюбова, Чернышевского «не значились в родословной

¹ Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 261.

² Открытое письмо проф. В.И. Герье лидеру «Союза 17 октября» А.И. Гучкову // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 411.

³ Слонимский Л. Накануне новой Думы // Вестник Европы. 1907. № 1. С. 337.

⁴ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1907. № 3. С. 331.

его духа»¹. Его возмущало, когда кадеты, именовавшие себя либералами, протягивали руку налево, повторяя, «как попугай, взятую напрокат формулу “всеобщий, равный, прямой, тайный”, не понимая или не желая понять», какими будут неизбежные последствия этого доктринёрства². Они избегали даже называть бунт матросов бунтом, а грабёж усадеб — грабежом, и вся эта «либерально-демократическая клоунада возглавлялась торжественно-надутым Муромцевым в роли председателя, каркающим Кокошкиным... Милюковым, пробирающимся в дамки, и Петрункевичем, мечтающим пока только о портфеле»³. Профессор Герье сравнивал кадетов с молодыми петушками, жаждущими продемонстрировать, что они настоящие петухи⁴. Во многом этот левый крен в либеральной упаковке был обусловлен тем, что классической либеральной партии в России быть не могло, как не было «ничего похожего на тот общественный класс, из которого она исходила и видам которого она служила на Западе Европы»⁵.

Подлинным же носителем либерализма в его консервативной проекции в России выступала просвещённая, а точнее, финансово-экономическая бюрократия, способная по своему управленческому потенциалу реализовывать масштабные модернизационные проекты. Осмысление зарубежного опыта немецкой исторической школы послужило необходимым подспорьем для перехода страны из полупатриархального состояния в индустриальное качество. Программа, подразумевающая активное участие государства в буржуазном строительстве, ориентировалась прежде всего на германскую практику, а не на славянофильство. Консервативно-патриотическая публика на рубеже XIX–XX столетий сетовала, что правительство не желает разделять славянофильские доктрины. Чтобы это положение изменилось, власть в первую очередь «должна сделать над собой некую неприятную операцию — сказать: это самодержавное правительство, но существующему правительству сказать это очень

¹ Овсянко-Куликовский Д.Н. Воспоминания. Пг., 1920. С. 161.

² Письмо М.М. Ковалевского к А.И. Чупрову. 14 декабря 1905 года // Исторический архив. 1993. № 6. С. 176.

³ Там же.

⁴ Маклаков В.А. Отрывки из воспоминаний // Московский университет. 1755–1930 годы. Юбилейный сборник. Париж, 1930. С. 298.

⁵ Передовая // Страна. 1906. 28 ноября.

трудно»¹. Отсюда персоны типа К.П. Победоносцева чувствовали себя в его составе весьма некомфортно. «Всемогущий» обер-прокурор Синода сознавал шаткость своего положения и с нескрываемым беспокойством комментировал слухи о возможной отставке. Говорили, например, о его перемещении на малозначущую должность председателя комитета министров, и Победоносцев уверял, что мог бы ещё принести пользу царю и отечеству². В частной беседе с военным министром А.Н. Куропаткиным он с горечью признавался, что «государь его уже не слушает девять лет»³. В унисон с ним ощущали себя представители консервативно настроенных кругов, вошедшие после революции 1905 года в так называемое Объединённое дворянство, также заявлявшие, что находятся не у дел. Они видели свой долг в том, чтобы поправлять правительство, вскрывая «крупнейшие отклонения от русла русской самодержавной жизни»⁴. И одним из таких отклонений, по их убеждению, стало сосредоточение реальных рычагов управления в руках финансово-экономической бюрократии. Интересно, что дворяне-помещики, недовольные многими обстоятельствами, как, например, деятельностью жизненно важного для них Дворянского банка, апеллировали именно к немецкому опыту, указывая, насколько удачно налажено в Германии взаимодействие крупных землевладельцев с банковскими структурами. И если уж российское правительство взяло политику Германии за образец, то пусть подражает ей и в этом конкретном вопросе⁵.

Все эти свидетельства заставляют серьёзно пересмотреть утверждения советской, а затем и либеральной историографии о господстве махровой реакции в правительственных верхах последнего царствования. Освобождение от многолетних стереотипов поможет увидеть и осмыслить модернизацию, которая была развёрнута в эпоху Николая II и о которой пойдёт речь в настоящей книге.

¹ Киреев А.А. Дневник (запись от 14 октября 1902 года) // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 168об. — 169.

² Там же. (запись от 31 июля 1903 года) // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 252.

³ Дневник генерала А.Н. Куропаткина (запись от 25 февраля 1904 года). М., 2010. С. 169.

⁴ Выступление В.М. Пуришкевича (заседание от 7 марта 1913 года). IX съезд уполномоченных дворянских обществ 39 губерний. 3–9 марта 1913 года // Объединённое дворянство. Съезды уполномоченных дворянских обществ. Т. 3. М., 2002. С. 122.

⁵ Выступление кн. П.Л. Ухтомского // Там же. С. 105.

Глава третья

ПРИДВОРНЫЕ КРУГИ vs ФИНАНСОВО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЮРОКРАТИЯ

В царской России монарх и двор являли собой подлинный центр власти в государстве. Определение «правлящие верхи» означало и придворные круги, и правительство, причём в литературе считается, что провести между ними границу весьма затруднительно, если вообще возможно¹. Исполнительная, военная, судебная верхушки комплектовались из фаворитов государя или государыни, из различных приближённых особ. Зачастую они даже не занимали никаких конкретных постов, но обладали при этом большим государственным весом. Хрестоматийный пример — фаворит Анны Иоанновны Бирон, который в звании обер-камергера являлся одной из ключевых фигур российской политической жизни². Вплоть до начала XIX века управленческие вердикты являлись сугубо придворной прерогативой. Положение начинает меняться в царствование Александра I, взявшегося за перестройку, а точнее, формирование полноценного управленческого аппарата как действенного элемента конкретной политики. Эта государственная реформа стала делом рук ближайшего сподвижника императора М.М. Сперанского, которого по праву считают отцом российской бюрократии. Особо выделяются два его указа: о придворных званиях и об экзаменах для претендентов на чины по службе.

Во времена Екатерины II и ранее придворные звания раздавались аристократическим отпрыскам чуть ли не с колыбели, что не только обеспечивало им стремительное продвижение по Табе-

---

¹ Польской С.В. Двор и «придворное общество» в после петровской России // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750 годы). Сб. ст. М., 2013.

² Курукин И.В. Анна Иоанновна. М., 2014. С. 258–279.

ли о рангах, но и позволяло проводить жизнь в праздности и светской суете. Если же они поступали на службу, то им, как правило, мешало отсутствие необходимого опыта и деловых навыков; поверхностного образования — большей частью на французский манер — было явно недостаточно. Императорский указ от 3 апреля 1809 года положил конец подобной практике. Отныне все имеющие придворные звания, но не состоящие на воинской или гражданской службе обязаны были поступить на неё в двухмесячный срок. Пожалование званий впредь считалось отличиями, не приносящими никаких чинов; наконец, всякому принимаемому ко двору вместе с исправлением придворных обязанностей полагалось нести действительную службу наравне с прочими дворянами¹. Российская аристократия расценила это как «дерзновенное прикосновение к тому, что она привыкла считать старинным своим правом и целыми родами восстала против нововводителя»². Но Сперанский продолжал своё дело, и в конце лета 1809 года последовал ещё один указ: теперь все возводимые в чины должны были предъявить свидетельство об окончании университетского (или приравненного к нему) курса (к указу прилагался даже перечень необходимых предметов). Ни многолетняя деятельность, ни заслуги не освобождали от «долга знать вещи», и российские элиты волей-неволей потянулись учиться³. Разработанные меры преследовали чёткую, хотя и не выраженную буквально цель: освободить бюрократические верхи от балласта и содействовать притоку в высшие этажи власти лиц из средних и нижних слоёв общества. Как справедливо заметил биограф Сперанского М.А. Корф, данные законы, несмотря на последовавшие попытки ослабить их действие, «принесли плода более, нежели все прочие меры, когда-либо принятые правительством»⁴.

Главный эффект состоял в постепенном формировании бюрократического аппарата как субъекта власти. Под его деятельность подводилась нормативная база, включавшая свод законов начиная с эпохи Алексея Михайловича; кодификация актов легла на плечи

¹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. С. 173–174.

² Там же. С. 174.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 184–185.

всё того же Сперанского. Результаты его работы проявились, конечно, не сразу. Бюрократическая вертикаль Николая I, отчасти державшаяся и на аракчеевщине, мало у кого вызвала позитивное отношение. Тем не менее именно в среде высшего чиновничества созрели реформы Александра II. И в начале 1860-х годов просвещённая бюрократия заявила о себе как самостоятельная сила, способная вырабатывать и продвигать масштабные проекты. В этот судьбоносный период отечественной истории она выступила — вопреки помещичьему дворянству — двигателем освобождения крестьян от позорного крепостного гнёта, а также других экономических, земских и судебных преобразований; её влияние на ход государственной жизни значительно возросло. Но всё-таки просвещённых чиновников нельзя назвать истинными вершителями судеб: они не могли обойтись без поддержки видных придворных, приближённых к государю. В конце 1850-х — начале 1860-х эту роль играли вел. кн. Константин Николаевич и вел. кн. Елена Павловна, имевшие большое влияние на императора. Правда, покровительство либеральной чиновничьей группировке стоило дорого. Так, в императорской фамилии и среди консервативной знати к великому князю относились с устойчивой антипатией. Ещё одну попытку продолжить реформы патронировала фаворитка Александра II княжна Екатерина Юрьевская. В 1880–1881 годах она противостояла двору, без энтузиазма смотревшему как на конституционные затеи высшего чиновничества, так и на саму будущую супругу императора¹. Иными словами, анализируя конкретную политическую ситуацию, необходимо в обязательном порядке учитывать придворное окружение. Как писал вращавшийся в этих кругах во второй половине XIX столетия известный кн. В.П. Мецкерский, «двор и государство — это одно и то же, двор приобре-

---

¹ *Propper S.M.* Was nicht In die Zeitung kam. Erinnerungen des Chefredaktenes der «Birschewyja wedomosti» Frankfurt a. M., 1929. S. 90–91. Княжна Е. Долгорукая рассчитывала, что конституционные устремления либералов помогут ей противостоять не принимавшему её двору и укрепиться уже в качестве законной супруги Александра II, поэтому она пошла на союз с либеральной группой в правительстве, возглавляемой М.Т. Лорис-Меликовым. Два его ближайших сподвижника, Д.А. Милютин и А.А. Абаза, должны были стать свидетелями при заключении брака с императором. Трагическая гибель Александра II перечеркнула эти планы.

тает огромное влияние, решает государственные дела... забирает в свои руки власть»¹.

Интересно, что пока Александра II влекли либеральные перспективы, его сын Александр Александрович находился под влиянием придворных, далёких от почитания европейских политических конструкций. Это считается заслугой упомянутого князя В.П. Мещерского, с юных лет состоявшего с наследником престола в дружеских отношениях. Именно он устраивал встречи будущего Александра III со славянофильскими и патриотическими деятелями (М.Н. Катковым, К.П. Победоносцевым, И.С. Аксаковым, Ю.Ф. Самариным, Ф.М. Достоевским и др.). Однако не меньший, если не больший вклад в формирование взглядов наследника внесла женская часть двора в лице фрейлин А.Д. Блудовой, А.А. Толстой и Е.Ф. Тютчевой (супруги Аксакова). Они покровительствовали патриотическому крылу, чем вызывали сочувствие даже у императрицы Марии Александровны². Эти персоны составляли оппозицию либеральным министрам вкупе с княжной Е. Юрьевской; неудивительно, что после трагической гибели Александра II последние были удалены.

В следующее царствование влияние двора на государственную жизнь было как никогда слабым: Александр III предпочитал личное общение с высшим чиновничеством. В этот период был понижен статус великих князей: право носить такой титул получили лишь первые два поколения потомков императора, остальные же стали именоваться принцами крови, что отразилось и на их содержании³. Кроме того, был сокращён отпуск средств на нужды императорской свиты, что повлекло сокращение её численности. Исключений не делалось даже для тех же великих князей. Так, Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Константин Константинович, Николай Николаевич при производстве в генерал-майоры не получили зачисления в Свиту Его Величества — для вели-

---

¹ Письмо князя В.П. Мещерского к великой княгине Марии Федоровне (супруге цесаревича Александра Александровича). Конец 1870 года // ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 106. Л. 6. (на франц. языке).

² *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания. Под властью трёх царей. М., 2014. С. 268.

³ *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 122–123.

кокняжеской среды событие из ряда вон выходящее¹. Начальник императорской охраны П.А. Черевин нисколько не стеснялся продемонстрировать пренебрежение по адресу августейших особ, «каких-то там великих княгинь», особенно конфликтуя с семьёй вел. кн. Владимира Александровича (брата Александра III)². Государь часто принимал решения, мало оглядываясь на своих родственников. Как, например, на председателя Государственного совета вел. кн. Михаила Николаевича, без чьего ведома могли происходить назначения в совет, что того страшно обижало³. Также самостоятельно император подбирал кандидатов на высшие правительственные должности, редко прислушиваясь к мнению родни и окружения. Исключение составляет, пожалуй, лишь А.Я. Гюббенет, назначенный министром путей сообщения по настоятельной просьбе начальника царской охраны Черевина. (Гюббенет помогал тому, с трудом владевшему пером, подготовить показания в комиссию, расследовавшую крушение императорского поезда на станции Борки⁴). Да и это назначение нельзя признать случайным, так как Гюббенет дослужился до поста товарища министра.

Кончина Александра III естественным образом привела к возрождению прежних порядков. Пользуясь молодостью Николая II (в 1894 году ему исполнилось лишь 26 лет), придворные круги увеличили своё влияние. Однако их претензии на ведущие роли в государстве оказались оспорены бюрократией, завязанной на финансово-экономическую сферу и нацеленной на модернизацию страны. Борьба двух этих сил и составляла главное содержание политической жизни — но, добавим, до сих пор оставалась недостаточно изученной. Чтобы разобраться в бурных событиях последнего царствования, надо прежде всего оценить готовность придворных кругов реагировать на вызовы времени уже на новом витке экономического развития.

Конечно, тон, как и ранее, задавала царская фамилия, заметно разросшаяся к этому времени. После смерти Александра III исключительное положение приобрела мать молодого импера-

¹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж, 1969. Т. 1. С. 44–45.

² Черевин и Александр III // Голос минувшего. 1917. № 5–6. С. 96–97.

³ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря (запись от 3 ноября 1890 года). Т. 2. М., 2005. С. 340.

⁴ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 391.

тора — Мария Фёдоровна, «почувствовавшая себя полноправной хозяйкой»¹. Никогда прежде не проявлявшая интереса к государственным проблемам, теперь она «совершенно откровенно наслаждалась своим положением первой дамы в империи», отодвинув на второй план Александру Фёдоровну². Деловые доклады вдовствующая императрица могла воспринимать с трудом: рекомендовалось им посвящать не более четверти часа, а затем можно сколько угодно болтать о пустяках³. При поездках в Европу её сопровождала свита из двухсот человек, чего при жизни Александра III невозможно было представить⁴. И такое положение сохранялось до начала второго десятилетия XX века, когда Мария Фёдоровна, утратив влияние на повзрослевшего сына, большую часть времени стала проводить в Киеве.

Великие князья, коих насчитывалось двадцать девять, при всей своей образованности не отличались глубокими профессиональными познаниями, совсем не знали Россию, не имели понятия о труде и о ценности денег. Близко наблюдавшие августейших особ отмечали, что «ни один из них не был подготовлен и воспитан для какой-либо серьёзной обязанности. Общее образование большинства, несмотря на хорошее знание иностранных языков, оставляло желать лучшего»⁵. С юных лет окружённые лестью и низкопоклонством, они верили в собственную непогрешимость и принимали как должное своё особое положение, дававшее им большие права⁶. Этим отличались практически все представители царской фамилии. Так, вел. кн. Алексей Александрович мог прилюдно сожалеть, что нельзя выпороть кадетов, чем-то вызвавших его недовольство⁷. Эта «родимая печать» лежала и на юных великокняжеских отпрысках, как, например, на детях вел. кн. Александра Михайловича и вел. кн. Ксении Александровны (старшей сестры Ни-

¹ Мемуары великой княгини Ольги Александровны. М., 2003. С. 70.

² Там же. С. 82.

³ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря (запись от 30 июня 1889 года). Т. 2. С. 230.

⁴ Мемуары великой княгини Ольги Александровны. С. 134.

⁵ Сухомлинов В. А. Воспоминания. М.-Л., 1926. С. 214.

⁶ Качалов Н. А. Записки тайного советника. М., 2102. С. 194.

⁷ Фабрицкий С. С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. Берлин., 1926. С. 48.

колая II), коих считали откровенными «сорванцами» с изрядной долей лености. Особенно среди них выделялась старшая дочь — Ирина Александровна (будущая супруга Ф. Юсупова), пропитанная сознанием собственного превосходства над окружающими, лишённая стыда, поскольку никто не укорял за её поведение¹.

Все великие князья числились в элитных гвардейских полках, и военные дела в их жизни традиционно занимали значительное место. Так, вел. кн. Михаил Михайлович, вследствие морганатического брака (с графиней Меренберг в 1891 году) вынужденный покинуть Россию, невыносимо страдал от увольнения с воинской службы, которую обожал и где желал делать карьеру². Вел. кн. Дмитрий Павлович всё время проводил между службой в полку и пребыванием в своём имении, откуда его «тянуло опять в полк...»³. В этом смысле не был исключением и Николай II. Как указывали близко знавшие его придворные, государь больше всего любил армию и флот, доклады военных и «с особой охотой отдавал время на смотры войск или посещения флота»⁴. Император не пропускал так называемых обедов, устраиваемых в гвардейских полках приблизительно раз в месяц. Они собирали не только действующих офицеров, но и тех, кто служил там ранее, а ныне занимал ответственные должности при дворе, в правительственных структурах или уже вышел в отставку. Эти обеды начались вечером и затягивались далеко за полночь⁵. Практически все великие князья жили в такой военизированной обстановке. Первый случай, когда член дома Романовых выбрал невоенную стезю, произошёл лишь в 1910 году: сын вел. кн. Константина Константиновича Олег поступил в Александровский лицей, готовивший управленческие кадры, причём это вызвало неодобрение царской фамилии⁶.

---

¹ Комаровская Е. Л. Воспоминания. М., 2003. С. 120, 123–124

² Письмо вел. кн. Михаила Михайловича к Николаю II. 12 августа 1914 года // Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. М.-Л., 1925. С. 93.

³ Письмо вел. кн. Дмитрия Павловича к Николаю II. 18 ноября 1913 года // Там же. С. 49.

⁴ Фабрицкий С. С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. С. 115.

⁵ Там же. С. 56–57.

⁶ Вел. кн. Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. М., 2007. С. 113.

Гвардейское офицерство рекрутировалось из представителей знатных родов, в полки поступал цвет дворянского общества. Причём для поступления требовалась безупречная репутация. Проверяли и родословную; если в каком-нибудь поколении затесался кто-то, не подходящий по происхождению, никакие протекции не помогали. Случаи, когда сыновья министров и высших чиновников при представлении в полки получали отказ, не были редкостью¹. Гвардейскому офицеру воспрещалось жениться на мещанке или купеческой дочке. А прежде чем он вступал в брак с дворянкой, общество офицеров полка собирало сведения о невесте и её родственниках². Затем жених обязывался внести в полковую кассу приличную сумму, что мог себе позволить только состоятельный человек³. Да и вообще офицер должен был располагать значительными собственными средствами: служить в гвардейских полках «могли лишь богатые люди... без поддержки из дому просуществовать было невозможно»⁴. Когда с началом Первой мировой войны во главе одного из гвардейских полков был назначен ранее там не служивший, то старшие офицеры-гвардейцы отнеслись к нему с нескрываемым пренебрежением, считая «выслужившимся выскочкой»⁵.

Гвардейская элита занимала доминирующее положение не только в армейских верхах, но и при дворе, поэтому-то в придворной среде и был так силен воинский дух. Стоило офицеру того или иного гвардейского полка попасть на ключевую должность, как вокруг него сразу собирались сослуживцы. Так, одно время фавором пользовались кавалергарды, при министре двора графе И.И. Воронцове-Дашкове появились гусары, при В.Б. Фредериксе — конногвардейцы⁶. (Кстати, по неписаному придворному правилу командир гвардейского полка стоял выше министра прави-

¹ Трубецкой В. С. Записки кирасира. М., 1991. С. 15.

² Там же. С. 182.

³ Барятинская М. Моя русская жизнь. Воспоминания великосветской дамы. 1860–1918 годы. М., 2006. С. 69.

⁴ Энгельгард Б.А. Потонувший мир. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 218. К. 218. Ед. хр. 305. Л. 119.

⁵ Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого. 1891–1920 годы. М., 2001. С. 165.

⁶ Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 196. Л. 11.

тельства, так как был теснее связан с членами царской фамилии¹.) Однако офицерство мало чем могло помочь в модернизации государства. Как свидетельствуют очевидцы, основным их времяпрепровождением были отнюдь не интеллектуальные беседы, а спортивные занятия, страстью к которым были заражены полки². О политических идеях представление тоже было весьма смутным. Более того, о подобных вещах даже говорить считалось недопустимым, и на тех, кто ими интересовался, смотрели косо. Когда Николай II на очередном обеде с офицерами Преображенского полка рассказал об учреждении Государственной думы, его собеседники с трудом могли понять, зачем она нужна и как к этому вообще относится³.

Начальник канцелярии министерства двора А.А. Мосолов писал, что большинство офицеров, привлекаемых в свиту, не имели нужной подготовки для широкой государственной деятельности. Принадлежа к русской знати, т.е. к категории лиц, стоящих в некотором отдалении от других классов общества, эти люди поступали в придворное ведомство с образованием пажееского корпуса и службой в элитном полку. Большинству не доставало того тренинга, через который необходимо так или иначе пройти, чтобы успешно заниматься государственным делом. Поэтому ближайшая свита не могла быть полезной императору ни сведениями о внутренней жизни, ни мыслями о перспективах развития: она существовала вне круга идей, которые черпал государь из докладов многих министров⁴. Да и сам Николай II, будучи наследником и исполняя обязанности командира батальона Преображенского полка, признавался, что слабо знаком с экономической проблематикой и не совсем понимает общеупотребительные в данной области термины⁵. Как констатировал министр финансов П.Л. Барк, император чувствовал себя совершенно свободно только среди военных, высшие кадры которых он хорошо знал. С министрами же он

¹ *Ивановский А.В.* Воспоминания инженера // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 141.

² *Трубецкой В.С.* Записки кирасира. С. 135.

³ *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 324.

⁴ *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. С. 173.

⁵ *Епанчин Н.А.* На службе трёх императоров. С. 217.

знакомился главным образом после их назначения, а тот управленческий слой, откуда они выходили, ему вообще был малоизвестен¹.

Окружавшая его придворная знать отличалась неизменным казённым консерватизмом: там больше всего боялись перемен — независимо от того, какими помыслами эти перемены были вызваны². Для неё существовало непреложное правило: «Во главе Российской империи стоит государь, чьё слово является законом и к чьим действиям нельзя относиться критически, а, наоборот, следует с восторгом выполнять любое его распоряжение»³. Справедливости ради нужно сказать, что и среди придворных бывали исключения. К примеру, начальник военной походной канцелярии граф А.Ф. Гейден — друг детства государя, с которым они были на «ты»⁴. Будучи военным моряком, Гейден на удивление неплохо разбирался в устройстве политических систем и в конце 1905 года даже подготовил проект Основных законов. Но, конечно, этот персонаж выглядел белой вороной на общем военно-придворном фоне.

Наиболее полно придворную идеологию последнего царствования воплощал дворцовый комендант, не уступавший по значимости министру двора. Дело в том, что граф И.И. Воронцов-Дашков при Николае II резко сбавил активность, а сменивший его в 1897 году барон Б.В. Фредерикс предпочитал не вмешиваться в государственные дела. Дворцовый же комендант, главной функцией которого оставалась охрана, по должности входил в тесное соприкосновение с государем и мог оказывать на него большое влияние. Ярким примером здесь служит П.П. Гессе. Выходец из Преображенского полка, он служил дворцовым комендантом в 1896–1905 годах и пользовался полным доверием императора⁵. Если канцелярию Гессе называли «вторым департаментом полиции»⁶, то само-

¹ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 годы. Т. 1. М., 2017. С. 92.

² Васильчиков Б.А. Воспоминания. М., 2003. С. 216–217.

³ Энгельгард Б.А. Потонувший мир. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 218. К. 218. Ед. хр. 305. Л. 120.

⁴ Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008. С. 52.

⁵ К тому же родная сестра Гессе являлась фрейлиной вел. кн. Елизаветы Фёдоровны — родной сестры императрицы Александры Фёдоровны.

⁶ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1998. С. 96.

го его можно без преувеличения отнести к ведущим министрам — и это несмотря на характеристику «честный, но ограниченный офицер»¹. Он покровительствовал целому ряду губернаторов: например, петербургские градоначальники Клейгельс, а затем Фулон ориентировались исключительно на него. Не смел ему перечить и министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, занимавший этот важный пост во второй половине 1890-х годов².

Дворцовый комендант координировал оппозицию министру финансов С.Ю. Витте, принимая разномастных критиков и вынашивая с ними планы противодействия финансово-экономическому блоку правительства³. Частными его визитёрами были деятели будущего черносотенного движения, передавшие через него различные «записки и письма на злобу дня»⁴. Кстати, именно по настойчивым подсказкам Гессе в начале 1905 года было ликвидировано (так полюбившееся современным историкам) Особое совещание по нуждам сельскохозяйственной промышленности — детище Витте⁵. Не чуждался руководитель охраны и внешней политики. В фонде в РГИА отложились послания ему российских представителей за рубежом по самому широкому кругу вопросов: от финансовых дел во Франции и положения на Ближнем Востоке до отношений с Ватиканом⁶. Трудно не согласиться с Витте, называвшим в сердцах дворцовую комендатуру «чёрным кабинетом»⁷. Погорел же его глава на вопросе, далёком от охраны: упорный Гессе уговаривал Николая II заключить мир в Русско-японской войне, однако император счёл мир преждевременным, а вмешательство в эту сферу дворцового коменданта — чрезмерным⁸.

В 1906–1913 годах этот важный придворный пост занимал В.А. Дедюлин. Он окончил Пажеский корпус, сделал военную карьеру и побывал Петербургским градоначальником, но тем не ме-

¹ Половцов А.А. *Дневник. 1893–1909 годы.* (Запись от 22 июля 1901 года). СПб., 2014. С. 307.

² Там же. С. 296, 354.

³ Там же. С. 308.

⁴ *Дневник Алексея Сергеевича Суворина.* М., 2000. С. 416 (запись от 8 мая 1901 года).

⁵ *Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 годов* (запись от 2 апреля 1905 года). М., 2010. С. 45.

⁶ См., например: РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 68.

⁷ *Витте С.Ю. Воспоминания.* М., 1960. Т. 3. С. 79.

⁸ *Епанчин Н.А. На службе трех императоров.* С. 314.

нее не считался в ближнем императорском кругу своим¹. Его назначение произошло благодаря П.А. Столыпину, подбиравшему с разрешения Николая II кандидата без политических претензий. Однако дворцовый комендант быстро подпал под влияние придворных кругов, которые недолго любили премьера, оказывая ему «маскированное противодействие»². В этой ситуации Дедюлин превратился в открытого оппонента Столыпина, покровителя различных черносотенных элементов, недовольных курсом правительства. Различные монархические деятели буквально заваливали дворцового коменданта обращениями, просьбами, брошюрами, агитками, которые в немалом количестве присутствуют в фондах Министерства императорского двора³.

Наибольшую же самостоятельность и значимость приобрёл последний дворцовый комендант — В.Н. Воейков. Плоть от плоти придворной среды, он шесть с лишним лет командовал Гусарским полком Его Величества и, кроме того, был зятем министра двора Фредерикса. Воейков пользовался большими симпатиями царской четы: ему даже хотели доверить воспитание наследника престола цесаревича Алексея⁴. Но смерть Дедюлина переместила его на пост дворцового коменданта. Воейков отличался завидной независимостью по отношению к великим князьям, позволяя себе критику высочайших особ, чем нажил немало врагов⁵. Так, желание ещё одного сына вел. кн. Константина Константиновича (Гавриила) поступить в Александровский лицей вызвало открытые насмешки со стороны Воейкова⁶. Что касается его политических взглядов, если о таковых вообще можно говорить, то их красноречиво характеризует собственное же признание, что Государственная дума «всегда про-

¹ Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 309.

² Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. С. 405.; Васильчиков Б.А. Воспоминания. С. 217–218.

³ См., например, устав общества «Русский монархический союз»; Бутми Г. Конституция и политические свободы; «Книга русской скорби» (за подписью В.М. Пуришкевича), письма И.И. Восторгова, Л.М. Тихомирова и др. // РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1142, 1143, 1229; Оп. 2. Д. 172, 469 и др.

⁴ К.Р. [Вел. кн. Константин Романов.] Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 332.

⁵ Допрос В.Н. Воейкова // Падение царского режима. М.-Л., 1926. Т. 3. С. 73.

⁶ Вел. кн. Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. С. 113.

изводила впечатление революционного сборища»¹. Хотя нужно заметить, он сдержанно относился к черносотенным лидерам, коим не горел желанием выделять средства, что вызывало у тех обиды². Гораздо больше дворцового коменданта увлекали коммерческие горизонты, о чём ещё будет сказано. В годы Первой мировой войны Воейков даже пытался давать советы правительству в финансово-экономической области, обещая министрам изложить свои соображения письменно. Оставивший это свидетельство видный представитель бюрократии Н.Н. Покровский иронизировал: «Воображаю, что бы это было такое»³.

Если в профессиональном отношении в придворных кругах преобладала военная составляющая, то с точки зрения экономики интересы той среды теснейшим образом были связаны с землевладением. Именно при дворе сосредоточились крупнейшие земельные собственники Российской империи, издавна являвшиеся титулованной знатью. Верхушка латифундистов представлена царской фамилией: вел. кн. Михаил Николаевич имел 183 тысяч десятин земли, вел. кн. Николай Николаевич — почти 170 тысяч, вел. кн. Александр Михайлович — 100 тысяч и т.д. Владение этими активами, помимо дотаций из уделов Министерства двора, составляло основу финансового благополучия августейших особ. Текущие доходы, как правило, складывались из процентных бумаг государственных и земельных банков, где и были заложены обширные угодья. Так, у вел. кн. Владимира Александровича капитал в 3 миллиона рублей более чем наполовину состоял из закладных листов Бессарабско-Таврического, Ярославско-Костромского, Донского земельного банков; ещё на сумму свыше 1 миллиона марок имелись ценные бумаги немецких земельных банков и городских займов⁴. Капитал вел. кн. Михаила Николаевича в 1,5 миллиона рублей на 80 % помещался в закладных листах российских земельных банков⁵, у вел. кн. Кирилла Владимировича преобладали об-

---

¹ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II. М., 1994. С. 61.

² Там же. С. 37.

³ Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 198.

⁴ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 1512. Л. 4об. — 5; Д. 1453. Л. 1.

⁵ РГИА. Ф. 547. Оп. 3. Д. 3489. Л. 14–15.

лигации Госбанка и немецких банков¹. Это были весьма консервативные вложения средств, где главным критерием считалась надёжность. Неслучайно текущие счета многих великих князей находились в Волжско-Камском банке, имевшем репутацию сугубо депозитно-расчётного учреждения, далёкого от рискованных финансовых операций. Да и счета императорской четы многие годы находились там же².

Конечно, получаемых доходов членам царской фамилии постоянно не хватало: большинство вело широкую, расточительную жизнь. Так, по поводу парижских визитов вел. кн. Алексея Александровича в Петербурге говорили, что каждый из вояжей обходится России по крайней мере в один военный корабль³. Наиболее сдержанным на этом фоне оказался младший брат императора вел. кн. Михаил Александрович. Благодаря своей непритязательности он превратился в самого богатого члена царской фамилии (до женитьбы на Шереметьевской и последовавшей в 1912 году опалы); его основные активы составляли имения в Орловской, Курской, Петроковской губерниях⁴. Но консервативные инвестиции удовлетворяли не всех. К примеру, вел. кн. Пётр Николаевич в начале 1897 года получил 2/3 акций общества «Сталь» (капитал 10 миллионов рублей) в уплату за своё имение, богатое железными рудами, и начал игру на бирже: в результате привёл в упадок свои дела, и ему потребовалась помощь⁵. Характерная деталь: в великокняжеской среде прохладно относились к помещению капитала в ценные бумаги промышленных компаний. С конца XIX — начала XX века такие инвестиции имелись у всех, но их доля в общем портфеле вложений оставалась незначительной. Исключение составлял, пожалуй, вел. кн. Алексей Александрович, на момент кончины которого в 1909 году практически весь капитал (2,5 миллиона рублей) помещался в акциях Ростово-Владикавказской желез-

---

¹ РГИА. Ф. 655. Оп. 1. Д. 967. Л. 3–3об.

² Зимин И.В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. М–СПб., 2011. С. 289.

³ Чавчавадзе Д. Великие князья. Екатеринбург, 1998. С. 124.

⁴ Мордвинов А.А. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. М., 2014. Т. 1. С. 129–131.

⁵ Дьякова И.А. Из конфиденциальной переписки А.Ю. Ротштейна // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 229; Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 263.

ной дороги, цементного завода «Ассерин», Варшавского коммерческого банка, Невского механического завода и др.¹ Но даже имея дело с ценными бумагами, великие князья предпочитали не заниматься непосредственно промышленными делами. Любопытно, что инициативу здесь проявила супруга принца А.П. Ольденбургского Евгения Максимилиановна: она учредила кондитерскую фабрику, и когда в продаже появились жестянки с леденцами и надписью «Произведены на фабрике принцессы Ольденбургской», это вызывало немалое неудовольствие при дворе². (Добавим: это начинание не задалось, предприятию грозило банкротство, и лишь денежная поддержка, оказанная по настоянию Николая II, позволила удержать его на плаву³.)

Вообще предпринимательство пользовалось в придворных кругах устойчиво сомнительной репутацией, едва ли достойной истинного дворянина⁴. Лишь на излёте империи в 1916 году мы сталкиваемся со случаем проявления предпринимательской инициативы, когда приближённый к государю, дворцовый комендант В.Н. Воейков решил учредить общество по разливу и продаже питьевой воды из источника в своём поместье в Пензенской губернии. В отличие от леденцов принцессы Е.М. Ольденбургской, дело здесь пошло и развивалось весьма динамично. Как оказалось, главный охранник оказался не лишён коммерческого дара: партнёрами акционерного общества «Кувака» стали питерские банки первого ряда, которые собрали капитал в 5,5 миллиона рублей⁵. Воейков получил концессию на железнодорожный отвод от Сызранско-Вяземской ветки на 76 вёрст для удобства транспортировки. Исходатайствовал специальный тариф для перевозок по казённым железным дорогам, а также право реализации продукции в военных госпиталях и санаториях. Воду «Кувака» признали лечебной и реко-

¹ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 758. Л. 4–5.

² *Мордвинов А.А.* Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II. Т. 1. С. 346.

³ *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. С. 76–77.

⁴ *Граббе П.А.* Окна на Неву. Мои юные годы. СПб., 1995. С. 30.

⁵ Журнал совещания учредителей АО «Кувака» и представителей банков, согласившихся финансировать предприятие (совещание прошло в здании Русского торгово-промышленного банка). 12 июля 1916 года // РГИА. Ф. 634. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–3.

мендовали для широкого потребления. Продажи были поставлены по-европейски с проведением широкой рекламной кампании. В результате за первый год было продано около восьми миллионов бутылок воды вместо запланированных трёх¹.

Но всё-таки это начинание можно квалифицировать как экзотику: бал при дворе неизменно правила земельная аристократия. Собственниками обширных имений были граф И.И. Воронцов-Дашков с супругой (почти 299 тысяч десятин), генерал-лейтенант свиты граф А.А. Стенбок-Фермор (164,5 тысячи), члены министерства двора В.Л. Нарышкин (134 тысяч), князь Ф.И. Паскевич (107 тысяч) и граф А.Г. Шувалов с супругой (свыше 500 тысяч), начальник военно-походной канцелярии императора кн. В.Н. Орлов (68 тысяч), и многие другие². В то же время во владениях многих крупнейших латифундистов, «приютившихся» у трона, имелись разнообразные промышленные предприятия. Так, родственникам члена императорской канцелярии И.П. Балашова помимо огромных угодий принадлежали заводы в Уфимской губернии; генерал-адъютанту свиты К.Э. Белосельскому-Белозерскому с супругой — горные заводы на Урале; индустриальные объекты имели те же Воронцов-Дашков и Шуваловы и т.д.³ Однако все они, выкачивая деньги из предприятий, рассматривали эту свою собственность как инструмент для получения всевозможных казённых субсидий, а не как коммерческий актив, требующий постоянного развития. Близость к императору — вот ресурс, который с выгодой конвертировался в материальные блага, и поэтому придворные стремились создать вокруг государя «какую-то атмосферу благодушия». А ко всем социально-экономическим инициативам, с которыми выступало правительство, они относились примерно так: «чем скорее этот клин выйдет из потревоженной им среды, тем лучше»⁴.

Для нашего исследования крайне важно сказать о том месте, которое придворная аристократия занимала в правительствен-

¹ Доклад правления АО «Кувака» // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 836. Л. 5–7.

² Минарик Л.П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников конца XIX — начала XX века. М. 1971. С. 14, 16, 18.

³ Там же. С. 25.

⁴ Кокцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы. М., 1992. Кн. 2. С. 164.

ном аппарате. По свидетельствам той эпохи, российская знать, как и ранее, предпочитала Военное и Морское ведомства, а также МИД и МВД. Многие губернаторы были выходцами из гвардии, особенно из элитного Преображенского полка: там числилось немало этнических немцев с русским подданством, которые и пополняли губернаторский корпус¹. К примеру, тверским губернатором в последнее царствование стал гвардейский офицер Н.Г. фон Бюнтинг, чей отец был незаконнорождённым сыном германского императора Вильгельма I (т.е. Бюнтинг приходился кайзеру Вильгельму II двоюродным братом)².

А вот в экономическом блоке правительства титулованных особ было гораздо меньше. Хотя в литературе до сих пор (больше по инерции) считается, что и в последнее двадцатилетие империи все высшие должности в правительстве занимала аристократия, это нельзя признать правомерным. Чиновники, занимавшиеся финансово-экономическими вопросами, рекрутировались в это время уже не из родовитой прослойки, а из людей хоть и незнатного происхождения, зато получивших необходимую подготовку и продвинувшихся по карьерной лестнице; начало этому порядку положил ещё Александр III. Здесь, в отличие от придворных кругов с их упрощёнными «военными» взглядами, формировалась питательная почва для реформаторских идей, причём не столько просветительского, сколько практического плана. В этой среде преклонялись перед теми, кто достиг служебного положения благодаря личным качествам, и ненавидели тех, кто для возвышения пользовался своим происхождением или богатством³. Особенно подчеркнём ту подлинно демократическую обстановку, далёкую от церемоний и этикетов, которая здесь царила. Пожалуй, ни в одной из европейских стран министры не были так доступны для лиц, желавших их видеть, как в России. Любой мог обратиться к секретарю и получить аудиенцию в приёмный день без каких-либо рекомендаций⁴. Финансово-экономический

¹ *Ивановский А.В.* Воспоминания инженера // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 137–138.

² *Менделеев П.П.* Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 110. Л. 81.

³ *Васильчиков Б.А.* Воспоминания. С. 233–234.

⁴ *Барк П.Л.* Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 годы. Т. 1. С. 96.

блок, сформировавшийся в последнее царствование, отличался отсутствием черносотенных настроений, замешанных на антисемитских выпадах. Неприязненного отношения к еврейству не наблюдалось за исключением единичных случаев¹.

Отцами российской финансово-экономической бюрократии нового поколения стали Д.М. Сольский и Н.Х. Бунге, причём оба не принадлежали к аристократии. Им наследовала целая плеяда государственных чиновников, вышедших на первые роли уже в новом государственном формате, т.е. после 1906 года. В.Н. Коковцов, С.И. Тимашев, С.В. Рухлов, П.А. Харитонов, П.Л. Барк, А.В. Кривошеин, кн. В.Н. Шаховской, Н.Н. Покровский, С.И. Тимирязев, И.И. Новицкий, С.Ф. Вебер и др. составили управленческие верхи Минфина, Министерства торговли и промышленности, МПС, госконтроля. Из этого слоя Тимашева можно отнести к действительно родовитым дворянам (его род известен с XVI века), к тому же обладавшим большим состоянием². (Интересно, что, занимая министерский пост, он отказался от пользования служебным транспортом и государственной квартирой³.) Потомственным дворянином, землевладельцем (3266 десятин в Минской губернии) был товарищ министра финансов Новицкий⁴. Остальные не могли похвастаться ни знатным происхождением, ни богатством, включая земельную собственность. Семья кн. Шаховского давно обеднела, его родная сестра даже работала сельской учительницей⁵, а он сам утратил связь с двором⁶; Коковцов, Харитонов, Барк, Покровский имениями никогда не владели, и главным источником существования для них стала служба, а родители Рухлова, Кривошеина вообще мещанского, крестьянского происхождения.

Все эти имена сегодня уже неплохо известны в литературе, тогда как о представителях финансово-экономической бюрократии

¹ Там же. Т. 2. С. 59.

² С.И. Тимашев: жизнь и деятельность. Избранные сочинения. Тюмень, 2006. С. 8–9.

³ Ивановский А.В. Воспоминания инженера // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 270–271.

⁴ Иосиф Иосифович Новицкий // Государственный совет Российской империи. 1906–1917 годы. М., 2008. С. 185.

⁵ Ивановский А.В. Воспоминания инженера // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 166.

⁶ Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 285.

среднего этажа мы осведомлены гораздо меньше. В каждом из перечисленных ведомств в начале XX столетия действовал костяк управленцев, который и нёс на своих плечах нелёгкий реформаторский груз. В Министерстве путей сообщения сложилась группа специалистов, прошедшая все ступеньки путейского хозяйства и прекрасно ориентировавшаяся в проблемах отрасли. Таковым по праву можно считать В.А. Иванова-Мясоедова, в течение многих лет входившего в комиссии по приёму железных дорог в различных частях страны. В 1895 году он назначен главным инспектором МПС, а через пять лет становится товарищем министра (ум. 1911)¹. Специалистом высокого уровня был и Н.Л. Щукин, прошедший стажировки на железных дорогах ведущих стран Европы и США, с 1910 по 1916 год — товарищ министра путей сообщения, пользовавшийся огромным авторитетом в профессиональной среде, он часто выступал от ведомства в Государственной думе². Сюда следует отнести П.Н. Думитренко, много лет проработавшего в эксплуатационных службах различных железных дорог, затем в центральном аппарате: с 1905 года начальник управления МПС, а с 1909 — товарищ министра³. Нужно отметить ещё одного товарища министра — И.Н. Борисова. За его плечами также большой путь в отрасли, руководящие посты в правлениях Полесской, Сибирской, Привислинской дороге, с 1910 года — начальник Среднеазиатской ветки, с 1914-го возглавил управление железных дорог МПС⁴. Согласимся, это управленческий контингент уже совсем иного, качества, чем при Александре II, когда один из его приближённых аристократов, очутившись в кресле министра путейского ведомства, интересовался, где находится Кострома и зачем туда проводить железную дорогу⁵. Высокий уровень управленцев начала XX века ярко характеризует и ещё один факт: после Гражданской войны названные специалисты-железнодорожники

¹ Формулярный список Виктора Андреевича Иванова-Мясоедова // РГИА. Ф. 229. Оп. 10. Д. 2028. Л. 1–27.

² Формулярный список Николая Леонидовича Щукина // РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 232. Л. 1–16

³ Формулярный список Петра Николаевича Думитренко // РГИА. Ф. 229. Оп. 229. Д. 2259. Л. 1–8.

⁴ Первая мировая война. Энциклопедия в 2 частях. Ч. 1. М., 2014. С. 54.

⁵ Дельвиц А.И. Полвека русской жизни. М., 2014. С. 976.

оказались востребованными уже в советских условиях. Они приглашаются на руководящие должности в Наркомат путей сообщения, возглавляемый Ф.Э. Дзержинским, а И.Н. Борисов становится ключевым заместителем наркома. Опыт и знания старых спесов помогли вновь запустить прекрасно знакомую им отечественную железнодорожную систему.

Во главе Государственного контроля с 1906 по 1915 год стоял П.А. Харитонов. Им была сформирована команда профессионалов, выполнявшая сложные контрольные функции, требовавшие больших знаний. В этот круг входил А.И. Маликов, питомец ведомства, прошедший здесь всю карьерную лестницу вплоть до товарища госконтролёра. Он демонстрировал прекрасную осведомлённость обо всех делах, знал подоплёку каждого вопроса, причём не только в центре, но и на местах: за глаза его даже называли «контрольным псом»¹. Фактически Маликов руководил аппаратом ведомства, поскольку Харитонов много времени отдавал Совету министров и общегосударственным делам². Ещё одним столпом госконтроля являлся начальник департамента военной и морской отчётности М.И. Скипетров, отличавшейся исключительным трудолюбием. Многие министерства и ведомства желали видеть его на всевозможных совещаниях, полагаясь на опытность и знания. Скипетрова считали «одним из лучших типов нашей бюрократии: глубоко порядочный, бесребреник... он жертвовал, можно сказать, жизнью своей невидной работе, от которой не мог ожидать ни лавров, ни материальных благ»³. Кроме того, следует ещё назвать начальника департамента гражданской отчётности С.А. Гадзяцкого и руководителя департамента железнодорожной отчётности А.С. Масловского, директора канцелярии Е.Н. Ларионова⁴. Заметим: все они по долгу службы имели дело с проверкой огромных оборотов, но за всё время не произошло ни одного коррупционного скандала, в которых были бы замешаны контролёры. Даже по образу жизни, скромному виду многих было заметно, что они

¹ Кольшико И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 81.

² Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 133.

³ Там же. С. 134.

⁴ Там же. С. 135.

существуют на жалованье, а иные источники доходов играют для них незначительную роль¹.

С 1905 года в системе исполнительной власти появляется Министерство торговли и промышленности, выделенное в самостоятельную структуру из Минфина. Руководящие позиции в нём занимают бывшие минфиновские чиновники. Те же руководители нового министерства В.И. Тимирязев, С.И. Тимашев как государственные деятели состоялись ещё в финансовом ведомстве. Должность товарища главы Минпромторга в 1911–1914 годах занимал П.Л. Барк, ставший затем первым лицом в Министерстве финансов. Вместе с тем в Министерство торговли и промышленности был привлечён и ряд других специалистов, обладавших высоким профессионализмом. Например, М.А. Остроградский начинал службу в системе МВД, где занимался вопросами страхования фабричных рабочих, что являлось настоятельным требованием времени. После учреждения Министерства торговли и промышленности эта тематика была передана туда и с 1906 года Остроградский становится товарищем министра. Он координирует всю работу по подготовке рабочего законодательства, с помпой принятого затем Госдумой². Но настоящей гордостью министерства довелось стать профессору Д.П. Коновалову. Талантливый ученик знаменитого Д.И. Менделеева был блестящим химиком и популярным преподавателем, чьи лекции проходили с аншлагом³. Его научная карьера протекала в Петербургской горной академии им. Екатерины Великой, где накануне первой русской революции он занял пост ректора. Столкнувшись с беспорядками, Коновалов решил обуздать кипевшие в аудиториях страсти. Но студентов поддерживал ряд преподавателей, возник конфликт, по итогам которого ректор решил покинуть учебное заведение⁴. Однако его вскоре пригласили в формирующееся министерство, предложив важный пост директора горного департамента. В 1910–1916 годах Конова-

¹ Там же.

² Формулярный список Михаила Александровича Остроградского // РГИА. Ф. 1341. Оп. 548. Д. 224. Л. 1–12.

³ Подробно о нем: *Соловьёв Ю.И., Кипнис А.Я.* Дмитрий Петрович Коновалов. М., 1964.

⁴ *Степанов П.И.* Воспоминания геолога // Памяти академика П.И. Степанова. М., 1952. С. 43–44.

лов — товарищ министра, разрабатывает новый горный устав, курирует нефтяной комплекс, уже тогда набиравший силу.

Но всё же сердцем финансово-экономического блока всегда оставался правительственный флагман в лице Министерства финансов. Его кадровая характеристика невозможна без освещения ключевых подразделений ведомства — Особенной канцелярии по кредитной части и Государственного банка, составлявших центр управления финансовой системой Российской империи. Начать следует с кредитной канцелярии, где рассматривались уставы учреждаемых коммерческих банков, включая городские, земельные и общества взаимного кредитования. Она служила связующим звеном между частным сектором и системой государственных банков (Госбанком, Дворянским и Крестьянским банками)¹; здесь готовились материалы по государственным займам, по выпуску облигаций железнодорожных компаний, гарантированных государством. С конца XIX столетия значение кредитной канцелярии резко возрастает, а функции постоянно расширяются: объём проводимых операций составлял сотни миллионов рублей, превосходя потенциал любого банковского учреждения России². Сотрудникам этой важнейшей структуры была свойственна торгово-промышленная психология, далёкая от придворных стандартов, о чём говорилось выше³. Примечательно, что деятельность кредитной канцелярии как организационной структуры привлекла внимание за рубежом. Французское правительство даже проектировало в своём министерстве финансов аналогичное подразделение, которое занималось бы операциями всех кредитных учреждений страны по системе, действующей в России⁴.

Учитывая огромное значение этого учреждения в экономической жизни страны, не может удивлять, что историографии практически неизвестны его руководители. С 1894 по 1908 год директором кредитной канцелярии был Б.Ф. Малишевский. Он получил физико-математическое образование в Варшавском университете и защитил там диссертацию; затем служил в Обществе Юго-Западных

¹ *Ананьин Б.В.* Кредитная канцелярия и правительственный контроль за кредитными учреждениями // *Деньги и кредит.* 1995. № 4. С. 64–65.

² Там же. С. 62–63.

³ *Ивановский А.В.* Воспоминания инженера // *ОР РГБ.* Ф. 414. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 139.

⁴ *Коммерсант.* 1914. 4 февраля.

железных дорог, где столкнулся с Витте; став креатурой последнего, оказался на руководящей должности в Минфине¹. В заслугу Малишевскому ставили разработку специальной таблицы платежей и погашений по иностранным займам, объём которых в эти годы значительно возрос². После отставки Витте положение чиновника стало ухудшаться, что отразилось как на его здоровье, так и на умственных способностях: он даже не смог присутствовать в Сенате, куда был переведён³. Правда, Малишевский никогда не считался своим среди столичной финансовой элиты, среди сотрудников кредитной канцелярии, высококлассных специалистов, прекрасно знакомых между собой.

Яркий представитель этого круга — Леонид Фёдорович Давыдов. После окончания Петербургского университета (1890) он был причислен к Государственной канцелярии Госсовета, откуда перешёл в Минфин. С 1893 года прошёл все служебные ступеньки в кредитной канцелярии, а в 1905-м стал её вице-директором, готовясь заменить не избалованного расположением коллег Малишевского. Давыдов же пользовался огромным профессиональным авторитетом, неоднократно бывал в командировках в Германии, Франции, Китае, Японии; долгое время входил в правление Русско-Китайского банка⁴. Давыдов являлся также доверенным лицом В.Н. Коковцова, и в годы пребывания последнего министром финансов находился у руля кредитной канцелярии⁵. Интересно, что деятельность Давыдова вызывала раздражение как у либералов, так и у черносотенцев. Госдума не упускала возможность уколоть его, намекая, в частности, на нечистоплотное ведение дел в Русско-Китайском банке⁶. А «Гражданин» В.П. Мещерского писал, что этот высокопоставленный чиновник соединяет в себе «две несоединимые вещи: репутацию колоссального бесребреника и молву, что его ценят на бирже

¹ Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897. С. 996.

² Кредитная канцелярия и Б.Ф. Малишевский // Утро России. 1910. 9 марта.

³ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 361.

⁴ Формулярный список Леонида Фёдоровича Давыдова // РГИА. Ф. 560. Оп. 23. Д. 615. Л. 14–28.

⁵ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы. Кн. 2. М., 1992. С. 185–186.

⁶ Запрос о деятельности директора кредитной канцелярии Давыдова // Утро России. 1910. 13 февраля.

в несколько миллионов»¹. Весной 1914 года после отставки Коковцова Давыдов оставил свой пост, но ему нашёлся достойный преемник — Дмитрий Иванович Никифоров, директор с 1914 по 1916 год. Выпускник Петербургского университета, он начинал службу в Министерстве юстиции. Через шесть лет, в 1897 году, был переведён в кредитную канцелярию, где дослужился до вице-директора (назначение состоялось в марте 1908-го)². Никифоров считался правой рукой бывшего директора Давыдова: они проводили единую политику³. Его карьерное восхождение началось со времени Русско-японской войны, он специализировался на военных займах и сыграл весомую роль в преодолении финансового кризиса той поры, входил также в совет Госбанка, имел работы в области теории кредита и денежного обращения⁴.

Последним в должности директора был выпускник Александровского лицея Конрад Замен. Практически весь его жизненный путь оказался связан с кредитной канцелярией, куда он поступил ещё в 1896 году совсем молодым человеком. Этот «до мозга костей порядочный и до чрезмерной щепетильности честный человек, чуждый всякой интриги и всяким самовосхвалениям»⁵, не допускал, чтобы кто-либо из сотрудников проявлял небрежность в работе или оказывался замешанным в какие-то сомнительные дела. Так, по этой причине он настоял на увольнении родного брата Г.Г. Лерхе (председателя финансовой комиссии Госдумы), хотя тот и бравировал своими родственными связями⁶. Замен специализировался на внешнем кредитовании, постоянно посещал европейские страны, принимая активное участие в финансовых переговорах с союзниками во время Первой мировой войны⁷. Вместе с ним поднимался

¹ Мещерский В.П. Дневник (27 октября 1913 года) // Гражданин. 1913. № 42. С. 11.

² Формулярный список Дмитрия Ивановича Никифорова // РГИА. Ф. 587. Оп. 13. Д. 342. Л. 1–13.

³ Программа нового директора кредитной канцелярии // Коммерсант. 1914. 12 февраля.

⁴ 25-летний юбилей Д.И. Никифорова // Финансовая жизнь. 1916. № 1. С. 7; Юбилей Д.И. Никифорова // Биржа за неделю. 1916. № 1–2. С. 9.

⁵ Путилов А.С. Период кн. Н.Д. Голицына // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 44.

⁶ Там же. С. 45.

⁷ Формулярный список Конрада Евгеньевича Замена // РГИА. Ф. 587. Оп. 8. Д. 127. Л. 1–12.

по служебной лестнице и В.Ю. Мебес. Окончив юрфак Петербургского университета, он числился в штате канцелярии; с января 1914-го исполнял обязанности второго вице-директора, а спустя полтора года был в должности утверждён. Мебес входил в совет Госбанка, в период войны представлял Минфин в правлении Путиловских заводов, а также в Обществе механических гильзовых и трубочных заводов П.В. Барановского¹.

Частными кредитными организациями занимался другой вице-директор — Г.А. Воронович. Завершив обучение в Александровском лицее, он вместе со своим сокурсником Заменом (с июля 1896-го) поступает в кредитную канцелярию и через двадцать лет непрерывной службы доходит до поста вице-директора². Весьма примечательна фигура юриста В.В. Розенберга, обладавшего разносторонними познаниями в финансово-экономической сфере. Он служил в Сенате по гражданским делам, несколько лет провёл в ряде стран Европы, изучая практику бирж, таможен и сберегательных касс; с июня 1914-го — в кредитной канцелярии³. Когда в середине 1916 года состоялся съезд частных банков, то столичная финансовая элита именно его пожелала видеть управляющим делами учреждённого Совета съезда коммерческих кредитных организаций. Розенберг координировал работу по изменению уставов банков, составленных ещё 50–40 лет назад⁴. Острая потребность в этом возникала из-за расширявшихся товарных операций, законодательно запрещённых кредитным организациям. Надо было расширять правила, давая возможность банкам удовлетворять насущные нужды промышленности и торговли, а не втискивать их деятельность в отжившие рамки⁵.

Вообще Особенная канцелярия по кредитной части отличалась ровным и сильным кадровым составом. После 1905 года основная

---

¹ Формулярный список Владимира Юльевича Мебеса // РГИА. Ф. 587. Оп. 12. Д. 668. Л. 1–10.

² Формулярный список Генриха Августа Вороновича // РГИА. Ф. 560. Оп. 23. Д. 836. Л. 7–11.

³ Формулярный список Владимира Валентиновича Розенберга // РГИА. Ф. 560. Оп. 23. Д. 660. Л. 1–3.

⁴ *Розенберг В.* Итоги банковского съезда // Торгово-промышленная газета. 1916. 14 июня.

⁵ Биржа. 1916. № 16–17. Май. С. 5–6.

работа лежала на группе специалистов, собственным трудом обеспечивших себе карьеры. Рука об руку с кредитной канцелярией действовал и Государственный банк — гораздо более известное ведомственное подразделение Минфина. Роль Госбанка как регулятора всего кредитного оборота страны в последние два десятилетия империи также оставалась огромной. Тогда говорили, что все частные банки — это, по существу, его клиенты, фактически живущие за счёт бюджетных ресурсов. Стоит Государственному банку захотеть, и все частные кредитные структуры превратятся в простых исполнителей исходящих от него директив¹. Недаром в предпринимательских кругах его часто называли «банком банков»².

Госбанк дополнял усилия кредитной канцелярии, и обе эти структуры были незаменимыми инструментами воздействия на хозяйственную жизнь в руках правительства. Директора канцелярии и управляющие Госбанком, как правило, совместно представляли доклады министру финансов³. Любопытно, что все первые лица Госбанка в царствование Николая II были выходцами из кредитной канцелярии: Э.Д. Плеске, С.И. Тимашев, А.В. Коншин, И.П. Шипов. Первые двое долгие годы работали в связке: сначала в качестве директора и вице-директора кредитной канцелярии, а затем один был управляющим, другой его товарищем в Госбанке. Всю жизнь проработавший в Минфине Плеске выдвинулся при министре Вышнеградском (дочь Вышнеградского была замужем за ректором Московской консерватории Сафоновым, а родная сестра Сафонова была женой Плеске⁴). Тимашева привлёк в министерство лично Бунге, познакомившись с перспективным молодым человеком в Германии на лекциях Густава Шмоллера⁵. Коншин почти десять лет отдал кредитной канцелярии, после чего получил назначение главным инспектором Госбанка. Шипов же служил вице-директором кредитной канцелярии при Малишевском, а затем стал руководителем общей канцелярии Минфина.

¹ Сильная мера // Новое время. 1913. 11 июня.

² Бернацкий М. Правительственный надзор над коммерческими банками // Промышленность и торговля. 1916. № 19. С. 542.

³ Ананьиц Б.В. Кредитная канцелярия и правительственный контроль за кредитными учреждениями // Деньги и кредит. 1995. № 4. С. 64.

⁴ Летопись жизни и творчества В.И. Сафонова. М., 2009. С. 45.

⁵ С.И. Тимашев: жизнь и деятельность. Избранные сочинения. С. 12–13.

В забвении остаётся и целый ряд топ-менеджеров Госбанка той поры. Товарищем управляющего в 1912–1917 годах был А.К. Голубев — ведущий специалист по городским общественным и земельным банкам; за тридцать с лишним лет он объездил с ревизиями этих структур практически полстраны¹. Именно он в начале 1900-х годов проводил ревизию Харьковского земельного банка, погрязшего в аферах известного олигарха Алчевского². Другой товарищ управляющего (1910–1917), Д.Т. Никитин, последовательно прошёл всю служебную систему Госбанка, начав с рядового бухгалтера Пензенского отделения; затем до назначения в Петербург заведовал Кременчугским, Курским, Тифлиским, Ялтинским отделениями, Московской конторой Госбанка³. Такой же путь прошёл В.А. Арцимович: до должности товарища управляющего (1908–1912) возглавлял Моршанское, Херсонское, Орловское отделения, а начинал в 1890 году в кредитной канцелярии⁴. А.П. Петров, товарищ управляющего в 1903–1914 года, также был выходцем из кредитной канцелярии, где до перехода в Госбанк дошёл до вице-директора⁵. Г.Г. фон дер Остен-Дризен руководил ключевыми конторами — Варшавской и Петербургской; с 1897 года и вплоть до смерти в 1908-м — товарищ управляющего Госбанка⁶. Большим авторитетом в финансовом мире пользовался И.И. Назимов, с 1894 года служивший в центральном аппарате Госбанка, с 1903 года руководитель его канцелярии, а с 1907-го — глава его Петербургской конторы⁷.

Большинство названных чиновников относились к незначительному дворянству. Дворянин А.В. Коншин — сын отставного поручи-

¹ Формулярный список Андрея Кинтилиановича Голубева // РГИА. Ф. 587. Оп. 4. Д. 595. Л. 1–36.

² Петров Ю.А. Крах Алчевского и фирма Рябушинских // Отечественная история. 1995. № 4. С. 57.

³ Формулярный список Дмитрия Тимофеевича Никитина // РГИА. Ф. 587. Оп. 13. Д. 303. Л. 1–21.

⁴ Формулярный список Виктора Антоновича Арцимовича // РГИА. Ф. 587. Оп. 1. Д. 807. Л. 1–10.

⁵ Формулярный список Александра Петровича Петрова // РГИА. Ф. 587. Оп. 15. Д. 451. Л. 10–22.

⁶ Формулярный список Густава Густовича фон дер Остен-Дризена // РГИА. Ф. 587. Оп. 14. Д. 375. Л. 9–33.

⁷ Иван Иванович Назимов // Биржа. 1913. № 45. С. 3.

ка; Д. Т. Никифоров — из купеческого сословия; а отец К. Е. Замена на момент его рождения ещё даже не получил титула. Г. Г. фон дер Остен-Дризен, несмотря на принадлежность к дворянству, не владел никаким имением, т. е. жил только службой. У Д. Т. Никитина дед был бухгалтером Курской городской думы, а отец — обыкновенным поручиком. А. К. Голубев — из священнического сословия, сведения об имениях отсутствуют; А. П. Петров — вообще самого обычного мещанского происхождения, имений также не имел. Представить подобное в эпоху Николая I или Александра II трудно. И уж совсем невообразима такая ситуация: член Государственного совета, член совета Русско-Азиатского банка, известный пропагандист финансовой политики профессор И. Х. Озеров, будучи родом из простой семьи, выходя как-то из Марииинского дворца, приветствовал своего двоюродного брата, трудившегося там... на малярных работах¹. Всё это подтверждает сказанное выше: атмосфера, в которой функционировало финансово-экономическое чиновничество, разительно отличалась от атмосферы, сложившейся у трона.

Неудивительно, что две эти силы — придворные круги и финансово-экономическая бюрократия — по-разному видели развитие России в наступающем XX столетии. Масштабные дискуссии в верхах, развернувшиеся в 1897–1900-х годах, позволяют подробно ознакомиться с их предпочтениями. Но прежде нужно сказать о крупном конфликте между ними, произошедшем в самом начале царствования Николая II и известном в историографии как дело министра путей сообщения Аполлона Кривошеина. А. К. Кривошеин оказался в правительстве благодаря главе МВД И. Н. Дурново, с коим был связан ещё со того времени, когда тот служил Екатеринославским губернатором. В последние пять лет царствования Александра III Дурново являлся наиболее сильной фигурой в верхах, был тесно связан с рядом придворных сановников. В его влиятельный клан входили приближённый к государю, видный свитский деятель О. В. Рихтер, крупный землевладелец, камергер А. П. Струков (66 тысяч десятин), на чьей сестре был женат Кривошеин, придворный публицист-издатель кн. В. П. Мещерский.

О самом министре Дурново и его супруге современники отзывались как о людях «крайне провинциального пошиба... не семи

---

¹ Озеров И. Х. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 1. Л. 126.

пядей во лбу», преуспевших благодаря устройству пышных застолий и дружбе с генерал-адъютантом Рихтером¹. В Петербурге молва утверждала, что отец Дурново послужил писателю Н.В. Гоголю прототипом Чичикова и накануне отмены крепостного права зажег свечу в скандале со скупкой мёртвых душ². Как бы там ни было, но Дурново-сын также отличался пронырливостью, что позволило ему добратся до правительственных верхов³. Вдобавок он был склонен к лоббированию карьерных и деловых интересов. Одним из приоритетов для него являлось протектирование закадычному другу Кривошеину: тот сначала отметился в ХОЗУ МВД, а затем собирался на весьма хлебный пост начальника Главного ветеринарного управления⁴. Но эти планы скорректировал не кто иной, как назначенный министром финансов Витте, искавший расположения Дурново и предложивший объединить усилия для проталкивания Кривошеина уже на очень значимую позицию главы МПС, которую сам только что занимал. В итоге Кривошеин оказался во главе путейского ведомства, а Витте — своим в этой влиятельной группе. Более того, министр внутренних дел стал выступать, можно сказать, в роли адвоката Витте: утрясал его (несостоявшуюся) дуэль после очередной ссоры с Гюббенетом, улаживал с Александром III нюансы второй виттевской женитьбы и т.д.⁵

При содействии Дурново новоиспечённый министр путей сообщения Кривошеин сразу представил всеподданнейший доклад о неудовлетворительности государственного контроля в железнодорожной отрасли. В результате была образована комиссия по пересмотру общего положения о надзоре за дорогами⁶. Это был прямой выпад против той системы, которую в бытность госконтролёром пробивал Сольский. Напомним: тогда МПС отстаивало право производить ревизии собственными силами, т.е.

¹ Половцов А.А. (младший). Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 118. Л. 93.

² Киреев А.А. Дневник (запись от 10 июня 1895 года) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 12. Л. 21об.

³ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря (запись от 20 октября 1890 года). Т. 2. С. 335.

⁴ Кольшико И.И. Великий распад. Воспоминания. С. 85.

⁵ *Propper S.M.* Was nicht In die Zeitung kam. Erinnerungen des Chefredaktenes der «Birschewyja wedomosti». S. 161–162.

⁶ Корш Е.В. Двадцать лет на железных дорогах (1889–1908 годы). Воспоминания о железнодорожной службе. СПб., 1910. С. 90–91.

фактически желало проверять само себя, и теперь Кривошеин стремился к тому же, пытаясь избавиться от опеки контрольных органов. При существовавших политических раскладах Сольский не мог противодействовать этой инициативе, т.е. по сути идти на конфликт с Дурново. А тот действительно чувствовал себя по-хозяйски: после отставки Вышнеградского устроил для исполнявшего в течение пяти месяцев обязанности главы Минфина Ф.Г. Тернера постоянное время всеподданнейшего доклада, чего тот самостоятельно добиться не мог¹. Для МПС Дурново выхлопотал право входить в Госсовет с докладом, «когда понадобится»². Благодарный Кривошеин собирался поддержать идейно близкие им «Московские ведомости», обещая главному редактору В.А. Грингмуту разрешить продажу газеты на всех железнодорожных станциях Российской империи³. Помимо этого своим решением расторг действующие ведомственные контракты на типографские и переплётные работы, передав подряды по завышенным ценам кн. Мещерскому⁴.

В то же время министр Кривошеин не обделял вниманием и коммерческую ниву. Чувствуя за собой мощную поддержку, он распорядился с каждого подписывающего у него в ведомстве контракт взыскивать многотысячные суммы на общепользные, по его понятиям, нужды. С одного из таких контрагентов — англичанина Юза, владельца обширных каменноугольных копей и металлургического завода — потребовали сбор в 50 тысяч рублей. Тот согласился заплатить только 10 тысяч, и в контракте ему было отказано⁵. Другого подрядчика-иностранца, не внёсшего наложенного на него платежа, Кривошеин прямо обвинял в том, что зарубежный бизнес нацелен на одну лишь наживу и не желает ничего делать в пользу России⁶. Эти эпизоды получили огласку, последовали жалобы. Вдобавок ко всему Кривошеина уличили как крупного карточного игро-

¹ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. Т. 2. СПб., 1911. С. 219.

² Дневник Алексея Сергеевича Суворина. М., 2000. С. 92 (запись от 20 января 1893 года).

³ Там же. С. 102. (запись от 2 марта 1893 года)

⁴ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017. С. 414–415.

⁵ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 годы. (Запись от 29 октября 1894 года). С. 90.

⁶ Там же.

ка в игорных домах Петербурга¹. Госконтроль установил, что в имение министра за казённый счёт проведена железнодорожная ветка, а также выявил раздачу выгодных подрядов: по снабжению — Струкову (брату кривошеинской жены), по издательским делам — Мецкерскому. Кривошеин всё отрицал, а назначенная комиссия сенатора В.Р. Завадского не подтвердила выдвинутые обвинения, заявив, что их следует снять². Глава МВД Дурново усердно защищал своего друга, называя всё происходящее клеветой и при этом постоянно напоминая о том, что порядочность Кривошеина может подтвердить министр финансов Витте, также приложивший руку к его назначению³.

Очевидно, у госконтролёра Т.И. Филиппова не хватило аппаратного веса противостоять руководителю МПС и его высокопоставленным друзьям. Но тут для них наступил форс-мажор: скоропостижно скончался император Александр III, что привело к серьёзной перегруппировке в верхах. На первые роли стремительно выходит Сольский, установивший прочные и доверительные отношения с Николаем II в ходе заседаний комитета по проведению Сибирской магистрали: туда его привлёк вице-председатель комитета Бунге⁴. По инициативе руководителя департамента экономии Госсовета (т.е. Сольского) созывается более представительная комиссия, куда входит сенатор Завадский со своим наработками⁵. Теперь прежние обвинения были полностью подтверждены. Осведомлённый главный редактор «Биржевых ведомостей» С. Пропер в своих мемуарах прямо указывал: такой поворот стал возможен исключительно благодаря вмешательству Сольского⁶. В узких кругах «его уважали, побаивались», за ним, как прекрасно разбиравшимся в хитросплетениях различных смет, числилось немало раскры-

---

¹ Киреев А.А. Дневник (запись от 30 июля 1893 года) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 11. Л. 426об.

² Письмо А.К. Кривошеина к Николаю II. 10 апреля 1896 года // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 611. Л. 7об. — 9об.

³ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 годы (запись от 16 декабря 1894 года). М., 2014. С. 117.

⁴ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 409.

⁵ Завадский С.В. На пути к революции. 1905–1918 годы. М., 2017. С. 43.

⁶ Proper S.M. Was nicht In die Zeitung kam. Erinnerungen des Chefredaktenes der «Birschewyja wedomosti». S. 185.

тых афер. Только он никогда не спешил во всеуслышание трубить об обнаруженных махинациях, нагнетая скандалы¹. Но вот в отношении Кривошеина было решено поступить иначе, поскольку речь шла не просто о подрыве позиций клана, заправлявшего в последние годы правления Александра III, а о формировании нового политического вектора. Патриарха российских реформаторов сразу поддержал Бунге, высказав своё мнение Николаю II². Интересно, что это дело напрямую коснулось и Витте. Тот протезировал брату своей жены И. Н. Быховцу, который из рядового техника шоссе-ных дорог превратился в крупнейшего железнодорожного подрядчика. Начало этому положил сам Витте, когда непродолжительное время занимал пост министра путей сообщения. Продолжил уже Кривошеин, одаривший родственника министра финансов выгодными контрактами на проведение крупной ветки Пермь — Котлас. В результате Быховец, слабо смысливший в железных дорогах, сказочно обогатился, переселился на фешенебельную Миллионную улицу в Петербурге рядом с Зимним дворцом, завёл несколько автомобилей³. Государственный контролёр Филиппов, зная о делах Быховца, предлагал распутать все его нарушения, что наверняка затронуло бы и Витте. Однако это уже не было поддержано Сольским, «похоронившем» обвинения госконтроля⁴.

По итогам проверок Кривошеин был уволен без права занимать какие-либо должности, причём об отставке ему было объявлено в тот момент, когда он в кругу гостей праздновал день своих именин. Как замечали современники, с таким позором не удалялся ещё ни один русский министр⁵. В случае несогласия с принятым в отношении него решения ему было предложено обращаться в суд, однако тот «восстанавливать свою честь таким путём не пожелал»⁶. Инициированное Кривошеиным совещание по пересмотру надзора в железнодорожной отрасли тихо умерло в начале 1895 года. Новый глава МПС кн. М. И. Хилков поднимать подоб-

¹ Кольшико И. И. Великий распад. Воспоминания. С. 80.

² Половцов А. А. Дневник. 1893–1909 годы. (Запись от 27 декабря 1894 года). С. 120.

³ Кольшико И. И. Великий распад. Воспоминания. С. 82.

⁴ Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания. С. 561.

⁵ Фейгин Ф. И. Моя автобиография // ОР РНБ. Ф. 808. Оп. 1. Д. 5. Л. 273об.

⁶ Завадский С. В. На пути к революции. 1905–1918 годы. С. 45.

ные вопросы уже не осмеливался, встав перед госконтролем «на задние лапки»¹. Вскоре лишился поста и всемогущий министр внутренних дел Дурново. Вместо него был назначен И.Л. Горемыкин, обладавший, в отличие от своего предшественника, либеральной репутацией и считавшийся знатоком крестьянского вопроса (ему принадлежал образцовый комментарий к «Положению 19 февраля 1861 года», пользовавшийся популярностью²). Покаянное письмо Кривошеина к государю ничего не изменило. Николай II передал прошение Сольскому, который резюмировал: мольбы Кривошеина «нисколько не поколебали моего убеждения в его виновности», особенно же возмутительны ссылки министра на усопшего Александра III³. Надо добавить, что решающее участие Сольского в этом громком деле прошло даже мимо исследователей, специально занимавшихся этим сюжетом⁴. Помешала фигура Витте, на котором, как, впрочем, и всегда, концентрировалось всё внимание. Министр финансов с тревогой наблюдал за схваткой, пока не увидел, в чью пользу склоняется чаша весов. Именно с весны 1895 года он дистанцируется от консерватизма и оказывается в орбите Сольского и Бунге. Эти изменения зафиксированы кн. В.П. Мещерским, выражавшим в письме к министру финансов на Пасху 1896 года острую разочарованность патриотического лагеря: «второй год Ваши искренние друзья с грустью сознают, что Вас узнать даже нельзя; святой огонь как будто тухнет...»⁵

Отставка Дурново и Кривошеина — свидетельство резко возросшего влияния финансово-экономической бюрократии в политической жизни страны. О её идейной платформе мы можем судить по дискуссии в рамках учреждённого в 1897 году Особого совещания по делам дворянского сословия, которое возглавил отставленный министр внутренних дел И.Н. Дурново — ныне в долж-

---

¹ Корш Е.В. Двадцать лет на железной дороге (1889–1908 годы). Воспоминания о железнодорожной службе. С. 99.

² Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 34.

³ Письмо Д.М. Сольского к Николаю II. 29 апреля 1896 года // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 611. Л. 1.

⁴ Андреев Д.А. Дело Кривошеина: взлет и падение «Ростовского Кречинского» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2013. № 2. С. 15–32.

⁵ Письмо князя В.П. Мещерского к министру финансов С.Ю. Витте. Весна 1896 года // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 448. Л. 2.

ности председателя Комитета министров. Его отношения с Витте к этому времени уже отличались откровенной враждебностью, что придавало идейному соперничеству личностную окраску. В состав Особого совещания наряду с представителями дворянства вошли ведущие члены правительства, причём они обязывались лично участвовать в заседаниях, что повышало статус дискуссий. На заседаниях был переосмыслен комплекс проблем, связанных не только с положением дворянского сословия, но и с путями развития страны. Дурново ещё в правление Александра III ратовал за помещичье землевладение, коему необходима всевозможная поддержка. Он постоянно выступал за понижение тарифов на перевозку сельскохозяйственных грузов, за льготы заложившим земли в банках и т.п.¹ Теперь мы вновь встречаемся с Кривошеиным, чьи письма-размышления Дурново как руководитель совещания аккуратно передавал императору в надежде на реабилитацию опального друга. Тот предлагал не ограничивать дворянский вопрос узкими рамками, а рассматривать его в качестве государственного. Судьба этого сословия, писал он, неразрывно связана с судьбой державы, которая просто не может существовать без дворянства, а потому попечение о нём должно составить первейшую заботу правительства. Государь хорошо осознаёт дворянские потребности, чего никак нельзя сказать о «наших высоких и малых либералах», доведших ситуацию до больших осложнений².

Дурново и Кривошеину вторили участники совещания, считавшие, что все беды начались с Великих реформ 1860-х годов, когда «слепо поддались ловко и настойчиво проповедуемым нашими лжелибералами модным идеям, рисовавшим перед нами в розовых красках разные неприменимые к нам идеалы Западной Европы. Сбились с истинного пути и в своей поспешности за этими идеалами наделали целую массу крупных ошибок»³. Мало того, в непонятном ослеплении вообразили, будто Россия — это какая-то Англия или Бельгия, и вместо того, чтобы обратить всё вни-

¹ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря (запись от 12 июня, 17 июня 1889 года; 2 ноября 1890 года). Т. 2. С. 224, 226, 340.

² Кривошеин А.К. Записка о дворянском вопросе и мерах к упрочению дворянского сословия. Февраль 1897 года // ГАРФ. Ф. 543. Он. 1. Д. 494. Л. 90б.

³ Отчего гибнет дворянство и чем можно его спасти? // РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 150. Л. 1–10б.

мание на поддержку земледельческого класса, поспешили развивать фабрично-заводскую промышленность по европейским образцам¹. Главная причина упадка поместного дворянства усматривалась в слишком «крутом переходе от натурального строя сельского хозяйства к денежному». Переход от крепостнического хозяйства потребовал денежных средств, которыми помещики не располагали, а тяготы протекционистской системы, воздвигнутой для оживления промышленности, легли на государство дополнительным бременем². И.И. Воронцов-Дашков писал, что понимает назначение этих мер, но никогда «не согласится с покровительством, доведённым до чрезвычайности», незаметно превратившимся в тормоз развития земледелия³. Ведь дворянство «черпает свои жизненные силы из земли и без земли лишается всякого сословного значения, утрачивая свою материальную независимость»⁴, а потому эмблемой дворянства по-прежнему остаются «меч и плуг»⁵. Восстановление помещичьего хозяйства требует продолжительных мер специального характера, а не отдельных шагов общего плана. Представители сельского хозяйства не должны чувствовать «себя словно пасынками...» на фоне обрабатывающей промышленности, в которую происходит искусственный прилив капиталов, что создаёт «нечто вроде экономической гипертрофии в известных частях организма»⁶.

Весь этот напор критики принял министр финансов Витте, энергично отвечавший на нападки. Начал он с того, что если заботиться о будущем России, то к ней нельзя относиться как к исключительно земледельческой стране. В экономике произошли значительные

---

¹ Там же.

² Записка уполномоченного дворянством Воронежской губернии // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 99. Л. 50.

³ Письмо И.И. Воронцова-Дашкова в Особое совещание по делам дворянства. 15 мая 1897 года // РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 47об.

⁴ Мнение Харьковского губернского предводителя дворянства графа В.Л. Капниста по вопросам Высочайше утвержденного совета по делам дворянского сословия. 5 июня 1897 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 99. Л. 446об.

⁵ *Воронцов-Дашков И.И.* Записка по вопросу о принятии некоторых мер по улучшению положения поместного дворянства. 15 мая 1897 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 97. Л. 159об.

⁶ *Головин К.Ф.* Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898 годы. СПб., 1899. С. 131–132.

индустриальные сдвиги, и их уничтожение или переустройство вновь по сельскому типу имело бы «характер самой несправедливой и самой опасной ломки сложившихся хозяйственных условий... всё это означало бы произвести такую катастрофу, подобную которой едва ли можно отыскать в истории»¹. Витте писал о неспособленности многих землевладельцев к сельским работам, о недостаточном умении вести дела и находить новые источники дохода, а главное — об утрате связи собственников с землёй. Иногда это усугубляется факторами личного характера, привычкой жить на широкую ногу. Если же обнаруживается унаследованная любовь к своему делу, предприимчивость — словом, те качества, которые отличают крепкого хозяина, «тогда действие общих неблагоприятных причин ощущается несравненно слабей»². Такие крепкие хозяева преобладают «в так называемых привилегированных губерниях, т.е. малороссийских, белорусских, новороссийских, южных», тогда как в Центральном регионе и в Поволжье картина обратная³.

Весьма оригинальными следует признать рассуждения Витте об историческом месте дворянства. Российская держава выросла и окрепла на основе самодержавия; в нём вся сила нашего государственного строя, залог его будущего благополучия. Любое уклонение от самодержавного уклада, любое толкование его в свете чуждого нам европейского монархизма с сословной опорой — это вред и угроза для русской национальной идеи. Все сословия несли государственное тягло, возложенное на них верховной властью для общей пользы: духовенство просвещало светом Христова учения, горожане двигали материальную культуру, крестьяне добывали хлеб насущный, дворяне несли службу. К чему же взвешивать, какое из сословий лучше послужило своему царю?⁴ Согласимся: этот гимн самодержавию трудно отнести к взглядам наследников Сперанского. Отвечая на финансовые претензии помещного дворянства, Витте был более последовательным.

¹ Замечания министра финансов на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 98. Л. 140б. — 115.

² Там же. Л. 99.

³ Там же. Л. 100–100об.

⁴ Замечания статс-секретаря С.Ю. Витте по поводу журнала Особого совещания по делам дворянского сословия // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 97. Л. 187об. — 188об.

Острые претензии сиятельных особ касались пересмотра устава созданного в 1885 году Дворянского земельного банка. Это учреждение помещики воспринимали весьма своеобразно: своим заманчивым кредитом оно напоминало им «блестяще разукрашенные пиры, которыми римские патриции подготавливали себя к самоубийству»¹. О необходимости банковских льгот писал начальник Императорской канцелярии по принятию прошений на имя Е.И.В., будущий министр внутренних дел Д.С. Сипягин². Заметим, что ранее понижение процента по платежам Дворянскому банку уже происходило: с 5 % до 4,5, а затем и до 4 %; это позволяло заёмщикам ежегодно сберегать до 1,8 млн рублей, причём с 1889 года ссуды выдавались не закладными листами, а наличными деньгами³. Теперь же представители дворянства требовали ежегодных дотаций банку из казны, единовременного 12-миллионного взноса для пополнения капитала, мораторий на уплату процентов на три года, а затем снижения ставки до 3,5 %⁴. Эти меры серьёзно затрагивали госбюджет, и Николай II повелел провести обсуждение в межведомственном органе — Комитете финансов, возглавляемом Д.М. Сольским. Император передал ему записку И.Н. Дурново и предоставил право приглашать на заседания лиц по его усмотрению. В результате к работе были привлечены те представители дворянства, которые занимали проминфиновскую позицию⁵. Они и направили в Комитет финансов письмо, подписанное предводителями московского, петербургского, орловского и херсонского дворянства; в письме говорилось о невыполнимости требований, заявленных без указания на источники их удовлетворения. Такие притязания недозволительны: дворянство не может действовать «в ущерб другим сословиям из средств, собранных трудом и по-

¹ Головин К. Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего. 1887–1898 годы. С. 93.

² Письмо Д.С. Сипягина в Особое совещание по делам дворянства. 12 мая 1897 года // РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 4. Л. 29–34.

³ Записка министерства финансов «О льготах, дарованных заёмщикам государственного Дворянского земельного банка со времени его учреждения» // РГИА. Ф. 593. Оп. 1. Д. 351. Л. 196–196об., 200.

⁴ Замечания министров финансов по поводу соображений статс-секретаря И.Н. Дурново по проекту о мерах к облегчению положения заёмщиков Государственного Дворянского земельного банка. 3 мая 1897 года // Там же. Л. 269.

⁵ Там же. Л. 209, 254.

датной исправностью всех русских граждан»¹. Участники заседаний нашли нецелесообразной приостановку платежей заёмщиков Дворянскому банку: такая мера оправдана лишь в крайних случаях, распространение же её крайне нежелательно, даже пагубно². Интересно, что журнал заседаний у Николая II подписывал Сольский, который затем проинформировал об этом Витте. Ободрённый министр финансов сразу распорядился: «Для немедленного исполнения. Нужно поспешить объявить»³. Из тех же соображений была нейтрализована и попытка признать обременённые долгами хозяйства «заповедными имениями», переложив уплату платежей на казну⁴.

Неудача не охладила пыл желающих пожить за казённый счёт. Крупный помещик А.П. Струков настаивал: «Мы обязаны заявить, что без кредита земледелие не обеспечено... никакой другой кредит не может удовлетворить потребностям дворянства, кроме государственного. В противном случае в минуты испытания земледелие может оказаться в ненадлежащих руках, и государство будет лишено возможности идти ему на помощь»⁵. Иными словами, все перспективы связывались с бюджетными дотациями. Отсюда — всеподданнейшие ходатайства саратовского и рязанского дворянства об исключении коммерческого начала из деятельности Дворянского банка, который мыслился «союзом дворян при поддержке правительства», нацеленного на укрепление родовых владений⁶. Пользоваться же коммерческим кредитом, который предоставляли действовавшие земельные банки, дворянство не желало, считая, что эти финансовые структу-

¹ Письмо в Комитет финансов предводителей дворянства Московского Г.Н. Трубецкого, Петербургского А.Д. Зиновьева, Орловского М.А. Стаховича, Херсонского Н.П. Сухомлинова. 9 мая 1897 года // Там же. Л. 310–310об.

² Протоколы заседаний Комитета финансов. 5, 9 мая 1897 года // Там же. Л. 325–342об.

³ Там же. Л. 343.

⁴ Соображения министра юстиции по внесенной на рассмотрение Особого совещания по делам дворянства сословия записке Рязанского, Саратовского, Тульского губернских предводителей дворянства // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 98. Л. 141–141об.

⁵ Протокол, образованной Высочайшим повелением в составе Особого совещания по делам дворянского сословия, комиссии для предварительного рассмотрения вопроса о долгосрочном кредите для помещиков. 23 марта 1899 года // РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 16. Л. 176.

⁶ Там же. Л. 103–103об.

ры закабаляют и разоряют землевладельцев¹. Неодобрение вызывала и возрастающая активность государственного Крестьянского банка, нацеленного на перераспределение площадей в пользу множества мелких наделов. Предлагалось ограничить его деятельность «исключительно покупкой земель на окраинах, где правительство находит нужным усилить русский элемент населения»².

По сути, дворянство пыталось превратить казну чуть ли не в благотворительное учреждение, от которого каждый помещик вправе ожидать не только снижения платежей на полпроцента, но и активной помощи нуждающимся хозяевам усадеб³. В ходе Освободительной реформы 1861 года дворяне добровольно отказались от использования крепостного труда, причём безвозмездно и навсегда. Теперь же они сочли, что настало время хотя бы частично компенсировать эти потери, которые в пересчёте на капитал выразились в гигантской сумме — 720 млн рублей⁴. Не разделявшие это мнение зачислялись в противники дворянства, а значит, и всей России. Недобрым словом вспоминали Н.Х. Бунге, требовавшего экономического обоснования любых действий правительства и не склонного к благотворительным акциям за казённый счёт. В списке «врагов» значился управделами комитета министров А.Н. Куломзин, призывавший не отождествлять интересы земледелия исключительно с дворянством⁵; будущий госконтролёр П.Х. Шванебах, убеждённый, что «нельзя в угоду аграрному романтизму закупориваться в средневековой хозяйственной формации»⁶. Не был забыт и глава Госбанка Э.Д. Плеске, которого даже именovali «олицетворением смерти»⁷. Помещичьи кру-

¹ Записка Новоладожского предводителя дворянства Д. Нарышкина. 20 мая 1897 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 99. Л. 158.

² Мнение Харьковского губернского предводителя дворянства графа В.Л. Капниста по вопросам Высочайше учрежденного совета по делам дворянского сословия. 5 июня 1897 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 99. Л. 455об.

³ Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 576–577.

⁴ О задолженности дворянских имений // Московские ведомости. 1897. 4 мая.

⁵ Записка А.Н. Куломзина в Особое совещание по делам дворянского сословия. 15 мая 1897 года // РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 142. Л. 4.

⁶ Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 172.

⁷ Письмо кн. В.П. Мещерского к министру финансов С.Ю. Витте. Весна 1896 года // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 448. Л. 2об.

ги характеризовали представителей финансово-экономической элиты «случайными способными людьми», руководимыми «честолюбием, стремлением к карьере, личной славой и выгодой»: беда наступит, когда такой служебный тип карьеристов станет господствующим¹.

Эти настроения порождали любопытные политические инициативы. Так, в 1897 году при дворе муссировалась идея создания некоего верховного совета для рассмотрения дел, поступающих к государю, — дабы облегчить ему работу. В этот орган должны были войти великие князья, И.И. Воронцов-Дашков, К.П. Победоносцев и им подобные деятели. Предлагалось ввести должность дежурных статс-секретарей для предварительного процеживания документов². В 1898 году на имя Николая II поступил ещё один проект за подписью барона П.Л. Корфа — об учреждении Дворянской думы, которая функционировала бы параллельно с Государственным советом — центром реформаторской мысли того времени. Проектируемая дума может состоять из выборных представителей, включая всех губернских предводителей дворянства и ещё двух членов от каждого региона; более эффективной работе будет способствовать вхождение в её состав министров, государственного секретаря и председателя комитета министров, причём последний, по мысли автора записки, должен Думу возглавить, чтобы обеспечить ей большую объективность³. Получалось, что И.Н. Дурново, которого фактически навязывали в руководители Дворянской думы, получал реальные рычаги влияния на правительство. К записке прилагалось «Основное положение о Дворянской думе и процедуре выборов»⁴.

Реакция императора на внесённые предложения нам неизвестна, но проект Дворянской думы взял на вооружение Д.С. Сипягин, министр внутренних дел в 1899–1902 годах. Он продвигал его исключительно в совещательном ключе, с целью популяризировать

¹ Дворянский вопрос // Московские ведомости. 1897. 17 апреля.

² Киреев А.А. Дневник (запись от 3 февраля 1897 года) // ОР РГБ. Ф. 126. К. 12. Л. 104об.

³ Записка барона П.Л. Корфа «О порядке рассмотрения дел о пользах и нуждах поместного дворянства». 13 апреля 1898 года // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 495. Л. 10–10об.

⁴ Там же. Л. 11–14.

фигуру монарха, чутко выслушивающего мнение не кого угодно, а преданных подданных. Никакая серьёзная законодательная работа в этих дворянских замыслах, конечно, не подразумевалась. Однако Государственный совет, ознакомившись с данным проектом, даже не поставил его на обсуждение¹. Сменивший погибшего от рук эсера-террориста Сипягина В.К. Плеве, в течение восьми лет возглавлявший госканцелярию, полностью солидаризовался со своими бывшими коллегами. Члены Госсовета, где первую скрипку играл Сольский, умело перевели вопрос из политической в сугубо техническую плоскость, сведя всё к проблеме упорядочения делопроизводства. Заседание соединённых департаментов посчитало, что даже в рамках МВД, не говоря о чём-то большем, учреждение каких-либо специальных органов по дворянскому вопросу нецелесообразно. Предложено ограничиться созданием канцелярии при министре со скромным штатом, в которой бы готовились доклады по данной тематике; высочайшее утверждение последовало 12 июня 1902 года². Для всеподданнейших прошений по земельному кредиту, которые с завидным постоянством направляли представители дворянских кругов, предусмотрительно создали специальное Особое совещание под председательством того же Сольского. Эта структура, где хозяйничала финансово-экономическая бюрократия, успешно хоронила все денежные домогательства и предложения³. А в начале 1908 года по представлению Минфина и госконтроля уже премьер П.А. Столыпин вовсе упразднил канцелярию МВД по делам дворянства с мотивировкой: «Трудно рассчитывать на возможность каких-либо обширных законодательных работ по дворянскому вопросу, требующих содержания для этой цели особенного учреждения...»⁴ Эта тематика

¹ Львов Л. (Клячко Л.М.). Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 14.

² РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 38. Л. 272–272об.

³ К примеру, см: Журнал высочайше учрежденного Особого совещания по делам земельного кредита (Записка Гайсинского уездного предводителя дворянства В.П. Завойко о крестьянском банке). 7 ноября 1903 года // РГИА. Ф. 593. Оп. 1 Д. 411. Л. 147–149; Журнал высочайше учрежденного Особого совещания по делам земельного кредита (записка гофмейстера высочайшего двора А.П. Струкова). 7 мая 1904 года // Там же. Л. 178–179об.

⁴ Письмо П.А. Столыпина «О преобразовании канцелярии МВД» в Государственную думу. 9 января 1908 года // РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 38. Л. 274–274об.

к тому времени перекочевала в Совет объединённого дворянства, чьи съезды с 1906 года стали проходить регулярно. Во главе этой помещичьей организации встал упоминаемый выше А.П. Струков.

Так довольно незаметно завершилась эта фаза противостояния дворянско-придворных кругов с просвещённой бюрократией, ратовавшей за индустриальную модернизацию страны. Поддержанная императором, последняя в конце XIX — начале XX столетия превратилась в самостоятельную политическую силу. Это обстоятельство не ускользнуло от советской историографии. Некоторые авторы писали о «едва уловимом либерализме», точнее, о способности отдельных лиц (в первую очередь, конечно, Витте. — *А.П.*) в определённой мере считаться с действительностью. Однако это признание не мешало учёным вновь и вновь воспроизводить традиционный тезис о глубокой реакционности царских верхов в целом¹. В советский период прогресс увязывался только с теми, кто был нацелен на демонтаж государства, а бюрократию, пусть и какую-то её часть, никак нельзя в этом заподозрить. С другой стороны, финансово-экономическое чиновничество продвигало реформирование страны, отличное от экспериментов министра финансов 1860–1870-х годов М.Х. Рейтерна. Но вряд ли это также следует оценивать как ещё одно свидетельство её ущербности, как считала либеральная историография. Скорее, это говорит о зрелости части чиновничества той поры, о его готовности к масштабным государственным проектам с учётом российских реалий.

---

¹ Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 268.

Глава четвёртая

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ИМПЕРИИ

Реформаторская стратегия конца XIX — начала XX века вырабатывалась в жёсткой полемике с военно-земельной аристократией, традиционно группировавшейся у трона. Баталии в рамках Особого совещания по дворянскому вопросу, о чём рассказано в предыдущей главе, наглядно показали, что эти круги, ориентированные на сельскохозяйственные приоритеты, будут всячески препятствовать курсу на широкую индустриализацию, не отвечавшему их интересам. Такой сценарий грозил помещицкому дворянству утратой доминирующих позиций в экономике, а бенефициаром бурного роста на основе промышленности становились совершенно другие силы.

Перезапуск индустриального развития с опорой на аграрные преобразования был намечен Н.Х. Бунге. Не случайно он оказался под мощным давлением консервативного лобби, добившегося отставки неугодного министра финансов¹. В 1880-х годах управленческий слой, который мог стать носителем модернизационных идей, только начинал складываться. Лишь по мере его формирования крепла убеждённость, что промышленный курс необходим стране реализуем в том случае, если он будет защищён политическими реформами. Без ограничения всевластия придворных кругов перевод страны в новое индустриальное качество просто-напросто неосуществим. Требовалось переформатирование государства через институт законодательной власти, способный стать инструментом сдерживания военно-земельного истеблишмента, завязанного на престол. Тем более что для укре-

---

¹ Подробно о Н.Х. Бунге: *Степанов В.Л.* Бунге: судьба реформатора. М., 1998.

пления своих позиций в этой консервативной среде пестовалась идея совещательной Дворянской думы или Земского собора. Контрпроектом этому явились конституционные веяния: их источник в начале XX века находился в государственной канцелярии Госсовета. Здесь ратовали за Думу, без решения которой ни один акт не может обрести статус действующего закона. Разработка такого политического формата и стала делом просвещённой бюрократии, концентрировавшейся в этом органе. Её усилиями была осуществлена подготовка новых Основных законов Российской империи образца 1906 года, знаменовавших ограничение самодержавия. Эта политическая реформа открыла пути уже системной модернизации государства.

С советских лет и по сей день в литературе господствует легенда о либеральной общественности, вырвавшей перемены у реакционных верхов, а также неустомимом Витте, по сути, выставляемом «крёстным отцом» первой Конституции, отстаивавшим её перед той же бюрократической кликой. Однако привлечение широкого круга источников проясняет истинный ход событий, в которых либералы находились на откровенно второстепенных позициях, и свидетельствует о том, что Витте играл в них весьма неприглядную роль. Исследовательские клише об их решающем вкладе живучи по той причине, что до сих пор вне поля зрения остаётся главный интересант политического реформирования в лице нового поколения бюрократии. Российские верхи в целом продолжают по традиции восприниматься в качестве сугубо реакционной силы. Грань же между финансово-экономическим чиновничеством с одной стороны и придворными кругами, помещичьей аристократией — с другой, проводится нечётко. Различия в их политико-экономических устремлениях в трудах современных историков едва прослеживаются.

Весомый вклад в торжество конституционного строя в России связан с именем такого государственного деятеля, как В.К. Плеве. Это довольно необычное утверждение на фоне несмолкаемых восторгов по поводу Витте или кадетской публики. В глазах многочисленных почитателей этих звёзд российской политики фигура Плеве остаётся символом махровой реакции, жаждавшей консервации абсолютизма в духе Средневеко-

вья. Такая репутация стала складываться сразу после его гибели в июле 1904 года, когда началась кампания по его дискредитации, получившая многолетнее продолжение не только в отечественной печати, но и в Европе¹. Поэтому восприятие этой фигуры сложилось преимущественно под давлением либеральных и революционно-радикальных штампов. Так, на страницах мемуаров земского деятеля Д.Н. Шипова Плеве — последовательный душитель прогресса, «стремившийся к подавлению роста общественного сознания и к управлению страной посредством неограниченного произвола бюрократической власти»². Ещё более мрачные тона присущи кадетскому лидеру П.Н. Милюкову, уверенно ставившему знак равенства между Плеве и оголтелыми черносотенцами³. И уж фактически на площадную брань при упоминании о нём переходили крайние левые силы. Не исключение здесь и В.И. Ленин, в своей публицистике называвший Плеве «негодяем» или «самым гнусным проходимцем»⁴.

Долгие десятилетия такие оценки преобладали и в историографии. Однако если обратиться к свидетельствам тех, кто тесно соприкасался с Плеве по служебным делам, то «мракобесный имидж» явно не выдерживает критики. К примеру, академик И.И. Янжул, общавшийся с ним на протяжении почти двадцати лет (с середины 1880-х и вплоть гибели) писал об образованном, начитанном человеке, сыпавшем острыми словечками из романов М.Е. Салтыкова-Щедрина и вовсе не напоминающем «прямойлинейного консерватора»⁵. Служивший под началом этого министра известный в дальнейшем прогрессивный деятель А.В. Кривошеин считал того «самым выдающимся по уму и твёрдой воле человеком из всех современных сановников»⁶. Один из авторов, работавший в ряде министерств, пророчествовал, что в буду-

¹ Любимов Д.Н. События и люди. Воспоминания 1902–1906 годов // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 168–169.

² Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 256.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 236; Т. 2. С. 64.

⁴ Ленин В.И. Революционный авантюризм // Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 384; Ленин В.И. Новые события и старые вопросы // Там же. Т. 7. С. 61.

⁵ Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном. М., 2006. С. 281, 288.

⁶ Выписка из письма А.В. Кривошеина к Е.Г. Кривошеиной. 16 июля 1904 года // ГАРФ. Ф. 102. ДП. Оп. 265. 1904. Л. 97.

щем образ Плеве предстанет «далеко не в тех мрачных красках, как его рисовали»¹.

В студенческие годы будущий министр был близок к народникам, ходил в красной рубаше и с сучковатой дубинкой². Его карьерный взлёт начался в 1880 году — с расследования покушения на Александра II, устроенного С. Халтуриным. Принимая доклад молодого прокурорского чиновника, император был поражён тому, как тот в течение часа со всеми подробностями излагал обстоятельства дела, не вынимая бумаг из портфеля³. После чего Александр II рекомендовал способного служащего своему фавориту, министру внутренних дел М. Т. Лорис-Меликову, вокруг которого группировались либералы той поры. Так 33-летний Плеве был утверждён начальником только что образованного департамента полиции, куда он начал привлекать молодые юридические силы «для внедрения в нём начал законности»⁴. Причём он стал своим в этом кругу явно не случайно: его взгляды уже тогда трудно назвать чисто охранительными. В частности, народник В. Г. Короленко вспоминал, как Плеве, будучи ещё скромным товарищем прокурора Варшавской судебной палаты, позиционировал себя убеждённым конституционалистом. Он охотно рассуждал о политических преобразованиях, необходимость которых осознают и просвещённое общество, и государь. А препятствуют им революционеры, своей деятельностью мешающие реформам. По словам Короленко, подследственные были очень удивлены речами прокурорского служащего⁵.

В 1885 году Плеве получает пост товарища министра внутренних дел. Его положение в ведомстве достаточно определённо — «рабочая лошадь» при министре Д. А. Толстом, а затем при И. Н. Дурново. Оба этих деятеля не имели привычки погружаться в практические дела. Именно Плеве довелось заниматься фа-

¹ Романов В. Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1919 годы // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 598. Л. 167.

² Крыжановский С. Е. В. К. Плеве // Новый журнал. 1975. № 118. С. 138.

³ Вячеслав Константинович Плеве. Краткий биографический очерк. СПб., 1904. С. 9.

⁴ Записки Михаила Васильевича Сабашникова. М., 1995. С. 282.

⁵ Короленко В. Г. История моего современника. Т. 7. С. 147–148 // Короленко В. Г. Собр. соч. в 10 т. М., 1954–1956.

бричным законодательством, инициированным министром финансов Бунге. Вокруг его введения разгорелась серьёзная борьба: противников этого новшества возглавлял известный издатель М.Н. Катков, тесно сотрудничавший с Толстым, чей сын был женат на дочери московского публициста¹. Положение Плеве, сочувствовавшего начинаниям Бунге, было не из лёгких. Спустя годы он вспоминал, с каким трудом принимались так необходимые законы. Упоминал о позиции купеческой буржуазии, в штыки встречавшей 10–11-часовой рабочий день, запрещение ночного труда, добровольность сверхурочных². Примечательно, что Плеве становится, по сути, представителем МВД в Госсовете — прибежище сановников эпохи Александра II. Очевидно, людям типа Толстого или Дурново было крайне сложно находить с ними общий язык, потому эту функцию брал на себя их заместитель. Как зафиксировал в своём дневнике госсекретарь А.А. Половцов, на заседаниях тот постоянно выступал в роли «адвоката» МВД³. О том, что именно на товарища министра ложился основной груз ведомственных забот, свидетельствовал и американский посланник Уайт. Он убедился в этом при совместном просмотре уставов страховых обществ: дальновидность и острота ума Вячеслава Константиновича производили весьма выгодное впечатление, равно как и его предупредительность⁴. Интересно, что когда Уайт писал эти строки (через несколько лет после гибели Плеве), то уже всюю господствовал образ «махрового реакционера» и бывшему американскому посланнику оставалось искренне недоумевать, как тот мог превратиться в такового⁵.

Начало 1894 года ознаменовалось для Плеве назначением госсекретарём в Государственный совет, что, видимо, не обошлось

¹ Любимов Д.Н. События и люди. Воспоминания 1902–1906 годов // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 59.

² Выступление министра внутренних дел В.К. Плеве на заседании соединённых департаментов Государственного совета по делу об учреждении старост на промышленных предприятиях. 7 мая 1903 года // РГИА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 153. Л. 82–92об.

³ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря (запись от 25 января 1892 года). Т. 2. М., 2005. С. 442.

⁴ Иностранцы в России. Воспоминания американского посланника Уайта // Исторический вестник. 1906. № 1. С. 292.

⁵ Там же.

без поддержки его авторитетных членов, оценивших способности «спикера» от МВД. Председатель Госсовета вел. кн. Михаил Николаевич с большой похвалой отзывался о новом сотруднике¹. Хотя реверансы царского родственника, конечно, не главное. Плеве с этих пор приобщается к российской реформаторской традиции, в русле которой происходит его становление как подлинно государственного деятеля. Трудно не согласиться с официальной биографией Плеве, подготовленной сразу после его гибели: «Служба в должности государственного секретаря явилась для Вячеслава Константиновича эпохой сосредоточения и вдумчивой оценки нашей государственной жизни, её потребностей и средств к их достижению»². В течение восьми лет он находился в Государственном совете рядом с Д.М. Сольским, Э.В. Фришем и др. Весьма показательно, что в этот период кумиром «законченного реакционера» становится не кто иной, как известный российский реформатор М.М. Сперанский. Плеве сохранил кресло, в котором тот, будучи госсекретарём, сидел за работой, и с гордостью демонстрировал его своим визитёрам!³ В начале XX века Плеве инициировал реформу самого Госсовета, которая до наших дней не получила должного освещения. В новом утверждении этого органа, подписанном Николаем II, присутствовал специальный раздел «Об особых совещаниях и Подготовительных комиссиях», где было прописано право приглашения в них специалистов — не членов Госсовета⁴. Фактически это означало привлечение выборных представителей для разработки законодательных решений. Впервые столь заметное событие в жизни правительственных верхов произошло при рассмотрении положения о портовых сборах. В совещании участвовали начальники портов, представители местного городского общественного управления и купечества от биржевых обществ⁵. К со-

¹ Милютин Д.А. Дневник. 1891–1899 годы (запись от 5 сентября 1894 года). М., 2013. С. 314.

² Вячеслав Константинович Плеве. Краткий биографический очерк. С. 25.

³ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1919 годы // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 598. Л. 169.

⁴ Высочайше утвержденное Утверждение Государственного совета. 30 марта 1901 года // ПСЗ-3. № 19883. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. С. 177.

⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 42.

жалению, реформаторская нацеленность Плеве оставалась малоизвестной в широких общественных кругах; о нём как о государственном секретаре говорили мало¹.

Внимание к нему повышается на волне финляндского вопроса, приобретшего остроту на рубеже XIX — XX веков. В этот период предпринимается попытка обуздать финский сепаратизм, не на шутку беспокоивший верхи. На протяжении 1890-х годов российские позиции в Великом княжестве Финляндском утрачивались, распоряжения престарелого генерал-губернатора Ф.Л. Гейдена саботировались. Особенную озабоченность вызывала недостаточная чёткость актов, определявших вхождение этой территории в состав Российской империи, что порождало различные толкования². На этот нелёгкий участок было решено направить Н.И. Бобрикова — гвардейского офицера, начальника штаба Петербургского военного округа, утверждённого в августе 1898 года новым генерал-губернатором Финляндии. Ставленнику придворных кругов протежировал дядя Николая II вел. кн. Владимир Александрович, под чьим руководством тот начинал ещё в Преображенском полку и служил в столичном военном округе³, а также дворцовый комендант П.П. Гессе⁴. В случае успешной деятельности своей креатуры они рассчитывали на продвижение того в министры внутренних дел. Однако на финском поле у Бобрикова появляется конкурент в лице госсекретаря Плеве, неожиданно утверждённого статс-секретарём, министром по делам Финляндии с оставлением в прежнем качестве. Это было весьма необычным назначением, поскольку со времён Сперанского данную позицию занимали исключительно лица финской национальности, традиционно вносившие весомую лепту в сепаратистские настроения. Теперь же дело дошло до откровенного подлога: финский министр после аудиенции у Николая II приложил дополнительные страницы к тексту, который обсуждал у императора,

¹ Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном. С. 285.

² Суни Л.В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80-е — 90-е годы XIX века. Л. 1982. С. 128–129.

³ Киреев А.А. Дневник (запись от 17 апреля 1902 года) // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 134об.

⁴ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 годы (запись от 5 апреля 1902 года). СПб., 2014. С. 354.

и в таком виде передал в Сенат для опубликования¹. Когда подлог выявился, то решили отказаться от использования финнов на министерском посту. Так Плеве оказался министром по делам Финляндии с правом постоянного доклада государю.

Таким образом, придворные круги и просвещённая бюрократия снова сошлись в жёстком клинче. Если в недавно отгремевших баталиях Особого совещания по делам дворянства определялся вектор развития страны, то на финском поле выяснялось, кому достанется Министерство внутренних дел, от чего зависело проведение той или иной политики. Несложно догадаться, что у Плеве и Бобрикова существовало разное видение того, как следует купировать финскую проблему; соперничество между ними разгорелось незамедлительно. Генерал-губернатор сразу же признал нецелесообразным, чтобы министр по делам Финляндии наравне с другими членами правительства вносил законопроекты в Госсовет, указав на неполноценность его статуса, не представлявшего никакого ведомства². И хотя в этом Бобриков преуспел, далее удача ему не сопутствовала. Как и подобает человеку сугубо военному, он напирал на силовые методы решения вопросов, с которыми сталкивался. Отклонял любые ходатайства сейма, требовал внести в текст манифеста от 3 февраля 1899 года, посвящённого финской проблематике, пункт о ведении переписки с аппаратом генерал-губернатора исключительно на русском. Плеве, наоборот, выступал за более гибкую политику, предлагая определить, какие законы относятся к местному ведению, а какие — к общеимперскому. Считал ошибочным изменять текст высочайшего манифеста, так как это даст повод сомневаться в незыблемости монаршей воли. Запрещение же населению обращаться в канцелярию генерал-губернатора на родном языке, находясь в Финляндии, считал абсурдным³. И вообще предлагал Бобрикову минимизировать пререкания с сеймом или облекать свои претензии в более продуманную форму⁴. Кстати,

¹ *Фабрицкий С. С.* Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. Берлин., 1926. С. 105–106.

² *Бородкин М. М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова. СПб., 1905. С. 99.

³ Там же. С. 103–104, 130–131.

⁴ Там же. С. 186.

в своих действиях Плеве ориентировался на материалы Особого совещания по финскому вопросу 1892–1893 годов под председательством Бунге. Там были выработаны рекомендации опираться не столько на юридические толкования, сколько на экономические потребности. К примеру, распространение русского языка увязывать с расширением торгово-промышленных дел, объединением хозяйственного пространства и т.д.¹ Окончательно Плеве закрепил свой успех созданием при госканцелярии, которую и возглавлял, временной комиссии для составления сведений, соображений по финской теме, необходимых для внесения в Госсовет. Возглавил это подразделение сотрудник госканцелярии, известный юрист, профессор Н.Д. Сергиевский, обобщивший затем собранный материал в специальном издании².

Чаша весов в остром соперничестве Бобрикова и Плеве медленно, но верно склонялась в сторону последнего, чья позиция находила отклик у императора. Осведомлённые источники утверждали, что отставка действующего главы МВД Д.С. Сипягина была предreshена: тот и сам просил государя об увольнении. Его убийство в апреле 1902 года только ускорило перемещение Плеве в кресло министра, который, как считали, знал о предстоящем назначении³. Подчеркнём: это оказалось полной неожиданностью для покровителя Бобрикова, дворцового коменданта Гессе, до последнего надеявшегося на министерский триумф своего протеже; именно так он расценил вызов Бобрикова из Гельсингфорса в столицу. Но вместо карьерного взлёта прибывшего генерал-губернатора Финляндии ждало выражение недовольства Николая II его действиями на вверенной территории⁴. К тому же ни для кого не составляло секрета весьма неоднозначное реноме Бобрикова, имевшего прочные связи с различными дельцами⁵. Очевидно, государь не мог возвышать ещё одного деятеля, подобного Кривошеину, который был с треском получил отставку

¹ Всеподданнейший доклад Н.Х. Бунге. 11 апреля 1892 года // Русский архив. 1913. № 12. С. 779.

² *Сергиевский Н.Д.* К вопросу о финляндской автономии и основных законах. СПб., 1902.

³ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 860.

⁴ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 годы (запись от 15 апреля 1902 года). С. 361.

⁵ Епанчин Е.А. На службе трёх императоров. М., 1996. С. 168.

с должности министра путей сообщения. Плеве же обладал безукоризненной репутацией, а поддержка его кандидатуры лидерами Госсовета и прежде всего Сольским оказалась в глазах императора решающей. Добавим, что в качестве утешения Бобринкову всё же предоставили «чуть ли не диктаторские полномочия сроком на три года для подавления крамолы», чего тот усиленно добивался. Последовали высылки финских чиновников за границу, в Сибирь — в июне 1904 года генерал-губернатора застрелили прямо в здании сейма¹.

Новое руководство МВД было встречено с большим интересом и надеждами. Общие ожидания выразил академик Янжул: «Конечно, я не тешил себя мыслями увидеть либерального деятеля, но я ожидал, что Вячеслав Константинович с его умом и способностями легко поймёт, что нельзя идти старыми проторёнными путями бюрократических препон и препятствий, а надо пробовать новые способы достижения благополучия России»². К этому времени Плеве как представитель просвещённой бюрократии отдавал отчёт в необратимости происходящих социально-экономических сдвигов, что требовало системной программы реформ. О том, как он оценивал ситуацию, даёт представление его следующее размышление: «Рост общественного сознания, раскрепостившего личность, совпал с глубокими изменениями бытовых условий и коренною ломкой народнохозяйственного уклада. <...> Народный труд, претерпев существенные изменения с упразднением крепостных отношений и с быстрым превращением натурального хозяйства в денежное, требует самого заботливого к себе отношения, чтобы экономические условия не вносили нестроения в обыденную жизнь. Наконец, и сами способы управления обветшали и нуждаются в значительном улучшении»³. Плеве крайне беспокоило, что «быстро развернувшаяся социальная революция опередила работу государства по упорядочиванию вновь возникших отношений». Отсюда сомнения в дееспособности государственного аппарата решить надвинув-

¹ Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 287.

² Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном. С. 288–289.

³ Письмо В.К. Плеве к А.А. Кирееву. 31 августа 1903 года // Красный архив. 1926. № 5. С. 202.

шие вызовы¹. Поэтому Россия находится в тревожном состоянии, вполне возможно в преддверии «бурного проявления недостаточно осознанных стремлений», — подчёркивал министр, — «...и это может явиться наиболее опасным для реформ, так как всякий сдвиг растревоженной массы и всякое потворствование даёт тот же эффект, как и сотрясение сосуда при перегретой жидкости»². Краеугольным камнем политики Плеве может служить неоднократно повторяемая им мысль: «Запоздали с ними (с реформами — *А.П.*) теперь придётся расплачиваться нам»³. Согласимся, подобные суждения вряд ли могли принадлежать «законченному реакционеру».

Вступление Плеве в должность министра внутренних дел совпало с одним очень любопытным эпизодом в общественно-политической жизни Петербурга, связанным с «преображением» известного публициста кн. В.П. Мещерского, чей эталонный консерватизм почитает не одно поколение патриотов. Однако вот в 1902–1903 годах их гуру дал, что называется, маху. Уловив настроения нового главы МВД, Мещерский на страницах своего издания «Гражданин» начинает развивать тему обновлённой монархии. С подкупающей лёгкостью рассуждать о привлекательности либеральных идей, коими власти должны вооружиться. В его заметках либералы теперь упрекаются за то, что они нелиберальны, нетерпимы, и противопоставляются правительству, кое по-настоящему либерально⁴. После чего Мещерский объявляет, что единственная сила в России, стремящаяся к свободе, — это русское самодержавие, «чтобы вы ни говорили»⁵. Его не нужно путать с Бухарой и Китаем, поскольку оно несёт не только охранение, но и является источником свободы⁶. Такой поворот в исполнении признанного деятеля отечественного консерватизма шокировал тогда многих. Да и советские учёные, занимавшиеся этими сюжетами, не могли пройти мимо подобного, иронизируя,

¹ Там же.

² *Кауфман А.Е.* Русский энциклопедист (из воспоминаний о Н.А. Демчинском) // Исторический вестник. 1915. № 2. С. 508.

³ Там же.

⁴ Речи консерватора // *Гражданин*. 1902. 11 апреля. С. 4.

⁵ *Мещерский В.П.* Дневник // *Гражданин*. 1902. 9 июля. С. 18.

⁶ *Мещерский В.П.* Дневник // *Гражданин*. 1902. 24 октября. С. 17.

что Мещерскому образца 1902–1903 года осталось только подхватить «Марсельезу»¹. Причиной этого маскарада были, конечно, не идейные искания князя, а желание подстроиться под взгляды министра внутренних дел.

Политическая же траектория последнего выглядела вполне определённо. В ней было запрограммировано ограничение функций самодержавной власти посредством учреждения законодательной Думы. Известный генерал Н.П. Линевиц отметил в своём дневнике, что различные проекты начали активно циркулировать в бюрократической среде именно со времени вступления в должность нового министра². Это выразилось в создании Совета по делам местного хозяйства, состоящего не только из чиновников, но также из выборных представителей с мест. Причём никакая экономическая мера не должна была приниматься без рассмотрения в новом органе³. Один из разработчиков проекта С.Е. Крыжановский подчёркивал, что «в деле утверждения Совета по делам местного хозяйства сквозила мысль создания народного представительства»⁴. Когда два года спустя потребовалось составить первое Положение о Государственной думе, то базой для подготовки стало Положение о совете⁵. Плеве также предлагал узаконить практику, когда император мог утверждать только мнения Государственного совета, получившие одобрение большинства⁶. Весьма показательны воспоминания одного из приближённых Николая II, флигель-адъютанта князя В.Н. Орлова, с которым у государя в первое десятилетие XX века были дружеские отношения. После гибели Плеве Орлов в одном из разговоров с императором заметил, что, по его ощущениям, убитый министр внутрен-

¹ Соловьёв Ю.Б. К истории происхождения Манифеста 26 февраля 1903 года // Вспомогательные исторические дисциплины. 1979. Т. 11. С. 201.

² Линевиц Н.П. Дневник. 1904–1906 годы // Русско-Японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1926. С. 112.

³ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 118.

⁴ Допрос С.Е. Крыжановского // Падение царского режима. Т. 5. М.-Л., 1926. С. 387.

⁵ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 119.

⁶ Любимов Д.Н. События и люди. Воспоминания 1902–1906 годов // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 276.

них дел не являлся ретроградом, к коим его относит общественная молва. Наоборот, тот производил впечатление человека, готового «направить Россию к разумным реформам»¹. В ответ Николай II отдал должное наблюдательности флигель-адъютанта, заключив: «Вы его совершенно верно оценили... он готовил план реформ для России, и Государственная дума была им предусмотрена, но его убили...»² Политические реформы, по мысли Плеве, означали не следование по течению в угоду разноликим общественным кругам, а наоборот, — вовлечение их властью в преобразование: «Россия — это огромный воз, влекомый по скверной дороге тощими клячами — чиновничеством. На возу сидят обыватели и общественные деятели и на чём свет стоит ругают власти, ставя в вину плохую дорогу. Вот этих-то господ следует снять с воза и поставить в упряжку, пусть попробуют сами везти, а чиновника посадить с кнутом на козлы — пусть подстёгивает»³.

Однако самым слабым местом в этой схеме оказалось налаживание отношений непосредственно с общественностью. Надо признать, что бюрократия в начале XX столетия имела смутные представления о расплывшихся группировках, будь то большевики, меньшевики, эсеры или кадеты⁴. Не больше им было известно и о политическом лице земцев, хотя их активность в этот период заметно выросла. Товарищ министра внутренних дел Н.А. Зиновьев, занимавшийся земствами, не мог похвастаться сколько-нибудь доверительными контактами с ними. Прослуживши много лет в разных регионах губернатором, он досконально разбирался в нюансах местной жизни, легко находил ошибки в сборниках разрекламированных земских статистиков, но в политическом плане оказался совершенно беспомощным, из-за чего перессорился со многими земскими предводителями и в итоге нажил правительству врагов в этой среде⁵. К примеру, крупный конфликт с земцами разразился у Зиновьева в ходе обсуждения

¹ Из дневника кн. В.Н. Орлова // Былое. 1919. № 14. С. 57.

² Там же.

³ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1991. № 2. С. 118.

⁴ Клячко-Львов Л.М. За кулисами старого режима. Воспоминания журналиста. Т. 1. Л., 1926. С. 110.

⁵ Крыжановский С.Е. В.К. Плеве // Новый журнал. 1975. № 118. С. 141.

новых ветеринарных правил от 12 июня 1902 года, который пришлось улаживать непосредственно министру¹. В результате любые инициативы, исходящие от МВД, стали восприниматься с недоверием. Даже когда Плеве откликнулся на просьбы создать союз перестрахования от пожаров, земства расценили его согласие как уловку для расширения слежки за ними².

Нельзя не отметить и целый ряд других инициатив Плеве, которые, в свою очередь, наглядно характеризуют его политическое лицо. Так, он решил ввести государственные экзамены для чиновников МВД как в центральном аппарате, так и в губернских учреждениях. Эта мера преследовала цель повысить качество кадрового состава ведомства. Причём оцениваться должны были не только профессиональные навыки, но и общий образовательный уровень сотрудников с акцентом на юридические и экономические дисциплины³. Нетрудно увидеть, что эти нововведения «дышали» наследием М.М. Сперанского, в своё время установившего обязательный образовательный ценз для кандидатов на чиновничьи должности.

Малоизвестным остаётся и такой факт: именно Плеве стоял у истоков курса на признание старообрядчества. В конце XIX — начале XX века староверие вновь попадает под репрессии, инициированные обер-прокурором синода К.П. Победоносцевым и московским генерал-губернатором вел. кн. Сергеем Александровичем. В феврале 1900 года они собрали специальное совещание, где указывали на возрастающую раскольничью опасность, даже предрекали появление на Рогожском кладбище своего патриарха, что чревато для господствующей церкви невиданными раздорами, последствия которых трудно спрогнозировать⁴. Совещание потребовало от старообрядцев прекратить запрещённые законом служения и действия, дозволенные лишь иерархам РПЦ⁵. Те, кто отказывался дать требуемые властями обязатель-

¹ Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 219–223.

² Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 540. Л. 314.

³ Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном. С. 307–309.

⁴ Журнал Особого совещания. 5 февраля 1900 года // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 58. Л. 110.

⁵ Там же. С. 114–115.

ства, подвергались высылке. Победоносцев активно настраивал и нового министра против староверия, не уставал разъяснять его антигосударственную сущность¹. Однако Плеве поступил иначе: в феврале 1903 года он принимает делегацию староверов, характеризуя их «самыми коренными и религиозными людьми», даёт обещание прекратить притеснения, легализует старообрядческие съезды (приводившие в бешенство Победоносцева), которые с 1903 года стали открыто проводиться в Москве². МВД готовит материалы для признания староверия, которые затем и легли в основу знаменитых законодательных актов 1905–1906 годов о религиозной веротерпимости³.

На такую же политику был настроен Плеве и в еврейском вопросе. Его недруги презентовали устойчивый образ антисемита, вдохновителя еврейских погромов, прокатившихся по стране. Министра стремились так или иначе связать с различными черносотенными элементами, не останавливаясь перед изготовлением откровенных фальшивок. К примеру, в ход пустили его подложные письма бессарабскому губернатору с одобрением известного Кишинёвского погрома 1903 года⁴. На самом деле Плеве старался урегулировать положение евреев в империи или, во всяком случае, двигаться в этом направлении⁵. На встрече с Т. Герцелем летом 1903 года он делился воспоминаниями о варшавском детстве и юности, когда тесно общался и даже дружил с еврейскими сверстниками⁶. И это не было дежурным реверансом. Будучи товарищем министра внутренних дел, Плеве совершенно спокойно протезировал крещёным ев-

¹ Записка обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева к министру внутренних дел В.К. Плеве. 5 декабря 1902 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 12. Ч. 3. Л. 88.

² «До сего времени нас не признают, а только терпят». Стенограмма встречи министра внутренних дел В.К. Плеве с уполномоченными старообрядцами. 4 февраля 1903 года // Исторический архив. 2013. № 3. С. 184 (публикация Селезнева Ф.А.).

³ Там же. С. 180.

⁴ Вячеслав Константинович Плеве. Краткий биографический очерк. С. 49–50.

⁵ Подробно об отношении Плеве к еврейскому вопросу: *Рахманова Н.* Еврейский вопрос в политике В.К. Плеве // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 1.

⁶ *Гинзбург С.* Поездка Теодора Герцеля в Петербург // Еврейский мир. Минск-Иерусалим, 2006. С. 208.

реям, чьи профессиональные качества не вызывали у него сомнения¹. Согласимся, это не очень вписывается в антисемитский образ, навязанный либеральной публицистикой. В начале 1904 года Плеве представил в правительство соображения по поводу того, что «возрастающие затруднения в практическом применении законоположений о евреях и изменившиеся условия жизни указали на настоятельную и неотложную необходимость пересмотра действующего о евреях законодательства». С этой целью при МВД было образовано совещание, возглавленное кн. И.М. Оболенским, близкого к министру человека. Результаты не заставили себя ждать: в этом же году евреи получили право на жительство в 50-вёрстной полосе вдоль западной границы, им было разрешено селиться в сельских местностях черты оседлости, а евреи, имеющие звание мануфактур-советника, могли проживать повсеместно². Современники отзывались об этих мерах как о первых после 25-летнего перерыва облегчительных узаконениях³.

Начинания МВД были действительно многообразны и направлялись опытной рукой министра, который «успел поразить всех своей чрезвычайной энергией⁴. Даже не принадлежавшие к чиновничьей среде люди разделяли мнение об «изумительной трудоспособности Плеве»⁵. Его качества хорошо дополняет и такая оценка: «несмотря на свою прямолинейную суровость, он умел выслушивать правду, которую ему говорили в глаза; выше всего он ставил полную откровенность и всегда был за неё благодарен»⁶. В июле 1904 года министр пал от руки террориста, а буквально накануне была утверждена предложенная им отмена смертной казни за политические убийства. По иронии судьбы

¹ Фейгин Ф.И. Моя автобиография // ОР РНБ. Ф. 808. Оп. 1. Д. 5. Л. 246об. — 247.

² Особый журнал Совета министров «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». 27, 31 октября, 1 декабря 1906 года // Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. М., 1982. С. 763.

³ Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. М., 2000. С. 309.

⁴ Кауфман А.Е. М.И. Драгомиров — генерал-губернатор (из отрывков воспоминаний) // Русская старина. 1913. № 4. С. 168.

⁵ Погожев А. Из воспоминаний о В.К. фон Плеве // Вестник Европы. 1911. № 7. С. 263.

⁶ Там же.

именно его убийца эсер Сазонов благодаря законопроекту своей жертвы избежал казни¹.

Тем не менее ряд специалистов, пытающихся сегодня делать погоду в исторической науке, не склонны к пересмотру фигуры Плеве. Будучи апологетами либеральной общественности, они в ней традиционно усматривают источник подлинного реформаторства. Данный историографический штамп, во многом позаимствованный из западных научных школ, ограничивает возможности более глубокого прочтения источников. Плеве обречён оставаться символом махровой реакции, стоящим на пути истинных носителей прогресса. Отсюда довольно несуразные пассажи, когда в пику Плеве пытаются превознести его преемника на посту министра внутренних дел — князя П. Н. Святополк-Мирского, «способного предложить реальную альтернативу политике В. К. Плеве»². В интерпретации этих учёных Святополк-Мирский не только был способен, но, оказывается, и предложил «целую программу реформ...»³ Хотя совершенно очевидно, что этот нелепый деятель, даже отдалённо не напоминавший своего предшественника, мог лишь озвучить уже наработанное. Совладать же с ситуацией, которую удерживал в руках Плеве, ему было не по силам. Только за первую неделю в адрес нового главы поступило под тысячу приветственных телеграмм, кои даже не успевали регистрировать: Святополк-Мирский выглядел «ошеломлённым, даже испуганным»⁴. 12 декабря 1904 года был издан указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Его можно с полным на то основанием считать отправной точкой реформ, намеченных Плеве. Восемь пунктов документа фиксировали направления преобразований в социально-экономической, национальной, правовой сфере; отсутствовало лишь упоминание о политических реформах. Государь посчитал, что проблемы большой политики

¹ Романов В. Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1919 годы // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 598. Л. 169.

² Соловьёв К. А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017. С. 266.

³ Там же.

⁴ Любимов Д. Н. События и люди. Воспоминания 1902–1906 годов // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 188–189.

не относятся к земским компетенциям, и вычеркнул соответствующее место из текста¹. В литературе это принято расценивать в качестве нежелания верхов продвигаться по пути перемен. Хотя в действительности указ имел не просто важное, а базовое значение для реформаторского курса. Впоследствии именно этот документ был ориентиром для правительства И.Л. Горемыкина и П.А. Столыпина².

После гибели Плеве заметно оживился Витте, прозябавший в Комитете министров. Он быстро сближается со Святополк-Мирским, изображая верного союзника и одновременно всюду насмехаясь над растерявшимся министром, чем его сильно дискредитировал³. Описывая эти дни, современники отмечали виттевскую активность: «беснуется вовсю, пишет записки, президирует в комиссиях...»⁴ Координация исполнения указа от 12 декабря 1904 года поручалась Комитету министров, который тот и возглавлял. Витте явно стремился перехватить инициативу, чтобы вновь попытаться выйти на первые роли. Святополк-Мирский фактически был оттеснён от политического руля: в результате Николай II просто прекратил его принимать, увидевшись с ним только после Кровавого воскресенья 9 января, чтобы окончательно проститься. И даже когда бывший министр скончался (в 1910 году), на его могилу не был возложен венок от императора, как полагалось генерал-адъютанту свиты, а вдова не получила ни одного знака сочувствия; это, пожалуй, единственный подобный случай⁵.

Сменивший его адъютант погибшего вел. кн. Сергея Александровича А.Г. Булыгин также был слабо адаптирован к нарождающемуся политическому формату. Его деятельность в министерском качестве ознаменовалась указом от 18 февраля 1905 года, коим все граждане призывались подавать свои проекты для рас-

¹ Там же. Л. 102–103.

² Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, 1938. С. 27.

³ Мусин-Пушкин В.В. Воспоминания // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 66.

⁴ Бобринский А.А. Дневник // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 292. Л. 148об.

⁵ Мусин-Пушкин В.В. Воспоминания // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 67.

смотрения¹. Этот указ являлся слегка переработанным текстом, который три с лишним года назад презентовал тогдашний глава МВД Д.С. Сипягин². Этот сановник буквально бредил царствованием Алексея Михайловича XVII века и мнил себя неким «ближним боярином», посредничающим между страной и монархом. Утверждая себя в этой роли, Сипягин желал, чтобы поток различных обращений, предложений, жалоб замыкался на него³. Если говорить о своевременности взброса сипягинского проекта, то, учитывая накаляющуюся обстановку 1905 года, он вряд ли выглядел тем, что могло бы её разрядить. Тем более сам Булыгин всеми своими действиями демонстрировал неуверенность, смотря на своё неожиданное назначение как на временное. Он даже избегал замещать вакансии директоров департаментов в министерстве, желая оставить свободу для выбора сотрудников своему преемнику⁴, тем более от данного руководителя было трудно ожидать какой-либо инициативы в деле государственного реформирования. Как метко подметили, тот не участвует в различных заседаниях, а скорее «отбывает повинность»⁵. По большому счёту, Булыгин придерживался позиции, которую выражал обер-прокурор синода К.П. Победоносцев: «Я смотрю на Россию как на величественное здание, построенное на прочном фундаменте (самодержавии. — *А.П.*), с которого разные шарлатаны пытаются её стащить, чего я допустить не желаю... Я ничего не имею против надстроек над зданием, если они отвечают фундаменту и общей архитектуре векового здания, но фундамент должен оставаться прочным и нетронутым»⁶. С этой точки зрения над-

¹ Данный Сенату именной высочайший указ «О возложении на Совет министров, сверх дел ему подведомственных, рассмотрения и обсуждения, поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предложений по вопросам усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». 18 февраля 1905 года // ПСЗ-3. № 25852. Т. 25. Отд. 1. СПб., 1908. С. 133.

² Львов Л. (Клячко Л.М.) Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 14.

³ Крыжановский С.Е. Воспоминания. С. 190.

⁴ Арбузов А.Д. Из близкого прошлого. Воспоминания директора департамента // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 54. Л. 5.

⁵ Крыжановский С.Е. Воспоминания. С. 41.

⁶ Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания, записки, документы. Пг., 1916. С. 319.

стройкой, которую позволительно допустить, могло стать что-то наподобие Земского собора при самодержце, заботливо выслушивающем голос верных подданных.

С учётом подобных соображений в МВД была образована Булыгинская комиссия, готовившая положение об органе подобного формата. Первую скрипку в этой комиссии, несмотря на название, играл Д. Ф. Трепов, назначенный петербургским генерал-губернатором (с предоставлением ему особых полномочий) и товарищем Булыгина по МВД, а также с мая 1905 — ещё и дворцовый комендант. Близость к императору сразу вывела Трепова в эпицентр нахлынувших событий. Этот офицер из окружения вел. кн. Сергея Александровича долгое время служил обер-полицмейстером Москвы, где поддерживал инициативы начальника охранного отделения С. В. Зубатова по нейтрализации рабочего движения. Зубатовское влияние сильно воздействовало на Трепова, и теперь на ниве политического реформаторства он решил апробировать эти наработки, с головой окунувшись уже в конституционный процесс¹. Правда, его конституционализм при этом выглядел весьма своеобразно. Как он сам пояснял, главное для него — сохранение династии, а какими средствами это будет достигнуто — безразлично: «конституция, так конституция, но я не остановлюсь перед поголовным расстрелом»². В докладах Николаю II Трепов настойчиво убеждал воздерживаться от всяких преобразований и уступок, чтобы прекратить «смущение и растерянность слуг», а также избавиться от злобного председателя Комитета министров (т.е. Витте. — *А.П.*)³. Не удивительно, что выработанный в этой комиссии проект, обнародованный 6 августа 1905 года, предусматривал лишь совещательное народное представительство. Наиболее значимой нормой проекта можно считать право законодательной инициативы, если она поддержана не менее тридцатью депутатами. В случае, когда министр против законопроекта, Дума двумя третями может дать ему зелёный свет. Булыгинским изыскам оппонировала либерально настро-

¹ Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 163.

² Колюшко И. И. Великий распад: Воспоминания. СПб., 2009. С. 71–72.

³ Всеподданнейший доклад Д. Ф. Трепова. 16 февраля 1905 года // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 536. Л. 152–153.

енная общественность, что широко и с упоением освещает историография. Особенной популярностью в литературе пользуется альтернативный думский проект, опубликованный месяцем ранее в опережение булыгинского¹. Там, конечно, не было речи о совещательных функциях: прямо заявлялся двухпалатный законодательный формат со всеобщим избирательным правом.

Однако если отвлечься от либерального творчества, так полюбившегося многим историкам, как у нас, так и на Западе, то следует сказать, что не оно определяло тогда суть происходящего. Чтобы вникнуть в ситуацию, следует обратить взоры на госканцелярию Государственного совета в начавшихся процессах. Сегодня по-прежнему внимание приковано к указу 18 февраля 1905 года о подаче проектов от общественности и частных лиц. Но особенно к активности Витте, пытавшегося солировать на политическом поприще. Хотя в булыгинской комиссии последний мало чем себя проявил, искал опору в Трепове, консультировался со знакомыми общественными и научными людьми². Например, известный профессор А.С. Постников, имевший опыт сотрудничества с Витте, с недоумением отзывался о беседах с ним. Тот в треповском духе высказывался о даровании конституции и одновременно об обязательном сохранении самодержавия³.

За всем этим в тени оказалось знаковое событие, произошедшее в феврале того же 1905-го. Николай II переносит все работы по намеченным преобразованиям в специальное совещание под председательством Д.М. Сольского. Ему как исполняющему обязанности главы Госсовета (больной вел. кн. Михаил Николаевич постоянно находился в Ницце) поручалось собирать министров и координировать всю работу. В своих мемуарах Витте утверждает, насколько высочайшее решение всех очень смутило⁴. Хотя в действительности не ясно, чему здесь смущаться: собственно, кому как не человеку, олицетворявшему российскую реформа-

---

¹ К вопросу об организации будущего представительства // Русские ведомости. 1905. 6 июля.

² Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 181.

³ Бранд А. Листья пожелтевшие. Передуманное и пережитое. Белград, 1930. С. 32–33.

⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 370.

торскую традицию, следовало бы адресовать работы по подготовке конституционного акта? Данный шаг выглядел естественным для всей просвещённой бюрократии, давно и прекрасно осведомлённой о взглядах Сольского. Но в виттевской интерпретации этим жестом государь продемонстрировал полное безразличие к реформам¹. Однако уже через месяц было подготовлено весьма важное представление «Об устранении отступлений в порядке издания законов»: оно вышло за подписями ведущих членов Госсовета во главе с Сольским².

Этот документ, недостаточно освоенный специалистами, чётко фиксировал: «всякие определения законов, исходящие от верховной власти, должны происходить в общеустановленном законодательном порядке», что касалось издания, дополнения, приостановления действия или отмены. Ни один закон в Российской империи не получает силу без законодательного рассмотрения Думой. Для этого требовалось «установить с возможной точностью внешние признаки закона и тем самым отстранить законодательную деятельность от распоряжений в порядке верховного управления»³. Если называть вещи своими именами, то это нацеливало на отказ от самодержавной формы правления. Николай II утвердил мнение Госсовета 6 июня 1905 года⁴. Именно к этому дню был приурочен известный императорский приём делегации земцев. Тем не менее подоплёка этой аудиенции, разрекламированной историками либерального лагеря, остаётся не до конца выясненной. Многие продолжают рассматривать её исключительно как некое завоевание общественных сил, заставивших верховную власть считаться с собой.

Однако, судя по источникам, современники той поры прекрасно осознавали: утверждение Николаем II мнения Госсовета означало, что курс на народное представительство в законодатель-

¹ Там же. С. 371.

² Представление соединенных департаментов гражданских и духовных дел, государственной экономии, промышленности, науки и торговли. 19 марта 1905 года // РГИА. Ф. 1243. Он. XVI (1). 1905. Д. 2. Л. 341–348.

³ Там же. Л. 342об — 343.

⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об устранении отступлений в порядке издания законов». 6 июня 1905 года // ПСЗ-III. № 26545. Т. 25. Отд. 1. С. 407–408.

ном формате уже взят. Кадет кн. В.А. Оболенский в своих мемуарах признавался: «В сущности, этим актом кончилась политическая роль земских съездов, но мы продолжали собираться и обсуждать разные программы... порождавшие всё больше и больше разногласий в нашей среде»¹. Лозунг о прямых, всеобщих, равных и тайных выборах поднимался на щит теми, кто стремился блеснуть своей прогрессивностью, хотя в частных беседах многие признавали нелепость такого требования. Один из участников земского съезда июля 1905 года заметил: «...моя дурья башка постичь не может, как неграмотные мужики будут голосовать за неизвестных и чуждых им партийных кандидатов»². Запечатлевший в мемуарах этот эпизод князь Оболенский добавил: в 1917 году мы воочию увидели, как это происходило³. Трудно не согласиться с замечанием, что в рядах общественных конституционалистов «было слишком много профессоров, блиставших на всех поприщах науки и искусства», но слишком мало знакомых «с реальной сущностью жизни»; отсутствие этого знания «сопровождалось упорным нежеланием ему научиться прежде, чем претендовать на министерские посты»⁴.

Всё же следует отметить, что большинство общественников склонялись поддержать совещательный думский формат. Профессор М.М. Ковалевский пояснял: «Ею разрывалась цепь, связующая нас с бюрократическим самовластием и “временными правилами”, почти всецело заступившими место законов в царствование Александра III»⁵. Земцы не поддержали бойкот бulyгинской Думы, призвав участвовать в предстоящих выборах. Этот призыв отчётливо прозвучал в сентябре 1905 года на съезде земских и городских деятелей; там говорилось и о дальнейшем развитии института Думы и порядка избрания в неё. Обозначенный властью на императорском приёме в июне принцип

---

¹ Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 540. Л. 356.

² Там же. С. 382.

³ Там же.

⁴ Ефимовский Е.А. Лицо и изнанка (12 лет в партии народной свободы) // Возрождение. 1956. № 56. С. 141.

⁵ Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 340.

объявили руководством к будущим действиям¹. Радикально настроенных и настойчиво стремившихся к коренной ломке государственного строя порицали за недостаточную ответственность и отсутствие сплочённости². Может, конечно, предложенная совещательная Дума была в действительности не по сердцу многим, но «попасть туда в качестве депутата большинству всё-таки казалось лестным»³.

Крайне важными для нас являются свидетельства о контактах земско-либеральной общественности с теми, кто продвигал конституционный проект в верхах. После опубликования думского варианта, альтернативного булыгинскому, происходят встречи его авторов с Сольским. Если сравнивать заслуги в деле утверждения российского конституционализма, то, конечно, лидеры либералов-земцев не могли составить ему конкуренции. Ещё будучи госсекретарём в Государственном совете эпохи Александра II тот уже старался обставлять заседания чем-то напоминающим парламентские прения⁴. Теперь же, в начале XX столетия, Сольский вплотную подходил к воплощению своих чаяний. В июле 1905 года состоялась его продолжительная беседа с С.А. Муромцевым (затем председателем I Госдумы); организатором встречи стал директор петербургского Александровского лицея А.П. Соломон, где московский профессор читал курс по гражданскому праву⁵. Разговор произвёл на Муромцева большое впечатление; он оценил собеседника как человека «искренно преданного делу народного представительства и достаточно просвещённого в области конституционных вопросов»⁶. Посетил Сольского и Ф.А. Головин (будущий председатель II Госду-

---

¹ Доклад В.Е. Якушкина на Общероссийском съезде земских и городских деятелей в Москве. 12–15 сентября 1905 года // *Либеральное движение в России. 1902–1905 годы*. М., 2001. С. 404.

² Там же. С. 406.

³ *Козлинина Е.И.* За полвека. 1862–1912 годы. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 509–510.

⁴ *Милютин Д.А.* Дневник. 1879–1881 годы (запись от 29 декабря 1879 года). М., 2010. С. 131–132.

⁵ *Милюков П.Н.* С.А. Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. М., 1911. С. 44.

⁶ Там же.

мы), следуя совету московского генерал-губернатора А.А. Козлова. Встреча полностью оправдала ожидания: Сольский долго расспрашивал о земском движении, интересовался съездами и настроениями участников, выразил своё позитивное отношение к законодательному представительству¹. Головин возвратился в Москву преисполненный энтузиазма: полиция зафиксировала несколько частных совещаний общественных деятелей, где активно обсуждалась его петербургская встреча². Кстати, именно Сольский обеспечил спокойствие на Земском съезде в сентябре 1905 года: новым московским генерал-губернатором был назначен его протеже из Госсовета П.П. Дурново, сразу занявший дружественную позицию по отношению к общественности Первопрестольной³. В архивах содержатся и адресованные к Сольскому письма с признаниями за приём, оказанный Головину, и с просьбами принять земских деятелей для обсуждения выборов⁴.

Понимание того, что царизм начал постепенную трансформацию в сторону конституционной монархии, присутствовало и в российском обществе. Весной-летом 1905 года этот факт вряд ли у кого вызывал большие сомнения. Но вот отношение к данной реальности у разных слоёв было далеко не одинаковым. Правительство хорошо осознавало это обстоятельство и собиралось учитывать его, т.е. идти навстречу тем, кто при консервативно-монархическом сценарии был в состоянии реализовывать свои интересы. И одновременно выдавливать на политическую периферию группы, которые не могли принять подобного хода событий. Д.Ф. Трепов любил повторять мысль: революция не страшна, когда её делают революционеры, но она становится

---

¹ Из записок Ф.А. Головина // Красный архив. 1933. № 3. С. 146.

По мнению Сольского, в текущей обстановке Москве требовался губернатор, адаптированный к либеральным взглядам. Таковым и являлся П.П. Дурново. Через несколько лет за чрезмерный либерализм его даже лишат присутствия в Государственном совете, членом которого он состоял. См: Бобринский А.А. Дневник // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 294. Л. 152.

² Докладная Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве в Департамент полиции. 27 июля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 113.

³ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1998. С. 67.

⁴ Письмо присяжного поверенного Д.С. Ивашинцова к Д.М. Сольскому. 26 сентября 1905 года // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 303. Л. 1.

опасной в случае присоединения к ней умеренных элементов, которые всем существом своим должны стоять за государственный порядок¹. Поэтому речь шла о вовлечении в правительственный конституционный проект земского движения и профессорского состава. Этим высокообразованным слоям чётко давалось понять, что их заветные либеральные чаяния осуществимы только при взаимодействии с властью. Или, говоря иначе, их подлинным союзником выступает именно власть, а не те, кто толкает на конфронтационную стезю с малопредсказуемыми последствиями.

В этот период посылаются различные сигналы, свидетельствующие о желании властей нащупать точки взаимодействия с общественностью. Так, в мае-июне кн. Андрей Ширинский-Шихматов (его родной брат Алексей недолгое время в 1906 году был обер-прокурором Священного синода) по протекции сестры императрицы Елизаветы Фёдоровны (вдовы убитого в феврале вел. кн. Сергея Александровича) получает высочайшую аудиенцию. Он обстоятельно информирует Николая II об общественных настроениях в Первопрестольной. В итоге ему поручается отвезти в Москву собственноручное письмо государя и посоветоваться там с некоторыми видными деятелями по поводу составления проекта конституции. Он проводит ряд встреч, на которых присутствовали Д.Н. Шипов и другие земские вожаки². Поручение этой специальной миссии Ширинскому-Шихматову явно неслучайно: другой лидер московской либеральной общественности, профессор С.А. Муромцев, испытывал к нему большее личное расположение (в своё время Муромцев даже сватался к сестре князя, но получил родительский отказ; привязанность к своей возлюбленной он сохранил до конца жизни)³. Однако переговоры Ширинского-Шихматова по конституционным проблемам не получили развития: их содержание каким-то образом получило огласку, попав даже в зарубежную прессу, что вызвало недовольство в верхах.

Явно примирительным жестом к земскому движению (аналогичное с губернаторской миссией П.П. Дурново) стал визит в Мо-

¹ Бельгард А.В. Воспоминания. М. 2009. С. 228.

² Камаровская Е.А. Воспоминания. М., 2003. С. 144–145.

³ Там же. С. 60–61.

скую сенатора К.З. Постовского. Он был послан по высочайшему повелению для выяснения обращений земцев к населению, где излагалась просьба о доверии. Власти тревожила опасность сближения земских кругов с революционными элементами. Заметим, что Постовскому были даны чёткие указания ни какого-либо допроса, ни тем более преследования не проводить¹: в ходе контактов общественных лидеров с чиновником преобладали благожелательные оттенки. Один из земцев — В.И. Вернадский — писал, что сенатор и его помощники «убедились в полной нашей легальности. В действительности из всех ныне существующих политических групп мы как раз являемся наиболее умеренными в форме нашей деятельности, а по программе своей представляем настоящую государственную группу»². Такая самооценка, прозвучавшая из уст видного деятеля, говорит сама за себя. Примечательно, что земцы решили до окончания миссии сенатора воздержаться от какой-либо активной политической деятельности, мотивируя это тем, что если она вдруг будет расценена как незаконная, то участники съездов естественно могут лишиться возможности быть избранными в Думу³.

Помимо традиционного оспаривания пальмы первенства в реформаторских начинаниях оппозиционного запала земцев хватило только на открытый конфликт с английским журналистом В. Стэдом, которого власти использовали в качестве неофициального канала, дабы подкрепить мысль о необратимости начатых реформ. Для этого в сентябре 1905 года они прибегли к посредничеству последнего, сочтя его известность и либеральную репутацию оптимальными для подобной миссии. Журналист неоднократно беседовал с Николаем II и Треповым по проблемам политического реформирования. Российские консерваторы не одобряли эти встречи. Один из них, А.А. Киреев, отмечал: «Странная роль Стэда. Просто журналист, он не только получает доступ к царю, разговаривает с ним, но ещё получает раз-

¹ Земцы и сенатор Постовский // Освобождение. 1905. 18 (5) сентября. С. 506.

² Выписка из письма В. Вернадского к Е.А. Короленко в Петербург. 27 июля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 160.

³ Докладная записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве в Департамент полиции. 29 июля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 159–159об.

решение “держат конференцию”, произносить речи, где, когда и о чём пожелает»¹. После высоких аудиенций В. Стэд посетил земский съезд в Москве, а также выступил в печати, изложив позицию правительства по поводу происходящих в стране событий². Общий смысл его меседжей сводился к следующему: власти возлагают большие надежды на Думу; её компетенция скоро будет расширена за счёт законодательных функций, но это требует создания определённой правовой базы. Кроме того, власти собираются вскоре провести амнистию по большей части политических дел. Как бы подтверждая эти намерения, полиция освободила П.Н. Милюкова, который находился под арестом около месяца; у современников это создало впечатление, будто бы царь «подарил» его Стэду³. Однако российские либералы, выслушав британского коллегу, устроили ему обструкцию: они заявили, что этот иностранец делает «дурное дело», хотя, вероятно, и руководствуется благими намерениями. В результате Стэд был объявлен «эmissаром деспотизма»⁴.

Но московское обострение конца 1905 года полностью опрокинуло ситуацию: именитое купечество, сделавшее в тот момент ставку на радикалов всех мастей, попыталось состричь свои политические купоны⁵. С октября месяца ситуация начала выходить из-под контроля, а для того, чтобы купировать её, во власть стараниями Сольского и был возвращён Витте, полный сил доказать

---

¹ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 годы. М., 2010. С. 88.

Вильям Стэд (1849–1912), британский журналист, много писал об английском флоте. С 1871 года издавал газету «Северное эхо», с 1890 — Review of reviews. В ходе Гаагской международной конференции был представлен российскому императору Николаю II, в последующие годы имел у него аудиенции, где, в частности, обсуждал проблемы политических реформ. Погиб во время катастрофы на «Титанике» в 1912 году.

² Стэд В. В защиту моей жизни // Слово. 1905. 14 сентября; Беседа с В. Стэдом // Русские ведомости. 1905. 15 сентября; Стэд В. Царь и народ // Московские ведомости. 1905. 16 сентября.

³ Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М. 2005. С. 342–343; Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 годы. С. 88.

⁴ Например, Добрый мистер Стэд // Сын Отечества. 1905 16 сентября; Еще о мистере Стэде // Сын отечества. 1905. 17 сентября.

⁵ Подробно об этом сюжете: Пыжигов А.В. Грани русского раскола. М., 2013. С. 383–422.

свою профпригодность после заключённого в США мира с Японией. Патриарх российского либерализма надеялся на энергию возвращённого к власти сановника, необходимую в сложной обстановке. Но тот надежд не оправдал, так и не сумев найти общего языка с общественными деятелями, к которым его, несомненно, направил Сольский¹. Ещё больше поражает другое: Витте фактически пытался свести на нет преобразовательную работу по основным законам, проводившуюся в совещаниях под руководством Сольского. Став благодаря ему первым председателем Совета министров, Витте откровенно превращал готовящийся проект в обновлённую триаду «самодержавие — правослаvie — народность».

Очевидцы свидетельствовали, с каким горячим упорством тот добивался утверждения норм, «ограничивающих права законодательных учреждений в пользу царской власти»². Настаивал на внесении в текст поправки: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти Его не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает»³. В инициативном порядке предлагал исключить статью, запрещающую вскрытие частной переписки без разрешения суда⁴; отстаивал идею, что выборные члены Госдумы и Госсовета не обязаны отчитываться перед своими избирателями⁵. В одном из писем Витте так отзывался о работе Сольского: «Государственная канцелярия стряпает проект основных законов... я бы очень просил посравнить (так в письме — *А.П.*) с консервативными конституциями (Пруссия, Австрия, Япония) и заимствовать оттуда полезные консервативные начала»⁶. Для утверждения таких начал Витте выписал в состав комиссии знакомого киевского профессора О.О. Эйхельмана, который тут же заговорил о со-

---

¹ Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 126–127.

² Менделеев П.П. Воспоминания // Ф. 5971. Оп. 1. Д. 109. Л. 60.

³ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 106.

⁴ Кони А.Ф. Сергей Юльевич Витте. Обрывки воспоминаний. М., 1925. С. 32.

⁵ Замечания графа С.Ю. Витте на проект Основных государственных законов. 9 марта 1906 года // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 411.

⁶ Письмо С.Ю. Витте к барону Э.Ю. Нольде. 20 февраля 1906 года // РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 56. Л. 1.

хранения самодержавия, а тех, кто считал иначе, называл «злыми или растерявшимися людьми»¹. После знакомства с такими свидетельствами трудно не согласиться с мнением, что «первым и едва ли не самым убедительным после Победоносцева глашатаем антиконституционного направления был сам Витте»². Особую комичность вызывает начертанная на виттевской могиле золотая надпись: «17 октября», т.е. день объявления конституционного манифеста. Так вышло из-за журналиста Колышко, который на вопрос, в чём исторический вклад Витте, требующий запечатления на его надгробии, в качестве шутки «с усмешкой брякнул: 17 октября 1905 года»³.

Попытки возвращённого на вершину власти Витте наладить сотрудничество с общественными деятелями ни к чему не привели. Да иного трудно было и ожидать, если переговоры о судьбах России тот чередовал со склоками в Петербургской городской думе, которая отказывала ему в переименовании Каменноостровского проспекта, где тот проживал, в «проспект графа Витте»⁴! В то время когда он был поглощён этими хлопотами сотрудники госканцелярии и близкие им люди выполнили всю работу по созданию Основных законов Российской империи. Интересно, что видный представитель оппозиции кадет В.А. Маклаков, пусть и задним числом, но отдал должное труду просвещённой бюрократии на конституционной ниве. Как он пишет в мемуарах, она «показала умение даже в том деле... в котором, казалось бы, именно общественность могла свои таланты использовать. Наоборот, общественность показала беспомощность не только своим отношением к этой бюрократической конституции, но и полной негодностью тех собственных конституций, которые она в составе лучших своих сил приготовила»⁵. Современные исследования Основных законов Рос-

---

¹ Всеподданнейшее прошение проф. О.О. Эйхельмана. 31 марта 1906 года // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 25об.

² Колышко. И.И. Великий распад. Воспоминания. С. 146.

³ Там же. С. 160.

⁴ Propper S.M. Was nicht In die Zeitung kam. Erinnerungen des Chefredaktenes der «Birschewyja wedomosti». S. 263–264.

⁵ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Т. 3. Париж, 1936. С. 558.

сийской империи 1906 года подтверждают, что они не уступают лучшим конституционным образцам того времени¹. Добавим, стремление Витте исковеркать первую российскую Конституцию успехом не увенчались, но на прощание он сумел хлопнуть дверью. Тогда считали, что провал Думы первого созыва стал следствием его «удивительной политической близорукости», поскольку тот даже не озаботился подготовкой нужных законопроектов для внесения в новый законодательный орган². В результате Думы первого и второго созыва не могли выполнять возложенную на них функцию. Лишь корректировка избирательного закона от 3 июня 1907 года позволила перенастроить необходимый институт, избавившись от радикалов. Причём возникшую в тот момент дилемму (потерять народное представительство или придать ему другие формы) безоговорочно решили в пользу второго варианта, что показывает, насколько важным был думский институт³.

Здесь следует сказать и ещё об одной странице российского реформаторства начала XX столетия. Если перипетии законодательного ограничения самодержавия сегодня уже неплохо прояснены, то инициированное в этот же период судебное — известно гораздо меньше. Речь о реформе Сената, о превращении последнего в полноценный Верховный суд, независимый от монарха. Как пояснял известный юрист Н. С. Таганцев, сам факт учреждения законодательного органа уже подразумевал необходимость таких преобразований, логически вытекавших из начатого конституционного процесса⁴. Подобные идеи также вызревали в госканцелярии — реформаторском штабе той поры. Кстати, здесь же была завершена разработка нового Уголовного уложения, длившегося

---

¹ Куликов С. В. Государственная дума и Государственный совет в проектах Основных законов П. А. Харитонова, А. П. Соломона и графа А. Ф. Гейдена // Таврические чтения. 2010. СПб., 2011. С. 29–99; Он же. Народное представительство Российской империи (1906–1917 годы) в контексте мирового конституционализма начала XX века: сравнительный анализ // Таврические чтения. 2009. СПб., 2010. С. 11–108.

² Бельгард А. В. Воспоминания. С. 284–285.

³ Допрос С. Е. Крыжановского // Падение царского режима. Т. 5. С. 385.

⁴ Выступление Н. С. Таганцева // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия II. Заседание 14 от 30 мая 1907 года. Стб., 527.

долгое время¹. Будучи крупным достижением российской юридической мысли, уложение оказалось более либеральным, чем уголовные законодательства европейских стран и США². Предусматривалось снижение наказаний по всем видам преступлений, зато увеличивались санкции для должностных лиц, нарушивших служебные обязанности. Не столь широко применялась смертная казнь, появилась глава о преступлениях против личной свободы³. Одним из ключевых авторов уложения — руководителя департаментов законов Госсовета Э.В. Фриша — некоторые даже называли красным⁴. В этой работе проявил себя И.Г. Щегловитов — один из основателей левого юридического журнала «Право», близко к кадетской среде⁵; в 1906 году это не помешало ему возглавить Министерство юстиции. Полноценному введению в жизнь нового Уголовного законодательства помешала накалившаяся революционная ситуация, поэтому его начали применять частями⁶.

Собственно, те же силы в Государственном совете участвовали в подготовке реформы Сената, что значилось первым пунктом в указе от 12 декабря 1904 года, отражавшего реформаторские планы Плеве. Было образовано Особое совещание под председательством члена Госсовета А.А. Сабурова, чьи труды представлены в соответствующем журнале⁷. Камнем преткновения стал вопрос о том, с чего начинать судебную реформу: с низшего звена судов или непосредственно с Сената. Однако 6 июня

---

¹ Журнал Высочайше учрежденного Особого совещания при Государственном совете для предварительного рассмотрения Уголовного уложения. 1901 год // РГИА. Ф. 1151 (1898). Т. XII. Д. 1356.

² Балыбин В.А. Уголовное уложение Российской империи 1903 года. Дисс. на соиск. науч. степ. канд. юрид. наук. Л., 1982.

³ Там же. С. 70, 126, 145 и др.

⁴ Киреев А.А. Дневник (запись от 7 мая 1903 года) // ОР РГБ. Ф. 126. К. 13. Л. 232об.

⁵ Заметки Н.М. Романова (великий князь Николай Михайлович) // Красный архив. 1931. № 6. С. 27.

⁶ Таганцев Н.С. Несколько слов по поводу одного прискорбного юбилея // Право. 1913. № 12 (27 марта). С. 731–733.

⁷ Журнал Особого совещания для пересмотра действующего Правительственного сената и выработки законоположений о местных административных судах. 16, 20, 23, 26, 30 марта; 1, 6, 9 апреля; 9, 12, 14, 19, 21, 25, 29 мая; 1, 4, июня 1905 года // РГИА. Ф. 1243. Оп. XVI (1). Д. 4. 314–410.

1905 года, как говорилось выше, Николай II утвердил мнение Государственного совета о порядке прохождении всех готовящихся законодательных предположений через Думу. Исходя из этого, сабуровская комиссия признала правильным передать все материалы на обозрение будущего народного представительства. Правда, с ним вышла заминка, поскольку нижняя палата первого и второго созыва не могла выполнять свои функции, поглощённая сведением счётов с властью и позиционируя себя некой административной инстанцией по рассмотрению всевозможных жалоб населения¹. К тому же в составе избранников народа преобладали лица, не имевшие «ни малейшего представления, кроме газетных сведений, о том, что и как делается в государстве»². Поэтому рассмотрение судебной реформы стартовало в Госсовете, обладавшем достаточной компетенцией.

Обсуждению подверглись следующие аспекты: ограждение Сената от влияния членов правительства, особенно министра юстиции; упрощение делопроизводства; разгрузка от маловажных дел. Эти темы, поднятые на Особом совещании Сабурова, вызывали немало прений, которые затем упорядочивались и обрабатывались сотрудниками госканцелярии. П.Н. Дурново признавался, что даже не считал возможным из противоречивых мнений составить не только законопроект, но и журнал, но «госканцелярия со свойственной ей опытностью и искусством исполнила эту задачу»³. По признанию выступавших, наиболее весомый вклад в эту работу внёс руководитель департамента законов Э.В. Фриш⁴. Нельзя не отметить: принципиальными противниками судебного ограничения монархии были представители правого лагеря, в унисон с которыми ораторствовал Витте. Последний прямо заявил, что нужно думать о прекращении смуты, а не о сенатских преобразованиях, сожалея, что текст указа от 12 декабря 1904 года содержал соответствующий пункт⁵, чем

¹ Выступление А.А. Сабурова // Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия II. Заседание от 13 от 19 мая 1907 года. Стб. 394–395.

² Выступление П.Н. Дурново // Там же. Стб. 413.

³ Там же. Стб. 404.

⁴ Выступление С.С. Манухина // Там же. Стб. 456.

⁵ Выступление С.Ю. Витте // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия II. Заседание 14 от 30 мая 1907 года. Стб. 536, 542.

поверг в недоумение промышленника Н.С. Авдакова, который подчеркнул громадное значение Сената для хозяйственной жизни. Обретение же им статуса независимого верховного суда является не просто своевременным, но и неотложным¹. Когда Госсовет посчитал, что более правильным будет начать судебную реформу с низшего звена, то министр юстиции И.Г. Щегловитов внёс законопроект о сенатских преобразованиях в Думу третьего созыва. Там он дождался своей очереди почти семь лет и был рассмотрен нижней палатой в феврале-марте 1914 года. Причём хвалёные кадетские адвокаты практически ничего не изменили во внесённом Министерством юстиции варианте. В.А. Маклаков с думской трибуны признавал: отношение к законопроекту у народных избранников благожелательное². Большая часть обсуждений по нему касалась далёких от юриспруденции проблем, как, например, выяснение: есть ли у правительства добрая воля?³ Подобные разговоры, как заметил Щегловитов, если и приносили пользу, то лишь в смысле поднятия депутатам настроения⁴. В итоге законопроект благополучно прошёл Думу и был принят Госсоветом уже во время войны: Николай II утвердил законодательные решения 26 декабря 1916 года. Если бы не последовавший вскоре крах империи, то монархия существовала уже без судебных функций.

Развитие политической системы в сторону ограничения самодержавия диктовалось тем, что в России высочайшая воля ещё не стала (по примеру более развитых монархических конституций) «некоторой изящной и полезной абстракцией, а была определённой реальностью живой человеческой воли и живого человеческого разума. Нехватка этой воли или этого разума тягостно угнетали последовательную волю и более светлый разум непосредственных руководителей государственного дела»⁵. Перед гла-

¹ Выступление Н.С. Авдакова // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия II. Заседание 15 от 2 июня 1907 года. Стб. 575.

² Выступление В.А. Маклакова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 2. Часть 2. Заседание 39 от 18 февраля 1914 года. Стб. 819.

³ Там же. Стб. 820.

⁴ Выступление И.Г. Щегловитова // Там же. Стб. 837.

⁵ Нольде Б.Э. Далекое и близкое. Париж, 1930. С. 37.

зами был пример Германии, где кайзер вовсе не являлся тем самодержцем, каким его часто выставляли. Самодержавный имидж Вильгельма II основывался «почти исключительно на его высказываниях в стиле прошлых эпох, а не на реальных действиях... он считал себя обязанным подчиняться законодательным учреждениям империи»¹. К тому же стремилась и финансово-экономическая бюрократия России, которая, наконец, обрела в лице Думы механизм сдерживания придворных влияний.

Неслучайно этот инструмент стал одним из основных в управленческом арсенале Столыпина, чья политическая практика не мыслима без Думы. Все замечали, что премьер «слишком считается с парламентом и ищет в нем опоры <...>, слишком проявляет роль первого министра»². Пётр Аркадьевич не упускал случая подчеркнуть, что функционирует в новом государственном формате. На высочайших приёмах бросалось в глаза, как он по-разному обращался к присутствующим зарубежным гостям. С английскими и французскими министрами, депутатами, посланниками Столыпин держался на равных, а вот с греческими или румынскими принцами говорил свысока, как с бедными родственниками³. Не будет преувеличением сказать, что проведение аграрной реформы, нацеленной на перераспределение земельного фонда, было значительно бы затруднено без Госдумы: законодательным решением можно было противостоять домогательствам земельной аристократии. Премьер считал ненормальным, когда основные площади сосредоточены в руках помещиков, озабоченных не хозяйством, а исключительно эксплуатацией крестьян-арендаторов⁴. Безжалостно облагал налогами высшие классы, требовал раздела больших имений между наследниками. Крупные земельные собственники и даже члены императорской фамилии откровенно не жаловали премьера. Например, слывший вольнодумцем вел. кн. Николай Михайлович, как только дело касалось его имений, утрачивал весь свой либера-

¹ Тирпиц А. Воспоминания. М., 1957. С. 187.

² Васильчиков Б.А. Воспоминания. Псков, 2003. С. 217–218.

³ Воронов Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого. 1891–1920 годы. М., 2001. С. 112–113.

⁴ Цеклинский А.В. «Какая несокрушимая сила, воля чувствовалась в нем» // Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 48.

лизм и начал враждовать со Столыпиным¹. Вообще получить согласие членов царской фамилии на то или иное ущемление их интересов было крайне сложно. В.И. Гурко вспоминал, с каким трудом дался премьеру визит к вел. кн. Владимиру Александровичу и его супруге вел. кн. Марии Павловне: он уговаривал августейших особ хотя бы немного пойти навстречу правительству по земельным сделкам². Брал на себя смелость письменно отказывать влиятельной великой княгине в её просьбах, сообщая, что, несмотря на искренне желание быть полезным, вынужден соблюдать устав и правила Крестьянского банка³.

Ощувив натиск правительства, целый ряд латифундистов реанимировал вопрос о так называемых майоратах, то есть о законодательной неделимости принадлежащих им угодий. Такая форма землевладения в конце XIX века преобладала в Привислинском крае и на Украине: там насчитывалось 249 майоратов, тогда как в остальной Европейской части России только 55. Закон устанавливал минимум в 10 тысяч десятин, и дворянство требовало понижения планки для признания майоратом⁴. Крупные помещики стремились к майоратной защите, стремясь сделать её более комфортной для себя⁵. Дворяне выступали против бюрократов — главных бенефициаров реформ 1860-х годов, «непомерно разросшихся с тех пор и приобретших мощную государственную роль»⁶. Некоторые дворяне шли ещё дальше, отказываясь видеть «разницу между флагом, под которым идёт бюрократия», и лозунгом «пролетарии, т.е. наёмники всех стран, соединяйтесь»⁷.

Интересная деталь: жёсткую борьбу с крупной земельной собственностью вёл Столыпин, но никак не Витте. Многие от-

¹ Мемуары великой княгини Ольги Александровны. С. 133.

² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 583.

³ Письмо П.А. Столыпина к вел. кн. Марии Павловне. 17 марта 1911 года // Столыпин П.А. Переписка. М., 2007. С. 411.

⁴ Протокол заседания Особого комитета по делам дворянского сословия. 21 марта 1898 года // РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. Д. 229. Л. 122.

⁵ Шидловский С.И. Воспоминания. Т. 1. С. 169.

⁶ Выступление А.Н. Брянчанинова. Журнал заседания IV съезда дворянских обществ. Заседание от 10 марта 1908 года // Объединённое дворянство. Съезды уполномоченных дворянских обществ. Т. 1. М., 2001. С. 585–586.

⁷ Выступление В.Н. Ознобишина // Там же. С. 581.

мечали, что этот публичный критик дворянства на деле проявлял двойственность. Его ненависть была направлена на мелких и средних землевладельцев, которые не представляли интереса для него лично. К земельной же знати, окружавшей трон, он всегда относился с подчеркнутым пиететом и старался удовлетворять все их просьбы¹. Так, Витте распорядился, чтобы Дворянский банк выдал И.И. Воронцову-Дашкову за имение в Саратовской губернии 3,5 млн рублей из казённого транша в 5 млн рублей, предназначенного для помощи мелкому дворянству (к тому же имение оказалось не столь ценным, как заверялось при покупке)². Или случай, описанный С.И. Шидловским: Крестьянский банк приобрёл имение в Виленской губернии. В нём не было никакой необходимости, но оно принадлежало одному генералу из императорской свиты, и Витте пошёл на покупку, причём по явно завышенной оценке, не принимая во внимание протесты служащих банка³. Министр откровенно заигрывал с придворными деятелями, используя для этого государственную казну. В этом состояло принципиальное отличие Витте от представителей финансово-экономического блока: те рассчитывали на законодательные учреждения, а он уповал на максимально возможное сохранение самодержавных начал.

Председатель правительства министр финансов В.Н. Коковцов также не обходился без Думы. В письме к матери от 27 сентября 1909 года Николай II откровенно писал, насколько трудно убедить Коковцова ассигновать деньги, минуя нижнюю палату⁴. Позиция ведущего министра была абсолютно чёткой и ясной: всё должно проводиться через закон, в том числе и действия министра финансов, чьи мнения сами по себе законом не являются⁵. И действительно, с помощью Думы премьеру удавалось нейтрализовать различные придворные инициативы. Напри-

---

¹ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 58.

² Киреев А.А. Дневник (запись от 9 мая 1897 года) // ОР РГБ. Ф. 126. К. 12. Л. 119.

³ Шидловский С.И. Воспоминания. Т. 1. С. 66–67.

⁴ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1908–1910 годах // Красный архив. 1932. Т. 50–51. С. 190.

⁵ Стенограмма заседания бюджетной комиссии от 5 марта 1913 года // Государственная дума. Доклады бюджетной комиссии. IV созыв. Сессия 1. СПб., 1913. Стб. 17.

мер, дворцовый комендант В.Н. Воейков хлопотал о создании отдельной структуры на правах министерства — Главного управления по делам физического развития — с собой во главе. Пользуясь благосклонностью государя, Воейков добился соответствующего указа Сената; этот указ — в порядке ознакомления! — Кокцову предъявил военный министр В.А. Сухомлинов¹. Однако премьер фактически отказался таким порядком учреждать орган исполнительной власти. Недовольному Николаю II он представил объяснение, что обязан защитить императора от подобных нарушений и не может допустить назначения руководителя несуществующего ведомства. Да и Дума встретит эту инициативу исключительно враждебно, и Воейков рискует оказаться без средств на содержание новой организации². Аналогичный случай произошёл и с попыткой назначить указом императора члена Государственного совета Б.В. Штюмерера главой Московской городской думы. Правительство нашло невозможным назначать кого-либо на выборную должность, создав таким образом крайне опасный прецедент. К тому же предлагаемая мера бросила бы тень на самого государя и ухудшила отношения со многими думцами³.

Глава МВД Н.А. Маклаков недоумевал по этому поводу: зачем нужно учитывать мнение каких-то партий?! Ставленник при дворных кругах, он не мог да и не желал адаптироваться к новым условиям, не видел разницы между различными политическими силами, называя всех революционерами⁴. Хотя и представители силового блока постепенно начинали разворачиваться в сторону Думы. Наглядный пример — главный военный прокурор А.С. Макаренко. Этот выходец из скромной семьи, непрезентабельной внешности и небольшого роста, поступил в пехотное училище, а по его окончании выдержал экзамены в Военно-юридическую академию, которую окончил с отличием⁵. Своей карьерой он обя-

¹ Кокцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы. Кн. 2. С. 118.

² Там же. С. 121.

³ Там же. С. 196–197.

⁴ Кафафов К.Д. Воспоминания о служебной деятельности и личных переживаниях (1888–1920 годы) // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 390. Л. 112.

⁵ Украинцев Н.П. Воспоминания, связанные со службой в прокурорском надзоре Петроградского военного округа // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 687. Л. 190б. — 20.

зан исключительно своим способностям: его быстрое продвижение в военно-судебном ведомстве объяснялось блестящим знанием не только закона, но и людей. Идя в русле сотрудничества с Думой, Макаренко хорошо освоился в новом государственном формате. Наладил прекрасные отношения с нижней палатой, минимизировал стойкое предубеждение к военной прокуратуре, существовавшее в общественной среде. Думцы на ура встречали вносимые им сметы, утверждали штаты. Макаренко завёл знакомства с влиятельными адвокатами, чем заметно ослабил натиск на военные суды¹.

Именно с помощью Думы руководители правительственных ведомств сумели нейтрализовать немало атак. Например, Министерство торговли и промышленности отбивало постоянные попытки заполучить нефтяные земли без конкурса, лишь по указанию Николая II. Один такой эпизод связан со свитским генералом, гофмейстером графом А.П. Шуваловым. Он получил на своё прошение царскую резолюцию о выделении ряда бакинских участков, находящихся в собственности казны². Каково же было удивление счастливого графа и его партнёров (группы гвардейских офицеров), когда министр торговли и промышленности С.И. Тимашев отказался оформлять земельные отводы без соответствующих думских процедур, ведь любая задержка рассматривалась не иначе как ослушание высочайшей воли³. Против «зловредного» Тимашева была начата целая кампания⁴, однако Николай II принял сторону последнего, отклонил прошение Шувалова и отменил собственную резолюцию об отводах, причём посоветовал впредь по подобным вопросам обращаться непосредственно по принадлежности, т.е. в министерство⁵. Добавим, что обиженный Шувалов даже порывался поки-

---

¹ Там же.

² Докладная записка свиты Его императорского величества графа А.П. Шувалова Государю императору. 7 сентября 1913 года // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 173. Л. 24–24об.

³ Там же.

⁴ Письмо свиты Его императорского величества генерал-майора А.П. Шувалова к В.Н. Орлову. 5 апреля 1914 года // Там же. Л. 36–36об.

⁵ Письмо дворцового коменданта В.Н. Воейкова к графу А.П. Шувалову. 19 апреля 1914 года // Там же. Л. 42.

нуть императорскую свиту, но намерения своего так и не осуществил.

Придворные, не одобрявшие такого сотрудничества с Думой, по-прежнему воспринимали высшее чиновничество как службу, которую в любой момент можно сменить. Министры с трудом попадали в придворный штат. Например, министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев после отставки добился первого чина обер-гофмейстера и поспешил сшить себе мундир. Но как только выяснилось, что он вошёл в руководство Русского банка для внешней торговли, его попросили уйти из чинов двора; заступничество Столыпина и личная аудиенция у Николая II ничего не дали¹. С таким же отношением столкнулся В.Н. Коковцов: он обратился с просьбой пожаловать звание камергера своему зятю Н.Н. Флиге, служившему в Министерстве торговли и промышленности. Но ему — одному из ключевых министров царской России — ответили, что это невозможно². А когда дочь Коковцова вторично вышла замуж за офицера лейб-драгунского полка Енакиева, тот был вынужден оставить полк: невеста считалась недостаточно родовитой и к тому же была разведённой³.

Пренебрежительное отношение к правительству особенно ярко проявлялось во время государственных торжеств. В дни торжеств 300-летия дома Романовых обер-гофмаршал граф Бенкендорф заявил министрам, что в царском поезде, следующем в Кострому, для них мест не предусмотрено. Правда, у главы МПС С.В. Рухлова имелся спецвагон, прикреплённый за ним по должности, и это позволило выйти из положения⁴. С подобными проблемами сталкивался и Столыпин: ему еле-еле находили место среди сопровождающих государя в поездах или на пароходах⁵. А вот многие великие князья имели собственный транспорт для

¹ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 319–320.

² Куликов С.В. Необычайно презрительное отношение к самой промышленности и торговле. Придворные и предприниматели в начале XX века // История глазами историков. Межвуз. сб. науч. трудов. СПб., 2002. С. 224.

³ Ивановский А.В. Воспоминания инженера // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Ед. хр.2. Л. 186

⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы. Кн. 2. С. 129.

⁵ Там же. С. 141.

поездок. Например, у вел. кн. Сергея Михайловича в личном распоряжении находился отделанный красным деревом вагон с монограммой, в котором он путешествовал со своей свитой¹. Стремление придворных кругов к доминированию ни для кого не составляла секрета. Даже находившийся в эмиграции В.И. Ленин подметил, что «придворная камарилья проявляет органическое влечение не столько к союзу с кабинетом министров, сколько к господству над ним»².

Наиболее серьёзная попытка расширить компетенцию Государственной думы была предпринята в 1915 году в связи с созданием Прогрессивного блока. Этот довольно известный историографический сюжет начиная с советских времён и до сего дня традиционно связывается с думскими либералами-общественниками, которых затем поддержал ряд националистов и умеренно правых, причём главная роль в создании блока отводится кадетам. П.Н. Милюков в мемуарах изображает себя лидером, хотя, по его уверениям, сам он вовсе к этому не стремился, в силу опыта осознавая всю сложность ситуации³. Однако некоторые авторы убедительно показали, что эта роль Милюкову не принадлежала, да и сам он стал претендовать на неё лишь в эмиграции. А в августе 1917 года перед комиссией, расследовавшей преступление высших должностных лиц царского режима, он говорил совсем иное: «Надо сказать, что, может быть, первая мысль о нём (о блоке. — *А.П.*) исходила из министерских кругов... Кривошеин всё время был начеку и думал, что всё же настанет его время, когда он будет премьером, и считал необходимым опираться на большинство в палатах... Так что, может быть, самая попытка первоначальных переговоров была вызвана этим... Посредничество принял на себя Крупенский (лидер фракции центра. — *А.П.*), который всегда являлся маклером в таких случаях»⁴. Как установлено историками, это очень любопытное признание лидер кадетов впоследствии никогда не повторял⁵.

¹ Бер М.А. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 18. Л. 190.

² Ленин В.И. Третья дума // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 142.

³ Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 177.

⁴ Допрос П.Н. Милюкова // Падение царского режима. М.; Л., 1925. Т. 6. С. 316.

⁵ Дякин В.С. Русская буржуазия в годы Первой мировой войны. Л., 1967. С. 101.

В контексте нашей работы не вызывает сомнений, что подлинный архитектор Прогрессивного блока — упомянутый А.В. Кривошеин. Этот представитель высшего чиновничества выдвигается на первые роли после отставки В.Н. Коковцова в начале 1914 года. И хотя премьером, как известно, стал И.Л. Горемыкин, Николай II не скрывал, что именно Кривошеина рассматривает в качестве фактического председателя правительства¹. Более того, государь желал утвердить его премьером, но Кривошеин предпочёл указать на своего стареющего патрона. Вежливый отказ от заманчивого предложения (со ссылкой на плохое состояние здоровья) был продиктован серьёзной причиной: он никогда не забывал о судьбах предыдущих царских премьеров (того же Витте), которые в мгновение ока могли распрощаться с высоким постом, лишившись почему-либо расположения императора. Быть заложником этой системы осмотнительный Кривошеин не желал. Личные перспективы он видел в утверждении такого государственного порядка, при котором политическая устойчивость обеспечивается не только верховной волей, но и в равной степени — поддержкой Госдумы. Имея в виду эту сбалансированную модель, Кривошеин не без успеха, как он считал, воздействовал на Николая II, с которым установил доверительные отношения (практически в два дня мог устроить высочайшую аудиенцию, чем многие пользовались²). Он оптимистично смотрел в будущее, например, делился с французским послом своей уверенностью в готовности Николая II пойти на реформу государственной власти, расширить контроль Думы над правительством, провести децентрализацию ведомств; с удовольствием рассуждал об изменениях в управленческой психологии, связанных с появлением Думы³.

Важно подчеркнуть ещё одно обстоятельство: в литературе традиционно считается, что полем создания Прогрессивного блока стали законодательные палаты — Госдума и Госсовет. Однако более широкое привлечение источников позволяет существенно

¹ Шаховской В.Н. Так проходит мирская слава. 1893–1917 годы // Русское возрождение. 1995. № 62. С. 117–118.

² Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1953. Кн. 1. С. 143.

³ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.; Пг., 1923. С. 208.

уточнить картину. Усилия Кривошеина по конструированию новой политической реальности не в меньшей степени учитывали придворные, а не думские расклады, так полюбившиеся современными историкам. Начавшаяся Первая мировая война подарила Кривошеину неожиданного союзника, весьма полезного для подстраховки его комбинаций, — старейшего к 1914 году члена императорской фамилии вел. кн. Николая Николаевича. Тот посвящал себя командованию кавалерией, регулярно устраивал смотры в разных частях империи, коими вечно оставался недоволен, открыто бранил генералов, заслужив репутацию справедливого человека. Пожалуй, это единственный из великих князей, кого знали не только в общественных кругах, но и в широких слоях населения¹. Именно его Николай II назначил Верховным главнокомандующим российской армии (сначала он думал о кандидатуре военного министра Сухомлинова, но тот отказался из-за их взаимной неприязни с активным царским родственником²). Хорошо известно, что отношения между семьями государя и вел. кн. Николая Николаевича примерно с 1912 года были натянутыми: камнем преткновения стала фигура Распутина, попавшего ко двору как раз благодаря супруге великого князя. И император не без колебаний отказался от командования войсками; при отъезде Николая Николаевича в Ставку даже не приехал на вокзал, прислав вместо себя дворцового коменданта Воейкова³. Верховный главнокомандующий не мог не осознавать шаткость своего положения, так что планы Кривошеина по повышению роли Думы пришлось ему явно по душе. Сотрудничество между ними стремительно налаживалось; вместе они дали жизнь общественным организациям для помощи фронту — Земскому и Городскому союзам, ЦВПК, — которые наполнились оппозиционно настроенной публикой. Закономерно, что великий князь быстро превратился и в любимца Госдумы.

Сближению во многом способствовал и тот факт, что Николай Николаевич олицетворял неприятие распутинщины, пора-

¹ Васильчиков И. С. То, что мне вспомнилось... М., 2002. С. 46, 121.

² Воейков В. Н. С царём и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. С. 73–74.

³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 1. С. 89.

зившей, по убеждению многих, российский трон. Кружок Распутина — Вырубовой стал синонимом «тёмных сил» при дворе, против них жаждали объединиться представители прогресса, и поддержка великого князя была как нельзя кстати. Ситуация в чём-то напоминала Великие реформы начала 1860-х годов, когда вел. кн. Константин Николаевич (младший брат Александра II) патронировал либеральные преобразования сверху, но провести прямую параллель едва ли можно — и прежде всего из-за личности самого Николая Николаевича. Мягко говоря, он был далёк от либерализма и даже не пытался поддерживать либеральное реноме: об этом усиленно заботились те, кто был заинтересован изображать из него знамя. А Николай Николаевич действовал в соответствии со своими представлениями: устраивал еврейские гонения в прифронтовой зоне, не стеснялся арестовывать местных раввинов¹; отдал приказ арестовать известного московского предпринимателя Ю.П. Гужона, позволившего себе избыточную критику военного командования на Промышленном съезде в начале июня 1915 года². Последнее событие буквально потрясло всю Первопрестольную, кинувшуюся вызволять председателя Московского общества фабрикантов и заводчиков³. Удивительно, но репутацию того, с кем связывали большие надежды, это никак не испортило.

Прелюдией к образованию Прогрессивного блока стали назначения депутатов на руководящие посты в правительстве весной 1915 года, впервые за всё время существования Думы. По замыслу Кривошеина, это продемонстрирует её возрастающую роль в общей системе власти. Заместителем самого Кривошеина в Главном управлении земледелия и землеустройства стал бывший членом Думы В.В. Мусин-Пушкин, а товарищем министра внутренних дел — товарищ председателя ГД кн. В.М. Волконский. Надо сказать, что эти шаги были чётко выверены опытным царедворцем, коим, без сомнения, являлся Кривошеин. Так, Му-

---

¹ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. Т. 2. С. 44–45.

² Винавер М.М. Наше правительство (Крымские воспоминания 1918–1919 годы). Париж, 1928. С. 174–175.

³ Письмо Н.С. Брасовой к вел. кн. Михаилу Александровичу. 10 июня 1915 года // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 77. Л. 63об.

син-Пушкин получил место одновременно с перемещением отсюда графа П.Н. Игнатьева в министры народного просвещения. Предлагая Николаю II данную комбинацию, Кривошеин прекрасно понимал, что она будет воспринята благосклонно: Игнатьев был давно и хорошо знаком императору по совместной службе в Преображенском полку. Более того, родной брат Игнатьева продолжал служить там же. Они оба пользовались особым расположением Николая II: в узких кругах знали, что Игнатьеву дозволено говорить государю вещи, «которых в то время никто себе безнаказанно позволять не мог»¹. Правда, он, как и многие выходцы из гвардейской среды, «был, в сущности, лишён определённых политических убеждений» и хотел лишь похвастаться либерализмом и всем понравиться². Расчёт Кривошеина полностью оправдался, и так прошло первое назначение думца на высокий правительственный пост. Во втором случае, с князем В.М. Волконским, тоже не обошлось без придворной «прокладки». Занимая должность товарища председателя Госдумы, князь не оставлял надежд возглавить МВД. В этом его поддерживал приближённый к Николаю II флигель-адъютант князь В.Н. Орлов — родственник Волконского³. К тому же этот депутат с аристократической «прокладкой» давно состоял в дружеских отношениях с младшей сестрой императора вел. кн. Ольгой Александровной, которая покровительствовала ему и «тихонечко приводила» к императору⁴. Зная эти обстоятельства, Кривошеин беспроблемно переместил Волконского из нижней палаты на пост товарища министра внутренних дел.

Следующим шагом стало удаление из состава правительства пользовавшихся у общественности дурной репутацией ряда министров: военного — В.А. Сухомлинова, внутренних дел — Н.А. Маклакова и юстиции — И.Г. Щегловитова. Кривошеин убеждал

¹ Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. С. 153.

² Путилов А.С. Период кн. Н.Д. Голицына. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 28–29.

³ Протопопов С.Д. Дневник. 1913–1914 годы (запись от 17 февраля 1914 года) // РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 42. Л. 125.

⁴ Мусин-Пушкин В.В. Воспоминания // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 86.

в этом императора ещё до начала Первой мировой войны, получив карт-бланш после смены кабинета (конец января 1914 года). Уже в мае ему удалось добиться согласия императора на увольнение вышеперечисленных лиц¹. Осведомлённые люди говорили: поначалу записка, направленная государю, встретила отрицательное отношение; однако в связи с ширящимся недовольством не только политических групп, но и торгово-промышленного сообщества предлагаемые шаги были признаны целесообразными; кадровые изменения намечались на осень 1914 года². Всё это вносило заметное напряжение в работу Совета министров: например, глава МВД Маклаков прервал деловое общение с Кривошеиным и при встрече на заседаниях они не подавали друг другу руки³. Разразившаяся война отсрочила отставки, однако дело было благополучно доведено до конца во время боевых действий. Вел. кн. Николай Николаевич также выступил горячим сторонником кадровых перемен. Их приурочили к открытию работы Государственной думы и съездов общественных организаций, призванных демонстрировать единение нации и верхов. Исходя из подобных соображений, общественную организацию — Центральный военно-промышленный комитет — украсили ещё одним членом царской фамилии в лице вел. кн. Михаил Михайловича, ставшего представителем ЦВПК в Лондоне⁴.

Однако все эти ходы оказались напрасными, когда Николай II решил лично возглавить войска и отправить вел. кн. Николая Николаевича на второстепенный Закавказский фронт. Часть членов правительства и думцев сочли эту отставку крайне нецелесообразной, но причины возмущения лежали гораздо глубже: император, вопреки разговорам о доверии общества, принял крайне важное решение без совета с министрами, и это было расценено как нежелание утверждать новую властную модель, прислушиваться к мнению общественности. В правительстве начались

¹ Ещё о новом курсе // Русские ведомости. 1914. 23 мая.

² Донесения Л.К. Куманина из министерского павильона Государственной думы // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 22.

³ Допрос графа П.Н. Игнатьева // Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 9.

⁴ Ознобишин А.А. Воспоминания члена IV-ой Государственной думы. Берлин, 1927. С. 225.

бурные дискуссии, и оформление Прогрессивного блока, по сути, стало форсированным ответом на неожиданное решение государя. Множились слухи и предположения: мол, Николай II находится под влиянием «тёмных сил». Свита вел. кн. Николая Николаевича даже уговаривала его «во имя спасения отечества» командование не сдавать, а если потребуется, то и арестовать государя; правда, поразмыслив сутки, великий князь отказался от этой затеи¹. В свою очередь Николай II выразил возмущение играми вокруг правительства общественного доверия, найдя перемену государственного управления в военных условиях невозможной².

Наибольшее недовольство, как вспоминал министр финансов П.Л. Барк, вызвал раскол в кабинете министров: невозможно представить, сказал император, чтобы в полку часть офицеров обратилась к командиру с ходатайством об увольнении своих товарищей. Эта аналогия между Советом министров и полком Барка как представителя либерально-финансовой бюрократии удивила: он не ожидал, что государь приравняет солидарность среди членов кабинета к корпоративному духу военной среды³. В результате реформаторские усилия потерпели полное фиаско: целая группа министров была вынуждена покинуть кабинет. Можно сказать, что Кривошеин не сумел выступить в той роли, которую в начале XX столетия сыграл Д.М. Сольский. Тогда, пусть и с трудностями, но удалось осуществить чаяния не одного поколения и приступить к реформированию политической системы, однако следующий этап оказался неудачным. Добавим, что Кривошеин ещё лелеял какие-то надежды, например, осенью 1916 года он убеждал минского губернатора князя В.А. Друцкой-Соколинского, что время его правительства просто «ещё не настало», и предложил тому пост министра земледелия в своём будущем кабинете; губернатор отнёс это на счёт оскорблённого самолюбия бывшего царского фаворита⁴. Обиды на Николая II у Кри-

¹ Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. Орел, 1994. С. 38–39.

² Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 годы. Т. 2. С. 82

³ Там же. Т. 1. С. 478.

⁴ Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. С. 157.

вошеина звучали явственно: нежелание эволюционировать в сторону парламентской монархии он объяснял тем, что император так навсегда и остался учеником Победоносцева¹.

Провал форсированно установить парламентскую модель управления повлёк за собой размытие финансово-экономической бюрократии как главного субъекта модернизации страны. После бурных внутривластных событий лета 1915 года представители реформаторского крыла оказались деморализованными, утратив инициативу в кадровых назначениях. Любопытно, что Николай II всё же совершил то, чего от него так настойчиво добивались. Впервые в российской истории на министерских постах оказались представители законодательных учреждений, правда из правых фракций. Князя Н.Б. Щербатова (родного брата адъютанта вел. кн. Николая Николаевича), проведённого Кривошеиным в угоду последнему, сменил в качестве главы МВД член Госдумы Н.А. Хвостов. Хотя эта замена была неизбежна, поскольку Щербатов продемонстрировал вопиющую профнепригодность, как тогда говорили, «трудно было себе представить человека, менее знакомого с обязанностями министра вообще»². За три с половиной месяца пребывания на посту тот отметился лишь снятием неопубликованного, но фактически существовавшего с 1912 года запрета писать о Распутине (с этих пор пресса открыто заговорила о нём)³ да смягчением нажима на военную цензуру со стороны МВД. Впоследствии Кривошеин даже говорил об угрызениях совести за эту кадровую ошибку со своей стороны⁴. Вместо него самого из Госсовета приходит А.Н. Наумов, а ведомство преобразуют в Министерство земледелия, чего настойчиво добивался Кривошеин. Отставлен был также и военный министр А.А. Поливанов, который вместе с морским министром И.К. Григоровичем слыл в финансово-экономическом блоке своим. Его место занимает главный интендант Д.С. Шуваев —

¹ Палеолог М. Дневник посла (запись от 22 августа 1916 года). М., 2003. С. 563.

² Кафафов К.Д. Воспоминания о служебной деятельности и личных переживаниях // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 390. Л. 159.

³ Сидоров А. Из записок московского цензора (1908–1917 годы) // Голос минувшего. 1918. № 1. С. 106–107.

⁴ Мусин-Пушкин В.В. Воспоминания // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 124.

ставленник придворной свиты; она же сыграла главную роль в его увольнении¹. Шуваев не смог освоиться в министерском кресле, превратившись в объект для насмешек. Иронизировали, что ведомство может не выписывать юмористических журналов, поскольку теперь там умирают со смеху, читая резолюции Шуваева на документах².

Оставшийся в составе кабинета министр финансов П.Л. Барк оказался в сложном положении, тем более что, по свидетельствам очевидцев, был неспособен на самостоятельную политическую игру³: с конца 1915 года он находился под непрекращающимся прессингом со стороны глав МВД и правых деятелей. Сначала против Барка активно интриговал очередной фаворит царской четы Н.А. Хвостов. Он пытался провести на эту должность своего кандидата — директора Соединённого банка графа В.С. Татищева, с коим состоял в родстве. Сам Н.А. Хвостов приходился племянником министру юстиции А.А. Хвостову, в свою очередь сын последнего был женат на племяннице графа В.С. Татищева⁴. Напористый министр внутренних дел сделал ставку на императрицу. С конца 1915 года в её письмах к Николаю II встречается упоминание о «банковском Татищеве из Москвы», который характеризуется крайне позитивно. Александра Фёдоровна пишет о весьма прелестном впечатлении от встречи, предлагает познакомить с ним супруга, чтобы тот «мог бы ясно изложить тебе свой взгляд на дела и помочь тебе советом»⁵. В другом письме она подчёркивает, что не только Хвостов, но и другие благонамеренные лица «находят Барка не на высоте положения»⁶. Снова возвращаясь к кандидатуре Татищева, чьё «имя на устах у многих. На него указывают как на человека, способного спасти финансовое положение и исправить ошибки, сде-

---

¹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. С. 55, 59.

² Романов А. Ф. Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. Вып. 2. Париж, 1922. С. 25.

³ Из воспоминаний графа П.Н. Игнатьева // Новый журнал. 1944. № 8. С. 108.

⁴ Завадский С.В. На пути к революции. 1905–1918 годы. М., 2017. С. 128.

⁵ Александра Фёдоровна — Николаю II. 13 ноября 1915 года // Переписка Николая и Александры. 1914–1917 годы. М., 2013. С. 384.

⁶ Александра Фёдоровна — Николаю II. 19 декабря 1915 года // Там же. С. 421.

данные Барком»¹. По всей видимости, эта тема постоянно поднималась при обсуждении текущей обстановки: даже А.А. Вырубова в присутствии государя позволяла себе называть главу финансового ведомства вором². Помимо татищевских интриг Хвостов в пику Барку выдвинул масштабную реформу государственных сберегательных касс, которую хотел увязать с продовольственными делами, приобретавшими остроту, стараясь получить их в руки МВД³.

Затем министра финансов задумал выжить назначенный премьером Б.Н. Штюрмер, заменив его своим приятелем, членом Госсовета В.Н. Охотниковым⁴. Некоторой опорой Барка в 1916 году можно считать вел. кн. Александра Михайловича: родной брат управляющего его двором Шателена служил в Минфине, дойдя до начальника департамента таможенных сборов⁵. Барк сделал его своим товарищем по министерству. Добавим: министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской, будучи самым молодым членом кабинета, также начинал карьеру под руководством этого великого князя, но Александр Михайлович не вызывал восторгов у либеральной публики, и второго Николая Николаевича из него получиться не могло.

В этой ситуации Госдума быстро вышла на самостоятельную траекторию, по которой её вёл уже радикальный настрой. Большая часть народных избранников оказалась под влиянием тех, кто призывал прекратить любое общение с царём и действовать «мимо него, ибо он сам поставил себя в такое положение»⁶. Особенно выделялась московская купеческая элита: здесь настаивали на изменении тактики думцев в связи с назревающим рево-

---

¹ Там же.

² *Брянский В.В.* Записки // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 126.

³ Там же. Л. 121.

⁴ *Покровский Н.Н.* Последний в Маринском дворце: воспоминания министра иностранных дел. С. 163.

⁵ *Путилов А.С.* Период кн. Н.Д. Голицына. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 40.

⁶ Сводка московского охранного отделения о настроениях общества. 23 сентября 1916 года // Буржуазия накануне февральской революции. Сбор. док. Л., 1927. С. 77.

люционным движением; требовали пойти навстречу обществу, ожидающему решительных выступлений против власти; укоряли за излишнюю осторожность и недопустимую лояльность к царю, утратившему связь с народом¹. Интересно, что эти настроения находили отклик даже у членов императорской фамилии, например у вел. кн. Николая Михайловича, проводившего немало времени в Таврическом дворце². Причём это уже никого не удивляло, поскольку к тому времени раскол стал реальностью и для придворной среды. Приближённые к государю сторонились кружка Вырубовой — Распутина, даже у дочерей Николая II отношение к лучшей подруге их матери было неоднозначным³. Как свидетельствуют очевидцы, все близко стоявшие к венценосной чете «считали великим несчастьем странную снисходительность их величеств к этому мужику, всячески стараясь скрыть от публики этот отталкивающий факт и защитить семью от пересудов»⁴. С осени 1915 года пошли слухи о том, что «всесилие» старца из церковной сферы уже переместилось в сферу государственных дел и кадровых назначений, а это сразу затронуло более серьёзные интересы⁵. Инфантильный и далёкий от политики вел. кн. Михаил Александрович в ноябре 1916 года в письме к брату Николаю II констатировал: «Решительно со всех сторон замечаю образ мыслей, внушающих мне самые серьёзные опасения не только за тебя и за судьбу нашей семьи, но даже за целостность государственного строя»⁶. Российская империя подходила к краю гибели.

---

¹ Савиг Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 174–175.

² Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка. Нью-Йорк, 1952. С. 210.

³ Саблин Н. Б. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». С. 316.

⁴ Там же. С. 216–217.

⁵ Украинцев Н. П. Воспоминания, связанные со службой в прокурорском надзоре Петроградского военно-окружного суда // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 687. Л. 10об.

⁶ Письмо вел. кн. Михаила Александровича к Николаю II. 11 ноября 1916 года // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 156об.

Глава пятая

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ

Для постсоветской историографии Дума — популярный объект изучения. В трудах многих специалистов преобладают позитивные оценки её деятельности как ударного звена реформ: мол, здесь пестовались силы, олицетворявшие прогресс. Однако контекст нашей работы предполагает иной взгляд на политическую практику того периода. В предыдущей главе показано, что учреждение Государственной думы как законодательного органа инициировала финансово-экономическая бюрократия, продвигавшая модернизацию страны в индустриальном формате и стремившаяся минимизировать влияние придворных кругов на принятие решений. Но в процессе формирования нижней палаты выявились и другие интересные с собственными целями. Речь о купеческой олигархии, жаждавшей вотчинного всевластия в российской экономике, а также о деструктивных силах радикального толка, которые рассчитывали использовать Думу для демонтажа государственного строя. В полной мере это проявилось в Думах первого и второго созыва: заседания больше напоминали тогда «какой-то сплошной митинг, а вовсе не законодательное собрание высшего учреждения»¹. После корректировки избирательного закона от 3 июня 1907 года лицо нижней палаты существенно изменилось. По меткому замечанию одного из депутатов, первая Дума напоминала безрассудный порыв необузданного отрока, вторая — угар юноши, а третья дожила до возраста зрелости².

---

¹ *Еропкин А.В.* Записки члена Государственной думы. Воспоминания 1905–1928 годы. М., 2016. С. 46.

² Выступление В.А. Бобринского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Часть 2. Заседание 56 от 29 апреля 1908 года. Стб. 2513.

Для финансово-экономической бюрократии Государственная дума стала искомым инструментом в продвижении реформ именно с третьего созыва. Перенастроенная кабинетом П.А. Столыпина, она наконец смогла послужить подспорьем в многоплановом противостоянии с правомонархическим лобби, завязанным на придворные круги. Думская реорганизационная стратегия премьера хорошо известна. А вот об усилиях по искоренению пренебрежительного отношения к Думе в правительственном аппарате известно гораздо меньше. Некоторые высшие чиновники позволяли себе демонстративный скепсис по адресу законодательного органа, считали возможным третировать его членов как деятелей второго сорта¹. Но Столыпин проявил решимость, и с началом работы III Госдумы в ряде министерств под различными предложениями прошли увольнения высокопоставленных сотрудников. Так, в Министерстве торговли и промышленности последовала отставка К.А. Алексеева, на чьи придирки постоянно жаловались думцы. Кстати, этот чиновник не желал оставлять службу и ушёл лишь под угрозой расследования неких его связей с одной пароходной компанией². Наиболее громким из череды подобных случаев стало увольнение товарища министра внутренних дел (т.е. заместителя Столыпина по МВД) В.И. Гурко, взявшего высокомерный тон по отношению к Думе³. Против него даже начали уголовное преследование о злоупотреблениях по госзакупкам, хотя многие сомневались, что дело было именно в этом. Сам же Гурко в своих мемуарах открыто пояснял: его «бросили как кость» для успокоения Думы, которую он откровенно не жаловал⁴, после чего линия на сотрудничество с нижней палатой в министерских кабинетах возобладала окончательно. Министр финансов В.Н. Коковцов вспоминал: «Мы старались наперерыв исполнить желания нашего председателя (Столыпина. — А.П.), не только не затрудняя думских комиссий в исполнении их желаний, но даже буквально отрывая массу служащих для исполнения предъявленных нам требований, несмотря на то что многие были просто совершенно

¹ *Ивановский А.В.* Воспоминания инженера // ОР РГБ. Ф. 414. К. 2. Ед. хр. 2. Л. 192.

² Там же.

³ *Еропкин А.В.* Записки члена Государственной думы. Воспоминания 1905–1928. С. 45.

⁴ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 599.

не нужны и даже не вытекали из действительных потребностей»¹. По распоряжению премьера в министерствах принимали депутатов вне очереди, даже раньше губернаторов². И вообще в аппарате устоялась практика, когда «отклонять просьбы влиятельных членов Думы было совсем не в правилах петербургских канцелярий»³.

Такое благожелательное отношение возымело действие. Не будет преувеличением сказать, что кабинеты Столыпина и Коковцова «приручили» Думу, в значительной мере направляя её деятельность. Удалось сформировать прочное думское большинство, на которое опирались министерства и ведомства. В третьем созыве нижней палаты роль лидера этого большинства, как известно, выполнял А.И. Гучков, гордившийся доверительными отношениями со Столыпиным. Не меньшее значение приобрёл и октябрист П.Н. Крупенский; последнего даже называли «термометром думского большинства»⁴. Товарищ председателя ГД А.Д. Протопопов в частных беседах откровенно признавал, что в палате «всё зависит от бюрократии»⁵. Особенно это бросалось в глаза при обсуждении в Таврическом дворце программных деклараций правительства. Так, вожаки правомонархистов изливали печаль, что власть больше расположена к либеральному крылу, игнорирует истинных патриотов, «считая нас пережитками времени, неспособными выполнять те задачи, которые... она наметила себе для осуществления»⁶. В свою очередь либералы адресовали кабинету упреки в сотрудничестве с разными Пуришкевичами⁷. Обиды как с одной, так и с другой стороны звучали настолько явственно, что трудо-

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы. Кн. 1. М., 1992. С. 301.

² Цветков С.А. Министерство внутренних дел и товарищ министра А.А. Макаров // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

³ Харламов Н.П. Записки бюрократа. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 261. К. 20. Ед. хр. 5. Л. 2.

⁴ Бобринский А.А. Дневник (запись от 2 октября 1910 года) // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 8. Д. 294. Л. 60б.

⁵ Протопопов С.Д. Дневник. 1913–1914 годы (запись от 17 января 1914 года) // РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 41. Л. 118об.

⁶ Выступление В.М. Пуришкевича // Государственная Дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сессия 1. Часть 1. Заседание 7 от 5 декабря 1912 года. Стб. 302.

⁷ Выступление В.А. Маклакова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сессия 1. Часть 1. Заседание 8 от 7 декабря 1912 года. Стб. 332.

вик А. Ф. Керенский в сердцах даже выпалил: хватит отбивать правительство друг у друга!¹

Заполучив в свой арсенал думский инструмент, кабинет Столыпина приступил к расширению влияния, пытаясь перехватить у придворных кругов пальму первенства в принятии решений. В пользу этого соображения перипетии вокруг обширной морской программы, с чего и хотелось бы начать. Русско-японская война 1904–1905 годов нанесла сильный удар по отечественным военно-морским силам; глава флота вел. кн. Алексей Александрович удалился от дел. Николай II поставил задачу воссоздать морскую мощь государства, тем более что в Германии по почину кайзера Вильгельма II полным ходом шло масштабное строительство флота². Новая программа, предложенная руководством российского Морского министерства, также отличалась большим размахом, а главное — потребовала громадных финансовых ресурсов: проект предусматривал привлечение более 2 млрд рублей бюджетных средств в течение 15 лет³. Все просьбы Минфина и госконтроля обосновать столь большие траты ведущие адмиралы А. А. Брилев, И. М. Диков, И. Ф. Бострэм и др. расценивали как признак некомпетентности далёких от морской тематики лиц. Эта позиция неизменно находила понимание в Царском селе и лично у императора. Зато Государственная дума значительно усложнила жизнь верхушке Морского министерства и его покровителям.

Бой военно-морскому ведомству в Таврическом дворце был дан уже при рассмотрении морской сметы на 1908 год. Там задались вопросом: требуется ли сухопутной стране, каковой является Россия, такой громадный флот? У нас недостаточно водных пространств, которые бы напрямую сообщались с океаном, поэтому желанием играть первостепенную роль на морях увлекаться не стоит. Наши моря — неглубокие, и нет колоний, разбросанных по всему миру. К тому же Россия являлась великой державой, даже не имея сильного флота, «а слепое подражание ещё не есть абсо-

¹ Выступление А. Ф. Керенского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сессия 1. Часть 1. Заселание 9 от 8 декабря 1912 года. Стб. 421.

² *Вильгельм II. Битва императоров: почему мы воевали с Россией.* М., 2014. С. 156–170.

³ *Шацлло К. Ф. Последняя военно-морская программа царского правительства // Отечественная история.* 1994. № 2. С. 163.

лютно правильное решение». Лучше вспомнить, сколько казённых средств за последние четверть века истрачено на Морское министерство и как соотносятся сделанные затраты с их эффективностью¹. Кончено, эту точку зрения оспаривали. Возьмите небольшие страны — Бельгию, Испанию, Португалию — и дайте каждой из них мощный флот: значение этих стран в европейском концерте немедленно станет совершенно иным. И наоборот: отнимите флот у Франции, Германии или у России — эти первоклассные державы тотчас же окажутся на второстепенных ролях². Помимо геополитических аргументов сторонники военно-морского строительства активно использовали и исторические, неизменно апеллируя к Петру Великому — родоначальнику отечественного флота, завещавшему его укреплять³. Тем не менее позиции Морского министерства в глазах народных представителей были слабыми. Чиновники сетовали: ни народ, ни интеллигенция не понимают важности этих проблем; для них военный флот — «сказочный царевич, ничего общего с действительной жизнью не имеющий»⁴.

Критика Госдумы сфокусировалась на экономических аспектах; депутаты доказывали финансовую несостоятельность постройки идеи огромного флота. Прежде всего государственный бюджет России, несмотря на доминирующее положение в общей финансовой структуре страны, не в состоянии выдержать такую нагрузку. Раздутая казна — характеристика не сильной, а отсталой страны, в которой частный сектор с его производством и торговлей имеет второстепенное значение. Напротив, в Англии, Германии и Франции торгово-промышленные обороты играют ведущую роль. Кроме того, в этих странах — развитая культурная жизнь и приличные местные бюджеты: в тех же Англии и Германии они либо равны государственным, либо превышают их; у нас же все местные бюджеты составляют 1/8 государственного, и очевидно, что здесь какие-либо крупные

¹ Выступление П.Н. Крупенского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание от 23 мая 1908 года. Стб. 1250.

² Там же. Стб. 1324.

³ Выступление А.А. Бобринского // Там же. Стб. 1324–1325; Выступление А.С. Паскина // Там же. Стб. 1312–1313.

⁴ Всеподанный доклад кн. А.П. Ливена «Памятная записка по поводу закона о флоте и судостроительной программе». 30 января 1912 года // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 123–127. Л. 16.

расходы чрезвычайно затруднительны¹. Ещё один аргумент: содержание флота России обходится в 2,5 раза дороже, чем ведущим мировым державам, а стоимость постройки кораблей в России выше почти в 2 раза. (В Германии строительство dreadnought обходится в 22 млн рублей, а у нас — в 40 млн немцы содержат его за 73 рубля в пересчёте на тонну, а в России аналогичный показатель равен 180–190 рублям²). Депутатов поражали планы правительства взвалить на обнищавшего крестьянина ношу в два с лишним миллиарда рублей: «Если бы мы такой хомут надели на наше отечество, мы тем самым лишили бы его всякой возможности удовлетворить каким бы то ни было культурным потребностям»³. Расходы на судостроительную программу называли выброшенными деньгами, «данью, которую страна должна платить»⁴. И вообще: «нельзя считать планом те широкие предложения о восстановлении русского флота, который будет стоить два миллиарда рублей»⁵.

Не прошла Дума и мимо управленческих аспектов. Октябрьсту А.И. Звегинцеву Морское министерство представлялось «помещичьей разваливающейся усадьбой»⁶, а по убеждению многих депутатов, в таком состоянии (даже при наличии соответствующих кредитов) оно неспособно осуществить намеченную судостроительную программу. После Русско-японской войны, почти уничтожившей отечественный военный флот, морская администрация и её учреждения по логике вещей должны были сократиться, но произошло обратное: ведомство продолжает расширяться и заказывает любые суда, какие только возможны на данный момент. То есть в России реализуется принцип: не администрация существует для флота, а флот — для администрации⁷. Как

---

¹ Выступление А.И. Шингарева // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 5. Часть 4. Заседание 150 от 6 июня 1912 года. Стб. 3853–3854.

² Там же. Стб. 3855–3856.

³ Выступление В.М. Соколова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 71 от 23 мая 1908 года. Стб. 1315–1316.

⁴ Выступление А.П. Баянского // Там же. Стб. 1258.

⁵ Выступление Н.Н. Львова // Там же. Стб. 1262.

⁶ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 78 от 22 марта 1910 года. Стб. 1466.

⁷ Выступление А.П. Баянского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 71 от 23 мая 1908 года. Стб. 1254.

утверждал главный критик морской программы лидер октябристов А.И. Гучков, российский флот способен лишь «блестяще фигурировать на смотрах и на торжественных встречах»¹.

В конце концов премьер Столыпин перенёс дискуссию в Государственный совет, состоящий, как он говорил, «из лиц, умудрённых государственным опытом»: там не обязаны во всём соглашаться с депутатами и в случае необходимости могут вносить поправки². Действительно, Госсовет внёс поправки в решение Думы и утвердил морскую смету. Точно так же здесь поступали по представлению правительства и в 1909–1910 годах. Но вот на что недостаточно обращают внимания историки: за это время бюджетные потоки, направляемые в отрасль, перешли под контроль финансово-экономического блока. Началось с того, что Столыпин разделил критический настрой нижней палаты и, несмотря на сопротивление влиятельных сил, настоял на масштабном обследовании Морского министерства. Это решение правительства вызвало удовлетворение в Думе: её усилия не пропали даром³. Из членов Госсовета была сформирована особая ревизия, куда вошли: председатель финансовой комиссии Госсовета М.Д. Дмитриев, недавно отставленный военный министр А.Ф. Редигер и адмирал П.Ф. Рерберг, причём первые двое оценивали политику Морского ведомства крайне негативно. Отметим: Дмитриев был видным представителем финансово-экономической бюрократии; начал свой путь под началом Д.М. Сольского в госконтроле, затем на ведущих постах в Министерстве путей сообщения и Минфине, где дошёл до товарища министра. Кадровый военный Редигер также не был чужим в этих кругах. И лишь Рерберг выступал в роли адвоката Морского министерства и существовавших там порядков⁴.

---

¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сост. III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 72 от 25 мая 1908 года. Стб. 1394.

² Выступление П.А. Столыпина // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия 3. Заседание 36 от 13 июня 1908 года. Стб. 1708.

³ Думским требованиям о сенатской ревизии в Морское министерство посвящено специальное исследование: *Афанасьев Г.Ю.* Политический вклад III Государственной думы в решение задач по воссозданию военно-морского флота России // *Таврические чтения* 2011. СПб., 2012. С. 104–116.

⁴ *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999. С. 313.

Ревизия подвергла тотальному изучению сметы, подготовленные адмиралами; она собиралась 21 раз, не считая многочисленных встреч по отдельным вопросам¹. На этом высокопрофессиональном уровне было зафиксировано, что заявленные траты на строительство флота раздуты, а сметы запутанны; установить объём реально необходимых средств затруднительно, и потому просматриваются возможности для крупных сокращений в текущих расходах. Вывод звучал так: руководство Морского министерства не в состоянии надлежащим образом «вести своё обширное хозяйство, заведённое на широкую ногу»².

Начатая ревизия во главе с Дмитриевым серьёзно встревожила руководство ведомства, и правительство сделало упреждающий шаг: в марте 1909 года в Госсовете состоялась дискуссия по законопроекту «О штатах и кредитах Морского генерального штаба». Этот законопроект при поддержке октябристов, возглавляемых Гучковым, легко прошёл Госдуму и поступил в Госсовет, где и развернулись дебаты. Спор шёл о пределах компетенции законодательных палат в морской политике, за которую отвечала верховная власть. Как считало правомонархическое лобби, законодатели непозволительно умаляют prerogatives императора. Позицию правительства отстаивал министр финансов В.Н. Коковцов, убеждая поддержать поступивший из Думы проект³. Ему оппонировали П.Н. Дурново и С.Ю. Витте, призывая не покушаться на сферу деятельности Государа⁴. Но оказалось, главная задача столь бурного обсуждения, устроенного финансово-экономической бюрократией, — вывести этот вопрос из закрытой (придворной) в публичную плоскость⁵. Кстати, знающие люди тогда не сомневались, по чьей инициативе произошло столкновение, вызвавшее нечто вроде кризиса и разговоры об отставке правительства. Поддержка законопроекта стала возможной благодаря семи министрам, стремившимся самосто-

---

¹ Там же. С. 318.

² Там же. С. 324–325.

³ Выступление В.Н. Коковцова // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия 4. Заседание 26 от 19 марта 1909 года. Стб. 1416.

⁴ Выступление П.Н. Дурново // Там же. Стб. 1345–1350; Выступление С.Ю. Витте // Там же. Стб. 1351–1352.

⁵ Письмо П.А. Столыпина к Николаю II. 22 марта 1909 года // П.А. Столыпин. Переписка. М., 2007. С. 55.

тельно распоряжаться морским бюджетом¹. Как известно, Николай II отказался утверждать этот закон, что случалось не часто. (Коковцов был убеждён, что это произошло исключительно под воздействием придворных кругов².) Тем не менее император не принял и отставку Столыпина, выразив ему своё полное доверие, что фактически означало победу правительства.

Именно после этого эпизода премьер смог предлагать свои кандидатуры на высшие посты в Морском министерстве и добиваться их назначения. Так, уже его креатурой стал адмирал С.А. Воеводский, утверждённый в должности товарища министра. Неслучайно он сразу выступил за сближение с Госдумой, впервые собрав 120 депутатов в библиотеке ведомства для налаживания отношений³, а вскоре он встал уже у руля министерства. Козырной же картой финансово-экономической бюрократии в этой игре довелось стать не ему, а адмиралу И.К. Григоровичу. В ходе ревизии Морского министерства, осуществляемой членами Госсовета, он активно поддерживал усилия по наведению там порядка, продемонстрировав высокую компетентность. После чего последовало его назначение на должность товарища Воеводского, причём вопреки желанию последнего⁴. Зато руководитель Минфина Коковцов не скрывал своего удовлетворения от сотрудничества с Григоровичем: в мемуарах он вспоминал о самых тёплых отношениях с адмиралом и об отсутствии каких-либо разногласий с ним⁵. За два года пребывания на посту товарища министра Григорович стал любимцем и в думской среде; по его собственному признанию, он чувствовал поддержку нижней палаты⁶.

После его назначения морским министром в 1911 году ГД впервые утвердила ведомственную смету, а в следующем одобрила и так

---

¹ Киреев А.А. *Дневник. 1905–1910 годы* (запись от 26, 27 марта 1909 года). М., 2010. С. 311–312.

² Интересная находка (Протокол допроса В.Н. Коковцова Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в сентябре 1917 года) // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 100.

³ Крылов А.Н. *Мои воспоминания*. Л., 1984. С. 157–158.

⁴ Григорович И.К. *Воспоминания бывшего морского министра*. СПб., 1993. С. 30–31.

⁵ Коковцов В.Н. *Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы*. М., 1992. Кн. I. С. 294.

⁶ Григорович И.К. *Воспоминания бывшего морского министра*. С. 48.

называемую большую морскую программу объёмом полмиллиарда рублей. Этого с нетерпением ждали судостроительные заводы и столичные банки: их представители постоянно присутствовали на думских обсуждениях сметы¹. На повестку дня выдвигался вопрос о реализации принятых планов. Этим занялся специально созданный орган — межведомственное совещание по судостроению, где первую скрипку играли представители финансово-экономического блока. Как заметил Витте, ради этого совещания и была устроена громкая история со штатами Морского штаба и толкованием законов², ведь именно сюда перенесли решение всех денежных дел, относящихся к строительству флота. Придворные круги уже не могли хозяйничать на совещании. Например, адмирал Нилов, входивший в ближайшее окружение Николая II, взаимодействовал с Григоровичем уже как партнёр, помогая ему с докладами у императора и заранее сообщая нужную министру информацию³. Необходимо отметить и ещё одно правительственное начинание: разработку нового положения «Об управлении заводами Морского ведомства», которые теперь переводились на коммерческие начала. Положение предполагало большую экономическую независимость правлений казённых предприятий, приближавшихся к организации частных заводов, и снижение нагрузки на морской бюджет.

Работа над морской программой хорошо показывает, каким образом шло расширение сферы влияния финансово-экономической бюрократии. Ещё одним направлением её интересов стал Урал — обширный промышленный край. В начале XX века он находился в крайне плачевном состоянии. Уральские заводы представляли собой конгломерат производств — 121 предприятие, из которых только 14 принадлежали казне, остальные — частным собственникам. Но на самом деле владельцев было гораздо меньше: все частные заводы находились в руках приблизительно тридцати лиц и компаний⁴. Заводы обладали большими земельными ла-

---

¹ Выступление А.А. Уварова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 78 от 22 марта 1910 года. Стб. 1924.

² Выступление С.Ю. Витте // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия 4. Заседание 26 от 19 марта 1909 года. Стб. 1354

³ *Саблин Н.В.* Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008. С. 289.

⁴ *Кафенгауз Л.Б.* Синдикаты в русской железной промышленности. М., 1910. С. 13, 17.

тифундиями, развитая транспортная система отсутствовала; использование древесного топлива (а не угля, как на юге) существенно снижало объёмы выплавки. Оборачиваемость капиталов намного уступала тем же южным предприятиям, не испытывающим недостатка в финансовых ресурсах. Многие заводы не первый год работали в убыток, на них даже не велась коммерческая бухгалтерия, были неясны ни их стоимость, ни процент на затраченный капитал, то есть управление активами находилось в крайне запущенном состоянии. Банкротство владельцев уральских заводов было неизбежным: самостоятельно преодолеть кризисные обстоятельства они не могли, и на повестку дня встал вопрос о реформировании обширной региональной экономики. Министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев эффектно сравнил Урал со спящей красавицей, которая ждёт не дожждётся, чтобы её пробудили к плодотворной деятельности¹. И пробудить её, то есть реформировать, должны уже не прежние владельцы (среди которых преобладала аристократия, приближённая ко двору), а новые коммерческие силы, способные улучшить качество менеджмента и эффективно эксплуатировать огромные богатства края. Иными словами, назревал масштабный передел собственности.

Примечательно, что эту тему актуализировала Госдума. Отсюда зазвучала острая критика того положения, в котором оказался Урал, закрепощённый группой ситятельных особ, большую часть времени проживавших вне региона (в Петербурге или Европе) и непосредственно делом не занимавшихся². Они не собирались сдавать своих позиций, активно ходатайствовали о новых займах, однако получаемые ссуды шли главным образом на уплату старых долгов и для модернизации производств не использовались. Прямое следствие такого управления — бедственное положение местного населения: заработная плата постоянно снижается, а то и вовсе не выплачивается по полгода (за счёт этого хозяева минимизируют убытки своих заводов³). Повсюду царит произ-

¹ Выступление В.И. Тимирязева // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 3. Заседание 79 от 13 мая 1909 года. Стб. 643.

² Выступление А.Ф. Бабянского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 61 от 7 мая 1908 года. Стб. 130–131.

³ Выступление Н.М. Егорова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 4. Заседание 105 от 30 апреля 1909 года. Стб.

вол административно-технического персонала, заводы «обратились прямо в какую-то домашнюю кухню горных инженеров, начиная с управителей, начальников и кончая сторожем; они всецело все силы употребляют на то, чтобы как можно более нажиться»¹. Главное горное управление («учреждение заснувшей обломовщины»²), призванное пресекать эти безобразия, не выполняет своих обязанностей. Свои обличения члены нижней палаты неизменно завершали требованием провести реформу уральской экономики и снизить влияние собственников горных заводов.

Важно подчеркнуть, что мнение Госдумы разделяло и правительство: законодательная и исполнительная власть демонстрировали в этом вопросе завидное единодушие. Министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев почти слово в слово воспроизводил депутатские доводы: «Энергичные предки, насаждавшие горную промышленность на Урале и проживавшие в своих владениях, сменились потомками, переставшими жить на заводах и непосредственно соприкасаться с заводской жизнью. Ослабла забота о своевременном переоборудовании заводов согласно с успехами техники, и стали таять оборотные и запасные средства. Заводы обременились ипотечными долгами, причём вырученные от залога денежные средства не всегда поступали на улучшение заводского дела»³. Правительство предлагало рецепт для оздоровления: передать производственные активы в руки солидных предпринимателей, готовых вложить новые деньги в их модернизацию. Образ солидных предпринимателей легко угадывался: крупные питерские банки давно присматривались к богатствам Урала. Столичная деловая пресса, выражая мнение петербургских финансовых кругов, не уставала уверять: краю не дадут погибнуть, но для этого его индустрия должна перевоплотиться и сменить владельцев; нужно дать исчезнуть тому пресловутому «горному гнезду», где

374–375; Его же // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 3. Заседание 81 от 16 марта 1909 года. Стб. 790.

¹ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание от 7 мая 1908 года. Стб. 112.

² Выступление А.Ф. Бабянского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 4. Заседание 105, от 30 апреля 1909 года. Стб. 393.

³ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 3. Заседание 79 от 13 мая 1909 года. Стб. 644.

всё прогнило без инициативы, без людей дела¹. В первую очередь питерские банкиры и их иностранные партнёры желали обследовать производство и хозяйства. Министерство торговли и промышленности потребовало ввести на заводах более современную систему отчётности, дабы лучше оценить их стоимость. В каждом отдельном случае назначались комплексные ревизии².

Передача уральских предприятий в руки новых собственников стартовала в 1910 году; движущей силой выступило петербургское деловое сообщество при поддержке финансовой бюрократии. Приведём в пример Нижне-Тагильский округ. Основная цель реорганизации местного предприятия состояла в увеличении производства чугуна с 4,5 млн до 8,5–9 млн пудов при одновременном снижении издержек. Эта обширная программа потребовала привлечения средств в объёме 5,2 млн рублей. Деньги планировалось получить частично из будущих доходов, а также с помощью долгосрочного займа, который предоставляли Петербургский международный и Русско-Азиатский банки. Очевидно, в этом случае зависимость округа от финансовых структур резко возростала, но возражения группы старых пайщиков во главе с князем С.С. Абамелек-Лазаревым не были услышаны. Вслед за получением финансирования настал черёд организационной перестройки: паевое товарищество превратилось в акционерное общество с выпуском акций, как именных, так и на предъявителя. В результате представители старой аристократии, ранее владевшие округом, были отеснены на задний план, и в новом правлении выросло влияние питерских финансистов³. Аналогичные процессы были запущены практически во всех уральских округах. Так, на реконструкцию Верхне-Исетского округа потребовалось более 4 млн рублей: основной капитал увеличивался за счёт выпуска новых акций, реализацией коих занялся консорциум во главе с Русским торгово-промышленным банком. Была выкуплена и основная часть ценных бумаг, после чего в руках титулованной знати (граф Стенбок-Фермор, граф Гендриков и граф Гудович) осталась меньшая часть ак-

---

¹ Уралыцы и их съезд // Финансовое обозрение. 1912. № 6. С. 12.

² Выступление С.И. Тимашева // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сост. III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 68 от 10 марта 1911 года. Стб. 301.

³ Вяткин М.П. Горнозаводской Урал в 1900–1917 годах. М.-Л., 1965. С. 274–282.

ций¹. То же самое наблюдалось в обществе «Лысьвенский горный округ наследников графа П.П. Шувалова». При переходе предприятия в новую акционерную форму с капиталом 16 млн рублей, разделённых на 160 тысяч акций, лишь 10 тысяч оказались у прежних собственников, остальные же попали в руки банкиров².

С помощью Думы правительство продвигало не только экономическую модернизацию, но и обеспечивало прохождение нужных, причём иногда на ходу менявшихся решений. Красноречивым тому примером служат перипетии с законопроектом о волостном суде. В соответствии со столыпинским курсом на низовую административную единицу на бессословной основе большинство нижней палаты проголосовало за упразднение волостного (крестьянского) суда, охарактеризовав его пережитком патриархальщины. Депутаты вспоминали судебную реформу царствования Александра II, эффектно сравнив её с мраморной статуей. Но затем у неё откололи целые части, заменив кусками самобытной глины, эти переделки выглядели непривлекательно, а вскоре покрылись трещинами. Ликвидация волостного суда уподоблялась очистке от этих глиняных налётов и воссозданием прежнего первозданного облика мраморной статуи³. Протесты немногочисленных крестьянских депутатов в расчёт не принимались, слова о том, что волостной суд — это продукт подлинной народной жизни, а не установление «какой-нибудь петербургской канцелярии», большинством проигнорированы⁴. Итог подвёл министр юстиции И.Г. Щегловитов: только общегражданский суд есть действительный цивилизованный путь⁵.

---

¹ Там же. С. 290.

² Отношение правления Соединенного банка в правление Азово-Донского банка о согласии принять участие в синдикате для реализации акций общества «Лысьвенский горный округ наследников графа П.П. Шувалова». 2 января 1914 года // Монополии в металлургической промышленности России. 1900–1917 годы. Документы и материалы. М., 1963. С. 311–312.

³ Выступление Н.П. Шубинского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 1. Заседание 10 от 30 октября 1909 года. Стб. 1026.

⁴ Выступление Г.А. Шечкова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 1. Заседание 12 от 2 ноября 1909 года. Стб. 153–1154.

⁵ Выступление И.Г. Щегловитова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 1. Заседание 13 от 4 ноября 1909 года. Стб. 1318.

Однако когда законопроект поступил на рассмотрение Государственного совета, то возобладали совсем другие настроения. К решению нижней палаты о его упразднении там отнеслись без энтузиазма. С трибуны зазвучали речи о полезности этого учреждения для крестьянского уклада: «народом изведанный, понятливый... внедрившийся в душу и разум крестьянина, не сказавший ещё своего последнего на Руси слова...»¹ Влиятельный член Госсовета А.С. Стишинский возмущался решимостью, с коей кинулись сносить старое «здание». Вместо этого он предложил направить усилия на «устранение в нём недостатков, которые выяснились на практике»². В результате общее собрание утвердило совершенно новый законопроект с уточнённой компетенцией волостного суда, тем самым поставив нижнюю палату, проголосовавшую за отмену последнего, в сложное положение. Такой случай произошёл впервые в практике законодательных учреждений³. Была образована согласительная комиссия по десять человек от каждой палаты, причём она быстро склонилась к мнению Госсовета. В пленарном заседании Госдумы царило замешательство: здесь недоумевали, как выйти из этой ситуации, сохранив политическое лицо. Кадетские представители, к примеру, считали, что следует приступить к рассмотрению самого начала, относясь к творчеству коллег как к совершенно новому акту⁴. Проблема усугублялась ещё тем, что правительство настаивало на принятии представленного законопроекта, а не на дополнительных согласительных процедурах.

В пользу такого решения выступил лидер октябристов А.И. Гучков, со знанием дела объяснивший депутатскому корпусу, что при настоящих политических условиях, при том правительстве, с которым приходится считаться как с фактором, «мы говорим: ничего лучшего, чем то, что вам предлагают, вы получить не сможете и не получите...»⁵ Если удастся изменить общую ситуацию посред-

¹ Выступление А.Б. Нейгарда // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия VII. Заседание 30 от 17 февраля 1912 года. Стб. 1760.

² Выступление А.С. Стишинского // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия VII. Заседание 31 от 18 февраля 1912 года. Стб. 1898–1899.

³ Выступление М.С. Аджемова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 5. Часть 4. Заседание 132 от 16 мая 1912 года. Стб. 1506.

⁴ Там же. Стб. 1508–1509.

⁵ Выступление А.И. Гучкова // Там же. Стб. 1517.

ством выборов, тогда никто не помешает проводить то, что для вас желательно. Всё же некоторые народные избранники негодовали, сначала волостной суд вдребезги разносят, теперь же трактуют «как весьма почтенное учреждение, с которым необходимо считаться». Как-то быстро забыли об интересах крестьян-хуторян, о чём ранее говорили не умолкая. Ведь «свычай и обычай», применявшиеся волостным судом, соответствуют общинной деревне, а из этой обстановки уже вырвано достаточное количество людей: для них все эти обычаи совсем неподходящие. Хуторяне нуждаются в правой охране, но её может дать только суд, а не обычай, обслуживавший совсем другой жизненный уклад. Такая перемена в настроении властей равносильна тому, как если «в протянувшуюся к вам руку нищего вместо хлеба положить камень»¹. Кадетская фракция особенно указывала на перемену настроений центра Госдумы, последовавшую вслед за правительственной. Н.Н. Кутлер напоминал, с какой энергичностью совсем недавно глава судебной комиссии Шубинский ратовал за упразднение волостного суда. Его можно упрекать в излишней резкости, в отсутствии надлежащего беспристрастия к оппонентам, но всем казалось, что он действует с полной откровенностью и чистосердечностью. Между тем, когда Госсовет просто отбросил думский законопроект, тот же Шубинский «первым спешит присоединиться к инициативе, уничтожающей всю работу ГД»². Итоги вновь подводил министр юстиции Щегловитов, только теперь они также выглядели иначе, чем в первые слушания. Министр одобрил осторожность и осмотрительность, напоминая, что среди крестьянства немало приверженцев волостного суда. Работу же Госсовета по сохранению этого института в преобразованном виде назвал заслугой³, после чего 174 депутата поддержали законопроект Госсовета и только 54 высказались против⁴. Данный случай наглядно показывает управляемость думского большинства, выступавшего своего рода подспорьем для правительства.

Правда, при помощи Думы не всегда удавалось проводить намеченные планы. Например, Военное ведомство в отличие от Мор-

---

¹ Выступление Н.Н. Кутлера // Там же. Стб. 1563.

² Там же. Стб. 1567–1568.

³ Выступление И.Г. Щегловитова // Там же. Стб. 1574.

⁴ Там же. Стб. 1603–1604.

ского поставить под контроль не получилось, хотя была применена аналогичная тактика с активным использованием Думы. В военном строительстве тон задавали придворные круги, где солировали члены царской фамилии. Великие князья всегда считали армию своей вотчиной, а в начале XX столетия их влияние на вооружённые силы значительно возросло. И если глава российского флота вел. кн. Алексей Александрович (которого за глаза называли «семь пудов августейшего мяса»¹) после Цусимского разгрома ушёл в отставку, то в Военное министерство, наоборот, высадился целый «десант» великих князей. Например, наиболее известный — вел. кн. Николай Николаевич — возглавлял кавалерию, имевшую в те времена стратегическое значение. Он обладал определённой харизмой, но не имел привычки работать сам, а потому постоянно находился под влиянием многочисленной свиты, особенно тех, кто пользовался его личным расположением². Немногим отличался от него в этом смысле младший брат, вел. кн. Пётр Николаевич, на чью долю выпали заботы о военно-инженерных войсках. Полную профнепригодность демонстрировал и вел. кн. Константин Константинович, заведовавший военно-учебными заведениями, фактически переложивший обязанности на малокомпетентных приближённых³. Его острые конфликты с военным министром А.Н. Куропаткиным запечатлены в великокняжеском дневнике⁴. Исключение, пожалуй, составлял вел. кн. Сергей Михайлович, командовавший артиллерией. Он до тонкостей знал всю службу, сам побывал в роли батарейного командира и «со своим делом отлично справлялся»⁵.

Следствием неудачной Русско-японской войны стала реформа управления армией, предложенная группой великих князей. Из Военного министерства как отдельный орган был выведен Генеральный штаб, что во многом повторяло прусскую систему. Там

---

¹ Крылов А.Н. Мои воспоминания. С. 142.

² Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. С. 531.

³ Там же. С. 216–217.

⁴ Дневник великого князя Константина Константиновича // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 48. Л. 10–13об.

⁵ Показания А.А. Поливанова // Падение царского режима. Т. 7. М.-Л., 1927. С. 64–65.

под началом императора существовал специальный военный кабинет, рассматривавший все без исключения военные вопросы; это позволяло поддерживать необходимое взаимодействие между отдельными звеньями армейской системы. У нас же координацию должен был обеспечивать созданный Совет государственной обороны во главе с вел. кн. Николаем Николаевичем¹. Такая аппаратная позиция требовала знаний и большого опыта, коими великий князь не обладал: на заседаниях этого совета он выступал крайне путано и пространно². В результате неразбериха усилилась, командование войсками было разбалансировано. Военный министр А. Ф. Редигер, сменивший Куропаткина, характеризовал Совет государственной обороны, находившийся под полным контролем придворных кругов, «лишней мебелью»³.

Финансово-экономическое чиновничество стремилось сократить влияние придворной публики в военной сфере, используя и в этом случае Государственную думу. В нижней палате была сформирована Военно-морская комиссия, председатель которой А. И. Гучков с трибуны Таврического дворца назвал Совет государственной обороны «крупным тормозом всякого улучшения в военном деле»⁴. «В тот момент, когда надо сосредоточить всю силу мысли, всю силу воли во главе армии, мы расщепили её, мы распылили и эту мысль, и эту волю...» — заявил лидер октябристов. Образовали Совет государственной обороны, выделили Генеральный штаб — «вот эти два учреждения и разделили власть Военного министра, обессилили и обезличили его»⁵. Самую яростную критику Гучков обрушил на великих князей, стоящих во главе важных военных отраслей: управление из-за этого дезорганизовано; оно носит на себе отпечаток их положения и «связанной с ним фактической безответственности»⁶. Выступление главы Военно-морской комиссии произвело эффект разорвавшейся бомбы. Вел. кн. Николай Николаевич с возмущением писал Николаю II, что, хотя речи депутата не значимы для военных,

¹ Сухомлинов В. А. Воспоминания. М.-Л., 1926. С. 140.

² Редигер А. Ф. История моей жизни. Т. 1. С. 535.

³ Там же. Т. 2. С. 292.

⁴ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Часть 3. Заседание 74 от 27 мая 1908 года. Стб. 1588–1589.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Стб. 1599.

тем не менее впечатление от выступления Гучкова налицо: престиж и доверие к великим князьям подорваны окончательно¹. Конечно, не было секретом, что за этой речью стоял премьер Столыпин. Полностью солидарен с ним был и военный министр Редигер. В своих мемуарах он писал, как его раздражало, что каждый великий князь стремился «выкроить себе автономный удел, и от него не только не было возможности избавиться, но даже не было возможности добиться чего-либо, ему не угодного»². Редигер позволил себе не опровергать высказанное Гучковым, и это молчание стоило ему дорого: на своём посту он оставался менее года, поскольку Николай II посчитал, что министр «не защитил честь армии»³. От Гучкова же (через премьера Столыпина) император потребовал извинений, которые тот и принёс⁴. В качестве компенсации от правительства Гучков получил место в правлении крупного питерского Учётно-ссудного банка, тесно связанного с финансовой бюрократией⁵. Тем не менее главное было сделано: Совет государственной обороны упразднили, и военный министр смог вздохнуть свободнее⁶.

Пришедший на смену Редигеру В.А. Сухомлинов также считал сдерживание великих князей необходимым для оздоровления армии⁷. И хотя это вполне отвечало интересам финансово-экономического блока, отношения с ним у нового главы военного ведомства не заладились. В отличие от морского министра Григоровича он на сотрудничество не пошёл. Так, Сухомлинов ополчился на сенаторскую ревизию Н.П. Гарина, поддерживаемую Столыпиным. Она начинала с интендантских проверок, а затем приступила к обширным обследованиям военного хозяйства: канцелярию гаринской ревизии и по штату сотрудников, и по количеству расследу-

---

¹ Записка вел. кн. Николая Николаевича к Николаю II «Об окончательном падении престижа великих князей». 1908 год // Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. М.; Л., 1925. С. 27–28.

² Редигер А. Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 216.

³ Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 годах // Красный архив. 1932. Т. 50–51. С. 188.

⁴ К.Р. [Великий князь Константин Романов.] Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 327.

⁵ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 годы (запись от 21 августа 1908 года). С. 269–270.

⁶ Показания А.А. Поливанова // Падение царского режима. Т. 7. С. 177.

⁷ Сухомлинов В.А. Воспоминания. С. 191.

емых дел даже сравнивали с министерством¹. Противодействовал новый военный министр и ещё четырём дополнительным ревизиям по различным военным округам, включая Киевский, где он ранее был командующим. Сухомлинов сумел исходатайствовать у Николая II сворачивания их работ к 1 июля 1910 года². К тому же вскоре в правительстве разгорелся его серьёзный конфликт с Коковцовым. Подробности их разногласий на почве выделения кредитов достаточно хорошо известны³. Буквально ни одно заседание кабинета не проходило без стычки между ними, иногда в весьма острой форме⁴. Госдума, со своей стороны, поначалу встретила назначение Сухомлинова благожелательно. И октябристам, и даже кадетам поначалу импонировало его намерение противостоять великим князьям⁵. Однако в нижней палате знамя борьбы с безответственными элементами в армии держал лично Гучков, а у него отношения с новым министром не только не сложились, но и переросли в ожесточённую конфронтацию. Так как Сухомлинов демонстрировал нежелание контактировать с народными избранниками, Гучков с группой соратников сочли возможным начать собственную игру. Это было им гораздо ближе, чем кропотливая депутатская работа, к которой они оказались попросту не готовы.

Кадровые офицеры отмечали: «общий состав членов Думы поражал своей серой массой, значительно ниже среднего уровня»⁶. Поэтому неудивительно, что и Военно-морская комиссия ГД имела самое смутное представление о военной проблематике. Её глава Гучков в качестве добровольца принимал участие в англо-бурской войне в Южной Африке, и этим его боевой опыт исчерпывался. Наиболее подготовленным среди членов комиссии оказался октябрист А.И. Звегинцев, в прошлом офицер Генерального штаба⁷. Многим же

¹ Харламов Н.П. Записки бюрократа. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 261. К. 20. Ед. хр. 4. Л. 11–12.

² Там же. Л. 29об.

³ Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 201–203.

⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы. Кн. 1. С. 294.

⁵ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. С. 63 (запись от 11 марта 1911 года).

⁶ Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. С. 207–208.

⁷ Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 314–315.

депутатам было затруднительно разобраться в представленном военным ведомством пакете из десяти различных смет. Они постоянно просили вносить ясность в те или иные сведения, давать больше иллюстраций и т.д.¹ А социал-демократ Т.О. Белоусов вообще призывал прекратить слушания и упразднить постоянную армию, заменив её народной милицией². В конце концов, Гучков и Звегинцев решили привлечь ряд кадровых офицеров, чтобы те помогли народным избранныкам в знакомстве с законопроектами. Тогдашний министр Редигер дал на это добро, так как понимал, насколько трудно убедить малокомпетентных людей в необходимости тех или иных мероприятий³. Однако до конца понять замысел Военно-морской комиссии ГД, сгруппировавшей вокруг себя кружок военных, довелось уже Сухомлинову. Заметим: Гучков устанавливал и поддерживал связи преимущественно с молодыми честолюбивыми офицерами, озабоченными карьерным ростом⁴. Он не скрывал, что этот кружок представлял собой лабораторию, где разрабатывались и обсуждались самые широкие темы, причём связанные не только с военной реформой⁵.

Как считали тогда многие, в комиссии зрели планы оппозиции склонить на свою сторону вооружённые силы и превратить её в «превосходное орудие “младотурецкого переворота”»⁶. Этому должно было способствовать настойчиво предлагаемое сокращение армии: в таком случае её «легче закупить, легче распропагандировать, а тысяч триста штыков совершенно достаточно, чтобы держать в повиновении народ и подавить всякие его попытки прийти на помощь царю»⁷. Постепенно комиссия превращалась в канал политического влияния на высший офицерский со-

¹ Выступление А.Ф. Бабянского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 74 от 27 мая 1908 года. Стб. 1603.

² Выступление Т.О. Белоусова // Там же. Стб. 1630.

³ Редигер А. Ф. История моей жизни. Т. 2. С. 216.

⁴ Энгельгард Б.А. Потонувший мир. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 218. К. 305. Ед. хр. 3. Л. 323.

⁵ Допрос А.И. Гучкова // Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 291.

⁶ Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. С. 65.

⁷ Письмо главного редактора «Московских новостей» Л.Н. Тихомирова к дворцовому коменданту В.А. Дедюлину. 20 марта 1909 года // РГИА. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 1143. Л. 133–113об.

став: некоторые её участники открыто сотрудничали с кадетской «Речью» и московским «Утром России»¹. Любопытно, что среди офицеров, мелькавших в думской комиссии, мы видим будущих генералов, которые в годы Первой мировой войны займут важные посты в военной иерархии и сыграют большую роль в февральско-мартовских событиях 1917 года: Алексеев, Лукомский, Гурко, Колчак, Русин и др. Сухомлинова изначально тревожило, что нижняя палата вторгается во внутренние дела вооружённых сил и создаёт некое собственное соминистерство, о чём он доложил Николаю II². А так как все офицеры состояли тогда кандидатами на высокие должности, было решено по мере появления вакансий в войсках выводить их из столицы³. Увольнения не избежал и помощник военного министра А.А. Поливанов, ставший любимцем в Таврическом дворце⁴.

Это ещё более настроило Гучкова и его сподвижников против Сухомлинова. Травля военного министра, как метко замечено, стала «одним из пробных шаров, пущенных для подрыва в массах престижа государственных деятелей, облечённых доверием монарха...»⁵. Ключевой вехой здесь следует признать так называемое «дело полковника Мясоедова». Сухомлинов привлёк в штат ведомства этого сотрудника жандармского корпуса специально для противодействия гучковской компании. Министр был убеждён, что в армии все — от рядового до генерала — должны быть чужды политике. Мясоедову поручалось создать необходимую агентурную сеть, и это вызвало особое раздражение оппозиционеров⁶. Сразу стали муссироваться слухи о секретном расходовании сумм на организацию жандармского сыска, направленного против офицерского состава, и о роли в этом протееже министра⁷. А вскоре в адрес Мясоедова со стороны Гучкова последовали весьма серьёзные обвинения в шпионаже, опубликованные (анонимно) газетой «Но-

¹ Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М., 2007. С. 228.

² Сухомлинов В.А. Воспоминания. С. 180.

³ Там же. С. 190.

⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы. Кн. 1. С. 294.

⁵ Воейков В.Н. С царём и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта императора Николая II. М., 1995. С. 109.

⁶ Тарсадзе А. Четыре мифа Первой мировой. М., 2007. С. 83.

⁷ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы. Кн. 2. С. 52.

вое время». Приходится согласиться, что Мясоедов повёл себя довольно странно для шпиона: он вызвал на дуэль редактора издания Суворина, а когда тот уклонился — самого Гучкова¹. От наблюдателей не ускользнул тот факт, что предводитель октябристов был на сей раз гораздо осторожнее, чем во время прежних конфликтов с П.Н. Милюковым или А.А. Уваровым. Тогда он буквально рекламировал себя, беседовал с секундантами, теперь же держался крайне сдержанно, стараясь на эту тему не говорить. Дуэль состоялась, причём на жёстких условиях, на которых настаивал Мясоедов; он промахнулся, его противник выстрелил в воздух². Затем Мясоедов по собственному желанию покинул министерство, подал в суд за клевету и потребовал рассмотрения своего дела, о чём письменно просил В.Н. Коковцова³.

Этот громкий случай, во-первых, показывает, чем большую часть времени занимались народные избранники, а во-вторых, наводит на размышления об их реальном участии в военном строительстве накануне Первой мировой войны. Между тем русская армия за последние сорок лет не переживала таких преобразований, которые развернулись с 1908 года, но из-за разразившейся войны оказались незавершёнными⁴. Впоследствии генерал Сухомлинов был подвергнут резкой критике, «но если более внимательно посмотреть на результаты его деятельности в качестве Военного министра, то нельзя не сказать, что армия, находившаяся до того в полном развале, за достаточно короткое время стала вполне боеспособной, хотя в техническом отношении она отставала от Германии»⁵. Пусть и задним числом, но пробивалось признание, что «большая часть возведённых на Сухомлинова обвинений стала плодом злостной клеветы политических противников гене-

---

¹ Инцидент Мясоедова и Б.А. Суворина // Русское слово. 1912. 17 апреля.

² Дуэль А.И. Гучкова с Мясоедовым // Русское слово. 1912. 19 апреля.

³ Это обращение к премьеру не случайно: ведь Мясоедов — племянник М.А. Сольской, чей супруг сыграл решающую роль в карьере Коковцова, и ей было безразлично, что её близкого родственника обвиняют в измене.

⁴ Выступление Ю.Н. Данилова (начальник канцелярии Военного министерства) // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 5. Часть 4. Заседание 126 от 7 мая 1912 года. Стб. 748.

⁵ Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999. С. 48.

рала»¹. Принесённым в жертву общественности оказался и Мясоедов, приговорённый в годы Первой мировой войны к смертной казни за шпионаж (это использовалось для окончательной дискредитации Сухомлинова в 1915 году). Вместе с ним были осуждены, явно для подкрепления обвинения, ещё два чина департамента полиции с немецкими фамилиями, но почему-то лишь на четыре года; слишком мягко для шпионов в военное время. Многие тогда считали это косвенным свидетельством их действительной невиновности, а что же касается самого Мясоедова, то от него просто спешили избавиться². Вердикт исследователей, спустя десятилетия детально занимавшихся этим делом такой же: полковник стал жертвой интриг оппозиционеров и шпионом не являлся³.

Место Государственной думы в модернизационных планах, отведённое ей, вполне соответствовало потенциалу народных избранников. Под думскими знамёнами собиралась по большей части разноликая общественность, руководствовавшаяся партийными принципами или, точнее, некой имитацией западных политических образцов, тогда как бюрократическая элита, состоящая главным образом из специалистов и управленцев, делала ставку на профессиональную компетенцию, дефицит которой всегда остро ощущался в России. О роли Думы в общей системе власти позволяют судить свидетельства, которые использовались учёными гораздо реже, чем широко известные партийные источники. По сути, от народных представителей никто не ожидал особой государственной мудрости; от них требовалось знакомство с житейскими потребностями, которые необходимо полнее учитывать в управленческих процессах⁴. Но они этих надежд не оправдали, оказавшись заложниками партийных пристрастий. В соответствии с ними строились многочисленные думские комиссии, предназначенные для реальной отраслевой работы. Эти комиссии были большие (по 66) и малые (по 33 человека), места в кото-

¹ Харламов Н. П. Записки бюрократа. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 261. К. 20. Ед. хр. 4. Л. 21.

² Там же // ОР РГБ. Ф. 261. К. 20. Ед. хр. 6. Л. 32–32об.

³ Шацлло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 109. С. 111.

⁴ Врангель Ф. Г. В обновленной России. Воспоминания. Встречи. Мысли. СПб., 1908. С. III.

рых распределялись между партиями¹. Расклады в комиссиях представляли собой Думу в миниатюре, с большой точностью отражая её общеполитическое лицо².

В нижней палате практиковалось так называемое многоэтажное прохождение законопроектов, когда один документ направлялся в несколько комиссий. Правительственные бюрократические учреждения, которые ругали все кому не лень, по сравнению с ними выглядят куда более эффективными. Судя по воспоминаниям, организация работы в Думе была поставлена крайне неудовлетворительно: к назначенному часу на заседания никто не собирався, и прибывшим вовремя чиновникам министерств обычно приходилось подолгу ждать (например, министр торговли и промышленности С.И. Тимашев постоянно участвовал в деятельности четырёх комиссий: финансовой, бюджетной, по делам торговли и законодательных предположений³). Отсутствующих думцев разыскивали в саду и по окрестным заведениям общепита, а если и эта мера ни к чему не приводила и кворум не набирался, заседание переносили, и поездка в Таврический дворец оборачивалась напрасной потерей времени⁴. Во время заседаний обнаруживалась крайне слабая осведомлённость членов комиссий в вопросах, по которым они должны были принимать решения. Часто кроме докладчика и ещё двух-трёх депутатов никто даже не читал подготовленных министерством документов. Положение усугублялось тем, что думцы, как правило, состояли сразу в нескольких комиссиях и перебегали из одной в другую, улавливая из докладов лишь обрывочные сведения. Это, впрочем, нисколько не мешало им высказывать часто в безапелляционной форме свои «компетентные» мнения⁵. Даже в ключевой думской комиссии — бюджетной — из шестидесяти с лишним членов в заседаниях участвовала в лучшем случае треть. И только усилиями её многолетнего председателя М.М. Алексеенко удавалось обходиться без серьёзных скан-

---

¹ Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Т. 1. С. 113.

² Там же.

³ Автобиографические записки С.И. Тимашева // С.И. Тимашев: жизнь и деятельность. Тюмень, 2006. С. 251.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

далов¹. Кстати, именно глава бюджетной комиссии стал наиболее влиятельным членом нижней палаты, теснее всего контактирующим с кабинетом министров. Премьер В.Н. Коковцов не скупился на публичные похвалы по поводу бюджетных слушаний, где многие депутаты получили необходимые навыки, «сумев отделить второстепенное от главного, исправить, что казалось на первый взгляд несовершенным...»² Однако пример с Алексеенко следует признать скорее исключением. Так, в отличие от него председателю контрольной комиссии Госдумы И.В. Годневу (врачу из Казани) даже не удалось подступить к сметам государственного контроля, поступавшим в нижнюю палату. Дополнительных сил, способных освоиться с этой сложной документацией, также просто не находилось³. Только перед самым окончанием полномочий Думы третьего созыва удалось рассмотреть отчёт госконтроля по росписи 1908 года, а все пять лет депутаты ограничивались дебатами о желательности реформы этого учреждения⁴.

Не лучше обстояло дело и на пленарных заседаниях, по которым общество судило о народном представительстве. Хотя, по официальным данным, количество пропущенных депутатами заседаний составляло в среднем лишь 13–15 % на каждого⁵, это не соответствовало действительности. Количество зарегистрированных народных избранников сильно отличалось от числа присутствующих. Многие просто приезжали, быстро расписывались в регистрационной книге и удалялись восвояси; иногда даже расписывались заранее, за следующие дни⁶. Пустые кресла, безлюдные коридоры — типичный думский пейзаж, давший повод для шутки, что скоро в Таврическом дворце останется одна только канцелярия с председателем думы

¹ *Еропкин А.В.* Записки члена Государственной думы. Воспоминания 1905–1928 годы. С. 61.

² Выступление В.Н. Коковцова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. сессия 1, Часть 2. Заседание 42 от 12 мая 1913 года. Стб., 912.

³ *Еропкин А.В.* Записки члена Государственной думы. Воспоминания 1905–1928 годы. С. 61.

⁴ *Яшунский И.* Государственный контроль и Государственная Дума // *Право*. 1913. № 11. (17 марта). С. 660.

⁵ Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 годы. Ч. 1 Общие сведения. СПб., 1912. С. 22, 24, 26.

⁶ *Шидловский С.И.* Воспоминания. Т. 1. С. 121.

М.В. Родзянко¹. Обычно депутаты разъезжались по домам задолго до закрытия сессий, а как писали в прессе, «это хуже, чем беззаконие: это преступное равнодушие к своим хозяйским обязанностям в стране. Никто вас, господа законодатели, не тянул на аркане. Сами вы вызвались и согласились быть представителями народа, сами в большинстве усиленно добивались этой чести...»² Что было бы с часовым, если бы он самовольно бросил пост раньше положенного? А если бы кухарка или дворник не стали в полном объеме выполнять свою работу под предлогом отдыха?³ В отличие от народных избранников эти скромные люди не перестают поддерживать хозяйственную жизнь, причём за нищенскую плату, тогда как одна минута запланированных заседаний Госдумы обходится бюджету в 75 рублей. Депутаты, не утруждающие себя исполнением своих обязанностей, просто пускают эти деньги по ветру⁴. Многие ораторы во время пленарных заседаний любили покружиться: «каждый лез на трибуну без всякой надобности, чтобы показать, что он не хуже других»; выступления некоторых избранников народа напоминали «сплошную клоунаду»⁵. Общая атмосфера «подобна запою или наркотику... поневоле окутывает вас каким-то дурманом. Постепенно втягиваешься в постоянную суету, сцепление и расцепление комбинаций, игру закулисных влияний, лабораторию сплетен и скандалов»⁶. (В Петербурге того времени, если на улице вдруг поднимался беспорядок, обычно слышалось: «Здесь вам не Госдума!» или: «Я вам не член Думы»⁷.)

Очевидно, что в таких условиях работа редко бывала плодотворной и квалифицированной. Конечно, всё это присутствовало

---

¹ См.: Выписка из письма Г. Алексеева к А. Алексееву в Петербург. 30 мая 1913 года // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 988. Л. 67.

² *Меньшиков М.* Разъехались // Новое время. 1913. 6 июля.

³ Там же.

⁴ Выступление П.Н. Крупенского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 3. Заседание 79 от 13 марта 1909 года. Стб. 693.

⁵ *Еропкин А.В.* Записки члена Государственной думы. Воспоминания 1905–1928 годы. С. 57.

⁶ *Мусин-Пушкин В.В.* Воспоминания // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 92.

⁷ *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 73.

и в европейских парламентах, и тем не менее иностранцы, воочию наблюдавшие работу нашей нижней палаты, не переставали удивляться тому, что среди такого количества ораторов так мало тех, кого можно назвать государственными деятелями, пусть и средней руки¹. В этом смысле Госдума заметно проигрывала, например, английской палате общин, где депутаты обсуждали самые животрепещущие вопросы с «шутливой терпимостью», — это было немыслимо в Таврическом дворце, объятom враждой не на жизнь, а на смерть². Законопроекты то и дело застревали на разных стадиях рассмотрения. Так, к лету 1914 года в стенах палаты скопились законопроекты, касающиеся ассигнований по конкретным статьям расходов. Из них заслушанных в Думе, но не переданных в Госсовет было 9; готовых к рассмотрению на общем собрании — 13; ожидавших заключения бюджетной комиссии — 110; не рассмотренных комиссиями — 113. Причём за ними стояли реальные и неотложные нужды в различных сферах жизни³. Принятые же законы выходили в неудовлетворительном состоянии, «поскольку народные представители не отличались особым умением излагать ясно и сообразно законодательной терминологии свои мысли»⁴. Госканцелярии и управлению делами Совмина приходилось отшлифовывать эти тексты, чтобы они могли войти в свод законов Российской империи⁵. Зато большой популярностью у депутатов пользовались запросы в правительство, причём по самым разным и даже курьёзным поводам, как, например, обвал лесов при строительстве дома в какой-то губернии; думское большинство вообще ограничивалось подобными интересами⁶. Но злоупотребление практикой запросов, вызывавших восторг в Думе, привело к тому, что в правительстве попросту перестали на них реагировать. Более того, сами депутаты забывали о своих запросах и ответов не требовали. В результате

¹ Там же. С. 93.

² Васильчикова Л.Л. Исчезнувшая Россия. Воспоминания. 1886–1919 годы. СПб., 1995. С. 155.

³ Финансовое обозрение. 1915. № 3. С. 40–41.

⁴ Лодыженский А.А. Воспоминания. Париж, 1984. С. 40.

⁵ Там же.

⁶ Мансырев С.П. Мои воспоминания о Государственной думе (1912–1917 годы) // Историк и современность. Берлин, 1922. Т. 2. С. 12.

эта деятельность превратилось в обычную рутину, которой мало кто интересовался¹.

Согласимся: в свете вышесказанного Дума совсем не напоминает флагман прогресса. Правда, кому-то это покажется неубедительным: ведь автора всегда можно заподозрить в тенденциозном подборе материала. Действительно, при использовании кадетских источников картина будет совершенно иная (и куда более привычная для постсоветской историографии): передовые думцы и реакционная бюрократия. Чтобы составить максимально объективное мнение о потенциале нижней палаты как субъекте модернизации, следует внимательно обратиться к стенографическим отчётам по рассмотрению Государственной думой различных смет.

Начнём с железнодорожного хозяйства — одного из самых значимых в империи. Расходы министерства путей сообщения достигали 1/5 части всего российского бюджета; путевая смета была одной из самых больших из пятидесяти ведомственных смет, направляемых на обозрение Думы². При этом она была максимально открыта для обсуждения: в 1910 году из 532 млн рублей к «забронированной», то есть не подлежащей сокращению сумме относился лишь один миллион; остальное подлежало свободному изменению в сметном порядке³. Напомним: «забронированными» считались те части смет различных министерств и ведомств, которые были определены таковыми правилами от 8 марта 1906 года⁴. Согласно им около 40 % всех расходов исключались из ведения законодателей: наименее доступными для вмешательства думцев являлись бюджеты министерства внутренних дел, иностранных дел, Священного синода⁵. Отсутствие же «бронировки» в МПС объяснялось чистой случайностью. Это министерство никогда не имело

¹ Шидловский С.И. Воспоминания. Т. 2. С. 43.

² Выступление Д.И. Гершенвица // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 67 от 9 марта 1910 году. Стб. 151.

³ Там же.

⁴ Высочайше утвержденные правила о порядке рассмотрения Государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных. 8 марта 1906 года // ПСЗ-III. № 27503. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. Стб. 223–224.

⁵ Выступление М.С. Аджемова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 1. Заседание 19 от 12 января 1908 года. Стб. 1168–1169.

постоянных штатов, каждый раз они утверждались на трёхлетний период. К моменту созыва Думы истёк очередной срок, и в МПС не успели провести пролонгацию, вот и сложилась такая ситуация¹.

Дебаты вокруг железнодорожной сметы прекрасно проиллюстрируют, как обсуждались в стенах Таврического дворца содержательные проблемы. Отраслевая дискуссия в III Думе стартовала с обширного выступления товарища министра путей сообщения В.А. Мясоедова-Иванова, настоящего специалиста с богатым послужным списком. Его доклад на пленарном заседании ГД в апреле 1908 года — образец анализа отраслевых проблем. Причём с самого начала текста чувствуется, что высокопоставленный чиновник прекрасно понимал, перед какой аудиторией выступает. Претензии и критика, недавно обрушившиеся на него в бюджетной комиссии, завершились диагнозом полной бессистемности в железнодорожном хозяйстве. И потому товарищ министра предварил свою речь дипломатичным замечанием: «Полагаю, что эти последние мнения являются чисто субъективными со стороны тех лиц, которые за недосугом, вероятно, не нашли возможным вникнуть в столь сложное дело, как эксплуатация железных дорог»².

А вникать-то было во что: рельсовая сеть увеличилась с 1895 года на 50 % (с 31 тысяч до 46 тысяч вёрст), в то же время грузооборот вырос вдвое. Следствием стали участвовавшие перебои и нарекания: линии они явно не поспевали за бурным развитием промышленности и торговли³, тем более что происходило оно неравномерно. Учитывая эти обстоятельства, МПС начало практиковать создание порайонных комитетов. Первая такая структура была образована в южном горном регионе, куда вошли не только ведомственные чиновники, но и углепромышленники, представители местных биржевиков и земств. Объединённые в рамках Харьковского угольного комитета, они занялись совместным регулированием перевозок, и вскоре дело стало налаживаться. Иными словами, сами потребители стали участвовать в формировании товарных потоков. Поэтому утверждение, что отрасль находится на пути к хаосу, было не-

¹ Показания А.И. Шингарева // Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 11.

² Выступление В.А. Мясоедова-Иванова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 51 от 24 апреля 1908 года. Стб. 1914.

³ Там же.

верным¹. Чтобы обосновать меры, которые предполагает принимать правительство, Мясоедову-Иванову пришлось разжёвывать для депутатского корпуса многие азбучные истины. Он напомнил, что железнодорожное хозяйство представляет собой сложный механизм; соотношение между двумя его составными частями — транспортным составом и пропускными возможностями — определяет эффективность всей работы. Весьма важная часть бюджета обслуживает именно эти стороны хозяйства, и нельзя поступаться ассигнованиями на данные цели, допуская урезание сметы².

Думцы возмущались также товарными залежами на наших железных дорогах, чего не наблюдалось в европейских странах; причину этого они видели в полной беспомощности бюрократии. На критику последовало объяснение: все перевозки в Европе регулируются Бернской конвенцией, а в России — Общим уставом, который аналогичен западному акту, за исключением одной важной детали. По Бернской конвенции дороги принимают к отправлению лишь те грузы, которые могут в данный момент перевезти; если такой возможности нет, грузы хранятся на специальных складах, принадлежащих частным обществам, иногда даже с правом выдачи warrants под залог этих товаров. В России же все железные дороги обязаны в любое время принять груз и не имеют права отказать владельцу. Отсюда и залежи на станциях, особенно хлебные: ведь единственный способ взять кредит под хлеб после урожая — это доставить его на станцию для получения соответствующего документа. Во многих случаях зерно привозят не для того, чтобы куда-нибудь отправить, а для того, чтобы оформить ссуду. Фактически наши дороги служат бесплатным и ответственным хранителем огромных объёмов зерновых. Вот в чём вместо огульных обвинений следует разобраться Госдуме³. Что же касается убыточности путей, неизменно выставляемой депутатами на первый план, то помимо кризисных явлений общего порядка следует учитывать и такое важное обстоятельство. Началось присоединение к сети европейской России линий, построенных в азиатской части (Сибири и Забайкалье). На первых этапах их эксплуатации возможны

---

¹ Там же. Стб. 1916.

² Там же. Стб. 1917.

³ Там же. Стб. 1918–1919.

лишь убытки, что и привело к дефициту. А вот без учёта азиатских территорий положение не такое критичное, как кажется¹.

Теперь интересно посмотреть, как же депутаты обсуждали этот обстоятельный обзор отраслевых проблем. Содокладчик от бюджетной комиссии Н.Л. Марков (кстати, один из немногих, кто по службе имел отношение к железным дорогам) прекрасно понимал, какой уровень обсуждения задал товарищ министра, но ограничился общими рассуждениями, хотя и постарался излагать их поярче. В частности, он иронично заметил: тут «читалась вообще чуть ли не лекция о значении железных дорог в экономическом строе всякого государства и России в особенности»². Но, как следует из стенограмм, эти сведения оказались совсем не лишними для большинства собравшихся в Таврическом дворце. Один депутат откровенно признаётся, что он не специалист в данных делах и говорить ему о них трудно³. Другой (священник из Курской губернии) заявляет, что поговорить может, поскольку у него в приходе есть железнодорожные служащие и он многое знает⁴. Третий вообще предлагает не тратить время попусту, а приняться за организацию правительства⁵. Более достойно выглядел В.В. Жуковский. Как представитель промышленности он высоко отозвался о Варшавском районном комитете, чья деятельность заметно улучшила ситуацию в Привислинском крае⁶.

Лидеры думской оппозиции отдавали себе отчёт, насколько невыгодно для них втягиваться в дискуссии на профессиональные темы. Поэтому А.И. Шингарёв решил повернуть дебаты в другое русло. Кадетский штатный оратор фактически признал бессмысленность обсуждений столь огромного массива материалов,

¹ Там же. Стб. 1922–1923.

² Выступление Н.Л. Маркова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 51 от 24 апреля 1908 года. Стб. 1927.

³ Выступление А.П. Вишневого // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 4. Часть 3. Заседание 73 от 5 марта 1911 года. Стб. 3671.

⁴ Выступление А.Д. Мешковского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 1. Часть 3. Заседание 67 от 7 апреля 1913 года. Стб. 1254.

⁵ Выступление Н.М. Егорова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 52 от 25 апреля 1908 года. Стб. 2018.

⁶ Выступление В.В. Жуковского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 51 от 24 апреля 1908 года. Стб. 1936.

но в то же время заявил, что правительство само не знает истинного положения дел в отрасли, почему и обследует периодически железнодорожное хозяйство. Последняя такая попытка имела место в начале 1900-х годов, когда работала комиссия члена Госсовета А.П. Иващенко. Надо свернуть прения, заключил Шингарёв, и учредить новую комиссию — только «похожую на парламентскую западноевропейскую комиссию»¹. Освободившись от необходимости выслушивать малопонятные вещи, депутаты с энтузиазмом кинулись формировать искомую комиссию. На это ушло два полноценных дня, и за это время атмосфера крайне накалилась. При этом о железнодорожном хозяйстве — о том, ради чего и учреждался этот орган — никто даже не вспомнил! Споры шли вокруг желания думцев сформировать комиссию в законодательном порядке. Прибывший на заседание министр финансов В.Н. Коковцов не имел ничего против образования комиссии для тщательного изучения дел в железнодорожной отрасли. Но чтобы не затягивать организационную стадию, он предложил создать её в порядке управления, что в самые сжатые сроки могла осуществить исполнительная власть. Как заверил Коковцов, правительство соберёт специалистов, которые поделятся своими знаниями с депутатами, изъявившими желание работать в новой комиссии². Если же учреждать комиссию законодательным путём, на это уйдёт, по самым оптимистичным оценкам, не менее года³.

Однако думцы настаивали на своём. Октябрист А.А. Уваров с трибуны отказался входить в комиссию, сформированную без выборов в Госдуме, поскольку в этом случае она не будет обладать необходимым авторитетом в общественных кругах⁴. Правда, никто не задумывался, зачем профессиональному железнодорожному сообществу, к которому апеллировал один лишь министр финансов, требуется авторитет этих самых кругов. Напомним: пытаясь охладить пыл думцев, Коковцов и произнёс известную фразу: «У нас парламента, слава Богу, ещё нет»⁵. После чего нижняя

¹ Выступление А.И. Шингарева // Там же. Стб. 1952.

² Выступление В.Н. Коковцова // Там же. Стб. 1980–1981.

³ Там же. Стб. 1981.

⁴ Выступление А.А. Уварова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 51 от 24 апреля 1908 года. Стб. 1985.

⁵ Выступление В.Н. Коковцова // Там же. Стб. 1995.

палата полностью потеряла способность воспринимать какие-либо аргументы. Выступили ещё двенадцать человек, ударившиеся в разбор тонкостей различных политических моделей.

В конце концов правительство перестало участвовать в этой комедии, и в сентябре 1908 года комиссия по обследованию железных дорог была учреждена указом Николая II. В неё вошли по два представителя от Минфина, Минюста, МПС, МВД, Военного министерства и Госконтроля, а также лица по высочайшему назначению; с правом совещательного голоса привлекался целый ряд специалистов¹. Председателем комиссии стал член Государственного совета Н.П. Петров — известный инженер-механик, бывший начальник ключевых департаментов МПС, в 1892–1900 годах товарищ министра, пользовавшийся заслуженным авторитетом в отрасли². Любопытно, что эту представительную комиссию хотел возглавить С.Ю. Витте, считавший, что в отраслевых делах он разбирается не хуже Петрова. Столыпин безоговорочно отклонил эту идею³. Остаётся только добавить: деятельность этой комиссии получила высокие отзывы, она служила образцом того, как нужно обрабатывать и анализировать различные материалы⁴. Впоследствии Госдума, так упорно противившаяся появлению комиссии, отдала должное её эффективной и полезной работе⁵. Даже кадеты устами Некрасова признали: «Доброе из её недр уже вышло, и это доброе заключается в тех научных исследованиях, которые под руководством генерал-инженера Петрова были произведены её сотрудниками»⁶.

---

¹ Высочайше утвержденное положение об Особой Высшей комиссии для всестороннего исследования железнодорожного дела в России. 21 сентября 1908 года // ПСЗ-III. № 31015. Т. 28. Отд. 1. СПб., 1911. С. 722.

² Петров Николай Павлович // Государственный совет Российской империи. 1906–1917 годы. Энциклопедия. М., 2008. С. 205–206.

³ *Савиг Н.В.* После исхода. Парижский дневник. 1921–1923 годы (запись от 16 апреля 1921 года). М., 2008. С. 59–60.

⁴ Выступление Д.П. Козырева (Министерство путей сообщения) // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 4. Часть 3. Заседание 73 от 5 марта 1911 года. Стб. 3658.

⁵ Что сделала высшая железнодорожная анкетная комиссия // Новый экономист. 1913. № 22. С. 5.

⁶ Выступление Н.В. Некрасова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 67 от 9 марта 1909 года. Стб. 221.

Правительство старалось избегать конфронтации, втягивая нижнюю палату в практическую работу. По этой причине была принята отставка министра путей сообщения Н.К. Шаффуса фон Шафаузена, который с большим трудом адаптировался к новому государственному формату, не мог выступать перед народными избранными, в чём откровенно признавался¹. Для столыпинского кабинета это являлось неотъемлемым элементом работы, поэтому правительство выступило против кандидатуры военных кругов на пост министра — генерала А.А. Вендриха: его настойчиво рекомендовал государю вел. кн. Николай Николаевич². Этот деятель предпочитал распоряжаться посредством грубых окриков, не терпел возражений и вряд ли был в состоянии взаимодействовать с депутатами³. Столыпин убедил Николая II предпочесть свободно чувствовавшего себя в стенах Госдумы С.В. Рухлова, назначенного в начале 1909 года. Однако всё же для полноценного сотрудничества этого было явно недостаточно. Непреодолимым препятствием оставалось отсутствие необходимого опыта и знаний, не позволяющее думцам квалифицированно оценивать предлагаемые меры. В частности, этот «симптом некомпетентности» проявился в навязчивом желании во что бы то ни стало и, главное, как можно быстрее решать все проблемы. Например, депутаты требовали повышения доходности, улучшений эксплуатации сети; утверждали, что путевое хозяйство в руках правительства всегда будет приносить только убытки. На это Коковцов справедливо заметил: «чего же тогда нет ни одной местности, «которая бы не добивалась всяческим способом постройки той или иной линии?»⁴ Терпеливо выслушивая депутатов, правительство пыталось проводить принцип: «Ничего нет легче, как говорить о планах и плановости, и ничего нет труднее, как эту плановость провести в жизнь»⁵.

Судя по стенографическим отчётам, участие Госдумы в обсуждении законопроектов, как правило, сводилось к механическому

¹ Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 296–297.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 259.

³ Корш. Е.В. Двадцать лет на железной дороге (1889–1908 годы). Воспоминания о железнодорожной службе. СПб., 1910. С. 67–68.

⁴ Выступление В.Н. Коковцова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сост. III. Сессия 2. Часть 2. Заседание 65 от 2 марта 1909 года. Стб. 2826.

⁵ Там же. Стб. 2833.

урезанию тех или иных цифровых данных, представленных на рассмотрение. Например, вопрос о сокращении железнодорожных служащих депутаты поднимали постоянно, при этом никак не учитывая реалии: ведь увеличилась не только общая протяжённость железных дорог, но и количество станций и переездов, а также выросла нагрузка по перевозке переселенцев (свыше 700 тысяч). В этой ситуации сокращения могли привести к печальным результатам¹. И всё-таки министерство стремилось найти компромисс. Глава ведомства Рухлов, не поддерживая по существу предполагаемые сокращения, допускал их, но с условием, что Дума примет во внимание представленные соображения и более вдумчиво подойдёт к этому вопросу². В паровозном парке народные избранники выявили 94 лишних паровоза, чем и мотивировали свой отказ в кредитах на новую технику. Министерство недоумевало: откуда «пошла гулять» эта цифра, ведь никто никаких материалов не изучал? А при желании, пользуясь лишь арифметическими способами, можно показать излишек и двухсот паровозов, и вообще чего угодно³. Комментируя подобную думскую практику, начальник департамента МПС, известный инженер Д. П. Козырев говорил, что многочисленные требования по сокращению смет являются по большей части следствием недоразумений; они основаны лишь на сравнении с голыми цифрами предыдущего года. Министерство просило Госдуму предоставить ему свободу манёвра по отдельным позициям смет, оставив неизменным общее сокращение, предложенное бюджетной комиссией. Это дало бы возможность перебрасывать средства внутри сметы туда, где они нужнее. Козырев убеждал: «...Прямые успехи не могут быть быстрыми и внезапными, они достигаются постепенно, шаг за шагом. В фееричные успехи я не верю, эти фееричные успехи действительно, может быть, ярко вспыхнут, но так же быстро потухнут, да пожалуй, ещё оставят и чад за собой, а вот упорная работа ведомства, которую

¹ Выступление С. В. Рухлова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 67 от 9 марта 1910 года. Стб. 184–185, 193.

² Там же. Стб. 201.

³ Выступление Щукина Н. Л. (товарищ министра путей сообщений) // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание от 68 от 10 марта 1910 года. Стб. 285–286.

оно выполняет, может быть, медленно, шаг за шагом, но приведёт, несомненно, к прочным результатам»¹.

Это был правильный подход: умелая эксплуатация железных дорог позволила адекватно ответить на экономический подъем и увеличение грузопотока; убыточное ранее хозяйство начало давать прибыль. Комиссия генерал-инженера Петрова, анализируя отчётность, подсчитала, что превышение чистого дохода в 1909-м против 1907 года составило 44 млн рублей. Причём определила, сколько зависело от перевозок возросших урожаев и сколько приходилось на организационные улучшения. По мнению комиссии, это соотношение выглядело так: 11 млн рублей за счёт урожайности, а остальные 33 явились результатом улучшенной работы². Эти успехи не могла отрицать и Госдума. Только здесь достижения объясняли в большей степени урожайными годами и теми мерами, «на которые неоднократно указывало законодательное учреждение и которые приняты во внимание МПС»³. Какие это были меры, на которые настоятельно указывала Дума, мы видели выше. Её интересовала не содержательная кропотливая работа, а расширение влияния на отрасль. Поэтому постоянно предпринимались попытки оспорить компетенцию Госсовета, 2-й департамент которого рассматривал дела об учреждении частных железнодорожных обществ. Думцев и близкие им круги раздражало, что выдачей концессий келейно занимаются два-три десятка сановников, и они требовали наделить нижнюю палату соответствующими полномочиями⁴. Один из многочисленных запросов в правительство, касающийся Приднепровской ветки, начинался фразой: «Известно ли Министерству финансов и Министерству путей сообщения о том, что ими вынесено представление...» Коковцов метко отреагировал на эту формулировку разрекламированных кадетских юристов: «Трудно предполагать, чтобы ведомства

¹ Выступление Д.П. Козырева // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сост. III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 67 от 9 марта 1910 года. Стб. 237, 241.

² Выступление Д.П. Козырева // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сост. III. Сессия 4. Часть 3. Заседание 73 от 5 марта 1911 года. Стб. 3658–3659.

³ Выступление Д.И. Гершенвица // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сост. III. Сессия 5. Часть 3. Заседание 113 от 21 апреля 1912 года. СПб., 3041–3042.

⁴ Передовая // Утро России. 1910. 19 августа.

внесли и подписали представление, которое не было им известно»¹. Борьба шла также по поводу выпуска железнодорожных облигаций, гарантированных государством. Дума резервировала это право исключительно за собой. По мнению же правительства, вопрос не входит в ведение нижней палаты, так как он не сопряжён с прямыми бюджетными расходами². Как позже говорил Шингарев, эпизод с ценными бумагами больно задел многих³.

Копившиеся обиды народных избранников прорвались в громком деле о концессии на строительство линии Екатеринбург — Казань, имевшей стратегическое значение. Конкурировали два сильных соперника: с одной стороны — Русско-Азиатский банк вместе с известным инженером К. фон Мекком, и с другой — купеческая группа во главе с видным депутатом, бывшим председателем II Думы кадетом Ф.А. Головиным: последние выступали за маршрут от Нижнего Новгорода до Екатеринбурга. Ожесточённые баталии шли в рамках комиссии по новым железным дорогам Минфина⁴. В итоге Совет министров высказался за первый проект, который поддерживал Коковцов, ставший премьером после гибели П.А. Столыпина⁵. С этих пор думцев захватила идея — испортить жизнь победителям тендера и тем, кто выступил на их стороне. И вскоре поднялся шум вокруг Московско-Киевско-Воронежской железной дороги: её управляющим был родной брат премьера, который так сильно задел своим решением верхушку кадетов. Пошли разговоры о покровительстве властей, о нарушениях прав местного населения и т.д.⁶ Затем волна негодования захватывает Московско-Казанскую железную дорогу, принадлежащую Русско-Азиатскому банку и фон Мекку (от Казани до Екатеринбурга

¹ Выступление В.Н. Коковцова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 2. Заседание 61 от 25 февраля 1909 года. Стб. 2480.

² Там же. Стб. 2475

³ Показания А.И. Шингарева // Падение царского режима. Т. 7. С. 12–13.

⁴ Журнал комиссии о новых железных дорогах по вопросу о сооружении железнодорожной линии в Северозаволжском и Прикамском крае. Март-апрель 1911 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 232 Л. 403–404.

⁵ Подробнее об этом см.: *Пыжиков А.В.* Питер — Москва: схватка за Россию. М., 2014. С. 163–166.

⁶ Выступление В.М. Вершинина // Государственная Дума. Стенографический отчет. Созыв IV. Сессия 1. Часть 2. Заседание 32 от 27 марта 1913 года. Стб. 109–112.

собирались прокладывать новую ветку). На одном из заседаний ГД восходящая кадетская звезда В.Н. Некрасов обосновал необходимость национализации дороги¹. Товарищ министра финансов С.Ф. Вебер возражал: перед учредителями стоит задача построить новую линию, и разговоры о выкупе в данном случае неуместны². Представительная комиссия Петрова тоже не одобрила эту инициативу³. Тем не менее на территории, по которым должна пройти дорога, выезжают известные адвокаты — для защиты целой серии исков. Оказалось, что земли к обществу Московско-Казанской дороги перешли без учёта интересов местных жителей⁴. Эпопея завершилась лишь при Временном правительстве, которое по инициативе Некрасова, ставшего министром путей сообщения, высказалось за выкуп дороги в казну⁵.

Дефицит профессиональной компетенции Дума с лихвой компенсировала, политизируя социально-экономические проблемы. Об этом красноречиво свидетельствует принятие аграрного законодательства, которое справедливо считается одним из главных дел нижней палаты. Однако его никак нельзя отнести на счёт её кадетской части. Казалось бы, утверждение института частной собственности — это альфа и омега для каждого, кто относится к либеральному лагерю, а тем более для кадетов, неизменно позиционировавших себя рьяными приверженцами западного опыта. Но тут мы сталкиваемся с поразительным явлением: именно кадетская партия, сомкнувшись с разнообразными социалистическими элементами, оказавшимися в Думе, развернула знамёна против святого святых либерализма — против частной собственности. Об этом эпизоде отечественного либерализма сегодня говорят не часто. Современные почитатели кадетов предпочитают использовать стандартные отговорки: де-

---

¹ *Выступление В.Н. Некрасова* // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 1. Часть 3. Заседание 68 от 7 июня 1913 года. Стб. 1272, 1279

² *Выступление С.Ф. Вебера* // Там же. Стб. 1272.

³ *Доклад о ревизии Московско-Казанской железной дороги* // Утро России. 1913. 20 августа.

⁴ *Пережитки посессионизма (грандиозный процесс против общества Московско-Казанской железной дороги)* // Коммерсант. 1914. 20 мая.

⁵ *О выкупе в казну Московско-Казанской железной дороги* // Торгово-промышленная газета. 1917. 30 мая.

скасть, это лишь тактическая уловка, надо было многое учитывать, соответствовать и т.д.¹

Заметим: «соответствовать» кадеты начали сразу. В первых двух Думах оказалось значительное число представителей крестьянства, и кадеты бросились налаживать с ними контакт²; при этом их правоверный либерализм приобрёл своеобразную окраску. Действительно, странно видеть поборников либерализма, ратующих против частной собственности. В результате в роли истинного либерала выступило правительство. Декларация И.Л. Горемыкина гласила: «Государственная власть не может признавать право собственности на землю за одними и в то же время отнимать эти права у других. Не может государственная власть отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно права частной собственности на всякое иное имущество»³. Эта азбучная либеральная истина не вдохновила кадетов, прекрасно осведомлённых, что такое частная собственность, но посчитавших, что народное правосознание — более высокое мерило справедливости⁴. Удивительно, но даже в этом случае не обошлось без ссылок на любимый кадетами западный опыт. Ф.Ф. Кошкин, что называется, открыл всем глаза, заявив, что в такой капиталистической державе, как Англия, местные органы самоуправления, советы городов сплошь и рядом заняты отчуждением частной собственности! Правда, оратор счёл нужным уточнить: каковы размеры подобного отчуждения — «это другой вопрос; мы говорим о принципе»⁵.

Позиция кадетов тогда многих повергла в шок. Поэтому партийные лидеры прибегли к развёрнутому обоснованию неожиданных новаций, связанных с отрицанием частной собственности на землю. Это произошло в ходе законодательного утвержде-

---

¹ Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 105.

² Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 540. Л. 450–451.

³ Выступление И.Л. Горемыкина // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв I. Сессия 1. Том 1. Заседание 8 от 13 мая 1906 года. СПб., 1906. Стб. 322.

⁴ Выступление Ф.И. Родичева // Там же. Стб. 327.

⁵ Выступление Ф.Ф. Кошкина // Там же. Стб. 335–336.

ния указа от 9 ноября 1906 года, который предоставлял беспрепятственный выход из общины. Материалы думских дискуссий дают представление о том, как кадеты пытались увязать приверженность либеральной доктрине с образом истинных народных защитников. Уже в земельной комиссии началась ожесточённая борьба против того, чтобы указ обрёл статус закона¹. Затем дискуссии переместились в общие заседания. Стремясь провести закон, Столыпин даже распорядился на время слушаний закрыть сессии земских собраний в губерниях, чтобы депутаты не отвлекались от думских дебатов². Кадетская ударная группа состояла из первых лиц партии. Запевал А.И. Шингарёв, назвавший аграрный вопрос фениксом, «возрождающимся из, казалось бы, потухшего пепла»³. Его недоумение вызывал тот факт, что коренную проблему русской жизни пытаются разрешить через высочайший указ, в какой-то спешке. В то время как по другим серьёзным вопросам, с той же реформой земского самоуправления, правительство считает возможным возиться довольно долго, проводить бесчисленные обследования, созывать совещания и т.д. В земельных же делах власти ведут себя совершенно иначе, а между тем здесь идёт речь о разрушении института семейной собственности, сросшегося с крестьянской жизнью⁴.

Шингарёв ставит в пример старый Госсовет, тот самый, который ранее земские деятели проклинали как реакционное учреждение на пути общественного прогресса. Теперь, оказывается, там очень ответственно подходили к рассмотрению важных вопросов государственной жизни. И хотя заседали в нём, уточнял оратор, далёкие от нас люди, они хорошо понимали, что законодательство — это не шутка, и спешка здесь только вредит⁵. После Госсовета был упомянут и Фёдор Самарин, воспевавший общинные порядки и тщательно изучавший народный быт⁶. Действительно, подоб-

¹ Савиг Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 57.

² Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы. Воспоминания 1905–1928 годы. С. 58.

³ Выступление А.И. Шингарева // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 1. Заседание 5 от 24 октября 1908 года. Стб. 223.

⁴ Там же. Стб. 225.

⁵ Там же. Стб. 227–228.

⁶ Там же. Стб. 234.

ные заявления из уст не кого-нибудь, а самого что ни на есть отъявленного либерала кого угодно могли заставить усомниться в реальности происходящего. Видимо, неловкость ощущал и сам Шингарёв. Поэтому кадетский оратор предусмотрительно не отнёс себя ни к её поклонникам, ни к противникам; по его убеждению, тут непонятно, чему поклоняться или что ненавидеть. Ведь община — в зависимости от условий — находится на различных стадиях развития, ей присуща целая гамма оттенков; единой картины нет и быть не может, а есть огромный, медленный, сложный процесс складывания и разрушения этого организма¹.

Но в любом случае насаждать в этой среде частную собственность — контрпродуктивно. Конечно, оговаривается Шингарёв, он нисколько не против частной собственности как таковой; он против того, чтобы ограничиваться единственным фактором — формой владения, как это делает указ от 9 ноября 1906 года. В нём совершенно не учитывается, в какие политические условия попадают обладатели этой частной собственности. Между тем здесь содержится «очень много главного, принципиально важного, необходимого для осуществления хозяйственного блага, к которому стремятся авторы указа от 9 ноября 1906 года». Они считают так: разовьём богатство, а затем разовьётся и правопорядок. Иным словами, мы не будем улучшать политический строй, мы лишь позаботимся, чтобы люди земли стали богаче, а всё остальное приложится. Шингарев задаёт вопрос: так ли было в западных странах? Действительно ли они сначала разбогатели, а уж потом ввели блга правопорядка? И сам отвечает: нет, Франция, Германия и другие страны оставались нищими и голыми, пока в них не было правопорядка, и только его появление, создание прочных основ политической жизни привело их к богатству. «А тут (в правительстве России. — А.П.) думают как раз наоборот», — заключил Шингарёв². В завершение он призвал прекратить чрезвычайно рискованный эксперимент по насаждению частной собственности, так как вместе с ним может погибнуть сама благая идея³. Затем всю эту аргументацию, только более ярко, воспроизвёл Ф.И. Родичев. Он на-

---

¹ Там же. Стб. 238–239.

² Там же. Стб. 243.

³ Там же. Стб. 262.

прямую связал развитие села с политическим строем: если строй не соответствует западным образцам, то ни о какой интенсивности хозяйства не может быть и речи — при бесправии урожайность не повысится: «Искать сухого места в воде есть утопия»¹. Оратор утверждал, что выделение хуторских хозяйств в российских условиях неосуществимо. Оно возможно, например, во Франции, где шоссейная дорога — явление обыкновенное, а непроезжая — исключение; где всякий посёлок соединён с миром. У нас же, сетовал Родичев, он к себе в поместье не может доставить искусственные удобрения для озимого сева, потому что проехать нельзя и груз лежит на станциях².

Фундаментальную речь против указа от 9 ноября 1906 года, как и полагается крупному идеологу, произнёс П.Н. Милюков. Это было не просто выступление, растянувшееся на два заседания, а целый экскурс в историю земельного вопроса в России. Так — сквозь историческую призму — Милюков попытался обосновать кадетское неприятие либерального по своей сути указа. Он зафиксировал три вехи: 1861 год, 1880–1890-е годы и момент издания последнего указа³. При этом с идеологической точки зрения он выделил два течения: частно-правовое и государственно-правовое; борьба между ними определяла всю политику в данной сфере. По мнению Милюкова, частно-правовую точку зрения в ходе разработки крестьянской реформы отстаивало реакционное дворянство. Его представители ратовали за освобождение народа без земли, требуя отпустить их на все четыре стороны (тогда это называлось «птичьей свободой»); выкупать крестьяне должны были не наделы, а личность и её обязанности по отношению к помещикам. Этой позиции противостояла другая, олицетворяемая известными деятелями Н.А. Милютиным, Ю.Ф. Самариным и др. Они требовали того, что в настоящее время кажется далеко не либеральным: сохранения крестьянского сословия, а также общинного строя и управления. Это было необходимо, чтобы исключить вмешательство помещиков в жизнь освобождённого кре-

¹ Выступление Ф.И. Родичева // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 1. Заседание 5 от 24 октября 1908 года. Стб. 481–482.

² Там же. Стб. 479.

³ Выступление П.Н. Милюкова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 1. Заседание 5 от 24 октября 1908 года. Стб. 618.

стьянства. Потому-то их позицию и можно назвать подлинно государственной, по-настоящему демократической¹. Лучшие люди той поры рассчитывали, что атмосфера деревни оздоровится, что между сословиями начнётся тесное общение — на основе самоуправления суда, гласности и образования. Однако влияние в правительстве получили не те, кто верил в свободное развитие народа, а те, кто видел в народе «зверя, спущенного с цепи» и чьим идеологом стал министр внутренних дел граф Д.А. Толстой. В результате государственная позиция, прогрессивная прежде, трансформировалась в реакционно-дворянскую². Но с началом XX века всё снова поменялось: частно-правовая тенденция опять становится дворянской, теперь важны не деловые, а сугубо политические цели. Именно этим целям служит указ от 9 ноября 1906 года, вносящий хаос в крестьянскую среду. Его вдохновитель — Объединённое дворянство: вначале 1860-х эта организация не смогла взять верх, зато теперь мы наблюдаем за её реваншем³. Вот почему истинные приверженцы либерализма, то есть кадеты, не могут поддерживать указ, провозглашающий частную собственность основой жизненного устройства.

Несмотря на старания Милюкова, его объяснения выглядели довольно мудрёными и удовлетворили далеко не всех. Как образно сказал один из депутатов, «он решился опереться на свой язык и нагнать на Госдуму такой туман, чтобы в этом тумане корабль ГД наткнулся на подводные камни и пошёл ко дну»⁴. Оценивая обильные исторические справки Милюкова, князь А.Д. Голицын отмечал, что они представляют сугубо исторический интерес и с разбираемым земельным вопросом соприкасаются мало⁵. В них скрыто затаённое стремление настроить крестьян против землевладельцев: впервые за существование III Госдумы, сказал оратор, мы яв-

¹ Там же. Стб. 620–621.

² Там же. Стб. 623.

³ Выступление П.Н. Милюкова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 1. Заседание 11 от 5 ноября 1908 года. стб. 774, 778.

⁴ Выступление С.И. Келеповского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 1. Заседание 13 от 10 ноября 1908 года. Стб. 998–999.

⁵ Выступление А.Д. Голицына // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 1. Заседание 11 от 5 ноября 1906 года. Стб. 802.

ляемся свидетелями попытки сравнить два класса; до сих пор это было привилегией так называемых мракобесов. Голицын открыто обвинил Милюкова: вы с соратниками, сказал он, сознательно включаете в программу своей партии такие посулы, «в осуществление коих вы сами не верите»¹. По поводу общинных настроений кадетов Голицын заметил: «Понятия совершенно перепутались, и невольно думается, будь теперь на посту министра внутренних дел Д.А. Толстой (известный консерватор эпохи Александра III. — А.П.), то он пользовался доверием этих скамей», — тут он указал на места кадетов, трудовиков и социалистов². Их страстное желание уберечь общину объясняется просто: сохранить владычество над массами, над послушным для них материалом³. Эту мысль, вызвавшую одобрение у многих присутствующих, следует признать справедливой и точной⁴. Когда уже в эмиграции И.И. Петрункевича спрашивали, почему партия выступила против столыпинских аграрных преобразований, этот видный кадетский деятель уходил от ответа. Но никто не сомневался: позиция стойких противников реформ, привлекательная для крестьянских масс, давала возможность разыгрывать революционную карту⁵.

От правительства в прениях участвовали руководитель главного управления земледелия и землеустройства А.В. Кривошеин и товарищ министра внутренних дел А.И. Лыкошин. Правой рукой Столыпина в земельных преобразованиях принято считать Кривошеина. Но он, не обладавший ораторским даром, старалсяшний раз не произносить публичных речей. Известно лишь одно его выступление с думской трибуны в ходе прений по закону 9 ноября 1906 года: в нём излагались общеэкономические аспекты⁶. Гораздо большую роль в обсуждении играл не столь известный сегодня Лыкошин: его профессиональные познания в сельскохозяйствен-

¹ Там же. Стб. 804.

² Там же. Стб. 807.

³ Там же. Стб. 808–809.

⁴ Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 303.

⁵ Васильчикова Л.Л. Исчезнувшая Россия. Воспоминания. 1886–1919 годы. СПб., 1995. С. 136–137.

⁶ Выступление А.В. Кривошеина // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 1. Заседание 13 от 10 ноября 1908 года. Стб. 1030–1034.

ной сфере и ораторские способности позволяли свободно полемизировать. В частности, он подробно остановился на идее не трогать общину и объявил её абсолютно неприемлемой. Нельзя даже представить себе, какие вопиющие злоупотребления совершаются, когда, с одной стороны, есть бесправная личность, а с другой — самоуправная толпа. И страшно, что именно такую разлагающуюся общину предлагают нам в качестве идеала справедливости и спасительного инструмента от обезземеливания. Факт её существования лишь маскирует обезземеливание, а не уберегает от него¹.

Эти жаркие дебаты вынудили правительство ограничить скупку участков крестьянами, вышедшими из общины, шестью наделами, хотя первоначально речь шла о девяти². Причём ограничение касалось приобретения наделов у таких же крестьян, а в остальных случаях крестьянин был волен покупать земли столько, сколько ему угодно. Иначе говоря, закон создавал условия, при которых каждый мелкий землевладелец имел возможность увеличить свою наделную площадь лишь за счёт более крупного владения³. Эта мера была очевидно нацелена на поддержание того слоя собственников, который можно считать аналогом сегодняшнего среднего класса. Пример такого подхода являла собой Дания — страна классического мелкого землевладения, о сохранении которого заботилась власть, ибо мелкое хозяйство более выгодно с экономической точки зрения. Правда, там не ограничивали скупку наделов, а использовали другие, не менее эффективные методы. Каждый датский хозяин мог приобрести любое количество земельных участков, но с тем условием, чтобы на каждом из них велось отдельное хозяйство. Так как свыше известных пределов это сделать немыслимо, то фактически мы имеем дело всё с тем же искусственным ограничением, призванным поддерживать сложившуюся структуру землевладения⁴. Однако эти доводы властей вызвали стойкое неприятие части думцев —

---

¹ Выступление А.И. Лыкошина (Министерство внутренних дел) // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 1. Заседание 12 от 7 ноября 1908 года. Стб. 911–912.

² Письмо помощника управляющего делами Совета министров к товарищу министра внутренних дел А.И. Лыкошину // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 406. Л. 170.

³ Выступление С.И. Шидловского // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 2. Заседание 56 от 20 февраля 1909 года. Стб. 2057.

⁴ Там же. Стб. 2059.

в основном представителей правых фракций из числа помещиков. Председатель Земельной комиссии Шидловский, отстаивавший правительственную позицию, говорил, что вопрос о нормировании скупки крестьянских наделов обсуждался намного более страстно, чем проблемы общины¹. Список желавших высказаться против предлагаемой меры оказался весьма внушительным, в то время как защитников набралось совсем немного².

Например, херсонский помещик В.Р. Буцкий, активно приветствовавший демонтаж общины, теперь не менее энергично возмущался намерением ввести ограничения на покупку надельных земель, уверяя, что над народом нависла новая грозовая туча стеснений. До каких пор «мы будем пеленать его, как малое дитя?» — вопрошал он и добавлял: принятие законопроекта обесценит землю, а значит, пострадают люди дела. Буцкий напомнил те дни, «когда революционный террор дошёл до своего крайнего предела», когда было невозможно не только пахать, «но и даже жить в своих собственных родовых усадьбах»³. Многие коллеги Буцкого настаивали на полной свободе купли-продажи надельной земли для всех, кто имеет к ней отношение, подразумевая в первую очередь помещиков и исключая нежелательных элементов, ведущих спекулятивные операции. Однако правительство не спешило идти в этом направлении. Товарищ министра внутренних дел Лыкошин категорически не соглашался с тем, что введение ограничений чем-то унижает крестьян и является шагом назад на фоне принятого указа от 9 ноября 1906 года⁴. Раскрепощение крестьянских земельных хозяйств следует проводить осторожно, постепенно, чтобы с появлением на рынке они не служили материалом для образования крупных владений. А говорить, что такая опасность исключена, нельзя: мудрость законодателя и заключается в своевременном принятии предупреждающих мер. Масса собственников формируется в условиях, когда они ещё не приспособились к рыночной обстановке⁵. Суть ситуации хорошо передаёт такой при-

---

¹ Там же. Стб. 2056.

² Там же. Стб. 2074.

³ Выступление В.Р. Буцкого // Там же. Стб. 2085–2086.

⁴ Выступление А.И. Лыкошина // Там же. Стб. 2081.

⁵ Там же.

мер: если пускающийся в путь машинист резко рванёт от платформы, то он рискует зацепить и себя, и пассажиров, сидящих в поезде. Следует посоветовать машинисту набирать скорость постепенно, и в этом гарантия общей безопасности¹.

Перипетии вокруг прохождения железнодорожных смет и аграрного законодательства позволяют увидеть, что подавляющее количество народных избранников, входящих в Государственную думу, отличались низкой компетентностью и отсутствием управленческих навыков. Нижняя палата, которую сегодня выставляют носителем модернизации, никак не могла выполнять эту функцию. В значительной мере этому препятствовала и избыточная политизированность депутатского корпуса, больше нацеленного на пропагандистские акции, чем на профессиональную работу. Достаточно вспомнить, сколько законопроектов в силу названных причин было из-за этого отвергнуто Думой. В первую очередь речь идёт о законе «О подоходном налоге». Его разрабатывал Госсовет старого образца, где концентрировались кадры, прошедшие большую бюрократическую школу. В 1907 году подготовленный проект был внесён в Думу правительством, после чего в течение восьми (!) лет он «гулял» по многочисленным думским комиссиям². Причём столь длительное пребывание в недрах нижней палаты не сопровождалось никакими улучшениями или исправлениями. Специалистов, способных вникнуть в суть документа, в Думе не нашлось, и лишь некоторые наиболее усидчивые депутаты удосужились прочитать подготовленные материалы. А ведь они вобрали в себя огромную работу по изучению разнообразного опыта европейских стран, перешедших на подоходную налоговую систему³; старт этой работе дал ещё Н.Х. Бунге. В основу российского законопроекта о подоходном налоге был положен прусский акт 1891 года⁴, действовавший вплоть до падения кайзеровской Германии.

¹ Выступление С.И. Шидловского // Там же. Стб. 2076.

² Выступление А.С. Постникова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 1. Заседание 7 от 11 августа 1911 года. Стб. 556–557.

³ Выступление С.И. Тимашева // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия XII. Заседание 4 от 18 февраля 1916 года. Стб. 248.

⁴ Выступление А.В. Васильева // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия XII. Заседание 4 от 18 февраля 1916 года. Стб. 266.

Законопроект — и это следует подчеркнуть — имел не только финансовое, но и чёткое политическое значение. Благодаря ему перераспределялась налоговая нагрузка с косвенного на прямое обложение, что облегчало положение малоимущих слоёв, несших на себе всю тяжесть косвенных сборов. В России косвенные налоги превышали прямые в 5,6 раза, в то время как во Франции — в 2,4, в Германии — в 2, в Италии — в 1,8, а в Англии — только в 1,4 раза¹. Неслучайно законопроект считали своего рода «долгом чести имущих классов» — долгом, который нельзя не платить, «если не желаешь рисковать лишением права открыто смотреть людям в глаза»². Но готовые «рискнуть» и не смотреть людям в глаза нашлись сразу после появления проекта в нижней палате. И это были ныне объявленные «лучшими сынами родины» представители московской купеческой элиты. Крестовниковы, Рябушинские, Третьяковы и другие славные семейства выступили однозначно против идеи подоходного налога. Московский биржевой комитет учредил специальную комиссию для противодействия вредным бюрократическим атакам на предпринимательскую инициативу и энергию³. Тузы Первопрестольной ни под каким предлогом не желали отмены абсолютно нечувствительного для себя промыслового налога: в общих трёх миллиардах бюджетных доходов сборы от него составляли мизерную сумму 33 миллиона рублей⁴. Особенно ретиво оберегал купеческий «вклад» в пополнение казны член Госсовета от московских биржевиков Г.А. Крестовников, позволивший себе резкие выпады в адрес министерства финансов⁵.

В результате купеческих усилий законопроект был похоронен в думских комиссиях. Периодические напоминания правительства дать ему ход ни к чему не приводили. Премьер Коковцов настойчи-

¹ Записка министерства финансов «К вопросу о преобразовании действующей налоговой системы». 23 декабря 1915 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 622. Л. 30об.

² Выступление А.А. Бубликова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сост. IV. Сессия 4. Часть 1. Заседание 7 от 11 августа 1915 года. Стб. 612.

³ Боханов А.Н. Вопрос о подоходном налоге и крупная буржуазия // Исторические записки. Т. 114. М., 1986. С. 286–287.

⁴ Выступление М.М. Алексеенко // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Сост. IV. Сессия 1. Часть 2. Заседание 42 от 10 мая 1913 года. Стб. 907–908.

⁵ Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 106.

во обращался к народным избранникам: этот вопрос «ждёт своего разрешения слишком долго», а призывы о развитии производительных сил необходимо подкреплять конкретными действиями¹. Старания ряда депутатов из финансовой комиссии Госдумы вывести законопроект на пленарное заседание оказались тщетными². Большинство озаботилось своим законодательным долгом лишь в ходе Первой мировой войны, а точнее, после формирования новой политической конструкции — Прогрессивного блока, настаивавшего на ответственности правительства перед Думой. Естественно, это потребовало во всём блеске предстать перед обществом. Реанимацию некоторых законопроектов, давно лежащих под думским сукном, П.Н. Милюков откровенно объяснял потребностью выйти с чем-нибудь готовым³. И закон о введении подоходного налога пришёлся как нельзя кстати — тем более что его качество и проработанность не вызывали сомнений. Он был запущен без каких-либо изменений, в редакции старого Госсовета, о чём без тени смущения вещали с думской трибуны⁴. В результате семилетняя блокировка завершилась стремительным принятием давно ожидаемого закона.

Новую жизнь решили вдохнуть и в другой, не менее судьбоносный проект «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных состояний», принятый указом императора ещё в октябре 1906 года⁵. Его значение трудно переоценить, поскольку он уравнивал права крестьян с лицами других состояний. Крестьянам предоставлялась свобода местожительства, для них отменялись особые правила о наказаниях, т.е.

¹ Выступление В.Н. Коковцова // Государственный совет. Сессия VI. Заседание 32 от 26 марта 1911 года. Стб. 1528–1530; Выступление В.Н. Коковцова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 1. Часть 2. Заседание 42 от 10 мая 1913 года. Стб. 950.

² Выступление Н.Н. Кутлера // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 2. Заседание 45 от 12 февраля 1910 года. Стб. 1203.

³ Русская парламентская делегация за границей в 1916 году (Доклад Милюкова в Военно-морской комиссии) // Красный архив. 1933. № 5 (58). С. 23.

⁴ Выступление А.С. Постникова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 1. Заседание 7 от 11 августа 1915 года. Стб. 365.

⁵ Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний. 6 октября 1906 года // ПСЗ-3. № 28392. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. С. 891–893.

ликвидировалась сословная изолированность. В идеологическом смысле этот документ находился в связке с указом от 9 ноября 1906 года — о выходе из общины, о котором говорилось выше. Но если последний благополучно прошёл ГД и ГС, то указ о равноправии крестьянства законодательного оформления не получил. Часть депутатов поставили его принятие в зависимость от распространения равных прав не только на сельских жителей, но и на инородцев, прежде всего евреев; против этого бурно возражали правомонархические круги, и в результате дело не двигалось в течение десяти лет. Когда в связи с образованием Прогрессивного блока народные избранники активизировались, они вспомнили об этом перспективном законопроекте. Ведь из каждой тысячи он затрагивал 770 человек: такова была доля крестьян в общей структуре населения страны¹. Думцы не могли упустить подобную возможность и не предстать в образе благодетелей: законопроекту открыли зелёную улицу. Особенно активно выступали кадетские депутаты, но ожидаемого триумфа не получилось. Лидеры партии традиционно рассматривали крестьянское уравнивание вкупе с решением еврейского вопроса, что чётко зафиксировано в их программе. Однако думский опыт показал, что подобная постановка проблемы нереализуема.

Летом 1913 года вспыхнула ссора кадетской фракции с польским колом — при обсуждении «Городового положения в Привислинских губерниях». Подчеркнём: поляки являлись самыми организованными и дисциплинированными в нижней палате; все четыре думских созыва от западных губерний избирались одни и те же лица². И вот теперь они дружно отказывались делиться благами самоуправления с местным еврейским населением. Польские депутаты посчитали, что дополнительные требования о равноправии евреев помешают благополучному прохождению «Городового положения». Попытки кадетских вождей образумить коллег вызвали раздражение и привели к разрыву межфракционных отношений³. Как заявили польские деятели, они никого не просили давать

¹ Выступление И.Т. Евсеева // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 3. Заседание 52 от 7 июня 1916 года. Стб. 4931.

² Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы. Воспоминания 1905–1928 годов. С. 56.

³ Польско-кадетский разрыв // Новое время. 1913. 15 июля; 18 июля.

им наставлений по делам, касающихся их края и народа¹. В преддверии слушаний по указу от 5 октября 1906 года некоторые кадеты решили не наступать «на одни и те же грабли дважды» и настаивали на отделении еврейского вопроса от общекрестьянского. Эту инициативу выдвинул В.А. Маклаков, к тому времени нередко выражавший несогласие с партийными установками². Центральный комитет партии отверг эту идею, в ответ несколько крестьян, входивших во фракцию, пригрозили в знак протеста покинуть её³. Тем не менее Маклаков произнёс в Таврическом дворце речь в поддержку именно крестьянского уравниения, вспоминал Столыпина, произносил здравицы русскому крестьянину-труженику⁴. Растроганные крестьянские депутаты в количестве тридцати человек преподнесли ему приветственный адрес, устроив овацию⁵. В итоге думское большинство утвердило законопроект, поставив точку в его мытарствах. Недовольны остались лишь кадеты и вообще левое крыло, где был высок процент представителей нацменьшинств: их разочаровало недостаточное внимание к еврейскому вопросу. А торжествующим крестьянам было заявлено, что они никогда не станут первосортными гражданами, пока в стране будут существовать второсортные⁶.

---

¹ Выступление Я.С. Гарусевича // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 1. Часть 3. Заседание 75 от 12 июня 1913 года. Стб. 2067–2068.

² *Ефимовский Е.А.* Памяти В.А. Маклакова // Возрождение. 1957. № 68. С. 119–121.

³ Крестьяне и еврейский вопрос // Новое время. 1916. 19 мая.

⁴ Выступление В.А. Маклакова // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 3. Заседание 50 от 31 мая 1916 года. Стб. 4703–4726.

⁵ Чествование В.А. Маклакова // Русское слово. 1916. 4 июня.

⁶ Выступление М.Н. Фридмана // Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 3. Заседание 52 от 7 июня 1916 года. Стб. 4884.

Глава шестая

АГРАРНЫЕ ВАРИАЦИИ

Экономическим фундаментом Российской империи всегда оставалось земледелие. Государственные и дворянские интересы, казённые и помещичьи нужды прежде всего связаны с ним. Финансовая состоятельность страны во многом определялась тем, на подъёме или в кризисе пребывала сельская отрасль. Производительность и платёжеспособность земледельческого населения определяла бюджетное наполнение, а крестьянскую политику, проводимую властями, без преувеличения можно считать синонимом внутренней.

Центральным звеном модернизации, предпринятой в последнее царствование, явилась масштабная аграрная реформа, которую ассоциируют с именем премьера П.А. Столыпина. Ставшая визитной карточкой того периода, она нацеливалась на укрепление устоев государства в меняющемся мире. Эти преобразования отразили представления верхов о том, каким образом должна перестраиваться сельская страна. Взятая на вооружение Столыпиным стратегия подразумевала жёсткую имитацию западных образцов: её традиционно подают в качестве магистрального пути России. Литература убеждает: альтернативой столыпинскому курсу был лишь возврат к крепостническим порядкам, тягу к коим подспудно испытывали чиновничьи и помещичьи круги. Сегодня же такой взгляд следует признать упрощённым: освоение широкого круга источников позволяет увидеть немало того, что ранее находилось на периферии исследовательского поля. В верхах выработывался иной сценарий аграрного развития, намечавший не «кавалерийскую» атаку, а постепенную адаптацию крестьянского сословия к капиталистическим реалиям. Поэтому, чтобы действительно оценить столыпинскую реформу нужно говорить прежде всего не столько о ней самой, сколько о той идейной траектории, в русле которой она вызревала и проходила.

Знания о крестьянстве у правящей прослойки всегда оставались крайне скудными. До реформы 1861 года на помещиках лежала ответственность за налоговые сборы с крепостных, чем, по сути, и ограничивались контакты с податными душами. Владельцы не вникали непосредственно в крестьянскую жизнь, предоставляя им регулировать хозяйственные и бытовые вопросы самостоятельно¹. Крестьянами, числившимися за казной, ведал правительственный аппарат, в составе которого в 1837 году учреждено специальное Министерство государственных имуществ (МГИ), занимавшееся селом. Но чиновничество также не горело желанием погружаться в народные будни, лишь отслеживая своевременность и правильность фискальных выплат². Этот устоявшийся порядок тревожила дискредитация крепостничества как феодального института, ведь со второй половины XVIII века в Европе утверждается тренд на его демонтаж. Западные державы с разной степенью интенсивности втягиваются в буржуазную модернизацию, что неминуемо затронуло и сельскохозяйственную сферу. Ставка сделана на крестьянина-собственника, освобождённого от пут прошлого и вводимого в гражданско-правое поле. К примеру, в Пруссии эти задачи обеспечивало знаменитое законодательство 1807–1821 годов, по которому помещичье крестьянство обрело свободу и землю³.

Антикрепостнические веяния, несмотря на недовольство широких слоёв поместного дворянства, начинали прорезаться и в России. В царствование Николая I известны несколько секретных комитетов, приступивших к обсуждению этой важной проблемы⁴. Видные деятели той поры — М.М. Сперанский, граф П.Д. Киселёв и др. — выступали за ликвидацию крепостничества и перевод крестьянства на частнособственнические рельсы. Возглавлявший МГИ Киселёв спешил перейти от слов к делу. В 1846 году он провёл закон, наце-

¹ Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 18 декабря 1904 года (выступление П.П. Семенова) // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 18. Л. 273–274.

² Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформы П.Д. Киселёва. Т. 2. М., 1958. С. 113.

³ Билимовиг А. Германское землеустроительное законодательство. Т. 1. Киев, 1908. С. 102–103.

⁴ Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России (1856–1861 годы). М., 1984.

ливавший на индивидуальное землевладение с наследственными правами. Когда государственные крестьяне, подведомственные министерству, переселялись в Поволжские губернии, то их волевым порядком начали переводить на частное хозяйство¹. Киселёвские инициативы, несомненно, подпитывались либеральной мыслью, пользовавшейся популярностью в Европе. Хотя этот эксперимент и не принёс осязаемых плодов, но определённо указывал, по какому направлению предпочтительно продвигаться в устройстве крестьянской жизни. Таким образом, уже до 1861 года явственно обозначились идейные контуры: сохранение крепостнического статуса-кво или частнособственническая деревня.

Однако вскоре этот формат ждало испытание на прочность. Речь о действительно крупном исследовании дореформенной России, касательно жизни государственных крестьян, проведённом в 1848–1849 годах под эгидой Министерства государственных имуществ². Поводом послужили жалобы от солдат, возвратившихся после длительной службы в родные деревни. Они спрашивали: имеют ли право отставники требовать часть наследства, которое осталось после родителей, но которым воспользовались другие родственники во время их пребывания в армии? С точки зрения действовавшего гражданского законодательства вопрос казался более чем странным, поскольку право наследования не могло подвергаться сомнению. Тем не менее глава МГИ граф П.Д. Киселёв настоял на обширном изучении этих ситуаций, что и привело к неожиданным результатам. Как констатировалось в материалах, полученных ведомством, «нельзя не заметить резкой разницы между порядком наследования по своду законов и по обычаям крестьян», которые «почти совсем не имеют имущества в том смысле, как мы привыкли его понимать»³. Недвижимость и по-

---

¹ Дружинин Н.М. Киселёвский опыт ликвидации общины // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия. М., 1952. С. 371–372.

² Материалы исследований из разных регионов страны хранятся в фондах Министерства государственных имуществ. См.: РГИА. Ф. 398. Оп. 12. Д. 4338а.

³ Некоторые материалы обследования российских губерний по практике наследования имущества опубликованы в ряде номеров «Журнала Министерства государственных имуществ» за 1862 год. См.: Барыков Ф. Обычаи наследования у государственных крестьян // Журнал министерства государственных имуществ. 1862. № 9. С. 4.

стройки, возведённые из казённого леса, не признаются частной собственностью; движимое имущество (орудия, скот, утварь) имеется лишь в нужном для хозяйства количестве: всё имущество используется исключительно для удовлетворения насущных нужд¹. К тому же семья по крестьянским понятиям являлась не только личным союзом родства, но и рабочим союзом, связанным общими потребностями и обязательствами. Это, если можно так выразиться, кровная артель, чьё добро не подлежит разделу и остаётся в общем владении; даже по смерти отдельного крестьянина его «наследство не открывается»². Таким образом, хлопоты отставных солдат о получении имущества выглядели явно бесперспективными. В содержательном же смысле главный вывод обследований заключался в признании того, что ключевым фактором крестьянского хозяйства выступал не капитал, а личный труд.

Полученные материалы, помимо всего прочего, проясняли суть такого социального института, как община. Достаточно сказать, что в первой половине XIX века в России вышло лишь пять специальных работ, посвящённых общине³. Её воспринимали оптимальной, временем проверенной формой податных сборов. Каждый пользовался известными правами лишь в качестве члена общины; вне её гражданская личность за крестьянином не признавалась, он был безымянной «душой», существующей исключительно для отбывания повинностей. Теперь же обследования МГИ проливали свет на внутренние механизмы общинного строя, давали представление об особенностях крестьянского менталитета. С точки зрения современной науки значимость данных материалов также неопределима, поскольку позволяет лучше понять, как формировались общинные предпочтения в верхах. Ведь сегодня солидные труды либеральной направленности склонны смотреть на русскую общину как на плод богатого воображения отдельных персон. В этом ряду немецкий барон А. Гакстгаузен, путешествовавший по России в 1843–1844 годах. Итогом его наблюдений как раз стало указание на укоренённость общинных порядков в крестьян-

¹ Там же. С. 5.

² Там же. С. 6–7.

³ Христофоров И.А. Судьба реформ: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е годы). М. 2011. С. 24.

ской повседневности. Далее следовали славянофил А.С. Хомяков и бунтарь А.И. Герцен, попавшие под влияние «немецкого романтика»¹. Они-то и приложили руку к созданию «общинного мифа», далёкого от действительности. По мнению же учёных умов, община была скорее символом, чем реальным институтом, маскируя «нормального субъекта естественных экономических отношений, основанных на индивидуализме»². Заметим, что в своих рассуждениях на эту тему либеральная мысль полностью игнорирует исследования МГИ, чьи материалы явно противоречат её концепту.

Но бюрократические верхи преддверия отмены крепостного права вдохновлялись не столько творчеством Гакстаузуена, сколько самым серьёзным отношением к полученным материалам. Воззрения русского крестьянства на цитадель цивилизованного общества — частную собственность — стали тогда для многих подлинным откровением. Эти свидетельства не предавались гласности, но учитывались при выборе путей будущего устройства крупнейшего сословия. Редакционные комиссии, готовившие освободительную реформу 1861 года, уже имели общее представление о существовании обычаев, регулирующих крестьянское бытие, о преобладании семейно-трудовой, а не частной собственности, о так называемых расправах (разбирательствах по совести), заменявших суд³. Но всё-таки первейшей задачей являлся разрыв крепостной цепи, связывающей два сословия, дабы эта цепь «даже косвенным образом не могла так или иначе восстановиться»⁴. Известно, что члены комиссий желали бы создать полную поземельную собственность для крестьян, но тем не менее признали не-

¹ Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте — Столыпина. М., 2016. С. 30–33.

² Христофоров И.А. Судьба реформ: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е годы). С. 82, 98.

³ Стенографические протоколы заседаний Высочайше учрежденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 18 декабря 1904 года (выступление П.П. Семенова) // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 18. Л. 278; Стенографические протоколы заседаний Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 5 февраля 1905 года (выступление А.С. Стишинского) // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 19. Л. 36–37.

⁴ Стенографические протоколы заседаний Высочайше учрежденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 15 декабря 1904 года (выступление А.С. Ермолова) // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 18. Л. 181.

возможным быстрое решение данного вопроса¹. Они не осмелились ломать традиционный уклад широких народных слоёв, с коим пришлось столкнуться. Председатель «редакционных комиссий» А.Я. Ростовцев (личный друг Александра II) неоднократно повторял: «Нет, господа... я не профессор и не буду вам объяснять, как образовалась у нас община... много об этом рассуждений споров; но у нас община есть. Ломать мы ничего не должны. Когда вы говорите о свободе, я вам уступаю: отворите, как хотите широко ворота для выхода всякого крестьянина из общины, но не ломайте общины, — пусть она останется»². Привлекает внимание и такое обстоятельство: за частную собственность для крестьян в Редакционных комиссиях выступали почти все эксперты из западной России. За сохранение же общинного землепользования ратовали представители великорусских губерний: они прекрасно осознавали невозможность крестьянского устройства вне общинных рамок³.

Как известно, Редакционные комиссии предпочли освобождение крестьян с землёй. Иначе, по убеждению большинства, неизбежно возникла бы проблема пролетаризации по европейскому образцу, когда вместо общины в несколько сот душ явятся пять-шесть владельцев-кулаков, «которые сделаются маленькими помещиками»⁴. По замыслу реформы, земля и налоги из помещичьего ведения поступали в непосредственное распоряжение сельских обществ; это означало, что роль такого социального института, как община, по сравнению с дореформенным периодом возрастала. В новых условиях именно она занималась наделением крестьян (в том числе и подрастающего поколения) землёй, а также отвечала за сбор текущих податей и теперь — за выкупные платежи помещикам. Таким образом, с 1861 года община оказалась полновластным хозяином деревни, а решения её схода — основным инструментом сельского администрирования. Кроме того, были образованы волостные суды, в компетенцию которых входило разре-

¹ Семёнов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 3. Пг., 1915. С. 229.

² Семёнов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 2. СПб., 1890. С. 383.

³ Семёнов-Тян-Шанский П.П. Мемуары. Т. 3. С. 230.

⁴ Семёнов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. Т. 2. С. 289.

шение мелких хозяйственных и бытовых конфликтов. Можно сказать, что освободительная реформа, устранив помещичью опеку над всеми сторонами деревенской жизни, практически сохранила тот уклад, который уже существовал на селе¹. Такой подход позволил оптимально сочетать интересы казны, помещиков и народных обычаев. В результате законодательство 1861 года устанавливало, что повседневная жизнь общины может регулироваться обычным правом как органично присущим русскому складу и лишь после завершения выкупных платежей должны вступать в силу гражданские нормы имперских законов². Окончание выплат за землю открывало возможность выхода на единоличное хозяйствование, чем, по мнению законодателей, и воспользуется крестьянство. Только в русле этого перехода предполагалось решать и главный вопрос — о поземельной частной собственности крестьян.

Однако в верхах были и те, кого не устраивали выработанные и законодательно оформленные преобразования. Первая половина 1870-х стала временем, когда речь шла не просто о корректировке реформы, а о пересмотре в русле либерализации её основных итогов. Влиятельные сановники (начальник III отделения канцелярии Е.И.В. граф П.А. Шувалов, министр внутренних дел А.Е. Тимашев, его товарищи по ведомству Б.П. Обухов, А.Б. Лобанов-Ростовский, глава МГИ П.А. Валуев и др.) инициировали масштабный анализ применения крестьянского законодательства. Была учреждена комиссия под руководством Валуева, пятьдесят два заседания которой прошли в Петербурге с ноября 1872 по апрель 1873 года³. Широкому кругу чиновников, учёных, помещиков предлагалось предоставить сведения о пореформенных реалиях села. Опросы подкрепляли вывод о принципиальном несовершенстве общинного механизма, установленного Положением 1861 года. Эти обеспокоенности увязывались со снижением производительной эффективности деревни, повлёкшей проблемы с налоговыми поступлениями. Комиссия указала на необходимость прекратить частые земельные переделы, так как они снижали заинтересованность лю-

¹ Выступление А.С. Стишинского // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия V. Заседание 27 от 18 марта 1910 года. Стб., 1861.

² Изгоев А.С. Общинное право. СПб., 1906. С. 15.

³ Журналы заседаний комиссии находится в РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3652а.

дей в результатах труда, и потребовала уточнения порядка выхода из общины.

Кроме этого, материалы содержали свидетельства об искреннем интересе селян к помещичьему добру: губернское дворянство в один голос причитало об увеличившихся кражах со стороны бывших крепостных. Один помещик из Симбирской губернии рассказывал, что вынужден содержать для охраны лесных угодий девять конных разъездов; причём охранников каждый год избивали, казармы жгли, неоднократно случались и убийства¹. Стало совершенно очевидно, что крестьяне не имеют понятия о частной собственности; они «тогда только уважают чужую собственность, когда поставлены в невозможность безнаказанно ею пользоваться»². Большие нарекания вызвали и управленческие институты общины. Старост избирали, как правило, из крестьян, исполнявших эту роль как повинность, состоя в зависимости от мира. Комиссия выступала за ограничение административной компетенции сходов, практика которых слабо согласовывалась с принципами самоуправления³. В тот же период действовала и ещё одна комиссия — сенатора М.А. Любошинского, обследовавшая волостные суды в пятнадцати губерниях. Она аккумулировала около десяти тысяч решений, половина из них по гражданским делам⁴. Собранный материал оценивался крайне критично: решения по совести, а не по букве закона весьма впечатляли представителей правящего класса, существовавших в ином правовом пространстве. Признать подобную практику нормальной они никак не могли, а потому настаивали на прекращении этого «безобразия» и включении волостных судов в общую судебную систему империи.

Выводы комиссий получили широкий общественный резонанс. Заговорили об анархии крестьянского бытия, погрузившегося

---

¹ Стенографические отчеты лиц, приглашенных в Высочайшую учрежденную комиссию для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности. 6 декабря 1872 года // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3652 (2). Л. 13.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3652а. Л. 19об.

⁴ Стенографические протоколы заседаний Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 29 декабря 1904 года (выступление А.А. Риттиха) // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 18. Л. 404.

в общинное болото. О двух обособленных мирах, живущих рядом, но каждый по-своему. Различия и даже антагонизмы существовали везде, но ни ничего подобного нельзя встретить ни в одной стране, считающейся цивилизованной. На повестке дня явственно обозначалось антиобщинное переустройство сельской жизни с помощью либерального инструментария. Однако практическая реализация этих планов так и не состоялась. И дело здесь не в противодействии со стороны лиц, реабилитировавших общинные порядки, как, например, начальник земского отдела МВД Ф.Л. Барыков, руководитель центрального статистического комитета ведомства П.П. Семёнов или учёные А.С. Постников, Ю.Э. Янсон, А.И. Васильчиков¹. Разворот к общине произошёл вследствие социального напряжения конца 1870-х годов, когда власти сполна ощутили, что такое разрешение земельного вопроса по-крестьянски. Речь не о торжестве частнособственнических перспектив, а о небывалом в XIX веке брожении, ориентированном на совсем другие идеалы. Волнения, произошедшие в этот период, превзошли даже крестьянские бунты, последовавшие после объявления воли весной 1861 года. Спустя несколько лет публицист М.Н. Катков вспоминал в своих «Московских ведомостях» о тревожном периоде конца 1870-х: «Россия представляла собой вид страны, объятый пожаром страшной революции... Казалось, можно было ожидать с часу на час взрыва, перед которым померкли бы все ужасы французской революции»². В советской историографии эти события, напомним, именовались «второй революционной ситуацией».

Только никакие агитаторы, пропагандисты или разрекламированное «хождение в народ» к всплеску активности низов не имели ни малейшего отношения. Причиной послужило событие совсем иного рода. В июне 1877 года правительство озаботилось составлением полноценного земельного кадастра: такое масштабное обследование проводилось впервые после освобождения крестьян³. В последующие два года обширная работа землемеров сильно

¹ Христов И.А. Судьба реформ: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е годы). С. 204, 301.

² Передовая // Московские ведомости. 1885. 17 сентября.

³ Правила «О привидении в известность пространства крестьянских земель посредством съемки их на планы». 11 июня 1877 года // РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 1. Л. 191а-ю.

взбудоражила население: все губернии полнились слухами о грядущем переделе земли по уравнительному принципу. Крестьяне пребывали в уверенности, что эта инициатива, как и в 1861 году, исходит от царя, который отберёт землю у дворянства¹. В таком исходе их убеждала и победа в только что закончившейся Русско-турецкой войне. Администрации на местах информировали: причиной подобных слухов послужили опросные листы, розданные для сбора сведений о размерах наделов и качестве земли². Глава МВД Л.С. Маков вынужден выступать со специальным разъяснением, где со ссылкой на монарха решительно опровергались слухи о каком-либо переделе и подтверждался законный порядок владений³. Министерское объявление рассылали по всем губерниям для оглашения в волостях и церквях. Поэтому не удивительно, что убийство Александра II (1 марта 1881 года) породило в народе слухи, что царя убили дворяне, недовольные освобождением крестьян и противящиеся переделу земли по справедливости⁴.

В 1870-е к особенностям крестьянского хозяйства обратились уже не только в правительственных комиссиях, но и в исследовательских кругах. Даже К.П. Победоносцев, начинавший карьеру на научной ниве, в своём популярном учебнике по гражданскому праву рассуждал о специфичности общинного владения и его несовместимости с римским правом. Победоносцев считал тревожным и опасным, что крестьяне руководствуются своими обычаями в регулировании хозяйства, и выражал надежду на вовлечение населения в цивилизованный гражданский оборот⁵. Другие не ограничивались охранительными призывами. Ряд важных наблюдений содержало известное исследование А. Ефименко. Воззрения крестьян на собственность, писал автор, вытекают из их взгляда на труд «как единственный, всегда признаваемый

¹ Фактический материал о надеждах крестьянства на уравнительный передел земель в 1878–1880 годах содержится: РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1081

² Например: Донесение Новгородского губернатора в МВД. 28 августа 1879 года // Там же. Л. 307об.

³ Там же. Л. 120.

⁴ Циркуляр Министерства внутренних дел губернаторам. 27 марта 1881 года // РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 676. Л. 6.

⁵ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. 1. М., 2005. С. 466–479.

и справедливый источник собственности»¹. Именно труд находился в основе всех крестьянских правоотношений. Признание любого материального благополучия напрямую зависело от величины затраченного труда. Этим же определяется и право наследования, ориентированное не на степень родства или завешание, а на вложенный в общее дело труд: только трудовое участие открывает безусловное право наследования. Что касается земли, лесов, вод, то, по народному убеждению, на них вообще не может распространяться право собственности: они не созданы людьми, а значит, не являются продуктами труда. Таковы основополагающие взгляды народа на собственность². Заметим, именно отсюда проистекало пренебрежительное отношение к собственности правящего класса, которая в глазах народа не связана с трудовым началом. Законодательство же, базирующееся на римском праве, не признавало за трудом самостоятельного юридического значения. Здесь крылись истоки внутреннего конфликта — между гражданским правом господствующих верхов и правосознанием трудовых низов.

Не учитывать этого обстоятельства в практической политике было невозможно. Отсюда курс на поддержание общинных порядков, стремление не дразнить крестьянскую среду различными чуждыми ей новшествами. Ключевую роль в этом сыграл Сенат, чье нормотворчество того периода — наглядное тому подтверждение. Например, по сенатскому постановлению от 20 марта 1887 года член общины мог отдавать свой участок в аренду постороннему лицу не иначе как с согласия мира³. Другим решением определялось, что сельское общество вправе воспретить своему члену такое отчуждение принадлежащего ему имущества, «которое не вызывается разумной потребностью и может ввести общество в убытки по платежу повинностей» и т.д.⁴ Законодательство коснулось и регулирования семейных разделов: они мог-

---

¹ *Ефименко А.* Исследования народной жизни. М., 1884. С. 139.

² Там же.

³ *Горемыкин И. Л.* Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам. Т. 1. СПб. 1893. С. 305.

⁴ Там же. С. 76.

ли производиться лишь с согласия того же общества¹. Наиболее громким делом, по которому на подворные участки стали окончательно смотреть как на семейно-трудовое достояние, стал процесс по конкретной жалобе крестьян. Разбирательство длилось несколько лет, пройдя через все инстанции, вызвало разногласия в Сенате; окончательную точку в 1887 году поставил Государственный совет². Противники общины даже указывали, что этот институт в пореформенную эпоху фактически создан толкованиями Сената³. Власти не скрывали: их усилия направлены на поддержание сословия от социального расслоения, влекущего за собой подрыв податных сил. Именно в 1880-е годы разрабатывается базовый закон крестьянской политики «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских наделов»⁴. Его готовило совещание во главе с товарищем МВД В.К. Плеве; министр Д.А. Толстой предполагал издать закон в качестве «временных правил», причём одновременно объявить о созыве представительной структуры аналогичной Редакционным комиссиям, вырабатывавшим Положение 1861 года. Иными словами, в правительстве возобладали точка зрения идти законодательным путём через Государственный

¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке разрешения семейных разделов в сельских обществах, в которых существует общинное пользование мирской полевою землей». 18 марта 1886 года // ПСЗ-3. № 5578. Т. 6. Отд. 1. СПб., 1888. С. 116–117.

² Записка из апелляционного дела, поступившего на рассмотрение общего собрания вследствие Всеподданнейшей жалобы крестьянина Ковенской губернии Франца Армоласа на определение 1-го отделения 3-го департамента Сената по спору с крестьянином Иваном Ясинским о земле // РГИА. Ф. 1151. Оп. 10 (1887 год). Д. 96. Л. 2–29.

В последующем данное дело стало важным «козырем» аграрных дискуссий. См.: Объяснения к проекту I раздела «Общего положения о крестьянах». 1904 год // РГИА. Ф. 1291. Оп. 122. Д. 70. Ч. II. Л. 91; Труды Редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах. Т. 5. СПб., 1904. С. 420; Выступление П.А. Столыпина // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия V. Заседание 31 от 26 марта 1910 года. Стб., 1605.

³ Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. 5 января 1905 года (выступление С.Ю. Витте) // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 19. Л. 56–57.

⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских наделов. 14 декабря 1893 года // ПСЗ-3. № 10151. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1897. С. 653–654.

совет¹. Добавим, что курс на укрепление общинных порядков крайне непопулярен в либеральной научной среде, где его объявляют бюрократическо-полицейским с привкусом социализма, прикрытым для приличия патриотической литературой².

Закон 14 декабря 1893 года, затруднявший выход из общины, выделяется в череде законодательных актов на крестьянской ниве. Впервые со времён освобождения от крепостного права законопроект рассматривался Государственным советом, также вызвав горячие дискуссии и разномыслия³. Признано, что спустя 32 года после реформы, когда в новых условиях выросло целое поколение, крестьянское бытие ещё остаётся неустроенным⁴. Группа членов Госсовета считала недопустимым ограничивать крестьянство в праве владения землёй на началах частной собственности, а также в распоряжении наделами. Эту позицию отстаивал бывший министр финансов Н.Х. Бунге, представивший к прениям обширную записку⁵. Однако большинство всё же ориентировалось не на теоретические постулаты, а принимало во внимание иные, не менее серьёзные соображения. Сельский быт характеризовался особенностями, убеждавшими в невозможности открыть «шлюзы» для широкого частнособственнического переустройства деревни. Это нисколько не противоречило крестьянскому сознанию, а наоборот, «совершенно совпадало с издавна сложившимся мировоззрением нашего народа»⁶. Правда, народное мировоззрение трактовалось сугубо в монархическом ключе: якобы крестьянство счи-

---

¹ Выступление С.И. Шидловского // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание 4 от 23 октября 1908 года. Стб., 154–156.

² Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте — Столыпина. М., 2016. С. 36.

³ Журнал заседаний соединенных департаментов «О мерах к предупреждению отчуждения крестьянской земли». 10, 17, 20, 24, 28 апреля 1893 года // РГИА. Ф. 1149. Оп. XI (1893). Д. 77. Л. 393–393об.

⁴ Там же. Л. 808.

⁵ Соображения члена Государственного совета Н.Х. Бунге по вопросу о неотчуждаемости крестьянской надельной земли. 16 ноября 1893 года // Там же. Л. 677–689об.

⁶ Журнал заседаний соединенных департаментов «О мерах к предупреждению отчуждения крестьянской земли». 10, 17, 20, 24, 28 апреля 1893 года // РГИА. Ф. 1149. Оп. XI (1893). Д. 77. Л. 813об.

тает землю собственностью государя, а не дворянства, кое в глазах широких масс не владело ею на основаниях, проводимых римским правом: имения только даровались на службу¹. Конечно, такие пассажи отражали внутриэлитные нюансы и имели немного общего с крестьянским сознанием, по которому вся земля — божья, и к ней в принципе неприменимы частнособственнические категории. Важным итогом слушаний в Госсовете стало постановление о пересмотре всего крестьянского законодательства. Но об этом не решились объявлять публично, дабы не породить среди населения напрасные ожидания, как в конце 1870-х².

Спустя пару лет в Госсовете состоялась не менее острая схватка между сторонниками и противниками перевода крестьян на частное владение. В мае 1896 года утверждено поземельное устройство сибирского крестьянства³. Это было весьма актуально, поскольку местное население в административном отношении находилось в положении 1830-х годов; даже структуры Министерства государственных имуществ в Сибири отсутствовали. Учитывая просторы края, крестьянство не было стеснено в возделывании земли, принадлежащей казне. Но с расширением переселенческого движения необходимость земельного устройства возрастала. По заказу правительства социально-экономические обследования губерний провёл А.А. Кауфман, будущий известный статистик, и одновременно с ним — экспедиция Русского географического общества, опубликовавшая двухтомник о сибирских сельских реалиях⁴. На основе этих работ Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ) подготовило проект земельной реформы. Вот она-то и стала предметом горячих дебатов⁵. МЗиГИ во главе с министром А.С. Ермоловым рассматривало государство в качестве собственника земли, которую крестьянству передавали лишь в пользование за определённый оброк. На таком ос-

¹ Там же.

² Там же. Л. 425об.

³ Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казённых землях. 23 мая 1896 года // ПСЗ-3. № 12998. Т. 16. Отд. 1. СПб. 1899. С. 503–505.

⁴ Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии в 2 томах. (составители Астырев Н.М., Личков Л.С., Смирнов Е.А.). СПб., 1889–1890.

⁵ Материалы об этом содержатся в РГИА. Ф. 1149. Оп. 12 (1896). Д. 30.

новании в своё время были переданы казённым крестьянам-общинникам наделы в европейской части страны¹. Департаменты Государственного совета нашли это соответствующим недавно принятому закону 14 декабря 1893 года и поддержали законопроект. Однако общее собрание неожиданно проголосовало за его отклонение: заповалой здесь выступил министр юстиции времён Александра II — граф К.И. Пален. Изумлённому таким поворотом иркутскому генерал-губернатору А.Д. Горемыкину известный своим либерализмом сановник объяснил, что земельная собственность может быть только частной и никакой другой, а потому подсовывать какой-то «каламбур» на высочайшее утверждение не стоит². Только при повторном рассмотрении законопроекта мысль об устройстве сибирских крестьян как частных собственников была отвергнута³.

Важно отметить, что укрепление общинного курса совпало с политикой снижения налогового пресса на деревню, о чём часто забывают. Напомним, 1860–1870-е годы характеризуются усилением фискальной нагрузки на освобождённое крестьянство. Как считают исследователи, в эти десятилетия «происходит испытание русского крестьянина на податную выносливость»⁴. Подушная подать повышалась трижды: вначале как временная мера, а с 1867 года уже в постоянном режиме⁵. В итоге по сравнению с помещичьей крестьянская земля оказалась обложенной намного больше: местами в десять раз⁶. Фискальные послабления последовали с начала 1880-х и связаны они с именем Бунге, хорошо ощутившем неплатёжеспособность не только отдельных уездов, но и целых губерний. Сельское хозяйство вступало в полосу кризиса: с 1884 года хлебные цены упали на 50 %, такое положение сохранялось в течение десятилетия с лишним⁷. Поэтому освобождение крестьян от более чем четвер-

¹ Корнилов А.А. Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах. 1991. № 11. С. 23–24.

² Там же. С. 54–55.

³ Там же.

⁴ Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России в 60–70-х годах. Л. 1972. С. 74.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1899. С. 141.

⁷ Письмо А.С. Ермолова к С.Ю. Витте. 17 апреля 1898 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 62. Л. 13.

ти ежегодного объёма платежей облегло, но не снимало остроты проблемы¹. Наглядное подтверждение тому — невиданный по масштабам голод, разразившийся в 1891–1892 годах², после чего необходимость дальнейшего уменьшения фиска стала очевидной для всех. Вслед за Бунге налоговую практику раскритиковал тогда начальник департамента окладных сборов Минфина А.С. Ермолов. В специальном труде «Неурожай и народное бедствие» он подчёркивал, что недород сам по себе не мог до такой степени разорить население³. Корень зла в том, что практически к натуральному по сути крестьянскому хозяйству предъявлялись требования на уровне западного производителя с развитыми денежными отношениями; это обстоятельство усиливало немощь нашей деревни. На повестку дня должна встать коренная реформа податного строя. Причём не только в смысле уменьшения налогов, но и пересмотра системы их взимания, без чего любая благотельная мера не приведёт к сколь-нибудь осязаемым результатам⁴.

Движение в этом направлении наблюдалось все 1890-е годы. Одним из его идеологов был бывший товарищ министра финансов (при И.А. Вышнеградском), затем правая рука Д.М. Сольского в департаменте экономии Госсовета Ф.Г. Тернер⁵. С 1894 года по ходатайствам сельских обществ допускались отсрочки и рассрочки недоимок, коих накопилось немало. Решено, что взносы, направляемые на погашение, не должны превосходить годовых платежей, к тому же просроченные выплаты могли погашаться также в объёме, не превышающем обычные подати⁶. Через два года последо-

¹ Бунге Н.Х. Загробные заметки // Река времён. Кн. 1. М., 1995. С. 222–223.

² Наиболее подробной работой о голоде в 1891–1892 годах остается монография: Robbins. R. Famine in Russia 1891–1892. The imperial government respond to a crisis. New York, 1975.

³ Данный труд Ермолова имел высокую репутацию в финансово-экономических кругах: Тернер Ф.Г. Государство и землевладение. Ч. I. СПб., 1896. С. 322; Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 38–39.

⁴ Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие. М., 2017 (репринт 1892 года). С. 169.

⁵ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 904–905.

⁶ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке отсрочки и рассрочки недоимок выкупных платежей». 7 февраля 1894 года // ПСЗ-3. № 10528. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1896. С. 44.

вали более существенные льготы. Речь шла уже о растягивании долговых выплат на очень длительные сроки: 56, 41 и 28 лет, причём половина из них без начисления каких-либо процентов¹. В результате было пересмотрено около 62 млн податных и недоимочных платежей². Затем эта практика обобщена и развита в специальном «Положении о взимании окладных сборов», принятом летом 1899 года³. Главная суть этого акта: отстранение полиции от податной сферы, полицейские чины должны не выносить, а исполнять решения налоговых инспекторов. Запрещено также продавать за недоимки должников имущество исправных плательщиков⁴. Данный закон уже проникнут осознанием того, что круговая порука не в состоянии предотвратить рост недоимок⁵. Её окончательная отмена произошла 12 марта 1903 года.

Кроме податных новаций в 1890-х были собраны мнения земств о состоянии земледелия, об экономических и бытовых условиях села. Инициативу проявил А.С. Ермолов, назначенный министром земледелия и государственных имуществ⁶. Он считал, что работа «будет тем плодотворней, чем большую она получит возможность опираться на содействие местных сил»⁷. В 1896–1898 годах в ведомство поступили отзывы земств из 33 губерний: в большинстве слу-

---

¹ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О мерах к обеспечению сельским обывателям всех наименований уплаты выкупного долга» 13 мая 1896 года // ПСЗ-3. № 12955. Т. 16. Отд. 1. СПб., 1899. С. 125.

² Тернер Ф.Г. Экономическое положение крестьян в России // Вестник Европы. 1898. № 7. С. 49.

³ Высочайше утвержденное положение «О порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ». 23 июня 1899 года // ПСЗ-3. № 17286. Т. 19. Отд. 1. СПб., С. 804–815.

⁴ Тернер Ф.Г. Крестьянское законодательство // Вестник Европы. 1900. № 1. С. 27, 35.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Ермолов выступал за снижение фискальной нагрузки на крестьянство. Однако Витте, очутившись в кресле министра финансов, внёс пакет законопроектов о повышении косвенных налогов, включая недавно отменённый соляной. Эта инициатива в корне противоречила тому, к чему призывал Ермолов. Его отношения с новым министром явно не складывались, и Витте пересадил того в кресло министра земледелия и государственных имуществ, по сути, избавившись от авторитетного сотрудника.

⁷ Нужды сельского хозяйства и меры их удовлетворения по отзывам земских собраний. СПб., 1899. С. 2.

чаев они обсуждались в специально образованных комиссиях, запрашивались мнения в уездах. По мере поступления материалы публиковались в «Известиях МЗиГИ», их обозрение вышло затем отдельной книгой¹. Наиболее интересным оказалось то, что земские соображения на первое место ставили широкое распространение сельскохозяйственных знаний. Лишь после следовал набор мер экономического характера². Земства наперебой сетовали на низкую земледельческую культуру, ратовали за открытие сельхозшкол, опытных станций, внедрение агрономии и т.д.³ Только освоив прогрессивные навыки, деревня постепенно приучалась бы извлекать выгоды через интенсификацию хозяйства, а не расширение наделов.

Кстати, к аналогичным выводам пришла и другая представительная комиссия, учреждённая в ноябре 1901 года под руководством товарища министра финансов В.Н. Коковцова (в 1902–1904 годах госсекретарь). Эта структура объединила исследования по экономическому положению пореформенного крестьянства, проводившиеся в различных ведомствах (МВД, МЗиГИ). Силами Минфиновских специалистов проанализировано пореформенное развитие центральных губерний России: отсюда за ней закрепилось название «комиссия Центра»⁴. Руководящей также стала мысль: обеднение крестьянства — следствие столкновения натурального хозяйства с денежным, что характерно для последнего двадцатилетия. Такая трансформация требует средств, найти которые в укладе, сохраняющем натуральный характер, довольно трудно⁵. В этом причины упадка, однако выправить ситуацию, ограничившись лишь экономическими мерами, нельзя; необходимы социальные, правовые, культурные подвижки. Минфиновская комиссия также апеллировала к заключениям земств, собранных МЗиГИ, указав на низкую земледельческую культуру⁶. В этих условиях

---

¹ Там же. С. 5–6.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 19–20, 41–42, 49–51 и др.

⁴ Журнал заседаний Высочайше утвержденной Комиссии исследования вопроса о движении с 1861 по 1900 год благосостояния сельского населения среди земледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. 10, 18, 20, 21, 23, 24 октября 1903 года // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 78.

⁵ Там же. Л. 110.

⁶ Там же. Л. 115об.

быстрой отдачи от перевода деревни на частнособственнические рельсы ожидать не стоило. В такой консервативной среде, как крестьянская, любые меры способны дать заметный эффект в течение жизни целого поколения¹.

Комиссия Центра систематизировала богатейшие фактические данные, помещённые в три объёмных тома. К примеру, тот же министр земледелия Ермолов использовал эти материалы в своих научных изданиях². Но самое интересное: деятельность этой комиссии во многом стала базой для разрекламированного в историографии Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности — детища С.Ю. Витте. Хотя, будучи министром финансов, тот всячески препятствовал работе коковцовской комиссии; некоторое время она даже не собиралась³. Зато уже после своей отставки Витте настаивал, чтобы её трудами в обязательном порядке были снабжены все члены Особого совещания⁴. В его журнале выражена «глубокая благодарность» Коковцову и его коллегам, сумевшим обработать немало ценных сведений для выработки правительственных решений в аграрной сфере⁵. Не будет преувеличением сказать, что виттевское совещание стояло на плечах комиссии Центра, которая значительно облегчила ему работу. Однако впоследствии лавры этого труда неутомимый Сергей Юльевич с лёгкостью отнёс на свой счёт, предавая забвению других и выставляя в выгодном свете то, что возглавлял лично он.

По этим же причинам в тени исследовательского интереса остаётся важнейшее звено в формировании аграрной стратегии начала XX столетия — Редакционная комиссия по пересмотру законоположений о крестьянах, действовавшая в рамках МВД.

¹ Там же. Л. 114.

² Ермолов А. С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. 36–37.

³ Журнал заседаний Высочайше утвержденной Комиссии исследования вопроса о движении с 1861 по 1900 год благосостояния сельского населения среди земледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. 10, 18, 20, 21, 23, 24 октября 1903 года // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 78. Л. 106об, 108 об.

⁴ Письмо директора департамента окладных сборов Н.Н. Кутлера к И.П. Шипову. 11 ноября 1903 года // Там же. Л. 98.

⁵ Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 10 января 1904 года // Там же. Л. 248об. — 249.

На фоне виттевских мемуарных изысков эту комиссию литература явно не жалует, рассматривая её прибежищем махровых реакционеров, мечтавших о реставрации крепостнических порядков¹. Корни этой комиссии — в госканцелярии Госсовета, когда ею руководил В.К. Плеве. Тот не понаслышке был знаком с крестьянской тематикой. Ещё будучи товарищем министра внутренних дел именно он разрабатывал законопроект «О мерах к предупреждению отчуждения крестьянской земли», принятый в 1893 году², возглавлял обширное исследование хлебного рынка и причин падения цен на зерновые³. Будучи госсекретарём, Плеве постоянно запрашивал записки, мнения о сельских делах у широкого круга корреспондентов (землевладельцев, земцев, чиновников, священников и т.д.), интересовался всеми аспектами крестьянской жизни. В его фонде в ГАРФ содержатся десятки дел с материалами из разных регионов страны⁴. Непосредственно в госканцелярии эту работу вёл её сотрудник А.С. Стишинский, начинавший здесь карьеру ещё при Д.М. Сольском, затем начальник земского отдела МВД, после чего вернулся в родные пенаты⁵. Как знатока юриспруденции и крестьянского дела Плеве больше других выделял Стишинского, замечая, если бы тот «жил в Риме, ему бы там... памятник поставили»⁶. Основываясь на богатом опыте, Плеве и Стишинский делали ядром программы постепенное, регулируемое законодательством, вживание крестьянства в новые условия. Это предполагало максимальный учёт народных предпочтений, а не слепое копирование теоретических схем. Суть данного подхода хорошо выражена в одном мнении с места: «Жизнь кре-

¹ Сидельников С.М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 40–50; Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987.

² Выступление С.И. Шидловского // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание 4 от 23 октября 1908 года. Стб. 154.

³ Доклад Председателя Высочайше учрежденной в 1888 году Комиссии по поводу падения цен на сельскохозяйственные произведения в пятилетие (1883–1887 годы). СПб., 1892.

⁴ ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 120–150.

⁵ Стишинский Александр Семёнович // Государственный совет Российской империи. 1906–1917 годы. М., 2008. С. 261–262

⁶ Романов В. Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний) // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 598. Л. 169.

стьянина сложна, её надо понять, не вставлять её нужно в искусственные, несвойственные рамки, а в крайнем случае, изучив, законом регулировать, направлять; не ломать её по-своему, а стараться привести её к желаемым результатам»¹.

Настраиваясь на этот путь, Плеве и Ситишинский самое серьёзное внимание обратили на то, что именуют народным обычаем, выразившим сущность крестьянского мировоззрения. Кстати, в этом они ориентировались на немецкую историческую школу, ставившую в центр исследований изучение крестьянский обычай и его роль в регулировании сельской жизни. Усилиями этой школы в 1890-х годах происходит реабилитация старогерманского права с приоритетом семейной, а не частной собственности. В течение XIX века семейное начало было вытеснено из законодательства, но оно сохранилось в местной жизни, особенно в южных регионах страны. Л. Брентано, А. Шефле характеризуют семейную собственность совершенным типом мелкого землевладения, находят полезным возврат к ней². Идеи немецких интеллектуалов разделял прусский министр финансов Микель: на собрании сельских владельцев 1894 года он прямо заявлял: земля не является товаром и не должна рассматриваться частной собственностью. Следует воспретить отчуждение отдельных частей наделов, усилить надзор сельских обществ, чтобы оградить семейные участки от раздробления и поглощения крупным капиталом³. Причём эти идеи развивались, несмотря на выраженный в немецком крестьянине индивидуализм. Что же касается русского народа, то он демонстрировал куда большую склонность к коллективным действиям, чем германец, а потому сбрасывать со счётов общинное устройство в наших реалиях тем более контрпродуктивно⁴. Добавим, взгляды немецкой исторической школы пользовались в России большой популярностью и востребованностью (о чём сказано во второй главе). Даже либерально-кадетские юристы публично признавали: «Мы не можем отрицать, что историческая школа дала великолепный образец анализа происхождения права, мы

---

¹ Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 23.

² Тернер Ф.Г. Государство и землевладение. Ч. I. СПб., 1896. С. 164–165.

³ Там же. С. 147, 148–149.

⁴ Там же. С. 166–167.

не можем отрицать заслуг этой школы...»¹ Правда, при этом уточняя: предпринятая реабилитация обычного права была сполна использована германской бюрократией для усиления реакции².

Развёрнутые работы по крестьянскому вопросу начались в начале 1902 года, когда учреждается Редакционная комиссия по пересмотру законодательства в этой сфере. К этому времени Стишинский уже товарищ министра внутренних дел: глава ведомства Д.С. Сипягин вскоре погибает от рук террористов. Назначение на его место Плеве окончательно определило направленность аграрной политики. С точки зрения результатов это наиболее плодотворная комиссия за последние десятилетия. Значимым итогом её работы стала подготовка целого ряда законопроектов, опиравшихся на многообразный наработанный материал. Хотя Плеве и Стишинский прекрасно понимали, что «простым изданием закона нет возможности сгладить те органические особенности, которые резко различают крестьянство от остальных классов, а при таких условиях подчинение крестьянства одним, общим с прочим населением узаконениям будет лишь наружным, кажущимся»³. Рассчитывать однородными управленческими приёмами сблизить или объединить его с другими группами ошибочно. Это равносильно тому, чтобы применять одни и те же способы посевов на различных по химическому составу почвах⁴. Однако отсюда не вытекает искусственная консервация крестьянского сословия в целом. Индивидуально сильным людям нужно дать возможность применить свои способности. Предполагать, что всякий крестьянин обязан посвятить себя земледелию, нет оснований⁵. В этом состояла идеология аграрной политики (характерны ссылки в тексте на лидеров немецкой исторической школы⁶). Причём её разработчики не входили в большие подробности, старались не регламентировать до мелочей сель-

---

¹ Выступление М.С. Аджемова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 1. Заседание 15 от 9 ноября 1909 года. Стб. 1559.

² Там же.

³ Очерк работ Редакционной комиссии // Труды Редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах. Т. 1. СПб., 1903. С. 15.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Там же. С. 18.

ское бытие, оставив простор для местных учреждений, предоставив им соответствующие полномочия¹.

Сформулированные принципы легли в основу законопроектов, пакет которых представлял своего рода гражданский кодекс для крестьян с приоритетом семейного, общинного начала, обычая. Он включал проекты сельских уставов о договорах; о наследовании; проекты положения о волостном суде; о наделных землях и др. Так, устав о договорах, включавший 18 глав, избегал по возможности письменной формы, что для общего гражданского законодательства являлось обязательным. По проекту договоры на сумму до 300 рублей могли заключаться устно, только изменения требовали письменной фиксации. Предоставлялось право уменьшать проценты по долговым обязательствам, если они назначены в явно преувеличенном размере, чтобы сдерживать ростовщические аппетиты². Проект в максимальной степени учитывал народное стремление к конкретной, а не абстрактной справедливости. Ментальность крестьянина выражалась не в последовательном применении норм, а в достижении справедливости по конкретным условиям каждого случая; решать не только по «делу», но и по «человеку» (личные характеристики)³. Особый интерес вызывает 14 глава «Об артелях», где были аккумулированы различные законодательные фрагменты, рассредоточенные по различным актам — положение о найме на сельхозработы, торговом уставе и т.д. Проект нацеливался на поддержку этой народной формы самоорганизации, отказывался от регистрации артелей, признавая достаточным обычный договор⁴.

Ещё одним важным звеном явилась разработка проекта Положения о волостном суде, коих по стране насчитывалось свыше десяти тысяч. Здесь рассматривалось громадное большинство как проступков, так и незначительных имущественных споров; свыше 80 % населения пользовались их услугами⁵. Редакционная комис-

---

¹ Там же. Л. 34.

² Проект «Устава о договорах» // Труды Редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. Т. 4. СПб., 1904. С. 31–32.

³ Там же. С. 11–12.

⁴ Там же. С. 261–262.

⁵ Очерк работ Редакционной комиссии // Труды Редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах. Т. 1. С. 53.

сия высказалась за невозможность уничтожения волостного суда и в соответствии с этим сосредоточилась на его эффективности. Речь шла о качественном уровне личного состава судов, повышении материального обеспечения судей, предусматривалось создание апелляционной инстанции для волостных приговоров¹. Подготовленный проект из 233 статей должен был заменить небольшую главу о волостных судах (22 ст.), содержащуюся в Общем положении о крестьянах. Конечно, это стало значительным шагом вперёд, хотя российское судопроизводство регулировалось законом из 1800 статей. Но такой разветвлённый текст оставался малодоступным крестьянскому правосознанию; также как ни один из действующих в империи кодексов не подходил для волостного суда². Правовые отношения крестьян развились в русле семейного и общинного порядка и покоились на трудовом начале в ущерб индивидуализму и капиталистическим ценностям. Отсюда Редакционная комиссия оперировала понятием семейно-трудовой собственности, твёрдо укоренившимся в практике волостных (крестьянских) судей³.

В качестве примера того, как следует не игнорировать, а использовать народные обычаи, приводилась Норвегия. Это государство почти с полным преобладанием земледельческого населения в Европе именовали «страной мужиков». Здесь были сохранены в неприкосновенности крестьянские обычаи, получившие официальное признание в отличие от России, где они существовали, так сказать, инкогнито или благодаря законодательному снисхождению. В Норвегии же сельские производители фактически подчинили себе официальное право, впитавшее народные обычаи и понятия. Отсюда норвежская судебная система выглядела весьма специфично. Каждое дело, поступающее в суд, рассматривалось так называемыми посредниками из выборных лиц, а не профессиональными юристами. Вся доказательная база представлялась без участия адвокатов, кои на эту стадию не допускались. Если же примирения не достигалось (на что направлены усилия посредни-

---

¹ Проект «Положения о волостном суде» // Труды Редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах. Т. 3. СПб., 1904. С. 16.

² Там же. С. 17–18.

³ Проект «Положения о наделных землях» // Труды Редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах. Т. 5. СПб., 1904. С. 424.

ков), то дело переходило в общий суд по принадлежности. Тут уже действовали адвокаты, но новые доказательства не принимались. Они могли только квалифицировать имеющиеся факты, анализировать их, но не имели большого влияния на фактическую сторону процесса (собирать доказательства, склонять к компромиссу). Эта система сильно отличалась от того же английского судопроизводства с его громадным участием адвокатов и ограниченной самостоятельностью сторон на процессе. Вопрос о том, какая из этих систем более справедлива, не такой однозначный, как может показаться на первый взгляд¹.

Редакционная комиссия завершила свои работы к концу 1903-го, приблизительно за два года сделав то, вокруг чего ходили около десяти лет. Подготовленные законопроекты направлялись великим князьям, членам Госсовета, сенаторам, министрам, товарищам министров, начальникам департаментов, генерал-губернаторам². Плеве предложил обсудить их в специальных губернских комитетах — по аналогии с 1861 годом³. Лишь разразившаяся Русско-японская война 1904–1905-го, изменив внутривосточную ситуацию, помешала полноценной реализации задуманного. В силу последовавшего затем либерально-революционного обострения аграрные преобразования пошли по другому руслу. Первым атаку на крестьянский курс Плеве — Стишинского предпринял не кто иной, как Витте. Это тем более удивительно, поскольку по роду своей деятельности тот всегда оставался далёк от сельскохозяйственных дел. Однако будучи министром финансов, он оппонировал помещицкому дворянству, которое требовало дотаций, субсидий, сетуя в том числе на низкие хлебные цены. Тогда Минфин заказал исследование — о влиянии стоимости зерновых на народное хозяйство — у группы известных профессоров во главе с А.И. Чупровым и А.С. Посниковым. Они подготовили двухтомник, вышедший в 1897 году, где с помощью цифр доказывалось, что русский крестьянин — не производитель зерна, по крайней мере по-

¹ Проект «Положения о волостном суде» // Труды Редакционной комиссии по пересмотру законодательства о крестьянах. Т. 3. С. 14–15.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 122. Д. 70. Ч. XI. Л. 3–17.

³ Именной Указ, данный Сенату «Об учреждении губернских совещаний по пересмотру законодательства о крестьянах». 8 января 1904 года // ПСЗ-3. № 23860. Т. 24. Отд. 1. СПб., 1906. С. 8–9.

ступающего на рынок, а его потребитель; следовательно, дешевизна этого продукта ему выгодна¹. Такие заключения вызвали шквал критики со стороны дворянских землевладельцев и Министерства земледелия и государственных имуществ. Образованная комиссия МЗиГИ критиковала минфиновское издание, обвиняя в использовании сырого материала, в некорректных выводах, в противопоставлении интересов отдельных отраслей².

Однако полемический запал Витте не иссяк, он ринулся на малоизвестную ему сельскохозяйственную ниву, с энтузиазмом начав будировать крестьянский вопрос в целом. По его убеждению, заниматься только дворянским вопросом значило бы затрагивать лишь одну сторону проблемы, поскольку неустройство крестьянского сословия не менее важно³. Сделав это «открытие», он начал настаивать на созыве соответствующей комиссии. Несложно представить, как в верхах отнеслись к «явлению» Витте в амплуа устроителя крестьянства⁴. Даже Д.М. Сольский, традиционно прикрывавший энергичного министра, проигнорировал его предложение, изложенное в записке Николаю II (октябрь 1898 года), возглавить предполагаемое крестьянское совещание⁵. В это время в госканцелярии уже полным ходом аналогичную работу со знанием дела вели Плеве и Стишинский, и, что полезного мог принести туда Витте, было как минимум загадкой. Попытки последнего влезть в сельскую тематику только усиливались на фоне экономического кризиса начала XX столетия, сопровождавшегося обвинениями в насаждении индустрии за счёт беднеющей деревни. Критические стрелы летели по адресу Минфина, чья политика подавалась причиной хозяйственных неурядиц; для Витте в этом стояло серьёзное испытание. Требовалось хоть как-то парализо-

¹ Дякин В. С. С.Ю. Витте и двухтомник «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» // Монополии и экономическая политика в конце XIX — начале XX века. Сб. статей. Л., 1987. С. 106–125.

² Заседания Особой сельскохозяйственной комиссии под председательством товарища министра земледелия и государственных имуществ А.А. Нарышкина // РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 588. Л. 155–157об.

³ Записка министра финансов к управляющему делами комитета министров. 13 мая 1898 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 62. Л. 99об. — 100.

⁴ Гурко В.И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 77 (Париж).

⁵ *Bumte C.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 527–528.

вать оппозицию сельских хозяев, а также «привлечь к себе симпатии приобретающих в тот период всё большее общественное значение земских кругов, состоявших почти исключительно из землевладельцев»¹.

Вот этим целям и служило учреждённое в январе 1902 года Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Всего пару лет назад министр финансов позволял себе уверять, что земство в России «введено с самого начала по ошибке»². Теперь же он открывал поход за земскими симпатиями, пытаясь набрать козыри перед Редакционной комиссией по пересмотру законоположений о крестьянах во главе со Стишинским, учреждённую чуть ранее. Он со всей серьёзностью и размахом призвал губернских и уездных людей к собиранию сведений о селе³, т.е. к тому, что с успехом делалось на протяжении нескольких лет. Учреждались местные комитеты Особого совещания: их принято считать чуть ли не выборными, что далеко не так. Спустя годы сам Витте сожалел, что губернские структуры совещания были «составлены по назначению, а не по выборам, на чём настоял глава МВД Д.С. Сипягин»⁴. Члены местных комитетов приглашались по согласованию с администрациями: косяк, как правило, составляли начальники казённых палат со штатом податных инспекторов, т.е. региональным чиновничеством по Минфинской линии⁵. Их Витте старался «разбавить» представителями земств и видных учёных, дабы придать Особому совещанию искомый прогрессивный лоск. Впоследствии этот орган считали «первым шагом правительства для призыва к сотрудничеству местных общественных сил»⁶.

Однако произошло это не сразу: после того как министром внутренних дел стал В.К. Плеве, Особое совещание просело, по-

---

¹ Гурко В.И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 97 (Париж).

² Корнилов А.А. Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах. 1991. № 11. С. 85.

³ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 годы (запись от 9 февраля 1902 года). СПб., 2014. С. 337.

⁴ Выступление С.Ю. Витте // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия VII. Заседание 32 от 20 февраля 1912 года. Стб. 1962.

⁵ Выступление М.Я. Говорухо-Отрока // Там же. Стб. 1392–1393.

⁶ Выступление М.К. Киниюрского // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 1. Часть 1. Заседание 8 от 7 декабря 1912 года. Стб. 350–351.

грязнув во второстепенных занятиях — в выяснениях по поводу чрезмерного количества праздников, снижающих производительность народного труда. По данному поводу велась переписка с Синодом, запрашивались разъяснения о праздничных днях у Государственного совета¹. Когда же на заседание приходил Плеве (это было нечасто), то между ним и Сергеем Юльевичем быстро вспыхивали споры по различным вопросам. Например, острая перепалка произошла по вопросам организации хлебной торговли². В ноябре-декабре 1903 года Витте как председатель Комитета министров пытался дать бой «Редакционной комиссии» уже на этой площадке, но безуспешно. Ему явно не хотелось, чтобы законопроекты последней обсуждались в регионах, так как это окончательно заслонило бы его совещание, терявшее в этом случае какой-либо смысл³. Всё изменилось, когда после гибели Плеве у руля министерства оказался П. Д. Святополк-Мирский: «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности в конце 1904 года обретает второе дыхание. Заседания устраиваются регулярно, на них поднимаются животрепещущие темы, разворачиваются жаркие обсуждения. По стенограммам заметно, какую недюжинную прыть проявлял Витте. Правда, большей частью он сыпал однотипными заклинаниями о благодати частной собственности. Рассказывал об освобождённом крестьянстве, коему свойственны идеалы частного земельного пользования⁴, о том, как, являясь владельцем дома по Каменноостровскому проспекту, не стремится «приучаться к общежитию здешнего города», чего и селянам желает⁵. Или предрекал: «горе той стране, которая не воспитала

¹ Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 23 ноября 1902 года; 11 января 1903 года // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 116. Л. 530–535.

² Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 8 февраля 1903 года // Там же. Д. 24. Л. 13–21.

³ Предложения МВД для обсуждения подготовленных Редакционной комиссией законопроектов в губернских комитетах // РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5630. Л. 2–15; Д. 5625. Л. 244 (резолуция Николая II: «Одобрю»).

⁴ Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 12 марта 1905 года (выступление С. Ю. Витте) // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 19. Л. 309.

⁵ Там же. Л. 282–283.

этого законного чувства (т.е. собственности. — *А.П.*) и у которой всё выражается в обычае, в усмотрении и т.д.»¹. Возражения типа «чего нам кажется благами в глазах их (крестьян. — *А.П.*) окажется совсем иным»² Витте отметал как несостоящие. Кстати, итоги деятельности Особого совещания оказались на редкость скромными. Ничего похожего на проекты по переустройству крестьянского сословия, в отличие от Редакционной комиссии, представлено не было. Даже Минфиновская комиссия Центра Коковцова, не замахиваясь на многое, осуществила реальное дело: мотивировала и провела снижение фискальной нагрузки на 20 млн рублей³. В случае же с виттевским детищем какие-либо результаты отсутствовали: «всё ограничивалось установлением самых общих положений, так сказать, путеводных вех»⁴. Сам он объяснял это внезапным закрытием комиссии, последовавшим 30 марта 1905 года⁵.

Здесь нужно подчеркнуть: активность Витте на сельском поприще, привлекающая не одно поколение историков, серьёзно сбивает исследовательскую «оптику». Прежде всего мешает правильно оценить роль другой видной фигуры последнего царствования — И.Л. Горемыкина. Историография вслед за Витте уверенно относит его к сугубо реакционным деятелям. На самом деле как раз с ним связана реализация того реформаторского курса, который затем станет столыпинским. На конец XIX века Горемыкин — один из наиболее признанных знатоков крестьянской России. Обер-прокурор 2-го (крестьянского) департамента Сената (1884–1891), товарищ министра юстиции (1891–1894), наконец, глава МВД (1895–1899) — весь служебный путь этого чиновника так или иначе заяв-

¹ Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 23 марта 1905 года (выступление С.Ю. Витте) // Там же. Л. 369.

² Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 8 января 1905 года (выступление П.Л. Лобко) // Там же. Д. 18. Л. 471.

³ Журнал заседаний Высочайше утвержденной Комиссии исследования вопроса о движении с 1861 по 1900 год благосостояния сельского населения среди земледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. 10, 18, 20, 21, 23, 24 октября 1903 года // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 78. Л. 251.

⁴ Гурко В.И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С.Ю. Витте // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 103. (Париж).

⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 536.

зан на аграрную проблематику. Его перу принадлежал образцовый комментарий «Положения 19 февраля 1861 года», пользовавшийся популярностью¹. Ему поручали составление неоднократно издававшихся сборников сенатских решений по крестьянским вопросам². Подчеркнём: профессиональное формирование Ильи Логгиновича прошло в Царстве Польском, где тот провёл без малого двадцать лет. Подготовил издание «Очерки истории крестьян в Польше» о развитии сельских отношений в крае³. Затем занимался многообразной практикой сельскохозяйственной жизни. Учитывая польские реалии, не удивительно, что он проникся идеалом частных хуторов, отрубов и всего, что с этим связано. Переехав в Петербург, Горемыкин имел чёткое видение того, как должно реформироваться село и к чему нужно стремиться. В этом смысле его взгляды на крестьянский вопрос смыкались с мнением Н.Х. Бунге, давним противником общины. Можно сказать, став министром внутренних дел, Горемыкин принял политическую эстафету от скончавшегося в 1895 году Бунге, смысл которой — частнособственническое переустройство деревни. Причём авторитет Горемыкина в этой области был значительно выше: Бунге уважали всё-таки в финансовом отношении, с крестьянским делом тот был знаком больше теоретически⁴.

В Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности Горемыкин ориентировался на собственный опыт. С сарказмом относился к претензиям Витте на роль главного выразителя частнособственнических перспектив села. Напоминал, с какой кипучей энергией тот в 1893 году поддерживал общинные порядки и закон «О мерах к предупреждению отчуждения крестьянской наделной земли», предлагая разослать всем участникам соответствующие протоколы Государственного совета той поры⁵. Знаком-

¹ Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 34.

² Сборник решений Правительствующего Сената по крестьянским делам. СПб., 1889.

³ Горемыкин И.Л. Очерки истории крестьян в Польше. СПб., 1869.

⁴ Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 5 февраля 1905 года (выступление П.П. Семенова) // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 19. Л. 16–17.

⁵ Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 5 февраля 1905 года (выступление И.Л. Горемыкина) // Там же. Л. 9–10.

ство с материалами этого совещания показывает, что его содержательную нить олицетворяло отнюдь не виттевское ораторство, как может показаться при поверхностном просмотре материалов. На заседаниях происходили споры между действительно ключевыми фигурами аграрной политики: Горемыкиным и Стишинским, чьи предпочтения разнились. Так, стенограмма 12 марта 1905 года содержит интересную полемику по вопросу о семейной собственности. Вот как Горемыкин объяснял возникновение этого института. «Положение 1861 года» изначально занималось не отдельными личностями, а группами селян, поскольку в большинстве случаев само владение установить было затруднительно. Отсюда приходилось наделять землёй семьи, затем эту практику укрепили решения Сената¹. Горемыкин проводил аналогию с прекрасно знакомой ему Польшей, где по закону 1846 года, определившему количество участков и их площади, уже было начато крестьянское устройство. Поэтому там выделяли наделы не обществу, семье, а всем лицам, получившим на это право. Составителям польского акта в голову не приходило оперировать понятием семейной собственности, ничто не сдерживало в применении действующих норм гражданского кодекса². В России же законодатель столкнулся с совершенно иной ситуацией, когда никаких записей не имелось, а те, что были, носили случайный характер. Это обстоятельство вынуждало судебные органы создавать «неподходящие решения», всё далее уклонявшиеся от первоисточника; отчего и укоренились представления о семейном владении. Поэтому понятие о семейной собственности — «это вынужденное последствие недоделанности реформы»³. В ответ Стишинский признавал, что ошибки в составлении списков были, но сводить сложный крестьянский вопрос к технической стороне дела вряд ли правомерно⁴.

Взгляды Горемыкина наиболее ярко проявились, когда виттевское Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности было закрыто, а вместо него образовано новое —

---

¹ Стенографические протоколы заседаний Высочайше утвержденного Особого совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности. 12 марта 1905 года (выступление И. Л. Горемыкина) // РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 19. Л. 374.

² Там же. Л. 376.

³ Там же. Л. 379–378.

⁴ Выступление А. С. Стишинского // Там же. Л. 380–381.

по вопросам о мерах по укреплению крестьянского землевладения во главе с ним¹. Заметим, это было весьма напряжённое время: за один 1905 год в стране было зарегистрировано 3228 бунта, тогда как ещё недавно — в 1890-х — фиксировалось всего по 57 выступлений ежегодно². Очевидно, подобная обстановка располагала не к теоретическим дискуссиям, а скорее, к быстрым решениям, что сказалось даже на уравновешенном Горемыкине. Предложения разрядить тревожную ситуацию, поделить помещичью землёй с крестьянством высказывались в верхах тогда всё чаще и громче. Таким настроениям решено противопоставить незыблемость частной собственности и форсированный перевод деревни на частное владение; эта стратегия вскоре и получит название столыпинской. Поэтому именно в рамках данного совещания произошёл поворот в аграрной реформе, поддержанный Николаем II. Из стенограмм заметна активизация горемыкинского протеза А.В. Кривошеина: если на заседаниях «О нуждах сельскохозяйственной промышленности» его практически не было слышно, то тут он буквально не замолкал, высказываясь по самым различным поводам. Солировал и В.И. Гурко, коего впоследствии считали как «более всего потрудившегося над столыпинским указом от 9 ноября»³. Сам Горемыкин только поощрял антиобщинную атмосферу: к примеру, указывал на то, что закладные листы Дворянского банка «приобретаются за границей гораздо охотнее и стоят выше, чем листы Крестьянского банка», поскольку первые обеспечены частновладельческими землями, а вторые — общинными, что не вызывает доверия у инвесторов⁴. Совещание уточнило функционал Крестьянского банка, прочнее связав его с земельной политикой, без чего в существовании этой финансовой структуры нет большого

¹ Протоколы заседаний Высочайше учрежденного Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения. Май-октябрь 1905 года // РГИА. Ф. 1212. Оп. 1 (XVI). Д. 2, 3.

² Данилов В.П. Крестьянская революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 33, 35.

³ Выступление С.Ю. Витте // Государственный совет. Стенографический совет. Сессия V. Заседание 29 от 22 марта 1910 года. Стб. 1452.

⁴ Протокол Высочайше учрежденного Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения. 22 ноября 1905 года // РГИА. Ф. 1212. Оп. 1 (XVI). Д. 3. Л. 83об. — 84.

резона¹. Через несколько лет этот банк превратится в «яблоко раздора»: из-за контроля над ним развернутся мощные аппаратные баталии, о чём речь впереди.

Публично курс на мелкого частника презентован Горемыкиным (уже в качестве премьер-министра) в начале работы первой Государственной думы. Доклад со ссылками на международную практику, на незыблемость частной земельной собственности можно без преувеличения назвать образцом либеральной классики. Неэффективность уравнительного землепользования увязывалась с недостаточной покупательной способностью населения и далее с промышленным кризисом. Бороться с малоземельем предлагалось посредством переселения и покупки земли через Крестьянский банк и т.д.² Премьеру в более резкой форме вторил Гурко (на тот момент товарищ главы МВД, т.е. Столыпина), призвавший прекратить бредни о земле как «божьем даре». Все государства признают землю предметом частной собственности, а потому и нам нечего здесь экспериментировать³. Кстати, в кабинет Горемыкина в качестве главного управляющего землеустройством и земледелием вошёл и Стишинский. Его присутствие диктовалось явным негативным настроем депутатов-крестьян, в значительном количестве (свыше 100) оказавшимся в первой Думе, коим откровенно подыгрывали кадеты; требовались умелые силы для противостояния. В этом смысле Стишинский оправдал надежды, хотя его выступления всё же выпадали из общей линии. Поддерживая частную собственность на землю, он пояснял, что движение по развёрстке крестьянской земли на хутора, отруба идёт «широкой волной с запада»⁴. Присущее западным губерниям, оно постепенно, продвигаясь к востоку, дошло до Смоленска и даже перекинулось далее. Стишинский не отрицал: будущее нашего мелкого хозяйства в этом, но только «там, конечно, где по мест-

¹ Бехтеев С. С. Хозяйственные итоги истекшего 45-летия и меры к хозяйственному подъему. Т. 2. СПб., 1906. С. 209.

² Выступление И. Л. Горемыкина // Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия 1. Заседание 8 от 13 мая 1906 года. СПб 1906. Стб. 321–324.

³ Выступление В. И. Гурко // Государственная Дума. Стенографический отчет. Сессия 1. Заседание 12 от 19 мая 1906 года. Стб. 519.

⁴ Выступление А. С. Стишинского // Там же. Стб. 514.

ным условиям такое разделение на хутора возможно»¹. Эта оговорка представляла собой не просто фигуру речи, а несла большую смысловую нагрузку.

Однако те, кто в этот период определял земельную реформу, склонялись к её форсированному варианту. Заметим: Горемыкиным были собраны чиновники, чьим идеалом являлось именно хуторское хозяйство: П.А. Столыпин, А.В. Кривошеин, А.И. Лыкошин. Пристрастия Петра Аркадьевича к отрубам привились со времён проживания в западных регионах. Ковенскую губернию, где он являлся предводителем местного дворянства, даже называли «колыбелью русского землеустройства»². Уроженец Варшавы Кривошеин, знакомый с Горемыкиным ещё со времён Царства Польского, обязан тому карьерой в МВД, постом начальника переселенческого управления. Правда, его сильная сторона — административные таланты, а отнюдь не аграрные познания: в деревне он никогда не жил и «вряд ли бы отличил рожь от овса»³. Даже уроженец Тверской губернии В.И. Гурко, непосредственно готовивший указ 9 ноября 1906 года, восемь лет (1887–1895) провёл в Польше, где специализировался на тех же крестьянских делах⁴. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что столыпинский курс — дело рук деятелей, чьё мировоззрение формировалось в западных губерниях; местные земельные реалии являлись для них эталоном. Что касается Лыкошина, замеченного Горемыкиным в стенах Минюста и Сената, то тот из юго-западной, Бессарабской губернии, где располагалось родовое имение. Амплуа Лыкошина — «рабочая лошадь»: он обладал ораторскими, административными способностями, кроме того, имел известные научные труды по межевому и вотчинному праву⁵. Став товарищем Столыпина по МВД, выступал в роли спикера реформы в законодательных палатах, прекрасно разбира-

¹ Там же.

² Выступление гр. И.И. Капниста // Государственная Дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 3. Часть 1. Заседание 2 от 12 октября 1909 года. Стб. 40.

³ Мусин-Пушкин В.В. Воспоминания // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 127.

⁴ Владимир Иосифович Гурко // Государственный совет Российской империи. 1906–1917 годы. С. 71.

⁵ Формулярный список Лыкошина Александра Ивановича // РГИА. Ф. 1341. Оп. 548. Д. 196. Л. 1–13.

ясь в юридических тонкостях. Здесь хотелось бы обратить внимание на утверждение Витте, что Горемыкин и Кривошеин имели репутацию приверженцев общинных порядков¹. Это лишний раз доказывает: виттевская мемуаристика только запутывает реальное положение, и к ней следует относиться критично.

9 ноября 1906 года обнародован указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»². Современники считали это беспрецедентным событием: «большой земельной революции мир ещё не знал»³. Перемены затрагивали 75 % крестьянского населения внутренних губерний с общинным строем, оказавшихся перед новой реальностью⁴. Эта историческая веха навсегда будет связана с именем Столыпина, сменившего Горемыкина на премьерском посту. В правительстве, заметим, подготовка данного указа проходила далеко не просто. Ряд членов кабинета во главе с В.Н. Коковцовым и Б.А. Васильчиковым, не выступая против сути намеченных мер, не считали возможным проводить их вне законодательных учреждений, т.е. указом императора, что допускала статья 87 Основных законов Российской империи. По их убеждению, пользоваться соответствующей статьёй следовало бы с большой осторожностью. Можно не возражать против её применения при издании указов о понижении платежей заёмщиков Крестьянского банка или отмене ограничений крестьянства в гражданских правах, зачёркивая наследие прошлого. Совершенно другое дело, когда МВД предлагает меру, «вносящую глубокие изменения в бытовой строй крестьянской жизни и колеблющую её коренной устой — общинное землевладение»⁵. Предлагалось

¹ *Bumme С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 392.

² Именной Высочайший Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». 9 ноября 1906 года // ПСЗ-3. № 28528. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1908. С.

³ Выступление М.М. Ковалевского // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия V. Заседание 26 от 16 марта 1910 года. Стб. 1211.

⁴ Мнение главноуправляющего землеустройством и земледелием Б.А. Васильчикова о порядке издания правил, проектированных МВД. 2 ноября 1906 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 406. Л. 77.

⁵ Особый журнал Совета министров «О дополнении некоторых постановлений, действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». 10 октября 1906 года // Там же. 102об.

«повременить с настоящим делом, не ограничиваться рассмотрением его исключительно бюрократическим путём», ещё раз тщательно обдумать, прежде чем давать ему ход¹. Кроме того, Васильчиков в письме в Совет министров подчёркивал: «В крестьянской среде эта мера вызовет сначала недоумение, а со времени проведения её в действие посеет семена раздора и междоусобиц в селениях»². Такие прогнозы основывались на практике, которую он наблюдал в крестьянской среде. Обстановка вокруг выделов, как правило, складывалась напряжённая, а выделявшимся старались отводить худшие участки³. Иными словами, издание указа от 9 ноября 1906 года нельзя назвать правительственным актом, рождённым в обстановке единодушия.

О не утихавших дискуссиях вокруг данного указа уже после его ввода в жизнь дают представление острые дебаты в Государственном совете в марте 1910. Здесь они отличались большей содержательностью, чем в нижней палате с её политизированностью и партийными пристрастиями. Члены Госсовета обладали большей опытностью, профессионализмом, к тому же в прениях тут участвовали практически все, кто принимал самое непосредственное участие в формировании аграрной политики⁴. Столыпин и его сторонники предполагали, как говорится, отделаться малой кровью, не поднимая градус обсуждения. Первые выступления двух докладчиков — А.С. Шишинского и М.В. Красовского — звучали довольно спокойно. Почти за три года действия указа 1/6 часть крестьян пожелала воспользоваться правом выхода из общины⁵. Зе-

¹ Там же. Л. 104–104об.

² Письмо главноуправляющего землеустройства и земледелия к управляющему делами Совета министров Н.В. Плеве. 14 октября 1906 года // Там же. Л. 65.

³ Мнение главноуправляющего землеустройством и земледелием Б.А. Васильчикова о порядке издания правил, проектированных МВД. 2 ноября 1906 года // Там же. Л. 77.

⁴ Обсуждение земельного законодательства в Государственном совете до сих пор находится в тени прений в Госдуме. Как считается в литературе, законопроект 9 ноября 1906 года прошёл в верхней палате «без сколько-нибудь существенных возражений», что совершенно не соответствует действительности // *Смирнов А. Ф.* Государственная дума российской империи. 1906–1917 годы. М., 1998. С. 357.

⁵ Выступление А.С. Стишинского // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия V. Заседание 25 от 15 марта 1910 года. Стб. 1127.

мельная комиссия Госсовета настроена примирительно, и хотя высказано ещё три мнения, под которыми подписалась чуть ли не половина её состава, но все «они касались отдельных частных исполнений, не затрагивая основ»¹. После этого с речью выступил премьер Столыпин. Он декларировал, как указ от 9 ноября 1906 года сам «завоевал себе право на существование, сам прокладывает себе пути и шагает так быстро, что через несколько времени может быть уже невозможно видоизменить его окрепшие уже очертания»². Глава правительства подтвердил: появление указа — не растерянное решение, вызванное беспокойными обстоятельствами недавнего времени, а основательная закладка нового социально-экономического фундамента³. Возрождение России связано с крепкими элементами: «когда создают армию, — заключил Столыпин, — не равняют её по слабым и по отсталым, если только намерено не вести её к поражению»⁴.

Однако эффектное завершение не произвело на членов Госсовета, в отличие от депутатов нижней палаты, благостного впечатления. И дело здесь не в Витте, который вышел на трибуну вслед за премьером, называя указ исключительно канцелярским произведением⁵. Атмосферу в зале накалило другое выступление — С.С. Бехтева, автора капитального трёхтомного труда по крестьянскому делу⁶. Он начал с того, что глубоко укоренившуюся в народе общину нельзя упразднить, вычеркнув одним росчерком из народного правосознания⁷. Затем поставил вопрос: если по всей России уничтожить общину, то получим ли мы европейские урожаи? И тут же дал чёткий ответ: ликвидировав общину и перейдя к отрубному владению, мы по-прежнему будем очень далеки от западных показателей. В Европе община уничтожена 100–150 лет назад, а те урожаи, которые приводят в пример, получены там в последнюю четверть XIX столетия,

¹ Выступление М.С. Красовского // Там же. Стб. 1131.

² Выступление П.А. Столыпина // Там же. Стб. 1136.

³ Там же. Стб. 1138.

⁴ Там же. Стб. 1141–1142.

⁵ Выступление С.Ю. Витте // Там же. Стб. 1148–1149.

⁶ Бехтев С.С. Хозяйственные итоги истекшего 45-летия и меры к хозяйственному подъему. Т. 1–3. СПб., 1902–1911.

⁷ Выступление С.С. Бехтева // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия V. Заседание 25 от 15 марта 1910 года. Стб. 1166.

точнее с 1870-х годов. Не община мешала их появлению, и не хутора дали эти урожаи, а возросшая культура хозяйствования¹. Европейское село обладает ныне капиталами, располагает солидным запасом знаний. Следовательно, не к насаждению форм землепользования, владения нужно прикладывать усилия, а к тому, чего у нас явно не хватает: знания, труд, капитал². Такие речи произвели сильное впечатление на аудиторию. Содокладчик М. С. Красовский, пренебрегая условностями, с долей обиды одёрнул Бехтеева: «Ведь все усилия Председателя Госсовета и затем обоих докладчиков по настоящему делу были направлены к тому, чтобы локализовать наши прения»³. Но это напоминание уже не возымело действия. Следующий выступающий — гр. Д. А. Олсуфьев — с энтузиазмом солидаризовался с только что услышанным. Он прямо охарактеризовал указ 9 ноября 1906 года доктринёрским: во имя этой пресловутой доктрины фактически насилуют деревню⁴. Своё мнение Олсуфьев подкрепил впечатлениями, почерпнутыми из личного опыта: «энтузиазма ни у кого нет, а есть какое-то недоумение... и это не частность какая-нибудь, а просто идёт разрыв с общинным крестьянским правосознанием, и потому решать вот так быстро во имя... псевдоосвободительной доктрины никоим образом нельзя»⁵. Правительство строит новый дом, разрушает старый, валяются кирпичи, крыша, но каково будет новое строение — никому ещё неизвестно⁶.

Здесь уже громко заговорили о серьёзных разногласиях в земельной комиссии по данному законопроекту. Эти разногласия носят не второстепенный, как уверял М. С. Красовский в начале слушаний, а принципиальный характер⁷. Атаку на законопроект возглавил

¹ Там же. Стб. 1168.

² Там же. Стб. 1169–1170.

Бехтеев привёл интересные данные о росте российского сельскохозяйственного экспорта: в 1850 году — 36 млн пудов, в 1866–105, в 1878–350, в 1888–490, в 1905–695 млн. Если община и является в чём-то повинной, иронизировал он, так не в сокращении вывоза, а в его увеличении // Там же. Стб. 1173.

³ Выступление М. С. Красовского // Там же. Стб. 1177.

⁴ Выступление Д. А. Олсуфьева // Там же. Стб. 1182.

⁵ Там же. Стб. 1184.

⁶ Там же. Стб. 1185.

⁷ Выступление М. М. Ковалевского // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия V. Заседание 26 от 16 марта 1901 года. Стб. 1207.

глава Редакционной комиссии МВД 1902–1904 годов Стишинский. Теперь, в отличие от вступительного содоклада, он разразился уничижительной критикой, в общей сложности поднимаясь на трибуну восемь раз: больше, чем кто-либо. Прежде всего разобрал указ с юридической точки зрения, указывая на нестыковки, противоречия в его статьях. Замена сельского общества как юридического лица на физическое по сути является упразднением общины без всякого решения, приговора схода или заявления домохозяев, что хозяйственный строй их тяготит или они желают от него удалиться. Можно ли ввиду этого, спрашивал он, отрицать элементы принуждения в акте, построенном на таких началах?¹ Затем поднял проблему семейно-трудовой собственности, являвшейся основой крестьянского хозяйства. Отношение к общине Стишинский сформулировал следующим образом: «Мы не отстаиваем общины, но мы не признаем возможным применить тот оперативный метод, который нам усиленно рекомендуют. Мы полагаем, что принудительные меры в этой области могли бы быть применены лишь в крайнем случае, никакой опытный хирург не прибегнет к операции, когда излечение возможно другим путём, и в особенности не совершит операции негодными инструментами ибо последствия такой операции могут быть губительны для самого больного»².

С каждым заседанием становилось всё яснее, что на безоблачное утверждение законопроекта можно не рассчитывать. Особенно серьёзно присутствовавших занял вопрос о семейной собственности. Позицию Стишинского поддержал целый ряд ораторов: Н.А. Хвостов, В.И. Сергеевич, И.О. Коровин-Милевский, М.М. Ковалевский, А.Д. Оболенский и др. Так, Коровин-Милевский на предложение продемонстрировать семейную собственность, восклицал: «Я её показать не могу, потому что она нигде не написана, она зиждется только на обычном праве, однако же она есть; я воздуха показать не могу, а он есть, я ветра показать не могу, а он есть»³. Этот напор сдерживал товарищ министра внутренних дел А.И. Лыкошин, вы-

¹ Выступление А.С. Стишинского // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия V. Заседание 27 от 18 марта 1910 года. Стб. 1288–1289.

² Выступление А.С. Стишинского // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия V. Заседание 28 от 18 марта 1910 года. Стб. 1345.

³ Выступление И.О. Коровина-Милевского // Государственный совет стенографический отчет. Сессия V. Заседание 30 от 24 марта 1910 года. Стб. 1492.

нужденный на ходу корректировать свою позицию. Он заговорил, что не считает семейную теорию выдумкой Сената, не имеющей никакого основания. Проблема в другом: теория, сформулированная в судебных решениях, не получила надлежащего закрепления в законе. Регламентировать её сегодня выглядит запоздалой попыткой, семейная собственность — это спутник патриархального быта. Жизнь идёт вперёд и специально удерживать то, что не имеет будущего, не стоит. Более того, такая регламентация «явилась бы принуждением, насилием»¹. Всё же аргументы Лыкошина не переломили настроений, и итог голосования оставался неясен. Подобная ситуация была и в Государственной думе, когда там рассматривался законопроект: исход в пользу последнего решил тогда перевес всего лишь в два голоса². В Госсовете перелома добился лично Столыпин, прибывший в Мариинский дворец накануне голосования. Не вдаваясь в юридические детали и историю вопроса, он больше использовал ораторскую эмоциональность. Заявил, что выступает против прикрепления крестьянина к сельскому обществу или к небольшой общине — семейной. По мысли правительства, «не земля должна владеть человеком, а человек должен владеть землёй»³.

14 июня 1910 года после утверждения Николаем II указ 9 ноября обрёл статус полноценного закона. Специалисты указывали, что он меньше касался хозяйственной стороны дела и в большей степени решал чисто политическую задачу: быстрое формирование мелкособственнического контингента. Закон нацеливался на выгоды «укрепленцев» в ущерб остающимся в общине⁴. Принятый вслед ещё один законодательный акт о землеустройстве (подписан 29 мая 1911 г.) упорядочил эту область, до того регулировавшуюся административными распоряжениями. Принципиальным здесь стало введение обязательных землеустроительных работ, которые ранее могли производиться не иначе, как с общего согласия заинтересованных сторон⁵. Реформа затронула и волостной суд,

¹ Выступление А.И. Лыкошина // Там же. Стб. 1542–1543.

² Выступление А.С. Стишинского // Государственный совет стенографический отчет. Сессия V. Заседание 29 от 22 марта 1910 года. Стб. 1430.

³ Выступление П.А. Столыпина // Государственный совет стенографический отчет. Сессия V. Заседание 31 от 26 марта 1910 года. Стб. 1604.

⁴ Кауфманн А.А. Аграрный вопрос в России. М., 1919. С. 128–129.

⁵ Там же.

объявленный пережитком прошлого. Большинство Государственной думы поддержало министра юстиции И.Г. Щегловитова, ратовавшего за его ликвидацию. Доводы о наличии у крестьян обычного права, коим руководствовался волостной суд, были отмечены. Работы Редакционной комиссии Стишинского, реорганизовавшие волостной суд, названы абсурдом¹. Хотя находились те, кто выступал за его сохранение, именуя «исконно русским», издавна существовавшим; на него даже не посягнуло крепостное право². Наибольшую заинтересованность в волостном суде проявили как раз депутаты-крестьяне. Например: «Вы хотите нас, крестьян, закабалить и взять под свою опеку, в свои цепкие руки не только в каких-нибудь экономических интересах, но даже под судебную власть хотите взять»³. Крестьяне видели преимущества волостного суда в совести, что не зависит ни от образования, ни от нарядного платья, ни от хороших манер⁴. Народная мораль, апеллировавшая непосредственно к миру, выносила совесть вовне, смотрела на неё как на функцию социума, а не личности⁵. Очевидно, что трансформации общинников в частных собственников волостной суд с категорией совести не был нужен. Вряд ли «укрепленцы» могли найти в нём надлежащую защиту своих потребностей.

Однако преобразовательный напор столыпинских преобразований с годами ослабевал, что отмечено в историографии⁶. Торможение связывают с трагической гибелью премьера в сентябре 1911 года, без которого реформа начала пробуксовывать. Традиционные сетования на реакционную бюрократическую клику, душившую всё прогрессивное. В качестве иллюстрации ссылаются на срыв столыпинских планов по упразднению волостного суда, о чём только что говорилось. В феврале 1912 года Государствен-

¹ Выступление В.Н. Тенишева // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 3, Часть 1. Заседание 12 от 2 ноября 1909 года. Стб. 1249–1250.

² Выступление Г.А. Щечкова // Там же. Стб.1153–1154.

³ Выступление М.С. Андрейчука // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 3, часть 1. Заседание 10 от 30 октября 1909 года. Стб. 1087.

⁴ Выступление М.Д. Челышева // Там же. Стб. 1068.

⁵ *Лурье С.В.* Как погибала русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. Сб. статей. М., 1993. С. 153.

⁶ *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 180–190.

ный совет, в отличие от нижней палаты, отказался ликвидировать этот институт, решив, наоборот, улучшить его функциональность. Однако дело здесь обстоит сложнее, чем прямо считать. В докладе главы судебной комиссии Госсовета С.С. Манухина констатировалось: при всей правильности мысли о ликвидации волостного суда идти на такую меру сейчас контрпродуктивно; это идёт вразрез с крестьянской ментальностью. Причём в его речи прозвучало: покойный Столыпин с высокими правительственными чинами, будучи «в нашей комиссии, не только не возражали против подобного решения вопроса о волостном суде, но даже отнеслись к нему с полным сочувствием»¹. Действительно, в фондах Госсовета имеется протокол заседания судебной комиссии от 30 ноября 1910 года в весьма представительном составе: П.А. Столыпин, его товарищ по МВД А.И. Лыкошин, министр юстиции И.Г. Щегловитов и его товарищ А.Г. Гасман². Судя по всему, здесь произошёл принципиальный разговор о крестьянской реформе: выступали А.С. Стишинский, А.Ф. Кони, М.С. Красовский и др. Премьер в своём слове фактически поддержал позицию Стишинского, выработанную ещё в Редакционной комиссии: от упразднения волостного суда решено отказаться и пойти по пути его улучшения. Столыпин упомянул о громадной разнице в культуре между различными слоями населения. И хотя личная собственность возрастает, множится и количество исков: в деревне увеличивается «озорство и хулиганство»³. Такой поворот означал фактическое признание премьером того, что продвигаемая реформа имела альтернативу, причём обоснованную и проработанную. Труды судебной комиссии Государственного совета, обратившейся к прежним наработкам, Щегловитов назвал блистательными «глубиной знания судебного законодательства и значительным практическим опытом...»⁴

¹ Выступление С.С. Манухина // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия VII. Заседание 30 от 17 февраля 1912 года. Стб. 1754–1755.

² Протокол заседания комиссии для обсуждения, внесенного Государственной думой законопроекта о преобразовании волостного суда. 30 ноября 1910 года // РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 89. Л. 5.

³ Выступление П.А. Столыпина // Там же. Стб. 10–12.

⁴ Выступление И.Г. Щегловитова // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия VII. Заседание 30 от 17 февраля 1912 года. Стб. 1790.

Востребованность курса Плеве — Стишинского как альтернативы столыпинской реформе подтверждает и ещё одно неожиданное наблюдение, о котором нужно сказать. Речь о формировании в 1910-х годах так называемой организационно-производственной школы: её олицетворяли имена А.Н. Челинцева, А.В. Чаянова, Н.П. Макарова, Б.Д. Бруцкуса и др. Это научное направление высоко котируется в историографии с перестроечной поры, а названные фигуры вызывают неизменный восторг в литературе¹. Их творчество уточняет критику столыпинских преобразований, к коим тогда ещё молодые выпускники вузов относились, мягко говоря, без восторга. Так, Чаянов неизменно подчёркивал ошибочность указа 9 ноября 1906 года на форсированное разрушение общины, чего делать не стоило. Если в юго-западных губерниях та, отжив свой век, умирала независимо от «смелого премьеры», то в Центре, Поволжье, на Севере разрушить её наскоком явно не удавалось². Фундаментом для организационно-производственной школы стал специфический, но обоснованный взгляд на крестьянское хозяйство. Здесь были склонны усматривать в крестьянстве особую общественную категорию. Много писалось о значении сельскохозяйственной культуры, о формах землевладения. Последние же должны определяться местными условиями не насильственным, а естественным путём³. Некоторые современные исследователи убеждены, что эти разрекламированные учёные разработали семейно-трудовую теорию, внеся неоценимый вклад в отечественную экономическую мысль⁴.

Подобные утверждения не могут не вызывать недоумения: их следует рассматривать как следствие сегментированного использования источников, когда целые пласты оказались невостребованными для исследовательского поиска. Если бы источниковая база прорабатывалась более широко, то это позволило сравнить организационно-производственное направление с наработками бюро-

---

¹ Кабанов В.В. Школа А.В. Чаянова или организационно-производственное направление русской экономической мысли // История СССР. 1990. № 6.

² Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? // Чаянов А.В. Избранные произведения. М., 1989. С. 42.

³ Макаров Н.П. Крестьянское хозяйство и его эволюционность. Т. 1. М., 1920; Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919.

⁴ Коцонис Я. Как крестьян делали отстаыми. М., 2006. С. 162–163.

кратической элиты. А тогда не представляло особых усилий обнаружить, насколько идеи Чаянова, Челинцева, Макарова перекликались с тем, что давно выдвигало финансово-экономическое чиновничество. В подтверждение возьмём работу Ф.Г. Тернера «Государство и землевладение», изданную ещё в 1896 году. Там уже в полном объёме сформулировано то, что впоследствии будет ставиться исключительно в заслугу молодым экономистам. Например, отказ от обязательного выбора между общинным и частным владением: речь должна идти не о предпочтении первого или второго, а более широком или более ограниченном применении этих разных начал в зависимости от региональных условий¹. Или другая мысль: между уровнем сельскохозяйственной культуры и формой землевладения «существует несомненная тесная связь»². Сдвиги в уровне культуры вызывают обыкновенно изменения в форме землевладения, а не наоборот³. Такими подходами руководствовалась Редакционная комиссия 1902–1904 годов, подготовившая указанные выше законопроекты. В них же прописан курс на раскрепощение артелей и создание кооперативов. Схожесть этих наработок с творчеством организационно-производственной школы очевидна. К тому же лидеры последней также испытали воздействие немецкой исторической школы (Г. Шмоллера, А. Шеффле и их австрийских коллег Э. Лаура, Ф. Аэробса)⁴. Разница состояла лишь в том, что общественники-экономисты видели устроителями деревни агрономов, статистиков, т.е. так называемый «третий элемент». Программа же Стишинского не сбрасывала со счётов земских начальников, освобождённых от судебных функций. Столыпин предполагал делать ставку на специальных комиссаров по крестьянским делам, но затем охладел к идее, отозвав из Госдумы уже внесённый туда законопроект⁵.

¹ Тернер Ф.Г. Государство и землевладение. Ч. I. СПб., 1896. С. 166.

² Там же. С. 178.

³ Там же.

⁴ Рогалина Н.Л. Борис Брудкус — историк народного хозяйства России (1874–1938 годы). Автореферат на соискание степени канд. ист. наук. М., 1999. С. 15; Чаянов А.В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века. М., 1927. С. 238–239.

⁵ Протокол заседания комиссии для обсуждения внесенного Государственной думой законопроекта о преобразовании волостного суда. 30 ноября 1910 года // РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 89. Л. 11–12.

Учитывая возвышенное отношение современной историографии к общественности, хорошим тоном является воспевание её представителей. Упоминание же о бюрократах, обязанных в силу установившихся клише быть только реакционерами, расценивается как сомнительное, неприличное.

Принятие столыпинского аграрного курса в качестве магистрального инициировало новую расстановку сил в верхах. Эта попытка связана с ключевым соратником премьера — руководителем главного управления землеустройства и земледелия А.В. Кривошеиным. Он решил, что настало время резко повысить вес ведомства, занимавшегося сельским хозяйством. Россия отличается от западных держав: если неземледельческими промыслами в Англии живёт свыше 80 % населения, в Германии — 64 %, во Франции — почти половина, то у нас доля занятых в этих сферах не превышает 25 % от общего количества жителей. Между тем на земледелие как самую крупную отрасль народного труда не обращается должного внимания. Начиная с царствования Петра I мало заботились о системных мерах для её устойчивого развития. До 1837 года вообще не существовало правительственного ведомства, на которое возлагалось бы попечение сельского хозяйства. Учреждение Министерства государственных имуществ, ведавшего казёнными душами, в действительности изменило немного. После ликвидации крепостничества крестьянские дела сосредоточились в МВД, обременённом массой других функций. Образование в 1895 году самостоятельного Министерства земледелия дало слабые управленческие импульсы¹.

Начало же масштабной крестьянской реформы знаменует качественные сдвиги в правительственных приоритетах. На повестку дня ставилось преобразование Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗЗ) в полноценное Министерство земледелия. Об этом задумывался ещё руководитель ГУЗЗа в 1906–1908 годах князь Б.А. Васильчиков, но того больше занимала чисто статусная сторона. Когда же у его руля оказался Кривошеин, то дело приняло серьёзный оборот. Речь пошла не просто о создании министерства, а о значительном расширении ведомственного функ-

---

¹ Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912 годы). Пг., 1914. С. II–V (предисловие).

ционала. Вскоре после назначения Кривошеина в правительство поступило письмо из Государственной думы за подписью 32 депутатов; они предложили передать Крестьянский банк из Министерства финансов в ведение ГУЗЗа. Мотивировка: этот важный инструмент втягивается в масштабные землеустроительные работы, а, значит, теперь он более необходим сельскохозяйственному ведомству, нежели финансовому¹. Но ограничиваться этим Кривошеин не собирался, заговорив об учреждении специализированного сельхозбанка, независимого от Минфина. Такие планы он обсуждал со Столыпиным, рассуждая о необходимости взять в руки часть государственного кредита². Эти новации единодушно одобрил Межведомственный сельскохозяйственный совет, состоящий из людей с мест и возглавляемый активным начальником ГУЗЗа³. По их мнению, правительство обязано пойти навстречу, поскольку указ 9 ноября 1906 года «нанёс страшный удар делу революции»⁴. Пресса писала: подобно тому, как ранее Минфин успешно вовлекал в свою орбиту разные сферы управления в ущерб другим ведомствам, так ныне такую же роль начинает играть ГУЗЗ⁵.

Прозвучавшие предложения были встречены в штыки финансово-экономическим блоком во главе с В.Н. Коковцовым. Напомним: многие здесь были не в восторге от форсированной земельной реформы, больше склоняясь к аграрной стратегии Плеве — Стишинского⁶. Непосредственно проекту об учреждении Министерства земледелия никто не противился: штаты, сметы будущего ведомства возражений не вызвали⁷, чего нельзя сказать об инициативах финансового

¹ Письмо Государственной думы к министру финансов В.Н. Коковцову. 7 ноября 1908 года // РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 219. Л. 2–3.

² Письмо А.В. Кривошеина к П.А. Столыпину. 23 ноября 1909 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 458. Л. 3–3об.

³ Журнал заседаний Сельскохозяйственного совета. 10, 17, 18, 19, марта 1909 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 378. Л. 312–320.

⁴ Там же. Л. 318об.

⁵ *Туган-Барановский М.И.* Борьба ведомств // Речь. 1911. 21 января.

⁶ Когда в начале 1904 года Коковцов занял пост министра финансов, то главный ведомственный журнал «Вестник финансов, торговли и промышленности» сразу поместил обзор работы Редакционной комиссии, что при том же Витте представить было сложно // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1904. № 2.

⁷ Проект учреждения Министерства сельского хозяйства. 18 января 1910 года // РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 649. Л. 61–70.

плана. В мемуарах Коковцов отводит немало страниц описанию противостояния вокруг ведомственной принадлежности Крестьянского банка. Кривошеин уверял: эта инициатива принадлежала Столыпину, а он лишь присоединился к ней¹. Однако, как свидетельствуют документы, данная затея вызревала ещё в Особом совещании о мерах по укреплению крестьянского землевладения 1905 года под руководством Горемыкина. К примеру, тогда состоялся перевод переселенческого управления из МВД в образованное в мае того же года (под будущую реформу) Главное управление землеустройства и земледелия. Вслед за этим товарищем руководителя ГУЗЗ стал Кривошеин, не только сохранивший за собой переселенческое дело, но и заметно нарастивший аппаратный вес. Нечто подобное намечалось и в случае с Крестьянским банком, когда Кривошеин вскоре оказался (октябрь 1906 года) в кресле его директора. Напомним, созданная в 1883 году, эта государственная структура занималась покупкой дворянских имений с последующей продажей земли крестьянству². В преддверии столыпинской реформы значимость её серьёзно выросла, тем более что беспорядки 1905–1906 годов сильно напугали помещиков, и те начали избавляться от своих угодий. Если ранее банку ежегодно заявлялось к покупке в среднем 362 поместья общим размером свыше 610 тысяч десятин, то за 1906 год предложения поступили по 6878 именным площадью 7,6 млн т.е. почти в 13 раз больше³.

Крестьянский банк становился распорядителем значительного земельного фонда, который планировалось использовать в соответствии с землеустроительными целями, а его директор превращался в весьма влиятельную персону. Но осязаемые перспективы были заметно омрачены Министерством финансов, где озаботились скорейшей реализацией числившихся за банком угодий, беспокоясь улучшением его финансового положения, «которое далеко не блестяще»⁴. Для ускорения продаж Коковцов настаивал на децентра-

¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 года. Кн. 1. М., 1992. С. 360.

² Зак А. Н. Крестьянский поземельный банк (1883–1910 годы). М., 1911.

³ Справка о деятельности Крестьянского банка. Ноябрь 1909 года // РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 561. Л. 30б. — 4.

⁴ Письмо министра финансов В. Н. Коковцова к главноуправляющему землеустройства и земледелия кн. Б. А. Васильчикову. 1 июня 1907 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 506. Л. 9–9об.

лизации функций Крестьянского банка через учреждение в регионах комиссий, включавших представителей ГУЗЗа и МВД, причём с правом решающего голоса. Это позволило на местах взамен общих столичных директив получать точные указания по каждому отдельному случаю¹. Комиссии были образованы в 22 губерниях с наибольшим сосредоточением земель на банковском балансе². Однако такой расклад заметно снижал аппаратный вес Кривошеина, поскольку центр принятия решений смещался. Банк находился в ведении Минфина, и рассчитывать на изменение ситуации не приходилось. Выход напрашивался уже давно: в июле 1908 года при содействии Столыпина он встаёт уже у руля ГУЗЗа. После чего, по аналогии с переселенческим управлением МВД, незамедлительно стартует эпопея по передаче Крестьянского банка Главному управлению землеустройства и земледелия. Мы остановились на этом, чтобы показать: именно Кривошеин являлся подлинным вдохновителем и бенефициаром этой затеи. Своё прежнее место работы он стремился поставить «машинкой при землеустроительных учреждениях»³. Кроме того, наделил последние, а значит себя, правом в случае несогласия с администрацией банка изымать соответствующие дела в создаваемое Министерство земледелия⁴.

Кульминация борьбы за Крестьянский банк пришлась на возвращение из совместной поездки Столыпина и Кривошеина по Западной Сибири в конце лета 1910 года. Вскоре состоялось заседание кабинета, где с новой силой прозвучало: разьединённость землеустройства и деятельности банка «едва ли соответствует пользе дела», в чём премьер мог убедиться на сибирском опыте. Учреждение, выполняющее все возможные по землеустроительному ведомству задачи, остаётся вне сферы его прямого воздействия⁵. Прения зафиксировали разногласия между Столып-

---

¹ Там же.

² Особый журнал Совета министров «О мерах по ускорению перехода принадлежащих Крестьянскому банку земель в собственность сельского населения. 13 июня 1907 // Там же. Л. 23–24об.

³ Письмо С.С. Хрипунова к товарищу министра финансов С.Ф. Веберу. 5 февраля 1910 года // РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 649. Л. 184.

⁴ Там же. Л. 195об, 197–197об.

⁵ Особый журнал Совета министров. 28 сентября 1910 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 378. Л. 441об. — 442.

ным и Коковцовым. В виду этого премьер отложил разрешение вопроса, рассчитывая лучше к нему подготовиться¹. Однако, ознакомившись с журналом, министр финансов указал на допущенные неточности, кои при желании можно трактовать как предреши́нность передачи банка в Министерство земледелия, хотя неоднократно указывалось на неопределённость и сложность этого вопроса². Как подчёркивал Коковцов, переставать финансовую систему берутся люди, «никогда кредитом не занимавшиеся и даже не дающие себе отчёта в том, что какова бы ни была широта землеустроительной политики», она не может обойтись без реализации обязательств Крестьянского банка, что связано в первую очередь с денежным рынком. Проводить же эти операции, одновременно затеявая коренную ломку финансовой системы — верх безрассудства³. Компромиссный вариант пытался предложить глава думской бюджетной комиссии М.М.Алексеев, обладавший авторитетом в правительственных сферах. Пусть ГУЗЗ занимается земельно-оценочными проблемами, поэтому это дело можно передать ему, но финансовые дела должны оставаться в Минфине. Право выпуска облигаций, закладных листов не может предоставляться разным ведомствам, которые будут выводить их на рынок независимо друг от друга⁴. Однако Коковцов заявил, что подаст прошение об отставке; его принципиальная позиция произвела впечатление на Николая II. Видя колебания государя, Столыпин и Кривошеин сочли благоразумным отступить. В журнале Совета министров читаем: «ГУЗЗ не настаивает на передаче Крестьянского банка в будущее Министерство земледелия, пока самый ход событий не потребует окончательного разрешения этого вопроса»⁵.

Другим не менее напряжённым участком противостояния была параллельно шедшая борьба за учреждение государствен-

---

¹ Там же.

² Письмо В.Н. Коковцова к управляющему делами Совета министров Н.В. Плеве. 10 декабря 1910 года // Там же. Л. 477–477об.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 года. Кн. 1. С. 370.

⁴ Передача Крестьянского банка (Беседа с М.М.Алексеев) // Речь. 1910. 21 декабря.

⁵ Особый журнал Совета министров «О главных основаниях взаимоотношений Крестьянского банка с сельскохозяйственным ведомством». 6 июня 1911 года // РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 351. Л. 3об. — 04.

ного сельхозбанка. В мае 1910 года под председательством Кривошеина обсуждался соответствующий проект¹. Руководитель ГУЗЗа не оставлял попыток зайти в подведомственную Минфину финансовую сферу. Однако его настойчивость не разделило большинство участников. На совещаниях возобладала точка зрения, что чрезмерная увлечённость кредитом как панацеей от всех экономических недугов неоправданна. Тем более сомнителен перевод хозяйственной жизни деревни в кредитный режим без оглядки на готовность «пахаря Никонора» к подобному роду перемен². Начальник кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдов, со своей стороны, указывал на проблематичность изыскать необходимые средства для проектируемого дела. Однако Кривошеин не видел здесь больших трудностей: 30–40 млн рублей можно получить «без минутных затруднений» от повышения цены на водку на 20 копеек с ведра³. Его взоры также обращались к гарантированным правительством облигациям: «если говорить о гарантии принципиально, то я гораздо более понимаю гарантию сельскому хозяйству, чем железнодорожным предприятиям»⁴. В целом же Кривошеина расстроила недоброжелательность: «Эти сомнения приводят меня в величайшее затруднение... все согласилось и говорят, что это есть затея прямо вредная или во всяком случае несвоевременная»⁵. В сердцах он восклицал о духе С. Ю. Витте, по-прежнему обитающем в стенах Минфина, вдыхающем жизнь в промышленность и пренебрегающем селом⁶.

Противники специализированного сельскохозяйственного кредита предупреждали об опасности создания ведомственного по сути банка. В широте замыслов ГУЗЗ пренебрёг опытом, накопленным годами, отказавшись от кредитной практики посредством существующих финансовых организаций. Между тем удовлетворение кредитных потребностей зависит не столько от созда-

---

¹ Журнал совещания по обсуждению проекта устройства государственного сельскохозяйственного банка. 1, 5, 8, 10, 13, 20, 24 мая 1910 года // РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 2116в.

² Заседание от 8 мая 1910 года (выступление С. С. Хрипунова) // Там же. Л. 34–34об.

³ Выступление А. В. Кривошеина // Там же. Л. 35об.

⁴ Там же. Л. 38.

⁵ Там же. Л. 35.

⁶ Там же. Л. 36об. — 37.

ния новых структур, сколько от правильного пользования уже действующих. Что до размещения облигаций сельхозбанка, коих планировалось выпустить на 150 млн рублей, то Минфин сомневался, что на внутреннем и на зарубежном денежном рынке имеются достаточные ресурсы для этого¹. К высказанным опасениям присоединился государственный контроль вместе с Министерством торговли и промышленности². Тогда Кривошеин начал самостоятельно прощупывать почву на западных фондовых площадках, о чём свидетельствуют переговоры ГУЗЗа с европейским домом «Братья Лазар» о возможностях вывода облигаций предполагаемого банка³. Просил оценки у П.Л. Барка, будущего министра финансов, а тогда ещё директора Волжско-Камского банка, с которым состоял в дружеских отношениях. Кстати, заключение последнего обнадёживающим назвать нельзя. Тот предрекал трудности с размещением облигаций и притоком вкладов для новой финансовой структуры: приобрести серьёзный оборотный капитал таким путём вряд ли осуществимо. Барк приводил в пример закладные листы Дворянского и Крестьянского банков, чей курс поддерживался главным образом покупками за счёт государственных сберегательных касс⁴.

После этого Кривошеин изменил тактику, подготовив иной вариант устава сельскохозяйственного банка. Теперь он внёс туда становившиеся востребованными кооперативные начала, пытаясь совместить акционерную форму с кооперативной. Однако затея вызвала сомнения у Коковцова, посчитавшего это неприемлемым, поскольку интересы акционеров и кооператоров «по своей природе противоположны»⁵. Кооператоры как заёмщики стремятся к удешевлению кредита — настолько же акционеры, наоборот, заинтересованы в увеличении своей прибыли, а значит, в его удорожании. Причём Кривошеин в проекте устава давал предпочтение отнюдь не кооператорам, что довольно любопытно, учи-

¹ Львов Л. Сельскохозяйственный банк // Речь. 1910. 14 декабря.

² Сельскохозяйственный банк // Русское слово. 1910. 16 декабря.

³ Переписка с домом «Братья Лазар» // РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1929а. Л. 117–122.

⁴ Письмо директора Волжско-Камского банка П.Л. Барка к А.В. Кривошеину. 31 июля 1910 года // Там же. Л. 74–74об.

⁵ Письмо В.Н. Коковцова к А.В. Кривошеину. 31 августа 1913 года // Там же. Л. 179об. — 180.

тывая его имидж радетеля за продвижение новых хозяйственных форм, разрекламированный в литературе. Коковцов, напротив, не счёл возможным ущемлять интересы кооператоров. Министр финансов не согласился с обстоятельством, когда из четырёх органов управления банка (правление, совет, учётная комиссия и общее собрание) правление составлено из трёх акционеров и одного уполномоченного от кооперативов, а Совет — из девяти акционеров и семи кооператоров. Неравномерность влияния особенно заметна, если обратить внимание на ответственность за операционные риски, распределённые в ущерб кооператорам¹. Коковцов заключал: «Я не только затруднился бы поднести устав «Российского сельскохозяйственного банка» на высочайшее утверждение, помимо законодательного одобрения, но и вообще должен высказаться против предложенного построения сего банка»².

Бурная банковская эпопея была непосредственно увязана с проблемой финансирования сельского хозяйства. Кривошеин стремился не просто перераспределить бюджетные потоки, но и направить их в пользу новых собственников. В том нищенском состоянии, в коем пребывала деревня, начать самостоятельное развитие было крайне трудно. Общепринятая капиталистическая практика предусматривала выдачу кредитов под залог частных угодий. Собственно, всё российское дворянство издавна и активно пользовалось подобными займами. Теперь речь шла о распространении данной практики на множество возникающих частных домохозяйств. 15 ноября 1906 года обнародован указ о выдаче Крестьянским банком ссуд под залог наделных земель³. Однако этот акт был незамедлительно снабжён поясняющими правилами Министерства финансов, которые затрудняли использование наделов в качестве финансового инструмента. В верхах разворачивается противоборство по вопросам кредитования мелких земельных владельцев. В этом русле и рассматривалось создание специализированной банковской структуры, воспринимающей прежде всего качество залога, а не сословную принадлежность. Защитники этих проектов убеждали: пока отсут-

¹ Там же. Л. 180об. — 181.

² Там же. Л. 180.

³ Именной Высочайший указ, данный Сенату «О выдаче Крестьянским Поземельным банком ссуд под залог наделных земель». 15 ноября 1906 года // ПСЗ-3. № 28547. Т. 26. Отд. 1. СПб. 1909. С. 279–281.

ствуует ответственность землёй и имуществом по ссудам, крестьянство не приобщится к цивилизованному гражданскому порядку. Контраргумент звучал так: предлагаемая система залогов, по сути, отдаёт крестьянство во власть капитала; государство лишится контроля над земельным рынком, что приведёт к разорению тех мелких частных домохозяйств, для образования которых приложено столько усилий. Когда сформируются условия для производительного применения финансовых средств, тогда и будет возможен полноценный перевод деревни на капиталистические рельсы¹.

Укрепление института мелкого земельного владения не привело к триумфу массового собственника на российских просторах. Крестьянство неохотно шло на выделение из общины, с большим предубеждением воспринимая индивидуальное землеустройство. Желющие покинуть общину не получали разрешений от мира, о чём убедительно свидетельствует статистика. К середине 1909 года по заявлениям на выход из общины в Курской губернии вынесено более половины отказов, в Орловской — 68 %, в Тульской — 71 %, в Рязанской — 84 %, в Тамбовской — 85 %². В результате к 1910 году по России в целом лишь 17 % домохозяйств смогли воспользоваться укреплением наделов в личную собственность. Эти цифры созвучны с мнением регионального чиновничества. Как вспоминал И. Ф. Кошко, будучи пензенским губернатором, «мир трактовал таких людей как мятежников, не только не подчинявшихся авторитету схода, но и своекорыстно урывавших себе общественную землю вопреки воле мира... Против таких смельчаков стали применяться всякие способы преследования вплоть до поджогов и убийств включительно»³. Сотрудники Крестьянского банка сообщали о наличии у крестьянства «слабых представлений о праве собственности на землю благодаря тому, что они никогда не чувствовали себя полными собственниками земли»⁴. По наблюдени-

---

¹ Отзыв Министерства финансов на журнал особого совещания по проекту государственного сельскохозяйственного банка // РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1929а. Л. 102–116.

² Гронский О. Г. Государственная власть в России в годы «великих потрясений» (1905–1917 годы). М., 2000. С. 311–312.

³ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора. Пг., 1916. С. 224.

⁴ Докладная записка управляющего Казанского отделения Крестьянского банка к директору Крестьянского банка. 26 июля 1908 года // РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 544. Л. 20.

ям исследователей, борьба с новыми хозяевами создавала напряжённую обстановку в деревне, по жестокости превосходившей погромы дворянских гнёзд¹.

Скажем и о кооперативном движении, широко развернувшемся в период до Первой мировой войны. На начало 1904 года в стране действовало чуть более 3 тысяч кооперативов разного вида, а в 1912-м — уже свыше 22; по абсолютному числу коопераций Россия занимала второе место в мире, уступая только Германии (32 тысячи)². Эти количественные данные воспроизводятся специалистами, но до конца не отражают качественного состояния российской кооперации. Напомним: первая попытка инициировать кооперативное движение в России предпринята в эпоху Александра II. Тогда группа энтузиастов во главе с князем А.И. Васильчиковым (отцом Б.А. Васильчикова — начальником ГУЗЗа в 1906–1908 годах) решила, что настало время организовать местный, мелкий, а главное — личный кредит для подъёма хозяйственной жизни³. Те благие начинания завершились неудачей, внедрение кооперативных форм встретило большие затруднения, прежде всего со стороны тех, для кого они предназначались. Широкие массы в подавляющем большинстве не проявляли к ним того интереса, которого от них ожидали⁴. Данный опыт учли в начале XX века, когда, не дожидаясь импульсов снизу, кооперативное движение начали насаждать сверху, при прямой поддержке властей, т.е. Государственного банка. Возникавшие таким путём кредитные товарищества имели высокий удельный вес казённых ассигнований, что заметно отличало их от западных аналогов⁵. В этой ситуации

---

¹ Материал об этом: *Сидельников С.М.* Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 273–285; Гронский О.Г. Государственная власть в России в годы «великих потрясений» (1905–1917 годы). С. 31–34.

² Выступление С.В. Бородаевского // Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по мелкому кредиту и сельскохозяйственной кооперации в Петербурге 11–16 марта 1912 года. СПб., 1912. С. 256.

³ *Подколзин Б.И.* Петербургский кружок кн. А.И. Васильчикова и зарождение кооперативного кредита в России (1860–1870-е годы). Автореферат на соискание учёной степени канд. ист. наук. М., 1994.

⁴ Подробнее об этом: *Пыжиков А.В.* Грани русского раскола: заметки о нашей истории. М., 2013. С. 281–287.

⁵ *Матвеев С.* Из жизни современного крестьянского мира // Русское богатство. 1913. № 9. С. 133–134.

Минфин не мог не озаботиться проблемой возврата денежных средств. Поэтому проверенный принцип круговой поруки со счётов не сбрасывали: российские кооперативы функционировали не в залоговом режиме (все члены связывались общим ручательством за возврат каждой взятой ссуды).

К тому же роль расплодившихся кооперативов в деле подъёма экономики весьма не так радужна, как нередко представляется. О чём можно говорить уверенно, так это о превращении их в систему по обслуживанию богатых домохозяев: именно данная прослойка деревни размещала здесь свои средства¹. Выгода была очевидна, поскольку в кредитной кооперативной сети, несмотря на повышенные финансовые риски, проценты установились выше, чем в отделениях Государственного и частных банков: 6–8 % против 3–4 %². По мере углубления реформ и укрепления частника кооперативы начали работать уже не на казённых субсидиях, а на деньгах деревенских богатеев. Этот вывод убедительно подтверждают цифры: мелкие вклады (до 50 рублей) в системе составляли 55 %, но это всего 9 % от общих вложений; крупных же вкладов (от 500 рублей) было только 12 %, зато давали они почти 61 % размещённых средств³. Что касается самых многочисленных мелких вкладчиков, то они входили в кооперативы, как правило, для того, чтобы иметь возможность получить хоть какие-то деньги, но совсем не на развитие или какое-нибудь хозяйственное улучшение, а для решения своих бытовых потребностей (собственно, сумма 30–40 рублей только для этого и годилась)⁴. Новые хозяйственные реалии порождали атмосферу, приводившую тогда в растерянность многих. Философ и публицист князь Е.Н. Трубецкой, отмечая настойчивость властей по насаждению слоя мелких владельцев, отмечал рост благосостояния, беспокоился о духовной стороне перемен. Будущее страны, рассуждал князь, не мо-

---

¹ Полупанов Д. Друзья-враги сельской кооперации // Вестник кооперации. 1915. № 5. С. 46–47.

² Тотомианц В. Кредитная кооперация в России // Вестник кооперации. 1910. № 3. С. 15.

³ Хейсин Л. Современное состояние кредитной кооперации в России // Вестник кооперации. 1916. № 6. С. 73–74.

⁴ Матвеев С. Из жизни современного крестьянского мира // Русское богатство. 1913. № 9. С. 134.

жет зиждиться исключительно на экономических трансформациях, «между тем тех нравственных устоев, на которых могла бы утвердиться новая великая Россия, в нашей жизни пока ещё не видно»; облик нашей мелкой буржуазной демократии едва ли можно назвать симпатичным¹. Весьма любопытна мысль: «Если у нас есть основание верить в будущее России, то основание это — скорее в прошлом, чем в настоящем. Трудно поверить, чтобы народ, родивший Сергия Радонежского и Серафима Саровского и давший миру таких великих гениев, как Пушкин, Достоевский, Толстой и Соловьёв, — затем утратил смысл своего существования и отдал свои силы бессмысленному плотскому идеалу материального благополучия»².

Эти слова — полезное дополнение к тем таблицам и цифровым выкладкам, кои в обилии приводят исследователи в доказательство исключительной благодати реформы. На самом деле не менее актуальным становилось другое: помочь широким слоям освоиться с товарно-денежными реалиями, не дав им превратиться в инструмент обирания народа. В частности, Минфин был озабочен не купированием кооперативного потока, а напротив, поиском путей его оптимального развития. Именно в этой связи следует рассматривать необычный, на первый взгляд, шаг Коковцова подключить к становлению ссудно-сберегательных кооперативов не кого-нибудь, а церковь. Невосприимчивость населения к этим формам организации хозяйства была очевидной, как и необходимость повышения доверия к ним. Министр финансов рассчитывал, что духовенство (особенно сельское), пользуясь нравственным влиянием, окажет «весьма благотворное влияние на самый ход дел в учреждениях мелкого кредита»³. Однако церковные власти уклонились от этой задачи, боясь избыточной погружённостью в денежную сферу ещё больше вызвать нарекания в свой адрес. Министр финансов не скрывал разочарования, подчёркивая: в данном случае духовные лица не преследу-

---

¹ *Трубецкой Е.Н.* Новая земская Россия (Из наблюдений земского деятеля) // Русская мысль. 1913. № 12. С. 11.

² Там же. С. 12.

³ Письмо министра финансов В.Н. Коковцова к обер-прокурору Святейшего синода. 25 октября 1906 года // РГИА. Ф. 582. Оп. 4. Д. 13288. Л. 2–4.

ют «ничего, кроме чужого блага», а потому это не только не повредит, а лишь укрепит их авторитет¹.

Позитивным же можно считать то обстоятельство, что именно в горниле столыпинской реформы выработались определённые экономические новации. Кооперативный бум заметно актуализировал значимость кустарной промышленности, на которую стали смотреть намного серьёзнее, чем прежде. Вместо придаточной по отношению к сельскому хозяйству, она обрела самостоятельную роль и перспективу. Нужно заметить, что такой взгляд обозначился ещё в начале XX столетия и принадлежал министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову. Разразившийся в ту пору экономический кризис способствовал осмыслению экономических путей, связанных не только с насаждением крупной индустрии. Кустарные сети стали характеризоваться как исходный пункт формирования промышленности, производящей товары народного потребления². Впервые данная мысль прозвучала на съезде кустарей, состоявшемся в 1902 году³. Как там было заявлено, покровительство этой области народного труда наметило бы новую траекторию нашего развития. Местные промыслы могли служить естественным ферментом, фундаментом, на котором постепенно выросла бы и создавалась фабричная мануфактура. Так происходило в ведущих европейских странах, где на кустарных дрожжах сформировались знаменитые индустриальные центры Бирмингем, Шеллфильд, Лион, Золиген и др.⁴ В итоге МЗиГИ выступило с концепцией «органического выращивания» промышленности на базе кустарной, что несло немало преимуществ: в первую очередь отпала надобность в таком убыточном экономическом средстве, как таможенная охрана⁵. Витте усмотрел во всём

---

¹ Письмо В.Н. Коковцова к митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию. 1 августа 1907 года // Там же. Л. 31–31об.

² *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность в России в конце XIX — начале XX века. М., 1995. С. 134.

³ *Штанге А.Г.* Основные задачи содействия кустарной промышленности. 1902 год // РИГА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 42. Л. 46–47.

⁴ Обзор кустарных промыслов в России (предисловие Д.А. Тимирязева). СПб., 1902. С. XIX.

⁵ *Тарновский К.Н.* Кустарная промышленность и царизм // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 39.

этом выпад против курса на форсированную индустриализацию сверху. Как указывало Министерство финансов, опыт убедительно показывает, что лучшей школой для кустаря всегда была и остаётся фабрика: только «вокруг мануфактур и заводов вырастают целые районы соответствующих отраслей кустарной промышленности»¹. Минфин отказывал в запрашиваемых кредитах «плохо оборудованным, дёшево администрируемым маленьким фабричкам, устраиваемым за счёт казны»², и вообще рекомендовал прекратить борьбу с крупным капиталистическим производством, поскольку это превращается, в сущности, «в борьбу с благополучием самого кустарного дела»³.

Однако Ермолов и не думал уступать, тем более что споры с Витте уже давно носили для него принципиальный характер. В противостоянии с ним МЗиГИ опиралось на министра внутренних дел И.Л. Горемыкина, и Ермолов постепенно оказывается в орбите его воззрений. Если в 1893 году он голосовал за закон «О некоторых мерах к предупреждению отчуждения крестьянских наделов», то впоследствии превратился в горячего сторонника частнотемельного устройства села. В предисловии его труда «Наш земельный вопрос» читаем: «Никаких новых путей мы не проложим, никаким новым словом мира не удивим — удивляем мы только нашим настоящим сумбуром, — должно примириться с той мыслью, что нам надо идти вперёд обычным путём, давно уже нашими западно-европейскими соседями пройденным...»⁴ Кстати, в фонде горемыкинского Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения (1905) содержатся материалы о кустарной промышленности. В частности, обширный доклад члена совета МЗиГИ, председателя кустарного комитета князя Ф.С. Голицына с ключевой мыслью: «Нигде фабрика не приносит столько вреда, как в России, стране земледельческой»⁵. В годы столыпинской

¹ Отзыв управляющего отделом промышленности Н.П. Лангового на представление Министерства земледелия и государственных имуществ об увеличении кредитов на нужды кустарной промышленности. 9 августа 1901 года // РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1804. Л. 208.

² Там же. Л. 205.

³ Внутреннее обозрение // Русское экономическое обозрение. 1901. № 10. С. 134.

⁴ Ермолов А.С. Наш земельный вопрос. СПб., 1906. С. IV.

⁵ РГИА. Ф. 1212. Оп. 1. Д. 1. Л. 229об.

реформы Ермолов, назначенный в Госсовет, тесно сотрудничает с А.В. Кривошеиным. Встав во главе ГУЗЗа, тот с энтузиазмом воспринял идею промышленности, опирающейся на сельское хозяйство, кустарные промыслы, а не насаждаемую сверху¹. Кривошеин принимает эстафету проведения съездов кустарей. Интересно, что их организатором также становится кривошеинский родственник по линии жены Сергей Морозов (родной брат погибшего Саввы Морозова).

С трибуны этих форумов звучит: экономическая доктрина о неизбежности поглощения мелкого производства крупным неверна, за некоторыми исключениями. Деревообрабатывающая, прядильно-ткацкая отрасль, создание земельных орудий и техники — вот те сферы приложения народного труда, в которых промыслы постепенно трансформируются в серьёзное производство². У него неоспоримое преимущество: лучшее знакомство со вкусами и нуждами местного потребителя. С целью более широкого доступа кустарей к кредиту поддерживаются инициативы по созданию Московского губернского кустарного банка, по расширению действующей аналогичной структуры в Перми³. Кривошеин всячески подчёркивает: выросшая из кустарных промыслов промышленность — национальна⁴. В первую очередь это выгодно характеризовало Московский промышленный регион, исторически выросший на ресурсах внутреннего рынка с большой долей производства товаров народного потребления. И ныне, по замыслам устроителей съездов, следовало идти таким естественным путём: в ход запущен термин «наша промышленная деревня»⁵. В качестве почётного гостя на съездах присутствовал Ермолов, чьи заслуги в выработке такой политики признаны неоценимыми⁶. На повестку дня вставала дилемма: «механическое насаждение или «орга-

---

¹ Письмо А.В. Кривошеина к П.А. Столыпину. 10 июня 1910 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 378. Л. 82об.

² Труды деятелей по кустарной промышленности. СПб., 1910. Т. 1. С. 3, 19, 22–24.

³ Выступление С.Т. Морозова. Выступление С.В. Бородаевского // Там же. С. 377, С. 562–563.

⁴ Выступление А.В. Кривошеина // Труды III Всероссийского съезда деятелей по кустарной промышленности в Петербурге. Вып. IV. СПб., 1914. С. 119.

⁵ Выступление члена Государственного совета Е.Ф. Турау // Там же. С. 122.

⁶ Там же. С. 131.

ническое развитие», что отражало разные пути промышленного развития¹. Развернувшаяся накануне Первой мировой войны дискуссия во многом предвляла те политические баталии 1920-х годов, когда уже в советских верхах будут «ломаться копья» вокруг приоритетов НЭПа.

Модернизация сельского хозяйства зависела не только от крестьянского переустройства, кооперативных импульсов, но и от реализации инфраструктурных программ, что требовало серьёзных капиталовложений. Бюджет сельскохозяйственного ведомства за 1908–1914 годы увеличился с 37 до 146 млн рублей². По сравнению с недавним прошлым это были беспрецедентные суммы, даже в Госдуме отмечали, что ассигнования по отдельным статьям приближались к европейским показателям³. Конечно, для отечественной сельской отрасли даже такие расходы оставались недостаточными, чего, кстати, никто не отрицал. Выход виделся не только в мобилизации бюджетных источников, но и в привлечении иностранного капитала, чтобы с его помощью покрывать значимую часть потребностей. Например, оросительные работы в Туркестане и в Закавказье, о чём ГУЗЗ проявляло повышенные заботы; от этого зависело снабжение сырьём текстильной отрасли. В качестве инвесторов Кривошеин усиленно лоббировал московских купеческих тузов, что в глазах Минфина не выглядело оптимальным. Последние не могли быстро аккумулировать нужные суммы, а главное, не обладали соответствующим опытом. Поэтому для организации этого дела рекомендовали американского предпринимателя Дж. Гаммонда, с успехом орошавшего пустыни США и Мексики; его имя было известно в международном аграрном бизнесе, финансовых сферах. Правительство предложило ему провести исследования среднеазиатских территорий, что тот согласился сделать за собственный счёт. В случае же благоприятных итогов просил предо-

---

¹ *Воронцов В.П.* Задача кустарной промышленности в России // Труды III Всероссийского съезда деятелей по кустарной промышленности в Петербурге. Вып. I. С. 33.

² *Коцюнис Я.* Как крестьян делали отсталыми. С. 153–154.

³ Выступление И.В. Годнева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 2. Часть 5. Заседание 98 от 30 мая 1914 года. Стб. 6–7.

ставить ему земли для разработки, причём в равных долях с теми, кто не затратил на экспедиции деньги и труд¹.

Однако это не произвело на Кривошеина ровно никакого впечатления. Несмотря на рекомендацию Минфина, он обратился в МИД с просьбой запросить у нашего посольства информацию о фирме Гаммонда², одновременно начав интригу против выгодного, казалось бы, предложения. Главным козырем стала борьба с зарубежным засильем в экономике. Кривошеин развил мысль: участие иностранцев в оросительных предприятиях связано с долгосрочной арендой или правом собственности, к чему следует относиться осторожно. Нужно видеть разницу между иностранными подданными и АО, с одной стороны, и русскими товариществами, куда входят иностранцы, — с другой. Для первых любое участие в оросительных делах «должно быть вовсе запрещено», а вот вторых можно допускать. Не сложно догадаться, что под последними подразумевались московские купеческие фирмы³. В письме в Министерство юстиции начальник ГУЗЗа резюмировал: «Участие иностранных капиталов более целесообразно было бы допустить в других, менее благоприятных и привлекательных для частных предпринимателей местностях»⁴. Наблюдая за всем этим, Коковцов недоумевал: стоит только начать переговоры с каким-либо крупным иностранным инвестором, «как перед нами становится в виде обвинительного акта грозный призрак распродажи России»⁵. Министр финансов вопрошал, как мы собираемся расширять площадь наших хлопковых посевов: эти работы сопряжены не только с большими деньгами, но и с огромными знаниями. Деньги так или иначе можно найти, но со знаниями у нас дефицит, без них мы крупных шагов в этой области не сделаем⁶.

¹ Письмо В.Н. Коковцова к П.А. Столыпину. 12 января 1910 года // РГИА. Ф. 426. Оп. 1. 804. Л. 150б.

² Письмо А.В. Кривошеина к министру иностранных дел С.Н. Сазонову. 7 декабря 1910 года // Там же. Л. 8–80б.

³ Письмо А.В. Кривошеина в Совет министров. 1 июля 1911 года // РГИА. Ф. 1405. Оп. 531. Д. 806. Л. 110.

⁴ Письмо А.В. Кривошеина в министерство юстиции. 25 июля 1911 года // Там же. Л. 103.

⁵ Выступление В.Н. Коковцова // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия VI. Заседание 32 от 26 марта 1911 года. Стб. 1517–1518.

⁶ Там же.

Аналогичная ситуация создалась и в ходе дискуссий о постройке элеваторной сети, необходимой для успешной хлебной торговли. Государственный банк уже давно осуществлял в этой сфере крупные операции, но не мог в должной мере следить за сохранностью зерна, отдаваемого в залог под выдаваемые ссуды, что нередко вело к злоупотреблениям. Расширение кредита требовало надёжных зернохранилищ, а значит, серьёзных капиталовложений. Чтобы снизить бюджетную нагрузку, Минфин предложил разделить затраты с тем же американским предпринимателем Дж. Гаммондом, который уже запустил элеваторную сеть в США¹. По утверждённому правительством плану он брался возвести объекты, после чего элеваторы переходили в российскую собственность. Для их эксплуатации планировалось учредить акционерное общество, где 55 % находилось у государства, 20 % поступило бы в свободную подписку, а 25 % доставалось непосредственно подрядчику, в расчёт за произведённые работы². Но на пути переговоров вновь встал Кривошеин, хотя интересы московского купечества на сельскохозяйственной ниве были невелики. В оросительных проектах он сорвал сделку с Гаммондом, прикрываясь авторитетом Столышина, однако после гибели премьера методы Александра Васильевича несколько изменились. Теперь он делал ставку на Госдуму: многообещающий «роман» с нижней палатой развивался у него стремительно. Ряд депутатов посчитали планы Минфина не отвечающими государственными интересам и потребовали участия в важном деле земских учреждений; соответствующий законопроект внесён думцами в марте 1912 года³.

В результате имя Дж. Гаммонда перестало встречаться в совещаниях о постройке элеваторной сети⁴. Между тем земские деятели, на чью «созидательную мощь» был расчёт, уклонились от участия в этом деле. Их не заинтересовало даже льготное кредитование со стороны казны: они не пожелали погружаться в производствен-

¹ Письмо В.Н. Коковцова к П.А. Столыпину. 14 апреля 1911 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 458. Л. 150.

² Там же. Л. 151.

³ К вопросу о монополизации хлебной торговли // Финансовое обозрение. 1912. № 6. С. 4–5.

⁴ Журнал заседаний межведомственного совещания по вопросу о сооружении и эксплуатации элеваторов в России. 5, 12 марта 1912 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 5. Д. 458. Л. 547–558.

ные хлопоты, обещавшие быть весьма обширными¹. В итоге эти заботы легли на Государственный банк — минфиновскую структуру, чей устав не предусматривал подобного строительства. Тем не менее Госбанк мог вести комиссионные операции как неотъемлемую часть системы зернохранилищ, принимать зерновые бумаги-варранты, по аналогии с процентными бумагами, имел тесные отношения с учреждениями мелкого кредита, связанными с хлебными заготовками². Поручить же это дело Министерству земледелия или торговли и промышленности правительство сочло невозможным: одно ведомство оказалось бы на стороне производителей, второе — скорее всего, поддержало торговцев. Госбанк в этой ситуации выглядел самым нейтральным: ему легче было согласовывать различные позиции³. Определение Госбанка в качестве оператора постройки элеваторной сети Коковцов решил провести в исполнительном порядке, что ему было несвойственно. Если бы издержки на сооружение, как пояснил министр финансов, относились к расходной смете, тогда без законодательных учреждений не обойтись. Однако данное строительство является активной операцией: при выдаче ссуд под хлеб будет удерживаться некоторая сумма в погашение произведённых расходов⁴. Предлагалось, что впоследствии Госбанк всё же не будет заниматься эксплуатацией элеваторов, а после их запуска передаст земствам.

Соперничество между Коковцовым, с осени 1911 года ставшего премьером, и Кривошеиным заметно нарастало. Взаимное нерасположение двух ведущих членов правительства особенно бросалось в глаза после гибели П.А. Столыпина⁵. Начальник ГУЗЗа делал точкой опоры Госдуму, перетягивая на себя правительственные нити взаимодействия с последней. В июле 1913 года на Киевской сельскохозяйственной выставке Кривошеин буквально пропел оду общественности (земской, думской), призвал к тесному

¹ Финансовое обозрение. 1913. № 12. С. 2–3.

² Записка о сооружении Государственным банком элеваторной сети в России. 1912 год // РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1272. Л. 2–3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Особый журнал Совета министров. 25 ноября 1910 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 5 Д. 458. Л. 122–122об.

⁵ Автобиографические записки С.И. Тимашева // *Тимашев С.И. Жизнь и деятельность*. Тюмень. 2006. С. 242.

сближению её с правительством, разумеется, в лице себя. В литературе эта политика получила название «новый курс»: она подразумевала создание в Думе большинства, ориентированного на активного руководителя ГУЗЗа¹. Летом 1913 года на Киевской выставке во всеуслышание было объявлено о провале землеустроительной реформы из-за устранения от этого дела земств². Атака на премьера Коковцова набирала силу, что он почувствовал той же осенью. Кривошеин вошёл в явный фавор у царской четы: не проходило дня, чтобы императрица не справлялась о его здоровье, и «святая вода от Серафима Саровского постоянно находилась у него, присланная от её имени»³.

Заключительным актом в интриге стала кривошеинская заготовка к 300-летним торжествам дома Романовых. Увековечить юбилей в памяти народной следовало бы крупным хозяйственным достижением. По замыслу ГУЗЗа, таковым являлась мелиоративная разработка малопригодных земель, занимавших 19% всей площади европейской части России. Госдума предложила правительству выделить Главному управлению землеустройства и земледелия сверх сметы 150 млн рублей сроком на пять лет⁴. Непредвиденные расходы такого масштаба повергли в шок финансово-экономический блок правительства. Госконтролёр П.А. Харитонов указывал на недопустимость подобных шагов⁵. Коковцов требовал уточнить, на что конкретно будут расходоваться запрашиваемые средства, сомневался в возможности выполнения заявленного объёма работ⁶. В итоге большинство (Коковцов, Харитонов, Григорович, Рухлов, Тимашев, Сазанов) высказались против подобных трат. Кривошеин не скрывал негодования, настоятельно подчёркивая: срывается дело, приу-

¹ Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917 годы). М., 2016. С. 380–383.

² Гронский П.П. Государственная дума и земская реформа // Русские ведомости. 1914. 17 января.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 годы. Кн. 2. С. 265.

⁴ Письмо ГУЗЗа в Совет министров. 15 августа 1913 года // РГИА. Ф. 426. Оп. 3. Д. 525. Л. 32–32об.

⁵ Письмо государственного контролера П.А. Харитонova к А.В. Кривошеину. 25 сентября 1913 года // Там же. Л. 57–57об.

⁶ Письмо В.Н. Коковцова к А.В. Кривошеину. 18 ноября 1913 года // Там же. Л. 62об. — 63.

роченное к славной дате. Весьма любопытно, что его поддержал глава Минюста Щегловитов, МВД Маклаков и министр просвещения Кассо — те, кто вскоре усилиями начальника ГУЗЗа будут выпровождены из состава правительства¹. Отставка премьера Коковцова произошла 30 января 1914 года, а уже через две недели очередной журнал Совета министров украсила резолюция Николая II: «Согласен с мнением меньшинства»².

Победа Кривошеина знаменовала собой провозглашение программы, получившей название «нового курса» с сильной аграрной составляющей³. Однако достигнутые успехи оказались скорее из разряда «пирровых». Посаженный им в кресло министра финансов П.Л. Барк поначалу казался верным исполнителем кривошеинской воли. Созданию сельскохозяйственного банка теперь ничто не препятствовало: Минфин под началом нового министра реанимировал прежний устав проектируемой структуры. В специально учреждённом совещании преобладали чиновники ГУЗЗа, чувствовавшие себя ныне хозяевами положения. Сюда же вошёл и экономист П.П. Мигулин (зять председателя Бюджетной комиссии Госдумы М.М. Алексеев), которого прочили в её главы; он охотно рассуждал о громоздкости и низкой управляемости перегруженного Госбанка⁴. Интересны письма последнего, адресованные Кривошеину, преисполненные реверансов⁵. Вместе с тем в них содержались и здравые мысли: излишне не раздражать противников этой идеи, демонстрируя своё торжество. При нынешнем весьма благосклонном отношении финансового ведомства нет большой необходимости организовывать такой банк под крылом ГУЗЗа, можно предусмотрительно оставить его в ведении дружественного теперь Минфина⁶. Грядущая Первая мировая война, конечно, смешала эти планы. А вскоре выясни-

¹ Особый журнал Совета министров. 9 января 1914 года // Там же. Л. 143.

² Особый журнал совета министров. 15 февраля 1914 года // Там же. Л. 149.

³ Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства. СПб., 1998. С. 327–330.

⁴ Литвинцев Б. Сельскохозяйственный банк // Биржевой день. 1914. 7 апреля.

⁵ Вот отрывок из письма Мигулина: «Вы — единственный человек в России, который мог бы обсудить этот вопрос беспристрастно и поставить его на очередь. Другие просто не решатся на это по новизне, грандиозности трудности дела». 28 июня 1914 года // РГИА. Ф. 566. Оп. 1. Д. 64. Л. 10б.

⁶ Записка П.П. Мигулина «Основания устава сельскохозяйственного банка» // Там же. Л. 20–21.

лось, что угроза им исходит с самой неожиданной стороны — от нового министра Барка. Тот обратился к Кривошеину, выразив большие сомнения по поводу организации государственного сельхозбанка, почти дословно воспроизведя аргументацию Коковцова, после чего предложил воспользоваться существующими финансовыми организациями¹. В ответном письме Кривошеин напирал на состоявшийся ранее обмен мнений по этому вопросу, требовал «взаимных личных объяснений»².

Однако завершающую точку в проведении столыпинской реформы поставил, конечно, не министр финансов Барк или ещё кто-либо из правительственного чиновничества, общественных деятелей. Итог этим преобразованиям подвели те, кто стал главным объектом реформаторства, т.е. русское крестьянство. После февральско-мартовских событий 1917 года, когда население огромной страны, оставшись фактически без административной опеки, сразу решило аграрный вопрос в соответствии со своими предпочтениями. Общинная революция весны-лета 1917 года смела все столыпинские потуги в сельскохозяйственной сфере. Крестьянство выступило за общину, для разрушения которой было потрачено столько усилий.

---

¹ Письмо министра финансов П.Л. Барка к А.В. Кривошеину // Там же. Л. 253–255.

² Письмо А.В. Кривошеина к министру финансов П.Л. Барку. 10 августа 1915 года // Там же. Л. 258–258об.

Глава седьмая

НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

После утверждения на русском престоле династии Романовых западные державы стали служить образцом для подражания, источником вдохновения в многообразном экономическом и культурном строительстве. С Петра I и вплоть до конца XIX столетия правящие элиты придерживались чётко выраженной европейской ориентации. Ни аристократия, ни дворянство, ни просто просвещённая публика не подвергали сомнению правильность, а главное — продуктивность этого выбора. И потому неудивительно, что «восточный вопрос» пребывал на периферии отечественной политики. Причём долгое время само понятие «Восток» ассоциировалось с Османской империей, Персией, а с середины XIX века — ещё и с присоединённой Средней Азией. Территории же Дальнего Востока казались загадочными, почти таинственными, и попытки привлечь к ним внимание наталкивались на противодействие общественного сознания, привыкшего оперировать стереотипами. Дальневосточное направление оставалось лишь неким побочным элементом в системе международных отношений¹.

Однако с началом правления Николая II ситуация в корне меняется. Молодой император проявляет неподдельное внимание к тихоокеанским державам, к перспективам сотрудничества с ними. Актуализируются также вопросы освоения дальневосточных пространств, находящихся под скипетром Российской империи. Ещё будучи наследником престола, в 1890–1891 годах Николай Алек-

---

¹ О присутствии Российской империи на Дальнем Востоке с середины XVII по конец XIX века см.: История России: Россия и Восток. СПб., 2002. С. 502–754.

сандрович посещает ряд стран Тихоокеанского бассейна; визит члена царствующей фамилии в эту часть света совершался впервые в отечественной истории. В качестве наставника наследника сопровождал князь Э.Э.Успенский, большой любитель Востока и всего, что с ним связано¹. Подробное описание поездки можно найти в богато иллюстрированном издании «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича». Этот трёхтомник был подготовлен князем, но создавался в тесном контакте с Николаем II, который лично прочитывал и утверждал каждую главу. Буквально каждая его страница демонстрирует симпатию и восторженное отношение к Востоку. В качестве основы для взаимоотношений России с пока ещё мало известным миром выдвигался такой тезис: «втягивающийся в нас инородческий люд нам брат по крови, по традициям, по взглядам. Мы только теснее скрепляемся и роднимся с тем, что всегда было наше»². Некоторые исследователи считают этот труд, написанный в форме традиционной книги о путешествиях, своего рода манифестом новых геополитических подходов³, оформившихся в так называемую «Большую азиатскую программу» царствования⁴. С этой оценкой трудно не согласиться.

Развёрнутое обоснование восточного поворота содержится в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (с подачи Николая II её редактором становится всё тот же князь Э.Э.Ухтомский). В данном случае выбор старейшего российского издания далеко не случаен и даже символичен: печатный орган, основанный Петром I для пропаганды европейского курса России, теперь — во второй половине 90-х годов XIX и в начале XX столетия — становится ключевым для освещения азиатской тематики⁵. Интересна и такая де-

¹ Ухтомский Э.Э. // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 535–538.

² Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток. СПб., 1895. Т. 2. Ч. 3. С. 65.

³ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 72–73.

⁴ Мультипули П.В. Внешняя политика императора Николая II (1894–1917 годы). М., 2013. С. 206–208.

⁵ Рыбаченок И.С. Дальневосточная политика России 90-х годов XIX века на страницах русских газет консервативного направления // Внешняя политика России и общественное мнение. М., 1988. С. 125–146.

таль: как в начале XVIII века «Санкт-Петербургские ведомости» «редактировались самим Петром Великим»¹, так и ныне гранки отсылались в Царское Село, их лично просматривал император. В Петербурге иронизировали, что он выступал в роли редактора газеты². И Николай II, несомненно, полностью разделял и пропагандировал свежие геополитические идеи. Например, передовицы «Санкт-Петербургских ведомостей» предупреждали против «рабского следования» путями западной цивилизации, настойчиво напоминали, что Российская империя не только европейская, но и азиатская держава. А подлинно патриотической может считаться только та позиция, которая рассматривает нашу страну и восточные миры как «неразрывное целое, лишь временно не находящиеся безусловного единения части»³. Поворот в сторону Востока для России просто необходим. Оставаясь на высоте своего положения в Европе, она «властнее прежнего взглянет на ближний и дальний азиатский Восток, где для творческих сил русского народа... открыт ещё... поразительный простор деятельности самого благородного свойства»⁴. Предстоящий период развития страны следует рассматривать сквозь призму новой геополитической стратегии, которая усилит её роль в международном сообществе и превратит в подлинную «всемирную державу»⁵. Это политическое призвание диктуется и нашим прошлым. В конце XV века произошло слияние византийского и русского гербов: с тех пор его украшал чёрный двуглавый орёл, на чьей груди вооружённый всадник поражает дракона. Этот двуглавый орёл символизировал две стороны света, без прочного присутствия в коих Россия не может полноценно существовать⁶. Поэтому мы — русские — обязаны поднимать в Азии свой престиж, а не «добровольно уступать

¹ Письмо Э.Э. Ухтомского Николаю II. 22 октября 1895 года // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1370. Л. 31.

² Кольшико И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 39.

³ От редакции // Санкт-Петербургские ведомости. 1986. 6 января.

⁴ Там же.

⁵ N.N. Россия как всемирное государство (часть 2) // Санкт-Петербургские ведомости. 1897. 3 февраля.

⁶ Кн. Путятин В. Герб и трон Византии // Санкт-Петербургские ведомости. 1897. 28 июня.

кому придётся свою историческую роль и завещанную предками миссию...»¹

Интересно, что осуществлять эту миссию также предполагалось по-новому. В российской практике основная ставка традиционно делалась на военную мощь, теперь же предпочтение явно отдавалось экономическому влиянию. Знаковым можно считать то, что Комитет по строительству Сибирской железной дороги — транспортной артерии, ведущей в регион, — возглавлял сам император. Несмотря на суровые климатические условия, к 1901 году железнодорожное сообщение между Москвой и Владивостоком было установлено. Значение этого события трудно переоценить. «Санкт-Петербургские ведомости» пророчествовали: «Если благодаря великому почину царя Сибирь станет в промышленном отношении на ноги, то она, как сказочный богатырь, проснувшийся от долгого сна, несомненно, удивит своей богатырской мощью»². Именно с этих пор благодатный и обширный край перестают воспринимать как далёкую пустыню, годную лишь для ссылки и каторжных работ. Уже первичные исследования показали масштаб природных богатств региона. В этом отношении от него, учитывая размеры территории, ожидали гораздо большей отдачи, чем от уже неплохо освоенного юга России³. Строительство Транссибирской магистрали повлекло за собой создание ряда предприятий на Дальнем Востоке, таких как Восточно-Китайская железная дорога, Русско-Китайский Банк, порт Дальний и др.

Большой вклад в разработку дальневосточного направления внёс опытейший дипломат кн. А.Б. Лобанов-Ростовский, возглавивший в феврале 1895 года МИД России⁴. Прослужив много лет в европейских столицах послом, он прекрасно осознавал то значение, которое там придавали перспективам тихоокеанского бас-

¹ Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900. С. 43.

² Маслов И. Наши задачи на Дальнем Востоке // Санкт-Петербургские ведомости. 1899. 24 апреля.

³ Мясоедов-Иванов В.А. В какой степени Великий Сибирский путь может оправдать возлагаемые на него надежды. 23 января 1902 года // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 361. Л. 10.

⁴ Подробно о нем: Уманский А.Л. Русский министр иностранных дел кн. А.Б. Лобанов-Ростовский. СПб., 1896.

сейна. Поэтому внешнеполитический разворот России в этот регион стал делом рук императора и Лобанова-Ростовского¹. В первую очередь благодаря им эти интересы захватывают С.Ю. Витте, хотя в своих мемуарах творцом новой геополитической стратегии тот объявляет себя. Без тени стеснения, подчёркивая, что в этих вопросах «высшие государственные деятели были полные невежды», лишь он всё знал, изучил и предвидел². Тем не менее Витте воспринял мысль о том, что проникновение в регион эффективнее проводить с помощью экономических методов. Как министр финансов он планировал закрепить за Россией важную роль перевалочного пункта в растущей мировой торговле: «находясь в естественном соседстве с азиатскими странами, Россия занимает весьма выгодное положение как в отношении непосредственного с ними товарообмена, так и в транзитной торговле этих стран с Западной Европой»³. Кроме того, системообразующие активы должны были упрочить рынки сбыта в Северном Китае и Монголии, ведь ранее доходы от продаж обычно не превышали здесь расходов по доставке товаров из России⁴. Наши коммерческие позиции в регионе были откровенно слабы; например, в конце XIX века из двухсот торгово-промышленных предприятий Владивостока почти две трети принадлежали нерусским подданным, а иностранные суда обслуживали 70 % местного грузопотока⁵. Выход из этой плачевной ситуации требовал активной работы, а не бесплодных сетований на бесперспективность дальневосточной политики⁶. Растущей выручкой от российского вывоза в Азию предполагалось оплачивать проценты с капиталов, привлечённых в Европе⁷.

¹ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918 годы. Т. 1. СПб., 2015. С. 104, 116.

² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 44.

³ Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Величеству Великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. СПб., 1912. С. 217.

⁴ Грум-Гржимайло Г.Е. Современные условия русской торговли в Западном Китае // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 11 апреля.

⁵ В чьих руках торговля Владивостока? // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 24 апреля.

⁶ Бородавский Л. К вопросу о Дальнем Востоке // Санкт-Петербургские ведомости. 1897. 21 июня.

⁷ Всеподданнейший доклад Министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непременно придерживаться определенной про-

Однако выступив на новом для себя направлении, Россия столкнулась с конкуренцией ведущих европейских держав, которые уже давно хозяйничали на этих рынках. Англия особенно негативно восприняла появление ещё одного соперника. В свою очередь «Санкт-Петербургские ведомости» сравнивали это «всемирное государство» с «вечным жидом», бороздящим вселенную и повсюду сеющим раздор¹. Причём подобную характеристику нельзя отнести к обычным черносотенным выпадам, как может показаться на первый взгляд. Издание сполна отдавало должное английской предприимчивости: не только предприниматели этой страны, но и представители правящего класса демонстрируют отменную деловую хватку, как, например, сыновья «великого старца» Гладстона, не брезговавшие бизнесом. В результате едва ли найдётся государство, где английские капиталы не участвовали бы в местной торгово-производственной жизни. Без преувеличения, в мировом хозяйстве нет сколько-нибудь значимой отрасли, в коей прямо или косвенно не были бы задействованы денежные средства Великобритании. Вывод: у неё следует учиться, не ограничиваясь проклятиями в ее адрес². Конечно, эта оценка разительно отличалась от того, что писали об иностранном капитале в консервативной прессе. К примеру, «Московские ведомости» не усматривали в зарубежном опыте ничего позитивного. В.А. Грингмут (в то время редактор газеты. — А.П.) копировал экономические статьи известного публициста М.Н. Каткова (скончавшегося в 1887 году), не учитывая, что тот писал их при других обстоятельствах. «Санкт-Петербургские ведомости» возражали: чтобы осознать интересы России, нужно добросовестно отнестись к действительности, в противном случае нам грозит страшное заблуждение, и мы станем отвергать полезное. «Кричать о русских интересах ещё не значит служить им!»³

граммы торгово-промышленной политики. Февраль 1899 года // Материалы по истории СССР. Т. 6. М., 1959. С. 189.

¹ Гольмстрем В. «Вечный жид» // Санкт-Петербургские ведомости. 1897. 22 апреля.

² Английская предприимчивость и английские капиталы (передовая) // Санкт-Петербургские ведомости. 1899. 12 июня.

³ Медведский К. Что такое «Московские ведомости» г. Грингмута? // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 29 ноября.

Конкуренция европейских держав в Тихоокеанском регионе в конце XIX века неуклонно нарастала. Точкой пересечения глобальных интересов был Китай, чей огромный экономический потенциал видели тогда все ведущие игроки. Уже в 1885 году лорд Солсбери указывал: кто лучше всех укрепится в Китае, тот получит преобладание в мировой политике¹. Поэтому и Россия в своей новой геополитической стратегии сделала акцент на тесных взаимоотношениях с обширной восточной империей. К этому располагали прежде всего географическое положение и общая граница: при обострении международной обстановки Россия самым фактом своего существования прикрывала бы соседа с севера. Европейцы же находились в иной ситуации, «ничем не рискуя в своих далёких неуязвимых метрополиях»². Кроме того, тогда считалось, что проникновению русских в Китай будет способствовать банкротство западной политики в этом регионе. Своекорыстие европейцев стало к тому времени очевидным; всеми способами они стремились подчинить коренное население, беззастенчиво эксплуатируя природные богатства и народный труд. Местное население оказалось низведённым до уровня орудий для коммерсантов и миссионеров, шедших, как правило, рука об руку. Неудивительно, что китайцы в конце концов по достоинству оценили своих «просветителей». Начались резкие проявления народного негодования, которые в свою очередь дали пищу разговорам о варварстве китайцев. Европейцы обвиняли их в косности, невосприимчивости к умственному и нравственному прогрессу³. В отношениях же с русским народом всё обстояло иначе: обаяние белых царей в Китае не ставится под сомнение, что подтвердил радушный приём в Поднебесной будущего императора Николая II. После этого визита слова «русский царь» сделались ещё более «популярным и близким сердцу туземцев»⁴. Мы обязаны изучать жизнь этого трудолюбивого народа, с уважением относиться к его религиозным верованиям, традициям и богатой культуре, а не демонстрировать своё превосходство, переходящее по-

¹ Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. 1897–1903 годы. М., 1998. С. 67.

² Волконский А. М. Записка «О необходимости усиления нашего стратегического положения на Дальнем Востоке». 1897 год // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 173.

³ Передовая // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. 29 апреля.

⁴ Там же.

рой в откровенное глумление. В этом ключ к душе китайцев, которые уже хорошо осознают разницу между русскими и остальными европейцами. А значит, «следует смелее направлять свою деятельность на Китайский восток, не боясь прослыть навязчивыми среди этого симпатичного народа»¹.

В подкрепление этих мыслей «Санкт-Петербургские ведомости» перепечатали интересную публикацию известного английского журналиста Вильяма Стэда «Преступление против Китая и против нас самих». Стэд — весьма примечательная фигура. В 1899 году во время Международной конференции в Гааге он познакомился с Николаем II, и с тех пор их связывали добрые отношения; в адрес России Стэд высказывался с неизменной благосклонностью. По его мнению, русский и китайский народы дополняют друг друга: «материализм китайцев ослабит несколько мрачный мистицизм русских, а их трезвость и бережливость будут, пожалуй, желательным добавлением к психологическому складу русского мужика». Западу же он рекомендовал «не стучаться в ворота Серединной империи рукой, закованной в железную перчатку», учитывать местный менталитет и оставить мечты о перерождении Поднебесной². Стэд выступал резко против попыток давления на власть со стороны европейских держав. Вместо того чтобы подрывать её престиж, следует научиться считаться с ней. Ведь ослабление центра чревато здесь нарастанием беспорядков, перерастающих в общий хаос. Китайское правительство подобно сердцу в человеческом организме, от правильной работы которого зависит жизнь всего общества. Если сердце даёт сбой — нарушается кровообращение и страдает весь организм. Сейчас правительство слабо, что ощущают все. Но, несмотря на это, оно остаётся пока единственной реальной силой в империи. Стэд напоминал: добиваясь концессий, разрешений, льгот и т.д., европейцы обращаются за содействием к тому самому чиновничеству, которое тут же, едва выйдя за порог, начинают всячески поносить. Это неизбежно ведёт к дестабилизации и в конце концов — к распаду Китая. Только для того, кто осознает эту простую истину, откроются двери империи³.

---

¹ Там же.

² Стэд о Китае (передовая) // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 10 ноября.

³ Там же.

Именно такого подхода старалась придерживаться Россия в отношениях со своим восточным соседом. Царское правительство отказывалось участвовать в авантюрах, которые вели к ущемлению или дискредитации Китая. Даже после так называемого боксёрского восстания 1900 года, когда западные представительства подверглись разгрому и европейцев избивали, русское правительство выступило против попыток расчленения Китая, инициированных мировыми державами¹. Как заметил Ухтомский, «при возмущениях китайской черни против европейцев русских... сознательно щадили и отличали от “заморских чертей”»². Однако нарождающиеся в России либералы-общественники выступали в унисон со своими западными кумирами. Один из либерально настроенных деятелей — князь С.Н. Трубецкой — направил в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей» письмо с осуждением прокитайской пропаганды. Он призывал присоединиться к европейским державам и приветствовал расчленение «варварской» страны: «Если раздел Китая есть безумие, то пусть укажут мне на другое средство избежать страшную, грозную для нас грядущую войну»³. Как можно, недоумевал Трубецкой, прилагать усилия для сохранения Китая от распада и тем самым укреплять в нём сознание целостности и единства?!⁴ При этом его нисколько не смущал, казалось бы, очевидный вопрос о праве Европы демонтировать древнее и целостное государство. Тем более что изначально не Китай бросился на европейцев, а европейцы позарились на его территории, своим пренебрежительным отношением породив мятежные настроения в народе. Китайцы просили только одного: оставить их в покое; и надо признать, что у них было полное право не принимать навязываемые европейские ценности, «прелести которых... они оценить не сумели»⁵. Отказ России одобрить уничтожение Китая

---

¹ Подробнее об этом: История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М., 1998. С. 353–361.

² Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. С. 75.

³ Кн. Трубецкой С.Н. Письмо в редакцию // Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 31 августа.

⁴ Там же.

⁵ Еще к вопросу о разделе Китая (передовая) // Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 13 сентября.

«многим становился поперёк горла»¹. Синьхайская революция конца 1911 года, покончившая с императорским Китаем, вызвала противоположные оценки: если «правительственная Россия» осуждала разрушение Китая, предчувствуя надвигавшуюся анархию и «судороги нашего древнего и прежде доброго соседа»², то либеральные лидеры не скрывали бурного ликования³. Сейчас мы можем сказать: они не представляли себе, что всего через шесть лет их усилия по расшатыванию российской власти увенчаются, как и в Китае, совсем не тем, о чём мечталось.

Либеральная общественность нашей страны оппонировала власти не только в китайском вопросе; она выступала против новой геополитической стратегии в целом, пытаясь дискредитировать восточный разворот имперской политики. О степени накала развернувшихся споров можно судить по обсуждению строительства Амурской железной дороги, проходившему в Государственной думе и Государственном совете весной 1908 года. Этот на первый взгляд местный вопрос вышел далеко за рамки чисто хозяйственной проблематики, затронув серьёзные смыслы. Возглавляемое П.А. Столыпиным правительство представило в Госдуму смету по прокладке дороги. Либеральные деятели, заседавшие в нижней палате, не могли упустить возможность дать открытый бой. Напомню: Амурская транспортная магистраль венчала Сибирский путь; она дублировала Восточно-Китайскую железную дорогу через Маньчжурию на российской земле (что с военной точки зрения представлялось вполне оправданным) и проходила по территории, сопоставимой по площади с Японией или Испанией⁴. Лидеры оппозиции устами А.И. Шингарёва сразу задали уровень дискуссии: «Вопрос об Амурской дороге несравненно шире... той полоски нашей земли, по которой эта дорога пойдёт. Этот вопрос,

---

¹ Там же.

² Сыромятников С.Н. Судороги дракона // Россия. 1911. 9 октября.

³ Стараниями либеральных деятелей Государственная дума превратилась в некий штаб по поддержке китайской революции, а П.Н. Милюкова даже именовали её представителем в России: Морозов А.В., Мингалеев Р.Р., Новиков Д.Е. Внешнеполитический курс России на Дальнем Востоке в оценке либеральной прессы (1906–1914 годы) // Россия в XVIII–XX веках. М., 2000. С. 90–91.

⁴ Выступление Ф.Н. Чиликина // Государственная дума. Стенографический отчет. III созыв. Сессия 1. Часть 2. Заседание 41 от 24 марта 1908 года. Стб. 973.

развёрнутый во всю ширь, представляется вопросом первейшей государственной важности, который должен определить наши работы на долгие годы»¹. В нём тесно переплетены колонизационные, военные, экономические, финансовые аспекты. Однако обстоятельное знакомство с ними не даёт оснований для оптимизма относительно траты сил на это направление. Окраины, подобные дальневосточной, только тогда сильны, когда они связаны с могучим центром, вооружённым знаниями, капиталами и энергией населения. Но такого центра, говорил Шингарёв, у нас нет². Чтобы осваивать и защищать Дальний Восток, мы должны быть сильны прежде всего на западе — вот где обязан находиться центр тяжести всей нашей политики. Восток защищается нами на Западе, уверял оратор³. Исходя из этого расходы, выделенные на Амурскую железную дорогу, никак нельзя признать эффективными.

С ещё большим энтузиазмом эти идеи развивал депутат Н.Н. Львов. Его тревожила опасность, нависшая над нашим государством: Дальний Восток приобрёл явно несоразмерное значение; на далёкой периферии создаётся какой-то центр, куда вопреки здравому смыслу стягиваются экономические и военные ресурсы. В результате государственный корабль искусственно накрён в одну сторону и здесь — коренное зло всей нашей политики⁴. Львов недоумевал: долгое время эта окраина оставалась пустынной и безлюдной, её использовали лишь как место для ссылки. Теперь же туда отвлекаются значительные силы, и мы настойчиво пытаемся создать там «нечто шаткое, само по себе нечто хрупкое, нечто такое, что держалось бы на одной военной силе, но не было поддержано трудом, хозяйственным развитием»⁵. Львов высказал также претензии к конкретным ведомствам, разрабатывавшим проект строительства дороги. В частности, досталось Министерству финансов, невнятно обосновавшему источники финансирования столь масштабно-го проекта (350 млн рублей). Вопрос о том, каким образом он будет

¹ Выступление А.И. Шингарева // Государственная дума. Стенографический отчет. III созыв. Сессия 1. Часть 2. Заседание 41 от 24 марта 1908 года. Стб. 948.

² Там же. Стб. 952.

³ Там же. Стб. 953.

⁴ Выступление Н.Н. Львова // Государственная дума. Стенографический отчет. III созыв. Сессия 1. Часть 2. Заседание 44 от 29 марта 1908 года. Стб. 1459–1460.

⁵ Там же. Стб. 1461.

оплачиваться, звучал и во многих других выступлениях¹. Либеральный рецепт оказался незатейливым: развивать энергию, учреждать самоуправление, отменить чрезвычайно положение. Когда вы получите сильное и богатое население, тогда и займитесь дорогами подобной Амурской². Разумеется, изрядная порция критики адресовалась Министерству путей сообщения. По убеждению депутатов, это убитое ведомство, лишённое всякой инициативы и всякой самостоятельности, не способно ни к чему созидательному³. Оно даже не располагает необходимыми сведениями о том строительстве, которое намеревается предпринять⁴. Да и вообще, лучше использовать естественные речные пути, чем нести расходы по дорогостоящим железнодорожным проектам⁵.

Критический запал на пленарных заседаниях преобладал. Голоса тех, кто поддерживал проект, были в явном меньшинстве, и их аргументы (например: отказ от строительства линии равносильна потере Дальнего Востока⁶; почему сложные климатические условия так пугают нашу оппозицию, а не европейских колонизаторов, активно осваивавших и Азию, и Африку?⁷) популярностью не пользовались. Правительственная пресса, комментируя думские прения, обратила внимание на одну любопытную деталь. Как известно, оппозиция всегда выступала противницей усиления центра и исконной защитницей окраин и национальных меньшинств, однако теперь наблюдается обратная картина: она вдруг не на шутку озаботилась нуждами центра. Видимо, подчёркнутое неприятие строительства Амурской дороги вынудило их наступить на горло собственной песне⁸. Какой же кадет желает того, что нужно стране,

---

¹ Выступление Н.С. Розанова // Там же. Стб. 1469.

² Выступление А.И. Шингарева // Государственная дума. Стенографический отчет. III созыв. Сессия 1. Часть 2. Заседание 41 от 24 марта 1908 года. Стб. 960.

³ Выступление Н.Л. Маркова // Там же. Стб. 895.

⁴ Выступление Н.Н. Львова // Там же. Стб. 938.

⁵ Выступление А.Ф. Бабянского // Государственная дума. Стенографический отчет. III созыв. Сессия 1. Часть 2. Заседание 44 от 29 марта 1908 года. Стб. 1446.

⁶ Выступление А.А. Уварова // Государственная дума. Стенографический отчет. III созыв. Сессия 1. Часть 2. Заседание 41 от 24 марта 1908 года. Стб. 948.

⁷ Выступление В.М. Пуришкевича // Государственная дума. Стенографический отчет. III созыв. Сессия 1. Часть 2. Заседание 44 от 29 марта 1908 года. Стб. 1320.

⁸ Передовая // Россия. 1908. 28 марта.

что усиливает её, а не обессиливает!?»¹ Либералов-западников терзали сомнения: если кто-то и может «заселить этот ужасный край, то разве уж очень культурные люди, но никак не русские поселенцы». Издание «Россия» на это заметило: «Прекрасная мысль: отчего бы не переселить туда самих кадетов?»²

Перелом в дискуссию вокруг Амурской железной дороги внёс П.А. Столыпин. Не предвидя горячих прений, он не планировал приезжать в Госдуму. Но развитие событий вынудило его более подробно развить свою точку зрения, так как «если бы правительство оставило все эти возражения без ответа, то это было бы почти равносильно признанию необдуманности правительственного плана и признание ошибки в его расчёте»³. (Надо отметить, что эта речь по праву может считаться одной из лучших в ораторской практике премьера.) Столыпин подтвердил: магистраль должна строиться русскими руками, русскими пионерами. Что касается соотношения в развитии центра и окраин, то «лечить израненную родину нашу нельзя только в одном месте. Если у нас не хватит жизненных соков на зарубцевание всех нанесённых ей ран, то наиболее отдалённые части её раньше, чем окрепнет центр, могут... незаметно отпасть, отсохнуть, обвалиться. И... мы будущими поколениями будем за это привлечены к ответу. ...Не забываяте, что русский народ всегда сознавал, что он жил и окреп на грани двух частей света... и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орёл — наследие Византии — орёл двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращённую на Восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью»⁴. Согласимся с передовицей газеты «Россия»: эта речь увела вопрос о постройке Амурской железной дороги от партийных дразг в геополитическую область. Премьер показал, что безнрав-

¹ Письмо в редакцию (избиратель) // Россия. 1908. 25 марта.

² Там же.

³ Выступление Председателя Совета министров П.А. Столыпина // Государственная дума. Стенографический отчет. III созыв. Сессия 1. Часть 2. Заседание 44 от 29 марта 1908 года. Стб. 1405.

⁴ Там же. Стб. 1414, 1415.

ственность и близорукость готовы прикинуться государственной мудростью, но руководствоваться надо не «голосами с запада, которые подслушал в какой-то передней оратор оппозиции, а мощными голосами русского сердца и русского разума»¹.

В Государственном совете слушания по Амурской магистрали прошли совершенно иначе. Здесь превалировал не партийный, а деловой подход; были тщательно проанализированы военные, технические аспекты. В отличие от Госдумы в верхней палате преобладали специалисты, разбирающиеся в многообразных хозяйственных вопросах, и откровенное политиканство не поощрялось. Подавляющая часть членов Госсовета неодобрительно отнеслась к думским дебатам, в ходе которых сознательно нагнетался страх, что позволило оппозиционным лидерам «говорить не об Амурской дороге, а об Амурской авантюре»². Как сказал бывший министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев, прения в нижней палате настолько «проникнуты космополитическим индифферентизмом к своей родной земле, что отнестись спокойно к ним не представляется возможным»³. Один из старейших членов верхней палаты П.П. Семёнов-Тян-Шанский, несмотря на преклонный возраст, столь горячо поддерживал идею освоения богатейшего края, что с ним во время выступления случился удар; коллеги буквально с кафедры перенесли его в соседнее помещение для оказания первой помощи⁴. Надо заметить, что после блистательной речи Столыпина ряды противников Амурской железной дороги заметно поредели. На заседаниях Госсовета мнение о том, что наши силы и заботы должны распространяться не на Амур, а на Днепр с Вислой, звучало приглушённо⁵, а открытое неприятие правительственного проекта сменилось другой тактикой. Теперь обсуждались темпы строительства; предлагалось растянуть его на длительный срок, прокладывая линию по частям и т.д.⁶ На это возразил А.Б. Нейгард: «Раз-

¹ Передовая // Россия. 1908. 1 апреля.

² Выступление В.И. Тимирязева // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия III. Заседание 32 от 30 мая 1908 года. Стб. 1396.

³ Там же. Стб. 1398.

⁴ *Семенов-Тян-Шанский В.П.* То, что прошло. Т. 1. СПб., 2009. С. 521–522.

⁵ Выступление барона П.Л. Корфа // Государственный совет Стенографический отчет. Сессия III. Заседание 32 от 30 мая 1908 года. Стб. 1445.

⁶ Выступление Г.А. Крестовникова // Там же. Стб. 1422.

ве хороший кузнец станет ковать свою цепь кусочками? Он, несомненно, составив себе представление о длине цепи, нарубит себе этих кусков и хотя бы не в один раз их соединит»¹.

Вообще разницу в отношении к строительству дороги определяла экономика. Оппоненты проекта настаивали на сугубо коммерческой позиции. Сторонники же государственного подхода считали, что относиться к данному проекту, особенно в его начальной стадии, как к коммерческому — абсурдно. Для прокладки железной дороги по неисследованной и малозаселённой территории нужны особые мотивы. Амурская магистраль строится для будущего, поскольку настоящего там попросту нет, и сразу требовать от неё доходности невозможно². Кстати, это очень хорошо понимали в Европе, где строительство Амурской дороги вызвало неподдельную заинтересованность. В Германии «прицеливались» к природным богатствам Сибири и Дальнего Востока, что значительно облегчило появление этого железнодорожного пути³. Заметно оживились представители деловых кругов в Париже: они ожидали улучшения условий для технической подготовки и эксплуатации этих территорий⁴. Лондонских биржевиков привлекали отчёты английского консульства во Владивостоке со сведениями о минеральных ресурсах края⁵. Не оставались в стороне и американцы, регулярно засылавшие туда специальные торгово-экономические миссии⁶.

Дело о строительстве Амурской дороги вновь (уже в столыпинском исполнении) подтвердило разворот российской геополитики на Восток, и структура государственных расходов на развитие транспортной сети наглядно это демонстрирует. В начале XX века на железнодорожное обустройство европейской части

---

¹ Выступление А.Б.Нейдгарда // Там же. Стб. 1441.

² Выступление Министра путей сообщения Н.К.Шоффгаузена-Шауфуса // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия III. Заседание 33 от 31 мая 1908 года. Стб. 1519–1520.

³ Выступление В.И.Тимирязева // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия III. Заседание 32 от 30 мая 1908 года. Стб. 1398.

⁴ Наши сообщения // Биржевые известия. 1908. 9 мая.

⁵ Минеральные богатства нашего Дальнего Востока // Утро России. 1910. 20 июня.

⁶ Неиспользованные богатства // Финансовое обозрение. 1910. № 27. С. 7.

империи из казны тратилось по 60 млн рублей ежегодно, а на азиатскую — по 12 млн рублей. Затем ситуация кардинально меняется: в 1911 году на европейскую часть пришлось 10 млн рублей, а на азиатскую уже 82. В 1914 году положение дел почти не изменилось: около 24 млн рублей на европейскую и те же 82 — на азиатскую часть¹. Причём значительная часть средств, израсходованных на европейскую инфраструктуру, пошла на сооружение Московской окружной дороги и мостов через Волгу и Неву, то есть казённое железнодорожное строительство в европейской России практически свелось к минимуму². В этот же период Министерство путей сообщения бóльшую часть средств, предназначавшихся для исследовательских работ, выделило азиатскому и юго-восточному направлениям³. Приведённые данные свидетельствуют о серьёзной смене приоритетов. Наши европейские партнёры этого не одобряли. Втягивая Россию в крупный конфликт, коим и стала Первая мировая война, они настаивали на строительстве железных дорог преимущественно в западном направлении: от этого зависела наша военная подготовленность. Например, французы охотно предоставляли кредиты для строительства линий от центра к западной границе; глава французского генерального штаба генерал Ж. Жоффр даже составил большую и дорогостоящую программу развития нашей рельсовой сети⁴. Ему вторила думская оппозиция: 350 млн рублей, потраченные на «Амурскую пустыню», могли быть использованы на указанные союзниками нужды⁵.

Но, повторим, планируя железнодорожное строительство, правительство исходило прежде всего из экономических задач, как, например, при прокладке Южно-Сибирского пути. Эта ветка (Уральск — Оренбург — Семипалатинск) должна была пройти по обширным территориям южнее основной Сибирской магистрали. Плотность населения там была невелика: на одну квадратную версту приходилось всего 6 человек, причём лишь 5,6 % населения

¹ Представление Министерства путей сообщения в Государственную думу. 20 июня 1916 года // РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 859. Л. 5.

² Там же.

³ Пути сообщения в 1911 году // Финансовое обозрение. 1912. № 2. С. 9.

⁴ Сухомлинов В. А. Воспоминания. М., 1926. С. 165–166.

⁵ Выступление А. И. Шингарева // Государственная дума. Стенографический отчет. IV созыв. Сессия 4. Заседание 22 от 16 февраля 1916 года. Стб. 1779.

проживало в городах. Остальная масса, включая полукочевников, вела хозяйство в сельской местности. Эти малозаселённые земли привлекали переселенцев из центральной части страны. Материалы о хозяйственном потенциале региона правительство рассматривало в 1909–1910 годах, после чего строительство Южно-Сибирской магистрали было признано делом первостепенного государственного значения¹. Исторически сложилось так, что основные действующие железнодорожные пути вели с юго-востока на северо-запад России — к портам Балтийского моря; через них шёл хлеб в Англию, Германию, Швецию, Голландию, то есть в Северную Европу. Когда увеличилась распашка на сибирских площадях, стали расти и запасы зерна. Северноевропейские страны оказались не в состоянии переварить возросшие объёмы, а зерновые остатки внутри страны могли оказывать заметное давление на цены, что было крайне нежелательным. Следовательно, требовались новые рынки. Излишек планировалось экспортировать через черноморские порты в Италию, Испанию Турцию, на Балканы и т.д. Ёмкость зернового рынка этих стран стабильно увеличивалась (в начале XX века туда ввозилось в среднем 130 млн тонн пшеницы в год, а перед Мировой войной — уже около 200 млн тонн), и перед Россией стояла задача закрепить в качестве ключевого поставщика для всего юга Европы. Жёсткая конкуренция диктовала быструю и более дешёвую доставку зерна потребителям. Этому и способствовала Южно-Сибирская магистраль: с введением её в эксплуатацию путь из южносибирского региона до Новороссийска сокращался на 1046 вёрст, что существенно снижало затраты. Так железнодорожная политика регулировала распределение товарных потоков, идущих на экспорт².

С начала XX века в работе Министерства путей сообщений возникают новые подходы к созданию транспортной инфраструктуры: железнодорожное строительство увязывается с программой развития речных коммуникаций. Ранее МПС видело в речном хозяйстве обузу, а не естественное дополнение расширяющейся рельсовой сети. Достаточно сказать, что за десятилетие до 1908

---

¹ Записка «Южно-Сибирская железная дорога и обслуживаемый ею район» // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 471. Л. 17–18.

² Там же. Л. 33.

года на обустройство судоходных рек (при общей их протяжённости в одной только Европейской России свыше 200 тыс. вёрст) из ведомственного бюджета отпускалось ежегодно около 4 млн рублей, которые совершенно терялись в многомиллионных сметах министерства. К тому же большая часть этих ассигнований тратилась на приморские порты, а внутренние водные коммуникации, несмотря на рост промышленной активности, оставались в полной заброшенности¹. Ситуация начала меняться после того, как управление водных и шоссейных дорог МПС возглавил князь В.Н. Шаховской, впоследствии последний министр торговли и промышленности Российской империи. Он становится «мотором» образованной в 1909 году межведомственной комиссии по развитию водных сообщений империи под председательством известного инженера профессора В.Е. Тимонова². Шаховской сумел привлечь к этой проблеме внимание как правительства, так и Госдумы: уже к 1913 году сумма, выделяемая на речные нужды, увеличилась более чем в десять раз (41 млн рублей)³. Комиссия тщательно изучила иностранный опыт, особенно опыт Соединённых Штатов — пионера в эффективном использовании водных ресурсов⁴. По итогам работы комиссии было намечено соединение Волги и Дона, начато шлюзование Оки и строительство каналов (Киев — Москва, Днепро-Виленского и Беломоро-Балтийского) для разгрузки ряда ключевых железных дорог. Шли приготовления к возведению Днепрогэс, урегулировались юридические отношения с собственниками прибрежных участков. Цель всех этих мероприятий — связать в единую систему бассейны трёх морей: Балтийского, Чёрного и Каспийского⁵. Однако общие планы были ещё более обширными: на Урале и в Сибири планировалось устройство Камско-Иртышского пути от Перми до Тобольска, а также сооружение перегрузочных гаваней в устьях Енисея, Оби и Лены. Как заключала деловая пресса тех лет, «надо отдать должное этому проекту: он

¹ Новые водные пути // Финансовое обозрение. 1913. № 10. С. 1–2.

² Беляков А.А. Внутренние водные пути России в правительственной политике конца XIX — начала XX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 129.

³ Новые водные пути // Финансовое обозрение. 1913. № 10. С. 1–2.

⁴ Экономические выгоды от использования водных сил // Россия. 1911. 28 октября.

⁵ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1919 годы // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 598. Л. 180–181, 199.

широко охватывает наиболее остро чувствуемые нужды русского пароходства, о каком несколько лет тому назад мы не смели мечтать»¹. Остаётся напомнить, что замыслы князя В.Н. Шаховского (хотя и не в полном объёме) с успехом реализованы в СССР.

Сдвиги в транспортной инфраструктуре имели одно очень важное последствие: было переформатировано всё торгово-экономическое пространство страны. Традиционное значение Москвы как сердца внутрироссийского рынка теперь не выглядело столь непререкаемым. Преимущество получили те города, чьё географическое расположение по отношению к той же Сибири или Средней Азии оказалось более выгодным с точки зрения коммуникаций, чем у Первопрестольной. Тут нельзя забывать и о политическом факторе: Москва в это время являлась признанным оплотом оппозиции, и подрыв её экономического могущества не мог, мягко говоря, вызывать у власти сожалений. Судя по материалам, которыми мы располагаем, на роль «главного распорядительного и передаточного пункта всей Восточной России» с конца первого десятилетия XX века выдвигается Казань. Через неё пролегают удобные пути на Урал, в Сибирь, в Среднюю Азию, а потому этот город стягивает на себя транзитные товарные потоки². Как говорили, в Казани «дóлжно видеть окно, дающее промышленный свет на азиатский Восток»³. Казанский биржевой комитет становится фаворитом правительства; его рекламирует официальный орган Минфина «Торгово-промышленная газета». Высокую оценку получило обследование местной деловой жизни, которое провели сами казанцы. В нём не только отражено текущее положение дел, но и намечены перспективы развития города. Эта инициатива, по убеждению министерства, представляет громадный интерес и поучительна для всего российского купечества; она достойный пример для подражания⁴. Причём комплименты в адрес казанского купечества звучали параллельно с негативными оценками делового мира Первопрестольной. Уверения в огромном потенциале

¹ Новые водные пути // Финансовое обозрение. 1913. № 10. С. 1.

² Записка «Государственное и местное значение Заволжской железной дороги». 1909 год // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 450. Л. 38об.

³ РГИА. Ф. 23. Он. 10. Д. 231. Л. 86.

⁴ Шимановский В. Прекрасное начинание // Торгово-промышленная газета. 1910. 1 апреля.

московских фабрикантов ставились правительственным органом под сомнение, их усилия по освоению внутреннего рынка признавались недостаточно эффективными. «Торгово-промышленная газета» указывала, что следует больше заниматься организацией сбыта, а не различными ходатайствами и политическими заявлениями. Ведь даже в своей исконной вотчине — текстильной и лёгкой промышленности — купечество начало проигрывать лодзинским предпринимателям, которые за последние пять-шесть лет потеснили москвичей на внутрироссийском рынке¹.

Признанием новой роли Казани на экономическом пространстве страны стали итоги конкурса на прокладку железнодорожной магистрали Казань — Екатеринбург. Власти предпочли этот вариант проекту, который продвигали московско-нижегородские деловые круги. Подчеркнём: речь шла не просто о выборе того или иного города для реализации выгодной концессии, а об определении центра, который в недалёком будущем смог бы оспорить экономическую роль Первопрестольной. Заказ на строительство этой линии получили благодаря поддержке правительства Русско-Азиатский банк и известный инженер Н.К. фон Мекк, возглавлявший правление Московско-Казанской дороги². Здесь надо напомнить, что в 1912 году могущественный столичный Русско-Азиатский банк начинает сотрудничество с казанской купеческой фирмой, возглавляемой И.И. Стахеевым. Тогда же двоюродный брат Стахеева — Ф.В. Стахеев — избирается в Государственный совет от торгово-промышленного сословия как представитель казанских биржевиков (хотя этому упорно противодействовал глава Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников, чей кандидат потерпел фиаско³). В дальнейшем сотрудничество крупнейшей питерской финансовой структуры и Стахеева оформилось в прочный союз для экспансии в различные отрасли российской экономики⁴.

---

¹ Шимановский В. Наш внутренний рынок и экспорт в московском освещении // Торгово-промышленная газета. 1910. 23 мая.

² Подробнее об этом: Пыжиков А.В. Питер — Москва: схватка за Россию. М., 2014. С. 163–166.

³ Выборы в Государственный совет // Утро России. 1911. 12 октября.

⁴ Подробно об этом см.: Китанина Т.М. Военно-инфляционный концерн в России. 1914–1917 годы. М., 1969.

Конечно, купеческая элита Москвы с тревогой наблюдала за происходящим; а железнодорожные приоритеты власти вызывали здесь нескрываемое раздражение. Тем не менее правительство следовало своим планам в рамках выбранной геополитической стратегии. К тому же предвоенный экономический подъём способствовал увеличению грузооборота: в 1910–1914 годах стабильно фиксировался его 20-процентный ежегодный рост, что действительно требовало расширения сети¹. Уже во время войны правительство внесло в Госдуму программу по строительству 111 новых железнодорожных линий протяжённостью 30 тысяч вёрст в течение пяти лет². Из них 20 тысяч вёрст должны были строиться за счёт казны, а 10 тысяч — частными обществами. Причём общую сумму кредитов предполагалось сразу закрепить законодательным путём, чтобы затем вносить подробные сметы на каждую отдельную линию³. Эту правительственную программу разрабатывало специальное совещание, которое возглавил товарищ министра путей сообщения талантливый инженер И.Н. Борисов. Однако её начали оспаривать в общественной организации — Центральном военно-промышленном комитете (ЦВПК), где сосредоточился цвет оппозиционных деятелей, включая купеческих тузов. По убеждению «небольшого, но крепко спаянного ядра ЦВПК»⁴, в программе Борисова много лишнего, ненужного⁵; в первую очередь следует заниматься текущими проблемами, так как сеть должна справляться с существующим потоком в конкретных местах, а не ориентироваться на какие-то новые грузы. Все остальные задачи нужно отодвинуть на задний план. Этот подход основывался на противопоставлении общегосударственных и местных интересов, что не могло не вызывать двойственного ощущения. Получалось, что, с точки зрения оппонентов программы, местные интересы отли-

---

¹ Пояснительная записка Министерства путей сообщения. 28 апреля 1916 года // РГИА. Ф. 273. Оп. 6. Д. 2977. Л. 1.

² Представление Министерства путей сообщения в Государственную думу. 20 июня 1916 года // РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 859. Л. 18.

³ Пути сообщения и подъем производительных сил // Новое время. 1916. 6 ноября.

⁴ Задачи железнодорожного строительства на севере России // Новое время. 1916. 1 ноября.

⁵ Мобилизация промышленности // Промышленность и торговля. 1916. № 30–31. С. 110.

чаются от государственных, а точнее — противоположны им или в лучшем случае существуют как бы параллельно¹.

Говоря о новой геополитической стратегии, следует отметить также кардинальные изменения во внешней торговле, которые намечались в последний год существования царской России. Речь идёт о резком увеличении экспортной составляющей отечественного хозяйства. Конечно, об этом говорили давно, но война перевела благие намерения в практическую плоскость. Это интереснейший сюжет (в отличие от того же дальневосточного разворота) практически неизвестен в литературе. Дело в том, что новые экономические приоритеты оформились в ходе подготовки Парижской конференции, состоявшейся в июне 1916 года, но этот знаковый для России форум, как ни удивительно, совершенно выпал из поля зрения исследователей². Их внимание концентрируется на конференциях во французском Шантильи (ноябрь 1916) и особенно в Петрограде (январь 1917) с участием Николая II (видимо, потому, что здесь планировалось предстоящее весеннее наступление союзников; судя по тяжёлому положению Германии, воевавшей на два фронта, оно должно было стать для неё роковым). Современная историография считает, что именно на этих посвящённых военным аспектам конференциях были посеяны разногласия между членами блока. Однако, несмотря на всю важность военных аспектов, такая оценка едва ли правомерна. Кризис в отношениях союзников явственно обозначился уже на Парижской экономической конференции, обсуждавшей принципы послевоенного устройства мировых рынков. И кризис этот стал следствием не только военных проблем, а глобальных экономических противоречий. Основных наших партнёров по блоку никак не устраивали заявленные Россией экономические планы, что и вызвало изменения в их политическом поведении.

---

¹ Совещание представителей областных ВПК // Промышленность и торговля. 1916. № 43. С. 344.

² Парижская экономическая конференция союзников не упоминается даже в серьёзных исследованиях: *Емец В.А.* Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. М., 1977; *Васютин В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 года. М., 1989; *Никонов В.А.* Крушение России. 1917 год. М., 2011; *Мультипули П.В.* Внешняя политика императора Николая II (1894–1917 годы). М., 2013.

В работе Парижского форума приняли участие восемь государств: Франция, Англия, Россия, Италия, Япония, Бельгия, Сербия и Португалия. Их представляли делегации, включавшие целый ряд ведущих министров. Инициатором проведения конференции выступила Франция; её активно поддержала Англия. Официальной целью провозглашалась разработка обширной системы мер по экономической блокаде Германии в послевоенный период — чтобы ограничить возрождение её промышленности и торговли, а также утвердить в Европе англо-франко-русское доминирование. Тон работе задал почётный председатель конференции премьер Франции А. Бриан. В своём выступлении он показал, насколько тесно связаны политика и экономика, а это значит, борьба с общим врагом должна продолжаться и после прекращения боевых действий, уже на экономическом поле. Торгово-промышленная изоляция станет сильным ударом для Германии; только в этом случае немцы не смогут даже мечтать о каком-либо реванше. По убеждению Бриана, будет правильным рассматривать конференцию в качестве «главного экономического штаба союзников». Нужно получить от противника репарации, а также прояснить взаимоотношения союзных стран. В завершение своей речи он призвал обеспечить «более достойную жизнь» новому поколению¹.

Высказанные Брианом озабоченности были вполне понятны: за пару последних десятилетий роль Германии серьёзно потеснила основных своих конкурентов. Достаточно сказать, что с 1903 по 1913 год немцы смогли удвоить свой экспорт. Слагаемыми успеха стали и демпинг, и государственные экспортные премии, и поставки продукции в кредит. Используя эти механизмы, германский капитал настойчиво проникал на международные рынки². Кстати, в ходе войны Германия вместе с Австро-Венгрией озаботились созданием экономического блока в Центральной Европе, куда предполагалось включить Болгарию, Румынию, Турцию и Грецию. Совещание в ноябре 1915 года в Вене высказалось за льготные тарифы на поступающие туда немецкие товары. Причём страны эти обязывались заключать торговые договоры

¹ Бабичев Д. С. Россия на Парижской союзнической конференции 1916 года по экономическим вопросам // Исторические записки. Т. 83. М., 1986. С. 46–47.

² РГИА. Ф. 23. Оп. 8. Д. 189. Л. 22–24.

с кем-либо только от имени Германии¹. В результате доля участия в мировой торговле последней вкупе с сателлитами могла достигать $\frac{1}{3}$ ². Некоторые эксперты полагали, что у создаваемого блока есть шансы и далее расширять сферу влияния, включив в свой состав Швейцарию и Голландию³.

Понятно, что всё это сильно беспокоило англичан и французов. Близилось успешное завершение войны, а это давало уникальный шанс подорвать потенциал главного конкурента. Однако Россия, в отличие от союзников по военной коалиции, не видела для себя перспектив в перемещении противоборства в экономическую область. Ведь именно Германия превратилась в течение XIX века в нашего ключевого торгово-промышленного партнёра, постепенно вытеснив с этой позиции Великобританию. Так, с 1820-х по 1880-е годы английский экспорт и импорт с Россией неуклонно сокращался (привоз с 40 до 21 % и вывоз с 48 до 15 %), а немецкий, наоборот, возрастал (соответственно, с 16 до 36 % и с 10 до 25 %)⁴. В дальнейшем сотрудничество с немцами неуклонно расширялось. К началу Первой мировой войны немецкая продукция составляет почти 47 % от всего российского импорта⁵. Очевидно, что выпадение вследствие войны такой значительной доли торгового оборота для российской экономики не могло пройти безболезненно. И это обстоятельство не упустили из виду наши союзники: они с воодушевлением смотрели на освобождающийся русский рынок. Американский посол в Петрограде Д. Фрэнсис в своих воспоминаниях откровенно пишет, что Англия и Франция намеревались после войны прибрать его к рукам⁶.

Идея заменить Германию на российском экономическом пространстве выходит на первый план при подготовке к Парижской конференции. Проекты договорённостей предполагали, что по завершении войны Россия будет прочно привязана к Европе в эко-

---

¹ Там же. Л. 77.

² Экономическое сближение держав согласия и среднеевропейский союз // Русское слово. 1916. 14 июня.

³ Загорский С. О. Война после мира (по поводу Парижской экономической конференции союзников). Пг., 1917. С. 144.

⁴ РГИА. Ф. 1024. Оп. 1. Д. 53. Л. 10.

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 622. Л. 316.

⁶ Francis D. Russia from American embassy. New-York., 1921. P. 24.

номическом отношении. Обсуждалось создание общей палаты для эмиссионных банков Англии, Франции, России и Италии, которая регулировала бы все расчёты между четырьмя странами¹. Предполагалось также изучить все их разнообразные ресурсы, включая сырьевые. По мнению англичан, каждой стране следует ограничиться теми отраслями промышленности, которые уже имелись ранее или возникли по необходимости во время войны; это позволило бы более эффективно распределять силы². Но главное — заговорили о формировании единого таможенного союза, что облегчило бы доступ стран на рынки друг друга. В рамках этого проекта Россия должна была отказаться не только от приобретения высококачественных немецких изделий, в том числе техники и оборудования, но и от главного рынка для сбыта своих сельскохозяйственных продуктов. Ведь Германия потребляла 38 % всего российского экспорта (в основном пшеницу и ячмень), тогда как Англия — 11 %, а Франция — всего 5 %³, так как их потребности в зерновых традиционно закрывались ресурсами собственных колоний. В результате на смену русско-германскому торговому договору 1904 года, который справедливо критиковали многие, выдвигались довольно туманные перспективы. Более того, отдельные рекомендации означали по сути открытое вмешательство в российское законодательство, в российские дела. Как иначе можно воспринимать, например, идею определения ставок таможенных тарифов не российским правительством, а смешанной франко-русской комиссией? Или предложение (под предлогом борьбы с немецкой конкуренцией) допустить в российские порты французских экспертов для контроля качества местных товаров?⁴

Столь неблагоприятная для России атмосфера, возникшая при подготовке Парижской конференции, нисколько не смущала отечественных либералов. По их убеждению, инициативы союзников помогают России избавиться от узких, издавна укоренившихся стереотипов и утвердить подлинно государственный подход⁵,

¹ Передовая // Русские ведомости. 1916. 19 апреля.

² Текст шифрованной телеграммы агента министерства торговли и промышленности во Франции Баташева. 13 марта 1916 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 427. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 364. Л. 96–97.

⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 702. Л. 5–8.

⁵ Передовая // Русские ведомости. 1916. 19 января.

подразумевающий уничтожение вассальной зависимости от германца, «опьянённого идеей всемирного господства»¹. Ведь Германия не собирается капитулировать — на это указывают огромные закупки разнообразных промышленных товаров и сырья, которыми по окончании войны она по демпинговым ценам наводнит международные рынки, чтобы таким образом удержать их за собой². Едва ли какая-нибудь европейская держава в состоянии противостоять немецкой экономической экспансии в одиночку (даже Великобритания терпит от неё ущерб). Зато антигерманская коалиция способна справиться с этой угрозой. Экономическое сближение с союзниками открывает для России новые пути международного торгового сотрудничества. «Русские ведомости» декларировали: «Великобритания, Франция, Бельгия должны занять на русских рынках более видное место, чем то, которое принадлежало им до войны, и необходимые для этого меры будут, надо надеяться, приняты...»³ Либеральные публицисты были уверены, что введение льгот в нашем таможенном тарифе для этих стран откроет перед Россией самые широкие перспективы и повлечёт в свою очередь аналогичные шаги европейских партнёров⁴. Как они уверяли, война встряхнула англичан, продемонстрировав им опасные стороны экономического эгоизма, и переделала французов, смыв с них налёт психологии рантье, разбудив здоровые силы. Общность целей поможет найти разумное сочетание интересов и подскажет, как обуздать Германию⁵.

Энтузиазм либеральной общественности усилила парижская встреча парламентариев от стран — участников конференции, которая предварила работу правительств. Россию представляла делегация, почти целиком состоявшая из оппозиционных лидеров⁶. Они с большой ответственностью подошли к своей миссии, считая её подлинным прорывом передовых сил России к западным демократиям. Любопытно, что делегация опоздала к открытию встре-

¹ *Котляревский С.* Единение союзников // *Русские ведомости*. 1916. 20 января.

² Экономическая конференция // *Утро России*. 1916. 11 июня.

³ *Передовая* // *Русские ведомости*. 1916. 28 января.

⁴ Там же.

⁵ *М-ский М.* Общность интересов держав согласия // *Русские ведомости*. 1916. 17 мая.

⁶ *Сидоров А. Л.* Финансовое положение в России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 308.

чи, и до её прибытия страну представлял агент Министерства финансов во Франции А.Л. Рафалович. Это известие вызвало негодование в либеральной прессе. «Утро России» вопрошало, на каком основании представлять страну доверено чиновнику средней руки. Это могут делать лишь люди, «облечённые доверием России, обладающие первоклассным политическим опытом и привычкой играть роль в учреждениях, имеющих государственное значение»¹.

Общение запоздавших российских посланцев с западными парламентариями было необыкновенно дружеским. Наши представители говорили о сломе российской цензуры, которая, ссылаясь на военную тайну, на самом деле препятствовала нашему обществу узнавать о гигантской деятельности союзников; только теперь выяснилось, какие жертвы они несли на Западном фронте. В некоторых российских кругах бытует мнение, будто воюем мы одни, а европейцы больше наблюдают за военными действиями. Подобные настроения опасны, и, чтобы развенчать их, представителям русского народа и дали возможность убедиться в обратном². Помимо Франции, делегация побывала также в Англии и Италии. Эти визиты, правда, не обошлись без казусов. Например, в Италии посланцы русской демократии решили возложить венок к памятнику Гарибальди, отказавшись при этом почтить память короля Виктора Эммануила и Кавура, чем немало озадачили итальянцев. А в момент возложения венков А.Д. Протопопов и В.И. Гурко поссорились и начали переругиваться друг с другом. Дипломаты российского посольства были вынуждены объяснить итальянской стороне, что у русских в обычае при возложении венков прославлять того, кому они предназначаются...³

Репортуа в Госдуме об итогах поездки, А.И. Шингарёв, разумеется, умолчал об этом эпизоде. Зато рассказал: «Массы народа, доходившие иногда до десятков тысяч человек, стояли на улице и приветствовали в нашем лице представительство великой страны»⁴. И потребовал, чтобы именно отсюда, из Госдумы, прозвучали слова

¹ Который Рафалович? // Утро России. 1916. 14 апреля.

² Передовая // Русские ведомости. 1916. 21 июня.

³ Путилов А. С. Период Голицына. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 46. Л. 56–57.

⁴ Выступление А.И. Шингарева // Государственная дума. Стенографический отчет. IV созыв. Сессия 4. Часть 3. Заседание 60 от 20 июня 1916 года. Стб. 5793.

благодарности в адрес тех, кто своими жертвами облегчает наше положение. Окончилось всё бурной овацией в адрес присутствующих послов Англии, Франции и Италии¹. Однако выступая в тот же день в узком кругу Военно-морской комиссии ГД, Шингарёв поведал также и о трудностях в финансовых вопросах, и о запутанности переговоров об оплате поставок, и о прочих тревожных деталях². Он сам попытался было всё прояснить, встретившись с главой английского финансового ведомства Р. Маккеном, но тот от него просто-напросто отмахнулся³. Шингарёв горевал недолго и поступил так, как и подобает истинному оппозиционеру: обвинил во всём некомпетентное российское правительство, с которым трудно иметь дело⁴. Очевидно, такая позиция избавляла от необходимости вникать в реальную суть сложных финансовых взаимоотношений.

«Некомпетентное правительство», в отличие от Шингарёва, было вынуждено погрузиться в финансовые тонкости, обходить подводные камни международной политики и т.д.; от этого действительно зависело многое. Правительственную делегацию на Парижской экономической конференции возглавил известный финансист, государственный контролёр Н.Н. Покровский, за плечами которого годы были работы в Минфине. Его заместителем стал товарищ министра торговли и промышленности В.В. Прилежаев, ещё вместе с Витте участвовавший в заключении торгового договора 1904 года с Германией⁵. (Любопытная деталь: вел. кн. Николай Михайлович, дабы поддержать величие и престиж России, предлагал Николаю II себя в качестве главы делегации⁶, но император предпочёл отправить специалистов.)

Подготовке к конференции было посвящено не одно заседание правительства; итогом стала специальная инструкция (46 листов),

¹ Там же. Стб. 5800.

² Международное финансовое положение царской России во время мировой войны (Доклад А.И. Шингарева в Военно-морской комиссии ГД. 20 июня 1916 года) // Красный архив. 1934. Т. 3 (64). С. 13–14.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Прилежаев В.В. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 17–18.

⁶ Письмо вел. кн. Николая Михайловича к Николаю II. 28 апреля 1916 года // Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему императору. М.; Л. 19125. С. 65–67.

подробно отражавшая нашу позицию. Знакомство с ней даёт представление о том, какую экономическую модель намеревалась реализовать Россия. Важно отметить, что инструкция не предусматривала подписания каких-либо обязывающих документов. Делегаты направлялись «исключительно для обмена... мнениями», подробного выяснения пожеланий представителей союзных держав и информирования их о наших планах без дачи определённых обещаний на будущее¹. Столь осторожная позиция объяснялась тем, что российское правительство желало придерживаться принципа активного торгового баланса (значительное превышение вывоза над ввозом). При наличии огромной заграничной задолженности только такой подход вёл к оздоровлению государственного организма². Об экспортной ориентированности будущей российской экономики красноречиво говорят таможенные планы, отражённые в инструкции. Так, предполагалось уйти от общего автономного тарифа, совершенно непригодного для урегулирования многообразного торгового обмена. Этот тариф был лишён эластичности, необходимой для дифференциации ставок по тем или иным позициям. Со всей остротой проблема обозначилась после введения в действие единого таможенного тарифа 1891 года, когда возникла потребность отреагировать на германские торговые маневры.

С начала 1890-х немцы начали заключать соглашения с государствами Средней Европы в режиме наибольшего благоприятствования: пошлины для них понижались до 30 %. Россия же не имела торгового договора с Германией, и понижение ставок для других создавало крайне невыгодные условия для нас. Отсюда срочная задача: урегулировать отношения посредством специальной конвенции, что и было сделано в 1894 году. Однако наличие общего автономного тарифа создавало множество затруднений, поскольку он не предусматривал никаких отдельных уступок³. России пришлось бы иметь столько конвенционных договоров, сколько государств участвовало во всех внешнеторговых операциях (во вто-

---

¹ Инструкция для представителей Императорского российского правительства на предстоящей в Париже экономической конференции союзных государств // РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 493. Л. 1.

² Там же. Л. 16–17.

³ Министерство финансов. 1802–1902 годы. Ч. 2. С. 217.

рой половине 1890-х подписали пять таких соглашений)¹. Поэтому предлагалось не фиксировать пошлины правительственными соглашениями, как это делалось ранее, а устанавливать тарифы решениями законодательных учреждений в зависимости от потребности. Такая тарифная система (она называется преференциальной) позволит сохранить полную свободу в изменении ставок для поддержки той или иной отрасли, а как она будет реализовываться конкретно, покажет только время².

Разумеется, упор на экспорт обязывал Россию сохранить значение главной житницы Европы. А так как главным в этом отношении оставался рынок Германии, отказываться от него было нецелесообразно, особенно если союзники не обеспечат надлежащие условия для нашего сбыта и не перестанут отдавать предпочтение колониям³. Другой важный элемент экономического строительства — экспорт промышленной продукции с добавленной стоимостью. Россия имела прекрасные возможности для переоборудования предприятий и роста промышленного производства. Трудовые резервы были огромны. Прогнозировалось, что в ближайшие 30 лет Россия по численности населения обгонит все европейские страны (к середине XX века её население должно достигнуть 344 млн человек, в то время как население всей Европы — 336 млн⁴). К этому нужно добавить и дешевизну российской рабочей силы: средняя зарплата в Англии составляла около 550 руб. в год, во Франции — 540, в Германии — 450, а в России — 250 рублей⁵. Эти преимущества могли стать мощным фактором индустриального подъёма.

Важный практический вопрос, который требовал согласования на конференции, касался подданных вражеских стран, а также принадлежащих им активов и имуществ. Союзники настаивали на усилении экономических ограничительных мер. В России же это вызывало недоумение, так как у нас в этом отношении уже было сде-

¹ Инструкция для представителей... С. 139.

² Там же. Л. 34–35.

³ Там же. Л. 18.

⁴ *Галин В.Ю.* Капитал Российской империи. Практика политической экономии. М., 2015. С. 11.

⁵ Выступление С.Ю. Витте // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия VII. Заседание 53 от 18 апреля 1912 года. СПб., 1912. Стб. 3405.

лено гораздо больше, чем в тех же Франции или Англии¹. По отношению к предприятиям, принадлежавшим неприятельским подданным, применялись две меры: либо секвестр, либо принудительное управление; этой категории лиц запрещено владеть землёй, в результате чего перераспределению чрез Крестьянский банк подлежит площадь земли, почти в два раза превышающая территорию Бельгии². Упорство союзников в этом вопросе заставляло думать, что они попросту расчищают российский рынок для себя. В то же время на призывы России сократить немецкое присутствие в Китае Лондон и Париж отвечали вяло и лишь в самой общей форме. Предложения расторгнуть банковские консорциумы, предоставлявшие займы Китаю, и устранить таким образом Германии тоже не встречали у них понимания: в этих проектах Германия участвовала совместно с банками ныне союзных нам стран. С русскими финансовыми структурами подобных соглашений по Китаю не было, кроме двусторонних займов с германскими банками, действие которых утратило силу с началом войны³. Тревожила Россию и продолжающаяся германская активность в Монголии: там прочно обосновались несколько немецких фирм, целенаправленно скупавшие крупные объёмы шерсти и кож, в результате чего только 1/10 местного сырья попадала в Россию, а 9/10 шли преимущественно в Гамбург. Однако и эта проблема оставляла партнёров равнодушными⁴.

Неудивительно, что все эти вопросы вызвали напряжённость во взаимоотношениях с союзниками по Антанте. Постепенно им становилось ясно, что Россия не склонна сотрудничать на предлагаемых ими условиях. Н.Н. Покровский сообщил участникам конференции, что в предвоенные десятилетия германская продукция, экспортировавшаяся в Россию, отличалась низкими ценами; к тому же немцы шли навстречу в условиях поставок, пре-

¹ Подробно об этом см.: Лор Э. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012.

² Инструкция для представителей Императорского российского правительства... // РГИА. Ф. 23. Он. 11. Д. 493. Л. 4.

³ Программа вопросов, предложенных к обсуждению на Конференции союзных держав в Париже // РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2065. Л. 28–29.

⁴ Там же. Л. 30–31.

доставляли льготы по оплате и т.д.¹ И если Англия и Франция собираются расширять своё присутствие на нашем рынке, им придётся принять меры к удешевлению собственных товаров. Комплекс этих вопросов по указанию Николая II обсуждался на Особом финансово-экономическом совещании 8 августа 1916 года под председательством того же Покровского. Серьёзные возражения вызвал пункт итоговой резолюции о предоставлении преимуществ союзникам в использовании наших природных богатств и рынков сбыта для их продукции, а также о понижении таможенных пошлин. Да и в целом резолюция была признана неприемлемой, так как в ней не было сказано, что преимущества будут предоставляться союзникам лишь в том случае, если у всех стран будут равные условия. Принцип взаимности фактически сводился на нет заявлением, что такие преимущества зависят от наличия возможностей².

Франция и Англия с нетерпением ожидали решения весь август 1916 года, но русское правительство не спешило одобрять итоги Парижской конференции³. В конце концов Россия предложила сопроводить ратификацию особой оговоркой, которая, являясь неразрывной частью акта, не будет подлежать оглашению. В ней фиксировалось право проводить намеченные мероприятия, исходя из экономических реалий своей страны. Поначалу союзники, не возражая в принципе, пожелали уточнить текст этой оговорки⁴, но затем предпочли ратифицировать резолюцию без всяких оговорок. Процесс пришёл к своему логическому завершению в конце октября, когда ход переговоров был обсуждён на заседании правительства. Большинство высказалось против утверждения резолюции, если в неё не будет внесена специальная декларация, дающая России право отступать от выполнения тех постановлений конфе-

---

¹ Н.Н. Покровский об итогах экономической конференции // Коммерсант. 1916. 6 июля.

² Бабичев Д.С. Россия на Парижской союзнической конференции 1916 года по экономическим вопросам // Исторические записки. Т. 83. М., 1986. С. 55.

³ Текст шифрованной телеграммы агента министерства торговли и промышленности Баташева. 27 августа 1916 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 8. Д. 191. Л. 54.

⁴ Письмо министра иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко к министру торговли и промышленности Временного правительства С.Н. Прокоповичу. 10 августа 1917 года // Там же. Л. 1–2.

ренции, которые противоречат интересам страны¹. Взамен правительство предложило создать в Париже постоянный межсоюзнический комитет для разрешения спорных моментов. Это предложение было расценено союзниками как желание минимизировать своё участие в общих переговорах, ограничившись присылкой второстепенных лиц, не наделённых необходимыми полномочиями².

Итак, согласуя свою экономическую политику с политикой других держав, Россия ясно давала понять, что «прежде всего и больше всего будет заботиться о достижении своих целей и своих задач»³. И потому немца у нас должен заменить не кто-то, а мы сами⁴. Тем временем неудачи переговорного процесса начали сказываться на текущих российских делах, прежде всего на условиях финансирования. Например, французы увеличение кредитов поставили в прямую зависимость от обязательства России по окончании войны выплачивать половину долга не деньгами, а зерном, лесом и проч. Наш Минфин возражал: ведь правительство ранее получало кредиты против своей подписи, точно соблюдая все требования и никогда не давая дополнительных гарантий. Приобретение товаров, которые накапливались бы для уплаты половины долга, нельзя рассматривать иначе как добавочные гарантии по займам. Не стоит забывать, что после войны продажа товаров на иностранных рынках будет надёжным способом восстановить курс рубля. Зерно и лес равноценны золоту, так как их можно продавать за него. Если мы обязуемся уже теперь поставлять эти ценные товары не против наличных, то для оплаты нашей задолженности мы лишимся на многие годы верного способа восстановить стоимость российских денег⁵. Позиция министра финансов П.Л. Барка произвела на французов «скверное впечатление», и глава финансового ведомства Франции Рибо отзывался о нём «с презритель-

¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 556. Л. 60–60об.

² Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917 годы. М., 2007. С. 297.

³ Фридман М.И. Предстоящая экономическая борьба // Торгово-промышленная газета. 1916. 18 августа.

⁴ Злободневная задача экономической политики (передовая) // Новое время. 1916. 15 ноября.

⁵ Письмо министра финансов П.Л. Барка к министру торговли и промышленности В.Н. Шаховскому. 30 сентября 1916 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 8. Д. 191. Л. 66–66об.

ной резкостью»¹. Не лучше обстояло дело и с англичанами: за предоставление кредитов они стали требовать от России отправки золота в удвоенном размере относительно ранее оговорённого. Как вспоминал Барк, переговоры с ними «принимали неприятный характер»². Об этом же пишет и бывший премьер В.Н. Коковцов. В начале осени к нему прямо из Царского Села приехал действующий председатель правительства, тогда по совместительству министр иностранных дел В.Н. Штюрмер. Он предложил ехать к союзникам для усиления наших переговорных позиций, «так как у нас дело с ними совсем не ладится»³. В бюрократических верхах всё явственнее осознавали, что после окончания войны мы можем попасть в «такую кабалу к нашим кредиторам, по сравнению с которой зависимость от германского капитала покажется идеалом»⁴.

Резкое ухудшение отношений из экономической области быстро перекинулось в политическую. С середины лета 1916 года начала нарастать активность либеральной оппозиции, которая обрела новые точки опоры в лице европейских посольств. Англия и Франция расценили нежелание России ратифицировать итоги Парижской конференции как намерение пойти на сепаратные договорённости с немцами. А в этом случае долгожданный разгром Германии мог быть поставлен под вопрос. Шведский король, известный откровенно прогерманскими симпатиями, доверительно сообщал британскому послу в Стокгольме о скором союзе русских и немцев⁵. И Д. Ллойд Джорж в воспоминаниях прямо говорит, что всё указывало именно на это; причём он выводит предстоящее событие из финансово-экономической стороны дела. Осенью напряжение между союзниками в этой области было налицо, и углубление кризиса с последующим политическим разрывом прогнозировали в Европе многие — если и не во время боевых действий, то уж точно в ходе мирных переговоров о послево-

¹ Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания за девять лет. М., 1936. С. 317–318.

² Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 годы. Т. 2. С. 205.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы. Кн. 2. М., 1992. С. 331.

⁴ Харламов Н.П. Записки бюрократа. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 261. К. 20. Ед. хр. 6. Л. 4.

⁵ Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–2. М., 1934. С. 513.

енном устройстве¹. Ситуацию усугубило назначение на пост министра иностранных дел в июле 1916 года премьера Штюрмера вместо западного фаворита С.Д. Сазонова. В этом увидели усиление прогерманской партии в верхах и подготовку к сепаратному миру. К тому же Штюрмер, заступив на должность, хотел назначить своим заместителем российского посла в Португалии П.С. Боткина, славившегося англофобскими порывами². Это укрепило мнение о новом главе внешнеполитического ведомства как о реакционере, не сочувствующем демократиям Запада. Английский посол Дж. Бьюкенен уверял, что тот надеется сыграть роль Горчакова, и предлагал создать будущую мирную конференцию в Москве³. Но, как известно Штюрмером дело не ограничилось: германофильские симпатии сконцентрировались на императрице. Немалую роль в этом сыграли сами союзники, усиленно говорившие о её сношениях с кайзером Вильгельмом II⁴. Взволнованный подобными слухами, французский премьер Бриан убеждал: если обнаружится соглашение реакционеров с немцами, то этому воспрепятствует русская армия⁵.

Примечательно, что в лондонских кинотеатрах с конца лета 1916 года перестали демонстрировать портреты Николая II, а среди знамён союзных держав, украшавших сцены, был убран российский флаг⁶. Хотя в действительности все эти слухи не имели под собой почвы и больше существовали в воображении союзников и нашей либеральной оппозиции. Те, кто знал реальные настроения Николая II и его супруги, свидетельствуют об обратном. Например, вел. кн. Кирилл Владимирович, имевший все основания недолго любить императорскую чету, в своих мемуарах упоминает о попытках немцев добиться мира и резко негативной реакции на это государя: в ответ на подобные предложения он неизменно

¹ Там же. С. 511–512.

² Допрос А.А. Нератова // Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 212.

³ Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 175–176.

⁴ Кн. Шаховской В.Н. Так проходит мирская слава (1893–1917 годы) // Русское возрождение. 1995. № 62. С. 147–148.

⁵ Берти Л. За кулисами Антанты. Дневник Британского посла в Париже. 1914–1919 годы. М.; Л., 108.

⁶ Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922 годы. М., 1939. С. 284–285.

подтверждал верность союзническому долгу¹. В самой Германии приближённые Вильгельма II отмечали, что императрица всегда отличалась англофильскими настроениями и «не очень беспокоилась о своей германской родине»². Это согласуется и с воспоминаниями российских придворных, имевших возможность наблюдать императорскую чету в неофициальной обстановке. Между собой они никогда не разговаривали по-немецки, используя для общения главным образом английский язык³.

В действительности же пути для сепаратного мира с Россией искали сами немцы. Глава финансового ведомства Барк в мемуарах упоминает о любопытном эпизоде, когда министру двора барону Б.В. Фредериксу окольными путями доставили письмо от его германского визави — гофмаршала Вильгельма II графа Эйленбурга. Тот напоминал о довоенной дружбе, о том, что они всегда являлись преданными слугами своих императоров, а потому их долг — прекратить кровопролитие. Эйленбург информировал о расположении немецкого общественного мнения к началу мирных переговоров и просил повлиять в этом смысле на Николая II. Фредерикс доложил обо всём государю, но получил приказ проигнорировать полученное письмо⁴. Поступившее, пусть и в частном порядке, предложение отражало тревожные предчувствия, преобладавшие в немецкой элите. После войны начальник штаба германской армии Э. Людендорф объяснял: «Германия желала мира, только мира, того мира, который Россия не хотела давать, считая себя связанной обязательствами с союзниками. Германия была на грани катастрофы и не могла продолжать войну. Мы три раза обращались к вашему царю с мирными предложениями, мы соглашались на самые тяжёлые условия... но ваш царь и слышать не хотел о мире...»⁵ Деловые круги Германии, осознавая трагичность положения, со своей стороны тоже стремились убедить высшее военное руко-

¹ Вл. кн. Кирилл Владимирович. Воспоминания. М., 2006. С. 174.

² Тирпиц А. Воспоминания. М., 1950. С. 198.

³ Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя императора Николая II. Берлин., 1926. С. 121.

⁴ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. Т. 1. М., 2017. С. 111.

⁵ Кн. Жевахов Н.Д. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. Т. 2. М., 1994. С. 127.

водство в необходимости идти с русскими на мировую. Интересный факт: именно они организовали нелегальную поездку в Германию Л.Б. Красина (будущего советского наркома внешней торговли). До революции этот деятель успел побывать в большевиках, а затем, отойдя от партийной работы, нашёл себя на предпринимательской ниве, пробившись в директора-распорядители концерна «Сименс-Шуккерт». Красин располагал серьёзными связями в немецкой промышленной среде, и именно ему было предложено через Швецию прибыть на встречу к генералу Людендорфу. Во время аудиенции, которая длилась около полутора часов, Красин должен был убедить начальника германского штаба в необходимости мира с Россией, дабы уйти от поражения¹. Вообще, ознакомившись с материалами по политической обстановке того периода, невольно ловишь себя на парадоксальной мысли: Россия находилась в состоянии войны с Германией, но главными её недругами становились союзники по блоку.

Разразившийся межсоюзнический кризис вынуждал российское правительство искать новые точки опоры. Так, с конца 1916 года заметно активизируются связи с Голландией, которая ранее не входила в число наших крупных торгово-экономических партнёров. На фондовой площадке Амстердама перед войной котировалось лишь 7 акций русских предприятий, причём половину оборотов обеспечивали две бумаги: Русского банка для внешней торговли и товарищества «Бр. Нобель», остальные приходились ещё на пять нефтяных фирм². Но нарастающие проблемы в отношениях с Францией и Англией стимулировали внимание к Голландии, куда потихоньку переориентировалась деловая активность. Накануне падения империи местная биржа по числу допущенных в котировку российских государственных займов уже догоняла Париж³. Было учреждено два крупных банка с голландским участием: в ноябре 1916 года открылся Нидерландский банк для внешней торговли, а вслед за ним Русско-Голландский банк. Первый с основным капиталом 10 млн рублей основали ведущие кредит-

¹ Соломон Г.А. Красин. По личным воспоминаниям автора и с опытом характеристики // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 658. Л. 83–85.

² Русские промышленные ценности на Амстердамской бирже // Биржа. 1913. № 46. С. 7.

³ Голландские капиталы в России // Биржа за неделю. 1917. № 5. С. 6.

ные и торговые организации Голландии: Нидерландское торговое общество, Твентский банковский союз¹. Во втором участвовали известные российские предприниматели А.В. Ратков-Рожнов, Г.З. Тагиев, С.Г. Лианозов, И.П. Лелянов и др.² После окончания войны с помощью этих банков рассчитывали размещать на голландском рынке новые займы.

Но роль главного стратегического союзника отводится — и это довольно неожиданно — Соединённым Штатам Америки. Никогда прежде США не относились к нашим серьёзным партнёрам; в первое десятилетие XX века доля этой крепнущей не по дням, а по часам державы не превышала в нашем внешнеторговом балансе считанных процентов. Россия являлась единственной из государств первого ряда, не имевшая в Америке банковского отделения³. Более того, с 1913 года деловое сотрудничество двух стран было практически свёрнуто. Межгосударственные отношения обострились, когда российские власти ввели ограничения на въезд лиц иудейского вероисповедания, ранее нелегально покинувших Россию и получивших в США гражданство. В ответ американский Конгресс потребовал денонсировать существовавший с 1832 года русско-американский торговый договор. Кстати, весомый вклад в разжигание ссоры с американцами внёс видный оппозиционер А.И. Гучков, предложивший в отместку удвоить пошлины на импорт из США⁴. Однако после начала войны положение начинает меняться. На Америку, расположенную вдали от боевых действий, переориентируются мировые финансовые пути, туда стекаются потоки золота, и страна превращается в основного кредитора западноевропейских участников конфликта. На этом фоне финансовое состояние стран Антанты выглядит плачевым. Достаточно сказать, что если в предвоенные годы общая задолженность Англии, Франции, Бельгии и Голландии составляла 55 млрд рублей, то теперь затраты перечисленных воюющих государств лишь по од-

---

¹ Там же.

² Русско-голландский банк // Финансовая жизнь. 1916. № 44. С. 696.

³ Передовая // Биржа и русская промышленность. 1915. № 2–3. С. 1; Морголис И. Перспективы русско-американского сближения // Торгово-промышленная газета. 1917. 19 июля.

⁴ Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 65–66.

ному году исчислялись примерно той же суммой!¹ Хронический бюджетный дефицит, мягко говоря, затруднял экспорт капиталов из Европы. Это хорошо осознавали в России, где многие расчёты строились как раз с учётом притока зарубежных инвестиций, необходимых для запуска экспортно ориентированной экономики. Например, петербургские банки, хорошо знакомые с финансовой обстановкой за рубежом, вынесли вердикт: после войны там не меньше России будут нуждаться в деньгах, а потому рассчитывать на вливания нам не приходится. Более того, противоположные финансовые интересы России и союзников, скорее всего, вызовут трения, которые могут «вредно отозваться на совместном ведении военной борьбы с нашим общим врагом» — Германией².

Иными словами, вопрос об инвестиционной пользе союзников не мог не влиять на позицию, занятую Россией по окончании Парижской конференции. Взоры русского правительства естественным образом обратились за океан. Правда, переломным здесь нужно считать 1915 год, причём первый шаг в этом направлении сделала оппозиция. В Москве ради налаживания деловых связей создаётся Русско-американская торговая палата (РАТП), включившая купеческих тузов Первопрестольной³. Возникнув накануне Первой мировой войны, Палата начала действовать в самом её начале. Возглавил РАТП Н.И. Гучков, в чём можно увидеть иронию истории: один брат — Александр — разрушал отношения со Штатами, а другой — Николай — занялся их укреплением. Правда, до конкретных шагов дело никак не доходило. Министр финансов Барк вспоминал, как к нему на приём пришли Гучков и Бахметьев (представитель российских общественных организаций в США). От лица палаты они сообщили об имеющихся договорённостях с влиятельными американскими банкирами, готовыми предоставить кредиты для оплаты наших заказов. Барк благодарил, попросил предоставить бумаги по этому предложению, визитёры пообещали, но больше

¹ Передовая // Финансовая газета. 1916. 17 марта.

² Письмо Петроградских банков в министерство финансов (на бланке Петроградского международного банка). 3 марта 1916 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1503. Л. 270об.

³ Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения. 1900–1917 годы. М., 1964. С. 274–279.

так и не появились¹. Помимо всего прочего, этот случай наглядно демонстрирует, что заокеанские бизнес-элиты, всячески приветствуя общественные инициативы, куда больше ценили взаимодействие с властями.

Важной персоной в налаживании доверительных контактов стал чиновник Минфина Г.А. Виленкин, женатый на дочери видного американского финансиста Зелигмана². Немало для двухстороннего сближения сделал и журналист С.Н. Сыромятников, делегированный в США Министерством иностранных дел. В течение многих лет он возглавлял правительственную газету «Россия», а в 1915–1916 годах опубликовал в ведущих американских изданиях целый цикл статей о перспективах торгово-экономического сотрудничества³. Посетил Нью-Йорк также И.М. Кон, долгое время бывший главой Русского торгово-промышленного банка. У него была особая миссия: обсудить принципы расчётов ввиду расширения товарообмена с Америкой. Платежи между странами производились тогда при посредничестве английских банков, а отчасти — при помощи Швеции и Норвегии⁴. В начале ноября 1915 года министра финансов и министра торговли и промышленности посетил специальный представитель американских финансовых кругов Ч. Карвер. Он сообщил о серьёзном намерении штатов вести дела в России; прежде этому мешали третьи страны, и теперь следует обходиться без посредников⁵. К этому времени (в сентябре 1915) Россия и США уже учредили постоянную комиссию для разрешения спорных моментов, препятствующих возобновлению торгового договора. Причём на время действия комиссии стороны обязывались не предпринимать друг против друга каких-либо враждебных действий, в том числе не вступать в вооружённые столкновения⁶. Работа комиссии подходила к завершению (апрель 1916),

¹ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917 годы. Т. 2. С. 113–114.

² Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения. С. 251.

³ Журавлева В.И. Заокеанское путешествие С.Н. Сыромятникова, или Как убедить американцев изучать Россию // Новая и новейшая история. 2015. № 4. С. 87–100.

⁴ Русско-американский банк // Голос Москвы. 1915. 5 февраля.

⁵ Российско-американское сближение // Финансовая газета. 1915. 5 ноября.

⁶ Русско-американский договор // Финансовое обозрение. 1915. № 7. С. 13.

когда в Петроград прибыл новый американский посол Д. Фрэнсис с конкретной задачей: обеспечить запуск полноценных экономических отношений.

На фоне кризиса с союзниками по Антанте деловое сотрудничество с Америкой получало в России особое осмысление. Ситуация в стране многим напоминала положение Соединённых Штатов после Гражданской войны 1860-х годов: значительное обременение государственным долгом, расстройство денежного обращения, финансовое перенапряжение. В США эта картина изменилась радикальным образом за полтора десятилетия. Обильный приток иностранных капиталов позволил разработать природные богатства и поднять национальные доходы, так что вскоре недавние затруднения были забыты. Россия же находилась примерно в тех же условиях, что и все охваченные войной страны, однако обладала по сравнению с ними очевидными стартовыми преимуществами, располагая неисчерпаемыми природными и людскими ресурсами. Поэтому заокеанский опыт казался здесь особенно ценным; считалось, что сконцентрированный в США капитал может и должен найти у нас применение¹. Американский бизнес долго игнорировал наш рынок, но наконец заинтересованно повернулся к нему лицом. Как сообщала пресса, в посольство России в США поступило около 2 тысяч письменных запросов от концернов и фирм, желающих завязать коммерческие связи². Причём многие из них соглашались принимать в уплату за свои товарные поставки государственные бумаги русских военных займов³.

Решающим шагом в русско-американских деловых отношениях стало открытие в Петрограде отделения крупного National City Bank of New York. За всю российскую историю это был всего лишь второй случай, когда иностранный банк напрямую получил разрешение работать в России (первым в уже далёком 1873 году был филиал французского Credit Lyonnais). Утверждённые правительством «Правила операций и действий отделения» свидетельствуют, что оно было поставлено в лучшие по сравнению с отечественными

¹ Зак А. Из Нью-Йорка. Ближайшее будущее русско-американских экономических отношений // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 17. С. 176–177.

² Там же.

³ Русские процентные бумаги в Америке // Финансовая газета. 1916. 25 октября.

банками условия. Например, ограничивалась общая сумма принимаемых обязательств по всем операциям: она не должна была превышать уставной капитал (5 млн рублей) более чем в пять раз. Регулировался размер выдаваемых клиентам кредитов — не выше 500 тысяч рублей; не более чем на 2,5 млн рублей разрешалась покупка и продажа государственных процентных бумаг, а также гарантированных правительством облигаций. То, что американцы согласились на эти ограничения, объясняется просто: все они касались работы только с российскими клиентами. Власти вовсе не собирались ущемлять отечественные банки; при этом ограничения на зарубежные, в первую очередь американские, вклады и счета отсутствовали, что позволяло перекачивать через открывшееся отделение любые объёмы капиталов из США¹. Отделение начало функционировать 2 января 1917 года, о чём сообщили все крупные российские газеты. Для National City Bank of New York это было 29-е заграничное отделение, и здесь думали о расширении своего присутствия в России².

Одновременно с российско-американским сотрудничеством в финансовой сфере правительством был запущен ещё один масштабный совместный проект — на сей раз в железнодорожном хозяйстве. Речь идёт о конкурсе на строительство Московско-Донецкой железной дороги, которое все эксперты считали очень перспективным. Одним из претендентов выступил пул американских финансистов, возглавляемых тем же National city bank of New-York. Они обещали построить магистраль нового типа — по последнему слову техники, причём используя преимущественно русские материалы³. Их конкурентами стали предприниматели из Москвы (столпы отечественной оппозиции) во главе с П.П. Рябушинским. Московский биржевой комитет информировал заинтересованные правительственные ведомства о создании специального консорциума, готового вложить в дело около 500 млн рублей. В документе подчёркивалось: совершенно недопустимо отдавать предпочтение иностранцам и передавать в их руки управление стратегической

¹ Ткаченко С.Л. Американский банковский капитал в России в годы Первой мировой войны. СПб., 1998. С. 80–81.

² Там же. С. 82.

³ Вопрос о судьбе Донецко-Московской магистрали // Финансовое обозрение. 1917. № 4. Январь.

железнодорожной веткой; ведь они будут действовать не из России и в конечном счёте не в российских интересах. Подобные примеры известны, их более чем достаточно, и не надо повторять имеющийся печальный опыт¹. Как водится, московские претенденты заручились поддержкой Государственной думы, финансовая комиссия которой признала рассмотрение проекта первоочередным делом. 1 февраля состоялось заседание членов ГД, ЦВПК и Совета Съездов представителей промышленности и торговли — вместе с чиновниками ряда министерств. Но чиновники отдавали предпочтение как раз американской заявке, чем вызвали возмущение депутатов, предлагавших обсудить вопрос прежде всего с точки зрения соблюдения российских интересов². В ответ сотрудник Минфина Н.Е. Гиацинтов сказал законодателям и сочувствующим, что дискуссия о строительстве этой трассы в комиссиях Госдумы излишня, вполне достаточно обсуждения в правительственных ведомствах³. В результате тендер, как и планировалось, выиграл новый фаворит правительства — американский бизнес. Правда, из-за нестабильности, воцарившейся в стране после свержения царизма, строительство даже не началось⁴.

Февральский переворот 1917 года поставил под вопрос не только данный проект, но и многие другие замыслы царской бюрократии. С дальневосточным направлением Временному правительству всё было предельно ясно — его быстро свернули. Зато европейское направление, окрашенное в яркие либеральные тона, расцвело пышным цветом. Восторг по поводу победы демократии, к торжеству которой приложили усилия Англия и Франция, предполагал полное взаимопонимание и в области экономического строительства. Союзники сразу возобновили обращения к дружественной теперь власти о ратификации постановлений Парижской конференции. Но оказавшись лицом к лицу с этой крайне запутанной проблемой, министры Временного правительства растерялись. Новый глава МИДа П.Н. Милюков предлагал премьеру Г.Е. Львову решить, как всё-таки быть с Парижскими резолюция-

¹ Московско-Донецкий бассейн // Раннее утро. 1917. 24 февраля.

² Американские капиталы в России // Утро России. 1917. 4 февраля.

³ Борьба вокруг Московско-Донецкой магистрали // Коммерсант. 1917. 19 января.

⁴ Магистраль Московско-Донецкого бассейна // Коммерческий телеграф. 1917. 2 августа.

ми, поскольку старое правительство не оставило чётких ориентиров¹. Этот вопрос был перегружен множеством конкретных нюансов, а необходимыми знаниями руководители «освобождённой России» не обладали. Это заставило их обратиться к тем, кто возглавлял переговорный процесс с западными партнёрами: Н.Н. Покровскому (бывшему министру иностранных дел) и В.В. Прилежаеву (товарищу министра торговли и промышленности), представлявшим страну на союзнической конференции в Париже. Несмотря на новые условия, их опыт оказался весьма востребованным. Покровский был определён заместителем Гучкова по Центральному военно-промышленному комитету — штабу по подготовке Февральского переворота, а Прилежаев сохранил пост при купеческом министре торговли и промышленности А.И. Коновалове; после отставки последнего он переходит в управляющие делами Всероссийского торгово-промышленного союза, учреждённого московскими деловыми кругами в марте². Затем эти бывшие царские чиновники были привлечены к работе Русско-Американского комитета, который в начале августа 1917 года создал А.Ф. Керенский, начавший разочаровываться в Англии и Франции. Покровский стал главой комитета³, а Прилежаев — одним из его заместителей. В.В. Прилежаев сопровождал в поездке по стране специальную американскую миссию сенатора Рута, изучавшую перспективы сотрудничества в новой обстановке⁴. Таким образом, Временное правительство практически полностью повторяло то, что уже было сделано правительством царским. Однако всё это уже не пригодилось.

---

¹ Письмо министра иностранных дел Временного правительства П.Н. Милюкова к Председателю правительства Г.Е. Львову. 9 апреля 1917 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 550. Л. 2–3.

² Биржевые ведомости. 1917. 9 августа (утро).

³ Письмо Н.Н. Покровского к Председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому. 8 августа 1917 года // ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 368. Л. 230–231.

⁴ Прилежаев В.В. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 66.

Глава восьмая

ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА

Проблема, которой посвящена эта глава, всегда привлекала большое внимание исследователей. Становление исторической науки в СССР (1920-е годы) происходило на фоне дискуссий о месте и значении иностранного капитала в империи времён заката, когда его поступление в страну резко увеличилось. В советское время наработан значительный массив литературы на данную тему; целая группа специалистов по экономике предреволюционного периода анализировали её как с отраслевых позиций, так и по географическому размещению¹. Однако все они занимались по преимуществу узкоэкономическими аспектами, нас же интересует более широкий контекст. Как привлечение французских, английских, немецких, бельгийских финансовых ресурсов сказалось не только на экономической, но и политической жизни в целом?

До конца XVIII века иностранное предпринимательство в России главным образом было связано с торговлей; оно зависело как от объёмов, так и от структуры экспортно-импортных оборотов. Купцы-банкиры преимущественно европейского происхождения разворачивали свою деятельность в крупных портах страны. А имперское правительство с конца 1760-х практиковало регулярные заграничные займы, и к 1861 году внешняя задолженность России достигла 350–450 млн рублей². Однако целенаправленное масштабное привлечение иностранных ресурсов

---

¹ См., например: Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. М., 1997.

² Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001. С. 34.

началось с отменой крепостного права в рамках либеральной политики, проводимой министром финансов М.Х. Рейтерном. Важнейшим элементом модернизационного курса был провозглашён импорт капиталов. За первое пореформенное двадцатилетие их прилив составил невиданную доселе сумму — 2,1 млрд рублей (по 100 млн ежегодно); эти средства пошли на создание рельсовой сети¹. За следующие двенадцать лет, вплоть до промышленного подъёма 1890-х, приток капиталов уменьшился до 600 млн рублей, из них 75 % предназначалось для железнодорожного строительства. С 1893 по 1900 год иностранные вложения возросли до 1,2 млрд рублей, а до первой русской революции достигли 1,9 млрд рублей (в среднем 173 млн в год). В это время значительная часть поступивших средств — почти 45 % — впервые была инвестирована непосредственно в российскую промышленность². Эти цифры, введённые специалистами в научный оборот, сегодня хорошо известны. Они отражают определённые экономические повороты пореформенного периода, и в этом смысле представляется весьма перспективным увязать политику внешних заимствований с изменениями в хозяйственной стратегии.

Царствование Александра II характеризуется ярко выраженными либеральными приоритетами, когда считалось возможным в кратчайшие сроки запустить в России капиталистический проект. Принятое «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов» очерчивало круг участников коммерческой деятельности, устанавливало порядок налогообложения, утверждало право заниматься торговлей и промышленностью любому человеку, независимо от состояния и сословия (за исключением священнослужителей РПЦ, протестантских проповедников и низших воинских чинов). Текст содержал даже такую новацию: «Всем без изъятия лицам, состоящим на службе государственной или по выборам, а равно их жёнам и детям дозволяется беспрепятственно получать свидетельства купеческие и промысловые. Лица эти могут вступать в подряды и поставки на общем основании, за исключением лишь тех ведомств, по которым они состоят

¹ Гиндин И. Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 83.

² Там же.

на службе»¹. Власти рассчитывали, что участие в коммерции госслужащих стимулирует капиталистические реалии. Такая воляница омрачалась только одним обстоятельством: в случае банкротства коммерческого предприятия учредивший его чиновник подлежал увольнению со службы. «Положение...» было продублировано через пару лет, в 1865 году, с уточнениями сугубо фискального порядка (сбор сведений о торгах и промыслах, взимание недоимок и т.д.)². Этот документ свидетельствовал о намерении правительства всемерно расширить круг участников товарно-денежных отношений.

Однако предложенной предпринимательской свободой пользовались далеко не все. Характерно, что купеческое сословие в 60–70-х годах XIX века стало пополняться в основном за счёт зарубежных предпринимателей. Начиная с 1860-х страницы «Полного свода законов Российской империи» пестрят уставами учреждённых иностранцами товариществ и обществ в разных отраслях промышленности³. Даже в Москве за первые два десятилетия после отмены крепостного права среди включённых в первую купеческую гильдию числилось 60 иностранных подданных,

---

¹ Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. 1 января 1863 года // ПСЗ-2. № 39118. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. Л. 3–15. Разрешение о совмещении государственной службы и коммерческой деятельности просуществовало до конца 1884 года, когда было запрещено, см.: «О порядке совмещения государственной службы и участия в торговых и промышленных товариществах и компаниях, а равно в общественных и частных кредитных установлениях». 3 декабря 1884 года // ПСЗ-3. № 2559. Т. 4. СПб., 1887. С. 541–543.

² Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. 9 февраля 1865 года // ПСЗ-2. № 41779. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. С. 170–175, 59.

³ В качестве примеров сошлёмся на Высочайше утвержденный устав Товарищества Измайловской бумагопрядильной мануфактуры. 10 февраля 1861 года. Учредители — петербургский купец первой гильдии Ф. Мейер, потомственный почётный гражданин Л. Прен, московский купец второй гильдии Р. Гиль // ПСЗ-2. № 36603. Т. 36. Отд. 1. СПб., 1863. С. 90; Высочайше утвержденный Устав Товарищества Шлиссельбургской ситценабивной мануфактуры. 15 января 1865 года. Учредители — Выборгский первостатейный купец Э. Морган и подданные Великобритании В. Губард и Д. Максвелл с капиталом в один миллион рублей серебром // ПСЗ-2. № 41686. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. С. 51; Высочайше утвержденный Устав Товарищества под названием «Алтон-льнопрядильня». 11 февраля 1866 года. Учредители — Г. и Ф. Робинсоны, Ф. и О. Гар, Г. Нип. // ПСЗ-2. № 42996. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. С. 103–104; и др.

10 дворян и всего только 8 выходцев из крестьян¹. Получается, что местная предпринимательская активность уступала наплыву зарубежных дельцов. Конечно, здесь сказалось упразднение в 1863 году наиболее массовой третьей гильдии: ведь сразу повести крупное дело довольно трудно. Так или иначе, появление новых купцов, выросших на ресурсах внутреннего рынка, практически прекращается, позиции же известных фамилий закрепляются. С этого времени верхи торгово-промышленного сословия становятся гораздо менее подвижными, чем в дореформенный период; одновременно и купеческое звание теряет свою привлекательность². С другой стороны, эти процессы завершили формирование мощного купеческого клана, группировавшегося вокруг Москвы. Расширение иностранного присутствия действовало на представителей этого клана удручающе, поскольку здесь рассматривали внутренний рынок как свою исконную вотчину, где не должны хозяйничать чужаки.

Наиболее крупное столкновение купеческой элиты и иностранных деловых кругов произошло в ходе приватизации Николаевской железной дороги (1868 год). На этот прибыльный актив претендовали Московское товарищество, куда вошёл весь цвет купечества вместе со славянофильской интеллигенцией, и Главное общество российских железных дорог, учреждённое в Париже французскими финансистами и царскими придворными кругами. Продажа Николаевской дороги имела не только экономическое, но и общественно-политическое значение. В этом были уверены прежде всего участники товарищества: для них речь шла не столько о конкретной хозяйственной проблеме, сколько о направлении, по которому должна развиваться отечественная промышленность. В записке, направленной в правительство, говорится: «Русская предприимчивость не имеет в своём Отечестве поля, на котором она могла бы разрастись и развиваться. Все современные предприятия России, организуясь на иностранные капиталы, подпадают неизбежно под влияние иностранцев или руководимы ими, питают их промышленные силы и им не-

---

¹ Нифонтов А. С. Формирование классов буржуазного общества в русском городе второй половины XIX века // Исторические записки. Т. 54. М., 1955. С. 246.

² Миронов Б. Н. Социально-политическая история России. Т. 1. СПб., 1999. С. 116.

сут свои прибыли и доходы...»¹. Однако правительственные верхи и император Александр II сделали всё, чтобы прибыльный актив достался Главному обществу российских железных дорог. Такое решение мотивировалось необходимостью поддержать стоимость акций этого предприятия, чему способствовала сделка с этим крупным транспортным активом². Возмущение сторонников Московского товарищества не имело пределов. М.Н. Катков на страницах своего издания сожалел, что «дело пришлось решить не в пользу Русского Товарищества», и высказал пожелание, чтобы лица, составившие его, «не покинули своё намерение послужить железнодорожному делу в России»³. И действительно, «этим лицам» пришлось довольствоваться менее привлекательным: основные концессии получали те, кто был тесно связан с европейскими финансами и биржами; купечество при дележе могло рассчитывать лишь на менее привлекательные активы. В качестве компенсации правительство не стало чинить предпринимателям из народа препятствий в приобретении Курской железной дороги, и в 1871 году право на эксплуатацию этой ветки перешло под контроль московской группы⁴. В целом же власти с большой долей скепсиса относились к стремлению крупного купечества предстать в роли локомотива экономики, считая их квалификацию и уровень образования совершенно недостаточными.

В 1870 году состоялся Петербургский торгово-промышленный съезд — столичная буржуазия легко получила на него высочайшее дозволение. Это был первый в истории страны крупный публичный форум, устроенный предпринимательскими кругами. Вскоре московская группа решила последовать их примеру и инициировать дебаты о нуждах торговли и промышленности на собственном съезде. В конце 1871 года к работе приступил распорядительный комитет по устройству мероприятия. Купечество Центрального региона буквально завалило комитет предложениями⁵, так

¹ Докладная записка уполномоченных Московского Товарищества по приобретению Николаевской железной дороги // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3344. Л. 462–463.

² Дельви́г А.И. Полвека русской жизни. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 465.

³ Передовая // Московских ведомостей. 1868. 14 июля.

⁴ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3533. Л. 332–335.

⁵ Письмо Общества для содействия русской промышленности и торговли в распорядительный комитет по устройству промышленного съезда в Москве. 17 ян-

что Обществу для содействия русской промышленности и торговли пришлось их ограничивать, чтобы повестка дня не оказалась сильно перегруженной. Наконец в мае 1872 года ходатайство о проведении съезда (на тех же основаниях, на каких был разрешён петербургский) поступило в Министерство финансов. Однако там после знакомства с программой и списком участников пришли к заключению, что намечаемый разговор несвоевременен, так как не может иметь практической пользы. Все перечисленные вопросы планировалось обсуждать в Государственном совете, а потому просьба осталась безрезультатной¹. От московского купечества просто отмахнулись.

Всё изменилось в начале 1880-х годов. Воцарение Александра III знаменовало собой сворачивание частного железнодорожного строительства, усиление таможенного протекционизма и т.д. Эти меры отражали общую корректировку модернизационных подходов в российских верхах. Разочарование в либеральном эксперименте, продвигаемом Рейтерном, естественным образом активизировало патриотические силы. А это, в свою очередь, означало, что пробил час русского купечества. Сложившаяся ситуация вдохновила его представителей, и теперь они жаждали продемонстрировать свои конкурентные преимущества, о которых столько говорили. В этом контексте совсем иначе зазвучала тема иностранных инвестиций, которые препятствовали раскрытию творческих сил местного бизнеса. Пробным камнем стала борьба с Русско-американской компанией, намеревавшейся построить сеть элеваторов, чтобы снизить затраты на транспортировку зерна, идущего на экспорт. По значимости это дело можно сравнить с приватизацией Николаевской железной дороги в 1868 году (о чём говорилось выше).

Русско-американский проект продвигал министр финансов Н.Х. Бунге. Сам он приветствовал крупные инвестиционные вложения в российскую экономику, но в этом деле должен был заручиться поддержкой Государственного совета². Купечество в лице Московского биржевого комитета и его политические союзники

варя 1872 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

¹ Письмо министра финансов М.Х. Рейтерна в Министерство внутренних дел. 23 мая 1872 // РГИА. Ф. 1286. Оп. 32. Д. 286. Л. 2–5.

² Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. М., 2005. С. 132.

выступили резко против учреждения компании с иностранным участием. Газета «Московские ведомости» в пух и прах разнесла проект, отбросив представленные экономические расчёты. Издание предлагало сосредоточиться не на цифрах, а на том, в чьё полное распоряжение перейдёт хлебная торговля: этот исконно русский бизнес получают иностранцы, тогда как местным предпринимателям придётся довольствоваться теми крохами, которые Русско-американская компания пожелает им выделить. Слушания в Госсовете были названы в передовой статье «торгом со своей совестью»¹. А на возражение сторонников проекта, что, мол, в правлении компании присутствуют не только иностранцы, многозначительно замечалось: «между русскими подданными есть всякие»². Тем не менее большинство на общем собрании Госсовета проголосовало за Русско-американскую компанию (33 человека), против — только 8. Зато к её противникам присоединился сам государь император. Он выразил недоумение, каким образом это дело вообще дошло до Госсовета, и назвал представление Минфина «очень легкомысленным»³. В результате Александр III утвердил мнение меньшинства, отметив в своей резолюции, что подобная коммерческая инициатива опасна для России. Эпизод с Русско-американской компанией стал вехой на пути минимизации иностранных инвестиций, а также первой серьёзной трещиной в отношениях императора и его министра финансов. Лишь благодаря усилиям государственного секретаря А.А. Половцова высочайшую резолюцию решили не обнародовать, чтобы не бросать явную тень на Бунге⁴.

Менее чем через два года тот, к большому удовлетворению патриотических сил, покинул ключевой пост в правительстве. С 1 января 1887 года ведомство возглавил И.А. Вышнеградский — креатура русской партии. Первым делом он посетил Нижегородскую ярмарку, где стал почётным и желанным гостем. Обращаясь к нему, председатель ярмарочного комитета П.В. Осипов заявил: русское купечество «знает, какое знамя поднято вашим высокопревосходительством и по какому пути решили вы вести русское государ-

---

¹ Передовая // *Московские ведомости*. 1884. 29 января.

² Там же.

³ *Половцов А.А. Дневник государственного секретаря*. Т. 1. С. 212–213.

⁴ Там же. С. 209–210.

ственное хозяйство»¹. Именно Вышнеградский принимает решение о резком повышении таможенных пошлин: они становятся самыми высокими в Европе. Чтобы обосновать этот шаг, из столичного Технологического института, где ранее трудился новый министр финансов, была приглашена группа профессоров во главе с Д.И. Менделеевым, которому поручалось выработать ставки по тарификации хозяйственных отраслей. Его обширную записку получили для заключения биржевые комитеты — там демонстрировали полную готовность упрочить таможенную систему страны². Такие успехи вдохновили купечество на следующие шаги. В 90-х годах XIX века оно поднимает вопрос о допуске к эмиссионным операциям Минфина. Изначально эта сфера являлась монополией петербургских банков, но теперь зазвучали настойчивые предложения использовать потенциал того же Московского купеческого банка: он располагает обширной клиентурой и обладает необходимыми средствами для размещения государственных, гарантированных правительством процентных бумаг. Параллельно делались шаги для открытия филиала купеческого банка в столице. Капиталисты из народа готовились занять ведущее место в российской экономике.

Сегодня в литературе принято воспевать исконно русские предпринимательские силы в лице купечества³. Однако в конце XIX века, как было уже сказано, многие сомневались, что оно способно выступить в качестве главного двигателя прогресса. Чтобы внести объективность, обратимся непосредственно к свидетельствам той эпохи. Взгляды купечества на хозяйственное строительство — устранение иностранной конкуренции, контроль над внутренним рынком — были известны всегда. Но это не было экономической программой в полном смысле слова. Интеллектуальные издания 1880-х — первой половины 1890-х годов с разочаровани-

---

¹ Ярмарочная хроника // Нижегородские губернские ведомости. 1887. 26 августа.

² Записка Министерства финансов «Об общем пересмотре таможенного тарифа» в Государственный совет. 1891 год // РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. Д. 225. Ч. 5. Л. 526.

³ См., например: *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997; *Морозовы и Москва.* Сб. статей. М., 1998; *Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии.* Сб. статей. М., 2007; *Чумаков В.Ю.* Российский капитал. От Демидовых до Нобелей. М., 2008; *Жукова Л.Н., Жукова О.Г.* Русское купечество. Гении дела и творцы истории. М., 2014; и др.

ем констатировали ущербность купеческой мысли. Записки, в обилии направляемые в правительство, ни о чём конкретном не сообщали, если не считать требования расширить казённый кредит как необходимый инструмент для выдавливания конкурентов. Журнал «Русская мысль» отмечал: любые разговоры на эту тему неизменно сводятся к пожертвованиям со стороны казны в пользу Тит Титычей. Конечно, им лестно «снабдиться» из бюджета и принудительно, при помощи покровительственных мер, т.е. через силу привилегий, приступить к урезониванию инородческого бизнеса¹. Зачем, спрашивается, нужны какие-то там иностранные инвестиции, «когда можно напечатать своих капиталов, сколько потребуется»? Казна снабжает, и «почему же не снабжать, когда ей самой деньги ничего не стоят?», а если коренной деятель ничего на них и не устроит, «никаких “нетронутых” источников не тронет, то сам-то, наверное, округлится»².

В сказанном нет ни малейшего преувеличения. Яркий пример — московская контора Госбанка, которую с 1880-х годов фактически оккупировало именитое купечество, заседавшее в Учётно-ссудном комитете. Его представители взяли в свои руки распределение средств и львиную долю направляли в московские банки для дальнейшей переброски, то есть для кредитования принадлежащих им компаний и торговых домов³. Управляющие конторой не могли противостоять их мощному натиску и быстро превращались в исполнителей воли крупных семейств Первопрестольной, контролировавших частный финансовый сектор. Неудивительно, что почти все назначаемые из Петербурга управляющие (И.И. Билибин, Н.Я. Малевинский) заканчивали карьеру, оседая именно в московских банках⁴. Подчеркнём, что даже созданный в 1864 году Московский купеческий банк начал свою деятельность с разнообразных ходатайств⁵. Складывалось впечатление, что его и создавали в первую очередь как инструмент для добывания всевозможных льгот⁶.

¹ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1887. № 4. С. 179.

² Там же. С. 179–180.

³ Бугров А.В. Московская контора Государственного банка Российской империи. М., 1999. С. 95.

⁴ Там же.

⁵ Наше банковское дело. Письмо 3 // Русские ведомости. 1873. 11 сентября.

⁶ Наше банковское дело. Письмо 2 // Русские ведомости. 1873. 12 августа.

Патриотическая риторика, призывы к подъёму производительных сил не подкреплялись никакими созидательными делами. Об этом свидетельствует дневник Ф.В. Чижова, который тот вёл вплоть до своей смерти в 1877 году. Будучи костромским дворянином, Чижов поучаствовал в славянском движении в Австрии, находился в опале, а после кончины Николая I поселился в Москве, занявшись предпринимательством¹. Его роль в деле приобщения крупного купечества к новым бизнес-сферам (банкам, железнодорожному строительству и др.) трудно переоценить; он был главным действующим лицом в продвижении московских проектов. В Петербурге считали, что именно Чижов имел «безграничное влияние» на московскую деловую элиту². При этом его дневниковые записи свидетельствуют о полном разочаровании в деловых потенциях именитых купцов. Так, Чижова весьма угнетало, что его партнёры по бизнесу смотрят на дело слишком легко, и это приносит немалый вред³. «Они не имеют понятия о простой законности», где захотел — «там непременно должна быть беззаконность или, по крайней мере, исключение из законности»⁴. А кроме того, тяжелы на подъём.

Автор дневника подробно останавливается на том, как он пытался составить общество для концессии на Донецкую железную дорогу. Чижов предварительно обо всём договорился с министром путей сообщения К.Н. Посьетом⁵, но купцов убеждал вложиться в выгодное дело не один месяц, что вызывало недоумение в Петербурге. «Как-то ужить Мамонтова, Хлудова, Морозова, Кокорева, Горобова» не представлялось возможным⁶. Да многие и вовсе не одобряли чижовскую инициативу, не желая ввязываться во что-либо за пределами своих фабрик. Когда же невероятными усилиями общество всё же собралось, возникло другое

---

¹ Подробно о жизненном пути Ф.В. Чижова см.: *Симонова И.* Федор Чижев. М., 2002.

² *Дельвиц А.И.* Полвека русской жизни. М., 2014. С. 1044.

³ *Чижев Ф.В.* Дневник (запись от 18 мая 1874 года) // ОР РГБ. Ф. 332. К. 3. Ед. хр. 1. Л. 25об.

⁴ Там же (запись от 3 мая 1874 года). Л. 18.

⁵ *Чижев Ф.В.* Дневник (запись от 25 марта 1875 года) // ОР РГБ. Ф. 332. К. 3. Ед. хр. 3. Л. 42.

⁶ Там же (запись от 28 февраля 1875 года). Л. 30.

препятствие: оказалось, что никто из акционеров не предполагал чем-либо заниматься в созданном предприятии. «Что будет далее, если таково начало?» — с тревогой вопрошал Чижев. Горобов, Лямин, Якунчиков и др. не желали вникать в техническую часть проекта, отказывались даже от поездки в Петербург для подачи заявительного пакета документов¹. Единственно, к чему они проявляли интерес, так это к тому, когда они смогут получать оговорённую долю своей прибыли. Сложившаяся ситуация заставила Чижева привлечь нового участника, чтобы уже вокруг него собирать общество для строительства Донецкой железной дороги. Этим участником стал московский Торговый дом «Вогану». Чижев записывает: «Пока собирались все русские, дело не могло сладиться. Основал я дело на иностранце, и очень может быть, что оно пойдёт на лад. Зависит ли это случайно от личности, или, действительно, мы не умеем составить из себя ничего целого»². То же самое происходило и при организации Чижевым товарищества Мурманского пароходства. Предложение поучаствовать в проекте делалось и Морозову, и Лямину, и Крестовниковым, но всё безуспешно³. В результате он на свой страх и риск повёл это дело, хотя в одиночку оно давалось с большим трудом и приводило к денежным затруднениям⁴.

Подобным образом характеризовал купцов А. С. Ермолов, в 1892–1905 годах возглавлявший Министерство земледелия и государственных имуществ. Стимулируя частную инициативу, он пытался найти желающих, «которым можно было бы сдать те или иные казённые заводы»⁵. Но за всё время пребывания на посту не смог «добиться предложений со сколько-нибудь приемлемыми условиями». Те же, кто изъявлял желание арендовать предприятия (речь шла об Урале — А.П.), предлагали невысокую плату и просили льгот — на весь срок аренды отпускать даром сырьё (лес и чугун, выплавляемый другими заводами). Если бы государство

¹ Там же.

² Там же (запись от 16 марта 1875 года). Л. 52об. — 53.

³ Там же (запись от 28 февраля 1875 года). Л. 30.

⁴ Чижев Ф. В. Дневник (запись от 5 ноября 1875 года) // ОР РГБ. Ф. 332. К. 3. Ед. хр. 4. Л. 65.

⁵ Выступление А. С. Ермолова // Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия IV. Заседание от 20 мая 1909 года. Стб. 2014.

пошло им навстречу, то казне пришлось нести расходы, во много раз превышающие поступления от арендной платы¹. Очевидно, эти бизнесмены рассматривали заводы исключительно в качестве объекта кормления и не как иначе. Как заключал Ермолов, «ожидать, что явятся какие-то другие предприниматели, наивно»². На это же указывал и министр финансов В.Н. Коковцов. Он говорил, что сотни тысяч, миллионы бюджетных рублей, выделенных на оросительные работы внутри России (поволжским губерниям), не принесли никакой пользы. Средства потрачены, «но былью поросли те каналы и пруды, которые были сделаны за счёт государственного казначейства. В таком положении находится и вопрос об орошении Голодной степи»³.

Пессимизм относительно купеческого бизнеса высказывал и Д.И. Менделеев. Поначалу он возлагал большие надежды на местных капиталистов, но в конце концов констатировал: эти руки привыкли получать большие и лёгкие барыши и совсем не желают связываться с тем, что несёт какой-либо риск⁴. В течение долгого времени никак не удавалось развернуть московскую купеческую элиту на освоение богатейших нефтяных промыслов. Со всеми доводами они охотно соглашались, но «сами не двигались со своих крепко насиженных мест»⁵. В результате кавказский регион превратился в вотчину Нобелей, Ротшильдов и других, сразу оценивших существующие перспективы. Добавим: спустя годы, когда «нефтянка» уже зарекомендовала себя выгоднейшим активом, купечество выступило с обычным требованием: дайте дорогу русскому капиталу. Желание участвовать в этой отрасли подкреплялось обещанием обеспечить русских промышленников топливом. Правительство прислушалось к этим доводам, и учреждённому именитым купечеством Московско-Кавказскому товариществу выделили участки бакинских земель. Каково же было удивление властей, когда вся добываемая на промыслах нефть, минуя Цен-

---

¹ Там же.

² Там же. Стб. 2015.

³ Выступление В.Н. Коковцова // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия VI. Заседание 32 от 26 марта 1911 года. Стб. 1518–1519.

⁴ «Дерзаю выставлять на Ваше усмотрение плоды моих занятий». Письма Д.И. Менделеева Николаю II // Исторический архив. 2004. № 4. С. 188.

⁵ Белоголовый Н.А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 209.

тральный фабричный район, прямо в сыром виде пошла на экспорт!¹ Прозевали капиталисты и становление южного горнопромышленного региона. Местные землевладельцы, узнав о залежах руды в принадлежащих им участках, пытались привлечь к разработке москвичей, но их усилия не увенчались успехом. Например, екатеринославского помещика А.А. Толя, который в 1884 году предложил наладить горно-металлургическое производство, выставили прямо сумасшедшим. Тогда тот отправился в Бельгию, без особого труда привлёк к делу местных предпринимателей и перед смертью продал им своё поместье². Другой землевладелец, Булацель, обнаружив признаки железных залежей, также обратился в Москву, но отклика не получил и уехал в Брюссель³.

Но наибольшее разочарование вызвала позиция купечества по рабочему вопросу. Будущий руководитель МВД В.К. Плеве, в середине 1880-х годов занимавшийся фабричным законодательством, отмечал конструктивный подход промышленников Петербурга, Лодзи и юга ко всем проектам правительства (об учреждении инспекции, 10–11-часовом рабочем дне, запрещении ночного труда, добровольности сверхурочной работы и т.д.). На этом фоне совершенно возмутительно выглядела московская буржуазия, откровенно заботившаяся лишь о собственных выгодах и в штыки воспринимавшая любые инициативы в этой сфере⁴. Её раздражала сама обязанность заключать договоры найма с рабочими на основе расчётной книжки, где прописывались права и ответственность рабочего, определялся его заработок, обозначались взыскания и вычеты⁵. На трудовых людей эти благодетели и меценаты смотрели с презрением и ожесточением⁶. Председатель Москов-

---

¹ Всеподданнейший отчет о произведенной по Высочайшему повелению сенатором Кузьминским ревизии г. Баку и Бакинской губернии. 1905 год // РГИА. Ф. 1535. Оп. 1. Д. 1. Л. 186, 201.

² Записка «О влиянии иностранцев и заграничных капиталов на промышленность юга России». 1898 год // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 306. Л. Соб. — 6.

³ Там же. Л. 60б.

⁴ Выступление министра внутренних дел В.К. Плеве на заседании соединенных департаментов Государственного совета по делу об учреждении старост в промышленных заведениях. 7 мая 1903 года // РГИА. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 153. Л. 92об.

⁵ *Тузан-Барановский М.И.* Русская фабрика. М., 1934. С. 323.

⁶ Дневник академика В.П. Безобразова // Русская старина. 1914. № 2. С. 346.

ского биржевого комитета Н.А. Найдёнов (глашатай местной буржуазии) оправдывал широкое применение всевозможных штрафов, видя в них способ компенсировать ущерб, причинённый нерадивыми работниками¹. Да и расходы хозяев на содержание социальной инфраструктуры (школ, больниц, бань и т.д.), о чём умилённо вспоминают сегодня, покрывались не из купеческого кармана, а через разветвлённую систему штрафов рабочих². Разумеется, государственное вмешательство в эту «идиллию» раздражало фабрикантов: они готовы были рассуждать о мире и согласии с работниками до тех пор, пока в эту добросердечную среду не врывалась непрошенная опека. Всё это очень напоминало восхваление канувших в Лету крепостных порядков, приверженцы которых также ностальгировали по патриархальным отношениям между крестьянами и помещиками³.

Невосприимчивость ко всему новому сочеталась у купеческих тузов с умением обирать всех, кто оказался в поле их зрения. Вот, например, именитый купец С.И. Сазиков — владелец известного в Москве завода серебряных изделий, один из учредителей и крупный акционер Учётного банка, а ныне любимец современных почитателей купечества. Предводитель московских биржевиков Найдёнов отзывался о нём как о трудолюбивом коммерсанта со значительными средствами⁴. О происхождении «значительных средств» поведали «Русские ведомости», опубликовавшие материалы ревизии активов Сазикова. Подлог документов; откровенные хищения; перестановка цифр в отчётах; фиктивные покупки, призванные свидетельствовать о процветании; «позабытый» долг Госбанку и различным мелким кредиторам — вот слагаемые предпринимательских достижений⁵.

Вышедший из крестьянских низов ещё один крупный предприниматель, хлеботорговец С.Т. Овсянников, сумел прославиться на всю Россию. Своё огромное состояние он сколотил на круп-

¹ Янжул И.И. Воспоминания о пережитом и виденном. 1864–1909 годы. М., 2006. С. 223–224.

² Письма из Москвы // Вестник Европы. 1885. № 2. С. 843.

³ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1887. № 6. С. 147.

⁴ Найдёнов Н.А. Воспоминания о виденном, слышанном и пережитом. М., 2007. С. 219.

⁵ Русские ведомости. 1872. 4 июня. С. 5 (вся полоса).

ных интендантских поставках хлеба. С помощью налаженной им системы подкупа этот самородок сбывал в армию гнилое, практически негодное зерно по цене первосортного. Он стал играть ведущую роль на хлебном рынке, окружив себя такими же, но более мелкими и зависимыми от него «предпринимателями». О чёрством отношении Овсянникова к простым людям, находившимся от него в трудовой зависимости, было хорошо известно, однако это не мешало ему слыть широким благотворителем¹. Правда, его «коммерция» в конце концов потерпела полное фиаско. По инициативе военного министра Д.А. Милютина Овсянников лишился контрактов, а затем и вовсе угодил за решётку: интендантская эпопея завершилась громким уголовным процессом и реальным приговором². Любопытна такая деталь: у почтенного Овсянникова было четыре сына и столько же дочерей. Сыновей он довёл до умопомрачения, а вот дочерей успел выдавать замуж. Одна из них стала матерью знаменитого «фарфорового короля» России С.М. Кузнецова, и тот оказался достойным своего деда. Он возводил всё новые и новые корпуса на своих подмосковных заводах, но так и не сподобился, несмотря на все просьбы рабочих, оснастить цеха вентиляцией. Фарфоровая пыль разъедала лёгкие, и редко кто из них доживал до 35 лет. Кладбища возле рабочих посёлков по площади превышали предприятия: кузнецовские фабрики стояли буквально на костях³. А другая дочь хлеботорговца вышла замуж за П.М. Рябушинского, то есть она — мать тех самых братьев, которые оставили заметный след в дореволюционной истории России. Портрет Овсянникова украшает юбилейное издание, посвящённое фирме Рябушинских⁴.

В постсоветский период символом русской предприимчивости, столь благотворной для отечества, стало имя В.А. Кокорева. Но что в действительности представлял собой его бизнес? Арендовав большие солеварные заводы в Пермской губернии, Кокорев свозил соль в Нижний Новгород, но при продажах неизменно добивался льгот и рассрочки по уплате акциза под обеспечение раз-

¹ Кони А.Ф. Дело Овсянникова // Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 1. С. 41.

² Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. Воспоминания. Т. 2. М.; Л., 1930. С. 525–526.

³ Перегудов А.В. Фарфоровый город. М., 1932. С. 198–199.

⁴ Торговое и промышленное дело Рябушинских М., 1913. С. 13.

личных залогов. Со временем накопилась значительная сумма, выплатить которую было весьма затруднительно. Тогда Кокорев начал обивать пороги министерств, чтобы передать в уплату начисленных налогов принадлежащие ему земельные участки в Москве и Нижнем Новгороде; он собирался сбывать их по значительно завышенным ценам¹, в том числе Таможенному управлению и другим ведомствам. Глава российской таможни Н.А. Качалов вспоминал: в конце концов этот «рыночник» сумел устроить «выгодное для него дело, так как без покупки его земель в казну, и за хорошую цену, ему было бы трудно выпутаться из весьма тяжёлого положения, и кто ему помогал, не знаю»². Однажды Кокорев даже заявился к Качалову на квартиру с предложением использовать высокие связи чиновника и повернуть в Министерстве финансов какое-нибудь дельце — «быть негласным его хозяином и нажить хорошие деньги». Отказ Качалова «торговать служебным положением» и репутацией весьма озадачил этого предпринимателя³.

Современные любители купечества считают Кокорева не только инициатором разнообразных промышленных починов, но и крупным мыслителем. Его статьи о путях экономического развития страны, переизданные сегодня, преподносятся в качестве образца государственно-патриотического мышления⁴. На то, как создавалась эта купеческая публицистика, проливает свет переписка И.С. Аксакова и Н.С. Лескова. Великий русский литератор Николай Лесков испытывал денежные затруднения и, будучи неумелым «в ролях искательного характера», просил Аксакова, тесно связанного с купеческой олигархией, найти ему заработок⁵. Тот рекомендовал писателя Кокореву. Встреча их постоянно откладывалась ввиду занятости купеческого воротилы, но Лесков проявил настойчивость и всё-таки поймал того между пьянками, сопровождавшимися карточной игрой⁶. Недолго думая Кокорев вынес ворох бумаг по нефтяной тематике, взятых у инженера Скальковско-

¹ Качалов Н.А. Записки тайного советника М., 2012. С. 604–605.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Якутин Ю. Пора домой! // Кокорев В.А. Экономические провалы. М., 2002. С. 7–17.

⁵ Письмо Н.С. Лескова к И.С. Аксакову. 27 ноября 1874 года // Лесков Н.С. Собр. соч. в 11 т. Т. 10. М., 1958. С. 365.

⁶ Там же. С. 363–364.

го, который служил тогда в правительственном Горном департаменте, и попросил Лескова обработать их литературно, оформив в цельный труд¹. Поручение было с блеском выполнено, и «автор» расплатился настолько щедро, что Лесков признал плату «несоответственной за компиляцию о нефтяном промысле»². Затем Кокорев заказал статью об интересовавших его железнодорожных делах, причём пожелал разместить материал за своей подписью непременно в «Отечественных записках»³. Принципиальный Лесков отказался: не стану «снабжать их («Отечественные записки». — А.П.) моей работой даже под сурдинкою». Это разочаровало заказчика, и он свернул наметившееся сотрудничество⁴. Правда, кокоревская публицистика и после этого продолжала украшать ведущие издания той поры. Но цена этих купеческих творений вряд ли может вызывать иллюзии.

Нельзя пройти мимо и ещё одной купеческой «звезды» в лице С.И. Мамонтова. Если его вклад в русскую культуру очевиден, то его бизнес весьма далёк от предпринимательских эталонов. Тревожные оценки Ф.В. Чинова относительно деловых потенций московской купеческой элиты, о чём говорилось выше, в полной мере относятся и к Савве Ивановичу. Крах Мамонтова на рубеже XIX–XX веков прогремел на всю Россию. Сегодня принято считать, что это стало плодом рук реакционной петербургской бюрократии, душившей здоровые предпринимательские силы. Однако привлечение новых источников, содержащих любопытные сведения, позволяет несколько иначе взглянуть на это дело. Разорение разрекламированного купца произошло, прежде всего, из-за его собственной поверхностности или, точнее, безалаберности. Мамонтов презентовал масштабный проект металлургического завода в Сибири по производству рельсов, необходимых для расширяющейся железнодорожной сети, в частности для Сибирской магистрали. Было создано акционерное общество «Восточно-сибирские заводы», заарендованы казённые земли, Министерство путей сообщения заявило о покупке всей продукции, которая будет

¹ Письмо Н.С. Лескова к И.С. Аксакову. 5 декабря 1974 года // Там же. С. 367.

² Письмо Н.С. Лескова к И.С. Аксакову. 27 января 1875 года // Там же. С. 378.

³ Письмо Н.С. Лескова к И.С. Аксакову. 1 марта 1875 года // Там же. С. 382.

⁴ Там же.

произведена: выпущенные обществом ценные бумаги взлетели в цене. Мамонтов буквально не вылезал из Петербурга, презентуя преимущества проекта. В унисон с ним Москва трубила: наше купечество явит чудеса, если только ему не мешать¹.

В этой эйфории мало кто обратил внимание, что автор проекта не удосужился ни разу нанести визит на строящееся производство, мало интересовался технической частью. На строительство он отрядил своего сына, бывшего офицера, увлечённого музыкой и способного отличить разве что вагон от паровоза. Результат такого отношения к делу не заставил себя ждать: изготовленные рельсы не соответствовали стандартам российской сети и не могли быть использованы. Разразился большой скандал: с одной стороны, казна не получила продукции, а с другой — акции и облигации общества в мгновение ока превратились в бумагу, от чего пострадали многие. Этот провал сыграл роковую роль для мамонтовской империи, которая посыпалась как карточный домик. Быстро выяснилось, и что другие активы, принадлежащие предпринимателю (Невский механический завод, Московско-Ярославско-Архангельская дорога) находились в плачевном состоянии. Мамонтов напоминал землевладельца, чьё «имение заложено по второй закладной»². Не могло не возникнуть вопросов к Министерству финансов по поводу того, как подобное могло произойти при строгом ведомственном контроле. У сотрудников Мамонтова были обнаружены записи о передаче крупных денежных сумм некой женщине, которая по проверке оказалась родственницей начальника департамента железнодорожных дел Минфина В.В. Максимова³. Лишь усилиями Витте начавшееся расследование было замято. А самого Мамонтова задержали в его московском особняке буквально, когда тот готовился отбыть (т.е. бежать) за границу, оставив письмо на имя Московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича с обвинениями в адрес правительства, дескать, не ценят русских людей, мешают работать⁴. Купеческая элита Первопрестольной хлопотала, чтобы Мамонтова выпустили под

¹ Юшневский П.П. Воспоминания судебного следователя по особо важным делам // ОР РГБ. Ф. 261. К. 21. Ед. хр. 12. Л. 25.

² Там же.

³ Там же. Л. 43.

⁴ Там же. Л. 32–34.

залог в один миллион рублей, но власти в ответ увеличили сумму до пяти. Добавим, что ключевую роль в освобождении из тюрьмы «выдающегося» предпринимателя сыграла супруга царского дяди вел. кн. Владимира Александровича Мария Павловна, по каким-то причинам озаботившаяся судьбой московского купца. В Петербурге иронизировали, что вопрос об ответственности Мамонтова решался на балу во время танца вел. кн. Марии Павловны с Николаем II, после которого император и сделал соответствующее распоряжение министру юстиции¹. В Первопрестольной, считавшей Мамонтова невинно пострадавшим, его освобождение «было встречено бурными аплодисментами»².

Негативное отношение к купеческим кругам запечатлела и русская классическая литература. Показательно в этом отношении творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина. Как он писал, купеческая атмосфера вызывала стойкое отвращение у любого нормально-го человека: «русское общество выделило из себя нечто на манер буржуазии... В короткий срок эта предпринимательская тля успела опутать все наши палестины: в каждом углу она сосёт, точит, разоряет и вдобавок нахальничает. В больших центрах она теряется в массе прочих праздношатающихся и потому не слишком бьёт в глаза, но в малых городах она положительно подла и невыносима. Это — ублюдки крепостного права, выбившиеся, чтобы восстановить оное в свою пользу, в форме менее разбойничьей, но несомненно более воровской»³. Салтыков-Щедрин даёт целую галерею подобных устроителей жизни с характерными фамилиями: Разуваев, Дерунов, Бородавкин и др. Они могут только «собачиться» — этот специальный термин появился в русском языке для описания коммерческого языка, на котором ведут между собой деловые беседы купцы⁴. Причём все они семьянины, жертвователи и меценаты, как, например, «благлепный Осип Дерунов»⁵. Правда, за этим благолепием скрывается вампир, у которого прошлое «выжимание гроша втихомолку сменилось наглым вожделением грабежа...

¹ Там же. Л. 51.

² *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 172.

³ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Убежище Монрепо. Т. 6. С. 391–392 // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 10 т. М., 1988.

⁴ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Благонамеренные речи // Там же. Т. 5. С. 172.

⁵ Там же.

Он бросил мысль о гривенниках, пятаках и задумал грабить нагло и в более приличной форме»¹. Действительность он воспринимает просто: «не нами заведено, не нами и кончится»; бедным подати надо платить, а не о приобретении думать. «Если человек бедный, так чем меньше у него, тем даже лучше. Лишней обузы нет»². Писатель восклицал: «Какой необыкновенный мир — этот мир Деруновых! Как все в нем перепутано, скомкано, захламощено всякого рода противоречивыми примесями!»³

Проявилась, например, в купцах страсть к миру искусства, к коллекционированию, о чём сегодня хорошо известно. Однако, по словам современников, часто в основе этих культурных устремлений лежало тщеславие: всё для видимости, весь блеск лишь там, где надо поразить; и чем больше присматриваешься к купеческим богатеям, тем яснее, как мало среди них искренних любителей искусства⁴. Тяга к высокому удивительным образом сочеталась у купеческих воротил с откровенным пренебрежением к простым людям. В воспоминаниях В.Г. Перова содержится весьма показательный эпизод. Знаменитый художник завершал картину «Странник», изображавшую представителя народных глубин. Перов писал её с одного 75-летнего старца, приведённого знакомыми. Выяснив по ходу работы, что тому негде жить, Перов решил обратиться к московскому купцу, известному коллекционеру С.П. Щукину, с просьбой поместить своего протеже в приют для престарелых. Делец принял их в громадной гостиной, буквально напичканной антиквариатом и обвешанной полотнами, не переставая божиться в любви к народу. Однако в ходе беседы со старика буквально не сводили глаз лакеи, боясь, что тот украдёт какую-нибудь художественную ценность. А сам Щукин старался держаться на расстоянии, дабы приведённый Перовым простолюдин ненароком не коснулся купеческого воротилы. Пожилой человек уловил это пренебрежение и, несмотря на нужду, отказался от помощи. Своё впечатление от визита он выразил следующими словами: «...как издеваются над немощными, которым приходится оказывать какую-либо помощь... и прежде чем дадут

---

¹ Там же. С. 173.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 128.

⁴ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. М., 2006. С. 389–390.

её, унизят, оскорбят, истерзают, а затем бросят кусок хлеба... да так, что прокричат на весь город: мы, дескать, отцы, благодетели!»¹

М. Горький посвятил «лучшим сынам родины» повесть «Фома Гордеев» (1899). Действие разворачивается в среде поволжского купечества. С новыми идеями о судьбоносном значении купеческого сословия в жизни России выступает Яков Маякин. Он произносит речи во славу русского купечества — «первых людей жизни, самых трудящихся и любящих труды свои... которые всё сделали и всё могут сделать»², но встречает страстную отповедь со стороны родственника, Фомы Гордеева. Этот молодой купец с удивлением для себя обнаруживает, что не знаком ни с одним купцом, про которого не было бы известно чего-нибудь преступного: «Вы не жизнь строили — вы помойную яму сделали! Грязищу и духоту развели вы делами своими. Есть у вас совесть? Помните ли вы Бога? Пятак — ваш бог! А совесть вы прогнали... Кровопийцы! Чужой силой живёте! Сколько народу кровью плакало от великих дел ваших?»³ Столь эмоциональные горьковские обличения не казались в ту пору чрезмерными.

В романе «Пруд» известный литератор А.М. Ремизов изобразил купца Огорелышева. Прототипом его послужил упомянутый выше глава Московского биржевого комитета Н.А. Найдёнов, приходившийся Ремизову дядей. Этот предводитель купечества при жизни пользовался большим авторитетом да и теперь вызывает восхищение многих, поэтому взгляд на Найдёнова, что называется, изнутри представляет для нас особый интерес. Вот ремизовская зарисовка: «Что-то зудело в воздухе, когда он (Огорелышев. — А.П.) шёл, а серые глаза его кололи пронырливыми остриями; огорелышевские глаза непроницаемые, и, кажется, расцарапать способные всю душу»⁴. Фабричные рабочие между собой называли

¹ Перов В.Г. Рассказы художника. М., 1960. С. 66.

Справедливости ради нужно отметить, что современники той поры выделяли среди купеческой массы П.М. Третьякова — известного собирателя русской живописи. Кроме того, он искренне поддерживал художников, постоянно заботясь об их нуждах. См., Стасов В.В. Первая выставка (1871 года) // Стасов В.В. Избранные сочинения. Т. 1. М., 1950. С. 52.

² Горький М. Фома Гордеев // Горький М. Собр. соч. в 17 т. М., 1960–1963. Т. 3. С. 211.

³ Там же. С. 217.

⁴ Ремизов А.М. Пруд // Ремизов А.М. Собр. соч. в 10 т. М., 2000. Т. 1. С. 33.

хозяина Антихристом, а двух его родных братьев — Игнатий-змея и Никита-скусный¹. «Недовольных... [Огорелышевым] не было, были оскорблённые, и таких много было, дошедших до последнего унижения и в обиде своей до последней терпеливости... И удивительное дело, как только он живым ходил, как его не уколошили?»² Найдёнов, напомним, умер в 1905 году своей смертью, но в романе, вышедшем ещё при жизни купеческого предводителя, его удушили прямо в рабочем кабинете особняка. Так Ремизов отплатил своему родственнику за многочисленные унижения³.

По приведённым выше фактам можно вполне определённо судить о том, какое отношение к купечеству преобладало в дореволюционной России. Его претензии на роль носителей прогресса мало кем принимались всерьёз. В народных капиталистах общество видело отнюдь не спасителей Отечества, а обычных мошенников, жаждущих развернуться во всю коммерческую прыть. Подобное мнение господствовало в среде финансово-экономической бюрократии; восторгов М.Н. Каткова и И.С. Аксакова по отношению к купечеству там разделяли мало, потому-то тема иностранного капитала, затухшая было при Александре III под давлением названных господ, не угасла окончательно. Крепло убеждение, что без притока финансов и без технико-производственных знаний обойтись трудно, а с местными самородками далеко не уедешь. Напомним, что первым вопрос о значимости иностранных финансовых ресурсов для экономического строительства поднял ещё М.Х. Рейтерн в начале 1860-х годов. Его ярко выраженный либеральный курс был тесно увязан с притоком зарубежных инвестиций, что подразумевало создание условий для беспрепятственной циркуляции капиталов. Тогда Рейтерн начал с восстановления свободного размена кредитных билетов на звонкую монету, запрещённого ещё в Крымскую войну.

Кредитные билеты не пользовались доверием у возможных инвесторов, и Рейтерн, получив заём от лондонских и парижских Ротшильдов, добился от Александра II указа (25 апреля 1862) приступить к размену в Государственном банке бумажных денег на зо-

---

¹ Там же. С. 43.

² Там же. С. 206.

³ Там же. С. 292–293.

лото и серебро. Однако момент был выбран неудачный — как с экономической, так и с политической точки зрения. Начало 1863 года ознаменовалось Польским восстанием; его подавление было сопряжено с большими расходами, поэтому востребованность золота и серебра резко увеличилась, и в ноябре 1863-го операцию размена пришлось прекратить с огромным ущербом для казны¹. Вдобавок ко всему Рейтерн обрушил цены на платину, запروдав запасы (около 2 тысяч пудов) одной английской фирме: рынок на этот драгметалл не мог восстановиться в течение следующих тридцати лет². За всеми этими неудачами стояли попытки запустить капитализм с наскока. Создать полноценную основу для иностранных вливаний не удалось и стало понятно, что перевод денежного обращения страны на новый стандарт невозможно осуществить «кавалерийскими» методами, минуя этап аккумуляирования необходимого золотого запаса.

Все эти уроки в полной мере были учтены в 1880-х: вопрос об иностранных капиталах ушёл тогда на второй план, однако подготовка денежной системы к золотому обращению не выпала окончательно. Министр финансов Н.Х. Бунге уже с 1883 года начинает действовать в этом направлении³. Весьма интересный факт: отставка Бунге, произошедшая под давлением купеческих кругов и их политических союзников, не повлекла за собой свёртывания мер по накоплению золота, хотя Минфин возглавил И.А. Вышнеградский. Этот выдвигенец патриотических сил посещал купеческие ярмарки и биржевые комитеты, расхваливал «лучших сынов родины», но одновременно развивал начинания своего предшественника, фактически размывая экономическое могущество капиталистов из народа. Сегодня известно: именно преемник Бунге проделал львиную часть работы по введению золотого обра-

---

¹ Степанов В.Л. Министр финансов М.Х. Рейтерн и Александр II: история отношений и сотрудничества // Александр II: трагедия реформатора. Сб. статей. СПб., 2012, 2015. С. 73.

² Докладная записка министра торговли и промышленности В.Н. Шаховского к Председателю Совета министров И.Л. Горемыкину. 13 января 1916 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 202. Л. 10б. — 2.

³ Постановление Особенной канцелярии по кредитной части «О восстановлении обращения звонкой монеты». 17 февраля 1883 года // РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 59. Л. 1–42.

щения. Осведомлённые представители высшей бюрократии были убеждены, что «Вышнеградский всё своё управление не делал ничего, кроме исполнения намеченного Николаем Христофоровичем плана восстановления равновесия в нашем бюджете, подготовки введения у нас металлического обращения. Разница лишь в том, что Бунге шёл к этой цели осторожными шагами...»¹

То же самое можно сказать и о привлечении иностранных капиталов. Пришедший под знаменем борьбы с «этим злом», Вышнеградский в действительности лишь изображал готовность двигаться в заданном направлении. Так, он отозвал из Комитета министров ранее внесённое Бунге представление о некоторых льготах Вяземской и Моршанско-Сызранской железных дорог, которые находились в руках голландских банкиров, но немного выждав — и уже без шума — повторно внёс документы в том же виде. Узнав об этом, Бунге заметил: «Человек, всячески старавшийся придать моим действием ложную окраску, вынужден обстоятельствами идти по намеченному мною пути. Вот где моя победа!»² И этот случай не единственный: архивные документы свидетельствуют о полной расположенности Вышнеградского к зарубежным инвестициям. Показателен его спор с представителем патриотического лагеря министром государственных имуществ М.Н. Островским. Последний настаивал на существенном ограничении иностранного присутствия в отечественной экономике³. Вышнеградский же был с ним категорически не согласен: «Едва ли можно признать желательным совершенное преграждение доступа иностранных капиталов в страну столь бедную капиталами, как Россия»⁴. Огромные богатства остаются без эксплуатации или используются неэффективно, а местные бизнесмены «ставят себе главной целью извлечь возможно больший в данную минуту барыш»⁵. В завершение своего письма Вышнеградский

¹ Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 500.

² Там же. С. 501.

³ Письмо министра государственных имуществ М.Н. Островского в Министерство внутренних дел. 6 сентября 1887 года // ГАРФ. Ф. 102. Д-2. 1887. Д. 142. Л. 4–4об.

⁴ Письмо министра финансов И.А. Вышнеградского к министру государственных имуществ М.Н. Островскому. 3 марта 1888 года // Там же. Л. 19об.

⁵ Там же. Л. 20–21об.

напомнил, что Министерство финансов неизменно принимает участие в разрешительных процедурах по каждому случаю, связанному с иностранными инвестициями¹.

Внезапная болезнь и последовавшая отставка Вышнеградского не позволили ему раскрыться в полной мере и, главное, с неожиданной — прежде всего для купеческой элиты — стороны. Так что в её глазах он остался проводником комплекса протекционистских мер, «лучшим министром не только России, но и всего мира»². Зато его преемник, С.Ю. Витте, стал подлинным разочарованием для купечества. Этот министр вошёл в историю как творец нового денежного обращения и экономического роста, основанного на заграничных инвестициях. Хотя «все финансовые реформы, осуществлённые им, были делом не его ума, а подготовлены его предшественниками Бунге и Вышнеградским. Он ловко всё сумел использовать и решительно применить»³. Напомним, что поначалу деятельность Витте во главе финансового ведомства едва не привела к срыву намеченных ранее планов. Новый министр, находившийся во власти славянофильских воззрений, намеревался поддерживать отечественную индустрию, накачивая экономику кредитными билетами. В этом же русле следует рассматривать идею специализированных банков для кредитования промышленности по аналогии с уже действовавшими земельными банками, выдававшими ссуду под сельскохозяйственные угодья. Теперь же залогом должны стать сооружения, здания, оборудование предприятий, что открыло бы для их владельцев дополнительный источник получения средств⁴. Устав Московского промышленно-фабричного банка, предусматривающий работу на таких принципах, был подан в Минфин группой видных купцов Первopпpестольной⁵. Витте убеждал Государственный совет предоста-

¹ Там же. Л. 22.

² *Ерманский А.* Крупная буржуазия до 1905 года // *Общественные движения в начале XX века* (под редакцией Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова). Т. 1. СПб., 1909. С. 346.

³ *Каннигисерг И. С.* Впечатления, заметки и встречи // *Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 245. Л. 31.

⁴ Представление Особенной канцелярии по кредитной части. 14 марта 1895 года // РГИА. Ф. 1162. Оп. 1 (Т. XVI). Д. 9. С. 2–5.

⁵ Там же. Л. 50б.

вить ему право самому утвердить этот банк, однако идею забракowało Министерство юстиции¹.

1893–1895 годы были периодом бурного «романа» Витте и купеческой элиты. По воспоминаниям очевидцев, министр буквально выбегал из своего служебного кабинета приветствовать председателя Московского биржевого комитета Найдёнова, не обращая при этом никакого внимания на ожидающих в приёмной². Лидеры финансово-экономической бюрократии приложили немалые усилия, чтобы направить энергию Витте в правильное русло. Решающее влияние на идейную трансформацию начинающего государственного деятеля оказали Сольский и Бунге. Их переписка содержит критику министра за отход от курса на золотое обращение. В одном письме Бунге, говоря о Витте, напоминал, насколько опрометчиво полагаться на выпуск бумажных денег в видах оживления промышленности. Ведь «предполагаемая полезная работа бывает иногда бесполезною или неудавшеюся, соединённою с растратой капиталов. ...Что было бы с кредитом Франции, если бы 1 млрд 300 млн франков в билетах Банка Франции обеспечивали бы полезную работу Панамского канала или, выражаясь правильнее, если бы полезная работа, потраченная в сооружение Панамского канала, послужила обеспечением для выпуска билетов Банка на указанную сумму?»³ Вывод очевиден: опасны меры, не соответствующие силам страны и опирающиеся исключительно на бумажно-денежные ресурсы, причём безотносительно того, проводятся ли эти меры государством или частными лицами⁴. Переломить виттевский настрой, превратив его в страстного поборника золотой валюты, удалось авторитетному Д.М. Сольскому. К середине 1895 года министр финансов уже с энтузиазмом пропагандировал вредность существующего бумажно-денежного обращения и активно ратовал за введение металлической валюты, что, по его словам, отвечало чаяниям «всех деятелей, при-

¹ Письмо министра юстиции Н.В. Муравьева к государственному секретарю В.К. Плеве. 15 ноября 1895 года // Там же. Л. 24об. — 25.

² Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов российской империи. 1914–1917 годы. Т. 1. С. 485.

³ Докладная записка Н.Х. Бунге к Д.М. Сольскому «О выпуске новых кредитных билетов». 23 февраля 1893 года // РГИА. Ф. 694. Он. 2. Д. 67. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 10об.

званных Высочайшей властью к заведованию финансами России»¹. Теперь Витте указывал на существующие «весьма серьёзные частные интересы, связанные с расстройством денежного обращения, им вызванные, вспоенные и вскормленные, и поэтому крепко за него стоящие, готовые на всякий абсурд для его защиты»². К такого рода абсурду он относил защиту прежней финансовой системы под предлогом патриотизма³.

Усилиями Витте накопленный к 1897 году золотой запас достиг 1095 млн рублей. В течение пятнадцати лет последовательно изымая из обращения кредитные билеты, правительство добилося неизменности денежной массы, проводя эмиссию только в отдельные голодные годы начала 1890-х⁴. Теперь намеченная реформа, в отличие от времён Рейтерна, была тщательно подготовлена. Правда, Витте внёс в неё свою коррективу. Если проекты Бунге и Вышнеградского предполагали разрешение сделок как на золото, так и на серебро, то теперь речь шла исключительно о золотом обращении. В 1870-х годах золото ценилось в 18–20 раз дороже серебра, и девальвация последнего постепенно усиливалась. Пока серебряный рубль оставался значительно дороже кредитного, паритет между ними позволял упорядочивать денежное обращение. Но в начале 1890-х стоимость серебра по отношению к золоту резко упала (в 31 раз), серебряный рубль стал дешевле кредитного, уподобившись бумажным деньгам. Чтобы остановить поступление в Россию обесценившегося серебра, способного ослабить прилив жёлтого металла, правительство в 1894 году ограничило приём серебряного рубля, впервые выразив недоверие к нашим старинным деньгам и отав предпочтение золоту как денежному капиталу⁵. Этот переход от предполагаемого биметаллизма к золотому стандарту значительно сузил рамки финансового маневра.

---

¹ Представление Соединенных департаментов государственной экономии, законов и гражданских и духовных дел «О разрешении заключения сделок на российскую золотую монету». 6 апреля 1895 года // РГИА. Ф. 1566. Оп. 1. Д. 374. Л. 1об.

² Речь С.Ю. Витте на общем собрании Государственного совета. 28 декабря 1895 года // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 281. Л. 34.

³ Там же.

⁴ Федорченко Е.П. Денежная реформа С.Ю. Витте и Г.Я. Сокольников: общее и отличное // Экономический журнал. 2001. № 1. С. 225.

⁵ Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1895. № 5. С. 214.

И тем не менее предпринятые финансовые преобразования имели в целом поистине революционное значение: они вводили Россию в систему международного денежного оборота, а следовательно, снимали препятствия для циркуляции капитала по всем развитым странам. Купеческая буржуазия очень скоро уяснила, куда ведёт дело преемник их любимца Вышнеградского: Витте не просто выступал за индустриальное развитие, ведущую роль он предназначал банковским структурам, чьи возможности были связаны с иностранным капиталом. Характерно, что ключевым советником Витте в тот период стал глава Петербургского международного банка А.Ю. Ротштейн, которого называли «главнокомандующим всех соединённых сил столичной биржи и банков»¹. Он стоял во главе дельцов, ратовавших за скорейший переход на золотой рубль, т.е. за широкий приток иностранного капитала, ставку на который традиционно делали петербургские банки. Но главное, что открытие международных финансовых рынков явно пришлось по вкусу самому императору. Как передавал министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, государь был недоволен критикой перехода на золотую валюту и говорил, что на месте самого Горемыкина он уже давно принял бы меры против всей этой болтовни². Правда, позиция Николая II не была глубоко продуманной. Молодой император, пока мало знакомый с финансовыми тонкостями, не имел ясного понятия о том, полезна или вредна предполагаемая денежная реформа³. И когда Витте утверждал в своих мемуарах, «что Россия металлическому золотому обращению обязана исключительно императору Николаю II», он явно преувеличивал⁴. Точнее будет сказать, что масштабная денежная реформа венчала многолетние усилия просвещённой бюрократии, к которой присоединился государь⁵.

Без преувеличения можно сказать: подобного удара купеческое сообщество не испытывало давно, пожалуй, со времён под-

¹ *Большаков С.* Наш новейший «капитализм» // *Русский труд*. 1898. 25 апреля.

² *Дневник А.С. Суворина* (запись от 14 апреля 1896 года). М. 1999. С. 215.

³ *К.Р. [Великий князь Константин Романов.] Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма.* М., 1998. С. 215 (запись от 12 марта 1896 года).

⁴ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 96.

⁵ Сложный процесс введения золотой валюты сжато и профессионально изложен: *Шванебах П.Х.* Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901.

забытых гонений 1850-х. «Московские ведомости» прогнозировали грядущие трудности: «наша фабрично-заводская деятельность развивается под охраной покровительственного таможенного тарифа и ещё более курса кредитного рубля... много ли найдётся у нас таких производств, которые будут в состоянии выдержать конкуренцию с их товарами?»¹ Нерадостные перспективы подтолкнули к активным действиям. В январе 1899 года Московский биржевой комитет принял постановление о вредной роли иностранного капитала и об опасности расширения сферы его влияния в российской экономике². Купечество выступило против насильственного насаждения промышленности чуждыми зарубежными элементами, равнодушными к тому, что станет с Россией, «когда они, набив свои карманы и истощив источники её богатств, с презрением её покинут»³. Деловой мир Москвы недоумевал: почему иностранные дельцы, перешагнув через границу, начинают теснить русские предприятия, которые не находят теперь защиты со стороны собственного государства?

Купеческое негодование слилось с черносотенными протестами, которые также сосредоточились на дискредитации иностранного бизнеса и критике золотого стандарта. Публицист Г. Бутми писал: «Золотая валюта, путём вздорожания золота и увеличения бремени всех долгов, разоряет частные имущества, разоряет народы, увеличивает могущество международных банкиров, способствует быстрому росту воздвигаемой ими международной твердыни из миллиардов долгов, подчиняющих евреям и народы, и их производства»⁴. Правомонархист Б.В. Никольский крайне негативно оценивал привлечение иностранного капитала, в виде дивидендов выкачавшего из России все соки⁵. Подобные взгляды развивал также известный публицист С.Ф. Шарапов. Верный последователь И.С. Аксакова и М.Н. Каткова, он опасался, что не только южные регионы, но и Первопрестольная не справится с нашествием, «грозящим в недалёком будущем на развалинах русской

¹ Финансовые фантазии А.Я. Антоновича // *Московские ведомости*. 1896. 9 апреля.

² Постановление Московского биржевого общества // *Московские ведомости*. 1899. 22 января.

³ Там же.

⁴ Бутми Г. Вопрос о валюте и общественном значении // *Русский труд*. 1898. 20 мая.

⁵ Никольский Б.В. *Дневник*. 1896–1918 годы. Т. 2. СПб., 2015. С. 24–25.

и народной Москвы воздвигнуть новую Москву иностранную»¹. Эта позиция находила отклик и в верхах — у тех, кому активность Витте пришлось не по душе².

Одним из недовольных был вел. кн. Александр Михайлович, пытавшийся нейтрализовать инициативы министра финансов, подавая императору всеподданнейшие записки о пагубности зарубежных инвестиций, в частности в нефтяные районы Закавказья³. Правда, борцы с иностранным засильем не всегда демонстрировали идейную твердость. Тот же Шарапов прекратил выпады против правительства, как только (при посредничестве князя М.М. Андроникова) нашёл контакт с Витте. А министр в знак признательности выделил ему фактически невозвратную ссуду на разработку какого-то нового типа плуга для крестьянских хозяйств⁴. Когда же в апреле 1906 года Витте окончательно покинул правительство и, следовательно, уже не имел возможности оплачивать сельскохозяйственные эксперименты Шарапова, тот вновь публично (теперь на съезде объединённого дворянства) предстал в образе беспощадного обличителя золотого рубля, иностранщины и т.д.⁵ Подобные метаморфозы происходили и с упомянутым вел. кн. Александром Михайловичем. Он претендовал на первосортные бакинские земли, чтобы сбыть их с большой прибылью, а потому и просил Николая II выделить ему для начала 25 десятин — разумеется, без торгов, дабы уберечь русские ресурсы от инородцев⁶. Но в 1902 году великий князь утратил интерес к русским интересам в нефтяной отрасли, поскольку нашёл новую

¹ Из Москвы // Русский труд. 1897. 19 июля.

² Подробнее об этом см.: *Соловьев Ю.Б.* Противоречия в правящем лагере России по вопросу об иностранных капиталах в годы первого промышленного подъема // Из истории империализма в России. Сб. статей. М.; Л. 1959. С. 361–380.

³ Докладная записка в. кн. Александра Михайловича императору Николаю II о нецелесообразности передачи российской нефтяной промышленности на Каспии иностранным компаниям и о мерах по развитию нефтедобычи на участках в Бакинском уезде. 20 марта 1898 года // ГАРФ. 543. Оп. 1. Д. 579. Л. 1–9.

⁴ *Арбузов А.А.* Из близкого прошлого. Воспоминания директора департамента МВД // ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 54. Л. 6–7.

⁵ Журналы заседания первого съезда уполномоченных дворянских обществ. 23 мая 1906 года // Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных дворянских обществ. Т. 1. М., 2001. С. 68.

⁶ Всеподданнейшее прошение вел. кн. Александра Михайловича // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 579. Л. 1–2.

сферу приложения сил — руководство внешним торговым флотом и портами России.

Во второй половине последнего десятилетия XIX века приток зарубежных инвестиций стимулировал небывалый хозяйственный подъём. Если в начале 1890-х годов Комитет министров утверждал около 12 уставов новых акционерных обществ в год, то в конце — свыше 400¹. Промышленный бум во многом обеспечивался иностранными вливаниями, для которых создавались благоприятные инвестиционные условия. Например, в конце 1896 года было учреждено бельгийское общество «Сумские машиностроительные мастерские» с основным капиталом 1 млн 620 тыс. рублей, разделённым на 3240 акций по 500 франков каждая. Этому предприятию разрешалось оплатить лишь 20 % объявленной суммы, остальное — по мере надобности. Акции общества должны быть именными, но только до полной их оплаты: затем по желанию собственников они могли переоформляться на предъявителя. Правлению разрешалось находиться в г. Жильи (Бельгия), там же проводить и общие собрания². И подобных примеров в журналах Комитета министров того времени немало. Именно такие предприятия в 1897–1913 годах обеспечили общий рост иностранных промышленных инвестиций в 4,4 раза³.

Деловая пресса констатировала, что значительное увеличение обращения золота, покончив с прежней денежной системой, открыло новые горизонты экономического развития⁴. Бесконечные колебания курса кредитного рубля в прежнее время играли роль своеобразной таможенной заставы, отделявшей нас от европейского денежного рынка. Теперь же, когда этой заставы нет, страна «получила возможность пользоваться благами дешёвого заграничного кредита»⁵. Близкие к правительству издания неустанно расхваливали

---

¹ *Покровский Н.Н.* Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел. М., 2015. С. 57.

² О разрешении бельгийскому АО «Сумские машиностроительные мастерские» открыть свои операции. 15 ноября 1896 года // РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5209. С. 178–178об.

³ *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX века). М., 2003. С. 41.

⁴ Биржевые итоги (передовая) // Биржевые ведомости. 1899. 4 января.

⁵ Там же.

проводимую политику и давали отпор её противникам. Минфиновская «Торгово-промышленная газета» подробно рассказала о том, как ведущие европейские державы использовали иностранные финансовые ресурсы для подъёма своих экономик. И России необходимо последовать этому проверенному опыту¹. Образец для подражания — Пётр Великий: он «стремился овладеть для своей страны знаниями опередившей нас Европы»². «Санкт-Петербургские ведомости» писали: часто приходится слышать о нашествии иностранцев и о порабощении нас англичанами, немцами, французами, бельгийцами, которые совершенно заслоняют русского человека. Но это же «наше излюбленное средство — сваливать с большой головы на здоровую — и указывать на инородцев... как на источник многих зол и бед, что отвлекает внимание от истинных причин наших неурядиц»³. Доводы в пользу заграничных инвестиций сочетались с критикой отечественных предпринимателей, не способных должным образом отвечать на модернизационные вызовы.

Таков случай с саратовскими купцами: они написали ходатайство, поддержанное местной городской думой, о недопущении иностранных бизнесменов в Россию. Поводом стало намерение французов проложить нефтепровод из Грозного в Волжский регион⁴. Примитивная доставка по Волге была слишком долгой и обходилась дороже, но ввод нефтепровода в эксплуатацию грозил купечеству крупными убытками, поэтому оно восстало против французского новшества, не считаясь с его явными преимуществами. «Биржевые ведомости» удивлялись: огромная энергия затрачивается на борьбу с таким нужным делом, но в то же время никому в голову не приходит устроить собственный трубопровод и составить конкуренцию иностранному. Волжское купечество так привыкло жить по старинке, под надёжным покровительством, что дилемма — внедрять необходимые новшества или сохранить прежние прибыли — однозначно решается в пользу барыша⁵. Вместе

---

¹ Федоров М. Письма о русской промышленности и иностранных капиталах // Торгово-промышленная газета. 1899. 24 января; 26 января; 27 января.

² Откровенные ходатаи // Торгово-промышленная газета. 1899. 29 января.

³ Параллели (передовая) // Санкт-Петербургские ведомости. 1897. 19 мая.

⁴ Иностранные капиталы и иностранные предприниматели // Биржевые ведомости. 1899. 13 февраля.

⁵ Там же.

с тем эффективная деятельность иностранцев, столь раздражающая купечество, приносит свои плоды. Силами бельгийских акционерных обществ в России создана не существовавшая ранее трубопрокатная промышленность¹. Благодаря франко-бельгийскому участию развилась до небывалых масштабов южная горно-металлургическая индустрия². Иностранные инвестиции создают огромную дополнительную покупательную силу в стране, где население, на 9/10 состоящее из крестьянства, живёт преимущественно натуральным хозяйством, а его расходы в денежной форме составляют «микроскопические дозы»³.

Черта в проблеме использования иностранных капиталов была подведена в 1899 году. Завершающая дискуссия состоялась благодаря известной записке Витте на имя Николая II. Министр финансов писал: «Очевидно, наша внутренняя промышленность, как ни широко она развивалась, всё же ещё количественно слишком мала. Она не достигла таких размеров, чтобы в ней могла развиваться животворящая сила знания, предприимчивости, подвижности капитала... Нужно не только создавать промышленность, нужно и заставлять ее дешево работать, нужно в возникшей промышленной среде развить более деятельную и стремительную жизнь... Что требуется для этого? Капитал, знания, предприимчивость... А нет капиталов, нет и знаний, нет и предприимчивости»⁴. Витте ставит диагноз российской экономике: она неспособна к подлинной конкуренции. Всё последнее десятилетие здоровые механизмы рыночного соперничества подавлялись охранительным таможенным законодательством. Не выдерживают критики и архаичные формы организации российских предприятий: в большинстве своём они существуют в виде семейных товариществ, тогда как давно устоявшаяся в Европе акционерная форма популярностью

---

¹ Там же.

² Еще раз об иностранных капиталах // Биржевые ведомости. 1899. 14 февраля.

³ *Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Величеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. СПб., 1912. С. 52.

⁴ Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непременно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи // Материалы по истории СССР. Т. 6. М. 1959. С. 181–182 (публикация И. Ф. Гиндина).

не пользуется¹. Встряхнуть нашу промышленную среду способен иностранный капитал; это единственный способ быстро продвигнуться вперёд². Иначе связи западных стран с Россией будут напоминать отношения метрополий со своими колониями, где последние выступают, с одной стороны, рынком сбыта промышленных изделий, а с другой — источником сырья для развитых стран. Сейчас Россия, по сути, и является такой «гостеприимной колонией», заключал Витте³. Для пущей убедительности он прибегает к сравнению: капитал играет в экономической жизни такую же роль, какую пища — в развитии человека. Было бы странно утверждать, что человеку лучше не питаться или питаться недостаточно, нежели занять пищу у других, чтобы потом, когда организм окрепнет, с лёгкостью вернуть занятое⁴. В конце автор записки заметил: Министерство финансов даже опасается, как бы на Западе не уразумели значение иностранных капиталов для прогресса России и не стали бы противодействовать их поступлению в страну⁵.

Необходимо отметить, что советская историография преувеличивала силу сопротивления курсу на привлечение зарубежных финансов. Во-первых, эта политика не являлась прерогативой Витте, якобы продвигавшего её вопреки мракобесному чиновничеству. Во-вторых, действительно убеждённых противников нового курса в правительстве нашлось немного: К.П. Победоносцев и ему подобные погоды там не делали. Публицистические аргументы Бутми, Шарапова и др. вдохновляли главным образом купеческих тузов вкупе с интеллектуально ограниченными персонами вроде дворцового коменданта П.П. Гессе, да разных офицеров и подавателей записок⁶. Возражения, конечно, имели место, но касались они сугубо технических аспектов. Так, дискуссия шла по поводу использования различных форм капитала: акционер-

---

¹ Там же. С. 185.

² Там же. С. 184.

³ Так же. С. 176–177.

⁴ Протокольная запись выступления министра финансов и министра внутренних дел М.Н. Муравьева на совещании министров под председательством Николая II по вопросу об основаниях действующей в России торгово-промышленной политики. 17 марта 1899 года // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 202.

⁵ Там же.

⁶ Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 годы. СПб., 2014. С. 307–308.

ной и облигационной. Министр иностранных дел М.Н. Муравьев высказывался за последнюю, поскольку в этом случае иностранные инвесторы не могли оказывать решающее давление на активы, в которые они вложились¹. Также проводилось существенное различие между обрабатывающей и добывающей промышленностью. На предприятия по переработке сырья необходимо смелее привлекать иностранный капитал, но едва ли выгодно отдавать в эксплуатацию иностранцам наше природное богатство. Допускать инвестиции в акционерной форме лучше в обрабатывающую индустрию, в добывающих же отраслях надо использовать преимущественно облигационные займы².

Кстати, в дальнейшем власти старались практиковать именно этот подход. Министр финансов В.Н. Коковцов и министр торговли и промышленности С.И. Тимашев выступали за акционерное участие иностранцев в добывающей промышленности только в том случае, если эти средства направляются на создание новых компаний³. Кроме того, представители бюрократической элиты отдавали себе отчёт, что приток зарубежных инвестиций начала XX столетия будет отличаться от того, как это происходило ранее в странах Запада. В ту же Англию или США, где иностранный капитал стал важнейшим рычагом развития, прибывали собственно не деньги, а их обладатели, оседавшие там навсегда и превращавшиеся в национальный бизнес. Совсем с иной ситуацией сталкивается Россия: Ротшильды, Крупны и им подобные явно не собирались перебираться в нашу страну. Отсюда необходимость более продуманной и дифференцированной политики к иностранным вложениям⁴. Правительство нацелилось на денежные капиталы многочисленного среднего слоя, сформировавшегося в развитых государствах. Петербургские банки через своих европейских финансовых партнёров проводили размещение русских ценностей среди населения западных держав. Например, во Франции к 1910 году владельцами российских акций и облигаций стали десять миллионов французов (треть взрослого населения), одна из трёх про-

¹ Протокольная запись выступления... // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 204–205.

² Там же.

³ Иностранные капиталы // Коммерсант. 1910. 17 августа.

⁴ Гурко В.И. Устой народного хозяйства России. СПб., 1902. С. 77–78.

дававшихся на Парижской бирже бумаг была русской. Сложился целый слой рантье, живших за счёт этого: такая же ситуация наблюдалась в Бельгии, Великобритании, Германии. Возник гигантский двусторонний поток: на ведущие фондовые площадки Европы буквально хлынули финансовые инструменты из России, а в обратном направлении — инвестиции для железнодорожного и промышленного строительства¹.

Без них проведение полноценной экономической модернизации вряд ли осуществимо, поскольку необходимыми средствами наш внутренний рынок не располагал. Как пояснял В.Н. Коковцов, его ёмкость весьма незначительна и положение облегчается лишь в годы хозяйственного подъёма. Однако «было бы ошибочно возлагать на благоприятные обстоятельства преувеличенные надежды», причина же скудности отечественного денежного рынка — в отсутствии достаточных накоплений, «кои являются результатом весьма долгих лет»². Ситуация усугублялась ещё тем, что на российский денежный рынок сильно давили ипотечные и кредитные учреждения. Дворянский банк выпускал ежегодно закладных листов на 40 млн рублей; для сильно развившейся операции Крестьянского банка реализовывались 5 % свидетельства на сумму 100 млн, 13 частных земельных банков доводили выпуски своих листов до 160–170 млн в год; обязательства четырёх наиболее крупных городских кредитных обществ (Петербургского, Московского, Одесского, Варшавского) простирались до 90 млн рублей³. Перегруженный и недостаточно развитый фондовый рынок был не способен выступать источником нужных инвестиций. Поэтому правительство и стремилось к широкому присутствию на европейских биржевых площадках. Даже займы для земств и городов, предназначенные для развития местной инфраструктуры, предполагалось проводить за границей. Для чего проектировалось создание специальной структуры, действующей при содействии петербургских банков, хорошо освоившихся в Европе⁴. Не будет преувеличением сказать, что отече-

¹ Мосягин А.Г. Судьба золота Российской империи в срезе истории. 1880–1922 годы. М., 2017. С. 50.

² Особый журнал Совета министров «Об устройстве кредитов для городов и земств». 21 мая 1911 года // РГИА. Ф. 592. Оп. 1. Д. 351. Л. 10–10об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 5об. — 6.

ственная экономика вступила в новую эру, неотъемлемой частью которой стал зарубежный капитал. Авторитетный журнал «Новый экономист» подчёркивал: «не может быть и речи о каком-то ни было вреде, нанесённом России иностранным капиталом. Напротив, с уверенностью можно сказать, что без него Россия никогда бы ни находилась бы на нынешнем уровне своего развития»¹.

Осмысление зависимости от иностранцев началось уже после крушения империи. В советской науке 1920-х годов господствовала такая точка зрения: русский капитализм был не просто отсталым, он был начисто лишён какой-либо национальной окраски; российские банки и промышленность целиком зависели от западного капитала. Само строение российской экономики в последние два десятилетия империи отражало пережитки средневековья и говорить о каком-то бурном развитии могут «только дети, не овладевшие всеми четырьмя правилами арифметики»². Все российские банки накануне Первой мировой войны были разделены на две группы: одни контролировались непосредственно из Парижа, другие — из Берлина. Причём западному капиталу незачем было добиваться большинства в руководстве: все дела «весьма добросовестно творили “русские люди”, допущенные хозяевами к управлению после тщательного отбора»³. Некоторые историки оспаривали эту точку зрения, назвав её «досужим вымыслом... “узкоэкономического анализа”»⁴. По их мнению, общая картина была недостаточно чёткой потому, что отечественный финансовый капитализм стал полноценно развиваться лишь за несколько лет до 1914 года. В этот период наметилось усиление русских элементов, опиравшихся на рост внутренних накоплений, и продолжение этой тенденции могло привести к окончательному закреплению отечественных финансовых групп⁵. Речь шла о московской

---

¹ Мигулин П. П. Иностранный капитал в России // Новый экономист. 1913. № 2. С. 5.

² Ванаг Н. Н. К методологии изучения финансового капитала в России // Историк-марксист. 1929. Т. 12. С. 9–10.

³ Ронин С. Л. Иностранный капитал и русские банки. М., 1926. С. 133.

⁴ Грановский Е. Иностранный капитал в системе монополистического капитализма в России // Вестник Коммунистической академии. 1927. Т. 22. С. 77.

⁵ Гиндин И. Ф. Некоторые спорные вопросы истории финансового капитала в России // Историк-марксист. 1929. Т. 12. С. 68.

буржуазии — в этой среде позиции иностранного капитала всегда были слабыми, а купеческая элита никак не вписывалась в теорию о подчинении иностранному капиталу. Очная дискуссия между приверженцами этих противоположных взглядов состоялась на I Всесоюзной конференции историков-марксистов¹.

Их спор разрешился в начале 1930-х годов — с возникновением идеологических новаций. Серьёзные коррективы научных трактовок были связаны с разгромом троцкистско-зиновьевского блока. Напомним: оппозиция рисовала Россию практически одной из колоний мирового капитала, усматривая корни её отсталости в предшествующем царском периоде; неразвитость производительных сил страны означала невозможность социалистического строительства в России вне мирового революционного процесса. Таким образом, чисто научная дискуссия приобрела политический оттенок. Научные изыскания Н.Н. Ванага расценивались как подспорье тезиса о невозможности построения социализма в одной стране. В 1932 году он был вынужден признать свои ошибки, направив в редакцию журнала «Историк-марксист» покаянное письмо: «Я дал почву для протаскивания троцкистских идей о полуколониальном характере царской России, об отсталости вообще и примитивности экономического развития страны...»² Но точка на этом поставлена не была. Всего через три года осуждённая теория Ванага оказалась востребованной на самом высоком уровне. Теперь тезис о неразвитости страны и подчинении её мировому капиталу обосновывал величие Октябрьской революции, освободившей полуколониальную Россию от гнёта международной буржуазии³. Эта установка была включена в «Краткий курс истории ВКП(б)»⁴.

Эта дискуссия надолго запутала проблему, превратив её из предмета научного поиска в инструмент пропаганды. Ситуацию начали прояснять лишь следующие поколения историков. Они пришли к единому мнению, что зависимость экономики России от международного капитала нельзя назвать критичной, а о превращении стра-

¹ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28 декабря 1928–4 января 1929 года. Т. 1. С. 318–385.

² Ванаг Н.Н. Письмо в редакцию // Историк-марксист. 1932. № 4–5. С. 358.

³ За революционную бдительность, за большевистскую партийность (передовая) // Историк-марксист. 1935. № 1 (41). С. 7.

⁴ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1946. С. 156.

ны в колонию не шло и речи. В начале XX века платежи по российским государственным займам составляли лишь 15 % расходной части бюджета, тогда как во Франции — у нашего основного кредитора — этот показатель достигал более 30 %, в Англии — около 20 %¹. Сумма внешнего долга Франции в расчёте на душу населения составляла 288 долларов, Испании — 189, Англии — 169, а у нас — лишь 58 долларов². О независимости русской экономики от зарубежных держав говорят и многочисленные свидетельства, остававшиеся ранее за рамками исследований. Показателен в этом отношении случай с Варшаво-Венской железной дорогой — весьма прибыльным активом, который принадлежал немецкому бизнесу. По этой ветке подвозили уголь в Варшавский район, но российские власти начали проводить там ещё одну линию. Чтобы воспрепятствовать этому, в Берлине был образован специальный комитет борьбы за права акционеров³. Тогда в российском правительстве и было принято решение о выкупе Варшаво-Венской дороги государством: кроме того, этот шаг имел и важное военно-стратегическое значение, поскольку и сама Германия систематически переводила в собственность казны свои пограничные ветки⁴. Комментируя ситуацию на заседании Государственного совета, премьер В.Н. Коковцов рассказал о шуме, поднятом за границей. Не обошлось и без прямых угроз с немецкой стороны: мол, если русскому государству понадобятся деньги, то с ним поступят так же, как поступает оно. Но Коковцов заявил: мы действуем в соответствии со своими планами и подобную позицию даже не рассматриваем⁵. Едва ли зависимые колонии подобным образом разговаривают со своими метрополиями.

Такие же примеры даёт и материал русско-французских экономических связей. Характерен случай с обществом Армави́ро-Ту-

---

¹ Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века // Россия в начале XX века. М., 2002. С. 178.

² Государственный долг и денежное обращение Китая // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1910. № 34. С. 294.

³ В Совете министров // Русское слово. 1912. 4 ноября.

⁴ Выкуп в казну Варшавско-Венской железной дороги // Финансовое обозрение. 1912. № 1. С. 165; Письмо Ф.Г. Тизенгаузена к министру финансов Российской империи. 5 марта 1911 года // РГИА. Ф. 597. Оп. 2. Д. 165. Л. 3.

⁵ Выступление В.Н. Коковцова // Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия VII. Заседание от 17 декабря 1911 года. Стб. 860.

апсинской железной дороги, с которым тесно сотрудничал французский предприниматель Першо. Это был не только бизнесмен, но и видный политик, сенатор, близкий сподвижник премьера Раймонда Пуанкаре¹. Однако в 1912 году у Першо произошёл конфликт с российскими партнёрами из Русско-Азиатского, Русского торгово-промышленного и Петербургского частных банков, в результате чего француза «устранили» от дел. Разгневанный Першо предъявил иск на 6 млн рублей и обратился к своему правительству с просьбой повлиять на получение им указанной компенсации. Однако просьбы французских властей и лично Пуанкаре повлияли не на многое. В.Н. Коковцов, С.И. Тимашев, С.В. Рухлов реагировали на них вежливо, но вяло. Першо пришлось даже снизить сумму претензий до 2,2 млн рублей, однако и это не помогло. Дело разрешилось лишь в 1913 году накануне размещения очередного русского железнодорожного займа на Парижской бирже. Собственно расчёты с Першо и были приурочены к данному событию, а требования о незамедлительных выплатах просто-напросто игнорировались, т.е. российский Минфин руководствовался исключительно своими интересами².

Приведённые примеры известны специалистам, а вот ситуация в южной горно-металлургической индустрии — франко-бельгийской вотчине — знакома гораздо меньше. Судя по выявленным источникам, царское правительство планировало постепенно сокращать иностранное присутствие в регионе. Начало этому процессу положила сенатская практика 1912–1913 годов, подтверждённая в 1915 году. Как постановил этот судебный орган, горный отвод не может быть предметом аренды или найма³. Это означало, что право на разработку недр может быть установлено лишь при совершении крепостного акта и проведении договора по книгам правительственного горного управления. Судебные и административные органы стали отказывать в признании тем договорам, которые (как это практиковалось в течение долго времени) были об-

---

¹ Гиндин И. Ф. Коммерция и политика (из истории франко-русских взаимоотношений 1912–1913 годы) // Французский ежегодник. 1962. М., 19163. С. 238.

² Там же. С. 244–249

³ Письмо комиссара Временного правительства по Министерству торговли и промышленности В.А. Степанова в Министерство юстиции Временного правительства. 14 апреля 1917 года // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1939. Л. 15.

лечены в форму не только обычных нотариальных, но даже домашних актов. Теперь они оказывались недействительными на том основании, что совершены ненадлежащим порядком¹. Южная горная индустрия развивалась главным образом за счёт частных арендованных площадей — на них приходилось около 2/3 годовой добычи региона². Но в ближайшие несколько лет истекали сроки контрактов на использование недр у двадцати двух крупных предприятий с общей ежегодной добычей 737 млн пудов угля, арендующих около 25 тысяч десятин земли³. Собственниками участков в большинстве случаев были крестьянские общества, и как раз с ними переговоры шли наиболее тяжело. Узнав о введении новых правил при возобновлении договоров, владельцы земель не замедлили воспользоваться ситуацией. Кроме увеличения арендной платы вдвое (иногда за несколько лет вперёд), они выдвигали дополнительное требование: сделать крупный единовременный взнос. Положение осложнялось наплывом всевозможных спекулянтов, вносивших вою лепту в эту ситуацию⁴. Встревоженные западноевропейские собственники заваливали правительство предостережениями о неминуемом разгроме отрасли, если многие компании приостановят свою деятельность в России⁵.

В то же время процессы, инициированные Сенатом, вызвали рост интереса к региону со стороны петербургских банков. Ранее в Петербурге биржевые торги велись с акциями лишь двух-трёх предприятий региона, тогда как в Париже и Брюсселе обращались бумаги порядка двадцати компаний⁶. Но с началом Первой миро-

¹ Там же. Л. 16–18.

² Заключение угольной секции Особого совещания по топливу, принятое в заседаниях 31 марта, 13 мая, 24 июня, 1 августа 1916 года по проекту основных положений закона об урегулировании договорных отношений между собственниками земли и горнопромышленниками // РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 285. Л. 11об.

³ Развитие горной промышленности (беседа с министром торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховским) // Новое время. 1916. 16 ноября.

⁴ Записка об урегулировании арендных отношений между владельцами недр и горнопромышленниками // РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 285. Л. 20–21.

⁵ Письмо Совета съездов горнопромышленников Юга России к министру торговли промышленности кн. В.Н. Шаховскому. 20 февраля 1917 года // РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1939. Л. 2об.

⁶ Иностранные и русские капиталы в каменноугольной промышленности // Финансовая газета. 1916. 23 августа.

вой войны ведущие столичные банки стали предоставлять ссуды горным предприятиям, оказавшимся в сложном положении из-за недостатка оборотных средств. Причём финансирование производилось путём выпуска новых акций, которые приобретались самими банками. Кроме того, они выкупали у российских собственников небольшие общества и начинали активно их финансировать¹. Началось планомерное сокращение долей иностранных акционеров, контролировавших здесь $\frac{3}{4}$ активов, и в результате русское присутствие в регионе расширилось. Юридические новшества, введённые Сенатом, пришлось как нельзя кстати. Возникающие при пролонгации договоров сложности, а также военные условия, требующие бесперебойного снабжения углём и металлом, позволили правительству вмешиваться в ситуацию. Специальный законопроект «Об урегулировании договорных отношений между собственниками и горнопромышленниками»² предполагал, что во всех трудных случаях правительство имеет решающее право выбрать арендатора по своему усмотрению, определить минимум добычи в соответствии с интересами государства или взять предприятие в казну.³ Нетрудно догадаться, что в роли новых арендаторов, способных вести дело, выступили бы те же питерские банки, уже начавшие закрепляться в регионе.

Следует уточнить, что советская историческая наука выработала дифференцированный подход к проблеме иностранного капитала в России, увязанный не только с финансами, но и с промышленным импортом. Это позволяет более качественно оценить специфику французского и немецкого экономического потенциала. Так, в начале XX столетия по экспорту капиталов лидировали Франция, Бельгия и Великобритания. Причём в Париже размещались главным образом государственные бумаги и гарантированные железнодорожные облигации, а количество представленных российских частных обществ не превышало сорока. Котировки же бельгий-

---

¹ Там же.

² Заключение угольной секции Особого совещания по топливу, принятое на заседании 31 марта, 13 мая, 24 июня, 1 августа 1916 года по проекту основных положений об урегулировании договорных отношений между собственниками земли и горнопромышленниками // РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 285. Л. 10об. — 11.

³ Кринский Б.И. Права на недра и углепромышленность // Финансовая газета. 1916. 13 августа.

ской биржи, напротив, поражали разнообразием (около 250) русских названий¹. На лондонской же фондовой площадке котиrowалось 55 отечественных предприятий: больше 60 % из них — нефтяные общества². Однако несмотря на такое обширное финансовое сотрудничество, товарный экспорт Франции в Россию не превышал 5 % (самыми крупными статьями французского вывоза к нам оставались вина и продукты пищевых отраслей), а Бельгии — 4 %. В случае с Германией всё было наоборот. Немецкий товарный экспорт в Россию доходил до 40 % (в торговых потоках преобладали промышленные товары, конкурирующие с изделиями отечественной индустрии), германских же капиталов поступало в три с лишним раза меньше. К примеру, из иностранных вложений в горную индустрию за 1895–1902 годы на долю Германии приходилось лишь 10 %, остальное составляли францужско-бельгийские инвестиции³. Таким образом, французская и бельгийская промышленность меньше ущемляла российскую буржуазию, в то время как немецкая стремилась укрепиться на внутреннем рынке через дочерние предприятия. Наши промышленники вынуждены были обороняться от немецкой торговой экспансии — это и породило ненависть купеческой элиты к германцу. Следует помнить, что ещё с 1860–1870-х годов — на первом этапе железнодорожного строительства — все необходимые материалы ввозились из Германии, где Россию привыкли рассматривать естественным рынком сбыта. Поэтому повышение таможенных пошлин привело к острейшим российско-немецким противоречиям⁴. Выявление этих обстоятельств, несомненно, явилось крупным достижением советской науки.

Но всё же наиболее важным последствием привлечения иностранного капитала стала потеря устойчивости купеческой группировки. Деловая элита Москвы, требовавшая от верховной власти законодательного ограничения операций зарубежных компаний, окончательно разочаровалась в эффективности верноподданнической модели, которой она традиционно придерживалась.

¹ Значение брюссельской биржи для России // Утро России. 1910. 9 июля.

² Обзор печати // Новый экономист. 1913. № 39–40. С. 8.

³ Гиндин И. Ф. Государство и экономика в годы управления С. Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 86.

⁴ Там же.

Отныне купечество ориентируется на права и свободы, устанавливаемые конституционно-законодательным путём, а не верховной властью. Иначе говоря, у этой части российских капиталистов появились собственные, экономически обусловленные причины выступить за изменение государственного порядка. На рубеже XIX–XX веков произошло полное размежевание купечества со славянофильскими кругами, которые на протяжении десятилетий политически обслуживали капиталистов из народа. Взамен у них появились новые союзники — либерально настроенные дворяне из земств и научной интеллигенции, также убеждённые, что монархия «стала игрушкой в руках бюрократической олигархии», превратилась «в тормоз свободного развития России»¹. Как вспоминал граф Д.А. Олсуфьев, прекрасно знавший атмосферу Первопрестольной, в середине 1890-х годов её деловая элита ещё находилась во власти консервативно-славянофильских воззрений, а в начале XX века признаком хорошего тона в этой среде уже стала поддержка революции².

С 1909 года в Москве стали проходить ежемесячные встречи, на которых собирались представители крупной буржуазии Центрального региона России, Поволжья и Сибири. В обсуждении перспектив участвовали ректор Московского университета А.А. Мануйлов, экономисты П.Б. Струве, И.Х. Озеров, юрист С.А. Котляревский, философ С.Н. Булгаков и другие известные учёные. Они выступали с докладами о синдикатах и трестах, о промышленном налоге, об иностранном капитале и проч. Информация об этих встречах — в виде коротких отчётов и статей участников дискуссий — иногда появлялась в прессе³. Интересно противопоставление тяжёлой и лёгкой промышленности. Лёгкая промыш-

¹ Шаховской Д.И. Доклад на Учредительном съезде «Союза освобождения». 3–5 января 1904 года // Либеральное движение в России. 1902–1905 годы. М., 2001. С. 69.

² См.: Олсуфьев Д.А. Революция (из воспоминаний о 90-х годах и о моем товарище Савве Морозове) // Возрождение. 1931. 27 июля; Он же. Москва и революция // Возрождение. 1931. 31 июля.

³ Например: Экономические беседы // Русские ведомости. 1909. 17 марта; 1909. 21 апреля; Гольдштейн И.М. Апология синдикатов // Русские ведомости. 1909. 8 декабря; Рябушинский В.П. Отечество и армия // Московский еженедельник. 1909. 2 мая; Четвериков С.И. Общество и промышленные союзы // Московский еженедельник. 1909. 5 декабря; и др.

ленность, к которой принадлежала большая часть купеческих тузов, — прогрессивна, она связана с «нуждами широкого народного рынка». Отрасли же, работающие на государство, считались реакционными: тяжёлая индустрия опасается торжества демократии¹. (Хотя подобные взгляды отнюдь не мешали московской буржуазии всё внимательнее присматриваться к военным проблемам².) Как метко подмечено, значение этих экономических бесед для формирования политического лица купеческой элиты сопоставимо со значением «Русского собрания» для правых партий или кружка «Беседа» — для кадетов с октябристами³. Профессор И.Х. Озеров даже окрестил их «московским торгово-промышленным парламентом»⁴. Участники этого «парламента» были твёрдо убеждены, что России требуются реформы в либеральном ключе, ориентированные не на почвеннические, а на конституционные воззрения: в них они видели действенный инструмент для реализации своих интересов. Представить среди них людей типа С.Ф. Шарапова невозможно: известный публицист, грудью защищавший московских фабрикантов в 80–90-х годах XIX века, теперь на съездах уполномоченных дворянских обществ проклинал предателей русских начал⁵. В конце концов участники экономических встреч заявили о готовности взять на себя (вырвав из рук правящей бюрократии) управление не только экономикой, но и государством. Кругом недоумевали, как быстро в некоторых умах возник поток «совершенно ложных иллюзий»⁶. Люди крупного капитала и их обслуга уверовали в свою решающую политическую значимость: эта среда выделила кружки «маленьких Людовиков XIV, громко завопивших на всю Россию: «государство — это мы»⁷.

¹ Новиков М. К вопросу о политической роли русской буржуазии // Русские ведомости. 1913. 10 октября.

² Предисловие // Великая Россия. Сборник статей по военным и общественным вопросам. Кн. 2. М., 1911. С. 7.

³ Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!» Клубы в истории российской общественности (конец XVIII — начало XX века). М., 2007. С. 268.

⁴ Русское слово. 1912. 4 марта.

⁵ Шарапов С.Ф. Русские исторические начала и их современное приложение. М., 1908. С. 14–15.

⁶ Буржуазия и государство // Новое время. 1912. 22 апреля.

⁷ Там же.

Однако новые претензии купеческой буржуазии вызвали ещё больший скепсис, чем ранее, когда она занимала верноподданническую позицию. Это хорошо выразил сотрудник «Нового времени» А.А. Столыпин (родной брат погибшего премьера): «Я всегда знал, порода московских толстосумов таит в себе много самодурного, но не допускал, что до такой степени»¹. Любопытно, что либерально-оппозиционный настрой купеческих тузов практически никак не сказывался на их склонности к наживе. В связи с этим происходили весьма курьёзные случаи. Например, известный купец-просветитель И.Д. Сытин, издававший «Русское слово», собирався выпускать ещё одну высокотиражную газету, но уже правомонархического направления. Причём ради снижения издержек он и для либерального «Русского слова», и для нового проекта предполагал иметь одну редакцию, одних и тех же корреспондентов; статьи же должны были отличаться лишь заголовками и общей тональностью. Понятно, что в данном случае мерилom для Сытина служили не идеи, а объёмы розничных продаж². Неслучайно было распространено мнение, что русское купечество обладает «просвещённостью чисто внешней»: в основе же его «лежала унаследованная от отцов и дедов... жажда стяжания. Просвещённости не хватало умерить эту жажду»³. Этот слой, освоив европейскую риторику, был «особенно склонен переоценивать себя и предъявлять уже политические требования». Но ничто не давало ему права на такие претензии: он не обладал историческими заслугами, выдающимися умственными силами для ведения плодотворной государственной деятельности⁴. Основной принцип наших промышленников — «всегда дайте сорвать и ждите благоприятных результатов» — оставался неизменным⁵. При этом они выражают недовольство в адрес правительства: дескать, не отстаивает их интересы, не окружает уважением. Вот, например, в Бельгии купцы — самое почётное амплуа, они там всему го-

¹ Столыпин А.А. Заметки // Новое время. 1912. 20 октября.

² Озеров И.Х. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

³ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008. С. 82.

⁴ Путилов А.С. Воспоминания и граф Витте. Из личных воспоминаний // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 75.

⁵ Общество и промышленники // Финансовое обозрение. 1910. № 18. С. 2.

лова¹. Германский император Вильгельм II, постигший значение купеческого сословия, всячески прославляет его, а страна Шиллера, Гёте и Канта преобразилась в страну Сименсов и Круппов². Разумеется, русские «бизнесмены» не учитывали того, что промышленность в этих европейских странах развивалась при строгом соблюдении интересов потребителя, а от наших дельцов одинаково стонут и государство, и народ. Достаточно вспомнить их упорное нежелание принимать новое рабочее законодательство, разработанное правительством³. Отечественному производителю напоминали: пока он не осознает, что помимо «него драгоценного» есть ещё и люди, заинтересованные в удешевлении товаров и в человеческих условиях труда, он никогда не поднимется до государственного уровня. Не займёт того положения, о котором грезит, «каким декорумом бы себя ни окружал, приглашая на свои беседы учёные авторитеты...»⁴

Собственно, иностранные инвестиции и привлекались для того, чтобы компенсировать купеческие наследственные изъяды. И эта жёсткая конкуренция вызывала вполне понятную тревогу у тех, кто привык извлекать из своего привилегированного положения наибольшие выгоды. Но не это главное. Правительство не очень-то верило в купеческие хозяйственные прорывы; оно рассчитывало, что присутствие зарубежного бизнеса приведёт к рождению нового предпринимательского слоя. Формирующаяся буржуазия вступит в борьбу с теми, кто под сенью покровительства «широко расселись за столом русской промышленности и насыщаются с этого стола, полного яствами»⁵. Эти новые предпринимательские кадры пестовались в орбите петербургских банков, которые одновременно были тесно связаны с международным финансовым рынком. Через них шли инвестиции в страну, они устанавливали контроль над целыми отраслями российской промышленности, что и дало повод говорить о подчинённости России западному капиталу в «утончён-

¹ Организация бельгийского купечества // Утро России. 1910. 12 февраля.

² Король купцов // Утро России. 1913. 1 августа.

³ Боязнь призраков // Новое время. 1912. 18 апреля.

⁴ Наши промышленники в роли государственных деятелей // Финансовое обозрение. 1910. № 4. С. 4.

⁵ Залуштин А. Иностранные капиталы и русские сбережения // Биржевые ведомости. 1899. 26 марта.

ной форме», т.е. через банки¹. Реальная же цель состояла в оттеснении купеческих олигархов на вторые роли и дальше. Член Госсовета и совета Русско-Азиатского банка профессор Озеров, не скрывая, писал о надеждах на появление нового типа купца-промышленника на американский лад, адаптированного к мировому рынку, обладающего широким кругозором и большим размахом². Конечно, этот процесс протекал достаточно сложно: его оборотной стороной стало резкое усиление оппозиционности купечества и его деятельное участие в расшатывании государства. Один из думских борцов с царизмом высказал (будучи уже в эмиграции) такую мысль: «Не сумели её (купеческую верхушку. — А.П.) слить и влить в свою среду, разделить с ней руководящую роль. Она была мощным фактором революции, и на её деньги революция сделана»³.

Особенности российского купеческого стиля особенно ярко проявился в годы Первой мировой войны. Разумеется, патриотические призывы лились из уст деловой элиты Первопрестольной нескончаемым потоком. Сыновья и родственники купчиков облеклись в военные мундиры, и тем не менее «все до одного каким-то чудом оказались пристроенными к всевозможным организациям, все без исключения околачиваются в Москве... шатаются по ресторанам, выставкам, театрам...»⁴ Слышалось «бряцание денег», точно здесь «все всегда справляли чьи-то именины»⁵. Как известно, купеческая элита в ходе начавшейся войны выступила с громкой патриотической инициативой по оказанию помощи армии в изготовлении всего необходимого для боевых действий. С большой помпой были созданы военно-промышленные комитеты, объединявшие различные предприятия. Об их вкладе в снабжение фронта сказано немало, равно как и о самоотверженных усилиях предпринимательских кругов. Однако запуск военно-промышленных комитетов менее всего был делом их непосредственных учредителей. Сегодня известно (в основном лишь специалистам),

¹ Ванаг Н.Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны. М., 1925. С. 25.

² Озеров И.Х. Что делать? М., 1913. С. 88, 373.

³ Савиг Н.В. После исхода. Парижский дневник. 1921–1923 годы (запись от 24 марта 1921 г.). М., 2008. С. 50.

⁴ Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. М., 2006. С. 420.

⁵ Там же. С. 391.

что реальное становление московского ВПК — это заслуга видно-го военного специалиста, генерала С.Н. Ванкова¹. Этот болгарин, давно находившийся на русской военной службе, применил хорошо знакомый ему французский опыт снабжения армии. Приехав летом 1915 года в Москву и наладив контакт с местным обществом заводчиков и фабрикантов, он фактически выступил организатором работы крупной промышленности в военных условиях². Характерно, что Ванков всегда очень низко оценивал деловые способности русского купечества: «Оно пряталось в своих капиталах и входило в торговые дела, дающие 50–80 % выгоды»; в другие же проекты «никак нельзя было увлечь его, тем более если процент наживы был неизвестен, а пожалуй, и мал»³.

Справедливости ради подчеркнём: военные условия привели к тому, что купечество всё же начало входить в серьёзные технологические отрасли. Так, московские тузы учредили Российское общество коксовой промышленности и бензолового производства: в руководящих органах значились Н.А. Второв, И.А. Морозов, Н.И. Гучков, Н.М. Бардыгин, Г.А. Крестовников, Л.Л. Фролов и др.⁴ Правда, отнести это на счёт их тяги к новому было бы преувеличением. В это предприятие включили активы химической индустрии, налаженные руками немцев и конфискованные у них в ходе грянувшей войны. Освобождение купцов от прежней косности происходило в хорошо знакомых традициях — за чей-то счёт, будь то немцы или российская казна. К тому же охваченные патриотическим порывом, они ни на минуту не забывали о своих коммерческих интересах. Получая через систему ВПК различные заказы, выполняли их с готовностью, но лишь по завышенным расценкам. Имена промышленников, которые за год работы в военных условиях при тех же объёмах производства увеличили свой доход в 4–5 раз, известны. Например, московскому фабриканту Н.И. Прохорову нажитых на поставках фронту средств хватило для погашения банковских обязательств на 6 млн рублей, да кроме того была зафик-

¹ Подробно о нём см.: *Черняк А.Я.* Семён Николаевич Ванков. М., 1984.

² *Игнатъев А.А.* 50 лет в строю. Воспоминания. М., 2002. С. 394; *Сидоров А.Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 111–112.

³ *Ванков С.Н.* Мои мемуары // ОР РГБ. Ф. 218. К. 303. Ед. хр. 1. Л. 113.

⁴ Новое акционерное общество // *Коммерсант*. 1916. 5 июня; 20 июня.

сирована прибыль в 7 млн¹. Это стало возможным за счёт распределения заказов среди дружественных предприятий. Например, Московский ВПК покупал у одного из местных фабрикантов колючую проволоку по 12 рублей за пуд, а малый бизнес, предлагавший выполнить тот же объём работы по 6,5 рубля за пуд, заказа не получил². Только правительственный контроль над военно-промышленными комитетами хоть как-то помогал сдерживать аппетиты «лучших сынов родины».

Тема привлечения иностранных финансовых ресурсов получила в условиях советской действительности второе рождение. Вожаки новой народной власти, оказавшиеся волею судеб у руля, не мыслили хозяйственного оздоровления вне связей с западным капиталом. Поэтому к завершению Гражданской войны был сформирован партийно-государственный курс на привлечение зарубежных инвестиций в форме концессий. Конечно, на фоне лозунгов об исторической обречённости капиталистического строя это выглядело довольно странно, но общая неопределённость брала своё. Причём первым, кто публично и в полный голос заговорил о взаимодействии с Западом, стал Ленин. Этот сюжет хорошо освещён в литературе³, хотя одно важное обстоятельство нередко упускается из виду. Вождь рассчитывал на сотрудничество с иностранным капиталом, с зарубежными акционерами предприятий, находившихся на территории России. Этим бывшим собственникам предполагалось передать на длительный срок ранее принадлежавшие им заводы и фабрики — под обязательство запустить производство, привлечь финансирование и новые технологии. Вместе с тем о выдаче концессий на таких же условиях бывшим российским владельцам активов речи не шло. Как замечал Л.Д. Каменев, «русские капиталисты сейчас же будут добиваться власти; иностранные капиталисты безопаснее, они будут добиваться только дивиденда»⁴. Такой

¹ Лемке М. 250 дней в ставке. Пг., 1920. С. 87.

² ГАРФ. Ф. 102.00. 1916. Д. 347. Л. 67об.

³ Хромов С.С. Леонид Красин. Неизвестные страницы биографии. 1920–19126 годы. М., 2002; Шишкин В.А. «Полоса признаний» и внешнеэкономическая политика СССР. М., 1983.

⁴ В.А. Маклаков — В.В. Шульгину. 5 апреля 1921 года // Спор о России: В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка. 1919–1939 годы / Публ., вступит. ст. и примеч. О.В. Будницкого. М., 2012. С. 66.

экономической тактики и придерживалось советское государство — это подтверждают наставления, которые давал Ленин своим эмиссарам в Европу. Одним из таких посланцев стал известный профессор В.Н. Ипатьев, игравший заметную роль в госструктурах царской России во время Первой мировой войны. Он слыл убеждённым сторонником западного капитала в восстановлении экономики, активно использовал термин «реституция»¹. Ипатьев вспоминал, что Ленин ориентировал его на контакты именно с иностранными предпринимателями, которых предлагал заинтересовать прежде всего индустрией Донбасса, ранее находившейся в их руках².

Привлечение западной буржуазии в страну Советов страстно пропагандировал Троцкий; предлагал он и теоретическое обоснование этой идеи. Русский капитализм не развился до серьёзного уровня: его характеризует как передовая индустрия, созданная преимущественно иностранцами, так и отсталое полупатриархальное ремесло. Экономическая инфраструктура, доставшаяся в наследство от царизма, актуализирует взаимодействие прежде всего с иностранными предпринимательскими кругами³. А вот русская буржуазия не в состоянии быть полноценным субъектом модернизации. В концессиях Троцкий видел несомненную экономическую выгоду. В апреле 1924 года выступая на Бакинском совете, Троцкий заявил, что технико-экономический прыжок невозможно осуществить без помощи иностранного капитала; надо лишь сократить его присутствие по сравнению с довоенным уровнем⁴. Будучи в оппозиции, Троцкий продолжал настаивать на расширении иностранных концессий, даже предлагал допустить для работы в СССР зарубежные банки⁵. Тех же мыслей придерживался и Зиновьев: «Ошибается трижды тот... который думает, что мы от серьёзных сделок с иностранным капиталом отвернёмся только потому, что мы — коммунисты. Мы не отказываемся торговать, давать концессии, мы не отказываемся от известных обязательств.

¹ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Нью-Йорк, 1945. Т. 2. С. 176–177.

² Там же. С. 183.

³ Троцкий Л.Д. Об особенностях исторического развития России // Правда. 1922. 2 июля.

⁴ Троцкий в Бакинском совете // Правда. 1924. 16 апреля.

⁵ Троцкий за уступки капиталу // Возрождение. 1926. 12 февраля.

Но мы требуем, чтобы они с нами разговаривали не как с колонией или полуколонией»¹. На XIII съезде РКП(б) Зиновьев сказал: концессионные договоры подтягивают работу наших хозяйственных органов. Он призвал работать лучше и привёл в пример успешные концессии, выданные зарубежным фирмам². К.Б. Радек тоже излучал энтузиазм по поводу иностранного капитала. Находясь в Берлине, он назвал курс советского руководства логичным продолжением политики царских министров финансов И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте³. Русские промышленники тоже пытались принять участие в восстановлении промышленности страны. Например, бывший министр Временного правительства М.И. Терещенко сделал предложение по сахарным заводам, ранее принадлежавшим его семье⁴. Подобные инициативы неизменно встречали категорический отказ, хотя тут же раздавались призывы к французским грантам вкладывать в Россию: мол, её обширные ресурсы послужат гарантией инвестиций. При этом добавлялось, что если бы Колчак или Врангель оказались победителями, то они также были бы вынуждены просить о помощи⁵.

---

¹ Доклад Зиновьева на заседании Ленинградского совета рабочих и крестьянских депутатов. 8 апреля 1924 года // Правда. 1924. 15 апреля.

² Выступление Г.Е. Зиновьева // XIII съезд РКП(б). Стенографический отчёт. 23–31 мая 1924 года. М., 1924. С. 72.

³ Большевики и буржуазия // Последние новости. 1922. 16 марта.

⁴ Бутковский В. Иностранные концессии в народное хозяйство СССР. М.; Л., 1928. С. 35–36.

⁵ Перед конференцией в Генуе // Последние новости. 1922. 10 февраля.

Глава девятая

«БАНКОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Со второй половины XIX века Российская империя встала на буржуазные рельсы, ориентируясь на опыт развитых держав. Однако западная буржуазная модель никогда не была однородной, и отличия англосаксонского капитализма от континентального чётко зафиксированы в литературе. Правда, это обстоятельство никоим образом не затрагивало общего рыночного вектора; дело было лишь в нюансах, связанных с особенностями того или иного субъекта экономики: где-то более серьёзную роль играли банки, где-то — промышленность. О наличии мощного банковского сектора как свидетельства капиталистической зрелости писал немец Р. Гильфердинг, издавший в начале XX столетия известный труд под названием «Финансовый капитал»¹, а также американский историк А. Гершенкрон, в 1960-х годах ожививший эту идею. Их оппоненты, напротив, делали акцент на промышленность. Например, в Англии, переживавшей индустриальный подъём, разнообразные компании опирались на рыночную среду, а банки их обслуживали.

Пожалуй, наиболее системно эти отличия описал Гершенкрон. Он рассматривал континентальный способ финансирования промышленности как особый механизм индустриализации экономически более отсталых стран. Ключевая роль отводилось здесь своего рода «насильственному» накоплению, которое стало возможным за счёт создания денежной массы посредством банковских структур². Но эта особенность, по убеждению учёного, име-

---

¹ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. М., 1959.

² Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015. С. 71.

ла не принципиальный, а чисто технический характер. И с начала XX века ситуация меняется: по мере укрепления промышленных предприятий банки теряют своё доминирующее положение. Взаимоотношения по схеме «господин — слуга» уступают место равноправному союзу, а в некоторых случаях преобладающее влияние получают промышленные предприятия. Процесс освобождения индустрии от опеки банков протекал очень по-разному¹.

Все эти наблюдения Гершенкрона следует признать абсолютно справедливыми относительно Европы. Однако когда учёный пытается подогнать под свою схему российский капитализм, его выводы не кажутся столь же убедительными. Рассуждение начинается с верного замечания: индустриализация в России имела «совершенно иной характер, чем, скажем, индустриализация в Германии или Австрии благодаря участию в этом процессе государства»². Подобное наблюдалось в развитых странах лишь на начальных этапах буржуазного строительства. Но в России предпринимательские импульсы были гораздо слабее, чем в Европе, а это вело к хроническому недостатку капиталов. Их дефицит достигал такой степени, что никакая банковская система не смогла бы обеспечить финансами широкую индустриализацию. Поэтому то, что в других странах осуществлялось посредством рычагов свободного рынка (в промышленной ли, банковской ли форме), в российских условиях делало правительство³.

И в этих условиях востребованными оказались такие механизмы, которые присущи глубоко отсталым странам, каковой считалась Россия. Это обстоятельство Гершенкрон оценивал как объективное, но с подчёркнуто негативным оттенком. Он утверждал: «Государство в качестве движущей силы индустриализации не смогло хоть сколько-нибудь эффективно выполнить свою миссию»⁴. Вот если эту функцию реализуют частные финансовые структуры — тогда совсем другое дело. Например, экономическую активность германских банков, которые смогли восполнить недостаточный объём накопленного ранее капитала, он приравни-

---

¹ Там же. С. 79–80.

² Там же. С. 76.

³ Там же. С. 157.

⁴ Там же. С. 78.

вал к эффекту от создания парового двигателя¹. Когда же «на сцену выходит» имперская бюрократия в лице Министерства финансов, то преобразования «вязнут» из-за её вопиющей некомпетентности и, естественно, реакционности. Такая особенность нашего экономического развития, по Гершенкрону, отразилась на формировании банков: по существу, это были депозитные структуры (здесь он проводил прямую параллель с английской банковской системой). Но быстрый рост промышленности и накопления капиталов трансформировал бизнес. Петербургские банки (которые начинали походить на германские) приобретали более весомое инвестиционное значение, чем московские с их депозитной природой. Это в свою очередь вело к тому, что государство гораздо меньше вмешивалось в развитие экономики, а место чиновников занимали частные банки. Результат не заставил себя ждать: в течение десятилетия перед Первой мировой войной Россия пережила мощный промышленный рост².

На примере петербургских банков Гершенкрон подводит нас к знакомому заключению: экономический прогресс как таковой возможен, только если бизнес избавлен от пагубной бюрократической опеки. Собственно, это и есть альфа и омега всех либеральных рассуждений; а споры об уровне развития, достигнутого капитализмом в дореволюционной России, принципиально ничего не меняют. И схема А. Гершенкрона мало чем отличается от схемы его критика П. Грегори. Гершенкрон утверждает: государство взяло на себя столько несвойственных ему рыночных функций, что о рынке в обычном смысле этого термина даже говорить не приходится. Тем не менее внутренние силы местного бизнеса — как нигде, задавленного бюрократией — пробиваются, и страна пусть ещё неуверенно, но всё же выходит на столбовую дорожку классического капитализма. В том, что России необходимо идти в этом направлении, не сомневается и Грегори; более того, в его понимании, она уже давно продвигается по буржуазному пути³. В доказательство учёный анализирует всевозможные статистические дан-

---

¹ Там же. С. 260.

² Там же. С. 80.

³ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX века). М., 2003.

ные, которые свидетельствуют о прогрессе в различных отраслях, однако не разъясняет, кто же является двигателем этого прогресса. Не разъясняет потому, что ответ кажется ему очевидным: двигатель прогресса — тот самый российский бизнес.

Отечественная историография, тоже внимательно изучавшая российские буржуазные реалии, не очень далеко ушла от оценок, представленных в зарубежной литературе и широко разрекламированных в постсоветское время. Одни учёные обращали внимание на петербургские банки, явившиеся плодом финансового капитала¹. Другие — на московскую промышленность, по отношению к которой местные банки с самого начала играли подчинённую роль². Не вдаваясь в подробности дискуссий, заметим, что все они оставались в одних тех же рамках — банки / промышленность. Состояние российского капитализма, его перспективы и т.д. рассматривались исключительно в таком контексте. При этом из поля зрения учёных, убеждённых в высоком уровне буржуазного развития России, напрочь выпадала бюрократия. О бюрократии, напротив, были вынуждены говорить те историки, которые скептически относились к российскому капитализму: по их мнению, она поддерживала деловые начинания, поскольку бизнес-состоятельность оставляла желать лучшего. Правда, роль государства и в данном случае оценивалась лишь как подспорье предпринимательству, которому, несмотря ни на что, всё же нельзя отказать в некой самодостаточности³. Здесь сказалась свойственная советской науке «генетическая» нерасположенность к бюрократической элите империи. Таким образом, приверженцы как одной, так и другой точки зрения не учитывали, пожалуй, главного: осмысление природы российского капитализма в привычных координатах — банки / промышленность — невозможно, и высшую бюрократию, а точнее, её часть необходимо ввести в исследовательское «поле» как полноценный субъект модернизации. Такой подход не приветствуется в западной литературе с ее приматом свободного рынка и вытекающими отсюда обстоятельствами.

¹ Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки. Из истории финансового капитала в России. М., 1948.

² Петров Ю. А. Коммерческие банки Москвы. Конец XIX века — 1914 год. М., 1998.

³ Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (конец XIX — начала XX века). М., 1997. С. 213.

Чтобы лучше воспринять эту мысль, не следует прикладывать к российскому капитализму исключительно западные мерки. В научном смысле гораздо продуктивнее обратиться к современному нам Китаю, где именно высшая бюрократия (и никто другой) стала автором реформаторского курса, преобразившего страну. В экспертных кругах этот факт сегодня мало кем оспаривается. Изучение китайских реалий начинают с бюрократических верхов, воздействующих на хозяйственную среду. Едва ли серьёзный синолог, анализируя какие-либо аспекты экономики Китая, ограничится действующими корпорациями, банками или проигнорирует партийно-государственную элиту, то есть того, кто определяет всю бизнес-стратегию Поднебесной. И наработки Гершенкрона в данном случае мало чем могут помочь. Совершенно очевидно: мы имеем дело с иной моделью выхода из отсталого, патриархального хозяйства; двигатель здесь — бюрократическая элита, а не «всемогущая рука рынка», действующая то через промышленность, то через банки. Вот с этих-то позиций и следовало бы изучать экономику России конца XIX — начала XX века. Однако сейчас подавляющее большинство историков интересуются фирмами, банками, отдельными коммерсантами как субъектами рыночной модернизации, а о царской бюрократии заговаривают лишь для того, чтобы оттенить какой-либо негатив. В результате изучение дореволюционных реалий перевёрнуто буквально с ног на голову. Предвидим возражение: дескать, мы не Китай, и всё это для нас не показатель. Тем более что китайский опыт, в понимании многих, — это просто некое временное отклонение от западных политико-экономических стандартов. Зачем же соотносить нынешнее экономическое устройство Китая с нашей дореволюционной практикой? Привычнее и (признаемся) проще продолжать мерить Россию по западным лекалам.

Если это возражение и правомерно, то никак не в отношении последних двух десятилетий империи. В то время происходил перезапуск модернизационного проекта 1860–1870-х годов — уже на основе разработок немецкой исторической школы. И этот перезапуск в исполнении российской бюрократии весьма напоминает происходящее в современном Китае. Разумеется, ещё полвека назад западные и советские учёные не имели возможности использовать эту аналогию: Поднебесная представляла тогда собой край-

не унылое зрелище. Зато сейчас, когда многое относительно КНР становится очевидным, такое сопоставление позволяет по-новому понять, как мыслился прогресс Российской империи на её последнем и самом интересном этапе. Принято считать, что прогресс в стране блокировала бюрократия, после реформ Александра II сбившаяся с верного курса и утратившая способность воспринимать какой-либо конструктив. В этих условиях долгожданный буржуазный источник забил снизу, как и полагается по канонам либерализма. Описание этого процесса породило настоящий историографический ажиотаж — он-то и не позволяет увидеть проект, выдвинутый финансово-экономической бюрократией при Николае II¹. Суть этого модернизационного проекта — экономическое переформатирование, утверждение новой модели развития с чётко выраженной опорой на банковский сектор. Однако вовсе не по германскому образцу, как это может показаться на первый взгляд и в чём убеждены многие.

Чтобы разобраться в этом, нужно вспомнить, как создавались частные российские банки — детище министра финансов М.Х. Рейтерна. Возникшая банковская система наряду с железнодорожными обществами (о чём говорилось во второй главе) также оказалась далека от задуманного. Как и в путевом хозяйстве, здесь всё начиналось довольно туго; желающих трудиться на финансовой ниве оказалось немного, поэтому инициативу проявило государство. Первый частный банк появился в Петербурге в 1864 году благодаря личным усилиям Рейтерна². Казна выкупила акции создаваемого учреждения на 1 млн рублей с обязательством хранить бумаги в течение 10 лет и отказалась на тот же срок от получения прибыли в пользу других акционеров. За все эти льготы правительство оставило лишь право назначить одного своего представителя в правление. Ещё на 1 млн рублей акций из пятимиллионного уставного капитала, по просьбе управляющего Госбанком

---

¹ Несомненно, это препятствие куда более значимо, чем восторги вокруг фигуры Витте, о котором шла речь в первой главе. Последний, напомним, не мыслил иной модели развития, кроме как сверху, с настойчивостью выставляя себя её создателем, хотя запускалась она до его вхождения в правительство и продолжалась после того, как он покинул властный олимп.

² Высочайше утвержденный устав Петербургского частного коммерческого банка. 28 июля 1864 года // ПСЗ-2. № 41122. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. С. 664–668.

барона А.Л. Штиглица, приобрели иностранные дельцы¹. Аналогичная ситуация складывалась и с учреждением Московского купеческого банка, открывшегося спустя два года². Купеческие круги с подозрением и недоверием отнеслись к новой для них затее. Они опасались, что это неблагосклонно воспримут в столице, что будет нанесён вред важному тарифному делу и т.д. Из 113 человек, проявивших поначалу интерес, половина предпочла отказаться, а другие же уменьшили сумму своего участия³. В результате вместо 2 млн уставного капитала удалось собрать лишь 1 млн 250 тыс. рублей⁴. Большие трудности вызвало и создание обществ взаимного кредитования. Товарищ управляющего Госбанком Е.И. Ламанский вспоминал, как распространял брошюры, выступал с лекциями в Петербургской городской думе, дабы ознакомить деловые круги с принципами работы этих обществ, рассеять недоверие к ним⁵.

Однако, как и в ситуации с железнодорожной эпопеей, многие вскоре поняли, что правительство, поощряя банковское дело, открывает новые коммерческие горизонты, которые сулят небывалое обогащение. Ценные бумаги появившихся коммерческих банков начинают пользоваться огромным спросом. Так, подписка на акции Петербургского международного банка, учреждённого в июле 1869 года с уставным капиталом в 1 млн 200 тыс. рублей, за три дня собрала заявок на сумму 350 млн⁶. Не отставала и Москва. К примеру, подписка на организованный в сентябре 1871 года Московский промышленный банк превысила предложение в 162 раза, т.е. на уставной капитал в размере 1 млн рублей было заявлено 162 млн⁷. Пресса предупреждала: подобное «может приводить в восторг и упое-

---

¹ Бабст И.К. Наше банковское дело (Письмо 3) // Русские ведомости. 1873. 11 сентября.

² Высочайше утвержденный устав Московского купеческого банка. 1 июня 1866 года // ПСЗ-2. № 43360. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. С. 613–622.

³ Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (конец XIX — начало XX века). С. 270.

⁴ Бабст И.К. Наше банковское дело (Письмо 3) // Русские ведомости. 1873. 11 сентября.

⁵ Ламанский Е.И. Воспоминания. 1840–1890 годы. Пенза, 1995. С. 105–106.

⁶ Гейлер И.К. Сборник сведений о процентных бумагах России. СПб., 1871. С. XLVII.

⁷ Передовая // Русские ведомости. 1871. 11 сентября.

ние или лиц, совершенно ничего не понимающих, что такое подписка, или же лиц, искушённых в биржевой игре»¹. Заручившись искусственно разогретым спросом, дельцы приступят к игре, постепенно и умело сбывая добродушной публике акции по высокому курсу, в чём, собственно, и состоял спекулятивный интерес. По поводу сомнительности банковских комбинаций то и дело звучали предостережения², их никто не слышал, и ажиотаж стремительно нарастал. За Московским промышленным банком в Первопрестольной учредили ещё один — Торговый банк. Подписка на него побила все предыдущие рекорды, в 483 раза превысив номинал³. Возникавшие банковские структуры погружались в биржевые манипуляции по обиранию карманов вкладчиков, забывая о тех благих целях, которые декларировались изначально. Петербургский частный банк — родоначальник частного банкинга — до того увлёкся различными спекулятивными комбинациями в ущерб обычным учётным операциям, что в 1873 году власти были вынуждены приостановить его деятельность⁴. Даже почтенное Московское общество взаимного кредита, возникшее чуть ранее, кинулось исправлять утверждённый устав, дабы освободиться от стесняющих правил, предусмотренных для кредитных учреждений этого типа. Администрация Общества кредита вкупе с учредителями боролась большей частью не за отечественную промышленность, а за казну Московской городской думы, правдами и неправдами добиваясь её перевода к себе из Купеческого банка⁵.

Если в 1864–1869 годах было образовано всего шесть акционерных коммерческих банков, то за один 1870 год появились ещё шесть, в 1871-м — 10, в 1872-м — 12 и в 1873 году — 6. То есть всего за четыре года российская банковская система выросла до 30–40 финансовых структур⁶. Банковский ажиотаж тех лет оставил

¹ Там же.

² Передовая // Русские ведомости. 1871. 12 сентября.

³ *Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007. С. 220.

⁴ Частный коммерческий банк // Биржа и русская промышленность. 1915. № 14. С. 3–4.

⁵ Передовая // Русские ведомости. 1871. 12 ноября.

⁶ *Саломатина С.А.* Формирование системы акционерных коммерческих банков в 60-х — первой половине 70-х годов XIX века // Экономическая история.

позади даже железнодорожный¹. Как следует из материалов, русское купечество — вопреки уверениям его современных почитателей — не пренебрегало биржевыми спекуляциями. Кстати, громкие финансовые банкротства произошли именно в Москве, где Коммерческий ссудный и Промышленный банки увязли в комбинациях железнодорожных королей С.С. Полякова и П.И. Губонина. Правда, купеческая элита предусмотрительно дистанцировалась от этих крахов, списав всё на неумелых дворянских предпринимателей. По справедливости же говоря, Москва вполне разделяет с Петербургом пальму первенства в бушевавшей «банковской эпидемии» начала 1870-х, внеся в неё достойную лепту².

Можно сказать, что в этот период наше славное купечество стало иным. В дореформенное время оно сторонилось биржи, помещавшейся на «крыльце Гостиного двора, а предприятия работали, не думая о понижении или повышении курса облигаций»³, теперь же всё кардинально изменилось. Размах спекулятивных операций приобрёл такой размах, что кроме биржи на Ильинке, с трудом справлявшейся с наплывом публики, образовалась так называемая «малая» в ресторане Дюссо (в принадлежавшем купцу Хлудову особняке), быстро набравшая обороты⁴. Московские торговцы и фабриканты, вкусив прелести биржевых технологий, распространили их и на манипуляции с промышленными товарами. Их цены всё меньше учитывали реальную стоимость. Целью становился сбыт товара «при той или другой ловкой подстроенной махинации», торговля стала походить на азартную игру⁵. «Реформы Александра II

Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 382–383.

¹ Лизунов П.В. Петербургская биржа и её хозяева // Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 83. Проводимые подписки на акции железнодорожных обществ были скромнее, чем на акции банков. К примеру, подписка на Привислинскую железную дорогу превысила номинал в 173 раза, а на Уральскую линию — в 65 раз. См.: Передовая // Русские ведомости. 1874. 17 апреля.

² Д.Д. Наши бумажные ценности. СПб., 1870. С. 5; Передовая // Русские ведомости. 1871. 4 ноября.

³ Вести из Москвы // Московский телеграф. 1831. Ч. XXXIII. С. 396.

⁴ Никифоров Д. Москва в царствование Александра II. Воспоминания. М., 2013. С. 184–185.

⁵ Передовая // Русские ведомости. 1874. 22 мая.

взбаламутили то, что лежало под спудом, и дали простор гнусным инстинктам, издавна развившимся в обществе»¹.

Естественно, биржевая вакханалия делала излишним участие правительства в банковских делах. Акционеры кредитных учреждений не обращались в Минфин за поддержкой в составлении капитала. Казалось бы, желание Рейтерна — дать импульс частной инициативе — исполнилось. Однако положение вещей в российской банковской системе не могло не тревожить. Ряд членов Госсовета в мае 1872 года убедили Александра II ввести мораторий на регистрацию новых банков в обеих столицах и ужесточить контроль за уже действующими. Вводился типовой банковский устав, устанавливались общие правила ведения операций, обязательная публичная отчётность². Экстренные меры мотивировались необходимостью хоть как-то сбить нездоровый ажиотаж, который мог привести к крайне печальным последствиям для экономики. Удивительно, но даже после этого Рейтерн продолжал лоббировать интересы дельцов. В частности, в апреле 1873 года вопреки принятому решению и сопротивлению Госсовета он сумел подписать у императора устав Центрального банка русского поземельного кредита, учреждённый банкирами А. Френкелем и Л. Розенталем³. Но в дальнейшем сторонникам моратория сопутствовал успех: запрет на создание банков действовал в течение десяти лет. Его снял лишь новый глава Минфина Н.Х. Бунге, одновременно ужесточив правительственный контроль⁴. Поэтому никакого всплеска учредительства, даже близко напоминающего конец 1860-х — начало 1870-х годов, уже не наблюдалось. Костяк кредитных учреждений оставался прежним, а открытию новых предшествовала тщательная проверка. В течение следующего десятилетия после отмены

¹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896 годы // В кн.: За кулисами политики. 1848–1914 годы. М., 2001. С. 197.

² Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об учреждении частных кредитных установлений». 31 мая 1872 года // ПСЗ-2. № 50913. Т. XLVII. Отд. 1. СПб., 1875. С. 757–758.

³ Перипетии борьбы за учреждение этого банка см., РГИА. Ф. 1152. Оп. 8 (1873). Д. 108.

⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об изменении и дополнении существующих ныне правил относительно открытия новых акционерных коммерческих банков». 5 апреля 1883 года // ПСЗ-3. № 1484. Т. 3. СПб., 1886. С. 105–106.

моратория на банковское учредительство начать работу смогли только три новые структуры.

Ядро стабилизовавшейся банковской системы составили петербургские и московские банки. Первые отличались заметным участием иностранных деловых кругов, близостью к правительственным сферам; вторые же больше опирались на внутрироссийские ресурсы. Эти обстоятельства достаточно полно описаны в литературе. Однако нас интересует взгляд на частные банки с точки зрения владения и управления ими. В этом смысле банковская среда вплоть до конца XIX столетия выглядела однородной. Типичными действующими лицами в ней были учредители — владельцы крупных фирм, банковских и торговых домов, представители знатных фамилий и т.д., а также их доверенные. К примеру, в старейшем Петербургском частном банке с момента основания первую скрипку неизменно играло видное столичное купечество: председатель биржевого комитета Петербурга Е.И. Бранд, Г.П. Елисеев, возглавивший правление с 1875 года, а с начала 1880-х — его сын. Тогда даже говорили, что банк «походил на контору братьев Елисеевых»: у этого семейства находилось около половины его акций¹. В Петербургском международном банке, превратившемся к концу столетия в крупнейший, с самого начала заправляли иностранные предприниматели и аристократы. Председателем правления здесь в течение почти двадцати лет был В.А. Ляский — совладелец банкирского дома барона С.А. Френкеля в Варшаве; затем его сменил крупный делец А.Ю. Ротштейн, вошедший в состав акционеров². Главой совета банка был Н.Н. Анциферов, ранее заведовавший конторой по управлению имуществами графов Строгановых. В 1876 году Анциферов, сменивший в этом качестве Ф.П. Родоканаки, вместе с группой лиц представлял интересы знаменитого аристократического семейства, которое владело наиболее крупным пакетом акций³.

В Русском торгово-промышленном банке после пертурбаций закрепилось семейство фон Дервизов, обогатившихся на желез-

¹ Скальковский К.Л. Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890. С. 172.

² Лебедев С.К. Санкт-Петербургский международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003. С. 66–68.

³ Там же. С. 55–56.

нодорожном строительстве. Являясь основными владельцами, они, по сути, вершили всю политику и распоряжались наличностью, но не занимали при этом каких-либо руководящих должностей: современники считали банк игрушкой в их руках¹. В Петербургском учётно-ссудном банке также хозяйничали крупные предприниматели: хлеботорговец Н.М. Полежаев, фабрикант И.А. Варгунин, один из братьев Елисеевых, банкиры и торговцы Гинцбург и др. Директорские функции исполнял А.И. Зак, начинавший главным бухгалтером банкирского дома Гинцбургов². В Волжско-Камском коммерческом банке, расположенном в столице, бразды правления держали семьи Кокоревых и Мухиных.

У московских банков сложилась абсолютно аналогичная структура собственности и управления. Хрестоматийный пример — Московский купеческий банк, где хозяйничали текстильные тузы. В Торговом банке укрепилось семейство Найдёновых, глава которого в течение двадцати пяти лет председательствовал в Московском биржевом комитете. Учётный банк изначально являлся вотчиной фирмы «Вогау», а затем «Кноп»: руководящие должности в нём занимали их доверенные лица. На общих собраниях акционеров из присутствовавших 50–55 членов реальную силу представляли около 15 человек (А.И. Абрикосов, С.И. Сазиков и др.), тесно связанных с Кнопами и Вогау.³ На банковском ландшафте выделялся и ряд провинциальных структур. Например, Азово-Донской банк, учреждённый несколькими еврейскими и греческими бизнесменами в Таганроге: Я.С. Поляковым (братом железнодорожного короля С.С. Полякова), банкирами Л.Ю. Розенталем, Ф.П. Родоканаки, крупными одесским торговцами М. Вальяно, И. Скарамангой⁴. Что касается самого С.С. Полякова, то ему к концу XIX века удалось создать обширную финансовую империю, которая включала восемь банков, расположенных в Москве, Орле, Рязани.

---

¹ Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. М., 2010. С. 316–317.

² Ананьин Б.В. Банкирские дома в России. 1860–1914 год. Л. 1991. С. 41.

³ Бовыкин В.И., Петров Ю.А. Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 226–228.

⁴ Морозан В.В. Деловая жизнь на юге России (XIX — начало XX века). СПб., 2014. С. 317.

Суммируя сказанное, можно утверждать: банковская система России имела типично олигархический характер. Она была неразрывно связана с участниками железнодорожной горячки 1860–1870-х годов и во многом являлась их детищем. И это давно отмечено историографией. Но вот что, по нашему мнению, практически выпало из поля зрения, так это те изменения в банковском секторе, которые начали происходить в начале XX столетия. Тогда как именно они и представляли собой ключевой элемент курса, проводимого финансовой бюрократией для перелицовки экономического пространства страны. Сложившаяся к тому времени российская олигархия — по большому счёту продукт либеральных экспериментов Рейтерна — едва ли могла адекватно реагировать на надвигающиеся вызовы. Она умела лишь обогащаться, к России же относилась как к объекту расхищения, а не модернизации. Назрела потребность вытеснить олигархов с лидирующих позиций и запустить преобразования уже под государственным контролем. Решать эту задачу планировалось через широкую банковскую экспансию в отечественную экономику.

Так на повестке дня встал вопрос о перестроении банковского поля, благо разразившийся кризис 1899–1902 годов, обнаживший изъяны олигархического управления, создавал для этого дополнительные возможности. Вытеснение собственников из банковской сферы происходило не так, как в железнодорожной отрасли. Там это происходило посредством выкупа рельсовой сети казной; старые концессии постепенно ликвидировались либо заменялись новыми, со значительно изменёнными уставами; крупные, ничем не обоснованные заработки и выплата бонусов прекращались, и таким образом эпоха «железнодорожных тузов» отходила в область преданий¹. Уже к концу XIX века государство сосредоточило в своих руках свыше двух третей линий (общей протяжённостью 51 тысяча вёрст)². В банковской же системе о прямом вхождении государства в акционерный капитал речи не велось. Проводником влияния становилась непосредственно адми-

¹ Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. М., 1999. С. 32.

² Погребинский А.П. Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма // Исторические записки. Т. 47. М., 1954. С. 175–176.

нистрация банков, рекрутируемая главным образом из представителей Минфина и Минюста, по роду своей деятельности тесно соприкасавшихся с многообразной экономической средой. В литературе этот процесс представлен как выход на первые роли нового поколения предпринимателей, гораздо более тесно связанного с государством, чем прежде, и больше опиравшегося на банки¹.

Однако дело здесь не просто в смене декораций. Вышедший непосредственно из бюрократии топ-менеджмент не воспроизводил прежние олигархические практики, а выступал в роли проводника правительственной политики, действуя сообразно с государственным, а не узкочастным интересом. Банковская перенастройка подразумевала кардинальные изменения во владении и управлении, которые и стартовали с начала XX века.

Начнём с крупнейшего на тот момент Петербургского международного банка. В 1901 году туда направляется проверка, инициированная Министерством финансов. Её возглавляет товарищ прокурора Петербургской судебной палаты С.С. Хрулёв — известный специалист по гражданскому праву, автор книги «Наш ипотечный кредит», прекрасный оратор и знаток права, причём живший исключительно на жалованье². По окончании ревизии, когда была разобрана весьма запутанная внутренняя «кухня» этого кредитного учреждения, Хрулёв назначается председателем совета. На ключевую позицию директора-распорядителя приходит чиновник Минфина, вице-директор кредитной канцелярии А.И. Вышнеградский, сын бывшего министра финансов. (Заметим, что отец не способствовал карьере сына, поскольку, ещё будучи при должности, порвал с ним все отношения: тот женился не так, как планировал Вышнеградский-старший, страстно желавший породниться с каким-либо аристократическим семейством.)³ В 1904 году после кончины Ротштейна (прежнего директора и крупного акционера), погрязшего в массе злоупотреблений, А.И. Вышнеградский занимает его место. После того как он вместе с Хрулёвым освоился в бан-

¹ Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма: ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2. С. 69; Беляев С.Г. Петербургские банкиры в начале XX века // Из глубины времен. 1996. № 5. С. 7.

² Кафафов К.Д. Воспоминания о служебной деятельности и личных переживаниях (1888–1920 годы) // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 390. Л. 56–57, 86.

³ Дневник Т.И. Филиппова // РГИА. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

ке, представители аристократии и крупных собственников оттесняются на вторые роли и далее. Хозяином положения становится правление, где ключевые должности занимают ставленники правительства; по подсчётам специалистов, они контролировали около 30 % акций¹. Что касается безраздельного хозяйничанья в Петербургском международном банке немцев, в чём была убеждена советская довоенная историография, то об этом красноречиво свидетельствует такой факт. Германские акционеры при выпуске новых акций в течение года (т.е. в последнюю очередь) обменивали временные свидетельства на подлинные бумаги, из-за чего с большим опозданием могли запускать их в биржевой оборот².

То же самое происходит и в других питерских кредитных организациях. У руля Учётно-ссудного банка оказывается Я.И. Утин, который свыше двадцати лет отдал службе в Министерстве юстиции, а также был товарищем прокурора Петербургского окружного суда. В 1903 году на посту председателя правления он сменяет олигархического ставленника Д.И. Петрокино, после чего влияние прежних собственников резко идёт на убыль, а реальная власть оказывается у менеджмента. Интересная деталь: под началом Утина начинал государственную карьеру министр финансов, премьер В.Н. Коковцов, который всегда с теплотой вспоминал об этом. Всю жизнь (до смерти Утина в 1916 году) они не прерывали дружеских отношений³. Добавим, что Учётно-ссудный банк именно с «воцарением» Утина стал постоянным местом для неформальных встреч столичного финансового сообщества, где обсуждались разнообразнейшие текущие вопросы. Его глава пользовался большим авторитетом, а его юбилеи становились крупными событиями, которые всегда посещало Минфиновское чиновничество⁴. Из Русского торгово-промышленного банка были удалены ключевые владельцы фон Дервизы и их менеджмент. Бразды управления передаются П.А. Корсакову (ум. в 1908 году), за плечами которого многолетняя государственная служба в Сенате, в казначействе (ещё

¹ Бовыкин В.И. Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны. М., 2001. С. 166.

² Банковская хроника // Банки и биржа. 1914. № 23. С. 14.

³ Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний: из моего детства и лицейской поры. М., 2011. С. 207.

⁴ Чествование Утина // Утро России. 1910. 24 апреля.

по приглашению Н.Х. Бунге), в Тверской казённой палате. Корсаков пользовался большим уважением в финансовой среде, заметно оздоровил ситуацию в банке¹. Ему в помощь из банкирского дома Warschawer приходит никак не связанный с прежними акционерами И.М. Кон², а ему на смену — глава Госбанка А.В. Коншин.

Банковские преобразования набирали силу, становясь своего рода трендом финансового мира. В Петербургском частном банке, попавшем во время кризиса в сложное положение, новый управленческий формат был запущен не с первой попытки. За дело брался и бывший товарищ министра финансов В.И. Ковалевский, и другие деятели. Действительно, ни одному кредитному учреждению не приходилось переживать таких трудностей: в Петербурге вместо «частного» его даже стали именовать «злочастным»³. Ожила эта старейшая финансовая структура лишь в начале 1909 года, когда из Санкт-Петербургского международного банка туда перешёл А.А. Давидов. До этого он работал в кредитной канцелярии, был дружен с С.И. Тимашевым, впоследствии главой Госбанка. Для Петербургского частного банка был разработан план, поддержанный Минфином, с привлечением французских партнёров, в три раза увеличен акционерный капитал.

Всю политику в ещё одной крупной финансовой структуре — Русском банке для внешней торговли тоже начали вершить бывшие высокопоставленные чиновники: В.И. Тимирязев — многолетний сотрудник Министерства финансов, министр торговли и промышленности, член Госсовета, и Л.Ф. Давыдов — бывший начальник кредитной канцелярии. В устав банка на протяжении целого ряда лет вносились изменения, неуклонно расширяющие права правления⁴.

Из Сибирского торгового банка выходят видные предприниматели П.П. Дурново, Г.Е. Гинцбург, Л.М. Розенталь, а сам банк

---

¹ По поводу ликвидности наших банков // Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 8. С. 3.

² Русский торгово-промышленный банк (к характеристике деятельности) // Коммерсант. 1914. 8 ноября.

³ Дела Петербургского частного коммерческого банка // Финансовое обозрение. 1916. № 8. С. 4.

⁴ Общие собрания (Русский для внешней промышленности банк) // Банки и биржа. 1914. № 13. С. 10.

в 1899 году переезжает из Екатеринбурга в Петербург. Тут помогли связи собственника М.А. Соловейчика, а точнее, его дружба с однокашниками по столичному университету Путиловым и Вышнеградским¹. Кроме того, сюда направляются опытные кадры бюрократического происхождения: например, Э.К. Груббе служил директором Учётно-ссудного банка Персии — фактически филиала Госбанка, а также управляющим Петербургской конторой Госбанка. Как опытный финансист с высокой репутацией, он возглавил правление Сибирского торгового банка. Внутренний конфликт Соловейчика с родственниками за влияние в банке оканчивается в его пользу, а правление пополняется перешедшим с поста директора одного из департаментов Минфина, В.В. Андреевым² и А.А. Лопухиным, бывшим директором департамента полиции МВД³.

Реорганизации подверглась и банковская империя Поляковых: на базе трёх структур усилиями правительства возник Соединённый банк, расположившийся в Москве. Причём интерес к этому предприятию проявлял клан Рябушинских, собиравшихся развивать своё банкирское дело. Однако им навстречу не пошли, поскольку в этом случае одно олигархическое семейство просто заменило бы другое, что явно не входило в планы властей. В результате на обломках поляковских структур возник новый банк, фактически подконтрольный Минфину; треть акций находилась во владении Госбанка. Новое правление возглавил чиновник по особым поручениям министра В.С. Татищев вместе с коллегами по ведомству; они в свою очередь привлекли французских инвесторов. Выбор главой банка Татищева не выглядел случайным: он являлся представителем Минфина в Харьковском земельном банке, оказавшемся в сложном положении из-за махинаций прежних собственников. Во многом благодаря ему, а не Рябушинским, как считают некоторые, это учреждение смогло встать на ноги⁴. Опыт Татищева оказался востребован-

¹ Тарновский В.В. История Сибирского торгового банка (1872–1917 годы). Воспоминания // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 46. М., 1976. С. 137.

² Там же. С. 153.

³ Утро России. 1913. 10 апреля.

⁴ Граф В.С. Татищев // Финансовая жизнь. 1916. № 4. С. 69–70.

ным и при реструктуризации поляковского наследия, тем более что тяжбы с бывшими акционерами тянулись ещё несколько лет¹. Заметим, что влияние французских акционеров в банке главенствующим назвать нельзя: их представитель все свои действия в обязательном порядке согласовывал с Татищевым (его правой рукой являлся перешедший вместе с ним из Минфина А.Р. Менжинский — родной брат будущего главы ОГПУ, большевика Менжинского)². Причём присутствие французского капитала в этом кредитном учреждении имело тенденцию к сокращению. Так, взамен выбывающих директоров-французов в правление вошёл Зеленский — чиновник Госбанка, участвовавший в ликвидации структур Полякова³. Председателем Совета Соединённого банка с 1910 года становится А.Р. Ледницкий — адвокат первого ряда, «одинаково хорош как в уголовных, так и в гражданских делах»⁴. Он побывал членом первой Государственной думы, оказался среди подписантов «Выборгского воззвания», однако профессиональные навыки оказались важнее оппозиционного прошлого. Ледницкий принимал участие в одном гражданском процессе, где защищал иск против банка и выиграл дело. После этого Татищев лично пригласил Ледницкого руководить теми, у кого тот выиграл процесс⁵.

Образцом правительственной политики в банковской сфере этого периода можно по праву считать создание мощного Русско-Азиатского банка, сразу занявшего лидирующие позиции в финансовом мире. В результате целенаправленных действий кредитной канцелярии и иностранных банков произошло слияние государственного Русско-Китайского банка и Северного, принадлежащего французскому капиталу. Объединение выглядело логичным: Северный банк располагал почти 50 отделениями в европейской части страны, Русско-Китайский имел сильные пози-

¹ Дело о Соединённом банке в Сенате // Биржа. 1913. № 43. С. 14.

² Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX века). М., 1997. С. 352.

³ Банковская хроника // Банки и биржа. 1914. № 3. С. 10.

⁴ Козлинина Е. И. За полвека. 1862–1912 годы. Воспоминания, очерки, характеристики. М. 1913. С. 410–411.

⁵ Хвостов И. С. Из старого времени // Архив Дома Русского зарубежья им. А. И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 195. С. 113.

ции на Дальнем Востоке¹. О том, что эта комбинация была далека от рыночной, свидетельствует незначительный биржевой оборот акций данных кредитных учреждений, на что противники созданной мегаструктуры обращали особое внимание². Русско-Азиатский банк возглавил бывший товарищ министра финансов А.И. Путилов, в правление вошёл В.Ф. Давыдов (брат директора кредитной канцелярии Л.Ф. Давыдова).

Иногда выдавливание из банков прежних владельцев-олигархов происходило нестандартным образом, как, например, в Азово-Донском банке. Инициативу здесь взял на себя один из топ-менеджеров — Б.А. Каменка. Этот купец 2-й гильдии из Ростова, никогда не находившийся на госслужбе, связал свою жизнь с Азово-Донским банком, усердно работая на его хозяев. Когда стало ясно, что те не пользуются поддержкой властей, он предложил план по ликвидации Петербургско-Азовского банка, принадлежащего тем же акционерам во главе с С.С. Поляковым, обязуясь очистить его от скрытых убытков и включить в состав Азово-Донского банка. За это последнему в 1904 году было позволено переехать из Таганрога в столицу³. Подчеркнём, что осуществить всё это Каменка не смог бы без Д.И. Дармолатова. Последний служил в системе Госбанка, возглавлял его Харьковскую контору с 1897 года, перейдя в правление Азово-Донского банка. Дармолатов был женат на племяннице главы Госбанка Э.Д. Плеске и поддерживал с ним тесные контакты. После того как Плеске сменил Витте на посту министра финансов, Азово-Донской банк и оказывается в столице⁴. В Петербурге Каменка окончательно отделался от прежних владельцев, на которых работал ранее: их влияние свелось к нулю⁵. Затем в председатели совета Азово-Донского банка приглашался «правильный» чиновник Минфина М.М. Фёдоров — многолетний редактор всех ведомственных изданий, позже начальник отдела торговли и промышленности, в 1906 году даже успевший побывать товарищем министра финансов и министром торговли и про-

¹ Биржевые вопросы дня // Биржевые ведомости. 1910. 3 марта (утро).

² Слияние Китайского и Северного банков // Утро России. 1909. 3 декабря.

³ Гиндин И. Ф. Государство и экономика в годы управления С.Ю. Витте // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 68.

⁴ Дмитрий Иванович Дармолатов // Биржа за неделю. 1916. № 36–37. С. 9.

⁵ Морозан В.В. Деловая жизнь на юге России (XIX — начало XX века). С. 331.

мышленности; он располагал необходимыми для Каменки связями в столичной чиновничьей среде. Таким образом, схема избавления от олигархических собственников была реализована не правительством, а иным лицом, верно уловившим суть происходящих перемен. Кстати, в широких кругах банковских служащих Петербурга Азово-Донской банк пользовался крайне плохой репутацией. На фоне других кредитных структур, где от желающих работать не было отбою, рядовые сотрудники Азово-Донского банка владели жалкое существование с мизерными окладами и без каких-либо бонусов и соцпакетов¹.

Завершая обзор изменений, коснувшихся крупных финансовых учреждений Петербурга, следует сказать и об исключениях. Таковым являлся Волжско-Камский банк, имеющий купеческое происхождение: в 1871 году его учредили видные предприниматели Первопрестольной. С тех пор в банке закрепились семьи Кокоревых, Мухиных и дружественные им лица (его можно назвать меньше всего питерским, как Соединённый банк — наименее московским). Проводимая ими политика резко отличалась от других питерских банков: Волжско-Камский банк практически никак не присутствовал на фондовой бирже. Не случайно в столичных финансовых кругах его называли «спящим банком»². Главный бухгалтер и один из крупных акционеров А.Ф. Мухин так формулировал *сredo*: наращивать вклады, избегать каких-либо рисков, не вести спекуляций ни на собственные средства, ни на деньги клиентов³. Из всех коммерческих банков именно в Волжско-Камский более всего поступали вклады от населения: их объём значительно превосходил основной капитал. Многих привлекали дивиденды, которые выплачивались здесь в большем размере, чем где-либо⁴. Правда, экспертные оценки прогнозировали: молодые банки, проводившие агрессивную политику, могут сильно пошатнуть позиции Волжско-Камского и серьёзные трудности у того не за горами⁵.

¹ «Парии» Азово-Донского банка // Банки и биржа. 1914. № 7. С. 5.

² Темченко Г.А. В «спящем банке» // Банки и биржа. 1913. № 10. С. 3.

³ Там же.

⁴ Банки и фондовая биржа (Волжско-Камский банк) // Финансовое обозрение. 1915. № 15. С. 12.

⁵ Очередные балансы коммерческих банков // Финансовое обозрение. 1912. № 13. С. 5.

Что касается банков второго ряда, не делавших погоды на рынке, то на них изменения, происходившие у петербургских грандов, не распространились. Вообще, после эпохи Александра II учреждение частных коммерческих банков превратилось в весьма сложный процесс. Лишь только в 1912 году произошёл всплеск учредительства: в этом году появилось одиннадцать новых банков¹. Наиболее известные из них образовались на основе действовавших банкирских домов: банк «Юнкер», Петербургский торговый банк Вавельбергов, Московский банк Рябушинских, возникли Одесский купеческий, Русско-Английский, Русско-Французский банк и др. Все они находились в управлении и владении крупных собственников или так или иначе находились в орбите крупных структур.

Таким образом, мы можем констатировать, что отмеченные перемены в банковской сфере довольно необычны для деловой практики той эпохи. Конечно, крупные чиновники и ранее (в 1870–1880-х годах) входили в руководящие органы банков. Например, бывший глава МВД П.А. Валуев был председателем совета Учётно-ссудного банка, директор департамента Минфина А.И. Бутовский возглавлял совет Волжско-Камского банка, а управляющий Госбанком Е.И. Ламанский отметился даже в нескольких структурах². Это объяснялось потребностями владельцев поддерживать, говоря современным языком, связи с органами госвласти. Но в то время крупные функционеры не думали ущемлять собственников, а тем более оттеснять их от принадлежащих им активов. На рубеже веков ситуация стала иной, и происходящее в Петербурге можно назвать своего рода «банковской революцией». В московских же банках ничего подобного не наблюдалось: они продолжали оставаться типично олигархическими структурами, и купеческие тузы, как и прежде, заправляли всеми делами или лично (как, например, семейства Вогау и Кнопов в Московском учётном банке, Найдёновых — в Торговом банке), или через наёмных менеджеров. Так, в Московском купеческом банке должность директора-распорядителя занимали сначала А.Е. Пашкевич, а затем, с 1903 по 1917 год, А.Д. Шлезингер, но и тот и другой явля-

¹ Коммерческие банки в 1913 году // Новый экономист. 1914. № 29. С. 8.

² Левин И.И. Акционерные коммерческие банки России. М., 2010. С. 277.

лись лишь трансляторами воли могущественных акционеров. В такой же роли выступал А.Ф. Дерюжинский в Московском банке — юрист Рябушинских, на правах младшего допущенный к участию в их начинаниях. К исключениям относятся Соединённый банк, сконструированный Минфином на обломках империи С.С. Полякова уже по новым лекалам, и Московский частный банк, после начала Первой мировой войны оказавшийся в орбите питерских банков во главе с гигантским Русско-Азиатским.

Интересно сравнить описанную выше «банковскую революцию» с ситуацией в немецких банках. В конце XIX — начале XX века они переживали заметный подъём, однако никаких изменений в структуре владения и управления там не отмечалось: она оставалась традиционной. То есть реальные рычаги находились в руках тех же крупных собственников, а коррективы вносились лишь в связи с естественным ходом концентрации и монополизации бизнеса. Инициировало и осуществляло эти процессы новое поколение руководителей, выросших в недрах всё тех же крупных корпораций и банков¹. Типична биография А. Лента, управляющего директора крупнейшего акционерного банка «Дисконто гезельшафт». Хотя его отец и был чиновником, сын никогда не находился на госслужбе; он начинал как архитектор, а затем посвятил себя финансовой деятельности². Л. Дельбрюк-младший, сын сооснователя и первого председателя совета «Дойче банка», наследовал карьеру отца. Один из крупных промышленников Кёльнского региона Х. Шредер вышел из железнодорожного бизнеса, а затем закрепился в руководстве Шаффхаузенского союзного банка³. Другой член правления и крупный акционер «Дойче банка» К. Хельфферих, фигура общегерманского масштаба, перешёл на государственное поприще и в годы Первой мировой войны дорос до поста статс-секретаря МВД и вице-канцлера⁴.

¹ Хандке Х. Социальное сближение и связи между дворянством и буржуазией в Германии в конце XIX века // Крупные аграрии и промышленная буржуазия России и Германии в конце XIX — начала XX века. Сб. статей. М., 1988. С. 154.

² Там же. С. 162.

³ Там же. С. 167, 174.

⁴ Леман К. Промышленность и банки Германии (конец XIX — начало XX века) // Производительные силы и монополистический капитал в России и Германии в конце XIX — начале XX века. Сб. статей. М., 1986. С. 195.

Представители финансового мира тесно взаимодействовали с властью, рассматривая её поддержку (льготы, экспансию во внешние рынки и т.д.) как важное подспорье. В то же время — отметим это особо — эти предприниматели были хозяевами своего дела, росшего на рыночных корнях. Об этом свидетельствует такой факт: крупные акционерные банки Германии, а также учреждения вроде тех, что принадлежали Ротшильду, Мендельсону, Блейхредеру, вообще не прибегали к кредитной помощи Германского имперского банка. И упреки местных аграриев в его адрес (мол, он превратился в некое «благотворительное» учреждение для коммерческих банков) не имели под собой никакой почвы. Для финансовой системы Германский имперский банк служил только посредником при расчётах между различными банками и торговыми фирмами¹. Подлинным же экономическим двигателем оставались банки, тесно завязанные на индустриальный рост. Повторим: немецкая экономическая модель просматривается как в петербургском, так и в московском бизнесе. В этом смысле наблюдения А. Гершенкрона, о которых говорилось выше, абсолютно справедливы. С одной стороны, развитый финансовый капитал, с другой — прочная опора на промышленный прогресс: оба эти фактора в немецком варианте представлены достаточно мощно. Но в Германии представители деловой элиты шли в государственно-политическую сферу только потому, что видели в этом важный ресурс для усиления своей экономической экспансии. При этом верхи немецкого банковского бизнеса никогда не назначались из бюрократических кругов, и последние не могли на своё усмотрение определять его развитие.

Вернёмся в Россию. В начале XX столетия новые руководители, сконцентрированные в правлениях петербургских банков, рекрутировались из высшего чиновничества. Им было не нужно налаживать связи с госорганами, поскольку они являлись их непосредственными представителями. Ориентиром для последних изначально было правительство, а не какие-либо олигархические кланы. На смену всевластию акционеров в питерских банках наступила эпоха всевластия правлений, что хорошо понимали в финансовом мире Рос-

---

¹ Шмелькин М. Г. Еще раз о реформе германского императорского банка // Биржевые ведомости. 1899. 26 февраля.

сии. Критики подобных изменений даже утверждали, что в них господствуют не нормы закона и устава, а «заправила, единичные лица, которые делают «погоду» и заставляют всех повиноваться»¹. Всевластие банковских правлений достигалось путём рассредоточения акционерного капитала. Собрать значительный пакет акций в ведущем питерском банке в одних руках отныне стало практически невозможно. Причём такому положению дел способствовал растущий биржевой оборот банковских бумаг, интенсивность которого поддерживали спекулянты: в поисках выгодных вложений они обеспечивали циркуляцию акций (иногда весьма крупных пакетов), препятствуя тем самым их концентрации у какого-либо участника биржевой торговли. Эти спекулянты действовали в банкирских домах, количество которых исчислялось тогда сотнями. Бóльшая их часть представляла собой небольшие конторы, серьёзное же влияние на фондовый рынок имели лишь 15–16 из них². Назовём банкирские дома З.П. Жданова, И.П. Мануса, Г.Д. Лесина, «Кафталъ, Гандельман и Ко» и др. В современной литературе господствует мнение, что они играли ведущую роль на Петербургской фондовой бирже, особенно принято выделять И.П. Мануса, который якобы даже дирижировал общими биржевыми настроениями³. Знакомство же с архивными документами не позволяет разделить данное утверждение. Все эти биржевые деятели были тесным образом завязаны на питерские банковские структуры и часто работали по их поручениям. По-другому и быть не могло, поскольку последние занимали на фондовой площадке исключительное положение: как справедливо заметил И.Ф. Гиндин, именно они контролировали рынок, «носящий явную печать создавших его банков»⁴.

Находящая в фондах документация проливает свет на взаимоотношения крупных питерских банков и биржевых спекулянтов.

---

¹ Министерство финансов и наши коммерческие банки // Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 8. С. 15.

² *Ананьин Б.В.* Банкирские дома в России. 1860–1914 год. Л., 1991. С. 41.

³ См., например, *Лизунов П.В.* Еврейские биржевики и банкиры дореволюционного Санкт-Петербурга // В кн.: Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие (XIX — начало XX века). М., 2010. С. 409.

⁴ *Гиндин И.Ф.* Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX веков). М., 1997. С. 91–92.

Показательны обращения упомянутого Мануса с просьбами исполнить обязательства по порученным ему и уже проведённым сделкам. «Всемогущий» делец, как правило, уповал на А.И. Путилова — главу Русско-Азиатского банка, прося того повлиять на А.А. Давидова (Петербургский частный банк), напомнить тому об оговорённых ранее условиях купли-продажи акций¹. Или жаловался на И.М. Кона (Русский торгово-промышленный банк), тянувшего с расчётом по одной из сделок около года. Известный делец клятвенно уверял Путилова в преданности и нежелании выносить сор из избы². Согласимся, Манус здесь совсем не напоминает вершителя судеб Петербургской фондовой биржи. Любопытно, когда у крупных банков с 1912 года появился новый подручный в лице Д.Л. Рубинштейна, то тот быстро превратился в заклятого врага Мануса; последний никак не мог смириться с конкурентом³. Ключевая роль крупных питерских банков в этой сфере сохранилась и с началом войны, когда биржа приостановила свою деятельность. Совершение сделок естественным образом переместилось под крыло всё тех же банков. Флагманом фондовой торговли стал Русско-Азиатский банк, где делами заправлял один из директоров правления А.З. Иванов. Сюда переместилась большая часть кулисы, а сам Иванов пользовался авторитетом у публики⁴. В помещении Сибирского торгового банка тоже шла бойкая торговля. В Азово-Донском банке биржевые сходки скорее напоминали сговор, хотя и здесь прокручивались большие обороты⁵.

Конечно, крупные спекулянты, через чьи руки проходили немалые средства, стремились вести собственную игру, однако их попытки ни разу не увенчались успехом: на пути «королей биржи» всегда оказывалось правительство. Так, Манус в зените своей славы за нечистоплотность в делах был исключён министром финансов из членов совета фондовой биржи. В.Н. Коковцов даже предлагал ему публично объяснить происхождение своих миллионов,

¹ Письмо И.П. Мануса в правление Русско-Азиатского банка. 3 июня 1911 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 145. Л. 9–10.

² Письмо И.П. Мануса в правление Русско-Азиатского банка. 3 сентября 1911 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 167. Л. 1.

³ *Колышко И.И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 139.

⁴ Юбилей А.З. Иванова // *Финансовая жизнь*. 1916. № 40. С. 628.

⁵ Говорят... // *Финансовая жизнь*. 1916. № 34–35. С. 552.

от чего делец, естественно, воздержался¹. Главу Петербургского частного банка А.А. Давидова, обладавшего недюжинными музыкальными способностями, неудачи Мануса даже сподвигли на сочинение романа: «И на старуху бывает проруха»². Но миллионы не давали Манусу покоя, вдохновляя на новые подвиги. В частности, он пытался закрепитьсь в Русском торгово-промышленном банке: аккумулировав крупный пакет акций и заручившись поддержкой ряда небольших акционеров, намеревался проникнуть в правление. Руководство банка запросило Минфин, как реагировать на действия Мануса. В результате у Я.И. Утина в Учётно-ссудном банке прошло совещание банкиров с участием товарища министра Н.Н. Покровского, начальника общей канцелярии ведомства С.Г. Федосьева и товарища управляющего Госбанком А.К. Голубева. Было решено: в случае появления Мануса в правлении доступ к казённым средствам для банка будет существенно ограничен³. Эта угроза отрезвляюще подействовала на всех заинтересованных лиц. Чтобы окончательно купировать поползновения Мануса в отношении Русского торгово-промышленного банка, туда был делегирован председатель Госбанка А.В. Коншин⁴. Нельзя не согласиться с оценкой дореволюционной прессы, что Манус всегда оставался чужим для верхов питерской финансово-промышленной бюрократии⁵.

Строго в определённых рамках держали и других активных деятелей: многим из них никак не удавалась войти в совет Петербургской фондовой биржи, где заседала почти вся финансовая элита. Например, биржевика Д.Г. Новосёлова не утверждали дважды, ссылаясь на полученные о нём «неудовлетворительные сведения», что приводило известного дельца в ярость⁶. Глядя на безуспешные усилия Новосёлова, другой представитель биржевой кулисы, Л.Л. Габрилович, вообще отказался от попыток избирания⁷. Серьёзному давлению властей подвергся известный З. Жданов: в Пе-

¹ Банки и биржа. 1913. № 2. С. 9.

² Словарь банкиров и биржевых деятелей // Банки и биржа. 1913. № 37. С. 10.

³ Совещание банков // Коммерсант. 1914. 25 ноября.

⁴ К разного рода слухам // Биржа и русская промышленность. 1915. № 2–3. С. 10.

⁵ Биржа и русская промышленность. 1915. № 25–26. С. 5–6.

⁶ Новоселов о своем неутверждении // Банки и биржа. 1913. № 2. С. 9–10.

⁷ Беседа с Л.Л. Габриловичем // Там же. С. 10.

тербургском окружном суде против него было выдвинуто обвинение в проведении «воспрещённых операций». Жданов утверждал, что претензии относятся к банкирскому дому, вместо которого ныне функционирует другое товарищество на вере и учредителями которого являются сам Жданов и его племянница из Вильно, оплатившая 5 % уставного капитала¹. В конце концов власти провели со Ждановым «воспитательную работу», но двумя годами позже всё же исключили его из членов биржи, а жалобу на это постановление оставили без рассмотрения. Любопытно, что среди тех, кто поддержал данное решение, был глава Азово-Донского банка Б.А. Каменка, публично осудивший деятельность Жданова². Последнему по регламенту фондовой биржи оставалось только одно: обратиться к министру финансов с прошением о восстановлении, т.е. пойти на поклон к тем, против кого он вёл интригу. После этой унижительной процедуры уже новый министр финансов П.Л. Барк согласился отменить прежнее решение. Но одновременно была закрыта деловая газета «Деньги»: она считалась органом Жданова, которую тот использовал для взброса нужных ему слухов³. Вместо неё с 1915 года начала выходить «Финансовая газета», отражавшая уже точку зрения непосредственно петербургских банков.

Вообще деятельность банкирских домов была постоянной головной болью правительства. Ведь всплески спекулятивного ажиотажа в конечном счёте опустошали карманы неискушённой публики. Причём солидные банки, находившиеся под плотной правительственной опекой, старались не злоупотреблять доверием и бесправием приобретателей акций⁴ — в отличие от многочисленных банкирских контор, которые считали вкладчиков «удобрительными тюками» для различных афер по перекачиванию денег⁵. При этом банкирские учреждения периодически разорялись. Типичный пример — крах в 1912 году конторы Толстопятова, где оперировали миллионными суммами, составленными главным образом из мелких вкладов. Эта структура неожиданно прекратила пла-

---

¹ Дело Захария Жданова // Биржа. 1912. № 3. С. 13.

² Каменка об исключении Жданова и Ландовского // Коммерсант. 1914. 30 мая.

³ На старую тему (о нашей финансовой прессе) // Биржа. 1916. № 16–17. С. 28.

⁴ Озеров И.Х. Воспоминания. 1905–1917 годы // ОР РНБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 4. Л. 14–15.

⁵ Банковская анархия // Финансовое обозрение. 1912. № 12. С. 3.

тежи по своим обязательствам, причём накануне краха сменился собственник, а прежние владельцы скрылись, прихватив крупную сумму: претензии вкладчиков достигали 1,5 млн рублей¹. Разумеется, Министерство финансов должно было оградить широкую публику от подобных рисков. Законодательство в этой сфере, ненадолго изменившееся с эпохи Рейтерна, предоставляло конторам широкий простор для проявления «деловых инстинктов»². Назрела необходимость провести регламентацию деятельности банкирских учреждений, количество коих росло как снежный ком. Не это был нацелен законопроект с идеей административного контроля над этими организациями и намерением «внести луч света в тайные операции» за счёт принципа публичной отчётности, давно уже применяемого к коммерческим банкам³. Проект обязывал учредителей банкирских контор в обязательном порядке предоставлять в кредитную канцелярию сведения о размере основного капитала и о составе участников, а также каждые полгода публиковать балансы в местных газетах. Запрещалось увеличивать оборотный капитал за счёт займов у третьих лиц; предусматривалась приостановка операций в случае превышения всех обязательств банкирского дома над основным капиталом более чем в 10 раз⁴.

Правительственная политика по отношению к расплотившимся банкирским конторам хорошо известна, для нас же гораздо больший интерес представляют взаимосвязи государства и крупных питерских банков. В литературе господствует убеждение, что в этот период государство уходило из экономической жизни, а банки осваивали хозяйственное пространство по собственному усмотрению. Напомним, это утверждал тот же А. Гершенкрон, искавший параллели между российским и германским капитализмом. Однако знакомство с источниками не только не подкрепляет, но и опровергает его вывод. Напомним: в ходе рассмотренной «банковской революции» правительство превратилось в фактического хозяина петербургских банков (хотя формально и не участвовало в акционерном капитале) и его влияние на их деятельность продол-

---

¹ Банковское дело // Финансовое обозрение. 1912. № 9. С. 17.

² О банкирских учреждениях // Финансовое обозрение. 1912. № 8. С. 11.

³ Законопроект о банкирских конторах // Новое время. 1912. 4 апреля.

⁴ Там же.

жало усиливаться. В качестве примера вспомним громкое дело, связанное с Петербургским частным банком. После «разбавления» прежнего состава акционеров и удаления тех, кто был связан с бывшими владельцами, в руководство были введены представители чиновничества во главе с членом совета Министерства финансов В.Я. Голубевым (братом вице-председателя Государственного совета И.Я. Голубева), ставшего директором-распорядителем.

Однако дела в банке не налаживались, сохранялись признаки крупных злоупотреблений (заклучались фиктивные подряды по ценам, намного превышающим рыночные; таким образом было расхищено около 1,5 млн рублей)¹. Кроме того, руководство затеяло сделку с Лион-Марсельским банком, пытаясь через него реализовать на французской бирже акции Волго-Бугульминской железной дороги на сумму 13 млн рублей. Причём скрыло при этом неудовлетворительное финансовое состояние этого общества, которое возглавлял родной брат товарища министра иностранных дел А.А. Нератова. Но тут в дело вступила кредитная канцелярия². Если в 1860–1870-х годах подобные аферы с ценными бумагами железнодорожных компаний проводились отечественной элитой совершенно безнаказанно, то теперь все её участники пошли под суд³. И даже высокие связи оказались бессильными перед директором кредитной канцелярии Минфина Л.Ф. Давыдовым, выступившим в качестве одного из главных свидетелей обвинения⁴. Кстати, как только выявились признаки нарушений, Минфин повёл себя по-хозяйски, полностью сменив в Петербургском частном банке менеджмент. Как говорилось выше, туда был направлен бывший товарищ министра финансов В.И. Ковалевский; а когда через девять месяцев он пожелал покинуть банк, вместо него окончательно укрепился выходец из кредитной канцелярии А.А. Давидов.

Положение правительства как настоящего хозяина питерской банковской группы проявилось и в другом громком деле. Минфин давно выражал беспокойство тем, как в банках проходят общие

¹ Дело о волго-бугульминских хищениях // Русское слово. 1912. 11 января.

² Там же.

³ О злоупотреблениях и лицах привлеченных к суду по этому делу см.: РГИА. Ф. 597. Оп. 2. Д. 160. Л. 28–30.

⁴ Дело о хищениях на Волго-Бугульминской железной дороге // Русское слово. 1912. 15 января.

собрания. Многие правления, ориентируясь на правительственные потребности, часто игнорировали интересы рядовых акционеров; в чём-то это напоминало отношение к мелким вкладчикам в банкирских конторах. Собрания акционеров проходили скоротечно, по заранее подготовленным сценариям; появились даже так называемые патентованные акционеры, которые кочевали с одного заседания на другое, получая плату за нужное выступление, выход, реплику и т.д.¹ Власти решили встряхнуть банковское сообщество: Петербургский окружной суд по предложению Минфина в начале 1914 года вынес постановление об отмене итогов общего собрания акционеров Сибирского торгового банка. Суд признал недействительными выборы правления, совета и ревизионной комиссии, посчитав процедуры не соответствующими уставу и не обеспечивающими права всех акционеров. Это постановление имело далеко идущие последствия: отчёт правления и решения по дивидендам потеряли свою силу, подвисли многомиллионные договоры². В результате меньше чем за два месяца было подготовлено и проведено новое собрание — на сей раз с тщательным соблюдением всех процедур и с обязательной фиксацией в протоколе всех прозвучавших мнений, включая критические; все материалы были опубликованы в прессе³. Заметим, что «взбучка» Сибирскому банку последовала вскоре после того, как власти пришли ему на помощь, в очередной раз нейтрализовав И.П. Мануса, который, опираясь на собранный с рынка пакет акций, пытался проникнуть в состав правления⁴.

Причём правительство относилось ко всем банкам достаточно ровно. Это подтверждает выявленный эпизод с мощным Азово-Донским банком. По каким-то причинам там сократили кредит одному из своих отделений, где прекратили учёт векселей, из-за чего в торгово-промышленной жизни Феодосии, Александровки, Бахмута начались трудности. Б.А. Каменке указали: если он пользуется ресурсами Госбанка, ему «подлежит со своей стороны придерживаться такой же политики по отношению к своим провинциальным отде-

¹ Эн-Янков И.М. В царстве спекуляций // Банки и биржа. 1913. № 10. С. 5.

² Злоупотребления Сибирского банка и постановление суда // Русская промышленность. 1914. 15 марта. С. 10–11.

³ Русская промышленность. 1914. 10 мая. С. 11–25.

⁴ «Большой день» в Сибирском банке // Биржа. 1913. № 13. С. 6–11.

лениям»¹. Показателен и другой случай. Когда глава Русско-Азиатского банка А.И. Путилов направил в Минфин руководителя одной дальневосточной хлебной компании (банк являлся её крупным акционером) для решения таможенных нюансов, крупному дельцу не преминули деликатно указать на его недостаточное знакомство с подобного рода вопросами². В другой раз Путилов и глава Сибирского торгового банка М.А. Соловейчиком провели целенаправленную скупку акций Российского общества пароходства и торговли, оформив их на своих доверенных лиц. На общем собрании РОПиТ 1915 года выяснилось, что контрольный пакет стратегической компании перешёл в руки банков. Представители Морского министерства и Министерства торговли и промышленности решили разобраться, как это могло произойти. Глава Минторгпрома князь В.Н. Шаховской информировал правительство, что банки по собственной инициативе увеличили свою долю в РОПиТ с 4 до 11 тысяч акций при общем числе 20 тысяч³, это означало доступ к распоряжению имуществом общества стоимостью свыше 100 млн рублей. Член правления адмирал Нилов — приближённое к Николаю II лицо — взялся проинформировать императора. И вскоре министр финансов П.Л. Барк предупредил Путилова о серьёзных последствиях⁴. После чего Сибирский торговый банк согласился депонировать скупленные ценные бумаги в Минфине «с предоставлением ему всецело права голосования по означенным акциям в общем собрании акционеров»⁵. Кроме того, Соловейчик оправдывался, что их не так поняли и никаких амбиций, кроме выгодного помещения средств, они не преследовали⁶.

¹ Письмо директора Особенной канцелярии по кредитной части Д.И. Никифорова к председателю правления Азово-Донского банка Б.А. Каменке. 1 августа 1914 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 217. Л. 95–95об.

² Кулаев И.В. Под счастливой звездой. Воспоминания. Тяньцзинь, 1938. С. 189–190.

³ Письмо министра торговли и промышленности кн. Шаховского в Совет министров. 2 июля 1915 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 328. Л. 2.

⁴ Крылов А.Н. Мои воспоминания. Л., 1984. С. 214.

⁵ Письмо министра торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховского к председателю совета министров И.Л. Горемыкину. 31 июля 1915 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 328. Л. 14–14об.

⁶ Письмо директора Сибирского торгового банка М.А. Соловейчика к министру финансов П.Л. Барку. 16 июля 1915 года // Там же. Л. 15–15об.

Такое хозяйское отношение к банкам не было случайным: по мере расчистки столичных кредитных структур власти приступают к их мощнейшему денежному накачиванию. Так, за 1913 год ссуды, выданные Госбанком частным финансовым организациям, достигли небывалого объёма: только учёт по ссудным операциям определялся цифрой в 1 млрд рублей¹. Причём львиная доля средств шла именно в питерскую группу, что подтверждает такой факт: по своему потенциалу Петербургская контора Госбанка оставила далеко позади другие территориальные подразделения: например, в 1911 году её обороты составляли 820 млн рублей, тогда как вместе взятые показатели 25 контор и отделений развитого экономически юго-западного региона не доходили до 800 млн². Госбанк на постоянной основе снабжал деньгами питерские финансовые структуры траншами на 100–150 млн. Например, весной 1913 года поступило 134 млн рублей: подавляющая часть досталась Русско-Азиатскому, Петербургскому международному, Сибирскому торговому, Азово-Донскому банкам³.

О ведущей роли Петербурга в финансовом мире страны свидетельствуют и существенные сдвиги среди крупнейших кредитных учреждений начала XX века. В 1900 году в первую тройку входили купеческие детища: Вожско-Камский и Московский купеческий банк — типичные центры торгового капитала. В 1908 году Волжско-Камский ещё сохранял свои позиции, но Московский купеческий перешёл на пятое место. Затем они переместились на шестую и восьмую строчки соответственно, а первые пять мест заняли представители питерской банковской группы⁴. Вот как выглядела эта тенденция в цифрах. Перед Первой мировой войной акционерный капитал Петербургского международного банка, Русского для внешней торговли, Русско-Азиатского и Азово-Донского составлял

¹ Кредиты частным банкам // Коммерсант. 1914. 1 марта.

² Выступление Б. И. Каразина (Харьковская губ.) // Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сессия 1. Часть 3. Заседание 55 от 27 мая 1913 года. СПб., 1913. Стб. 7.

³ Темченко Г. А. Непроизводительные кредиты // Банки и биржа. 1913. № 15. С. 1–12.

⁴ Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е. Банковские монополии в России накануне Великой октябрьской социалистической революции // Исторические записки. Т. 66. М., 1965. С. 21.

примерно по 50–60 млн рублей у каждого; капитал Петербургского частного банка составлял — 40 млн, Русского торгово-промышленного — 38 млн тогда как Волжско-Камского — только 18 млн рублей; Московского купеческого ещё меньше, а Московского учётного банка — всего 6 млн лишь новый банк Рябушинских довёл основной капитал до 25 млн рублей¹. За предвоенное десятилетие сумма активов московских банков увеличилась с 217,8 до 459,5 млн рублей, а петербургских — с 560,6 до 2549,9 млн т.е. почти в 5 раз². Московская пресса констатировала: местные банки опустились до уровня второстепенных, а древняя столица России «склонила голову перед петербургской банковской бюрократией»³.

По мере укрепления питерские банки вызывали не смолкающий шквал критики со стороны купеческой элиты, которая называла их полуказёнными, участвующими обществами, что, если отойти от формальной стороны дела, недалеко от истины. Особенное раздражение вызывали руководители этих структур — бывшие чиновники Министерства финансов и Министерства юстиции, обладавшие бесконтрольным доступом к бюджетным источникам, откуда они черпали средства для различных коммерческих проектов⁴. И всё же эти характеристики не совсем точно схватывают суть происходившего в российской экономике начала XX столетия. На самом деле амбициозная купеческая олигархия вытеснялась не просто привилегированными конкурентами, а новой финансово-экономической моделью. Исследователи, изучавшие банковскую систему, отмечали, что бурный рост столичных банков обусловлен нацеленностью на работу с ценными бумагами (акциями, облигациями). Во многом из-за такой фондовой акцентированности они заняли ведущие позиции в российской экономике⁵. К тому же их коммерческая активность дополняла усилия государства. Питерские банки и раньше работали по правительственным поручениям,

¹ Коммерческие банки на Петербургской бирже // Банки и биржа. 1914. № 22. С. 2.

² Роль концентрации кредита в экономической жизни России (передовая) // Финансовое обозрение. 1912. № 21. С. 2.

³ Крах финансового господства Москвы // Утро России. 1910. 1 октября

⁴ Банковские дельцы из чиновников // Утро России. 1910. 8 сентября.

⁵ Саломатина С.А. Коммерческие банки в России: динамика и структура операций. 1861–1917 годы. М., 2004. С. 192.

а в последнее десятилетие перед Первой мировой войной они уже выступали своего рода продолжением министерств, операторами по широкому спектру направлений. Так, во внешней политической сфере именно петербургские банки внесли важную лепту в снятие напряжения во время марокканского инцидента 1913 года, поддержав интересы союзнической Франции. Дирижируя действиями стольких банкиров, кредитная канцелярия предоставила им произвести свои платежи по зарубежным обязательствам за счёт свободной российской наличности в немецких банках, одновременно оказав поддержку парижской бирже, так как марокканское столкновение вызывало там панику, грозившую серьёзными осложнениями¹.

Или пример с приобретением Салоникского банка и его отделений Русско-Азиатским банком, выступившим в роли агента Минфина. Сделка была проведена в соответствии с договорённостями, достигнутыми в Париже директором кредитной канцелярии Л.Ф. Давыдовым. В результате русское влияние на Балканах заметно усилилось: покупку этого банковского учреждения даже сравнивали с «бескровным завоеванием» полуострова². Аналогичную операцию готовились реализовать также в Болгарии, где предполагалось учредить Славянский банк с отделениями и в чешских крупных городах. Базовым для этого проекта кредитная канцелярия определила Учётно-ссудный банк³. С одобрения той же кредитной канцелярии Сибирский торговый банк выкупил концессию у одного частного предпринимателя, полученную тем от монгольского правительства на учреждение Монгольского банка. Причём средства на эту операцию предоставил Минфин: в планах было содействие выпуску монгольской национальной серебряной монеты, матрицы для которой изготавливались на Петербургском монетном дворе⁴. В этом перспективном проекте жаждал принять участие «Московский банк» Рябушинских. Однако Министерство

¹ Очередная клоунада // Финансовое обозрение. 1913. № 12. С. 2.

² Русско-Азиатский банк на Балканах // Финансовое обозрение. 1913. № 10. С. 3; № 11. С. 13.

³ Зак А.Н. Русский банк в Болгарии // Биржа. 1913. № 25. С. 4–5. (Осуществлению этих планов помешала война. — А.П.).

⁴ Тарновский В.В. История Сибирского торгового банка (1872–1917 годы). Воспоминания // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 49. М. 1976. С. 156.

финансов такой расклад не устроил, и в итоге организацию центрального эмиссионного банка Монголии поручили близкому Сибирскому торговому банку¹. Всё это позволяло прессе утверждать, что питерские банки являлись рычагами, с помощью которых Министерство финансов регулировало наш кредит и нашу политику за границей².

Но главной сферой действия петербургской банковской группы всегда была российская экономика. Её основой, как известно, являлось земледелие: в царской империи на сельское хозяйство приходилась большая часть внутреннего валового продукта. В пореформенный период произошла заметная капитализация этой ведущей отрасли, постепенно втягивавшейся в рыночные отношения. Этим процессам во многом способствовало появление в начале 1870-х годов частных земельных банков. Тогда были учреждены Харьковский, Полтавский, Киевский, Бессарабско-Таврический, Московский, Донской, Ярославско-Костромской, Нижегородско-Самарский, Петербургско-Тульский земельные банки, действовавшие по региональному принципу. Их учредителями выступали с одной стороны дворянство, остро нуждавшееся в средствах, с другой — предпринимательская банкирская элита той поры³. Земельные банки изначально зависели от коммерческих банков: последние осуществляли выплату ссуд, оплату купонов акций, залоговых листов, подлежащих погашению. Для ведения данных расчётов земельные банки помещали там свои свободные капиталы. Поэтому неудивительно, что владельцами тех и других финансовых структур оказывались главным образом одни и те же дельцы — известные со времён министра финансов М.Х. Рейтерна олигархи⁴. В середине 1890-х годов земельные банки играли значительную роль: в них было заложено 38 % от общей площади частных угодий. По этому показателю они даже опережали Дворянский банк (24 %).

Банковская перенастройка начала XX столетия не миновала и земельные банки. Законодательные акты 1901–1902 годов коснулись и этого финансового сегмента, заметно усиливая там влияние

---

¹ Там же.

² Наши Банки // Финансовое обозрение. 1913. № 4. С. 2.

³ Хрулев С. С. Наш ипотечный кредит (Опыт выяснения состояния землевладения и зависимости от его задолженности). СПб., 1898. С. 16–17.

⁴ Там же.

государства, препятствуя концентрации значительного пакета акций у какого-либо собственника¹. Но главное: вытеснение из петербургских банков деловых тузов рейтерновской поры, о чём говорилось выше, повлекло за собой и выход последних из числа крупных акционеров частных земельных банков. Старая предпринимательская элита и видное дворянство утрачивали рычаги управления, которые переходили к топ-менеджерам, занимавшим ключевые посты в обновлённых столичных банковских структурах. К концу первого десятилетия XX века они хозяйничали в подавляющем большинстве действовавших земельных банков. Интересно, что иностранные ипотечные учреждения к непосредственному участию в их работе не допускались, хотя везде в Европе с готовностью принимали выпущенные ими ценные бумаги для обеспечения российских коммерческих счетов².

Наиболее тесно с земельными банками были связаны Петербургский международный, Русский для внешней торговли, Учётно-ссудный, Азово-Донской банк. Особенно велико участие первых трёх, распространявшееся в разных пропорциях на Киевский, Полтавский, Бессарабско-Таврический, Перебургско-Тульский. Азово-Донской банк контролировал Донской земельный (что естественно, учитывая корни), а также участвовал в капитале Нижегородско-Самарского, Московского³. Из прежних громких имён лишь семейству Поляковых удалось сохранить позиции в Ярославско-Костромском земельном банке. Весьма примечательно, что именитое московское купечество так и не смогло заполучить в свои руки ни один земельный банк, ни Московский, ни Нижегородско-Самарский, располагавшийся в Первопрестольной. Только Рябушинские, пользуясь банкротством олигарха А.К. Алчевского в 1902 году, закрепились в Харьковском земельном банке. Правда,

¹ Высочайше утвержденный всеподданнейший доклад министра финансов «О представлении министерству финансов право назначать уполномоченных от Министерства финансов в земельные банки». 15 августа 1901 года // ПСЗ-3. № 20615. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. С. 871–872; Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об утверждении правил об упрочении деятельности частных банков». 29 апреля 1902 года // ПСЗ-3. № 21366. Т. 22. Отд. 1. СПб., 1904. С. 246–247 (пункт 6).

² *Проскуракова Н.А.* Земельные банки Российской империи. М., 2002. С. 200–201.

³ Там же. С. 221.

из-за этого краха Минфин особенно тщательно надзирал над деятельностью банка: Рябушинские в течение десятилетия не могли там развернуться в качестве полноправных хозяев¹.

Но всё-таки визитной карточкой петербургских банков в последнее десятилетие империи, как, впрочем, и ранее, является промышленное строительство, о чём написано достаточно много. Особенное внимание уделялось их участию в тяжёлой индустрии: многие предприятия отрасли или принадлежали столичным банкам или, будучи казёнными, обслуживались там. Годы, предшествующие Первой мировой войне, отличались повышенным вниманием к оборонной промышленности. Развернулось масштабное военно-морское строительство, на которое выделялись значительные бюджетные ресурсы. Одним из основных исполнителей этих программ явились петербургские банки: они сотрудничали с зарубежными партнёрами «Шнейдером», «Виккерсом», Шкодой» и др. Более того, именно через ВПК произошла структуризация связей крупных питерских банков. Исследователи выделяют две группы: Русско-Азиатский, Петербургский частный, Сибирский торговый, Русский торгово-промышленный и Петербургский международный, Русский для внешней торговли, Учётно-ссудный, Волжско-Камский банк. Между ними происходит раздел влияния: например, военно-морские предприятия на Балтике (Путиловский, Невский заводы, Общество механических, гильзовых и трубочных заводов и др.) отходят к группе во главе с Русско-Азиатским банком. В то время как черноморские производства и верфи в Николаеве, Одессе (Наваль, Руссуд и др.) достаются группе Петербургского международного банка². Обращает на себя внимание тот факт, что в числе ведущих финансовых структур, задействованных в оборонных программах, отсутствовал Азово-Донской банк. Очевидно, правительство решило ограничить его деятельность горной металлургией Юга России, Урала и железнодорожной отраслью, не допуская к наиболее «лакомому», т.е. ВПК. Так, Азово-Донской банк фактически выжили из акционеров Русского общества для изготовления снарядов

¹ Там же. С. 217–218.

² Шацкило К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в. — 1914 год). М., 1992. С. 151.

и военных припасов (Парвияйнен), на который тот претендовал¹. В результате ему пришлось довольствоваться тем, к чему допустили. Здесь — корни участия банка в рядах либеральной оппозиции, тесные контакты с кадетской партией и с купеческими тузами Москвы, о чём речь впереди.

Присутствие петербургских банков в тяжёлой индустрии наращивалось за счёт богатейшего Уральского региона. Прежние владельцы — представители сиятельной аристократии, оттеснялись от управления, их акционерные доли размывались до миноритарных, бал начал править питерский капитал: эти процессы отмечены в историографии². К 1917 году 11 из 15 уральских горных округов банки поставили под свой контроль³. Сборник «Монополии в металлургической промышленности России. 1900–1917 годы», где опубликованы материалы об акционировании уральских заводов, изобилует документацией именно питерских банков. Петербургский международный банк упоминается в сборнике 19 раз, Русско-Азиатский — 24, Азово-Донской — 23, Петербургский частный коммерческий — 10, Сибирский торговый — 9, Русский торгово-промышленный — 6 раз. На этом фоне попытка прежних собственников организовать специальный банк для противостояния столичным финансистам ничего, кроме улыбки, не вызывает⁴.

Не будет преувеличением сказать, что в рассматриваемый период питерская банковская группа функционировала в рамках государственной политики, частные же её интересы реализовывались сообразно общим замыслам. То, как это происходило, можно увидеть на примере железнодорожного хозяйства. По итогам горячки 1860–1870-х годов, в конечном счёте обошедшейся стране в огромную сумму, частное строительство в отрасли не велось. И лишь в 1908 году впервые после 25-летнего перерыва ему вновь

¹ Бовыкин В.И. Банки и военная промышленность России накануне Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 93.

² Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917 годы). М., 1982; Сапоговская Л.В. Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XIX–XX веков. Екатеринбург, 2007.

³ Банки и уральская промышленность // Биржа за неделю. 1917. № 2. С. 8–9.

⁴ Проект коммерческого банка для Урала // Банки и биржа. 1913. № 19. С. 13.

был дан «зелёный свет»¹. Этому предшествовала дискуссия о казённом и частном строительстве, причём предпочтение отдавалось первому. В качестве главного аргумента выдвигался тот факт, что частная железная дорога является таковой лишь по названию. Ведь правительство не просто выдаёт разрешение на постройку, но и гарантирует доход по облигациям, устанавливает тарифы, осуществляет контроль и т.д., то есть от предпринимательской инициативы зависит, прямо скажем, немного, а потому отдавать все линии на откуп частнику не имеет смысла. К тому же предоставленный самому себе он стремится минимизировать расходы по содержанию сети. В результате МПС признало оптимальным соотношение: 2/3 линий принадлежат казне, остальные — частным обществам; оно соблюдалось вплоть до начала Первой мировой войны².

За 1909–1913 годы в правительство поступило около трёхсот ходатайств о концессиях на строительство³. Однако рассматривались они принципиально на другой основе, нежели в период железнодорожного бума времён Александра II. Тогда разрешения выдавались кому угодно, точнее, тем, кто преуспел в коррупционном лоббировании; отрасль наводнили люди, имеющие о ней весьма смутные представления. Теперь же во главу угла ставилась профессиональная компетенция. Что касается финансовой стороны дела, то, учитывая вакханалию 1860–1870-х, правительство сочло необходимым контролировать выход новых железнодорожных обществ на западные биржевые рынки, взяв на себя ведение финансовых переговоров. Минфин решил соединять целый ряд небольших выпусков железнодорожных облигаций в один так называемый объединённый заём, разделённый на серии, и уже такие бумаги выводить на европейские фондовые площадки⁴. Так разом достигались несколько целей: вымывание всевозможных посредни-

---

¹ Первой концессией, выданной после долгого перерыва, стало утверждение проекта на проведение Северо-Донецкой ветки. См., Концессия на Северо-Донецкую железную дорогу // Промышленность и торговля. 1908. № 12 (15 июня). С. 734.

² Рухлов и частное железнодорожное строительство // Деньги. 1914. 8 июня.

³ Палтусова И. Н. Частные железные дороги России в годы промышленного подъёма (1909–1914 годы). Автореферат на соискание учен. степ. канд. ист. наук. М., 1986. С. 11.

⁴ Железнодорожный заем // Русское слово. 1913. 8 октября.

ков, установление прозрачных и предсказуемых отношений, подчинение определённому финансовому плану¹. Займы пользовались большой популярностью на западных биржах. Например, подписка на объединённый заём начала 1914 года, составленный из девяти железнодорожных линий, в два с половиной раза превысила предложение². Всего же за предвоенное пятилетие по таким схемам было размещено железнодорожных займов на общую сумму 1 млрд 27 млн рублей, тогда как во второй половине 1890-х в отрасли удалось привлечь 430 млн рублей³.

Регулируя поток разномастных соискателей, власти отдавали предпочтение петербургским банкам, которые привлекали инженерные кадры, осуществляли финансирование и менеджмент проектов. Был создан специальный консорциум по железнодорожному строительству в составе восьми ведущих банков столицы. Фактически всё свелось к распределению концессий между ними, и власти этому всемерно способствовали, например, устранив претендентов на проведение важной магистрали Нижний Новгород — Екатеринбург. Этого усиленно добивалась купеческая группа во главе с кадетом Ф.А. Головиным (бывшим председателем II Госдумы), который ради участия в этом деле даже сложил депутатские полномочия. Этой группе противостоял Русско-Азиатский банк вместе с известным железнодорожным инженером Н.К. фон Мекком, предложившим альтернативу Казань — Екатеринбург. Разумеется, правительство поддержало последний вариант, вызвав бурное негодование купечества: «Москву намеренно вытеснили... в пользу Петербурга»⁴. Интересно, что в то время, когда велись баталии с купечеством и их союзниками, думских октябристов привлекали к банковскому консорциуму по строительству магистрали в Персию и далее до Индии⁵. Сюда вошли видные октябристы

¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 годы. Кн. 2. С. 146–147.

² Русский железнодорожный заем в Париже // Банки и биржа. 1914. № 7. С. 5–6.

³ Лебедев С.К. Банки и железные дороги. Иностранные предпринимательские группы в железнодорожном строительстве (середина XIX — начало XX века). С. 380.

⁴ Москва — Сибирь // Утро России. 1912. 29 апреля.

⁵ Протокол заседания представителей русских банков и членов русского консорциума, принимающих участие в образовании Трансперсидской железной дороги. 7 февраля 1912 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 467. Л. 4–7об.

А.И. Звегинцев и Н.А. Хомяков (бывший председатель III Госдумы), что явно было сделано в пику головинско-кадетской кампании¹. Обиженные купеческие тузы пытались всячески дискредитировать этот проект, доказывали его пагубность, по сути выступая, хоть и по своим мотивам, в унисон с главными его противниками — англичанами. Как тогда иронизировали, москвичи признавали «персидское бездорожье спасением для нашего экономического господства»².

Знакомство с тем, как образовывались железнодорожные общества, позволяет говорить о существовании определённой схемы. Первоначально в качестве учредителей выступали главным образом известные инженеры, а также различного рода коммуникаторы, имевшие выход на первых лиц питерских банков. Они проводили необходимые проектные работы, взаимодействовали с владельцами территорий. После чего в деле возникали банки, которые оплачивали произведённые затраты, проходившие по документам как «учредительные расходы». Например, в случае с князем М.М. Андрониковым и военным инженером М.Н. Ермолаевым, договаривавшимся с бухарским ханом о выделении земли под строительство ветки Русско-Азиатским банком³. Или с почётными гражданами С.П. Фармаковским и А.П. Матвеевым, учредившими общество Северо-Восточной Уральской железной дороги, заинтересовавшим Азово-Донской банк и его французских партнёров⁴. Во многих концессиях участвовал известный инженер А.А. Бунге и т.д. Конечно, не обходилось без проблем, когда учредители проявляли строптивость, как, например, в случае Алтайской дорогой. Располагавшие административным ресурсом банки, как следует из документов, откровен-

¹ Проект не осуществился из-за позиции англичан, не желавших открывать доступ в Индию и не согласовавших территории, по которым планировалось прокладывать железную дорогу. См., Звегинцев А.И. Справка о положении дела // Там же. Л. 24–26об.

² Соповещение о великом индийском пути // Финансовое обозрение. 1911. № 1. С. 12.

³ Письмо правления Русско-Азиатского банка к управляющему Ново-Уренгского отделения Русско-Азиатского банка И.И. Фрюлингу. 30 сентября 1913 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 853. Л. 262об.

⁴ Протокол заседания представителей банков. 17 мая 1912 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 452. Л. 10–13.

но обсуждали, кого из этого проекта выдавить и во сколько это обойдётся (для чего был зарезервирован специальный бюджет). Путилов брал на себя переговоры с одними лицами, М.А. Соловейчик (Сибирский банк) — с другими, И.М. Кон (Русский торгово-промышленный банк) — с третьими¹. Не помогли ни жалобы обиженных премьеру П.А. Столыпину, ни телеграммы Союза русского народа (Ново-Николаевское отделение) в МВД и Министерство Двора с просьбами пресечь захват банками железнодорожного дела и поставить заправил на место².

В то же время банкиров государственная поддержка вынуждала оставаться в строго определённых рамках. Их попытки улучшить условия ранее оговорённых концессий не встречали понимания наверху. Скажем, просьбы Путилова, Вышнеградского, Верстрата о коррективах пропорций акционерного и облигационного капитала при финансировании линии Уральск — Семипалатинск были расценены как неприемлемые³; принятое решение довела до сведения банков кредитная канцелярия⁴. Но государство прекрасно знало цену тем или иным просьбам, обращая внимание на их обоснованность. Например, в случае с Обь-Урало-Беломорской железной дорогой реакция была совсем иной. Эта ветка имела огромное экономическое значение, обеспечивая вывоз хлеба из Сибири и Восточного Урала, с территории, превышающей крупные страны Европы. Кроме того, с постройкой магистрали вводились в эксплуатацию лесные площади 20 млн десятин. И правительство пошло навстречу банковскому консорциуму во главе с инженерами Н.С. Авдаковым и В.Н. Вольтманом⁵.

Участие петербургских банков в переформатировании экономического пространства России неуклонно расширялось. Не будет преувеличением сказать, что они из типично банковских уч-

---

¹ Протокол заседания представителей банков. 16 августа 1911 года // РГИА. Ф. 634. Оп. 1. Д. 80. Л. 20–21.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 28. Л. 490, 501.

³ Письмо министра финансов В.Н. Коковцова к председателю правительства П.А. Столыпину. 7 марта 1911 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 628. Л. 1–1об.

⁴ Письмо директора Особенной канцелярии по кредитной части Л.Ф. Давыдова к А.И. Вышнеградскому. 14 марта 1911 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 217. Л. 51.

⁵ Письмо В.Н. Вольмана к министру путей сообщения С.В. Рухлову. 7 мая 1915 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 490. Л. 36–44.

реждений они постепенно превращались в многопрофильные концерны. Их экспансии подвергались не только отдельные предприятия, но и целые отрасли промышленности, где с начала 1910-х годов началось планомерное вытеснение прежних владельцев. По сути, с этого времени в России набирает силу определённый антиолигархический тренд. Только непонимание изменившейся природы, а значит, и роли питерских банков не позволяли ранее оценить эти интереснейшие процессы в экономической жизни России. Прежде всего они затронули отрасли с традиционно большой прибыльностью: золотопромышленную, табачную, сахарную, нефтяную.

В золотодобыче ключевую роль играло крупнейшее в стране Ленское товарищество, которое уже несколько десятков лет контролировали семейства Гинцбургов и Мейеров (свыше 50 % российской добычи). Работы там всегда носили хищнический характер: бралось только то, что добывалось с минимальными вложениями. На рубеже XIX–XX веков это товарищество испытывало финансовые трудности: восьмимиллионный кредит Государственного банка помог стабилизировать положение. Лоббист этой сделки Н.И. Бояновский (топ-менеджер Госбанка) после её заключения покинул службу, оказавшись в правлении Ленского товарищества, т.е. под крылом акционеров. Через несколько лет последние посчитали дальнейшее обслуживание кредитной линии обременительным, решив заменить её английскими инвестициями, для чего в 1908 году создали финансовую структуру *Lena Goldfield* с регистрацией в Лондоне. Однако подобная перспектива не вдохновила правительство и в дело включились петербургские банки¹. Они организовали скупку выпущенных акций как внутри страны, так и на зарубежных площадках, причём среди агентов фигурировал тот же Манус, которого привлекли к этим операциям².

В результате контрольный пакет Ленского товарищества вскоре оказался у Русско-Азиатского и Петербургского международного банков: англичане вынуждены довольствоваться миноритарными ролями, а Гинцбурги и другие вообще покинули не только

¹ Письмо правления Петербургского международного банка в правление Русско-Азиатского банка. 8 июня 1911 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 594. Л. 1–2.

² Письмо А.И. Путилова к И.П. Манусу. 1 июня 1911 года // Там же. Л. 3.

состав акционеров, руководящие органы, но и страну¹. Их устраниение сопровождалось целым шлейфом обид: как тогда говорили, новое банковское правление «возникло на костях старого»². Добавим, что вспыхнувшие в апреле 1912 года на приисках рабочие беспорядки ускорили безоговорочное утверждение новых собственников. Банки нацеливались расширить Ленское дело, намереваясь, например, присоединить к нему около ста приисков, принадлежавших А.В. Ратькову-Рожнову. Этот олигарх сопротивлялся, пытался их сбывать англичанам, но безуспешно, поскольку там уже отдавали отчёт, кто претендует на эти активы³. Что касается правительства, то оно всячески поощряло развитие Ленского товарищества, передав тому с баланса Госбанка в долгосрочную аренду 54 прииска в Забайкалье⁴. Не удивительно, что новые владельцы по отношению к английским акционерам вели себя по-хозяйски уверенно. А.И. Путилов и А.И. Вышнеградский даже не всегда информировали их о своих действиях, так как те, будучи миноритариями, не могли оспорить решение большинства⁵.

Аналогичные процессы протекали и в табачной отрасли, где с конца XIX века управлял ряд семейств, владевших наиболее крупными фабриками. Однако они не обладали достаточным капиталом для поддержания динамичного развития, слабо продвигали продукцию на экспорт. К тому же здесь был весом теневой сектор в лице скупщиков, которые оказывали влияние на ценовую политику: нигде в мире табачная промышленность не давала таких скромных доходов, как в России. Между тем её перспективы не вызывали сомнений у американцев, чей табачный синдикат Due, Owen & Gillchrest уже обхаживал крупную фабрику Шапошникова⁶. Оздоровить от-

---

¹ Доклад правления общему собранию акционеров Ленского золотопромышленного товарищества. 28 сентября 1912 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 602. Л. 61.

² Еропкин А.В. Записки члена Государственной думы. Воспоминания 1905–1928 годы. М., 2016. С. 75.

³ Письмо Чарльза Рольнера в АО «Lena Goldfeld». 11 сентября 1913 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 590. Л. 190–190об.

⁴ Договор Государственного банка с Ленским золотопромышленным товариществом. 28 сентября 1916 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 602. Л. 203–205.

⁵ Письмо А.И. Вышнеградского к А.И. Путилову. 11 мая 1916 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 390. Л. 291.

⁶ В.И. Тимирязев и его национализм // Финансовое обозрение. 1912. № 14. С. 3.

расль взяли питерские банки. В сентябре 1913 года в Лондоне было создано акционерное общество Russian Tobacco company, приступившее к покупке акций российских табачных предприятий, а эти бумаги в свою очередь обменивались на шеры английской компании. Её учредителями выступили Русско-Азиатский банк, Русский для внешней торговли, Сибирский торговый, Русский торгово-промышленный и Петербургский частный банк. В короткий срок им удалось аккумулировать контрольные пакеты товариществ «Лаферм», «Колобов и Бобров», «Бр. Шапошниковых», общества «В.И. Асмолов», «А.Н. Богданов» и др. На эти структуры, расположенные в северных, центральных и южных регионах, с общим оборотом свыше 55 млн рублей, приходилось более половины табачного производства России¹. Объединение их в одних руках снижало издержки, сразу был объявлен новый оптовый прейскурант, что серьёзно подрывало позиции теневиков, которые не могли выторговывать для себя скидки².

Правительство явно расчищало питерским банкам дорогу, блокируя попытки владельцев фабрик координировать свои действия, чтобы сохранить самостоятельность³. В результате хозяева не могли противостоять напору питерских банков и уступали им свои пакеты. Любопытно, как владелец одной из крупных фирм уверял Русско-Азиатский банк в том, что ему удастся уговорить свою тётю продать принадлежавшую ей долю⁴. Всем бывшим собственникам предлагалось на правах миноритариев участвовать в Russian Tobacco: им гарантировалось место в руководящих органах «при условии исполнения всех директив правления английского общества»⁵. Помимо этого с них брались расписки без согласия головной компании не участвовать в деятельности какой-либо иной табачной фирме (в случае неисполнения предусматривался серьёз-

¹ Синдикатский акт. Сентябрь 1913 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 804. Л. 3–6.

² Табачный трест // Биржа. 1914. № 4. С. 3.

³ Например, Совет министров не утвердил слияние, инициированное крупными табачными фирмами «Лаферм», «Богданов» и «Габай» // Банки и биржа. 1913. № 24. С. 1.

⁴ Письмо А.Н. Богданова к А.И. Путилову. 16 июня 1913 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 799. Л. 5.

⁵ См., например: Письмо правления Русско-Азиатского банка к П.Я. Боброву. 12 августа 1913 года // Там же. Л. 34–34об.

ный штраф в 500 тысяч рублей)¹. Бразды же крепко держали в руках банковские представители: судя по протоколам заседаний правления Russian Tobacco, в них постоянно участвовали М. Верстрат (председатель) и Б.А. Гордон². Заседания проводились в Петербурге, а общие собрания акционеров в Лондоне.

С начала 1910-х стартовало «наступление» на рафинадные предприятия, где сахарозаводчики также испытывали хроническую нужду в оборотных средствах. Урожай свёклы рос из года в год, к тому же Министерство торговли и промышленности в это время добилось увеличения международной квоты России на экспорт сахара, что повышало привлекательность отрасли³. Питерская банковская группа вознамерилась вытеснить с ведущих позиций старых собственников, улучшить управление, нарастить мощности. Перед войной из 296 рафинадных заводов, расположенных в империи, наиболее крупные приобретались столичными финансовыми структурами. Ведущая роль в сахарной промышленности закрепилась за Русским банком для внешней торговли и Русским торгово-промышленным банком, контролировавшим почти 50 % производства рафинада в стране и около 90 % экспорта⁴. Перед старыми владельцами возникал тот же выбор: остаться в качестве членов правлений преобразованных обществ (разумеется, на тех же вторых ролях) или уйти с отступными. Заметим, большинство согласилось с предлагаемыми правилами, превратившись в доверенных лиц питерских банкиров, находя в новом для себя положении немало полезного. Многие вошли в руководящие органы обновлённых обществ: А.Ю. Добрый состоял членом правлений одиннадцати сахарных заводов; А.С. Френкель входил в руководство двенадцати компаний, видное положение в отрасли сохранил Л.И. Бродский и т.д.

Но находились и те, кто не желал мириться с утратой статуса хозяев, как, например, известная семья Терещенко, владевшая

---

¹ Расписка членов правления общества «В.И. Асмолов» правлению Русско-Азиатского банка. 16 июня 1913 года // Там же. Л. 131.

² Протоколы заседания правления «Russian Tobacco company limited // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 804. Л. 114–125.

³ Наша экономическая победа // Финансовое обозрение. 1912. № 7. С. 13.

⁴ Каценеленбаум З.С. Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. М., 1912. С. 83–84.

крупными Тульско-Черкасскими свёкло-сахарными заводами. Их выдавливанием из отрасли, приобретшим недружественный характер, непосредственно занимался Л.И. Бродский, сам за пару лет до этого уступивший свои активы питерским банкам¹. Судя по архивным документам, именно он осуществлял операции на средства банков. В частности, Русско-Азиатский банк выделял Бродскому необходимые суммы для покупки паёв². (В конечном итоге потеря активов превратила Михаила Терещенко в яркого оппозиционера, вошедшего после падения царизма во Временное правительство.) По мере приобретения рафинадных предприятий банки старались координировать, или, точнее, централизовать продажи посредством создания Взаимного общества заводов для централизованной торговли рафинадом, а также используя Всероссийское общество сахарозаводчиков³. Подобный опыт уже имелся, когда в 1890-х годах Министерство финансов утверждало так называемую сахарную нормировку, в соответствии с которой производители осуществляли торговлю⁴. Совершенно справедливым следует признать вывод, что «банки стали той коллективной силой, для которой важно обеспечить стабильность рынка и у которой было достаточно сил и влияния, чтобы добиться своей цели»⁵.

В преддверии войны под контроль была поставлена и перспективная маслособойная отрасль, технологически связанная с хлопковой. На этом поприще действовали Русско-Азиатский банк и Петербургский частный банк. У московского купца первой гильдии З.М. Персица, чьей семье принадлежало Волжское общество маслособойных и химических заводов «Салолин», были куплены паи этого перспективного актива. Уже в 1913 году состав владельцев «Салолина» кардинально изменился: среди них преобладают деятели Рус-

¹ Приобретение банками сахарных заводов // Финансовая жизнь. 1915. № 18. С. 404; Протокол Чрезвычайного общего собрания пайщиков Тульско-Черкасских свекло-сахарных заводов. 30 июня 1915 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 779. Л. 82–82об.

² Письмо правления Русско-Азиатского банка к Л.И. Бродскому. 20 мая 1915 года // Там же. Л. 9–10.

³ Собрание сахарозаводчиков в Киеве // Банки и биржа. 1913. № 45. С. 5.

⁴ Гефтер М.Я. Из истории монополистического капитализма в России (сахарный синдикат) // Исторические записки. Т. 38. М., 1951. С. 107–131.

⁵ Давыдов М.А. Соглашения рафинеров (1900–1917 годы) // Монополистический капитализм в России. Сб. науч. трудов. М., 1989. С. 112.

ско-Азиатского банка¹. То же самое наблюдалось и в крупных Южных маслобойных и химических заводах «Саломас», где заправляло ростовское купечество. Предприятие переходит под контроль Петербургского частного банка, а его председателем правления вместо К.В. Вейсбрема становится столичный финансист А.А. Давидов², после чего также в Лондоне учреждается общество The Russian Tallow oil manufacturing export, на шеры которого обмениваются акции «Салолина» и «Саломаса», чем окончательно закрепляется банковское владение³. Однако компания Talloil так и не смогла начать свою деятельность, что даже грозило исключением из реестра лондонской фондовой биржи. Это произошло потому, что уже после покупки «Салолина» новыми собственниками был вскрыт ряд серьёзных финансовых и управленческих проблем, что потребовало значительных денежных вливаний⁴. Нельзя сбрасывать со счетов и недовольство купеческой элиты Первопрестольной, которая не желала усиления питерских финансистов в отрасли. Московские банки «делают большие стеснения в дальнейшем переучёте векселей общества»⁵. Но всё же главной причиной стало участие питерских банков в 1913–1916 годах в наиболее масштабном деле, связанном с попыткой заполучить контрольный пакет крупнейшей нефтяной компании России — Товарищества братьев Нобель. Для этой цели в Лондоне учреждалась Russian general oil company. Не будет преувеличением сказать, что основные ресурсы столичных банков были направлены сюда (об этом интереснейшем сюжете будет подробно рассказано в следующей главе).

---

¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 12. Д. 579. Л. 103.

² Протокол общего собрания АО «Южные маслобойные и химические заводы Саломас». 5 ноября 1913 года // РГИА. Ф. 597. Оп. 2. Д. 377. Л. 13.

³ Письмо правления Русско-азиатского банка в правление Ростовского-на-Дону купеческого банка. 20 сентября 1914 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 763. Л. 6; Письмо правления Русско-Азиатского банка к И.Е. Паенсону. 20 сентября 1914 года // Там же. Л. 7; Письмо правления Русско-Азиатского банка к И.С. Гольдбергу. 20 сентября 1914 года // Там же. Л. 8.

⁴ Письмо членов правления АО «Волжского маслобойных и химических заводов Салолин» И.С. Гольдберга и Н.П. Алексева в правление Русско-Азиатского банка. 30 сентября 1914 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 761. Л. 93–93об.

⁵ Письмо членов правления АО «Волжского маслобойных и химических заводов Салолин» И.С. Гольдберга и Н.П. Алексева в правление Русско-Азиатского банка. 4 декабря 1914 года // Там же. Л. 102.

Петербургские банки не только захватывали различные отрасли, но и подкрепляли усилия государства по созданию новых секторов экономики. Промышленный рост последнего десятилетия Российской империи поставил на повестку дня вопрос о строительстве торгового морского флота. Внешние перевозки осуществлялись в основном иностранными кораблями, на долю которых приходилось 87 % нашего морского ввоза и 94,6 % вывоза. Такое мизерное участие в транспортном обслуживании экспортно-импортных операций объяснялось практически полным отсутствием отечественного флота¹. Средний ежегодный прирост тоннажа нашего морского парка не превышал 30 тысяч, тогда как Англия в год строила кораблей более чем на 800 тысяч тонн, Германия — по 300 тысяч, а Франция более 100 тысяч тонн². Флот часто сравнивали с насосом, перекачивающим товарные потоки; если он был недостаточно силен, то приходилось прибегать к помощи других. Иностранные же фрахты стоили недешево: более 120 млн рублей ежегодно уходило на выплаты³. Торговый флот в России всегда был «нелюбимым детищем». На фоне престижа военно-морских сил, которые пользовались неизменным покровительством придворных сфер, это особенно бросалось в глаза. С начала XX столетия и до 1914 года в стране не возникло ни одного крупного пароходства. Великий князь Александр Михайлович, взявшийся руководить торговым мореплаванием, принёс ему немного пользы. Царский родственник отметился изданием закона 1904 года, на деле затруднившего приток инвестиций в эту сферу⁴. С другой стороны, как выяснилось, наши союзники по войне с Германией не горели желанием содействовать становлению русского торгового флота. Так, Великобритания отказывала России в кредитах на приобретение ряда кораблей для перевозки необходимых грузов. Английские власти настаивали на передаче транспортировки всецело британскому адмиралтейству, а также на подчинении ему остальных русских судов, что лишило бы их самостоятельной работы на линии Аме-

¹ Возможен ли у нас торговый флот? // Финансовое обозрение. 1911. № 12. С. 2.

² Торговый флот и судостроение // Финансовое обозрение. 1911. № 22–23. С. 5.

³ Оборудование торгового флота как неотложная задача ближайшего будущего // Торгово-промышленная газета. 1916. 9 июля.

⁴ Там же.

рика — Архангельск¹. Не пожелали англичане уступить Российскому обществу пароходства и торговли захваченные у немцев в ходе боевых действий крупные суда, курсировавшие по линии Гамбург — США².

Конкретные шаги по созданию торгового флота, предпринятые во время Первой мировой войны, были неотъемлемой частью общего экономического плана, который подготовила финансово-экономическая бюрократия. Ставка на расширение экспорта актуализировала присутствие России на рынке транспортных перевозок уже в новом качестве. В министерстве торговли и промышленности весь комплекс вопросов развития торгового флота оказывается в ведении нового товарища министра С.П. Веселого — известного сторонника отечественного капитала во всех сферах экономики³. Укрепляются позиции государства в крупных пароходных компаниях. К примеру, в Российском обществе пароходства и торговли правительство решает увеличить принадлежащий ему пакет акций до 2/3 посредством дополнительной эмиссии бумаг в свою пользу; балансовая стоимость имущества компании за время войны утроилась⁴. Планировалось приобретение 20 тысяч акций по цене 900 рублей за акцию⁵. Большая роль в строительстве торгового флота отводилась петербургским коммерческим банкам. Их участие планировалось организовать по аналогии с железнодорожным хозяйством, т.е. государство гарантировало выпуск облигационного капитала, выпускаемого частными компаниями. Правительство поддержало инициативу группы финансистов во главе с Я.И. Утиным, А.И. Вышнеградским и М.С. Плотниковым по созданию АО «Русский торговый флот». Уставной капитал общества определялся в 15 млн рублей, а облигационный — в 135 млн. При-

---

¹ Пузырев В.П. Торговый флот России в первую мировую войну. 1914–1917 годы. М., 2001. С. 17.

² Продажа РОПиТ судов, захваченных у немцев // Финансовая жизнь. 1915. № 17. С. 383.

³ Новый товарищ министра торговли и промышленности // Финансовая жизнь. 1915. № 3. С. 39.

⁴ Письмо председателя правления РОПиТ А. Молчанова к министру торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховскому. 23 июля 1916 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 116. Л. 33–33об.

⁵ Памятная записка к особому совещанию // Там же. Л. 26об.

чём сумма от его реализации должна была находиться под контролем Минфина, предоставившего гарантии, и расходоваться по мере выполнения работ, принятых правительственной комиссией¹. Предполагались ежегодная постройка 25 кораблей и перемещение ряда производств, общая численность рабочих общества должна была вырасти до 10 тысяч человек². Планы по развитию морской отрасли вызвали интерес у многих. Так, Товарищество братьев Нобель решило учредить страховое общество «Русский Ллойд», которое специализировалось бы главным образом на страховке морских фрахтов³. Не осталось в стороне и московское купечество, всегда ревностно следившее за деловой жизнью Петербурга, озабочившееся созданием Морского банка⁴. Правительство заявило, что не рассматривает их проект как конкурирующий и воспользуется предложением москвичей, если оно будет достаточно проработанным⁵.

Завершая эту главу, ещё раз напомним известную ленинскую мысль о всесии бизнеса, который превратил власть в «служанку» своих интересов. Ленин основывался прежде всего на европейских впечатлениях, поскольку с 1900 по 1917 год (за исключением небольшого отрезка в 1905-м) пребывал в эмиграции. Но хотя его выводы отражают положение крупного капитала как в хозяйственной, так и в политической жизни Запада, бесполезны они и для российской действительности. Ведь в инициированной сверху экономической модели 1860–1870-х годов ключевым элементом становилась нарождавшаяся олигархия (чего стоят только железнодорожные короли и банкиры той поры). И если бы этот сценарий не был прерван, произошло бы совсем не то, о чём уверенно вещали авторы либеральных экономических сочинений. Скорее всего, вместо западных буржуазных стандартов Россия полу-

---

¹ Письмо министра торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховского к премьеру Б.В. Штюрмеру. 23 сентября 1916 года // Там же. Л. 29 об.

² Создание торгового флота (записка А.И. Вышнеградского и М.С. Плотникова) // Финансовая газета. 1917. 30 января.

³ Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 353–354.

⁴ Морской банк // Утро России. 1916. 19 июня; Морской банк // Финансовая газета. 1916. 20 июля.

⁵ К вопросу о развитии торгового флота // Вестник банков и промышленности. 1917. № 4. С. 8–9.

чила бы нечто подобное 90-м годам XX столетия, превратившись в объект откровенного грабежа — уже на постоянной основе. Однако корректировка модернизационной стратегии, которую провела финансово-экономическая элита, позволила вновь запустить масштабные реформы. Перезапуск осуществлялся в ином контексте: крупный бизнес, очищенный от олигархического всевластия, оказался на службе у финансово-экономической бюрократии, чьи планы претворяла питерская банковская группа. Как было сказано в начале главы, эта модель напоминает ту, что действует с конца XX века в Китае. Правда, китайские управленческие механизмы мы можем наблюдать воочию, а в отношении дореволюционной России всё обстоит сложнее. Дело в том, что модель, о которой мы говорим, была сломана в последние полгода существования империи и после февраля 1917 года канула в Лету, о чём будет рассказано далее.

Глава десятая

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С КРУПНЫМ БИЗНЕСОМ (на примере нефтяной отрасли)

К рубежу XIX–XX столетий нефтяная отрасль превратилась в серьёзный фактор экономического развития. Особенно для стран со значительными запасами нефти, к числу которых относилась и Россия. Столь мощный ресурс усиливал модернизационный потенциал страны, в реализации которого участвовало, как государство, так и крупные частные игроки. Российская нефтянка принадлежала к наиболее монополизированным отраслям экономики со значительным присутствием иностранного капитала, и на её примере нам будет легче понять общую природу отечественного капитализма, который сложился в последние двадцать лет существования империи.

Нефтяное дело в России начиналось с разработки природных богатств Апшеронского полуострова, где расположен город Баку. Переход этой территории от персидских ханов к царскому правительству (1806) не внёс в отрасль практически никаких изменений. Добыча осуществлялась примитивным колодезным способом и оставалась на низком уровне, ей соответствовала и перерабатывающая промышленность. Хотя к 1872 году в Баку и окрестностях насчитывалось 57 перегонных заводов, общее количество произведённого керосина составило менее 400 тысяч пудов. Многие из этих так называемых заводов (глиняных мазанок с одним перегонным кубом и холодильником) работали нерегулярно и выпускали топливо крайне низкого качества¹. Такое поло-

---

¹ Нардова В. А. Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880–1890-е годы. Л., 1974. С. 7–8.

жение стало следствием отсталой откупной системы, существовавшей с 1808 года. Получая промыслы во временное пользование, откупщики интересовались лишь ростом выручки и не заботились о техническом развитии, так как оно требовало затрат. Отмена в 1872 году откупов оказала огромное влияние на бакинскую нефтяную промышленность, открыв дорогу для необходимых технических усовершенствований и нововведений. Теперь участки передавались в частные руки с публичных торгов за единовременную плату; при этом разрешался беспрепятственный поиск нефти на всех казённых землях. Этим временем обычно и датируют начало российской нефтянки. За 1870–1880-е годы отрасль достигла заметного прогресса, весь район покрылся буровыми вышками (в 1873 году их было всего 17, а в 1879 — уже свыше 300). Общая добыча нефти за этот период выросла в 15 раз (с 1,4 до 20,9 млн пудов), а производство керосина — в шесть с половиной раз (с 1,2 до 7,9 млн пудов)¹, к середине 1880-х бакинская продукция потеснила с русского рынка американский керосин.

Приведённые цифры хорошо известны, однако сами по себе они не позволяют понять, что же представляло собой хозяйство, призванное не только насытить внутренний рынок, но и выйти на международный уровень. В 1880-е годы появилось множество различных нефтяных компаний, но подавляющее большинство из них не были готовы к прогрессу в этой перспективной отрасли. Достаточно посмотреть, кто находился тогда на «виду». Серьёзным авторитетом среди азербайджанских предпринимателей пользовался Г.З. Тагиев — абсолютно безграмотный человек, с трудом ставивший свою подпись под документами. После случайной встречи в поезде со своим знакомым Цатуровым в видного нефтяника преобразился специалист по галантерейной торговле А.И. Манташев (Манташанц). Цатуров желал разрабатывать участок, пожалованный вдове Кутаисского губернатора кн. Гагариной, но не знал, с чего начать (и кроме того, едва читал по-армянски), а потому вовлёк в дело более коммуникабельного Манташева². При этом Тагиев, Цатуров и другие заседали в учреждён-

---

¹ Там же.

² Записки помощника управляющего тарифным отделом министерства путей сообщения Н.Н. Изнара // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 778. Л. 210–211.

ном Совете съезда бакинских нефтепромышленников — в шутку его называли Советом безграмотных¹. Как-то инженер горного департамента Министерства финансов К.А. Скальковский, председательствовавший на одном из заседаний этой организации, почти час объяснял участникам, почему необходимо упорядочить добычу на промыслах, как модернизировать производство, но перевод его речи занял не более пяти минут. Чиновника удивила такая краткость, а переводчик из местных объяснил: подробнее не надо, поскольку они всё равно в этом деле ничего не понимают².

Неудивительно, что буровые работы велись как попало, без какой-либо регламентации, по усмотрению «бизнесменов». Их главной заботой было — углубиться в недра и открыть нефтяной фонтан, причём с наименьшими затратами. Инженеры-химики, приезжавшие на нефтепромышленные съезды в Баку из России, постоянно говорили о недопустимости такого ведения дел. Среди них был и Ю.М. Тищенко, рекомендованный Министерством финансов управляющим делами Совета съездов; этот выпускник Мюнхенского политеха профессионально освещал в прессе вопросы нефтяной промышленности³. Большой вклад в её становление внёс В.И. Рагозин, создатель химической лаборатории в Нижнем Новгороде; он не устал предупреждать: «Мы ведём эту промышленность (нефтяную. — *А.П.*) самым варварским способом»⁴. Те же предостережения относились и к переработке. В Америке около 80 % сырьевой добычи использовалось для получения тех или иных товаров, а в России этот показатель не превышал 30 %: остальное просто выбрасывалось, точнее, выливалось в море⁵. Архаичной была и транспортировка нефти от скважин к переработке: в бурдюках или бочках, погруженных на арбу. Интересная подробность: идею скинуться на устройство общего нефтепровода от промыслов в заводской район бакинские предприниматели подняли на смех, не веря в перспективы этого на-

¹ Изнар Н.Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 90.

² Там же. С. 91.

³ Там же. С. 89–90.

⁴ Доклад В.И. Рагозина // Труды Первого съезда нефтепромышленников. Стенографический отчет. 26 октября — 8 ноября 1884 года. Баку, 1885. С. 4–5.

⁵ Pia desidena нефтепромышленников (передовая) // Биржевые ведомости. 1893. 23 сентября.

чинания¹. Они остались равнодушны даже к получению необходимых, казалось бы, кредитов под залог нефти и бурового имущества. В финансовом плане все их активы так и висели мёртвым грузом, увеличивая тем самым стоимость производства². Работавшие в этом регионе банки сетовали: выдача ссуд под нефтепродукты никак не прививается, хотя всем производителям настойчиво рассылаются разъяснения и предложения самых льготных условий³.

Вопиющая безалаберность местных «самородков» удивительным образом сочеталась в них с уверенностью в собственных недюжинных силах. Лидеры нефтянки постоянно требовали свободы предпринимательства: только в этом случае они высвободят богатства, лежащие в земле, ниспровергнут иностранцев и вернут деньги, утекавшие за границу⁴. Чем на самом деле могло обернуться это требование, представить несложно: российская нефтяная промышленность никогда не встала бы на ноги. Её подняли те, кто оказался в состоянии освоить передовые технологии и внедрить правильный менеджмент. Прежде всего это известная фирма «Братья Нобель». Располагая средствами от поставок вооружений в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, эти выходцы из Швеции обосновались в Баку годом позже. Один из братьев арендовал ряд участков нефтеносной земли и купил небольшой керосиновый завод. Так было положено начало товариществу с капиталом 3 млн рублей⁵. В первую очередь для налаживания эффективной эксплуатации Нобели пригласили специалистов из США и Галиции, где разрабатывались месторождения. Они использовали мировые достижения в способе бурения,

---

¹ *Изнар Н.Н.* Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 87–88.

² Записка чиновника Министерства финансов С.И. Гулишамбарова «Об учреждении нефтяного банка для ссуд под нефтяные товары» // Труды Первого съезда нефтепромышленников. Стенографический отчет. 26 октября — 8 ноября 1884 года. С. 270–273.

³ Из записки управляющего Бакинским отделением Волжско-Камского банка С.Т. Тихонова об угнетенном состоянии местного керосинового рынка. 4 апреля 1891 год // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 годы. Документы и материалы. М.; Л., 1961. С. 147.

⁴ Выступление Г.З. Тагиева // Труды Первого съезда нефтепромышленников. Стенографический отчет. 26 октября — 8 ноября 1884 года. С. 134.

⁵ *Дьяконова И.А.* Нобелевская корпорация в России. М., 1980. С. 53.

в устройстве кубов для непрерывной перегонки нефти и т.д.¹ Самое пристальное внимание уделили транспортировке: собственными силами построили первый трубопровод, который совсем недавно осмелили местные кадры. Можно согласиться с выводом одного из ведущих сотрудников нобелевской фирмы К.В. Хагелина: «Технически дело было налажено превосходно. На промыслах бурили по американской системе дёшево, завод давал много и очень хорошего качества керосина. Его развозили по всей России, продавали оптом и в розницу со своих складов... расчёт был на то, что в каждой крестьянской избе керосиновая лампа заменит лучину»². Неудивительно, что компания быстро выдвинулась на лидирующие позиции: в 1885 году на её долю приходилось около $\frac{1}{3}$ добычи (с учётом купленной нефти) Бакинского района, $\frac{1}{3}$ производства керосина и $\frac{1}{2}$ торговли нефтепродуктами³.

На высоком уровне было поставлено дело также и в Батумском нефтепромышленном и торговом обществе, основанном учредителями Потти-Тифлисской железной дороги А.А. Бунге и С.Е. Палашковским. С открытием этой ветки бакинский керосин получил беспрепятственный доступ за границу. Прогнозировалось, что эти инженеры-предприниматели составят реальную конкуренцию американцам, пытавшимся зацепиться за русский рынок⁴. На I Съезде нефтепромышленников (1884) подчёркивалось: в регионе лишь две компании — «Братья Нобель» и Батумское общество — профессионально ведут дело, вкладывая значительные средства, исследуя рынки сбыта, в том числе и заграничные. Иными словами, «они знают, куда идут», в отличие от других, живущих «задним, запоздалым умом»⁵. Однако вскоре Батумское общество перешло в руки французского банкирского дома Ротшильдов: прежние собственники размещали облигации в основном во Франции и практически все ценные бумаги оказа-

¹ Хагелин К.В. Мой трудовой путь. Записки человека, которому сопутствовала удача. М., 2013. С. 108–109.

² Там же. С. 110.

³ Нардова В.А. Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880–1890-е годы. С. 17.

⁴ Иностранцы в России // Каспий. 1893. 6 марта.

⁵ Доклад В.И. Рагозина // Труды Первого съезда нефтепромышленников. Стенографический отчет. 26 октября — 8 ноября 1884 года. С. 5.

лись в распоряжении Ротшильдов. Используя серьёзные финансовые затруднения компании, в 1886 году они завладели её акциями и переименовали Батумское общество в Каспийско-Черноморское; вместе с пакетом акций им досталось 19 десятин богатейших нефтеносных участков и керосиновый завод¹. В результате Ротшильды укрепились в России. Интересно, что они делали акцент не на производительной деятельности, а на расширении торговых операций. С Нобелями, к этому времени прочно обосновавшимися на внутреннем рынке, соперничать было трудно, и банкиры занялись поставкой русской нефти на рынки международные, где конкурировали с американской компанией «Стандарт Ойл». Используя свои финансовые возможности, Ротшильды скупали у бакинских производителей керосин для экспорта². Средние и мелкие заводчики вступали в контрагентские отношения — в немалой степени из-за действий Нобеля, теснившего их на внутреннем рынке; заключая контракты на пятилетний срок, они получали гарантированный сбыт своей продукции³.

При сложившейся структуре российской нефтяной отрасли на передний план выдвинулись две проблемы. Первую проблему представляли взаимоотношения гигантов (Нобелей и Ротшильдов) с одной стороны и местных предпринимателей — с другой. Крупные игроки неуклонно наращивали своё влияние, диктовали условия, и атмосфера накалялась. В 1889 году на V Съезде нефтепромышленников от лица более чем семидесяти заводчиков было заявлено: «Надежды на какое-нибудь более справедливое отношение с их стороны к мелким сотоварищам невозможно; прошлое этих фирм... показало, что они способны только безжалостно давить слабого... положение наше совершенно безвыходное, и в самое короткое время нам грозит полное разорение»⁴. Второй проблемой стало то, что российские нефтепродукты вышли на миро-

---

¹ Матвейчук А.А., Фукс И.Г. Истоки российской нефти. Исторические очерки. М., 2008. С. 315.

² Записка о деятельности фирмы Ротшильда. 5 декабря 1888 года // РГИА. Ф. 575. Оп. 11. Д. 293. Л. 323–325.

³ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 годы. Документы и материалы. С. 673.

⁴ Выступление Амбарцумова // Труды V съезда нефтепромышленников. Стенографический отчет. 22–30 апреля 1889 года. Баку, 1889. С. 23.

вой рынок в тот момент, когда сферы влияния были уже поделены. России, в отличие от США, пришлось затратить больше времени на внутреннее насыщение, а потому на внешних рынках она оказалась в подчинённом положении. Международным центром торговли являлась Англия; через неё шли торговые потоки, циркулировавшие в интересах двух групп: американской «Стандарт Ойл», который осуществлял поставки в Европу, и британской «Шелл», обосновавшейся на Дальнем Востоке, на азиатском и африканском побережьях. Более того, англичане оперировали также и русской нефтью, поступавшей к ним через Ротшильдов¹. Царское правительство оказалось перед лицом сложной задачи: в жёстких условиях расширить прямое присутствие российской нефтянки на мировых рынках. Очевидно, что решить эту задачу можно было только при внутриотраслевой консолидации и наращивании предложения по конкурентным ценам. Так что две названные выше проблемы на практике оказывались тесно взаимосвязанными.

Как известно, в это самое время аналогичные задачи решались в Соединённых Штатах. Поначалу американский рынок был столь же разношёрстным и раздробленным, как и российский. В 1870-х годах множество компаний вели между собой беспощадную борьбу за доминирование. Успех сопутствовал тем, кто добивался лучших условий транспортировки нефти; первостепенное значение имел вопрос о тарифах. Как известно, первопроходцем здесь явился Дж. Рокфеллер, перешедший от строительства железных дорог к следующему этапу — прокладке трубопроводов. К 1882 году уцелевшие в жёстком противостоянии нефтепромышленники, числом около пятидесяти, собрались под его руководством, чтобы образовать союз и прекратить междоусобицу из-за цен и рынков сбыта. Был подписан договор: участники обязывались передать свою собственность и акции в руки избранного комитета (типа траста) для управления нефтяными активами. Всем им выдавались свидетельства, и по ним выплачивались соответствующие дивиденды; хотя каждое предприятие работало по-прежнему, комитет наделялся правом нормировать производ-

---

¹ Извлечение из отчета С.И. Гулишамбарова по поездке в Англию и Соединенные Штаты // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902. № 25 (23 июня). С. 547.

ство и закрывать заводы — на время или даже навсегда¹. Таким образом отрасль поднялась из развалин, и доходы треста стали ощутимо расти; Рокфеллер контролировал около 90 % нефтепереработки в стране². Очевидно, что в данном случае структурирование отрасли тоже происходило снизу — посредством рыночных механизмов. Крупный бизнес выступил здесь, по аналогии с железнодорожным хозяйством, в роли модернизатора теперь уже нефтяной отрасли, выведя её на высокий качественный уровень.

Для России американский нефтяной опыт служил ориентиром — не только в техническом, но и в организационно-коммерческом плане. Использовать этот опыт были не прочь и Нобели, и Ротшильд, и местные фирмы. От имени последних выступил Тагиев: «Каждый из нас в отдельности не может достигнуть и соотой доли тех результатов, которых может достигнуть торговое товарищество при конкуренции с американцами, имеющими преимущества перед нами в торговой опытности»³. Он призвал объединиться на средиземноморских рынках во всеоружии, т.е. с керосином дешёвым и высокого качества, и вытеснить оттуда заокеанскую продукцию⁴. Напомним российский экспортный расклад начала 1890-х годов: Каспийско-Черноморское общество — 44,4 %, Нобели — 15,8 %, группа Манташев — Тагиев — 10,9 %; остальные 29 % приходились на 19 средних и мелких структур⁵. Кроме Ротшильдов и Нобелей, никто не мог похвастаться хорошим знанием иностранных рынков, поэтому остальные были заинтересованы в единой организации, участие в которой обязывало бы всех — и сильных, и более слабых. В то же время не могли не беспокоить две крупнейшие компании, которые держали в общей сложности 60 % нефтяного вывоза и желали завладеть экспортными потоками, вступив в самостоятельное соглашение со «Стандарт Ойл». В этом случае вся российская нефтянка попала бы в зависимость

¹ Standart oil Trust и русские синдикаты (передовая) // Биржевые ведомости. 1893. 6 октября.

² Согрин В.В. Исторический опыт США. М., 2010. С. 249–250.

³ Выступление Тагиева // Труды Бакинского отделения Русского технического общества. 1886 год. Вып. 1. Баку, 1887. С. 4–5.

⁴ Там же.

⁵ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1894. № 12 (20 марта / 1 апреля). С. 750.

от глобальных интересов: ведь Ротшильды, ориентировавшиеся на английскую «Шелл», уже давно были инкорпорированы в мировые рынки, а Нобели активно стремились отвоевать там место.

Исходя из этого, и строили они свою политику в России; например, «Братья Нобель», ведя переговоры о создании общего экспортного синдиката, одновременно устанавливали отношения с американским «Стандартом», пытаясь утвердиться на германском рынке. В Гамбурге нефть американцев и Нобелей помещалась чуть ли не в одном терминале, а агенты тех и других дружно согласовывали объёмы ввоза и стоимость. Причём немцы, недовольные высокими ценами на керосин, старались развязать конкуренцию нашей нефти с американской, предлагая различные льготные условия. В свою очередь российский МИД представил записку, перепечатанную немецкими официальными газетами, где доказывалось, что Германия — перспективный и удобный для нас рынок сбыта. Это вызывало недовольство Нобелей, посчитавших, что дипломаты лезут не в своё дело¹. В свете сказанного становится более понятно, почему единый экспортный синдикат для борьбы за мировые рынки не мог быть создан снизу. Проектируемые объединения оказывались непрочными из-за противоречий между участниками и начинали разваливаться, ещё не начав действовать. Такая судьба постигла «Бакинский стандарт», образованный Манташевым, Тагиевым, Лианозовым и Шибаевым (планировалось соглашение на 10 лет с продажей по заранее устанавливаемым ценам). Не осуществилась также идея Русского нефтяного союза, продвигаемая инженером В.И. Рагозиным. А «Союз семи фирм», создаваемый под эгидой Нобелей для освобождения от пут ротшильдовского капитала, в конце концов не устроил сторонников «Бакинского стандарта». Все эти провалившиеся попытки достаточно полно описаны в литературе².

И всё-таки кризис в отрасли побуждал действовать. Объединиться не удалось, и в дело вмешалось Министерство финансов, взяв на себя трудную задачу: привести к одному знаменателю инте-

---

¹ Карцов Ю. С. Хроника распада. Воспоминания // Архив Дома Русского зарубежья им. А. И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 57.

² Нардова В. А. Начало монополизации нефтяной промышленности России. С. 46–58.

ресы производителей¹. Комиссия при министерстве, куда последние были приглашены, фактически приняла форму съезда: съехались 75 % заводчиков, действовавших в Баку, за исключением группы Манташева — Тагиева. Теперь согласование развёрстки вывоза топлива в рамках единой организации происходило уже на правительственной площадке². И хотя существовавшие противоречия никуда не исчезли и даже воспроизводились вновь, на этом этапе возникло одно принципиальное обстоятельство: в Минфинской комиссии акцент был сделан на гласное, публичное обсуждение проблем, работа подробно освещалась бакинской и петербургской прессой. Новый подход коренным образом отличался от той кулуарной возни, которая сопровождала частные переговоры, иницилируемые тем же Нобелем. Когда никто ни о чём толком не знает, создаётся питательная почва для недоверия³. Заметим, что представители нобелевской фирмы продолжали настаивать на нежелательности огласки, требовали устранить с заседаний газетчиков⁴. И это понятно: многие участники переговорного процесса под эгидой Минфина не хотели видеть Нобелей (как и Каспийско-Черноморское общество Ротшильдов) своим торговым агентом⁵. Обе эти фирмы демонстрировали, мягко говоря, невнимание к менее сильным партнёрам. Например, Нобели ходатайствовали о кредите Госбанка на перевозку керосина по дороге Баку — Батуми, но исключительно для себя. Даже ко всему привычный в коммерческом плане С.Ю. Витте был вынужден напомнить, что такая мера должна рассматриваться в рамках всей отрасли, а потому целесообразно говорить от лица всех заинтересованных участников⁶.

Здесь следует сказать подробнее об упомянутой железной дороге Баку — Батуми. Коммерческая стратегия в нефтяном бизне-

---

¹ *Pia desidena* нефтепромышленников // Биржевые ведомости. 1893. 23 сентября.

² Нефтяной отдел (отчет о заседании комиссии) // Каспий. 1893. 12 октября.

³ Поворот в нефтяном деле // Каспий. 1893. 24 октября.

⁴ Нефтяной отдел // Каспий. 1894. 5 октября.

⁵ Нефтяной отдел // Каспий. 1893. 18 декабря.

⁶ Предписание министра финансов С.Ю. Витте председателю правления Госбанка о предоставлении экспортным нефтепромышленным фирмам кредита для уплаты тарифов на перевозку керосина по Закавказской железной дороге. 5 мая 1894 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 годы. Документы и материалы. С. 164.

се строилась на льготной транспортировке продукции; это был тот самый рычаг, с помощью которого «Стандарт Ойл» получил доминирование (заключив соглашение о тарифной скидке с соответствующими железнодорожными компаниями). Закавказская линия, о которой идёт речь, как и многие другие в России, к этому времени оказалась в собственности казны. Поэтому разговор шёл о получении правительственных льгот на перевозку. Если бы эта железнодорожная ветка по-прежнему оставалась в частных руках, ситуация была бы принципиально иной. Акционеры дороги, учредив своё Бакинское нефтепромышленное и торговое общество, изначально стремились использовать транспортные возможности в ущерб остальным. Местный бизнес регулярно направлял жалобы на Палашевского в Министерство путей сообщения, перечисляя многочисленные уловки, которые обеспечивали привилегированное положение его собственной компании¹. Кроме того, незадолго до национализации Палашевский уступил свои активы не кому-нибудь, а Ротшильдам. И если бы такой лакомый кусок достался этим деятелям, мало бы никому не показалось.

Поэтому, когда в 1886 году ветку Баку — Батуми национализировали, весь нефтяной бизнес вздохнул с облегчением. С государством можно было затевать выгодные игры, и Бакинский биржевой комитет начал забрасывать Минфин посланиями. Начав с причитаний о тяжёлом положении и о беспросветном будущем, нефтяники ходатайствовали о снижении тарифа на перевозку². Мол, вывоз керосина за рубеж обходится им слишком дорого и недалёк тот час, когда производство вовсе остановится³. Однако в правительстве с удивлением обнаружили, что предлагаемое снижение тарифа исходило из цены в 5,5 копейки за пуд, тогда как стоимость керосина в Баку на тот момент составляла лишь 2,5 копейки⁴. Этот фортель коллег наверняка одобрил бы и сам

---

¹ Каспий. 1885. 25 февраля.

² Письмо Бакинского биржевого комитета в министерство финансов. 25 мая 1891 года // РГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 1128. Л. 12–12об.

³ Письмо Бакинского биржевого комитета в министерство финансов. 4 июня 1892 года // Там же. Л. 55об.

⁴ Журнал совещания по вопросу о тарифе на перевозку по Закавказской железной дороге керосина, вывозимого за границу. 21 февраля 1894 года // Там же. Л. 105–105об.

Рокфеллер! Реакция же Министерства финансов была вполне ожидаемой: снижение следует рассчитывать, исходя из уровня бакинского рынка, а не дорогого английского. Иначе все тяготы принимаемой тарифной меры ляжет исключительно на дорогу, а точнее — на казну, тогда как керосинозаводчики получают одни только выгоды, особенно в случае повышения цен. Положительное решение вопроса возможно лишь в том случае, если не будут предъявляться крайние требования и если снижение тарифа не повлечёт крупных потерь для казны¹. Причём рассматривается данная мера как временная, пока не возобновится рост нефтяных котировок².

В конечном счёте правительству удалось справиться с различными подводными течениями и добиться объединения нефтэкспортёров в единую организацию. Для этого Минфин пошёл на создание двух групп. Первую составили Нобель с Ротшильдами, а также целый ряд небольших производителей; продажа керосина на зарубежных рынках осуществлялась через выбранных торговых агентов в лице двух этих крупнейших фирм. А бакинские компании Манташева, Тагиева, Лианозова, Мирзоева и др., наотрез отказавшиеся к ним присоединяться, составили вторую группу; торговым агентом в ней стал Манташев. В начале 1894 года две эти группы образовали Союз керосинозаводчиков России, каждому члену которого назначалось определённое число паёв³. Согласно произведённому разделу Европа (за исключением Балканских государств) закреплялась за Нобелями и Ротшильдами с их партнёрами. Рынок Балкан, Ближнего и Среднего Востока с портами Африки на $\frac{2}{3}$ получала вторая группа, ей также предоставлялось 25 % от дальневосточного сбыта⁴. В начале 1895 года в Петербурге Министерством финансов были собраны производители, которые обеспечивали уже 90 % вывоза. На совещании пришли к решению слить обе группы; паевой принцип сохранился, но произошло сокраще-

¹ Там же. Л. 107–107об.

² Там же. Л. 108.

³ По поводу нового соглашения керосинозаводчиков // Каспий. 1895. 16 мая.

⁴ *Фурсенко А.А., Шепелев Л.Е.* Нефтяные монополии в России и их участие в борьбе за раздел мирового рынка в 90-х годах XIX века // Материалы по истории СССР. Т. 6. М., 1959. С. 94–98.

ние доли крупных фирм и, соответственно, увеличение фактического участия фирм средних и мелких¹.

Отечественная нефтяная отрасль была, таким образом, структурирована. Нетрудно заметить, что эта структура схожа с американской, но есть одно принципиальное отличие: в Соединённых Штатах движущей силой выступила могущественная компания «Стандарт Ойл», а в России — Министерство финансов, то есть государство. Для этих отличий имелись объективные причины, и дело вовсе не в очередном свидетельстве российской отсталости, как уверяют некоторые. Почему же Ротшильд или «Братья Нобель», располагая всеми технико-профессиональными и финансовыми ресурсами, не выполнили модернизационную функцию по заокеанскому образцу? Дело в том, что «центр тяжести» «Стандарт Ойл» всегда оставался в Соединённых Штатах, и транснациональный статус компании немного в этом смысле менял. Известный принцип «что хорошо для Форда — хорошо для Америки» полностью применим и в данном случае. Для Ротшильдов же Каспийско-Черноморское общество представляло собой всего лишь одну из частей могущественной корпорации, тесно спаянной в нефтяном бизнесе с английской «Шелл». Наш рынок они воспринимали с позиций корпоративной выгоды и руководствовались исключительно коммерческой логикой, которая для России никогда не была ключевой. Нобели отличались от Ротшильдов лишь тем, что позже начали встраиваться в мировой рынок. Но они страстно мечтали стать равными другим глобальным игрокам и рассматривали Россию в качестве плацдарма, с которого можно подступиться к осуществлению своей мечты. Если бы им (или Ротшильдам) удалось выступить в роли «Стандарт Ойл» и фактически подмять под себя российский рынок, российская нефтянка неизбежно перестала бы обслуживать интересы нашей страны. А остальные представители отечественной отрасли, как мы видели, были не в состоянии самостоятельно обеспечивать её прогресс. В этих условиях функцию модернизатора могло эффективно выполнить только государство, так как «центр тяжести» Министерства финансов находился в Российской империи, а не где-то за её пределами.

---

¹ Новое соглашение керосинозаводчиков // Каспий. 1895. 1 июня.

Союз керосинозаводчиков России прекратил своё существование в 1898 году из-за неразрешённых противоречий прежде всего с теми же Нобелями. Как отмечали исследователи, будучи членами Союза, они продолжали координировать свои действия со «Стандарт Ойл», что приводило к сбоям русской торговли в европейских странах¹. Тем не менее в целом усилия государства по структурированию отрасли принесли очевидные плоды (хотя в литературе это почему-то не усматривается). Начался бурный рост нефтянки: российская добыча увеличилась с 226 млн пудов в 1890 году до 700 млн пудов к 1904-му². В этот период наша нефтепромышленность шла «нога в ногу» с американской! Однако неожиданно всё изменилось: события, именуемые в историографии как первая русская революция, повлекли за собой коллапс нефтяного хозяйства, от которого оно так и не смогло оправиться.

Замечено, что революционное движение в Баку отличалось от общероссийского. Хотя в советскую эпоху любое проявление революционности связывали с деятельностью партии, руководившей пролетарскими массами, к бакинским беспорядкам она почти не имеет отношения. Здесь заправляли организация балаханских рабочих братьев Шендриковых, Союз бакинских рабочих и т.д. Например, Шендриковы инициировали — вопреки планам большевиков — грандиозную декабрьскую стачку 1904 года, переросшую в национальную резню. Советская историография относилась к откровенным «зубатовцам», т.е. агентам охранного отделения, действующим в рабочей среде³. Однако судя по документам, ни Бакинское жандармское управление, ни департамент полиции в Петербурге не имели ни малейшего представления о том, кто «разгоняет» беспорядки⁴. Получив агентурные сведения, что

¹ *Фурсенко А.А.* Первый нефтяной экспортный синдикат в России (1893–1897 годы) // Монополии и иностранный капитал в России. Сб. ст. М.; Л., 1962. С. 56.

² *Волобуев П.В.* Из истории монополизации нефтяной промышленности дореволюционной России (1903–1914 годы) // Исторические записки. Т. 52. М., 1955. С. 80–81.

³ *Ахундов Ю.* Монополистический капитал в дореволюционной Бакинской нефтяной промышленности. М., 1959. С. 208.

⁴ Телеграмма начальника Бакинского губернского жандармского управления полковника Карпова в департамент полиции. 18 января 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Л. 1141. Л. 14.

одного из зачинщиков рабочие называют Илюшкой, местные власти с трудом установили его личность. Это и был недоучившийся в Петербургском университете Илья Шендриков, связанный с заграничными революционными кругами.

Мощная забастовочная волна подготавливалась в Баку загодя, напряжение нарастало постепенно; конфликты стали происходить чаще, и бакинские стачки оказались более продолжительными, чем российские¹. Уверенно сказать, кто последовательно разогревал массовые беспорядки на промыслах, сегодня трудно. Однако до революции, когда не требовалось воздавать хвалу организаторским способностям большевиков, многие указывали на прямую заинтересованность глобальных фирм в сдерживании подъёма нашей нефтянки. Известный лидер эсеров В.М. Чернов пишет в своих мемуарах, что Нобели «выписали себе» в Бакинский район одного из революционных предводителей Марка Натансона, освобождавшегося в начале XX столетия из очередной ссылки², и тот оказался на службе в Бакинской городской управе. Вместе с этой вестью вскоре пришла и другая: «где-то на Кавказе свила себе гнездо большая тайная типография». Причём она не принадлежала какой-либо партии, а работала на революционное движение вообще. Чернов и его сподвижники по эмиграции не сомневались, что это «рука Марка»³. Не менее любопытно мнение фабричного инспектора Батумской области Д.Я. Сущевского, хорошо знавшего местную обстановку: «Планомерность организации забастовок в Батуми и Баку, большие денежные средства, которыми были снабжены рабочие... указывают на то, что забастовки были организованы людьми с обширными капиталами, интересы которых требовали крушения экспорта русского керосина. Таковыми являются конкуренты последнего на мировом рынке: “Стандарт Ойл”, “Европейский нефтяной союз”, учреждённый немецкими банками... К ним примкнули Нобель и Ротшильд. Из 157 резервуаров для хранения нефтепродуктов в Батуми 102 находятся в их руках. Из 30 паровых обществ, работающих на экспорт, 22 при-

¹ Очерк забастовочного движения рабочих в Бакинском нефтяном районе за 1903–1906 годы. Баку, 1907. С. 73, 75.

² Чернов В.М. В партии социалистов-революционеров. Воспоминания о восьми лидерах. СПб., 2007. С. 49–50.

³ Там же.

надлежит им. Им понадобилось ограничить вывоз за границу русского керосина, что и было исполнено»¹. С этим выводом соотносятся и такие данные: в ходе беспорядков, уничтоживших около 60 % бакинских промыслов, «пострадали преимущественно армянские фирмы, а уцелели главным образом крупные иностранные...»²

Прокатившиеся погромы незамедлительно сказались на российском экспорте. Например, если в 1904 году потребление керосина в Англии покрывалось Россией и США практически поровну, то в 1908 году русская нефть обеспечивала всего 12,4 %, а американская — 78,2 % керосина. То же самое происходило во Франции. В 1904 году на долю России приходился 71 % потребляемого этой страной керосина, а на долю США — лишь 14,3 %; в 1908 году наш удельный вес во французском снабжении упал до 14,5 %, в то время как американский повысился до 61,3 %³. Падение стало следствием разрушения перегонных заводов: до беспорядков действовали 65 предприятий, а всего через несколько лет — 32⁴. После всех этих перипетий сокрушительное поражение России в нефтяной гонке с Америкой было закономерным. В 1911 году у нас было 553,8 млн пудов нефти, тогда как добыча Штатов достигла громадной цифры — 1 млрд 738 млн пудов⁵. И это положение не выправилось даже с началом эксплуатации новых нефтеносных районов Российской империи.

За первое десятилетие XX века о себе заявили Терская область, Кубань (Майкоп), Ухтинский район, Фергана и Южный Урал. Если в начале столетия вне Баку добывалось лишь 5 % сырья, то через десять лет этот показатель вырос до 21,4 %⁶. Всё указывало на неплохие перспективы новых территорий, однако на-

---

¹ Докладная записка фабричного инспектора Батумского округа Д.Я. Сушевецкого. 3 апреля 1910 года // РГИА. Ф. 37. Оп. 70. Д. 569. Л. 13–14.

² Телеграмма на имя Вашего Императорского Величества от генерал-адъютанта И.И. Воронцова-Дашкова. 10 сентября 1905 года // ГАРФ. 543. Оп. 1. Д. 456. Л. 13.

³ *Даниель-бек П.А.* Русский экспорт и мировой рынок в период с 1904 по 1911 год. М., 1914. С. 148, 152.

⁴ Докладная записка фабричного инспектора Батумского округа Д.Я. Сушевецкого. 3 апреля 1910 года // РГИА. Ф. 37. Оп. 70. Д. 569. Л. 12об.

⁵ *Корзухин И.* Нефтяная промышленность в 1911 году // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1912. № 30. С. 151.

⁶ Там же. С. 155–156.

дежды эти не оправдались. Освоение здесь начиналось иначе, чем в своё время в Баку. Там, как было сказано выше, в 1880–1890-х годах случился настоящий производственный бум: земля буквально покрылась лесом вышек. Теперь все тоже были охвачены горячкой — только не хозяйственной, а финансовой; движущей силой этого процесса были не хозяйственные потребности, а чисто спекулятивный интерес. Всё началось с Майкопского района, подвергшегося настоящему финансовому нашествию, организатором которого выступила Лондонская биржа. Издавшие виды дельцы утверждали, что подобного всплеска не наблюдалось последние лет пятнадцать. Слово «Майкоп» производило на британскую публику впечатление, сравнимое со словом «Клондайк»¹. Для разработки майкопской нефти было учреждено свыше пятидесяти компаний с общим акционерным капиталом 150 млн рублей. Никто не сомневался, что «Нью-Баку» составит конкуренцию закавказскому району. Начался такой ажиотаж, что Министерство торговли и промышленности вынуждено было приостановить выдачу разрешений на разработку². Однако о каких-либо серьёзных объёмах добытого сырья ничего не было слышно. И никого не интересовало, что добыча здесь более затратная: средняя глубина скважины достигала свыше 600 сажен, тогда как в Баку — 175–180³. Вместо этих сведений в английских обществах, созданных под майкопскую нефть, фигурировали сообщения о доходах, полученных через выпуск новых акций и облигаций⁴.

Чтобы повысить доверие публики, некоторые компании имитировали бурную деятельность: выписывали оборудование, которое не использовалось, нанимали штаты сотрудников и т.д. Но все подобные расходы выглядели мелочью по сравнению с размахом биржевых операций с ценными бумагами⁵. Ситуация живо напоминала железнодорожное строительство в России времён министра финансов М.Х. Рейтерна. Однако в случае с Майкопом дело было не в банальной спекуляции, что выясни-

---

¹ Падение майкопских акций // *Коммерсант*. 1910. 12 мая.

² Экономические заметки // *Утро России*. 1910. 27 июля.

³ Нефть в России и других странах // *Биржа*. 1913. № 45. С. 5–6.

⁴ Майкопская нефтяная горячка // *Торгово-промышленная газета*. 1910. 10 июня.

⁵ *Гончар Т.В.* Майкоп и англичане // *Деньги*. 1914. 11 февраля.

лось, как только вся эта клоунада естественным образом лопнула и проявились интересы глобального бизнеса. В первую очередь имеется в виду «Европейский нефтяной союз», учреждённый при участии немецкого «Дойче банка», Нобеля и Ротшильдов. К этому времени эта корпорация установила контроль над нефтяным комплексом Румынии, и он стал быстро развиваться: имевшая в начале XX века ничтожные объёмы (1 млн пудов вывоза), к 1910 году местная нефтепромышленность производила уже 82 млн пудов, из коих экспортировалось более 35 млн¹. Причём вся внешняя торговля концентрировалась в руках Европейского нефтяного союза (керосин) и английской «Шелл» (бензин)². Очевидно, появление в непосредственной близости сильного конкурента не входило в их планы. Поэтому после волны банкротств «майкопской химеры» хозяином положения в регионе оказалась Англо-Майкопская компания во главе с румынскими нефтепромышленниками, которые действовали исключительно в интересах крупных корпораций³.

Майкопская комбинация стала весьма поучительным примером. В северном Ухтинском районе, где уже разведанные запасы оценивались в 2 млрд пудов, подобной спекулятивной горячке развиваться не дали⁴. Поначалу там тоже появилось немало претендентов, жаждущих получить документы на участки, а все берега реки Ухты покрылись заявочными столбами⁵. Но Министерство торговли и промышленности, куда теперь входил Горный департамент, настояло на том, чтобы Сенат наконец определился: имеют ли право владеть земельными отводами те общества и лица, деятельность которых на местах «решительно ни в чём не выражается»⁶. В Терской области совладать со спекулятивным бумом удалось не сразу. К 1912 году там уже насчитывалось

¹ Справка «Нефтяная промышленность Румынии». 1912 год // РГИА. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 267. Л. 375.

² Там же. С. 378.

³ Винда В. Майкопский нефтяной район и его государственное значение // Биржа. 1916. № 8. С. 12.

⁴ На севере диком // Финансовое обозрение. 1910. № 2. С. 8.

⁵ Выступление В.А.Карякина // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание 33 от 17 декабря 1908 года. Стб. 2929.

⁶ Нефть на Ухте // Биржа. 1912. № 29. С. 11–12.

около 10 тысяч поданных заявок, масса ценных бумаг наводнила биржу, переходя из рук в руки. С большим трудом, но погасить эту волну всё-таки сумели¹.

Однако главная проблема была связана не с новыми районами, которым ещё только предстояло подняться, а с действующими корпорациями «Братьев Нобелей» и Ротшильдов. После коллапса российской нефтепромышленности их положение только упрочилось. Участники рынка утверждали, что после 1905 года бакинские производители и астраханские паромщики в полной мере испытали диктат этих гигантов, оказывавших решающее влияние на ценообразование. В Государственной думе говорили: «Дайте им хоть миллиард пудов, они какие угодно будут цены ставить»². Пока две эти фирмы заполняли свои резервуары, скупая у мелких и средних заводчиков дешёвое сырьё, шла игра на понижение. Когда же хранилища общим объёмом 100 млн пудов были заполнены, начиналась игра на повышение, сопровождавшаяся громкими сетованиями на истощение запасов, невозможность вести дела и т.д.³ В итоге рост котировок получал объективное оправдание, а потребители были вынуждены переплачивать за керосин из своего кармана. Нефтепромышленник, написавший об этом в правительство, предлагал принудить Нобелей вести торговые операции только с тем сырьём, которое они добыли сами. «Пусть увеличивают во сколько им угодно раз число своих вышек, — заключал он, — но пусть не разоряют других»⁴.

Торговля нефтепродуктами была «козырной картой», позволяющей извлекать наибольшие доходы. Сравним данные по Бакинскому нефтяному обществу и по Товариществу Нобелей. Первая — чисто добывающая компания — перед войной производила свыше 30 млн пудов нефти, что приносило около

---

¹ Нефтяной отдел // Финансовое обозрение. 1913. № 16. С. 13.

² Выступление И.Я. Павловича // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание 33 от 17 декабря 1908 года. Стб. 2949.

³ Письмо директора-распорядителя Саруханово-Куринского АО М. Сарухнова к министру торговли и промышленности С.И. Тимашеву. 30 января 1911 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 годы. Документы и материалы. С. 503–504.

⁴ Там же.

9 млн рублей прибыли. Вторые добывали в 2,5 раза больше, следовательно, их прибыль должна была составить около 23,5 млн рублей, но она составляла 49 млн рублей, т.е. почти на 25 млн больше. Такая разница появлялась благодаря обширной торговле, что наглядно свидетельствует о значении последней в нефтяном бизнесе¹. Поэтому Нобели и Ротшильды поддерживали договорённости, устраняющие торговую конкуренцию между ними. С помощью особых соглашений они определяли долю присутствия в том или ином районе страны, регулярно обменивались информацией о продажах². Чтобы парализовать средние и мелкие фирмы (они не несли расходы на вздутие цен и могли оборачивать себе во благо конъюнктуру, формируемую другими), Нобели и общество «Мазут», приобретённое Ротшильдами для торговых целей, закупали или арендовали множество цистерн — и направляли их в резерв, поскольку на самом деле не нуждались в транспортных средствах. Цель была одна: лишить других производителей возможности выйти на рынок с большими объёмами нефти. Таким образом они контролировали обширный перевозочный парк на Юго-Восточных железных дорогах³, морские и речные перевозки. Нобели увеличивали число собственных танкеров, которым стали даже присваивать имена: «Эммануил Нобель», «Роберт Нобель», «Карл Хагелин» (директор правления. — *А.П.*)⁴. Фирмы, имевшие собственный флот, тоже попадали «в оборот». Например, купцам Меркулевым Нобели предоставили право транспортировки скупленного ими керосина сроком на пять лет, но при этом ограничили их в самостоятельной торговле в России, превратив, по сути, в агентов своего бизнеса⁵. Препятствовали они также

¹ *Вышетафский С.А.* Нефтяное хозяйство России за последнее десятилетие. М., 1920. С. 60–61.

² Там же. С. 63–64.

³ Треволнение нефтяного рынка // *Финансовое обозрение*. 1911. № 13. С. 9.

⁴ *Хагелин К.В.* Мой трудовой путь. Записки человека, которому сопутствовала удача. С. 282.

⁵ Царицынский рынок // *Нефтяное дело*. 1909. № 20. С. 17. Правда, в воспоминаниях Хагелина сотрудничество Нобелей с братьями Меркулевыми изображено исключительно радужным и абсолютно взаимовыгодным. См.: *Хагелин К.В.* Мой трудовой путь. Записки человека, которому сопутствовала удача. С. 280–283.

созданию союза судовладельцев (эту идею в течение нескольких лет продвигал Г.З. Тагиев): такой союз помешал бы нефтяным гигантам установлению гегемонии в перевозках, заставил бы считаться с другими участниками рынка¹.

В 1908–1911 годах местные нефтепромышленники старались приспособиться к ситуации. Их действия очень напоминали попытки двадцатилетней давности по созданию союза керосинозаводчиков. Ряд компаний выступили с идеей общей торговой организации — для противоборства с «Братьями Нобелями» и Ротшильдами. Инициативу проявили Гукасов, Маташев, Мирзоевы, Питоевы, желавшие активно участвовать в перевозке². Тагиев, сбыв к этому времени активы англичанам, стал собственником наливного флота и возглавил совещание судовладельцев, пытавшихся хоть как-то оградить себя от нависшей опасности. Собрались представители практически всех действующих нефтепромышленников за исключением Нобелей и Ротшильдов. Много говорили о сложностях, которые проистекают не столько из положения на рынке, сколько из желания известных фирм эксплуатировать большинство³. Итогом совещания стало образование комиссии для выработки устава, приблизительно по образцу «Продамета». Согласование текста оказалось долгим, поскольку многие хозяева компаний не проживали в Баку (например, Манташев большую часть года проводил в Париже⁴), и возобновление активности относится лишь к началу 1910 года. На начавшихся вновь заседаниях А.О. Гукасов поставил точку в затянувшихся переговорах, заявив: единственная спасительная мера — пропагандируемый союз в форме акци-

---

¹ Письмо Г.З. Тагиева к Э.Л. Нобелю. 11 июня 1911 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности. 1883–1914 годы. Документы и материалы. С. 513.

² Докладная записка управляющего Каспийским отделом Восточного общества товарных складов В.Г. Хелиуса в Правление общества. 6 августа 1908 года // Там же. С. 425–426.

³ Докладная записка управляющего Каспийским отделом Восточного общества товарных складов В.Г. Хелиуса в правление общества. 19 октября 1908 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 годы. Документы и материалы. С. 429.

⁴ Докладная записка фабричного инспектора Батумского округа Д.Я. Сущевского. 3 апреля 1910 года // РГИА. Ф. 37. Оп. 70. Д. 569. Л. 12.

онерного общества под названием «Проданефть»¹. Интересно, что это известие не сильно обеспокоило тех, против кого оно было направлено. Нобели и Ротшильды держались своего курса, скупая ежегодно по 50 млн пудов в дополнение к собственной добыче, что позволяло им уверенно смотреть в будущее². Тем не менее нобелевское правление посчитало нелишним ознакомиться со списком участников заседаний (при этом Гукасов любые утечки приравнивал к предательству³). Однако для обеих сторон было очевидно: никакое объединение без участия всё тех же Нобелей невозможно⁴. Действительно, воспроизводилась ситуация конца 80-х — начала 90-х годов XIX века, и, как прежде, она не внушала большого оптимизма. Нобели и Ротшильды никогда не отличались сговорчивостью, теперь же, когда они приобрели ещё большую мощь, на благоприятные переговоры рассчитывать тем более не приходилось. И если тогда всё закончилось вмешательством правительства, взявшего инициативу по созданию единой организации в свои руки, то теперь события разворачивались иначе.

На сцену вышла петербургская банковская группа. Именно она в этот период выступала непосредственным оператором экономических проектов, продвигаемых властью. Одним из наиболее крупных как раз и был нефтяной. Ранее связь питерских банков с некоторыми бакинскими компаниями ограничивались обычным кредитованием, однако значение отрасли неуклонно росло (накануне Первой мировой войны в ней формировалось

---

¹ Донесение Бакинского отделения товарищества «Братья Нобель» в правление товарищества об обсуждении на заседании Бакинского биржевого комитета вопроса о создании нефтяного синдиката. 30 марта 1910 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 годы. Документы и материалы. С. 472.

² Докладная записка управляющего Каспийским отделом Восточного общества товарных складов В.Г. Хелиуса в правление общества. 5 февраля 1909 года // Там же. С. 435.

³ Письмо заведующего коммерческой частью Бакинского отделения товарищества «Братья Нобель» А.А. Плаксина в правление товарищества о переговорах с А.О. Гукасовым относительно планов создания общества для продажи русских нефтепродуктов («Проданефть») и его предполагаемого состава. 28 мая 1910 года // Там же. С. 477.

⁴ Там же. С. 477–478.

около 20 % бюджетных доходов¹). Слухи о создании в нефтянке некоего крупного объединения, куда могут войти многие действующие фирмы, циркулировали в деловых кругах Петербурга с 1910 года. Как говорили, целью новой структуры будет создание более выгодной конъюнктуры и сохранение умеренных цен на жидкое топливо². Эти ожидания стали реальностью в 1912 году, когда пул столичных банков предпринял экспансию в нефтянку.

По сути это означало открытый вызов двум мощным игрокам отрасли. Любопытно, что буквально накануне — в том же 1912 году — произошла грандиозная сделка: Ротшильды вышли из российского нефтяного бизнеса, уступив предприятия (Каспийско-Черноморское общество, «Мазут», «Русский стандарт») непосредственно англо-голландской «Ройял Датч Шелл», взамен получив 20 % в капитале этой корпорации. Несколькими годами ранее англичане уже приобрели напрямую некоторые российские активы³. В Баку, естественно, развернуться было практически негде, а потому их производственным бастионом стал Грозненский район⁴. В литературе считается, что стремление «Шелл» утвердиться в стране нарушило расстановку сил между Нобелями и Ротшильдами; это побудило именитых банкиров отказаться от самостоятельного ведения дел в России. Есть также версия, что они стали менее конкурентоспособными по сравнению с другими нефтяными корпорациями (испугались Нобелей)⁵. Так или иначе, но Ротшильды, отойдя от России, не покинули нефтянку в других частях света, продолжая традиционно сотрудничать с «Шелл». С другой стороны, эта корпорация едва ли стала бы предпринимать что-либо в России без своих партнёров, много лет проработавших на местном рынке. Так что уход Рот-

---

¹ Всероссийский съезд представителей промышленности и торговли // Утро России. 1910. 5 мая.

² Нефтяные товары // Торгово-промышленная газета. 1910. 19 мая.

³ *Фурсенко А.А.* Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы — 1918. М.; Л., 1961. С. 316.

⁴ *Келосов Л.Н.* Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893–1917 годы). Грозный, 1962. С. 182–183.

⁵ *Бовыкин В.И.* Российская нефть и Ротшильды // Вопросы истории. 1978 № 4. С. 41.

шильдов из страны вызван, на наш взгляд, желанием избежать лобового удара с мощной группой, намеревавшейся перемолоть отрасль. О том, что питерские банки не просто пользуются поддержкой правительства, но фактически являются исполнителями его воли, не было секретом. Схватка с таким противником не предвещала ничего хорошего, а потому выдвижение на первые роли непосредственно транснациональной «Шелл» выглядит вполне оправданным: у властей к недавно зашедшей на российский рынок компании ещё не могло, в отличие от тех же Ротшильдов, накопиться претензий.

Для экспансии в нефтепромышленность петербургские банки использовали специальную структуру — Русскую генеральную нефтяную компанию, учреждённую в Лондоне⁶. Сценарий действий питерской банковской группы (куда входили Русско-Азиатский банк, Петербургский международный, Учётно-ссудный, Русский торгово-промышленный, Сибирский торговый, Петербургский частный банки, Русский банк для внешней торговли) выглядел следующим образом. Наполнить Русскую генеральную нефтяную корпорацию, часто именуемую просто «Ойл», активами различных компаний, структурировав её относительно добычи, переработки и транспортировки. Затем, «подкачав мускулы», приступить к установлению контроля над товариществом «Братья Нобель», давно превратившегося в «красную тряпку» — в раздражителя. В случае успеха «Ойл» превращается в главную силу на нефтяном рынке России, способную диктовать условия даже такому гиганту, как «Шелл».

Своеобразную прелюдию к этому сценарию исполнила столичная пресса. С начала 1912 года страницы деловых изданий заполнили материалы о безответственности бакинского нефтяного бизнеса, нуждающегося в лучшем менеджменте. Падение добычи связывалось с некомпетентностью многих владельцев промыслов и заводов. Более того, нефтепромышленников обвиняли

---

⁶ Поэтому ранее ее относили к английскому капиталу, что, конечно же, неверно. В постсоветский период наконец перестали преувеличивать роль заграничной «одежды», именуя «Ойл» квазииностранной компанией. См.: *Гурушина Н.Н., Поткина И.В.* Английские капиталы и частное предпринимательство в России // *Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Сб. статей.* М., 1997. С. 100–101.

в разбазаривании природных богатств региона, и, как утверждалось в «Финансовом обозрении», это обвинение «получило вполне обоснованную почву в отзывах геологического комитета»¹: при эксплуатации участков нерационально бурились скважины, было допущено затопление водой целых нефтяных пластов и т.д. В журнале негодовали: «Какую нужно иметь бесцеремонность, чтобы, испортив в значительной мере нефтеносный район, ходатайствовать и настаивать перед правительством о передаче обществу этих хищников на разграбление и остальной площади нефтеносных земель Апшеронского полуострова? Какой нужен цинизм, чтобы, заливая водой богатства в сотни миллионов рублей, ассигновать жалкие тысячи на изыскание мер к исправлению содеянного?»² А выправить ситуацию может только появление новых собственников, которые смогут поставить дело в отрасли иначе³. Интересно, что Бакинскому району противопоставлялся Южный Урал с его колоссальными нефтяными залежами. Он более удобно расположен относительно внутренних рынков и туда в недалёком будущем переместится нефтяной центр России⁴. Нельзя не обратить внимание: выпады против бакинских нефтяников один к одному воспроизводили информационное давление на старых, в основном аристократических собственников уральских горных предприятий, кампания против которых шла в это же время. То есть питерские банки уже нацелились и на этот перспективный регион, которому, по их мнению, тоже пора было измениться, сменить владельцев, принять людей дела⁵.

Журналистской атакой на Бакинский регион дело не ограничилось, и для кавказской деловой элиты всё приняло серьёзный оборот. В начале 1912 года в Петербурге начался судебный процесс по делу армянской партии «Дашнакцутюн»; по нему проходило около двухсот обвиняемых и около тысячи свидетелей⁶. Причём

---

¹ Наши нефтяные дела // Финансовое обозрение. 1912. № 1. С. 15.

² Там же.

³ Политика бакинских нефтепромышленников // Финансовое обозрение. 1912. № 17. С. 1–2.

⁴ Товарные операции банков // Финансовое обозрение. 1912. № 16. С. 3.

⁵ Уральцы и их съезд // Финансовое обозрение. 1912. № 6. С. 12.

⁶ Эта партия, созданная в начале 1890-х годов, ставила целью освобождение Армении от турецкого ига. Однако затем, недовольная отношением царских

в центре расследования оказались люди, тесно связанные с предпринимателем А.И. Манташевым. Например, поверенного в делах его нефтяной фирмы Х. Вермишева, бывшего тифлисского главу, а ныне редактора газеты «Баку», приговорили к ссылке и лишили всех прав; издание закрыли¹. А самого нефтяного короля, который симпатизировал своим решительно настроенным землякам, уличили в финансировании их деятельности², так что неприятности могли коснуться его в любой момент. Одновременно с процессом относительно «Дашнакцутюн» рассматривалось и другое резонансное дело. На скамье подсудимых оказался видный предприниматель азербайджанец Г.З. Тагиев; в Баку он обладал огромным влиянием, большинство членов Городской думы слушалось его беспрекословно³. Тагиева, нанёсшего побои одному из инженеров, обвинили в насилии над личностью. Причём пострадавшему советовали не подавать заявления, и тот поспешно уехал из города, но затем неожиданно вернулся и кинулся в суд⁴. Дело Тагиева выбило из колеи весь Баку. На процесс съехались видные нефтепромышленники; защиту миллионера обеспечивали звёзды адвокатуры, по совместительству депутаты Госдумы В.А. Маклаков и А.А. Замысловский (в суде можно было наблюдать весьма необычную картину: яростные политические противники мило беседуют, стоя рядом со своим клиентом⁵). Местная газета «Баку» (дело было до её закрытия) помещала сочувственные статьи о Тагиеве, которого травит «кучка холопов». Тиражировалась полторачасовая речь Маклакова, в которой подзащитный представал в образе благотворителя, наставника и вообще образцом для подражания. И всё-таки бизнесмена, достигшего 75-летнего возраста, показательно осудили на 2,5 года тюрьмы⁶. Во время следствия предусмотрительный Тагиев решил ликвидировать коммерческие дела и распродал свой каспийский наливной флот, перевозивший

властей к Армянской церкви, включилась и в антироссийскую борьбу.

¹ Дело редактора «Баку» // Русское слово. 1912. 7 марта.

² *Островский А.В.* Кто стоял за спиной Сталина? СПб., 2002. С. 502–503.

³ *Хагелин К.В.* Мой трудовой путь. Записки человека, которому сопутствовала удача. С. 215.

⁴ Дело Тагиева // Русское слово. 1912. 9 марта.

⁵ Там же.

⁶ Дело Тагиева // Русское слово. 1912. 11 марта.

нефть в Астрахань¹. Остаётся добавить: активы в конечном счёте оказались не где-нибудь, а в собственности петербургских банков². В дальнейшем, оправившись от ударов судьбы, символ азербайджанского предпринимательства сосредоточился на финансовом бизнесе. Тагиева с родственниками мы встречаем в качестве учредителей Бакинского купеческого банка в 1914 году и Русско-Голландского банка в период Первой мировой войны³.

Уголовные процессы возымели надлежащее действие: дорога на нефтяные просторы была свободна. Вряд ли кто-либо из местных тузов, имея перед глазами пример того же Тагиева, стал бы проявлять строптивость. Весь 1913 год прошёл знаком вхождения питерских банков в акционерный капитал нефтепромышленности. На балансе «Ойл» оказались контрольные пакеты многих фирм, на приобретение которых был затрачен не только весь уставной капитал (2,5 млн фунтов стерлингов), но и вся выпускная премия и прибыли, полученные от реализации новых выпусков акций патронируемых предприятий⁴. Питерские топ-менеджеры установили контроль над старейшими бакинскими компаниями, председательствуя в органах управления и на собраниях акционеров. Например, А.Е. Шайкевич (Петербургский международный банк) вёл заседания в фирме Манташева⁵, А.И. Путилов — в обществе «Г.М. Лианозов и сыновья»⁶, Т.В. Белозерский — в обществе «И.Т. Тер-Акопов»⁷ и др. Причём собрания проходили, как правило, в ускоренном темпе. Так, в товариществе Лианозовых чтение пространного доклада правления и принятие решений заняло всего тридцать минут: не все даже успели занять свои места в зале, а удивлённые опоздавшие попали прямо на закры-

¹ Продажа пароходства Тагиева // Биржа. 1912. № 1. С. 6.

² *Эфенди-заде Д.М.* Формирование монополистического капитала в торговом судоходстве на Каспийском море // Труды Государственного исторического музея. Вып. 46. М., 1976. С. 203, 206.

³ Протокол общего собрания акционеров Бакинского купеческого банка. 28 апреля 1914 года // РГИА. Ф. 597. Оп. 2. Д. 141. Л. 41–42; Русско-Голландский банк // Финансовая жизнь. 1916. № 44. С. 696.

⁴ Перелом конъюнктуры нефтяных предприятий // Деньги. 1913. 3 декабря.

⁵ Банки и биржа. 1914. № 23. С. 7.

⁶ Там же.

⁷ Финансовое обозрение. 1914. № 6. С. 14.

тие¹. В ходе экспансии в нефтянку было выдавлено и московское купечество, владевшее активами различного уровня. Так, достаточно крупное Московско-Кавказское общество перешло в руки банков, и прежним хозяевам — семействам Крестовниковых, Найдёновых и др. — оставалось лишь негодовать. Впоследствии они с осуждением говорили о торгашеском духе Лианозовых и Гукасовых, сдавших позиции в перспективной отрасли «столичным спекулянтам»². И.А. Морозову и Н.И. Дербеневу пришлось проститься со Средне-Азиатским нефтепромышленным обществом, где купеческие воротилы так и не успели развернуться³. Большинство принадлежащих им акций ушло Русско-Азиатскому банку, а новое правление во главе с Н.Б. Глазбергом переехало из Москвы в Петербург⁴. Если отношения петербуржцев с москвичами были довольно болезненными, то с купеческой фирмой Стахеевых они переросли в дружественный союз. Казанская компания стала опорной для Русско-Азиатского банка при освоении южноуральских месторождений, для чего было учреждено мощное общество «Эмба — Каспий»⁵. Преображается и один из пионеров отрасли — общество «Нефть», основанное в начале 1880-х годов. После появления в этом регионе банков предприятие начинает оперировать значительными суммами, резко увеличивает добычу, нацеливается на освоение Ухтинского района⁶.

К 1914 году Русская генеральная нефтяная компания располагала пакетами акций более 20 компаний с общей добычей почти 45 млн пудов: её интересы распространялись на все нефтяные регионы империи⁷. Происходящие в отрасли процессы привлекали повышенное внимание общества. В Государственной думе прогнозировали: «Ойл» «принадлежит ближайшее будущее»; она

---

¹ Собрание пайщиков товарищества «Лианозов и сыновья» // Биржа. 1913. № 7. С. 9.

² Спекуляции и массовые аресты на бирже // Коммерческий телеграф. 1916. 14 января.

³ Среднеазиатская нефть // Нефтяное дело. 1911. № 4. С. 27.

⁴ Нефтяное дело // Финансовое обозрение. 1913. № 20. С. 13.

⁵ Новое акционерное общество «Эмба — Каспий» // Биржа. 1913. № 27. С. 15.

⁶ Дела товарищества «Нефть» // Банки и биржа. 1913. № 32. С. 4–5; Товарищество «Нефть» // Финансовое обозрение. 1913. № 8. С. 18–19.

⁷ РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 322. Л. 4–5.

уже практически сравнивается с Нобелем, но не намерена останавливаться, продолжая финансовые вливания. Если какая-нибудь фирма попадает под её контроль, это сразу приводит к удвоению акционерного капитала¹. Депутатов очень волновало, что новая корпорация, стремительно ворвавшаяся на рынок, вот-вот вступит в сговор с уже действующими игроками. Они сравнивали Нобелей и «Мазут» с бандитами, «когда с револьвером в руках на большой дороге подходят к человеку и говорят: кошелёк или смерть»². Звучали требования расследовать их деятельность в Поволжье и других «покорённых» районах³. А если к этим двум хищникам добавится ещё один, ничего хорошего не получится. Конечно, общественность не могла знать, что новый хищник совсем не настроен на какие-либо сговоры с прежними. Зато об этом был хорошо осведомлён министр торговли и промышленности С.И. Тимашев, пытавшийся — в меру дозволенного — объяснить думцам положение вещей. Его выступление в нижней палате по поводу нефтяного синдиката крайне интересно: «Фирма “Нобель” с самого начала широко распространяла русский керосин; она покрыла всю страну сетью складов-резервуаров и сделалась хозяином положения. Потом она стала действовать сообща с фирмой “Мазут”, и все предприятия южных наших районов видели, что совершается совместная продажа продуктов. Значит, на вопрос: есть ли соглашение, — я говорю: есть, более того, есть фактическая монополия»⁴.

И хотя этот вывод делался на материалах южных губерний страны, правительство чётко и ясно дало понять, что в принципе относится к сложившемуся положению негативно. Как же оздоровить ситуацию в отрасли, как подорвать позиции монополистов, извлекающих сверхприбыли? Конечно, можно прибегнуть

---

¹ Выступление В.А. Виноградова (Астраханская губ.) // Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сессия 1. Часть 2. Заседание 36 от 5 апреля 1913 года. Стб. 437.

² Выступление А.М. Масленникова (Саратовская губ.) // Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сессия 1. Часть 2. Заседание 33 от 29 марта 1913 года. Стб. 254.

³ Там же. Стб. 257.

⁴ Выступление С.И. Тимашева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 1. Часть 2. Заседание 31 от 22 марта 1913 года. Стб. 40.

к административному давлению на две эти крупнейшие корпорации, но предпочтительнее экономический вариант: он позволяет избежать обвинений во вмешательстве в хозяйственную жизнь и учитывает мнение так называемых прогрессивных сил, полагающих, что действовать в экономике «репрессивно-полицейскими мерами бесполезно и даже вредно»¹. К тому же представители этих сил постоянно твердят о недопустимости передачи нефтяного бизнеса в казну². Поэтому за решение проблемы и взялась петербургская банковская группа, направляемая российским правительством.

Перед этими, по сути, экономическими агентами государства стояла главная цель: установить акционерный контроль над товариществом «Братья Нобель» и тем самым реформатировать российскую нефтянку. Иными словами, то, что в 1890-х годах выполнило Министерство финансов, ныне должна осуществить частная по форме банковская группа. Разумеется, сделать это теперь было гораздо труднее. Потенциал Нобелей заметно возрос: их ценные бумаги высоко котировались на бирже, почти в четыре раза превышая по стоимости номинал³. Товарищество было надёжным и солидным заёмщиком, так что связи его с теми же банками всегда были крепкими. По документам архивных фондов, Нобели проводили деловые операции со многими питерскими структурами, начиная с крупнейшего (до 1910 года) Петербургского международного банка. В финансовом сообществе у них имелись дружеские отношения, как, например, с главой Учётно-ссудного банка Я.И. Утиным; крупнейший клиент этого банка — завод «Лесснер», возглавляемый М.С. Плотниковым, — даже создал совместное предприятие с Нобелями по производству двигателей «Ноблесснер».

Базовым же для Нобелей с конца XIX века стал Волжско-Камский банк, располагавший разветвлённой филиальной сетью по всей России, что очень удобно для ведения обширной региональной торговли. Этот банк стоял особняком в столичном мире,

¹ Передовая // Русские ведомости. 1913. 23 марта.

² Выступление А.И. Коновалова (Костромская губ.) // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 1. Часть 2. Заседание 33 от 29 марта 1913 года. Стб. 235.

³ Нефть // Банки и биржа. 1914. № 16. С. 13.

функционируя, как тогда говорили, в режиме расчётно-депозитного центра, но располагая широкой филиальной сетью¹, собственно, растущей империи Нобелей требовались именно расчёты с многочисленными контрагентами. В числе акционеров Волжско-Камского банка глава семейства Э.Л. Нобель появляется в 1892 году, но ограничивается покупкой незначительного числа акций². Он входит в состав совета, правда, в заседаниях участвует нерегулярно (например, в 1908 году из четырнадцати заседаний присутствовал лишь на пяти³). И тем не менее влияние нобелевской фирмы было здесь поистине огромным (это как если бы сегодня в акционерах и клиентах какого-либо коммерческого банка значился бы «Газпром» или «Лукойл»). Состав основных владельцев Волжско-Камского банка отличался стабильностью (и в этом он напоминал московские)⁴. Когда в 1914 году скончался председатель совета А.Я. Прозоров, по совместительству глава Петербургского биржевого комитета, то его место занял Э.Л. Нобель.

В акционерном капитале самой нефтяной корпорации до 1912 года каких-либо серьёзных подвижек не происходило. Основные лица — нобелевское семейство; другая часть акций оставалась поделённой примерно поровну между теми же банками, третья циркулировала на бирже, включая европейские площадки⁵. Такой расклад вроде бы обеспечивал спокойствие, однако 1912 год принёс большую тревогу: Нобели видели, что затевается вокруг них. Возникла необходимость строить серьёзную оборону. Конечно, дружественный Волжско-Камский банк рухнуть не мог, так как в нём держали текущие счета императорская чета и некоторые великие князья. Вместе с тем возможности этой структуры на биржевом рынке были ограничены, осо-

¹ Темченко Г.А. В «спящем» банке // Банки и биржа. 1913. № 10. С. 3.

² РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 362. Л. 19.

³ Подсчитано по: Протоколы общих собраний акционеров Волжско-Камского банка // РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 32.

⁴ Основными акционерами много лет были семьи Кокоревых и Мухиных, а также дружественные им люди: Прозоров, Ратьков-Рожнов, Брадке, Верховская, Анадины и др. См.: Коммерсант. 1910. 7 апреля; Банки и биржа. 1913. № 10. С. 3.

⁵ Общее собрание товарищества «Братья Нобель» // Нефтяное дело. 1909. № 11. С. 38–39.

бенно по сравнению с теми, кому предстояло сопротивляться. Выход нашли в заключении союза с мощным и активным Азово-Донским банком. Ранее здесь касались нефтяного дела, сотрудничая с Ротшильдами. Связи строились во многом на национально-религиозной основе: ротшильдовский «Мазут» в совете банка представлял Савелий Поляк¹.

Но после того, как французские дельцы покинули Россию, нефтепромышленные позиции Азово-Донского банка «подвисли». Конечно, союз с таким нефтяным гигантом, как товарищество «Братья Нобель», вполне мог компенсировать потерю, однако не в такой опасной ситуации. И всё-таки Б.А. Каменка (глава Азово-Донского банка. — *А.П.*) пошёл на выручку Нобелям, действуя с дальним прицелом. Конечно, давали знать обиды по поводу того, что банк — единственный из элитного ряда — не привлекли к оборонно-промышленным делам, а значит не дали воспользоваться финансовыми ресурсами казны, выделяемыми на обширные военные и морские программы. На этом фоне смычка с Нобелями, которых также собирались ущемить, выглядела вполне логичной. И нефтяной гигант, и Азово-Донской банк прекрасно понимали: если вместе устоят в борьбе с питерцами, то фактически это будет означать, что они отстаивали право вести дела по своему усмотрению. Каменка в этом случае обретал независимость, ведь уходить в одиночку от выстроенной сверху петербургской финансовой группы он не решился бы. Совсем другое дело — рискнуть вместе с сильным союзником, у которого нет иного выхода, кроме как бороться до конца.

Напомним, что Каменка — пожалуй, единственный из первого ряда финансистов — не связан по происхождению с государственной средой. Кстати, к участию в банковских консорциумах для экспансии в ту или иную отрасль его также не приглашали (за исключением железнодорожной отрасли). Положение банка первого ряда зависело от соблюдения правил минфиновской бюрократии, но Каменка всегда тяготился ими, желая выпорхнуть на близкую его сердцу олигархическую волюницу. И в этом

---

¹ Селезнев Ф.А. Конституционно-демократическая партия в 1905–1917 годах: экономическая программа и отношения с буржуазией. Нижний Новгород, 2012. С. 207.

ещё одна причина его стратегического выбора: Азово-Донской банк превратился в центр группы, поддерживающей Нобелей. Ещё одной такой структурой станет небольшой Петербургский торговый банк, возникший на базе Банкирского дома Вавельбергов. Таким образом, нобелевский оборонный редут образовали Азово-Донской, Волжско-Камский и Петербургский торговый банки; они должны были держать акции нефтяного гиганта, всячески противодействуя их скупке.

«Боевые» действия стартовали осенью 1913 года. Возрастающие обороты по акциям Нобеля привели к росту стоимости бумаг: к зиме они подскочили в цене почти на 40 %, что делало их покупку довольно дорогостоящей¹. Однако останавливаться никто не собирался. Следующий удар пришёлся со стороны зарубежных фондовых рынков: в Петербурге сообщили о переходе 12 тысяч нобелевских акций, собранных на ведущих европейских биржах, в собственность «Ойл». В прессе писали, что это сенсационное сообщение «равносильно взрыву мины в противоположном лагере»². Давние финансовые партнёры Нобелей из немецкого Учётного общества, со своей стороны, предупреждали о сложной ситуации и о том, что приказы на приобретение акций поступали из Парижа³. Как следует из документов, отложившихся в фонде Русско-Азиатского банка, биржевые операции в пользу «Ойл» проводил парижский банкирский дом «Розенберг», специализировавшийся на оборотах с российскими акциями на западных фондовых площадках⁴. (В начале 1913 года его глава — Оскар Розенберг — посещал Петербург для координации предстоящих действий⁵). Одновременно возникли проблемы у Петербургского торгового банка, союзного Нобелям. Главу банка Вавельберга вызвал товарищ управляющего Госбанком Д. Т. Никитин и сообщил о закрытии этому учреждению кредита за выявленные нарушения; после этого

¹ Перелом конъюнктуры нефтяных предприятий // Деньги. 1913. 3 декабря.

² Нефтяная явь // Банки и биржа. 1913. № 36. С. 6–7.

³ Письмо правления германского «Учетного общества» Э. Л. Нобелю о повышении курса нефтяных акций на берлинской бирже. 17 сентября 1913 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 годы. Документы и материалы. С. 597–598.

⁴ РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 313. Л. 45.

⁵ Приезд Розенберга // Банки и биржа. 1913. № 4. С. 6.

оттуда начался отток вкладов, сокращение текущих счетов¹. На помощь был вынужден броситься старший, т.е. Азово-Донской банк. Вавельберга убрали от греха подальше, а в качестве руководителя делегировали А.А. Верта (одного из директоров Азово-Донского банка), урегулировав претензии Госбанка².

Все эти хлопоты были жизненно важны для Нобелей, поскольку близилось общее собрание фирмы. В создавшихся условиях оно должно было показать, достаточно ли у нобелевских противников накоплено сил. Состоявшееся в мае 1914 года заседание проходило как никогда бурно. Новые акционеры сумели провести в председатели мероприятия топ-менеджера Петербургского международного банка А.Е. Шайкевича. Тот сразу оспорил повестку, предложенную правлением, а главное — отверг намечаемое увеличение капитала, признав его при сложившейся конъюнктуре несвоевременным. Ему возражал глава Азово-Донского банка Каменка: предприятие расширилось, и увеличение просто необходимо. В конце концов после долгих взаимных препирательств отложили вопрос до осени³. Тем не менее расстановка сил прояснилась: из 30 млн рублей основного капитала семейству Нобелей принадлежали акции на сумму около 6 млн рублей; акции ещё на 8 млн держали Азово-Донской и Волжско-Камский банки, немецкое Учётное общество и Петербургский торговый банк (причём за последним числилось бумаг на 2 млн рублей, и если бы незадолго до собрания усилиями Госбанка его прикрыли, то в нобелевском хозяйстве образовалась бы серьёзная брешь). Питерская группа к этому моменту уже собрала пакет стоимостью около 8 млн рублей⁴. Тайм-аут она собиралась использовать для наращивания своего влияния: крах Петербургского торгового банка, обладающего крупным пакетом нобелевских акций, был бы тут как нельзя кстати.

Конфликт возобновился на следующем общем собрании, в сентябре 1914 года. Камнем преткновения стало стремление Нобелей

¹ Закрытие кредита // Биржа. 1913. № 28. С. 9; Банковская хроника // Банки и биржа. 1913. № 39. С. 11.

² Финансовое обозрение. 1913. № 16. С. 2.

³ Общее собрание акционеров Нобеля // Коммерсант. 1914 21 мая.

⁴ Алияров С. С. Нефтяные монополии в Азербайджане в период Первой мировой войны. Баку, 1974. С. 57–58.

увеличить основной капитал товарищества. Повторим: как только появились признаки предстоящей экспансии петербургской группы в нефтянку, крупные игроки стали готовиться к этому неприятному событию; Ротшильды и «Шелл» быстро переиграли свои позиции по отношению к русскому рынку. Для Нобелей же такой вариант был невозможен, и им оставалось укреплять собственные позиции, выпуская новые акций и распределяя большую часть в свою пользу. Кстати, с 1884 года товарищество ничем подобным не занималось, в течение двадцати лет акционерный капитал составлял одну и ту же сумму — 15 млн рублей¹. Но теперь увеличение основного капитала стало остро необходимым. В самом конце 1911 года произошло его удвоение до 30 млн рублей. Выпуском акций тогда занималось упомянутое немецкое Учётное общество, выводившее ценные бумаги на биржу². В 1914 году правление решило провести ещё одно увеличение — до 40 млн рублей.

Однако в условиях войны пользоваться услугами германской финансовой структуры по понятным причинам не представлялось возможным. Этим решили воспользоваться новые акционеры в лице питерских банков. На осеннем собрании вновь разгорелся спор о своевременности увеличения капитала. С одной стороны выступали Путилов, Вышнеградский, Кон и Шайкевич, с другой — глава Азово-Донского банка Каменка. Любопытная деталь: в ходе дебатов Путилов заметил, что в создавшейся обстановке едва ли какой-нибудь банк согласится взять на себя реализацию выпуска. Каменка выкрикнул из зала: «Может быть, и найдётся» — и после этого питерские банкиры дружно покинули заседание³. Стороны сошлись через два дня. На этот раз противники Нобеля подняли вопрос о законности настоящего собрания.

---

¹ Письмо правления товарищества «Братья Нобель» владельцам акций о новом увеличении основного капитала товарищества до 30 млн рублей в связи с расширением им своих торгово-промышленных операций. Начало 1912 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 годы. Документы и материалы. С. 521–522.

² Протокол соглашения между товариществом «Братья Нобель» и дирекцией германского «Учётного общества». 18 декабря 1911 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 297. Л. 7–8.

³ Собрание акционеров товарищества «Братья Нобель». 26 сентября 1914 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917 годы. Документы и материалы. Л., 1973. С. 16–17.

Путилов, Утин, Глазберг доказывали, что его нельзя считать правомочным, поскольку правление не выполнило требуемых законом формальностей (не опубликовало за четыре дня до открытия список акционеров с указанием представленных ими бумаг); другие им бурно возражали. Затем на голосование всё-таки поставили вопрос об основном капитале, и большинство (333 голоса против 210) высказалось за то, чтобы ходатайствовать о его увеличении на 10 млн рублей¹. Но и это решение было оспорено. Так продолжалось весь 1915 год. Причём, к огромному неудовольствию Нобелей, противоборствующей стороне удалось провести в правление товарищества (в святая святых!) главу Русско-Азиатского банка Путилова². И всё это происходило на фоне подозрений в продолжающемся сотрудничестве с Германией (например, военный министр В.А. Сухомлинов сообщал о переписке и личных контактах Э.Л. Нобеля с немецким послом в Стокгольме³). Столичные газеты трубили о том, что Нобели всегда процветали за счёт германских капиталов — с их помощью скупались нефтяные промыслы⁴. Обстановка вокруг товарищества накалилась до предела, и в деловой прессе справедливо отмечали: «в настоящее время фирма Нобеля не обладает свободой действия»⁵.

Однако бурный поначалу натиск питерских банков начал слабеть, и чем дальше, тем ощутимее. Дивиденды фирм группы «Ойл» не увеличивались по сравнению с нобелевскими и даже не сохранялись, а понижались: у Каспийского общества с 20 % до 11 %, у Московско-Кавказского — с 34 % до 13 %, у Тер-Акопова — с 14 % до 6 %. Что касается ведущих фирм (Лианозова, Манташева, товарищества «Нефть»), то дивидендных выплат здесь вообще не было. Средняя норма дивидендов по всей

¹ Товарищество Нобель // Коммерсант. 1914. 29 сентября.

² Финансовая жизнь. 1915. № 22. С. 543.

³ Письмо Военного министра В.А. Сухомлинова к Председателю Совета министров И.Л. Горемыкину о необходимости ограничить вывоз русских нефтепродуктов за границу. 1 апреля 1915 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917 годы. Документы и материалы. С. 38–39.

⁴ Ган. А. «Братья Нобель» и германские капиталы // Биржевой курьер. 1916. 12 января.

⁵ Его величество «Ойл» // Биржа и русская промышленность. 1915. № 31–32. С. 3–4.

группе за 1914 год составила 5,9 % против 18,4 % в 1913-м, что не могло не сказаться на cash flow (денежном потоке)¹. Но этот тревожный признак померк перед главной неприятностью, которая выявилась не сразу. Размещению бумаг Русской генеральной нефтяной корпорации начали противодействовать европейские биржи. С точки зрения западных деловых кругов, эти акции стоили 38,2 франка каждая, между тем их пытались сбывать по 59 франков². Вместо признания роста пошли разговоры о махинациях со стороны русских, и на ведущих площадках акции не пользовались достаточным спросом. Беспокойство вызывали несколько обстоятельств. Во-первых, такая огромная корпорация, как «Ойл», чьи активы располагались в России, а администрация состояла преимущественно из российских подданных, не вышла на Петербургскую биржу, прежде чем объявиться на биржах европейских. Во-вторых, оказалось, что её контролируют крупнейшие российские банки — те самые, которые в течение нескольких месяцев активно скупали акции русских нефтяных компаний (и многие держатели этих бумаг смогли выгодно их продать). Получалось, что теперь — уже от лица Русской генеральной нефтяной корпорации — их снова предлагают купить, но по более высокому курсу³. Невысокая биржевая оценка заметно затрудняла привлечение средств под залог акций, что стало сказываться уже в 1914 году. Из-за низкого курса питерские банки не могли открывать дополнительные кредиты под участие в биржевых операциях «Ойл». Уведомления об этом содержатся в многочисленных письмах Петербургского международного банка, выступавшего организатором синдиката, к своим партнёрам⁴.

---

¹ Нефтяное дело. 1915. № 15. С. 38–39.

² Письмо одного из держателей ценных бумаг русских нефтяных предприятий в редакцию французского журнала «Экономическое развитие». Октябрь 1913 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 годы. С. 610.

³ Там же. С. 611.

⁴ Письмо правления Петербургского международного банка к Т.В. Белозерскому. 27 мая 1914 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 322. Л. 53; Письмо правления Петербургского международного банка к С.Г. Лианозову. 27 мая 1914 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 322. Л. 55 и др.

В свою очередь Нобели перестроили структуру акционерного капитала товарищества, снизив риски для дружественных держателей крупных пакетов — Азово-Донского, Волжско-Камского и Петербургского торговых банков. К середине 1916 года на балансах этих структур находилось акций на 4 млн рублей, т.е. вдвое меньше, чем двумя годами ранее. Зато в составе крупных акционеров появились московские банки. Это обстоятельство весьма симптоматично, поскольку оно означало сближение Нобелей с оппозиционными кругами. Купеческая буржуазия в это время как раз была поглощена борьбой со своими давними противниками — питерскими банками, причём теперь и в политической сфере. Стремящаяся к олигархическому всевластью московская деловая элита нашла немало точек соприкосновения с Нобелями. На рубеже 1915–1916 годов происходит вхождение в капитал Товарищества Московского банка Рябушинских, Московского общества взаимного кредита, Московского купеческого банка; вместе они приобретают на 3,2 млн рублей нобелевских акций¹. О содействии нефтяному концерну начинает хлопотать Центральный военно-промышленный комитет, адресуя просьбы новому Военному министру А.А. Поливанову².

Нобели начинают открыто вести дела с видными представителями московского купечества. Вместе они создают новое предприятие — «Северно-русское общество внешней торговли». В его учредителях значатся руководители ЦВПК А.И. Гучков, А.И. Коновалов, Э.Л. Нобель, а также вся верхушка Азово-Донского банка во главе с Б.А. Каменкой³. Заявленные планы обширны: различные экспортно-импортные операции как за собственный счёт, так и по комиссионным поручениям, выдача ссуд

¹ Подсчитано по: *Алиязов С. С.* Нефтяные монополии в Азербайджане в период Первой мировой войны. С. 57.

² Ходатайство ЦВПК перед управляющим Военным министерством о содействии в доставке железа для нефтяных промыслов товарищества «Бр. Нобель». 22 июля 1915 года // История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900–1963 годы. Документы и материалы / Военная промышленность России в начале XX века (1900–1917 годы). Т. 1. М., 2004. С. 514–515.

³ Протокол учредительного собрания акционеров Северно-русского общества внешней торговли. 29 февраля 1916 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 823. Л. 12–13.

под товары. Нобель предложил задействовать многообразные транспортные средства, имеющиеся в распоряжении товарищества¹. Так политические интересы перерастали в тесное экономическое сотрудничество. Ранее Азово-Донской банк был связан с кадетами, в руководство которых входил А.И. Каменка (родственник Б.А. Каменки), выступая в роли казначея центрального комитета Конституционно-демократической партии². Теперь же мы являемся свидетелями усиления и сплочения оппозиционных сил, произошедшего в ходе противостояния Нобелей с питерскими банками. Интерес в таком союзе московских купеческих тузов вполне прагматичен и понятен. В случае поражения могущественного нефтяного концерна следующей на очереди была бы текстильная промышленность Центральной России. Поэтому дело Нобелей превращалось для них в рубеж, на котором можно было затормозить сильного соперника.

Для отражения атак петербургских банков Нобелям, как мы видим, удалось мобилизовать как внутренние, так и международные силы, которые по тем или иным причинам не были заинтересованы в их падении. В этой ситуации питерцы с союзниками смогли увеличить свою долю с 8 млн рублей всего лишь до 10,5 млн из 30 млн рублей, т.е. они аккумулировали около 35 % основного капитала товарищества³. Искомый контрольный пакет заполучить не удалось — это стало ясно к весне 1916 года. Архивные материалы отразили постепенный распад банковского консорциума по приобретению нобелевских акций. Так, Петроградский международный банк уведомил Русско-Азиатский банк о выходе из состава синдиката многих членов и поставил вопрос о возможности его ликвидации ещё до истечения установленного срока⁴. Правда, некоторые считали экспансию против Нобелей верным делом и хотели довести его до конца. Например, известный делец Манус адресовал гневные послания, прося пояснить, в чём выразилось руковод-

¹ Биржа. 1916. № 10–11. С. 13–14.

² Селезнев Ф.А. Конституционно-демократическая партия в 1905–1917 годах: экономическая программа и отношения с буржуазией. С. 168–169, 176, 180.

³ Подсчитано по: Алияров С.С. Нефтяные монополии в Азербайджане в период Первой мировой войны. С. 57.

⁴ Письмо Петроградского международного коммерческого банка в правление Русско-Азиатского банка. 13 января 1916 года // РГИА. Ф. 630. Он. 2. Д. 322. Л. 98.

ство Петроградского международного банка синдикатом и почему игнорируются интересы его участников¹. Но было уже не до объяснений: в июле в деловой прессе распространилась информация о предстоящей покупке товариществом «Братья Нобель» громадного пакета шер (около 800 тысяч) Русской генеральной нефтяной корпорации. Всем было понятно, что означает эта операция: Нобели выстояли. Теперь дорога к увеличению основного капитала, за что они бились в течение трёх последних лет, была открыта².

Чрезвычайное собрание акционеров, проведённое в конце июля 1916 года уже исключительно по нобелевскому сценарию, увеличило уставной капитал на 10 млн рублей³. Паи взлетели до 26 тыс. рублей, достигнув максимума за всю историю существования фирмы⁴. Попытки же правительства оспорить или затянуть утверждение решения акционерного собрания, ссылаясь на юридические зацепки, выглядели запоздалыми и неуместными⁵. Питерская финансовая группа, оставаясь акционером, уже никак не могла влиять на дела товарищества. Признанием капитуляции можно считать письмо Русско-Азиатского банка правлению «Братьев Нобель»: «Мы в течение пятилетнего срока обязуемся на всех предстоящих в указанный срок общих собраниях пайщиков и акционеров право голоса предоставлять только лицам, каждый раз особо Вами нам указываемым. При этом мы предоставляем Вам право каждый раз указывать нам не только тех лиц, которым должно принадлежать право голоса по находящимся у нас в портфеле акциям, но и распределение между ними лицами означенных акций»⁶. Так завершилась грандиозная нефтяная эпопея России: «не группа “Ойл” поглотила Нобель, а нао-

¹ Письмо петроградского финансиста И.П. Мануса в правление Русско-Азиатского банка. 5 апреля 1916 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917 годы. С. 111–112.

² Биржа. 1916. № 23–24 (3 июля). С. 7–8.

³ Чрезвычайное собрание пайщиков и акционеров товарищества «Братья Нобель» // Коммерсант. 1916. 2 августа.

⁴ Что представляет теперь товарищество Нобель? // Финансовая газета. 1916. 21 октября.

⁵ Нефть (недоразумения с выпуском товарищества «Бр. Нобель») // Финансовое обозрение. 1916. № 18. С. 19.

⁶ Письмо Русско-Азиатского банка к Э.Л. Нобелю, К.В. Хагелину, К.С. Литорину. 4 августа 1916 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 303. Л. 14.

борот»¹. После этого серьёзное присутствие в нефтяной промышленности сохранил лишь один из ведущих питерских банков — Русско-Азиатский. Его отраслевые интересы концентрировались вокруг товарищества «Нефть» — структуры, которая вышла из «Ойл» и начала самостоятельный путь. Причём Русско-Азиатский банк, оценив трудность поглощения Нобелей, заранее готовил этот запасной путь. Ни одной крупной фирме ещё не удавалось за короткий срок сколотить собственный обширный концерн. Здесь же озаботились созданием собственной торговой и транспортной сети, а также наращиванием добычи; наметили приобретение новых активов, доведя основной денежный капитал до суммы 33 млн рублей, что по данному показателю ставило «Нефть» в один ряд с Нобелем². Тем не менее в конце концов Нобели заняли более сильную позицию, и после одержанной трудной победы их давняя мечта о превращении в транснациональную компанию сделалась явью. Как писал директор правления Хагелин, «теперь можно было думать уже о том, чтобы поработать не только в России, но и, как «Шелл», утвердившийся в Америке, самим перебраться туда. Людей и средств у нас на это теперь хватило бы». Всё сулило необычайный расцвет товарищества Нобелей³. На этих планах поставила крест Октябрьская революция.

Рассказ о взаимоотношении государства и крупных компаний в нефтяной промышленности был бы неполным без освещения вопроса о земельной политике. Иначе говоря, о предоставлении частному сектору нефтеносных земель для эксплуатации, от чего напрямую зависело развитие отрасли. Царская казна наследовала земли, принадлежавшие ранее бакинскому хану и местным бекам. Эти земли образовали государственный фонд, а все местные крестьяне относились к разряду государственных. Первые участки для частной нефтедобычи выделили в 1872 году, при отмене откупной системы. Тогда властью были впервые устроены торги, проводившиеся за уплату единовременного взноса. Кроме того,

¹ Зив В. Финансовая структура нефтяной промышленности // Торгово-промышленная газета. 1917. 5 февраля.

² Доклад правления русского товарищества «Нефть» // Финансовая газета. 1917. 17 января.

³ Хагелин К. В. Мой трудовой путь. Записки человека, которому сопутствовала удача. С. 302.

земли выделялись по высочайшим пожалованиям за многолетнюю государственную службу. Серия таких пожалований была открыта в 1878 году, когда 10 нефтеносных десятин достались генерал-адъютанту П.С. Лазареву¹.

Затем от отводов частным лицам решили отказаться — до разработки специальных правил о нефтяном промысле, увидевших свет 3 июня 1892 года². В соответствии с ними вводилась система торгов, но не за единовременный взнос, а за попудную арендную плату. На этой основе прошли четыре торговые сессии: в 1896, 1897, 1899, 1900 годах. В результате общая площадь разрабатываемых нефтеносных участков выросла до 1000 десятин, а добыча к началу XX столетия достигла 673 млн пудов, ничуть не уступая американской³. Торги проходили в атмосфере ажиотажа: при установленной правилами норме в 0,5 копейки с пуда плата доходила до 3,3 копейки, или трети от цены пуда нефти; к 1900 году она поднялась уже до 8,5–12 копеек, составив 3/4 от существовавших тогда котировок⁴. Надо сказать, что в ходе торгов стали проявляться и некие нездоровые черты. В частности, не могла не смущать слишком большая попудная плата, на которую с лёгкостью шли участники торгов; в отдельных случаях она превышала даже биржевую стоимость нефти. Правительство заинтересовалось: какой же смысл предлагать заведомо убыточную цену? Как удалось установить, дело заключалось в специфическом нефтяном явлении, так называемом подсасывании. Бурение расширялось, началась теснота, поэтому каждый нефтяник начинал эксплуатировать свой участок по краям, чтобы использовать подпочвенную нефть соседних площадей. И если прилегающие земли ещё не разрабатывались, нефтепромышленнику было выгодно сохранять такое положение как можно дольше. Вот многие фирмы и предлагали ни с чем несообразную попудную плату

---

¹ *Гефтер М.Я.* Земельная политика царизма в Азербайджане и захват крупным капиталом нефтяных месторождений (конец XIX — начало XX века) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционные движения в России. М., 1961. С. 383.

² Там же.

³ *Сокин Я.* Бакинская нефтепромышленность в прошлом и настоящем // Банки и биржа. 1914. № 12. С. 3–4.

⁴ Там же.

в надежде, что Сенат такие торги утверждать не будет и всё останется по-прежнему¹.

В результате поездки на Кавказ министра государственных имуществ А.С. Ермолова и по его инициативе было решено изменить действующий порядок². 12 июня 1900 года на трёхлетний период вводились новые временные правила, затем их действие продлевалось ещё на такой же срок. Предполагалось за этот срок подготовить новую законодательную базу по сдаче казённых нефтеносных земель. Разница между правилами 1892 года и временными 1900-го состояла в следующем: работы на заторгованных участках должны начинаться в течение полугода. Ранее попудная плата считалась неизменной до полной выработки участков, теперь же она привязывалась к сложившимся ценам и действительной добыче. Вместо неё вводилось понятие долевого отчисления, которое министерством бралось не только деньгами, но и нефтью³. Эти новшества полнее учитывали реальное положение производства, заметно сужая бизнесу простор для налогового маневра. Провести торги по временным правилам не удалось ни разу, хотя назначались они дважды — в 1903 и 1906 годах. Участвовавшие в них фирмы точно так же соревновались в завышении долевого отчисления, вновь достигших более чем 70 %, с чем Сенат ожидаемо не мог согласиться⁴. С началом работы Государственной думы этот вопрос рассматривался уже там. Народные избранники решительно выступили против временных правил; они отклонили предложение правительства назначить торги на 15 января 1909 года по 33 участкам площадью 129 десятин, потребовав разработать полноценный закон⁵. Министр торговли и промышленности И.П. Шипов попытался объяснить, что быстро это сделать не удастся, поскольку необходимо учесть множество разных интересов, но поддержку среди депутатов не нашёл⁶.

---

¹ Там же.

² Выступление И.И. Дмитриюкова // Государственная дума. Стенографический отчет. III созыв. Сессия 2. Часть 1. Заседание 33 от 17 декабря 1908 года. Стб. 2960.

³ Выступление В.А. Карякина // Там же. Стб. 2913–2914.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Стб. 2917.

⁶ Выступление И.П. Шипова // Там же. Стб. 2938.

Главными противниками принятия закона, предусматривающего отвод земель на конкурсной основе, стали крупные нефтяные компании. Опыт последних неутверждённых торгов 1906 года, несмотря на значительное количество выставленных участков, показал, что неудачные итоги — «это не игра зарвавшегося игрока, которому при проигрыше нечем платить, а серьёзно задуманный и умело проводимый замысел — скомпрометировать какие бы то ни было любые условия»¹. Бизнес сознательно срывал торги, компенсируя потребность в земельных площадях другим способом. Различные частные лица заключали договоры с крестьянами на аренду и поверхностное использование участков сроком на 30 лет. Затем эти лица обращались в Горный департамент с просьбой разрешить им добычу, поскольку в течение трёх десятилетий на заарендованной земле казённая разработка частного владения невозможна. После получения соответствующего разрешения участок с необходимой документацией перепродавался нефтепромышленникам². В Госдуме предан огласке случай генерал-майора Сенявина, который подобным способом сплавил немало нефтеносной земли фирме Нобелей³. Крупные компании активно использовали этот обходной маневр, однако прекрасно понимали, что целесообразнее всего разрешить эту проблему комплексно, одним ударом. Поэтому в противовес законотворческим поискам властей нефтяной бизнес инициировал создание так называемого паевого товарищества Общество бакинских нефтепромышленников.

Эта идея зародилась в нобелевских кругах; целью было получение сразу всех нефтеносных земель, причём без каких-либо торгов. Маскируя свои стремления, организаторы оговаривали и участие государства: паевое товарищество должно действовать на акционерных началах, т.е. нефтепромышленники участвуют своими капиталами, а правительство — землёй. Причём доля казны как пайщика не может превышать 33 % всего основного

¹ *Вьшетравский С.А.* Нефтяное хозяйство России за последнее десятилетие. М., 1920. С. 36.

² Выступление И.И. Дмитриюкова // Государственная дума. Стенографические отчеты. III созыв. Сессия 2. Часть 3. Заседание 81 от 16 марта 1909 года. Стб. 824–825.

³ Там же. Стб. 827–829, 831.

капитала. Распределение паёв между участниками производится пропорционально их годовой добыче за последние три года. Иными словами, по предлагаемой схеме большая часть земель уходила к тем, кто имел значительное производство, т.е. к крупным фирмам. Из 186 фирм, присутствующих в регионе, 12 крупнейших фактически получили бы почти $\frac{2}{3}$ всех площадей, окончательно закрепив своё доминирование¹. После благополучного срыва торгов 1906 года идея паевого товарищества приобрела статус альтернативного проекта по отношению к разрабатываемому закону о нефтяном промысле. Несмотря на существующие противоречия, его дружно лоббировали и Нобели, и Гукасов, и Лианозов, и др. В публичной сфере их усилия поддерживал депутат III Госдумы И.В. Титов. Этот бывший пермский священник, вошедший во фракцию прогрессистов, «старался примазаться к различным промышленным делам», и проект паевого товарищества пришёлся для него как нельзя кстати².

Несмотря на предпочтения нефтяных королей, правительство разработало новый законопроект под руководством товарища министра торговли и промышленности Д.П. Коновалова. Это был не просто высокопоставленный чиновник, но и крупный учёный-химик с мировой известностью. Он возглавлял Петербургскую горную академию им. Екатерины Великой, затем был начальником правительственного Горного департамента, а с 1910 по 1916 год — товарищем министра³. Его профессиональная компетенция была несоизмеримо выше, чем у многих нефтяных деятелей, не говоря уже о персонажах подобных Титову. Разработка законопроекта проходила с большими трудностями, причём источником этих трудностей стало Кавказское наместничество и его глава граф И.И. Воронцов-Дашков. Здесь всегда чутко и заботливо относились к интересам местных нефтяных воротил. Ещё в 1903–1904 годах чиновники наместничества ратовали за отводы земельных участков без торгов: целесообразность такой практики с энтузиазмом доказывал в правительстве пред-

¹ РГИА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 11. Л. 59–68.

² Изнар Н.Н. 50 лет в строю. Воспоминания // Архив «Дома Русского зарубежья» им. А.И. Солженицына. Ф. 2. Оп. 1. Д. 159. Л. 123–124.

³ Подробно о нем см.: Соловьёв Ю.И., Кипнис А.Я. Дмитрий Петрович Коновалов. М., 1964.

ставитель главнокомандующего гражданской частью на Кавказе генерал-майор А.А. Трофимов¹. Теперь же готовящийся в правительстве законопроект встретил открытую оппозицию; Воронцов-Дашков и начальник Кавказского горного управления К.Ф. Ругевич начали борьбу против министерства². В ответ Коноваловым предлагалось даже выделить Бакинский нефтяной район из ведения наместничества и подчинить местное горное управление непосредственно министерству, что вызвало приступ негодования у кавказских чиновников³. В унисон с ними нефтепромышленники требовали предоставить им площади для эксплуатации. Коновалов же рекомендовал тратить энергию не на делёж имеющихся земель, а на разведку новых месторождений, в чём и заключались перспективы развития, о которых так пеклись нефтяные короли⁴.

К неудовольствию промышленников, закон о новых правилах проведения торгов был разработан правительством и принят Госдумой. Его базовым понятием стала так называемая «условная цена», устанавливаемая сроком на 30 лет. С помощью этого инструмента предполагалось сглаживать последствия резких колебаний нефтяных котировок. Предприниматель по заранее назначенной условной цене получает с торгов участок и платит казне разницу между нею и той ценой, которая складывается непосредственно на рынке. Следовательно, если рыночная цена высока, то разница между условной, раз и навсегда определённой, ценой и рыночной существенна; т.е. чем рыночная стоимость выше, тем больше промышленники должны платить казне; а чем ниже рыночная цена, тем меньше бюджетные выплаты. Это была своего рода формула понижения рыночных цен на нефть, давивших российскую экономику⁵.

¹ Журнал заседаний Особого совещания по вопросу о сдаче нефтепромышленникам без торгов казенных нефтяных участков. 20 ноября 1903 года, 12, 14 августа 1904 года // ГАРФ. 1138. Оп. 1. Д. 2683. Л. 4–6.

² Хроника // Нефтяное дело. 1910. № 11. С. 26.

³ Кавказское нефтяное управление // Нефтяное дело. 1910. № 5. С. 31; Самостоятельное нефтяное управление в Баку // Нефтяное дело. 1910. № 7. С. 30.

⁴ Второй съезд деятелей по практической геологии и разведочному делу // Нефтяное дело. 1912. № 2. С. 7–8.

⁵ Выступление кн. А.Н. Лобанова-Ростовского // Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия VII. Заседание 72 от 5 июня 1912 года. Стб. 4728.

Новации вызвали негодование у нефтяников. В Государственном совете их представители пытались дискредитировать этот крайне легкомысленный, по их словам, законопроект, сняв его с обсуждения. Принятие проекта в Госдуме стало возможным только потому, что в нижней палате совсем не было знатоков нефтяной промышленности¹. Критический тон задали руководители Совета съездов представителей торговли и промышленности, входившие в Госсовет. П.О. Гукасов возмущался: до сих пор промышленника рассматривали в качестве арендатора, выделявшего казне известную долю получаемого продукта. Теперь же он превращается в подрядчика по бурению и по добыче, обязанного сдавать нефть не по той цене, в которую она ему обойдётся, и не по биржевой стоимости, а по установленной на торгах на 30 лет вперёд, так как предметом торга делается условная цена. Как можно реализовывать предпринимательские инициативы в подобных условиях?¹² Законопроект демонстрирует отношение к промышленнику как к врагу населения, как к разбойнику, которого следует связать по рукам и ногам³. Гукасова поддержал Н.С. Авдаков: сдача недр на определённый срок неприемлема, поскольку провоцирует расхищение ресурсов. «Только тогда горная промышленность может развиваться, — заявил он, — когда горный промысел свободен, когда недра свободны. Это существует во всех странах, а здесь является какое-то закрепощение разработки недр на срок, это какое-то странное превращение промышленников в подрядчиков»⁴. Г.А. Крестовников вопрошал: пойдёт ли какой-нибудь солидный предприниматель на такого рода торги? И сам же давал отрицательный ответ⁵.

Следует отметить, что ссылка на международную практику, якобы предоставлявшую максимальные свободы при освоении природных богатств, не совсем точна. Так, прусский горный устав, из которого многое было позаимствовано, как раз исключал добычу угля и минеральных удобрений из свободных рыночных отношений, предоставив право разработки сырьевых

¹ Выступление П.О. Гукасова // Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия VII. Заседание 72 от 5 июня 1912 года. Стб. 4722.

² Там же. Стб. 4725.

³ Там же. Стб. 4735.

⁴ Выступление Н.С. Авдакова // Там же. Стб. 4731.

⁵ Выступление Г.А. Крестовникова // Там же. Стб. 4768.

ресурсов государству. Причём правительство могло передавать это право другим лицам на строго определённый срок. И никто не видел в этом подрыва основ предпринимательства¹. В итоге большинство Государственного совета поддержало законопроект; 17 июня 1912 года он получил высочайшее утверждение. Однако его практическое применение нельзя назвать удачным. Торги назначались дважды, 17 мая 1913 и 15 сентября 1914 года. Бакинские нефтяные короли снова сделали всё, чтобы продемонстрировать их полную несостоятельность. В первом случае поступило 426 заявок, большая часть которых — явно от подставных структур и лиц, действовавших в интересах всё тех же крупных отраслевых игроков. В результате сессия была признана недействительной². Повторные осенние торги опять дали отрицательные итоги: выставленные участки разыгрывались безрезультатно три раза подряд. По условиям тендера в случае, если нефтеносные площади оказывались неарендованными, возникала возможность передачи их без торгов. Именно этой юридической уловкой и решили воспользоваться крупные нефтяники, чтобы получить земли для паевого товарищества, о котором говорилось выше.

С середины 1916 года, когда интрига вокруг фирмы Нобелей разрешилась в пользу последних, правительство берёт курс на масштабную нефтяную добычу на принадлежащих казне землях. Ведь Министерство торговли и промышленности, т.е. государство, являлось самым крупным нефтепромышленником, получая в виде отчислений около 70 млн пудов нефти (через Нобелей перед войной проходило около 60 млн пудов)³. Учитывая растущие потребности, военное время и срыв проекта по подчинению Нобелей питерским банкам, власть решила играть на этом поле напрямую, что вызвало бурю негодования участников рынка, ободрённых нобелевской победой. Они забросали правительство письмами, в ко-

---

¹ Выступление Д.П. Коновалова // Там же. Стб. 4734.

² Представление министра торговли и промышленности С.И. Тимашева в Совет министров о результатах торгов на нефтеносные участки, произведённых 17 мая 1913 года в Баку. 8 июля 1913 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914 годы. Документы и материалы. С. 589–594.

³ Что это такое? // Банки и биржа. 1913. № 40. С. 8.

торых говорилось, что устройство казённых промыслов «в случае своего осуществления отзовётся весьма тягостно на будущности бакинской промышленности»¹. Выход из такого положения — образование паевого товарищества и предоставление свободных земель всем выразившим желание работать. Расширение же казённой добычи и передача лучших участков государству серьёзно нарушит интересы нефтяной промышленности, станет для неё губительной². Любопытно, что идею паевого товарищества горячо поддерживал Центрально-военный промышленный комитет (ЦВПК), учреждённый для помощи фронту купеческой буржуазией. Там присоединились к просьбам нефтяников как к наиболее полно отвечающим современным условиям. Причём презентовал проект в ЦВПК управделами фирмы «Братья Нобель» В.К. Истомин³.

Однако олигархии так и не удалось продавить паевое товарищество: даже в стремительно ухудшавшейся обстановке правительство не шло ни на какие уступки. Более того, 16 сентября 1916 года Совет министров внёс в Госдуму проект казённой нефтедобычи, представленный Министерством торговли и промышленности. Суть проекта сводилась к следующему. Казна (МПС, морское, военное ведомства) является наиболее крупным потребителем топлива (около 130 млн пудов нефти в год); каковы бы ни были общетеоретические соображения о невыгодности казённого хозяйства, в некоторых случаях государственные предприятия не только желательны, но даже необходимы. Они избавляют от тягостной иногда зависимости от рынка, находящегося под непосредственным влиянием частных интересов, не всегда согласованных с общегосударственными потребностями⁴. Правда, два месяца спустя правительство всё же допу-

¹ Докладная записка 21 бакинской нефтяной фирмы к министру торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховскому с ходатайством об образовании паевого товарищества для эксплуатации новых нефтяных площадей в Бакинском районе. 16 июня 1916 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917 годы. Документы и материалы. С. 146.

² Там же. С. 149.

³ Под благовидным предлогом // Биржа и русская промышленность. 1915. № 33–34 (16 сентября).

⁴ Законопроект «Об устройстве распоряжением Министерства торговли и промышленности казенных нефтепромыслов на Апшеронском полуострове». 16 сентября 1916 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 506. Л. 4.

стило сдачу части оставшихся нефтеносных площадей без торгов. Речь шла о тех землях, где уже размещались вспомогательные промысловые сооружения некоторых фирм, а потому передача этих участков другому производителю с демонтажом и новой установкой оборудования вызвала бы неизбежное падение добычи¹. Сдаваемая без торгов общая площадь составила 50 десятин; причём, как указано в документе, в большем объёме, чем намечалось, удовлетворены ходатайства Каспийского общества, принадлежащего «Шелл», товарищества «Нефть» Русско-Азиатского банка, фирм Манташева, «Воротан» и др. Весьма примечательно, что в приведённом перечне нет товарищества «Братья Нобель» — оно ничего не получило².

Всё изменилось после Февральского переворота. Временное правительство, состоявшее из оппозиционной купеческой буржуазии, поддержало бакинскую инициативу о паевом товариществе. Депутацию во главе с Э.Л. Нобелем радушно принял новый министр торговли и промышленности А.И. Коновалов. Уже в апреле он сделал представление об удовлетворении ходатайства о сдаче без торгов всех имеющихся нефтеносных земель. Причём Временное правительство с готовностью пересмотрело итоги единственных торгов, состоявшихся в мае 1915 и в мае 1916 года: тогда было заторговано соответственно 36 и 29 участков, договоры предусматривали определённые этапы и объёмы буровых работ. Теперь же, после февраля, нефтяные короли просили отсрочить выполнение обязательств. Специалисты из Горного департамента собирались им отказать, а рассматривать предоставление льгот в каждом отдельном случае. Но Министерство финансов и министерство торговли и промышленности решительно поддержали ходатайство³. Правда, эта олигархическая идиллия продолжалась недолго: вскоре пришёл октябрь 1917-го.

¹ О сдаче некоторым нефтепромышленным фирмам в аренду без торгов под добычу нефти, казенных участков в Бакинском районе. 23 декабря 1916 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 607. Л. 38об.

² Там же. Л. 39.

³ Постановление Временного правительства «О предоставлении льгот по аренде казенных нефтеносных участков Бакинского района, доставшихся на торгах 24 мая 1915 года и 2 мая 1916 года. 23 мая 1917 года // ГАРФ. 1779. Оп. 1. Д. 1192. Л. 4–5.

Глава одиннадцатая

НЕУДАВШИЙСЯ ШТУРМ МОСКВЫ

Тема соперничества Петербурга и Москвы — известная страница отечественной истории — в предыдущих главах уже находилась в поле зрения. Наиболее активная фаза противостояния двух столиц пришлась на Первую мировую войну. К сожалению, этому важному сюжету до сих пор уделено мало внимания, а большинство специалистов вообще проходят мимо него. О том, что схватка петерского и московского капитала тогда уже намечалась, ещё в советские годы указывал И.Ф.Гиндин, плотно занимавшийся экономической проблематикой¹. Теперь же можно утверждать, что борьба ведущих финансово-промышленных групп отличалась большой остротой и имела самое непосредственное отношение к нарастанию общего кризиса, повлёкшего за собой падение Российской империи в феврале-марте 1917 года². В предыдущих главах показано, как в последнее десятилетие перед крахом нарастала экспансия в экономику петербургских банков, чьё влияние распространялось на целые отрасли. На очереди была Первопрестольная — крупнейший всероссийский промышленный центр, овладение которым окончательно переформатировало бы весь внутренний рынок.

Основой экономического могущества Москвы являлась текстильная и лёгкая индустрия. Именно отсюда выросла купеческая элита, концентрировавшаяся вокруг древней столицы. В предвоенные годы сложилось 9–10 групп, оказывавших решающее влияние на деловой мир Москвы³. Наиболее сильной из них являлись

---

¹ Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX века). М., 1997. С. 355.

² Подробно об этом см.: Пыжиков А. В. Питер — Москва: схватка за Россию. М., 2014.

³ Рабенек А. Хлопчатобумажные мануфактуры Москвы и Подмосковья // Возрождение. 1965. № 161. С. 97.

Кнопы, владевшие шестью крупными мануфактурами, что позволяло им генерировать значительные финансовые потоки. Именно в орбите Кнопов взошёл Н.А. Второв, чья видная роль в купеческих верхах на завершающем этапе капитализма в России особенно заметна. С 1907 года он сбывал продукцию трёх ситценабивных фабрик, выступая в качестве коммерческого директора, постепенно набирая силы. Именно благодаря Кнопам Второв вознёсся на вершину предпринимательского олимпа¹. Мощная группа сформировалась вокруг «Трёхгорной мануфактуры» семьи Прохоровых. В её орбите находилась Ярославская большая мануфактура, Ярцевская фабрика Хлудовых, Покровская Ляминых, ткацкое предприятие Дербенева в г. Александрове и ряд других². Амбициозностью отличался клан Рябушинских, в состав которого входили Третьяковы, Бардыгины, Рабенеки со своими хлопчатобумажными активами. Наименее текстильной была группа Вогау; оставаясь семейным предприятием, их фирма больше напоминала многоотраслевую компанию. Они контролировали уральское медеплавильное общество Кольчугина, Белорецкие заводы, являлись крупными акционерами Московского металлического завода Ю.П. Гужона, а также участвовали в чайных и сахарных делах³.

Характерная черта московского бизнеса — довольно слабое использование финансовых технологий. Например, к облигационным займам перед войной прибегли не более десятка компаний, что свидетельствует о крайнем слабом проникновении банковского капитала в хозяйственную жизнь. Причём это относится даже к продвинутым по московским меркам Кнопам и Вогау, у которых меньшая часть собственных капиталов помещалась в акции и облигации⁴. Да и банки Первопрестольной, как сказано выше, уступали петербургским не только по объёму привлечён-

---

¹ Там же. С. 100.

² Ильин С.В. Формирование капиталистических групп в хлопчатобумажной промышленности Центрального промышленного района России (90-е годы XIX века — 1914). М., 1990. С. 15.

³ Гиндин И.Ф. Московские банки в период империализма // Исторические записки. Т. 58. М., 1956. С. 59.

⁴ Ильин С.В. Формирование капиталистических групп в хлопчатобумажной промышленности Центрального промышленного района России (90-е годы XIX века — 1914). С. 10, 14.

ных ресурсов, но и по разветвлённости филиальной сети. По сведениям Министерства финансов, на июль 1914 года у Московского банка Рябушинских имелось восемь отделений, у Московского купеческого и Учётного — по пять, у Юнкер-банка — три, у Московского частного и Торгового они вообще отсутствовали, тогда как у каждой из ведущих финансовых структур столицы насчитывалось по 50–60 отделений¹. Всё это наглядно показывает, что Москва представляла собой благодатное поле для питерских банков, стремившихся заполучить командные высоты в российской экономике. Однако овладеть купеческой цитаделью было делом далеко непростым, поскольку московские предприятия, включая банки, хотя и носили форму акционерных товариществ, но ценные бумаги, как правило, оставались в руках крупных собственников и их семей; аккумулировать крупный пакет было сложно. В уставах обществ в большинстве случаев имелись параграфы, затруднявшие продажу акций «на сторону», т.е. на бирже. Что таковой параграф не являлся простой формальностью, писал московский купец П.А. Бурышкин. В воспоминаниях он рассказал, как его семья пыталась войти в капитал Никольской мануфактуры, купив несколько десятков паёв этого комбината. Но хозяева отказались переводить ценные бумаги на имя приобретателя, что вылилось в долгое судебное расследование². Если с такими трудностями сталкивались свои, родственные предприниматели, то появление в числе собственников купеческих активов посторонних представлялось вообще маловероятным.

Поэтому питерские банки воздерживались от лобовой атаки на текстильные активы, понимая бесперспективность таких действий. Вместо этого они предусмотрительно сосредоточились на овладении источниками сырья для отрасли. В арену ожесточённой борьбы превратился Туркестанский край с его обширными хлопковыми плантациями. Тем более в 1912 году США отказались пролонгировать торговый договор с Россией, а это означало сворачивание американского экспорта³. Учитывая, что

¹ РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1131. Л. 37–38.

² *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 80.

³ Возможна ли торговая война с Америкой? // Утро России. 1912. 10 декабря; 11 декабря; 13 декабря.

из 22 млн пудов хлопка, перерабатываемого российскими фабриками, 10 млн поступало из США, это грозило серьёзными перебоями¹. Естественным образом взоры обращались к Средней Азии: там имелись территории, которые могли бы обеспечить потребности текстильной промышленности. Лоббистом купеческих магнатов в правительственных сферах выступал руководитель Главного управления по земледелию и землеустройству А.В. Кривошеин. Близкий соратник Столыпина являлся проводником московских интересов². Заняв в 1908 году этот важный пост, он создаёт под своим председательством межведомственное совещание по освоению хлопковых плантаций Туркестанского края³. Понятно, насколько текстильные короли Москвы были заинтересованы в расширении стабильных поставок на свои предприятия, раскинутые по всему Центральному региону страны.

Однако эта тема вызвала большую заинтересованность и у пиетерского капитала, активно устремившегося сюда. На этом поприще выделялись столичные финансовые структуры: Русский банк для внешней торговли, Русско-Азиатский, Сибирский торговый, Азово-Донской⁴. В противовес им Кривошеин усиленно продвигал пул московских капиталистов (А.И. Кузнецов, Кнопы, Горбуновы, Рябушинские, Хлудовы, Вогау и др.), презентуя в верхах предложения по орошению хлопкового Туркестана. Кривошеин предлагал распространить правительственные гарантии

¹ Хлопок // Биржа. 1913. № 38. С. 9–10.

² В 1892 году выпускник юрфака Московского университета Кривошеин удачно женился на Елене Карповой (внучке Т.С. Морозова), породнившись с именитой купеческой семьёй. Его супруга была дочерью Анны Морозовой. Знаменитый Савва Морозов — родной брат Анны, а её сестра Юлия — жена Г.А. Крестовникова, главы Московского биржевого комитета. В 1911 году именно Кривошеин (вместе Крестовниковым и С. Морозовым) являлся душеприказчиком одной из самых богатых женщин дореволюционной России — М.Ф. Морозовой (матери Саввы, погибшего в 1905 году) // *Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора*. М., 1993. С. 37, 44; *Поткина И.В. На олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797–1917 годы*. М., 2004. С. 280.

³ Совещание об орошении Туркестанского края // *Промышленность и торговля*. 1909. № 16 (15 августа). С. 215–216.

⁴ *Хотамов Н.Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х годов XIX века — 1917 год)*. Душанбе, 1990. С. 141–174.

на привлекаемый ими капитал по аналогии с железнодорожной отраслью. Однако в данном случае Минфин нашёл это неоправданным, лишённым острой необходимости¹. Вместо этого правительство в лице В.Н. Коковцова предложило крупным московским фирмам, заинтересованным в поставках, выступить в роли посредников между Госбанком и хлопководами, но этот вариант в Первопрестольной сочувствия не встретил². В марте 1912 года Кривошеин предпринимает специальный вояж по Туркестанскому краю с целью выработать программу развития русского хлопководства. Его сопровождала делегация, в состав которой вошли управляющий отделением Московского купеческого банка, управляющий Кокандским филиалом Госбанка, хлопковые заготовители³. Московские фабриканты выражали большую удовлетворённость результатами поездки и призывали других министров, правительственных чиновников следовать примеру Кривошеина и чаще покидать свои высокие кабинеты⁴. Их восторг был вполне оправдан: межведомственная комиссия активно добивалась для представителей деловой Москвы больших участков земли Ферганской области для производственного освоения⁵. Следующим шагом главного управляющего по землеустройству и земледелию стала поддержка ещё одной группы фабрикантов из Иваново-Вознесенска во главе с П.Н. Дербенёвым, жаждущей заполучить площади Каракумской степи⁶. Государственная дума приветствовала все эти планы⁷. Аналогичную поездку Кривошеин совершил

¹ Особый журнал Совета министров. 12 января 1912 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 143. Л. 3–4.

² Выступление В.Н. Коковцова // Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия VI. Заседание 32 от 26 марта 1911 года. Стб. 1516–1517.

³ А.В. Кривошеин в Фергане // Русское слово. 1912. 28 марта.

⁴ А.И. Кузнецов о поездке А.В. Кривошеина в Туркестан // Утро России. 1912. 10 апреля; Будущее туркестанского хлопководства // Голос Москвы. 1912. 22 июля.

⁵ Записка главноуправляющего землеустройства и земледелия о поездке в Туркестанский край // РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 2046. Л. 36–36об.

⁶ Особый журнал Совета министров. 5 декабря 1912 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 143. Л. 235–237.

⁷ Журнал заседаний Комиссии по хлопководству. 6 марта; 5 мая; 2 июня 1912 года // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3448. Л. 2–12.

и в Закавказье (1913), куда он также стремился проложить дорогу московским предпринимателям¹.

Сотрудничество Кривошеина с московской буржуазией, конечно, не являлось тогда секретом. В правительстве нарастала напряжённость между ним и министром финансов В.Н. Коковцовым, ставшим с осени 1911 года премьером. Как известно, последний всегда благоволил столичным банковским кругам, с которыми был неразрывно связан по роду своей деятельности. Взаимное нерасположение двух ведущих членов правительства стало особенно бросаться в глаза после гибели П.А. Столыпина². Ситуация во многом усугублялась как раз тем, что их противостояние опиралось на конкурирующие финансово-промышленные группы (Коковцов — на питерскую, а Кривошеин — на московскую). Подчеркнём, что чаша весов в борьбе за туркестанский хлопок медленно, но верно склонялась в пользу петербургских банков. Из всего объёма сырья, поступавшего из этого региона в текстильную отрасль накануне Первой мировой войны, $\frac{2}{3}$ шло через них³. Из 30 филиалов коммерческих банков, действовавших в Средней Азии, 20 с лишним, т.е. твёрдое большинство, принадлежало именно питерцам⁴. Московским фирмам ничего не оставалось, как продолжать цепляться за жизненно важный для них рынок. В 1915 году было учреждено товарищество «Беш-бош» — по сути, дочернее предприятие банков Первопрестольной: оно пыталось хоть как-то противостоять усиливающимся позициям столичных финансов⁵. Последовавшая в это время отставка Кривошеина, удалённого за избыточную политическую активность, ещё более ухудшила положение московского бизнеса. Не будет преувеличением сказать, что в борьбе за туркестанский хлопок он потерял серьёзное

---

¹ Кривенко В.С. Закавказские степи и переселение // Новое время. 1913. 3 июля; Хлопководство в Закавказье // Утро России. 1913. 5 июля.

² Автобиографические записки С.И. Тимашева // Тимашев С.И. Жизнь и деятельность. Тюмень. 2006. С. 242.

³ Каценеленбаум З.С. Коммерческие банки и их торгово-комиссионные операции. М., 1912. С. 82.

⁴ Пластов П.П. Роль коммерческих банков в хлопковом деле // Биржа. 1913. № 40. С. 3.

⁵ Хотамов Н.Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х годов XIX в. — 1917 год). С. 212–216.

поражение. Овладев рынком сырья, петербургские банки поставили текстильных королей в уязвимое положение.

Следующим шагом стало уже прямое финансовое давление на Москву. Подготовка к нему началась за пару лет до начала войны. Литература акцентирует внимание на Азово-Донском банке, который в это время сумел распространить своё влияние на несколько текстильных активов московского региона. Речь о Серпуховской бумагопрядильной фабрике, а также об одном из крупнейших комбинатов Центральной России — Богородско-Глуховской мануфактуре¹. Сделки, которые в 1913 году провели Кнопы и Н.Д. Морозов, диктовались привлечением оборотных средств на предприятия, испытывавшие финансовые затруднения. В случае с Богородско-Глуховским комбинатом ими были проданы Азово-Донскому банку паи на крупную сумму — 1 млн рублей². Другие попытки питейцев овладеть какими-либо предприятиями в текстильной и лёгкой промышленности цели не достигали. Так, Сибирскому торговому банку не удалось через поставки сырья взять под контроль ряд активов — Меленковскую, Нижегородскую и Романовскую мануфактуру³. Что касается Русско-Азиатского банка, то на его руководителя московского отделения А.А. де Сево постоянно сыпались обвинения в стремлении «подчинить своему влиянию пошатнувшиеся фирмы, что внушало серьёзные опасения московским фабрикантам»⁴.

Следует особо сказать об Азово-Донском банке, чьи успехи на текстильном поприще нельзя назвать случайными. Проникновение этого крупного финансового игрока в святая святых экономики Первопрестольной, заметим, не являлось недружественным. Это обстоятельство не получило отражения в историографии, поскольку в опубликованной записке одного из братьев Рябушинских упоминается, как члены морозовской семьи всеми силами отбивались от назойливого инвестора⁵. Однако знакомство с архивными мате-

---

¹ Лаверычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917 годы). М., 1963. С. 46–47.

² Приобретения Азово-Донского банка // Банки и биржа. 1913. № 11. С. 7.

³ Коммерсант. 1914. 13 марта.

⁴ Коммерческий телеграф. 1913. 27 марта.

⁵ Записка М. Рябушинского «Цель нашей работы» об итогах деятельности концерна Рябушинских и планах дальнейшей экспансии. Ноябрь 1916 года // Материалы по истории СССР. Т. 6. М., 1959. С. 630.

риалами выявляет совсем иную картину взаимоотношений с Азово-Донским банком, сложившихся перед войной. Главный акционер Богородско-Глуховского гиганта Н.Д. Морозов не отбивался, а наоборот, искал сотрудничества с банком, сожалел, как в ходе одной из поездок в Петербург разминулся с Б.А. Каменкой (главой банка)¹. На самом деле в этом нет ничего удивительного, поскольку указанные годы характеризуются плотным сотрудничеством деловых верхов Москвы именно с Азово-Донским банком. В 1911–1912 годах позиции последнего заметно ущемлены: его фактически отстраняют от военных и морских программ, а значит, от серьёзных финансовых потоков. Причём Каменка очень рассчитывал на оборонные заказы, для чего предусмотрительно вошёл в капитал Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов (Парвиаийнен) и Николаевских заводов². Однако банк под разными предложениями попросили освободить место, не решаясь, видимо, в силу национальной окраски вовлекать в дела ВПК. Последовали и другие, более мелкие, но неприятные уколы. Так, Азово-Донской пестовал учреждение Всероссийского банка общественного развития (совместно с московским банкирским домом «Юнкер») с капиталом 10 млн рублей. Предполагалось кредитовать города, земства, торгово-промышленные союзы, но проект не получил поддержки правительства³. Или Каменка страстно желал открыть отделение в Париже: в Минфине же сочли это нецелесообразным и преждевременным⁴.

Результатом всего этого стало усиление оппозиционных настроений в руководстве банка, чья тесная связь с кадетской партией общеизвестна. В её руководство входил А.И. Каменка (родственник Б.А. Каменки), выступая в роли казначея Центрального комитета конституционно-демократической партии⁵. Именно в ка-

¹ Письмо заведующим московским отделением Азово-Донского банка к Б.А. Каменке. 10 мая 1914 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 2. Д. 124. Л. 20.

² Бовыкин В.И. Банки и военная промышленность России накануне Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 64. М., 1959. С. 93, 113.

³ Письмо И.В. Юнкера в правление Азово-Донского банка. 2 октября 1910 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 306. Л. 2–4.

⁴ Письмо М. Мебеса в правление Азово-Донского банка. 29 апреля 1911 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

⁵ Селезнев Ф.А. Конституционно-демократическая партия в 1905–1917 годах: экономическая программа и отношения с буржуазией. Нижний Новгород. 2012. С. 168–169, 176, 180.

детском печатном органе «Речь» банк помещал материалы, сообщения патронируемых им предприятий¹. С 1912–1913 года Азово-Донской банк становится опорным для товарищества «Бр. Нобель» в противостоянии с питерскими банками. На почве поддержки нефтяного концерна складывается союз Каменки и тузов Первопрестольной. Создаётся новое предприятие — Северно-русское общество внешней торговли. В его учредителях — руководители ЦВПК А.И. Гучков, А.И. Коновалов, Э.Л. Нобель, а также верхушка Азово-Донского банка². В железнодорожном строительстве купечество тесно сотрудничает с банком, поскольку тот допущен к этой сфере. Поражение за право проведения ветки Нижний Новгород — Екатеринбург, где Москва вела борьбу самостоятельно, оказалось поучительным. Поэтому Торговый дом «Вогау» планирует провести железную дорогу к Белорецким заводам, ему принадлежавшим, уже совместно с Азово-Донским банком³.

Весьма интересен и такой выявленный факт: на общем собрании акционеров Азово-Донского банка в марте 1914 года целый ряд лиц, включая родственников Б.А. Каменки, представили удостоверения для участия в собрании от Московского купеческого банка, ставшего к этому времени одним из крупных собственников этой питерской финансовой структуры. Вместе с пакетами дружественного Волжско-Камского банка и самого Бориса Абрамовича это составляло почти треть общего количества акций⁴. Финансовое сотрудничество с Москвой этим не ограничилось. После начала Первой мировой войны готовилось поглощение Азово-Донским банком московского «Юнкера», преобразованного в 1912 году из одноимённого банкирского дома. Контрольный пакет акций последнего переходил в руки Каменки и его доверенных. По взаимному соглашению у руля обновлённого «Юнкера» вставал руководитель московского отделения

¹ Пользуясь случаем... // Биржа и русская промышленность. 1915. № 25–26. С. 9.

² Протокол учредительного собрания акционеров Северно-русского общества внешней торговли. 29 февраля 1916 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 823. Л. 12–13.

³ Письмо правления Торгового дома «Вогау» к Д.И. Дармолатову. 20 мая 1913 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 465. Л. 24–25.

⁴ Подсчитано по: Протокол общего собрания акционеров Азово-Донского банка. 27 марта 1914 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 79. Л. 84–85.

Азово-Донского банка И.Г. Коган¹. Сделка обещала быть грандиозной, поскольку «Юнкер-банк» являлся третьим по величине активов на московском финансовом рынке (121 млн рублей), уступая лишь Соединённому банку и Московскому купеческому и оставляя далеко позади банк Рябушинских (72 млн), Торговый (61,4 млн и Учётный банки (48,6 млн)². То есть в случае слияния «Юнкера» с Азово-Донским банком позиции последнего в Первопрестольной становились весьма мощными. Фактически появлялся ещё один центр, способный противостоять недружественным Москве силам.

Однако сбыться этим планам было не суждено. Питерские банки развернули атаку на московскую финансово-промышленную группу; причём удар был произведён довольно неожиданно. Ни одно отделение столичных банков, действовавших здесь, не взяло инициативу на себя. Для этой цели использовали нового игрока. В марте 1912 года пресса информировала об учреждении в столице Русско-Французского банка с основным капиталом 5 млн рублей, его директором-распорядителем избран Лажье³. На тот момент никто в финансовом мире Москвы не представлял, что их ожидает в скором будущем. На предпринимательском небосклоне засверкала звезда Д.Л. Рубинштейна, ставшего лицом нового банка. Восхождению этого уроженца Харькова в своё время поспособствовал вел. кн. Владимир Александрович, который доверил тому ведение своих дел⁴. Так активный Рубинштейн попадает в финансовую элиту столицы и оказывается у руля созданной банковской структуры. Первым значимым успехом учреждённого Русско-Французского банка стало право обслуживать Петербургскую городскую думу, на что претендовали многие. Например, товарищ городского головы Ю.Н. Глебов лоббировал Русско-Английский банк, но удача сопутствовала именно Рубинштейну, которого поддержал другой товарищ гордумы —

---

¹ Слияние банков // Банки и биржа. 1915. № 12. С. 12.

² Гиндин И. Ф. Московские банки в период империализма // Исторические записки. Т. 58. С. 59.

³ Экономические и финансовые обзоры // Финансовое обозрение. 1912. № 5. С. 12.

⁴ кн. Голицын А.Д. Воспоминания. М., 2008. С. 350.

Д.И. Демкин¹. Русско-Французский банк организует займы для города, благотворительные лотереи, сюда поступают сборы с недвижимых имуществ мегаполиса и т.д.²

На финансовом рынке новичка сразу же отличает повышенная агрессивность. Он нацеливается на поглощение целого ряда провинциальных банков. Первым прошло слияние с Белостокским банком, о чём сообщала пресса³. Затем инициированы объединительные процессы с Одесским купеческим банком, недавно преобразованным из банкирской конторы братьев Бродских. В ходе них завязались тесные партнёрские отношения Рубинштейна с крупным дельцом Л.И. Бродским⁴. Заметим, тот уже плодотворно сотрудничал с ведущими питерскими банками, особенно по сахарным делам. Затем наступает очередь Рижского коммерческого банка, в капитал которого устремился Рубинштейн. Однако здесь на пути возникает семейство Вавельбергов, коим принадлежал Петербургский торговый банк: они также являлись крупными акционерами в Риге и не обрадовались непрошенному гостю. Их представители пытались сорвать общее собрание, куда был вынесен вопрос о слиянии с Русско-Французским банком⁵. Рубинштейн пытался добиться своего, что называется, правдами и неправдами, не очень разбираясь в средствах. Чтобы погасить скандал, кредитная канцелярия признала итоги слияния не соответствующими уставу и законодательству⁶. Напомним, что Вавельберги находились в орбите Азово-Донского банка и наряду с ним поддерживали Нобелей, чьим хозяйством пытались в это время завладеть питерские банкиры.

Прямой конфликт Русско-французского банка с Азово-Донским произошёл буквально тут же из-за Киевского частного бан-

---

¹ Там же.

² Переписка правления Русско-Французского банка с Петербургской городской управой. 1913–1915 годы // РГИА. Ф. 636. Оп. 1. Д. 16. Л. 30–65.

³ Русско-Французский коммерческий банк // Биржа. 1913. № 36. С. 10.

⁴ Слияние банков // Банки и биржа. 1915. № 31. С. 12; Рубинштейн преуспевает // Банки и биржа. 1915. № 4. С. 13.

⁵ Говорят... (трюк молодого банкира) // Финансовая жизнь. 1915. № 33. С. 739.

⁶ Совещание кредитной канцелярии о слиянии Русско-Французского банка с Рижским коммерческим // Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 1. С. 11.

ка, учреждённого ещё в 1868 году и занимавшегося кредитованием сахарных предприятий. После кризиса, в 1908 году, Азово-Донской банк пришёл на помощь киевлянам, реализовал новый выпуск акций, подготовил устав, а членом совета здесь стал присяжный поверенный А.И. Каминка¹. Перед войной Азово-Донской банк, имевший очевидное влияние на дела Киевского частного, решил преобразовать его в своё отделение². Однако тут вмешался Рубинштейн: пытаясь сорвать сделку, он решил овладеть киевской структурой, включив её в состав своего Русско-Французского банка. Как и в Риге, это вызвало резкий конфликт с акционерами, также сумевшими отстоять свои позиции. Такая активность заставляла задуматься, откуда брались средства для агрессивных действий. Знакомство с публикуемыми балансами показывало, что Русско-Французский банк широко пользуется кредитом Госбанка (задолженность достигала 46,8 млн рублей, почти втрое превосходя собственный капитал). В сущности, этот банк представлял собой филиал Государственного; пресса вопрошала, за что же ему оказывается такое преимущество?³

Но главным направлением активности Рубинштейна, без сомнения, стало московское. Здесь его внимание привлёк Московский частный банк, образованный в 1910 году на базе отделения Петербургского частного банка, переживавшего тогда нелёгкие времена. С целью оздоровления было решено избавиться от всей филиальной сети: так на базе московского отделения появился новый банк, куда вошла купеческая знать Первопрестольной Ф.Л. Кноп, М.В. Живаго, К.И. Гучков, И.С. Гольдберг, М.С. Карзинкин, партнёр Вогау Г.М. Марк⁴. Часть же акций по «наследству» осталась за Петроградским частным банком: их-то и перекупил Рубинштейн. Архивные документы по-

---

¹ О слиянии банков: Киевского частного коммерческого и Русско-Французского банка // Банки и биржа. 1913. № 20. С. 10.

² Журнал заседаний совета Азово-Донского банка. 30 сентября 1913 года // РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 71. Л. 15.

³ Балансы коммерческих банков (баланс Русско-Французского банка на 1 июня 1915 года) // Финансовая жизнь. 1915. № 26. С. 619; Баланс Русско-Французского банка на 1 марта 1916 года // Финансовая жизнь. 1916. № 22–23. С. 373.

⁴ Подробно о Московском частном банке см.: *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы (конец XIX в. — 1914 год). М., 1998. С. 232–245.

звolyют установить, что эта сделка проводилась с тесным участием Русско-Азиатского банка, если не сказать более. Из приобретённых 23 тысяч акций 12,5 тысячи поступили в собственность Русско-Французского банка, а ещё 10,5 — непосредственно к Русско-Азиатскому. По обоюдному согласию они приняли взаимные обязательства — координировать взаимные интересы¹. Участвовавшие в банке москвичи оказались в сложной ситуации, поскольку новые питерские акционеры оценивали прежнюю политику как избыточно консервативную и не считали возможным ограничиваться обслуживанием обычных торговых операций. Особенное неудовольствие у них вызывал И.С. Гольдберг, занимавший ключевые позиции в управлении Московским частным банком и с предубеждением относившийся к новациям со спекулятивным душком². Эту точку зрения в Первопрестольной разделяли многие, поскольку начинали опасаться «вулканической атмосферы, созданной пылающим темпераментом Рубинштейна»³. Ведь получалось, Русско-Французский банк замахнулся на структуру намного крупнее по оборотам, намереваясь превратить её в своё отделение⁴. В Москве до самого последнего момента отказывались верить в подобное⁵.

Однако Рубинштейн и не думал останавливаться на достигнутом. После подчинения Московского частного банка следующий его шаг расценивался ещё серьёзнее — уже как «довольно сильная брешь». Именно так характеризовал покупку Русско-Французским банком московского «Юнкер-банка» один из братьев Рябушинских⁶. В этом нет преувеличения, поскольку Рубинштейн сумел увести крупный актив фактически из-под носа Азово-Донского банка, который уже считал его своим. В декабре 1915 года как гром среди ясного неба грянуло сообщение о приобретении 23 тысяч акций «Юнкера» Рубинштейном, а также ещё

¹ Письмо правления Русско-Французского банка в правление Русско-Азиатского банка. 30 января 1915 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 127. Л. 1–2.

² Письмо правления Русско-Французского банка в правление Русско-Азиатского банка. 20 июня 1915 года // Там же. Л. 3–3об.

³ Борисов А. История одной большой аферы // Банки и биржа. 1915. № 4. С. 1.

⁴ Он же. Продолжение одной большой аферы // Банки и биржа. 1915. № 5. С. 2.

⁵ Московский частный банк // Голос Москвы. 1915. 28 января.

⁶ Записка М.П. Рябушинского... // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 630.

30 тысяч — партнёром Л.И. Бродским¹. Эта операция удалась благодаря давлению на крупного акционера «Юнкера» — немецкого подданного Боксельмана, коего с началом войны с Германией отстранили от дел и выселили в одну из северных губерний². Там он уступил свои акции и таким образом у Русско-Французского банка появились перспективы. В иной ситуации Азово-Донской банк, конечно же, сумел бы отбить атаки. В новый состав руководящих органов «Юнкера» вошли родственники Рубинштейна, Бродский, товарищ городского главы Питера Д.И. Демкин, о котором упоминалось выше, и другие столичные предприниматели³. Они инициировали переезд правления из Москвы в Петроград, поскольку там находится центр финансовой России⁴. Вместе с тем новые хозяева наращивали активность в Первопрестольной. За короткое время через «Юнкер» приобретён целый ряд крупных активов: Мытищинский вагоностроительный завод, фабрика Алексеевых в Сокольниках, складские помещения для хранения хлопка и масла, земельные участки, была близка к завершению сделка по покупке знаменитых булочных и кондитерских Филиппова⁵. Интересно заметить, что ставленник Азово-Донского банка (бывший директор его московского филиала) И.Г. Коган, выпровоженный новыми собственниками из «Юнкера», оказался во главе финансовой комиссии Московского военно-промышленного комитета, что лишний раз указывает на связи Азово-Донского банка с купеческой элитой⁶.

Рубинштейн с партнёрами явно собирался превратить «Юнкер» в основной инструмент московской экспансии: учитывая происхождение и вовлечённость в местные дела, тот выглядел более удобной площадкой для этого, чем Русско-Французский банк. Поэтому последний в феврале-марте 1916 года уступается известным предпринимателям И.З. Персицу, И.С. Златопольско-

¹ Русско-Французский банк // Биржа и русская промышленность. 1915. № 42. С. 7.

² Слияние банков // Банки и биржа. 1915. № 12. С. 12.

³ Общее собрание акционеров «Юнкер-банка» // Финансовая жизнь. 1916. № 12. С. 166.

⁴ Там же.

⁵ Коммерсант. 1916. 10 июня; 25 июня; Сделка Русско-Французского банка с Д.Д. Филипповым // Коммерческий телеграф. 1916. 15 марта.

⁶ Коммерческий телеграф. 1916. 10 ноября.

му и др.¹ Подчеркнём: смена власти в Русско-Французском банке основывалась на договорённостях, приемлемых для обеих сторон, и уход Рубинштейна происходил в дружеской обстановке. Новые собственники ходатайствовали об учреждении именной стипендии Рубинштейна в Петроградском университете и коммерческом институте, а также поместили его портрет в зале заседаний правления². Помимо красивых жестов, новых и старых акционеров связывали общие дела. В частности, проект акционерного общества «Зерно-Сахар»: основной его капитал планировалось довести до 8 млн рублей и приобрести шесть рафинадных заводов; в правлении заседали Персиц, Златопольский, Рубинштейн и др.³

Особое внимание следует обратить на сыгравшую ключевую роль в захвате «Юнкер-банка» тему немецкого засилья. В военных условиях борьба с ним превращается действенным инструментом внутри экономической борьбы. Кстати, первыми её подняли в Москве, где с энтузиазмом начали выявлять чиновников с немецкими фамилиями. По сведениям газеты «Утро России», даже не слишком глубокое знакомство с составом Министерства финансов давало 30 немецких фамилий, по Министерству торговли и промышленности — 27⁴. Эти подсчёты сопровождались комментарием: «Если этих “русских” чинов частным образом по душам позондировать по части желательности умаления немецкого элемента в области наших финансов, торговли и промышленности, ну разве можно сомневаться в ответе? Свой своему поневоле брат»⁵. Тем временем правительство и без московских напоминаний сосредоточилось на планомерной ликвидации, предприятий, основанных на немецкие или австрийские капиталы; властям были предоставлены необходимые для этого полномочия⁶. Московские тузы сумели извлечь из этого практическую пользу, оторвав себе лакомый кусок, т.е. германские химические активы.

¹ Коммерческий телеграф. 1916. 10 марта; 11 марта.

² Финансовое обозрение. 1916. № 7. С. 32.

³ Покупка шести сахарных заводов // Коммерсант. 1916. 30 марта.

⁴ Внутренний немец (передовая) // Утро России. 1914. 25 ноября.

⁵ Там же.

⁶ Дякин В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. Сбор. статей. М., 1968. С. 231–234.

На их базе учреждено Российское общество коксовой промышленности и бензолового производства: в руководящих органах значились Н.А. Второв, И.А. Морозов, Н.И. Гучков, Н.М. Бардыгин, Г.А. Крестовников, Л.Л. Фролов и др.¹

Однако борьба с немецким засильем оказалась обоюдоострым оружием, что и проиллюстрировала история с «Юнкером». Питерские банки также с успехом разыграли патриотическую карту. Напомним, Москва, особенно в преддверии войны, была заметно онемечена, на улицах города красовалось множество немецких вывесок, многие предприятия принадлежали немцам, а их доля в управленческом звене всегда оставалась высокой². Поэтому удар по германскому засилью в Первопрестольной выглядел вполне логичным. Мишенью стала одна из крупнейших московских компаний — торговый дом «Вогау», который буквально кишел немецкими подданными. Вокруг этой фирмы, тесно связанной с поверженным «Юнкером», начала нагнетаться обстановка. Под предлогом противодействия шпионажу власти потребовали от «Вогау» избавиться от немцев, что было равносильно предложению о самоликвидации³. Семейство пыталось отвести удар, направляя в правительство доклады о приносимой ими пользе; за них даже ходатайствовал английский посол сэр Дж. Бьюкенен⁴. Предчувствуя нависшую угрозу, Вогау пытались спрятаться за дружественным Н.А. Второвым, внезапно изъявившим желание заполучить активы. Тот быстро приобрёл у них цементный завод, намереваясь продолжить покупки, но тут появились питерские банки.

Они не могли упустить заводы Кольчугина и Белорецкие заводы, расположенные на Урале и выплавлявшие значительный объём российской меди. Вогау вынуждены уступить, мотивируя своё решение разросшимися масштабами дела и потребностями

---

¹ Новое акционерное общество // Коммерсант. 1916. 5 июня; 20 июня.

² Харламов Н.П. Записки бюрократа. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 261. К. 20. Ед. хр. 6. Л. 51–51об.

³ Доклад министра торговли и промышленности в Совет министров о деятельности торгового дома Вогау и необходимости ликвидации его дел // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 666–671.

⁴ Гиндин И. Ф. Московские банки в период империализма // Исторические записки. Т. 58. С. 63.

крупных затрат, кои им не по силам¹. Хорошо понятно, кому это было по силам: Белорецкие заводы переходят под контроль Петроградского международного и Учётно-ссудного банка². Товарищество Кольчугина, в свою очередь, достаётся Русско-Азиатскому банку³. «Вешать» активы стратегического значения на Рубинштейна было бы уже явным перебором. Что касается Второва, то он, разумеется, «утратил» интерес к приобретению акций этих предприятий, о чём извещал более удачливых претендентов⁴. Остаётся добавить, что экзекуция на вариации немецкого засилья готовилась и в отношении Кнопов. Хотя руководители этой фирмы являлись немцами с русским подданством, тучи сгущались и над ними. Кнопы даже изменили наименование родительского торгового дома, учредив новое товарищество под названием «Волокно», куда перевели свои активы. В уставе новой фирмы специально подчёркивалось, что её основатели исключительно российские граждане. Однако это не уберегло их от государственного надзора, установленного осенью 1916 года⁵.

Приведённый выше материал показывает, как разворачивалась атака на торгово-промышленный мир Первопрестольной; питерское финансовое давление ощутимо нарастало. В свою очередь, Москва прекрасно отдавала себе отчёт в происходящем и не сидела сложа руки. Лето 1915 года, напомним, вошло в российскую историю как период определённых парламентских надежд, когда царский фаворит А.В. Кривошеин пытался подвинуть Николая II на соответствующие изменения в государственном строе. Это сопровождалось удалением некоторых членов кабинета, ненавистных общественности, и в первую очередь военного

¹ Письмо правления Торгового дома Вогау к правительственному инспектору при Торговом доме в Москве. 14 апреля 1916 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 559. Л. 4–5.

² Продажа Белорецких заводов // Утро России. 1916. 21 июня.

³ Новая перегруппировка сил в области русской промышленности // Вопросы банков, биржи и финансов. 1916. № 19. С. 19–20.

⁴ Письмо Н.А. Второва к члену правления Русско-Азиатского банка М.Л. Бутри // РГИА. Ф. 630. Оп. 2. Д. 559. Л. 17.

⁵ Петров Ю.А. «Московские немцы»: западноевропейские предприниматели в Москве // Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие. XIX — начало XX века. М., 2010. С. 516–517.

министра В.А. Сухомлинова. Вместо него был назначен А.А. Поливанов, его бывший товарищ по министерству, удалённый ещё до войны за слишком тесные связи с думцами. К нему тут же потянулись А.И. Гучков, П.П. Рябушинский, лидеры Земского и Городского союзов и др.¹ Поливанов не замедлил с коррективами политики вверенного ему министерства. Речь о реорганизации детища Сухомлинова и питерских финансистов — Особого совещания по обороне. Этот орган задумывался питерскими банкирами, однако теперь в нём начали солировать избранные представители Госдумы и Госсовета². И хотя парламентский проект был отвергнут, а нижняя палата в начале сентября распущена, Особое совещание по обороне продолжило свою деятельность. Так оппозиционные круги обрели плацдарм для атак на своих недругов. Как вспоминал один из военных чинов, проходившие заседания «сильно напоминали Государственную думу — те же лица, те же разговоры, то же направление»³.

Новый состав Особого совещания сосредоточился на секвестре частных предприятий в казну. Прежде всего это коснулось крупных индустриальных активов, принадлежащих питерским банкам и задействованных в судостроительной программе. Они сразу же вызвали пристальный интерес у совещания во главе с военным министром Поливановым, обнаружившим там массу неурядиц. В результате национализированными оказались принадлежавший Русско-Азиатскому банку Путиловский завод, общество Беккер (Ревельский, Любавский и Рижский завод) Петроградского частного банка, а также Русское судостроительное общество Петроградского международного банка⁴. Это были весьма болезненные удары, вызывавшие большое раздражение у питерских банкиров. Практика секвестров началась с Путиловского

---

¹ Поливанов А.А. Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Л., 1924. С. 172.

² Воронкова С.В. Материалы Особого совещания по обороне государства. М., 1975. С. 26–27.

³ Безак Ф.Н. Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте // Верная гвардия. М., 2008. С. 373.

⁴ Шацилло К.Ф. Из истории экономической политики царского правительства в годы Первой мировой войны (о причинах секвестра военно-промышленных предприятий) // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 217.

завода, чего удалось добиться только со второго раза. Особое совещание устами известного депутата и критика правительства кадета А.И. Шингарёва констатировало: финансовые дела на предприятии запутанны, а администрация вынуждена набирать заказы в надежде оплатить за их счёт старые долги¹. Однако сломить А.И. Путилова оказалось нелегко: знаменитый финансист не уклонился от визита на заседание Особого совещания, куда его пригласили для объяснений. В весьма агрессивной форме он отверг все обвинения в адрес завода, предложив ознакомиться с балансами более компетентным лицам². Представители Министерства финансов, а также торговли и промышленности поддерживали Путилова, заявив о нежелательности секвестра, который неблагоприятно отразится на финансовом имидже России³. Возмущение Шингарёва не знало границ: «Из обстоятельств данного дела обнаружилось влияние на дела государства безответственной, но чрезвычайно могущественной власти банков. Правительство начинает терять государственную дорогу, стесняясь власти плутократии... Но банки не ограничиваются управлением заводами, а хотят управлять и государством»⁴. Лишь настойчивыми усилиями думской верхушки секвестр на предприятие был наложен 27 февраля 1916 года. Правда, победа оппозиционных сил, добившихся секвестра, была несколько омрачена: в марте 1916 года Поливанов вынужден покинуть должность военного министра⁵.

Путиловская эпопея позволила оппозиционным силам выдвинуть и обосновать идею усиления государственного надзора за финансовыми структурами. Тема обуздания коммерческих appetitов частных банков поднята Особым совещанием, с теми же думцами и представителями ЦВПК. Деловые круги Петрограда крайне болезненно восприняли разговоры о спекулятивных устремлениях банков, способствующих росту стоимости жиз-

¹ Журнал № 16 от 17 октября 1915 года // Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. М. 1975. С. 349–350.

² Журнал № 22 от 7 ноября 1915 года // Там же. С. 400–401.

³ Журнал № 25 от 18 ноября 1915 года // Там же. С. 426, 431.

⁴ Там же. С. 430.

⁵ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960. С. 69.

ни, расценивая это как потворство обывателям, всегда склонным искать виноватых не там, где следует¹. Полемика по этому поводу вспыхивала то и дело: на Особом совещании по обороне, на вновь открывшихся с февраля 1916 года заседаниях Государственной думы. На одном из заседаний нижней палаты Шингарёв традиционно обрушился с критикой на крупные банки, усомнившись в их позитивной деятельности. Он вскрывал их претензии на роль хозяина российской экономики — и «нередко весьма дурного хозяина», озабоченного не развитием предприятий, а главным образом перепродажей их акций². Обращает на себя внимание один акцент обличительной речи Шингарёва, специально разъяснившего, что он не имеет в виду «несколько здоровых, ведущих... весьма успешно свои дела банков», меньше всего заслуживающих каких-либо упреков. А говорит о тех коммерческих учреждениях, которые следует называть банками-хищниками, «чрезвычайно жадными до всякой наживы, не брезгующими ничем и никем»³. Нетрудно понять, что в первом случае он имел в виду московские банковские структуры, кичащиеся своей направленностью на развитие реального производственного сектора; во втором же случае — петроградские, нацеленные на биржевые спекуляции. Так вот ради ограничения appetitов последних и требуется незамедлительное осуществление серьёзного банковского контроля, и в первую очередь со стороны Министерства финансов.

Однако Барк указывал на невозможность по собственному усмотрению проводить ревизии кредитных учреждений: по закону это могут инициировать лишь сами акционеры⁴. Столкнувшись с неуступчивостью главы финансового ведомства, сторонники усиления надзора пытались действовать законодательным путём. При рассмотрении сметы Государственного контроля в Думе неожиданно прозвучало предложение наделить это ведомство правом ревизовать коммерческие банки. Но глава го-

¹ Ревизия банков (передовая) // Финансовое обозрение. 1915. № 21. С. 2.

² Выступление А.И. Шингарева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 2. Пг., 1916. Заседание 34 от 10 марта 1916 года. Стб. 3128–3129.

³ Там же. Стб. 3130.

⁴ Выступление П.Л. Барка // Там же. Стб. 3132.

сконтроля Н.Н. Покровский не замедлил возразить против такой скоропалительной и необдуманной инициативы. Как он убеждал депутатов, его задача — ревизовать правительственные обороты, а банковский надзор должен оставаться прерогативой Минфина¹. Тот же А.И. Шингарёв заметил в ответ, что доводы Покровского не выдерживают критики, поскольку обороты банков в большой мере завязаны на вливания Государственного банка, а потому они тесно соприкасаются именно с казёнными средствами².

Выпады оппозиции весьма осложняли жизнь питерской финансовой элите, вынужденной отбиваться от назойливых критиков. Но сокрушительный удар по столичной банковской группе последовал в середине 1916 года с использованием её же оружия. Москвичи, серьёзно потрепанные борьбой с немецким засильем, наконец-то сумели направить грозное средство на своих недругов. Удалось это с помощью генерала М.В. Алексеева, начальника штаба верховного главнокомандующего (им в ту пору им был Николай II). Как известно, он слыл активным приверженцем общественных организаций, которые возникли в ходе войны для помощи фронту и деятельность которых вдохновлялась московской купеческой элитой. Именно начальник штаба испросил высочайшего соизволения производить расследования не только на территории, подведомственной ставке верховного главнокомандующего, но и в тылу, где функционировали органы гражданской власти. Николай II дал такое разрешение — под воздействием аргументов о борьбе с немецким шпионажем и со спекуляцией, которая вызывает справедливое недовольство населения. Работу по этим направлениям Алексеев поручил своему доверенному — генералу Н.С. Батюшину, состоявшему при ставке и, как говорили осведомлённые военные, пользовавшемуся большим расположением начальника штаба³. Батюшин привлёк к работе группу контрразведчиков: Манасевича-Мануйлова, Резанова, Матвеева, Логвинского, Орлова. Они расположились в Петрограде на Фонтанке, получив право прослушки телефонов, перлюстрации писем широкого круга

¹ Выступление Н.Н. Покровского // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 3. Заседание 38 от 17 марта 1916 года. Стб. 3553.

² Выступление А.И. Шингарева // Там же. Стб. 3554.

³ Лукомский А.С. Воспоминания. Т. 1. Берлин, 1922. С. 117.

лиц, включая министров¹. Однако далеко не все из перечисленных офицеров имели безупречную репутацию в своей среде. Например, Резанов слыл у сослуживцев, хорошо знавших его, «человеком легкомысленным, чья слава не пользовалась большим кредитом»².

Следственная комиссия недолго искала источник бед и хозяйственных неурядиц — им оказались крупные петроградские банки. 10 июля был арестован и помещён в военную тюрьму города Пскова Д.Л. Рубинштейн — владелец «Юнкер-банка», тесно связанный со многими финансовыми деятелями столицы. Его смогли зацепить через различные страховые компании («Русь», «Волга», «Якорь»), кои тот поставил под свой контроль, выстраивая свою страховую империю³. В этой отрасли традиционно было сильно немецкое присутствие. Батюшинская комиссия заявила, что оно подспудно сохранялось и в период войны через процедуры перестрахования, где по-прежнему задействованы немецкие общества. По этим каналам сведения о передвижении продукции, судов, транспортных потоках, включая военные, становились известными неприятельской стороне. Так Рубинштейна обвинили в шпионаже на Германию⁴. Московская пресса ликовала, оценив это событие как логическое завершение карьеры зарвавшегося спекулянта⁵. У питерской же элиты оно вызвало совсем иные эмоции. Состояние шока — так можно описать атмосферу, воцарившуюся в столице. Ряд видных финансистов возбудили ходатайство (оставшееся без последствий) об освобождении Д.Л. Рубинштейна под залог — полмиллиона рублей⁶. Интересно, что Петроградская судебная палата уклонилась от приня-

¹ Цехановский М.Ю. Генерал Н.С. Батюшин. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 721. Л. 1–3.

² Украинцев Н.П. Воспоминания, связанные со службой в прокурорском надзоре Петроградского военно-окружного суда // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 687. Л. 40б.

³ Страховое общество «Русь» // Вопросы банков, биржи и финансов. 1915. № 4. С. 12; Страховое общество «Волга» // Биржа и русская промышленность. 1915. № 16–17. С. 12; На каком якорь укрепляется «Якорь» // Биржа за неделю. 1916. № 22. С. 6.

⁴ Объяснения бывшего управляющего министерством юстиции Н.А. Добровольского, данные им верховной следственной комиссии при Временном правительстве. 12 апреля 1917 года // ГАРФ. Оп. 1. Д. 503. Л. 23.

⁵ «Популярная личность» // Коммерсант. 1916. 11 июля.

⁶ К аресту Рубинштейна // Утро России. 1916. 14 июля.

тия в производство дела Рубинштейна, понимая, чьи финансовые интересы это затрагивает. Военным пришлось использовать для этого Варшавские судебные власти, находившиеся в эвакуации¹. Вскоре последовали обыски и выемки документов в ряде крупнейших банков Питера. Батюшин в своих воспоминаниях упоминает, кроме Русско-Французского и «Юнкер-банка», Петроградский международный, Русский для внешней торговли и Соединённый банк² (последний территориально располагался в Первопрестольной и, по сути, являлся детищем Министерства финансов).

В бой за них бросился министр Барк: он жаловался императору на то, что деятельность комиссии дезорганизует работу банковских учреждений. И ему удалось локализовать угрозу, добившись согласия Николая II на образование другой комиссии во главе с членом Госсовета, бывшим министром торговли и промышленности С.И. Тимашевым³. К тому же в августе был арестован один из активных членов комиссии И.Ф. Манасевич-Мануйлов, уличённый, как говорили, в вымогательстве 60 тысяч рублей за освобождение Рубинштейна⁴. Это вынудило Батюшина и его сотрудников перегруппировать наступление. Теперь удар был направлен не напрямую по банкам, а по сахарным заводам, расположенным на Украине, - ведь большинство предприятий по выработке рафинада контролировалось всё теми же столичными финансовыми структурами. В начале октября 1916 года в Киеве прошли сенсационные обыски. Местное губернское жандармское управление информировало МВД, что по распоряжению начальника штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева им выделены офицеры для помощи генералу Батюшину в проведении следственных действий в киевских филиалах ряда столичных банков и правлений сахарных обществ⁵. Следственные действия

¹ Батюшин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002. С. 151–152.

² Там же. С. 136.

³ Барк П. Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. Т. 2. С. 231–232.

⁴ Протопопов С. Д. Дневник. 1916–1917 годы (запись от 28 августа 1916 года) // РГАЛИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 46. Л. 57.

⁵ Донесение Киевского губернского жандармского управления в департамент полиции. 3 октября 1916 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 48. Ч. 32. Л. 77–77об.

закончились задержаниями трёх предпринимателей: А. Доброго, И. Бабушкина и И. Гоппера, обвинённых в спекулятивном взвинчивании цен на сахар с целью получения максимальных барышей. Аресты явились полной неожиданностью для правительства: Барк уверял озлобленных банкиров в том, что ничего не знал о намерениях военных властей. Он полностью разделял опасения финансистов: подобные акции не только компрометируют промышленников, но и угрожают конъюнктуре; из деловой среды вырываются деятельные люди, которых сложно кем-либо заменить. Министр финансов обещал употребить всё своё влияние, чтобы как можно скорее ликвидировать это дело¹. Кроме того, столичные банкиры предлагали внести залог за освобождение всех троих из-под стражи — уже по одному миллиону за каждого². Своеобразным ответом на ходатайства можно считать арест в Петрограде уполномоченного Всероссийского общества сахарозаводчиков М.Ю. Цехановского, слишком рьяно заступавшегося за своих коллег³. Не меньшим потрясением стал вызов на допрос директора Русского банка для внешней торговли, бывшего руководителя кредитной канцелярии Л.Ф. Давыдова. Это означало, что дело захватывает уже ключевые фигуры⁴.

Оценивая итоги этих бурных событий, следует подчеркнуть, что в их «сухом остатке» — срыв финансово-экономического штурма Москвы, развёрнутого питерскими банками. И ключевую роль в этом сыграла батюшинская комиссия. Именно благодаря ей стала возможным покупка известным купцом Н.А. Второвым «Юнкер-банка». Эту финансовую структуру арестованный по подозрению в шпионаже Рубинштейн уступил, находясь в тюрьме. Приобретение им полгода назад «Юнкера» было признано недействительным из-за тонкостей юридического оформления сделки⁵. Второв тут же возвращает правление «Юнкер-банка» в Первопрестольную (где он размещался до Рубинштейна), привлекает новых акционеров из числа столпов местного биз-

¹ Коммерческий телеграф. 1916. 25 октября.

² Мелетьев В. Сахарные ходоки // Киев. 1916. 23 октября.

³ Аресты сахарозаводчиков // Финансовое обозрение. 1916. № 19. С. 6.

⁴ Цехановский М.Ю. Генерал Н.С. Батюшин. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 721. Л. 16.

⁵ Васильев Н. О банковских гарантиях // Биржа за неделю. 1916. № 34. С. 3.

неса и даёт ему громкое название «Московский промышленный банк». Провозглашается цель: освободить банк от влияния питерских финансовых кругов¹. Вскоре обнародованы обширные планы по приобретению ценных бумаг горных и металлургических обществ². Второв не случайно назвал своё детище промышленным банком. Это было сделано явно в пику питерской инициативе: тогда в столице шла подготовка к преобразованию Петроградского частного банка в Петроградский промышленный; проект, выдвинутый директором этого банка А.А. Давидовым, уже получил одобрение Министерства финансов, а также Министерства промышленности и торговли³.

Однако это не уберегло Петроградский частный банк от Особого совещания по обороне. По его инициативе было секвестировано общество Беккер, являвшееся ключевым активом банка, куда были вложены значительные средства. Это заметно подкосило дела, а наиболее крупные клиенты, такие как заводы «Каучук», «Промет», механический завод «Столь» и др., предпочли перейти в другие финансовые структуры. В середине 1916 года сам Давидов решил выйти из состава правления. Любопытно, что он принял предложение лидера Земского союза князя Г.Е. Львова заведовать финансовым отделом этой общественной организации⁴. Затем наступает черёд Учётно-ссудного банка: осенью 1916 года его контрольный пакет пытается собрать купеческая группа из Нижнего Новгорода во главе с Сироткиным и Лбовым. Тогда как раз скончался многолетний председатель правления Я.И. Утин, и нижегородцы, воспользовавшись моментом, перекупили 12 тысяч акций у известного дельца А.Л. Животовского да вдобавок сконцентрировали ещё 11,5 тысячи бумаг с рынка. Они надеялись, захватив необходимые места в руководящих органах, свалить прежнее правление. Началось затяжное противостояние; скачки котировок акций Учётно-ссудного банка достига-

¹ Коммерческий дневник // Утро России. 1916. 1 сентября; 2 сентября.

² Планы Московского промышленного банка // Коммерческий телеграф. 1916. 27 октября.

³ По поводу преобразования Частного банка в Промышленный // Биржа и банки. 1915. № 17. С. 2.

⁴ А.А. Давидов в Земском союзе // Биржа за неделю. 1916. № 23. С. 5; Частный или «несчастный» // Биржа за неделю. 1916. № 27. С. 7.

ли больших величин¹. С подобными проблемами столкнулся даже флагман финансового мира — Русско-Азиатский банк: сообщалось, что в Москве образовалась группа, приступившая к скупке как можно большего числа его акций. Конечно, в данном случае замануться на контрольный пакет было трудно: расчёт был на предстоящее общее собрание, где предполагалось выступить с критикой правления и лично Путилова, чтобы таким образом осложнить ему жизнь и заставить считаться с собой². В ухудшающейся обстановке Путилов предпринял серьёзную перестройку банковского гиганта, сделав ставку на купеческих предпринимателей И.И. Стахеева и П.П. Батолина. Они становятся крупными акционерами и ключевыми партнёрами Путилова по созданию крупного финансово-промышленного концерна³.

Чувствуя, что всё буквально трещит по швам, питерские банкиры испытывают разочарование в министре финансов Барке. Тот не смог по отношению к ним выполнять роль координирующего центра. Отсюда лихорадочные поиски новой фигуры, способной защитить от возникших угроз. В роли такой фигуры попытался выступить А.Д. Протопопов, назначенный в сентябре 1916 года министром внутренних дел. Его отношения с питерскими банками завязались ещё тогда, когда он был товарищем председателя Госдумы. Протопопов позиционировал себя в качестве крупного промышленника: ему по наследству достались крупное суконное предприятие и склады в Симбирской губернии⁴. Уже в начале 1916 года на его квартире проводились совещания с участием первых лиц банковского сообщества, где обсуждались актуальные экономические вопросы⁵. В начале же марта в Петрограде со-

¹ Учётно-ссудный банк // Биржевой курьер. 1917. 10 февраля.

² Усиленная скупка акций Русско-Азиатского банка // Биржевой курьер. 1917. 9 февраля.

³ Подробно об этом: Китанина Т.М. Исторические условия формирования группы Путилова — Стахеева — Батолина // Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования. СПб., 2007.

⁴ Хотя его собственные дела шли далеко неблестяще. Весной 1913 года даже действовало собрание кредиторов А.Д. Протопопова: его задолженность достигала почти 2 млн рублей. См.: Протопопов С.Д. Дневник. 1913–1914 годы (запись от 3 апреля 1913 года) // РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 41. Л. 286.

⁵ Экономическая политика // Биржа и русская промышленность. 1916. № 1. С. 22.

стоялся съезд представителей металлообрабатывающей промышленности; на него собрались директора предприятий тяжёлой индустрии, большей частью контролировавшихся столичными банками. Одним из инициаторов делового форума выступил товарищ председателя Государственной думы А.Д. Протопопов (он участвовал в качестве представителя машиностроительных заводов Гартмана). Там звучала острая критика военно-промышленных комитетов, которые отодвинули на второй план другие предпринимательские объединения, в частности Совет съездов представителей промышленности и торговли, который практически перестал функционировать¹. Глава Русско-Азиатского банка Путилов обрушился на Особое совещание по обороне, которое предвзято и несправедливо относится к банковским промышленным активам². Протопопов в своём выступлении подчёркивал: около 80 % военного снаряжения идёт с заводов, представители которых присутствуют на съезде; роль же предприятий, сотрудничающих с военно-промышленными комитетами, в производственном смысле незначительна, зато в политическом — крайне велика³.

Назначение Протопопова на один из ключевых постов в правительстве вызвало негодование Думы и, наоборот, было с оптимизмом встречено деловыми кругами Петрограда: котировки акций существенно повысились⁴. Начали даже распространяться слухи о скором назначении в правительство А.И. Путилова или А.И. Вышнеградского. Как подчёркивал «Коммерческий телеграф», ещё пару месяцев тому назад такие разговоры считались бы праздными или фантастическими; теперь же, после перемен в МВД, следует внимательно относиться к подобным ожиданиям. Московское издание задавалось вопросом: можно ли рассчитывать на беспристрастные государственные труды этих дельцов, если Путилов имеет коммерческий интерес почти на шести-десяти предприятиях, а Вышнеградский — на пятидесяти?⁵ Одна-

¹ Труды 1-го съезда представителей металлообрабатывающей промышленности. 29 февраля-1 марта 1916 года. Пг., 1916. С. 33.

² Выступление А.И. Путилова // Там же. С. 86.

³ Предсмертная записка А.Д. Протопопова // *Искандеров А.А.* Закат империи. М., 2001. С. 561.

⁴ Биржа и А.Д. Протопопов // *Коммерсант*. 1916. 21 сентября.

⁵ Передовая // *Коммерческий телеграф*. 1916. 30 сентября.

ко у питерской банковской группы был другой кандидат на место министра финансов Барка — глава Соединённого банка В.С. Татищев, выходец из минфиновской системы. Его уже пытался продвигать в главы финансового ведомства бывший министр внутренних дел Н.А. Хвостов¹. С осени 1916 года эти попытки возобновились с новой силой: Протопопов оказался давним приятелем Татищева ещё по кавалерийскому училищу². Именно вокруг последнего завязывается интрига с целью провести его в кресло министра: тот адресует в Царское Село записки о мерах улучшения русских финансов³.

Немало усилий предпринимает Протопопов по защите питерских банков. Именно он явился инициатором освобождения из-под стражи арестованного бывшего военного министра Сухомлинова, а затем и банкира Рубинштейна⁴. Новый глава МВД пытается обуздать батюшинскую комиссию, ставшую грозой банковского Петербурга. С ней он имел возможность познакомиться, будучи ещё думцем, на обеде у Рубинштейна, где был почётным гостем. Офицеры контрразведки, ворвавшись на торжество, арестовали Рубинштейна, вытащив его буквально из-за стола на глазах у изумлённого Протопопова⁵. Став министром внутренних дел, тот добился прекращения преследования сахарозаводчиков, а вскоре получил согласие Николая II на отстранение самого Батюшина от дел: этому помешали лишь февральские события 1917 года⁶. Протопопов стоит и за давлением на текстильных фабрикантов центра, что можно расценивать как ответ на действия батюшинской комиссии. В цитадель купеческой буржуазии выехала специальная комиссия; чиновники посетили несколько мануфактур, требуя предъявить документацию по за-

---

¹ *Брянский В.В.* Записки // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 126.

² *Шаховской В.Н.* Так проходит мирская слава. Воспоминания // Русское возрождение. 1995. № 62. С. 162.

³ Там же.

⁴ *Протопопов С.Д.* Дневник. 1916–1917 годы (запись от 6 октября; 17 ноября 1916 года) // РГАЛИ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 46. Л. 103, 133.

⁵ *Кольшко И.И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 140.

⁶ *Дополнительные показания А.Д. Протопопова* // Падение царского режима. Т. 4. М.; Л., 1925. С. 94.

купке хлопка. Ревизоры Министерства торговли и промышленности вместе со старшим фабричным инспектором Московской губернии заявили, что планируют проверить свыше пятнадцати крупных хлопчатобумажных фирм на предмет соблюдения правил торговли. Уже первое знакомство с отчётностью обнаружило множество серьёзных нарушений, в коих были уличены известные предприниматели И.Н.Дербенёв, В.П.Рогожин, Н.Д.Морозов и др.¹ В правлениях ряда предприятий были проведены следственные действия; за один только день (27 октября) произошёл 21 арест и обыск². Случившееся всколыхнуло деловые круги Первопрестольной. Руководители Московского биржевого комитета кинулись разъяснять, что нарушения явились результатом аномальных рыночных условий и обусловлены не умыслом отдельных лиц, а совсем другими причинами. Ведь обходили закон не один и не два предпринимателя, а все участники рынка. Порядок в отрасли зависит от Министерства торговли и промышленности, но оно опоздало со своими мерами, а теперь вносит тревогу и беспокойство в текстильный рынок³. Деловая элита Первопрестольной решила командировать С.Н.Третьякова в Петроград с ходатайством: приостановить проверки и прекратить дальнейший осмотр книг⁴. Но делом заинтересовалось Министерство юстиции: вся документация была затребована для изучения на предмет передачи в судебные органы⁵.

Тем не менее усилия Протопопова, конечно, не могли переломить общей ситуации. Как заметил последний царский министр путей сообщения Э.Б.Кригер-Войновский, «государственный организм России начал особенно тяжело болеть уже со второй половины 1916 года, тогда уже словно нарочно всё делалось для возбуждения революции»⁶. Осенью управленческая дезорганизация явно ощущалась и в финансовой сфере. Обычно к вызову какого-либо банкира в кредитную канцелярию всегда относи-

¹ Ревизия московских мануфактур // Коммерческий телеграф. 1916. 19 октября.

² Обыски и аресты в хлопковых фирмах // Коммерческий телеграф. 1916. 28 октября.

³ Хлопковая история (беседа с С.Н.Третьяковым) // Раннее утро. 1916. 21 октября.

⁴ Тревога мануфактуристов // Раннее утро. 1916. 19 октября.

⁵ Коммерческий телеграф. 1916. 2 ноября.

⁶ Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления мысли о революции. М., 1999. С. 89.

лись очень серьёзно: её сотрудников боялись и уважали, но концу 1916 года приглашение туда уже нисколько не пугало, а зачастую игнорировалось¹. Отразилось это и на фондовом отделе Петроградской биржи, куда раньше попасть было крайне сложно из-за строгого отсеивания кандидатов. Теперь же Минфин явно утратил рычаги контроля: на последних перед февралём 1917 года выборах совет пополнился 60 новыми членами, многие из которых раньше и думать не могли о подобном². В такой обстановке купеческая элита заметно осмелела, вынашивая комбинации, о которых ранее и не мечтала. С другой стороны, общая деградация не могла не сказаться на самой питерской банковской группе: здесь начинали чувствовать свою уязвимость, связанную с утратой традиционной опоры и защиты в лице финансово-экономической бюрократии, чему Протопопов заменой быть не мог. Тем более что коллеги министра МВД П.Л. Барк, В.Н. Шаховской, Н.Н. Покровский выступали с резкой критикой последнего, не желая пребывать с ним в составе одного правительства. К примеру, Государственный контролёр, а затем и глава МИД Покровский из-за Протопопова четырежды подавал в отставку, которая не принималась Николаем II, просившим немного потерпеть³.

Теперь хотелось бы остановиться на интереснейшем сюжете финансово-экономической истории, который знаменовал собой последний удар по питерской банковской группе. Этот удар связан с К.И. Ярошинским, который стремительно ворвался на вершину предпринимательского олимпа. Фигура этого вундеркинда всегда вызывала немало споров: историки пытались выяснить причины его небывалого взлёта, когда бизнесмен средней руки замахнулся ни много ни мало на разгром питерской банковской группы. Заметим, что предположения о подставном характере кипучей деятельности Ярошинского высказывались уже давно⁴. К примеру, его удачный коммерческий старт объясняли связями при дворе: родной брат Ярошинского Франц был произведён

¹ Биржа. 1917. № 12. С. 194.

² Выборы в совет фондовой биржи // Биржа за неделю. 1917. № 6. С. 8.

³ Татищев Б.А. Из записок // Архив Дома Русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 2. Оп. 1. Д. 72. Л. 33.

⁴ Гиндин И. Ф. Некоторые итоги в области изучения финансового капитализма в России // Вестник коммунистической академии. 1929. Кн. 33. С. 196.

в камер-юнкеры¹. В доказательство приводится записка Г. Распутина к министру финансов П.Л. Барку с просьбой помочь активному бизнесмену в каком-то коммерческом вопросе². Однако эта версия более чем сомнительна: трудно найти представителя высшей российской бюрократии, которому бы Распутин не адресовал поток всевозможных просьб, и на них уже мало кто обращал внимание³. Бытует также версия о тесной связи Ярошинского с Русско-Азиатским банком. Однако в этом случае получается, что мощный финансовый концерн сам создал себе проблемы, которые ему в скором времени пришлось разрешать.

Но обо всём по порядку. Этот амбициозный киевский предприниматель всегда мечтал проявить себя в сахарном бизнесе и потому приобретал небольшие пакеты акций в рафинадных обществах, расположенных на Украине⁴. Тем не менее с мечтой стать сахарным королём ему пришлось проститься, поскольку в предвоенный период отрасль оказалась под контролем питерских банков. Старым собственникам, которые не выдерживали их натиска, приходилось расставаться с активами. В частности, эта участь постигла и молодого М.И. Терещенко, уступившего доставшиеся ему по наследству заводы тем, кто работал в интересах банкиров⁵; особенно же пострадали средние и мелкие владельцы, с которыми особенно не церемонились⁶. В результате появилось немало недовольных; среди них был и Терещенко, который из приверженца либеральных идей превратился в деятельного оппозиционера, заняв пост заместителя председателя ЦВПК, а также главы Киевского военно-промышленного комитета. Он сближается с московской купеческой группой: его текущие счета находятся в бывшем «Юнкере», преобразившемся под началом Второва в Московский промышленный банк. (Именно оттуда Те-

¹ Фурсенко А.А. Русский Вандербильт // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 183.

² Шемякин И.Н. О некоторых экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции // Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки. М., 1959. С. 60.

³ Допрос И.Ф. Манасевича-Мануйлова // Падение царского режима. М.-Л., 1926. Т. 2. С. 53; Допрос М.М. Андроникова // Там же. Т. 1. С. 400.

⁴ Вонлярлярский М.В. Мои воспоминания. 1852–1939 годы. Берлин, 1939. С. 227.

⁵ Коммерческий дневник // Утро России. 1915. 22 мая.

⁶ Банки и сахарная промышленность // Финансовое обозрение. 1916. № 3. С. 20.

рещенко выделяет денежную помощь молодым музыкальным талантам¹). Его покровительством пользуется Ярошинский, также не испытывавший радости от питерской экспансии, противостоять коей он, разумеется, не мог. Заметим, это покровительство не было эпизодическим и продолжалось и в период Временного правительства: есть свидетельства, что Терещенко даже устраивал своему земляку аудиенции у премьера Керенского².

В 1915–1916 годах году Ярошинский занимался скупкой и продажей паёв ряда сахарных активов, находившихся на периферии питерских интересов. Наиболее крупной из его сделок стала покупка паёв Степановского и Одесского рафинадных заводов у Ю.Т. Гепнера³. Для ведения своих операций Ярошинский заинтересовывается Киевским частным банком. Именно с этого момента начинаются любопытные события, которые теперь будут сопровождать его деятельность. Напомним, что Киевский частный банк фактически принадлежал Азово-Донскому банку: в совете киевской финансовой структуры неизменно заседал А.И. Каменка⁴. Когда в 1913–1914 годах Рубинштейн пытался завладеть этим банковским учреждением, намереваясь присоединить его к Русско-Французскому банку, то на пути встал Азово-Донской банк, который вместе с местными акционерами сумел отстоять актив. В случае же с Ярошинским всё сложилось иначе: Б.А. Каменка не только не препятствовал киевскому предпринимателю, но и всячески помог тому в приобретении. После чего приступил к созданию отделения Азово-Донского банка в том же Киеве, который и не думал покидать. Хотя сделка с Ярошинским не выходила из разряда местных, тем не менее уже она заставляла задуматься, на какие же средства тот смог её осуществить. Никто точно не знал, откуда в распоряжении у молодого предпринимателя оказались необходимые для подобных операций суммы.

Версия о том, что их предоставил какой-либо из крупных питерских банков, не выдерживает критики. В коренных петроград-

¹ Шапорина Л.В. Дневники. Т. 1. М., 2011. С. 65.

² Показания А.Ф. Керенского по делу об убийстве царской семьи // Российский архив. Вып. VIII. М., 1998. С. 245.

³ Крупные сделки с сахарными заводами // Финансовая жизнь. 1916. № 3. С. 54.

⁴ Банки и фондовая биржа (Киевский частный банк) // Финансовое обозрение. 1916. № 11. С. 11.

ских банках ему шли навстречу неохотно; известный шведский банкир У. Ашбер вспоминал, как при упоминании о Ярошинском столичные финансисты «только с презрением пожимали плечами, но в скором времени [сами] попали в угрожающее положение»¹. К тому же следует не забывать: в тот момент Азово-Донской банк находился в весьма натянутых отношениях с Невским проспектом (там располагались офисы крупнейших банков) из-за поддержки товарищества «Бр. Нобель». Вряд ли бы Каменка так спокойно распростился с активом, зная, что последний попадёт в недружественные руки; пример с Рубинштейном — яркое тому подтверждение. Гораздо интереснее для прояснения финансовых возможностей Ярошинского его связи с купеческими банковскими структурами. Судя по всему, немалые средства он сумел почерпнуть именно оттуда. К примеру, известен его договор 1915 года с Московским купеческим банком на получение кредита на 8,5 млн рублей, причём с обязательством не кредитоваться нигде без согласия данного банка. Но потребности Ярошинского стремительно росли, и вскоре он поставил вопрос о выделении ему ещё 14 млн рублей. Так как решение о новом займе затягивалось, Ярошинского освободили от предыдущего обязательства², и он получил кредит под товары в размере 13,5 млн рублей, только теперь уже в Волжско-Камском банке³. Не будем забывать, что оба упомянутых банка были весьма близки к Азово-Донскому, поскольку вместе с ним оказывали поддержку Нобелям в борьбе с питерской банковской элитой.

Завершив приобретение Киевского частного банка, Ярошинский, что называется, не сбавляя темпа, объявляется в столице, где нацеливается на контрольный пакет крупного Русского торгово-промышленного банка. Начинает с того, что пытается проникнуть в его руководящие органы. Видимо, для этого была затеяна покупка у банка актива, далёкого от сферы интересов Ярошинского. Речь о Киевском машиностроительном заво-

---

¹ Ашбер У. Между Западом и Россией. 1914–1924 годы. Из воспоминаний «красного банкира» // Из глубины времен. 1993. № 2. С. 25.

² Шемякин И. Н. О некоторых экономических предпосылках Великой октябрьской социалистической революции. С. 61.

³ Гиндин И. Ф., Шепелев Л. Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской революции // Исторические записки. М., 1966. Т. 68. С. 26.

де, который тот предложил уступить ему. Причём Русский торгово-промышленный банк только в конце 1915 года стал хозяином данного предприятия, купив его у Русско-Азиатского банка¹. И вот уже всего через пять месяцев решает расстаться с ним, поскольку Ярошинский предложил явно завышенную цену². Глава Банка А.В. Коншин быстро даёт добро на продажу, а вместе с ней допускает щедрого покупателя к делам, согласившись на его вхождение в совет банка³. Кстати, там тот оказывается вместе с Д.В. Сироткиным и В.Е. Силкиным — ближайшими партнёрами Рябушинских⁴. Купеческое присутствие в одном из ведущих финансовых учреждений Петрограда не являлось случайным. Рябушинские, так же как и Второв, стремились закрепить в столице. И если тому достался «Юнкер», то их выбор пал на Русский торгово-промышленный банк с развитой филиальной сетью. Летом 1915 года он неожиданно попал в сложную ситуацию: из-за каких-то неудачных махинаций покончил жизнь самоубийством председатель правления В.П. Зуров, занимавший эту должность около двадцати лет; директор-распорядитель И.М. Кон подал в отставку⁵. Рябушинские сочли момент удачным, и близкие к ним волжские купцы Д.В. Сироткин и В.И. Башкиров начали скупать на рынке акции Русского торгово-промышленного банка⁶. Параллельно происходили интенсивные контакты с основными владельцами этого финансового актива: с бывшим управляющим Госбанком А.В. Коншиным и с англичанами во главе с бизнесменом Ч. Криспом (причём последний пакет находился в залоге, им фактически распоряжалась кредитная канцелярия). Поначалу Рябушинским сопутствовал успех: в руководящие органы Русского торгово-промышленного банка вошли Сироткин

---

¹ Протокол заседания правления Русского торгово-промышленного банка. 24 ноября 1915 года // РГИА. Ф. 634. Оп. 1. Д. 115. Л. 71.

² О предложении К.И. Ярошинского купить 15,3 тыс. акций Киевского машиностроительного завода. 3 апреля 1916 года // Там же. Л. 80.

³ Общее собрание акционеров Русского торгово-промышленного банка // Коммерсант. 1917. 21 мая.

⁴ Биржа. 1916. № 11–17. С. 12.

⁵ Записка М.П. Рябушинского... // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 631.

⁶ Скупка акций Торгово-промышленного банка // Коммерческий телеграф. 1916. 16 февраля.

и Силкин¹. Новые акционеры пожелали вести дела без участия каких-либо иных лиц. Но чиновников из Министерства финансов, действовавших от имени Криспа, явно не вдохновляло, что банк окажется в руках Рябушинских и их партнёров. В результате последние, осознав тщетность переговоров, длившихся до конца лета, отказались от своих планов².

Вот их попытки и продолжил Ярошинский: осенью 1916 года он проводит успешные переговоры с Минфином о приобретении пакета англичанина Криспа, находившегося там в залоге. Точнее, переговорами с ведомством занимался по доверенности Ярошинского банкир Г. Лесин, широко известный в финансовых кругах Петрограда. Несомненно, это сыграло положительную роль: то, чего не смогли чуть ранее сделать Рябушинские, осуществил крупный столичный делец. Он же провернул дело с А.В. Коншиным, также владевшим немалым пакетом акций. В результате Русский торгово-промышленный банк оказался в руках Ярошинского³. Интересно, что в Петрограде тогда не совсем понимали, с какой целью затеяна вся эта довольно хлопотная эпопея. Если интерес Лесина, работавшего за приличные комиссионные, был очевиден, то действия Ярошинского расценивали как игру азартного или психически больного человека, страдающего манией величия⁴. Однако после того, как контроль над банком был достигнут, туда в виде вкладов стали поступать денежные средства, причём в таких объёмах, которые удивили многих⁵. В столичных биржевых кругах циркулировали различные слухи. В частности, говорили о заинтересованности Второва, якобы стремившегося объединить Русский торгово-промышленный банк со своим Московским промышленным (этот слух оказался вымыслом)⁶. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов — лоббист петроградских банков — счёл нужным запросить информацию о Ярошинском. Киевское губернское жандармское управление сообщало, что по-

¹ Акционерное дело // Финансовая газета. 1916. 12 мая.

² Записка М.П. Рябушинского... // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 631.

³ Семенов Е. Русские банки за границей и большевики. Париж. 1926. С. 57–58.

⁴ Там же.

⁵ Приток денежных вкладов в Русский торгово-промышленный банк // Финансовая газета. 1916. 10 октября; Биржа. 1916. № 37–38. С. 15.

⁶ Коммерсант. 1917. 23 марта.

следний действительно орудует большими капиталами, но соответствует ли его имущественное положение суммам, которыми он оперирует, «установить не представляется возможным»¹.

Проливает же свет на всю историю один любопытный документ, а именно письмо Н.С. Брасовой к своему супругу вел. кн. Михаилу Александровичу — младшему брату Николая II. Как известно, Брасова была самым тесным образом связана с московской купеческой группой: её отец и его ближайшие родственники работали по юридической линии на клан Рябушинских. В одном из писем к супругу Брасова рассказывала, как её дядя рекламировал финансиста Ярошинского, всячески расписывая его таланты. В свою очередь она убеждала мужа вступить в дело, затеваемое этим уникамом, а именно возглавить некий банк. По её словам, главная цель — создать противовес Д.В. Рубинштейну и ему подобным банкирам, т.е. питерцам. Как она поясняла, Ярошинский желал бы придать усилиям в этом направлении надлежащую окраску, а потому «ищет лицо русское и с большим положением, находя, что великий князь как нельзя более соответствует этим требованиям»². Несложно догадаться, что если бы противовес столичным банкам украсило участие младшего брата Николая II, который как раз из-за своей супруги находился в натянутых отношениях с императорской четой и двором, то это создало бы ситуацию поистине со скандальным оттенком. Но эта заманчивая комбинация не осуществилась: в это время у вел. кн. Михаила Александровича явно наладились отношения с государем (а не с его супругой). Так, Николай II начинает откликаться на кадровые рекомендации младшего брата. Министром юстиции стал Н.А. Добровольский, всегда, даже во время опалы великого князя, поддерживавший с ним самые тесные отношения³. Назначение Лифляндским губернатором получил Н.Н. Лавриновский — сын управляющего имениями Михаила Александро-

¹ Донесение Киевского губернского жандармского управления в Департамент полиции. 9 декабря 1916 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 48. Ч. 32. Л. 97–97об.

² Письмо Н.С. Брасовой к вел. князю Михаилу Александровичу. 9 июля 1916 года // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 79. Л. 53об.

³ Объяснение бывшего управляющего министерством юстиции Н.А. Добровольского, данное им верховной следственной комиссией при Временном правительстве. 12 апреля 1917 года // ГАРФ. Оп. 1. Д. 503. Л. 25–27.

вича¹. Кроме того, Николай II предоставил своему младшему брату право откровенно излагать свои взгляды на текущую ситуацию в стране². Вряд ли тот стал бы обострять с трудом наладившиеся отношения.

Мысль об использовании Ярошинского в качестве тарана для серьёзных финансовых дел, конечно, не оригинальна. Как мы видели, примерно таким образом использовали и Рубинштейна, кромсавшего московский бизнес. Точно так же бросаться в открытую атаку на столичную банковскую группу, реализуя всё собственными руками, было неразумно: питерцы сразу оказали бы резкое сопротивление. Поэтому на горизонте и появляется привлечённый Терещенко Ярошинский, чья коммерческая репутация никак не ассоциировалась с Первопрестольной. Косвенно в пользу версии, что вдохновителями данной комбинации являлись Рябушинские, говорит и резкий спад их текущей деловой активности к февралю 1917 года, когда разгром питерской банковской группы вошёл в решающую фазу. Это, очевидно, требовало предельной концентрации финансовых ресурсов. Потому-то мы не имеем никаких сведений о попытках приобретения Рябушинскими в этот период контрольных пакетов акций коммерческих банков и промышленных предприятий³. Есть и свидетельства того, что Ярошинский учитывал интересы именно купеческого клана. Как только он получил контроль над Русским торгово-промышленным банком, то сахарные активы, принадлежавшие ранее семье Терещенко и находившиеся на балансе этой структу-

---

¹ Харламов Н.П. Записки бюрократа. Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 261. К. 20. Ед. хр. 6. Л. 40.

² Письмо вел. кн. Михаила Александровича к Николаю II. 11 ноября 1916 года // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 156об.

³ Лаврычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917 годы). М., 1963. С. 325–326.

Обстоятельный Лаврычев нашел лишь один эпизод с участием Московского банка в коммерческом проекте за этот период. В середине сентября 1917 года банк совместно с Московским купеческим банком открыл кредит Московско-Казанской железной дороге. Добавим, что в советское время пассивность Рябушинских объяснялась вполне традиционно: предчувствием пролетарской революции. Правда, непонятно, почему у других капиталистов продолжалась акционерная горячка, едва ли только потому, что они не были столь проницательны.

ры, продаются Киевскому коммерческому банку, т.е. выводятся из орбиты петроградского влияния. Русский торгово-промышленный банк «этой сделкой ликвидировал все отношения по участию в консорциуме Тульско-Черкасских заводов¹. Лишь назначение Терещенко в марте 1917 года во Временное правительство отсрочило его вступление в открытое владение вернувшимися активами. Или ещё один пример, когда именно благодаря вмешательству Ярошинского Московский частный банк избавляется от недружественных ему партнёров Рубинштейна (Л.И. Бродского и др.) и полностью оказывается в руках группы купеческих акционеров во главе с Гучковыми².

Получив такую удобную площадку, как Русский торгово-промышленный банк, Ярошинский приступает к реализации главной части задуманного плана — к расколу столичной банковской группы. Как мы уже упоминали, в историографии господствует мнение, что за спиной киевского дельца стоял всё тот же Г. Лесин, а за ним — Русско-Азиатский банк. Однако факты это не подтверждают. Во-первых, как только Лесин помог Ярошинскому заполучить Русский торгово-промышленный банк, у него испортились отношения с питерским банковским сообществом и он приступил к ликвидации дел³. Его давний партнёр С.М. Жорио, сооснователь и директор банкирского дома «Г. Лесин и К^о», умирает от разрыва сердца вскоре после того, как банк перешёл в руки Ярошинского⁴. Во-вторых, если бы заказчиком данного рейдерского проекта выступал Русско-Азиатский банк, то это нарушило бы все взаимосвязи в столичном банковском мире, поставив под вопрос само существование питерской финансовой группы: ведь в качестве мишени были выбраны Русский банк для внешней торговли и Петроградский международный банк. И направление удара было выбра-

¹ Протокол № 9 заседания правления Русского торгово-промышленного банка о продаже Киевскому частному банку паев Тульско-Черкасского товарищества свекло-сахарных и рафинадных заводов. 13 января 1917 года // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. Документы и материалы. Ч. 1. М., 1957. С. 146.

² Борьба вокруг Московского частного банка // Коммерческий телеграф. 1917. 28 января; 1 февраля.

³ Коммерческий телеграф. 1917. 16 сентября.

⁴ С.М. Жорио // Биржа за неделю. 1917. № 7. С. 11.

но не случайно: оно имело идейную подоплёку, а именно ликвидацию немецкого засилья в российской экономике. Из ведущих петроградских банков два названных выше были особенно тесно связаны с немецким капиталом. Русский для внешней торговли банк, основанный при самом деятельном участии Deutsche Bank, всегда считался форпостом германских сил, откуда немецкое влияние распространялось по всей стране. Возглавляли этот питерский банк выходцы из высшей бюрократии: член Государственного совета В.И. Тимирязев и бывший высокопоставленный чиновник Минфина Л.Ф. Давыдов. Однако из пятнадцати членов совета банка только шестеро находились в России, а остальные проживали в Германии¹. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Петроградском международном банке. Его называли проводником немецких интересов, а руководство банка подвергали нещадной критике за расхищение богатств России². Иными словами, в условиях войны с Германией эти финансовые активы представляли собой весьма перспективные объекты для рейдерской атаки.

Ярошинский в начале весны 1917 года начинает плотно заниматься ими. В апреле Русский торгово-промышленный банк создаёт «для поддержки полезных России предприятий и для взаимной помощи в случае уменьшения оборотных средств» два консорциума с целью покупки и последующей продажи 40 тысяч акций Русского для внешней торговли банка и 40 тысяч акций Петроградского международного банка³. Как и в случае с приобретением Русского торгово-промышленного банка, основными операторами по скупке выступили Киевский частный банк, а также группа известных биржевых дельцов во главе с Д.Л. Животовским⁴. Уже к июлю 1917 года подводились первые итоги. Русский для внешней торговли банк находился на грани капитуля-

¹ Русский для внешней торговли банк // Биржа и русская промышленность. 1915. № 35. С. 7.

² Докладная записка о Международном банке // Коммерческий телеграф. 1917. 8 марта; Международный банк и департамент полиции // Коммерческий телеграф. 1917. 28 апреля.

³ Протокол заседания Правления Русского торгово-промышленного банка. 24 апреля 1917 года // РГИА. Ф. 634. Оп. 1. Д. 258. Л. 1–10б.

⁴ Письмо правления Киевского частного банка в правление Русского торгово-промышленного банка. 24 апреля 1917 года // Там же. Д. 257. Л. 2–2об.

ции перед Ярошинским; сопротивление оказывал лишь швейцарский подданный И. Кестлин – одно из значимых лиц в правлении. Упорного иностранца обвиняли в симпатиях к немцам, но никак не могли отправить восвояси. (Интересно, что в то же время начали ходить слухи о скором переводе правления банка из Петрограда в Москву, где подыскивались соответствующие его статусу площади¹.) С Петроградским международным банком дело обострялось сложнее. Его правление во главе с Вышнеградским до войны уверенно держалось за счёт пакетов, принадлежащих германским банкам. С начала войны общие собрания акционеров стали случайными, что вполне устраивало руководящие органы. Но когда началась массированная скупка акций, положение изменилось. Ярошинский был близок к тому, чтобы заполучить контрольный пакет банка и реорганизовать правление, удалив из него Вышнеградского и его сторонников.

Этот вопрос предполагалось решить на чрезвычайном общем собрании акционеров. Правление отбивалось всеми силами, пытаясь перекупить свои же акции там, где это представлялось возможным². Параллельно оно пыталось найти компромисс, предлагая Ярошинскому отказаться от попыток сместить руководство и обещая взамен широкое финансирование его предприятий³. Однако Ярошинский не польстился на это предложение (что, кстати, свидетельствует о его истинных намерениях). На заседании правления Русского торгово-промышленного банка под председательством Ярошинского было решено: по причине того, что «количество купленных акций ещё не образует действительно контрольного пакета... признать целесообразность усиления консорциального пакета акций Петроградского международного банка до размера действительно контрольного»⁴. Обострившийся конфликт разрешился лишь благодаря активному вмешательству Русско-Азиатского банка. Его ключевые акционеры

---

¹ Коммерческий телеграф. 1917. 12 сентября.

² Борьба вокруг Петроградского международного банка // Коммерческий телеграф. 1917. 8 августа.

³ Ган А. Борьба двух финансовых групп (вокруг пакета Петроградского международного банка) // Коммерсант. 1917. 19 октября.

⁴ Протокол заседания правления Русского торгово-промышленного банка. 17 июля 1917 года // РГИА. Ф. 634. Оп. 1. Д. 258. Л. 14.

выступили на стороне Вышнеградского и его правления. В трудную минуту они не оставили своих давних партнёров: Батолин перекупил часть акций, не дав Ярошинскому составить искомое большинство¹. Конечно, это был не просто дружественный акт: летом 1917 года речь фактически шла о развале мощной питерской банковской группы с её устоявшимися многолетними связями. В случае перехода Петроградского международного банка в другие недружественные руки положение остальных становилось крайне уязвимым.

Но этому сценарию не суждено было осуществиться: после корниловских событий дела Ярошинского резко пошли на спад. Ощущая серьёзный денежный дефицит, он обратился к Временному правительству за финансовой помощью. Но теперь купеческий состав кабинета не только отказывает ему, но и возбуждает вопрос о злоупотреблениях в Русском торгово-промышленном банке. В результате от значительного числа акций Русского для внешней торговли банка и Петроградского международного банка Ярошинскому пришлось отказаться². Проект по развалу столичной банковской группы после корниловской эпопеи явно потерял свою актуальность.

---

¹ Коммерсант. 1917. 28 июля.

² Шатающиеся миллионы // Коммерсант. 1917. 25 октября.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последние двадцать лет Российской империи традиционно изучались с точки зрения жёсткого противостояния: прогрессивная общественность — реакционные верхи. Однако в наши дни, когда научный оборот пополнился огромным количеством неисследованных источников, стало ясно: этот подход не выдерживает критики. Даже поверхностное знакомство с выявленными свидетельствами показывает, что чиновничьи верхи эпохи Николая II, занятые в финансово-экономической сфере, претерпевали серьёзные изменения. В сравнении с военным и морским ведомством или МИД здесь наблюдается резкое сокращение представителей аристократии и родовитого дворянства, а доминировать начинают выходцы из интеллигенции, нацеленные на проведение полноценной модернизации. На рубеже XIX–XX веков они заявляют о себе как о самостоятельном субъекте в системе власти. Возникает своеобразный управленческий слой. Именно он наметил оптимальный путь развития, на который готовилась встать царская Россия. В историографии это осталось незамеченным, поскольку основное внимание уделялось либо рекламе кадетов, либо пропаганде патриотических устоев в черносоленном духе.

Что же представляла собой программа просвещённых управленцев? Прежде всего она отвергала западные имитации в либеральном духе, широко практиковавшиеся во времена Александра II. Её опора — консерватизм, но консерватизм иного рода, нежели воспетый славянофильствующими кругами и деятелями типа К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова. Идейным источником для реформаторов из управленческой элиты послужила наиболее популярная в тот период немецкая историческая школа, где получили осмысление вышедшие на первый план социальные аспекты модернизации. Современной (не говоря уже о советской) ли-

тературе попросту неизвестно, какое влияние имело это новоисторическое направление в ту пору. Между тем именно оно воспринималось в России как альтернатива не только либеральному угару 1860–1870-х, но и традиционному славянофильству, очень старавшемуся доказать свою политическую профпригодность.

В данном случае мы имеем дело с идейной проекцией консерватизма, который не провозглашает примат незыблемости и сохранения самобытности, а настроен на перемены, на развитие. Какое именно — не вызывает сомнений: перед российским обществом стояли задачи обретения прав и свобод, трансформации аграрной экономики в индустриальную, создания сильных государственных и общественных институтов. Казалось бы, либералы провозглашали практически то же самое (в противовес национал-патриотам, которым всё это было чуждо). Однако коренное отличие состояло не в целях, а в средствах их достижения. Кадеты собирались обеспечить прогресс по западным рецептам, причём максимально быстро, а значит — жёстко. Все, кто был к этому не готов, объявлялись махровыми реакционерами, идеализирующими патриархальщину. Представители же технократической элиты были уверены, что вживлять западные ценности, игнорируя культурно-ментальные особенности народа, опасно: неизбежные негативные издержки способны надолго дискредитировать любые начинания на этой ниве. Невозможно одним росчерком пера запустить соответствующие институты, нужна постепенная адаптация российского населения к современным формам политико-экономического устройства. К примеру, если предоставить человеку комплекс юридических свобод при отсутствии материальной возможности ими пользоваться, всё сведётся к одной незавидной свободе — умереть с голода.

Именно этот подход отразила первая российская Конституция 1906 года. До наших дней тиражируется миф о решающем вкладе в её подготовку кадетской партии, чья плодотворная деятельность якобы заставила самодержавие реформироваться. На самом же деле разработкой Основного закона занимались лучшие представители управленческой элиты, причём в той среде кадетские профессора не особенно котиrowались (их законодательные изыски находили спрос в основном у публицистов и общественников). Российская Конституция явилась подлинным памятником отечественной юридической мысли.

Сравнительный анализ с западноевропейскими аналогами ставит её в один ряд с лучшими конституционными образцами той эпохи. Эту точку зрения высказал непредвзятый наблюдатель — известный социолог, представитель немецкой исторической школы М. Вебер. Высоко оценивая усилия властей, он в то же время с недоумением отзывался о кадетском творчестве, считая его слабо соотнесённым с российскими реалиями. Любопытно, что позицию немецкого учёного разделил, уже будучи в эмиграции, и один из кадетских лидеров — В.А. Маклаков, к неудовольствию бывших коллег, публично отдавший должное профессионализму царских «реакционеров». Особо подчеркнём: в современных фундаментальных энциклопедиях и справочниках по российской либеральной традиции вообще не упомянуты имена тех, кто создавал первую отечественную Конституцию, зато в изобилии представлены всевозможные депутаты, какие-то общественники и просто невнятные личности.

Сердцевиной экономической части программы технократической бюрократии стал форсированный переход России из полупатриархального, сельского состояния в новое — индустриальное. Вокруг этого шла острая полемика с дворянско-земельной аристократией, справедливо усматривавшей в подобной смене приоритетов серьёзное ослабление своих позиций. (Наглядным доказательством растущего влияния управленцев стал тот факт, что Николай II поддерживал именно её планы.) Не менее острым был и вопрос о том, какие механизмы следует использовать для перевода страны на промышленные рельсы. После того как была выяснена стоимость рывка в капитализм, предпринятого в правление Александра II, преобразования по либеральным предписаниям, мягко говоря, не вызывали энтузиазма. Достаточно сказать, что за строительство железнодорожной сети, направляемой «всемогущей рукой рынка», государство расплачивалось все 1880–1890-е годы (списанные казной частные долги достигли почти 1,5 млрд рублей). Эта гигантская сумма соизмерима с выкупными платежами крестьян за землю, полученную по реформе 1861 года: к началу XX столетия они уплатили примерно столько же!

Что касается быстро расплодившихся банковских учреждений, то поднятая ими спекулятивная волна едва не опрокинула всю финансовую систему России. Её удалось сбить лишь введением мо-

ратория на банковское учредительство в течение 1873–1883 годов. Частная инициатива при отсутствии традиции и элементарных деловых навыков вылилась в банальное казнокрадство и обирание потребителей жаждущими обогащения так называемыми предпринимателями. То есть практические плоды доктрины весьма отличались от тех, что обещала западная либеральная теория.

Модернизация в режиме догоняющего развития на рубеже XIX–XX веков мыслилась уже иначе. Главенствующая роль частного капитала, формирующего экономические институты, минимизация государственного участия в этих процессах — эти идеи оценивались теперь как доктринёрские. На первый план выдвигалась организующая роль государства — в экономике, в привлечении инвестиций, в социальной сфере, в создании гражданского общества, наконец, в повышении качества самой бюрократии. Форматы бизнеса определяло теперь правительство; командные высоты в экономике решено было не отдавать на откуп процветающим (в отличие от Российского государства) олигархическим группировкам.

Причём имелись в виду не только те, кто снял сливки в 1860–1870-х годах, но и именитое купечество, чей потенциал благодаря введённой затем протекционистской таможенной политике заметно увеличился. А вместе с потенциалом выросли и претензии на ведущую роль в экономике, особенно на внутреннем рынке. Сегодня целый ряд историков и околонушной публики усматривают в этой группе капиталистов подлинных устроителей России, которым не дала расправить крылья реакционная бюрократическая клика. Однако знакомство с источниками убеждает: возросшие купеческие запросы не соответствовали её деловому потенциалу. Так, создание новых отраслей промышленности оказалось для купечества неподъёмной задачей. Патриотическая риторика сопровождалась призывами накачать экономику деньгами и ждать созидания.

Это «созидание» причудливо сочеталось с выколачиванием сверхприбылей за счёт государства и людей. А потому в народных капиталистах видели отнюдь не спасителей Отечества, а обычных мошенников. К тому же их бизнес нельзя рассматривать как бизнес в классическом смысле. То, чем на деле занималась купеческая прослойка, лучше всего описывает термин «промысел». Его суть — в кормлении за счёт внутрироссийского рынка, замешан-

ном на пренебрежении к потребителю. Выход из этого положения был возможен через внедрение подлинных бизнес-процессов и высоких стандартов предпринимательства. Эта функция отводилась иностранному капиталу, без технико-производственных знаний которого обойтись было трудно. Его привлечением в 1860-х годах занимался ещё министр финансов Рейтерн, но попытки запустить капитализм «кавалерийскими» методами не увенчались успехом. Требовалось адаптировать Россию к международным финансовым рынкам.

Частью модернизационного курса стал переход денежной системы на золотой рубль, что придало ему необратимый характер. Негласной целью этого перехода было оттеснение сложившейся к тому времени российской олигархии. Во многом она являлась продуктом либеральных экспериментов 1860–1870-х годов и едва ли была способна адекватно реагировать на новые вызовы, относиться к стране как к объекту модернизации, а не расхищения. Назрела потребность запустить преобразования уже под государственным контролем, и сделать это планировалось через широкую банковскую экспансию в отечественную экономику.

На повестку дня встал вопрос о перекройке банковского поля, благо разразившийся кризис 1899–1902 годов, обнаживший плоды олигархического управления, создавал для этого дополнительные возможности. Надо заметить, что для вытеснения собственников из банковской сферы использовался другой механизм, нежели в железнодорожной отрасли, где всё происходило в первую очередь посредством выкупа рельсовой сети казной. Старые концессии постепенно ликвидировались либо заменялись новыми, со значительно изменёнными уставами; крупные, ничем не обоснованные заработки и выплаты бонусов прекращались, так эпоха железнодорожных тузов отходила в область преданий.

В банковской же системе о прямом вхождении государства в акционерный капитал речи не шло. Проводником правительственного влияния становился непосредственно менеджмент банков, рекрутируемый главным образом из представителей министерств, по роду своей деятельности тесно соприкасавшихся с экономической средой. В литературе этот процесс подаётся как выход на первые роли нового поколения предпринимателей, гораздо более тесно связанных с государством и больше опирающихся

на банки. Однако суть здесь не просто в смене декораций, а в перестройке всего здания. Не будет преувеличением сказать, что вышедший прямо из петербургской бюрократии предпринимательский слой не воспроизводил прежние олигархические практики, а трансформировался в правительственных агентов, действуя уже сообразно с государственным, а не узкочастным интересом.

Банковская перенастройка сопровождалась кардинальными изменениями во владении и управлении, которые стартовали на рубеже веков. Новый руководящий состав, сконцентрированный в правлениях, представлял собой уже не нанятый менеджмент. Ориентиром для него изначально являлось правительство, а не олигархические кланы или зарубежные акционеры. То есть правительство, формально не числясь в акционерах питерских банков, превратилось в их фактических хозяев. Отсюда высокий уровень вовлечения государства в текущие дела и операции банков, решающее влияние на персональные назначения, на заключение тех или иных сделок, соглашений и т.д. Всё это можно квалифицировать как своего рода «банковскую революцию», не получившую пока должного осмысления.

Более того, в литературе господствует мнение, будто государство в этот период уходило из экономической жизни, а банки, опираясь на рыночные механизмы, осваивали хозяйственное пространство. Однако знакомство с источниками не только не подкрепляет, а, наоборот, опровергает данный вывод. В этот период влияние правительства на деятельность петербургских банков только усиливалось. (Правда, ничего подобного не наблюдалось в московских банках: они оставались типично олигархическими структурами, где заправляли купеческие тузы, изображавшие из себя лучших сынов родины.)

Петербургские финансовые учреждения были не просто банковскими структурами, но инвестиционными окнами, через которые в страну поступали европейские ресурсы. Собственно, иностранный капитал как раз и привлекался для исправления наследственных купеческих изъянов, для придания импульса конкуренции, что должно было привести к народжению нового предпринимательского слоя. Эти новые бизнес-кадры пестовались в орбите петербургских банков, которые целенаправленно устанавливали контроль над целыми отраслями российской промышленности,

что в советский довоенный период дало повод говорить о подчинённости России западному капиталу в «утончённой форме», т.е. через банки.

Однако реальная цель состояла не в сдаче экономики иностранцам, а в оттеснении купеческих олигархов на вторые роли и дальше. Это привело к резкому усилению оппозиционности купечества, внёсшего большой вклад в расшатывание государства. Управленческая элита не ставила под сомнение частную инициативу в принципе, но хорошо помнила о последствиях её бесконтрольного проявления, едва не подкосившего всю экономику. Поэтому теперь она, вместо того чтобы обслуживать олигархическую публику, вписывает её в свои планы.

Оценить положение дел в тогдашней России помогает сопоставление нашей дореволюционной практики последних двадцати пяти лет не с западными, а с современными китайскими реалиями. Какую роль играет олигархия в Поднебесной сегодня? Да и можно ли говорить о присутствии таковой в условиях китайского общества? Или, может быть, крупные банки и корпорации превратили партийно-государственную верхушку КНР в свою «служанку», если воспользоваться ленинской метафорой? Ответы на эти вопросы очевидны, и их имеет смысл проецировать на завершающий отрезок существования Российской империи. Именно у нас тогда осознали то, к чему позже пришла и китайская бюрократия: догоняющая модернизация в патриархальных экономиках не может начинаться с провозглашения свободного рынка. В отсутствие необходимых традиций и институтов запуск полноценной либеральной модели — это путь к верному краху, что наглядно подтверждает сегодняшняя, постсоветская реальность.

С учётом сказанного невольно ловишь себя на мысли, что речь идёт не о так называемом китайском пути, а о нашем собственном, с которого нас вышибли эксперименты прошлого. В пользу этого соображения говорит и тот факт, что после окончания Первой мировой войны в России намечалось резкое расширение экспорта готовой продукции, поставляемой реконструированной промышленностью. При таком конкурентном преимуществе, как дешевизна рабочей силы, страна вполне могла превратиться в некую «фабрику мира» (что произошло с современным Китаем). Кстати, подготовка к запуску такой экономической модели вызывала

большую озабоченность у союзников по Антанте, что проявилось в ходе Парижской экономической конференции, своего рода мини-Версаля июня 1916 года.

Однако если механизмы экономической жизни Поднебесной можно наблюдать воочию, то с дореволюционной Россией всё обстоит сложнее. Модель, о которой мы говорим, трудно выявить: едва возникнув, она в конце 1915 года она была сломана. Причиной стал общий кризис, в который погружалась империя. Отказ Николая II утвердить правительство, ответственное перед Думой, резко усилил оппозиционный настрой в элитах. В этих условиях управленческая бюрократия как самостоятельный субъект начала размываться. Государственная дума, выступавшая для неё подспорьем в модернизации, вышла (наподобие Дум первого и второго созывов) на самостоятельную траекторию, снова сконцентрировавшись исключительно на политике.

Группа ведущих генералов во главе с начальником штаба российских войск М.В. Алексеевым фактически приняла сторону оппозиции. Именно военные оказали немыслимое ранее давление на питерские банки, проводя обыски и выемки документов. Тогда же была поставлена точка в борьбе государства с товариществом братьев Нобель, за которой пристально следили деловые и политические круги не только России, но и Европы. Победа Нобелей, поддержанных московским купечеством, знаменовала собой реанимацию типично олигархической модели развития. Её приверженцы рвались к власти, что в течение двух десятилетий ограничивало правительство в лице столичной банковской группы. Особенно усердствовали теперь купеческие тузы, в 1860–1870-х годах остававшиеся на вторых ролях. Войдя в образ главных поборников прогресса, они силились устранить со своего пути всё, что препятствует олигархическому разгулу, и превратить государство в «служанку» своих интересов. В феврале 1917 года казалось, что всё у них получилось, но победа была пирровой. Если им что и удалось, так это уничтожить и предать забвению наработки правительственных технократов.

Уроки, которые можно извлечь из этого периода российской истории, таковы. Политической состоятельности невозможно добиться, если замыкаться на охранительстве или угождать «стерильному либерализму». Опирайтесь нужно на консервативное

развитие, исходя из реалий, а не мечтаний, пусть красивых и увлекательных. Наш собственный опыт, извлечённый из забвения, позволит сформировать привлекательную опору для нынешнего реформаторского курса. Даст возможность продемонстрировать, что отсутствие пиетета перед западными стандартами не означает погружения в средневековое мракобесие. **На повестке дня — необходимая историческая легитимация государственного курса. Курса, возвращающего современную Россию в её собственный цивилизационный контекст.** Надеемся, данная книга будет шагом в этом направлении.

НАШИ КНИГИ ОПТОМ

Приглашаем к сотрудничеству владельцев магазинов и предпринимателей в сфере книжной торговли. Мы издаём книги патристической направленности, помогающие найти историческую правду и способствующие нравственному, культурному, умственному и физическому преображению современного человека.

Преимущества работы с нами:

- выверенный ассортимент книг;
- информационная поддержка изданий и партнёров;
- гибкая система скидок;
- различные условия сотрудничества;
- удобная логистика и порядок в расчётах;
- дружественная ценовая политика.

opt@konzeptual.ru

+7 (495) 755-44-13
(добавочный 3)

Подробности
и актуальные цены:
konzeptual.ru/optovikam

*Мы придерживаемся
ценностей,
о которых говорим*

НАШИ МАГАЗИНЫ В МОСКВЕ

м. «Комсомольская»
Комсомольская площадь,
дом 1а, строение 15
Время работы: 10:00–19:00
(ежедневно)

м. «Проспект Мира»,
Олимпийский пр., д. 16, стр. 1,
Книжный Клуб СК «Олимпийский»,
торговая точка № 229 (2 этаж).

Время работы: 9:00–15:00
Понедельник выходной
Воскресенье 10:00–15:00

Пыжиков Александр Владимирович

ВЗЛЁТ НАД ПРОПАСТЬЮ

1890-1917 годы

Подписано в печать: 19.03.2018

Тираж 5000 экз.

Формат 60×90/16

Печать офсетная

Бумага офсетная

Заказ № 8135

Отпечатано в ОАО «Можайский

полиграфический комбинат»,

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93,

www.oaompk.ru,

www.oaompk.ru

тел. 8-495-745-84-28,

8-49638-20-685

Концептуал

СМИ, издательство и интернет-магазин

Распространяем информацию,
которая помогает человеку
сложить адекватную картину мира

концептуал.рф • konzeptual.ru

+7(495)755-44-13 | kontakt@konzeptual.ru

Настоящее издание посвящено последним трём десятилетиям Российской империи. На этом историческом отрезке сконцентрировалось всё: нерешённые вековые проблемы; попытки создать условия для нового индустриального рывка; яростная борьба не желавших сдавать позиции представителей старого мира – олигархов, купцов, паразитической аристократии; алчность и истинные намерения наших союзников по Антанте, для которых Россия – лишь лакомый кусок. Это было время выбора пути, когда медлить – смертельно опасно.

Ощущая сползание страны в экономическую пропасть, Николай II приводит к власти новую управленческую элиту с принципиально иным отношением к государству. Они разрабатывают и начинают претворять поистине великие реформы в важнейших сферах жизни: наконец-то намечен собственный путь развития, достойный великой державы. Кто стоял за прогрессивной модернизацией? Неужели у России был реальный шанс превратиться в настоящую «фабрику мира»? Это было время потрясающего взлёта над экономической пропастью. Подготовка к запуску новой экономической модели вызвала невиданную озабоченность у союзников по Антанте. Потом началась Первая мировая война, а затем и Февральская революция...

Прошло чуть более 100 лет – и перед нами та же острота вызовов и нерешённых проблем российского общества. На повестке дня – необходимая историческая легитимация государственного курса. Курса, возвращающего современную Россию в её собственный цивилизационный контекст. Надеемся, данная книга будет шагом в этом направлении.

Концептуал

